

СЕРГЕЙ БИЛЦОВ

ПАДСЕУ

Сергей Быльцов

Тесей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68791488

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта книга после опубликованного в 2022г. «Геракла» продолжает серию «Боги и герои Древней Греции» и посвящена остальным знаменитым героям- истребителям чудовищ Персею, Беллерофонту, Мелеагру и Тесею. Вторым по известности героем Эллады после безмерно могучего Геракла, был Тесей – обычный человек, но он быстр и ловок, искусен в борьбе, осторожен и вдумчив и потому всегда побеждает могучих разбойников и страшных чудовищ. Завидуя славе Геракла, Тесей всю жизнь пытается хоть в чем-то его превзойти и становится не только истребителем чудовищ, но и царем- реформатором, учредителем государства с центром в Афинах, новых законов и праздников. В личной жизни Тесей не был счастлив, а брак с Федрой, влюбившейся в его сына Ипполита от Амазонки, становится для всех трагедией, которая описана у многих писателей. Афинские граждане за страдания во время войны, вызванной похищением Елены Прекрасной Тесеем, изгоняют его остракизмом, и он, отвергнутый людьми и богами, бесславно погибает, упав со скалы.

Содержание

Введение	16
1. Генеалогическая схема богов	16
2. Древние боги и чудовища	18
3. Олимпийские боги	21
4. Люди	24
5. Полубоги	26
6. Герои	28
Часть I. Персей	32
Происхождение Персея	32
7. Генеалогическая схема 4 знаменитых героев	32
8. Генеалогическое древо Персея	35
9. Акрисий и Прет	37
10. Оракул Акрисию	40
11. Золотой дождь, согревший лоно Данаи	43
12. Акрисий узнает о внуке	46
13. Рокоборство Акрисию	49
14. Диктис спасает Данаю	52
15. Даная отказывается выйти за муж за Полидекта	55
16. Полидект отправляет Персея к Медусе- Горгоне	58
Убийство Медусы-Горгоны	62

17. Грайи Дейно, Пемфредо и Энио	62
18. Горгоны Сфено, Эвриала и Медуса	64
19. Медуса выбирает смертную жизнь красивой	66
20. Посейдон насилует Медусу в храме Афины	70
21. Превращение взгляда Медусы	73
22. Зевс приказывает Афине и Гермесу помочь Персею убить Медусу-Горгону	76
23. Афина дает Персею щит, а Гермес – серповидный меч	80
24. Персей у Грай	83
25. Персей у стигийских нимф	86
26. Персей прибывает в охраняемый Горгонами Пуп земли	89
27. Завороженный красотой Медусы Персей будит Горгон	91
28. Персей, направляемый Афиной, убивает Медусу-Горгону	94
29. Кровь и предсмертный крик Медусы Горгоны	98
30. Борей избавляет Персея от преследования Горгон	100
31. Разные взгляды на убийство Персеем Медусы-Горгоны	103
32. Змеи Ливии [138]	106

Разные подвиги и труды	109
33. Превращение Атланта в атласскую гору [138]	109
34. Персей договаривается с Кефеем об освобождении Андромеды [138]	113
35. Персей освобождает Андромеду [138]	117
36. Морские кораллы и новые небесные звезды	120
37. Свадьба Персея и Андромеды [138]	121
38. Персей наказывает женихов Андромеды [138]	126
39. Смерть Полидекта	131
40. Битва с Дионисом за Аргос	133
41. Гермес прекращает битву Вакха с Персеем	136
42. Афина помещает голову Медусы-Горгоны на эгиду	138
43. Смерть Акрисия	140
44. Персей основывает Микены [143]	143
45. Смерть Персея и его вознесение на звездное небо	145
46. Генеалогическое древо Персеидов	147
Часть II. Тесей [189]	149
Происхождение Тесея	149
47. Генеалогическое древо Тесея	149
48. Родственные связи Тесея и Геракла	152

49. Род Эгея – смертного отца Тесея	155
50. Эгей и его братья Нис, Паллант и Лик	158
51. Кастальский источник в Дельфах	161
52. Эгей получает в Дельфах оракул	164
53. Эгей, подобно Эдипу, решает бороться с Роком	167
54. Медея	169
55. Встреча Медеи с Эгеем в Коринфе	174
56. Медея убивает своих сыновей от Ясона	178
57. Эгей у Питфея	182
58. Питфей направляет дочь на ложе к Эгею	184
59. Эфра в одну ночь сочетается с Эгеем и Посейдоном	187
60. Питфей раскрывает Эгею оракул	190
61. Завет Эгея Эфре	194
Детство и юность	199
62. Детство Тесея	199
63. Бой со шкурой Немейского льва	202
64. Тесей у Хирона	207
65. В Дельфах Тесей посвящает богу первинки волос	210
66. Возмужавший Тесей достает из-под камня меч и сандалии Эгея	213
67. Тесей, выбирает опасный путь в Афины	218
68. Питфей рассказывает внуку о	223

разбойниках на выбранной им дороге	
69. Прощание Тесея с Эфрой	226
Первые подвиги	232
70. Дубинщик Перифет	232
71. Поединок Тесея с Перифетом	236
72. Сосногибатель	240
73. Схватка Тесея с Синидом	244
74. Перигуна	249
75. Кроммионская синья ФЭя	252
76. Схватка Тесея с Фэей	256
77. Скирон	260
78. Встреча Тесея с разбойником	264
Пиласидом	
79. Схватка Тесея со Скироном	267
80. Дамаст	272
81. Встреча Тесея с Дамастом	276
82. Тесей пирует с Прокрустом	280
83. Тесей отрубает Прокрусту голову на его же кровати	284
84. Керкион и Алопа	287
85. Позор Керкиона	291
86. Тесей побеждает Керкиона	295
87. Эринии преследуют Тесея	301
88. Тесей получает оракул	304
89. Фиталиды очищают Тесея от скверны убийств	307

90. Повторное основание Тесеем Истмийских игр	310
91. Особенности Истмиад	314
Тесей в Афинах	317
92. Тесей появляется в Афинах	317
93. Тесей узнает о супружестве Эгея с Медей	320
94. Медея в Афинах становится супругой Эгея	325
95. Медея уговаривает Эгея отравить Тесея	329
96. Встреча Тесея с Эгеем и Медеей	334
97. Эгей узнает сына по гербу на рукоятке меча	337
98. Бегство и дальнейшая судьба Медеи	341
99. Празднование спасения Тесея	345
100. Критский бык, оказавшийся в Марафоне	350
101. Тесей прощается с Эгеем перед битвой с Марафонским быком	354
102. Тесей у Гекалы	356
103. Прощание с Гекалой	359
104. Бычьи игры	362
105. Тесей укрощает Марафонского быка	365
106. Смерть Андрогая	368
107. Тесей расправляется с двумя войсками Паллантидов	373

Плавание на Крит	377
108. Минотавр	377
109. Беседа Миноса с прорицателем	380
110. Дедал	383
111. Лабиринт	386
112. Страшная дань крови [189]	389
113. Хитрость Тесея на жребии [189]	392
114. Тесей отвечает на укоры Эгея	395
115. Тесей посещает Дельфиний	398
116. Разные рассказы о плавании Тесея на Крит	401
117. Тесей на корабле защищает Эрибею	404
118. Тавр и Минос Второй	410
119. Золотой перстень и корона	413
120. Проверка прибывших афинян на чистоту	416
121. Жрица Кносского дворца Ариадна	419
122. Эрот поражает своей стрелой Ариадну	424
123. Тесея запирают в Лабиринте	427
124. Любовь Ариадны	431
125. Клятва Тесея Ариадне	434
126. Неудачное начало боя с Минотавром	438
127. Тесей побеждает чудовище	441
128. Другие рассказы о Минотавре	446
129. Тесей выходит из Лабиринта и освобождает афинскую молодежь	451

130. Тесе́й с Ариа́дной бегут с Крита	455
131. Вакханалия на Наксосе	458
132. Тесе́й покидает Ариа́дну	460
133. Разные мнения о расставании Тесе́я с Ариа́дной	463
134. Горе Ариа́дны [133]	466
135. Дионис и Ариа́дна	469
136. Другие мнения о судьбе Ариа́дны	472
137. Тесе́й на Делосе учреждает игры	475
138. Смерть Эге́я. Эге́йское море	480
139. Учреждение Осхофорий и Тесе́ей	484
Царствование Тесе́я	488
140. Тесе́й убивает последних Паллантидов	488
141. Тесе́й основывает афинский полис	491
142. Синойкизм и Панафинеи	495
143. Отказ от единовластия и выделение сословий	498
144. Встреча Тесе́я с Эдипом [219]	501
145. Распря Тесе́я с Креонтом [219]	505
146. Тесе́й один присутствует при смерти Эдипа [219]	508
147. Тесе́я умоляют о помощи старухи и Адраст [82]	511
148. Эфра просит сына помочь несчастным матерям и вдовам [82]	515
149. Разговор Тесе́я с фиванским	518

герольдом [82]	
150. Битва афинян и фиванцев [82]	521
151. Похороны аргосских героев. Явление Афины	525
152. Дружба и союз с Пирифоем	528
153. Битва кентавров с лапифами	531
154. Ссора Тесея с Менесфеем	535
155. Тесея и Пирифой на Калидонской охоте [138]	537
156. Ссора с Ахелоем [138]	541
157. Тесей захватывает Антиопу	545
158. Солоэнт	548
159. Война с амазонками под стенами Афин	551
160. Смерть Антиопы от стрелы Мольпадии	554
161. Смерть Антиопы на свадьбе Тесея и Федры	557
162. Воспитание Ипполита у Хирона	560
163. Юность Ипполита	563
164. Встреча Тесея с Ипполитом	566
165. Первая законная супруга Федра	570
166. Ипполит не чтит Афродиту [75]	573
167. Афродита замышляет кару Ипполиту [75]	576
168. Эрот поражает Федру стрелой	579

169. Молчаливое страдание Федры	583
170. Кормилица вырывает у Федры признание [75]	586
171. Разговор Федры с Эноной [196]	589
172. Письмо Федры Ипполиту [133]	593
173. Встреча Федры с Ипполитом [196]	596
174. Самоубийство Федры [196]	599
175. Тесей проклинает и изгоняет Ипполита [75]	603
176. Смерть Ипполита [75]	606
177. Артемида обвиняет Тесея [75]	610
178. Жизнь Ипполита с Эгерией и соединение с Арикией	613
179. Тесей помогает Гераклу в посвящении в мистерии	616
180. Тесей и Пирифой из-за Елены едут в Спарту	620
181. Похищение Елены Прекрасной	625
182. Тесей и Пирифой бросают жребий и заключают договор	628
183. Тесей решается с Пирифом похитить Персефону	632
184. Тесей в Аиде	635
185. Менесфей призывает в Афины Диоскуров	639
186. Война афинян с Диоскурами	641

187. Геракл освобождает Тесея	644
Завершение жизни	649
188. Тесей пытается восстановить царские права	649
189. Афиняне изгоняют Тесея остракизмом	652
190. Бесславная смерть на острове Скирос	655
191. Разные мнения о кончине Тесея	658
192. Почитание Тесея афинянами	660
Потомки	665
193. Генеалогическая схема Тесеидов	665
194. Акамант	666
195. Демофонт	668
196. Оксинт, Афидант и Фимет	671
Часть III. Беллерофонт	673
197. Генеалогическое древо Беллерофонта	673
198. Смертные родители Главк и Эвринома	675
199. Красота Гиппоноя и уродство Беллера	679
200. Гиппоной убивает Беллера	681
201. Беллерофонт бежит в Тиринф, где в него влюбляется Антея	685
202. Антея пытается соблазнить Беллерофонта, но получает отказ	688
203. Антея клеветает на Беллерофонта, и Прет отправляет его к Иобату	691
204. Иобат приказывает Беллерофонту убить Химеру	694

205. Знакомство с крылатым братом Пегасом	697
206. Убийство Химеры	701
207. Разные взгляды на Химеру	705
208. Война с солимами, амазонками и ликиянами	709
209. Доблестные ликиянки, пристыдившие Беллерофонта [175]	712
210. Иобат и Беллерофонт договариваются о свадьбе	715
211. Женидьба на Филоное	718
212. Месть Антее	720
213. Низвержение возгордившегося Беллерофонта	723
214. Хромой и слепой Беллерофонт, скитаясь, пропадает бесследно	726
215. Дети и внуки Беллерофонта	729
Часть IV. Мелеагр	731
216. Генеалогическое древо Мелеагра (этолиды и золиды)	731
217. Смертные родители Ойней и Алфея	733
218. Вещание Мойры	736
219. Молодые годы Мелеагра. Плаванье с аргонавтами	741
220. Мелеагр побеждает в копьеборстве на играх по Пелию	744
221. Роковая ошибка Ойнея на	747

жертвоприношении [138]	
222. Вепрь – мститель медвежьей богини [138]	750
223. Участники похода против Калидонского вепря [138]	753
224. Аталанта Аркадская [246]	758
225. Мелеагр влюбляется в Аталанту	762
226. Ойней устраивает пиры для охотников	764
227. Происшествие с Аталантой	768
228. Незримое участие в Калидонской охоте Артемиды [138]	772
229. Калидонская охота [138]	775
230. Ссора из-за головы вепря [138]	780
231. Мелеагр убивает двух братьев матери	782
232. Мать в Алфее тщетно борется с сестрой [138]	785
233. Смерть Мелеагра	790
234. Борьба этолян и куретов [46]	794
235. Потомки Мелеагра	798
Список литературы	801
Античная литература	801
Современная литература	812

Гесиод и Гомер впервые для эллинов установили родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы.

Согласно Ксенофану, всё, что есть у людей бесчестного и позорного, в том числе воровство, прелюбодеяние и обман приписывали богам Гомер и Гесиод.

Чтобы представить генеалогическую взаимосвязь греческих богов и охватить ее единым взглядом, основные боги и родственные связи между ними изображены на одном листе. Такая таблица не может быть однозначной, поскольку сами родословные отдельных богов у разных античных авторов не редко сильно отличаются. Например, отцом бога любви Эроса разные авторы считают: Ареса, Гермеса, Гефеста, Зевса, Зефира, Крона, Орфея, Пороса, Урана, Хаоса, Хроноса и Эреба. Матерью Эроса называют чаще всего Афродиту, но также и Артемиду, Гею, Илифию, Ириду, Нюкту и Пению.

Генеалогическая схема богов не может быть так же исчерпывающе полной поскольку невозможно уместить имена всех известных богов на одном листе.

2. Древние боги и чудовища

Изначально существовал Хаос – мрачный, первоначальный источник всякой жизни в мире и самого мира. После того, как вечный Хаос породил Космос (Миропорядок) появились космические божества: Хронос (время), Ананке (Необходимость), Тюхе (Случайность). Все необходимые законы возникли вместе со Вселенной, и Ананке, являясь воплощением этих законов, строго следит за их соблюдением. На колёнях Ананке вращается веретено, ось которого – мировая ось с полюсами на концах, а ее дочери Мойры, ее наместницы на земле следят за соблюдением богами и людьми Миропорядка.

Три вещих сестры, как и другие космические божества, были бестелесными. Клото, выбравшая для себя облик зрелой красавицы, вытягивает при рождении всякого существа нить его жизни из веретена Ананке и потому ее прозвали Пряхой. Лахесис, принявшая облик стройной старухи с молодыми глазами, прокладывает и ткёт нити в Полотне Судеб и потому ее называют Ткачихой. Лахесис знает и об обстоятельствах, предшествующих рождению смертного и все, что ему предначертано в жизни еще до его появления на свет, т. е. его Долю – жребий. У Мойры Атропос, принявшей облик юной девушки в первом цвету, есть золотые весы для взвешивания жребиев, солнечные часы для точного опреде-

ления момента смерти и алмазные ножницы, с помощью которых она перерезает нити жизни в конце установленного для каждого смертного срока. Неумолимую Атропу смертные прозвали «Неизбежной».

Через установленное жутколикой Ананкой время родилось первое поколение богов: Всепобеждающий Эрос (Притяжение), Гея (Земля), таинственная черная Нюкта (Ночь), мрачный Эреб (Мрак) и бездонный Тартар (Бездна). Гея, которой Мойры предначертано стать всеобщей праmaterью, без отца породила сыновей плодovитого Урана (Небо) и влажного Понта (Море).

Многие боги последующих поколений считались чудовищами. Дети Геи и Понта были Форкий (Буря на море) и Кето (Пучина), породившие крылатых собак Зевса Гарпий, Грай, Горгон, Сирен... Дети Геи и Тартара стали божества, которых тоже называли чудовищами. Самый могучий из когда – либо появившихся на свет существ великан Тифон и под стать ему исполинская змееженщина Ехидна породили двухглавого пса Орфа, трехглавого пса Кербера, Немейского льва с каменной шкурой, Лернейскую гидру с ядовитой желчью, Колхидского дракона, певичку ужасов Сфинкс и огнедышащую Химеру.

Первенцами Геи и Урана стали 3 громадных Киклопа (круглоглазые) и 3 Гекатонхейра, у которых было по 50 голов и по 100 рук. Затем у Геи и Урана родились 6 титанов Океан, Гиперион, Кей, Крий, Иапет, Крон и 6 титанид Тефида,

Тейя, Феба, Мнемосина, Фемида и Рея. Крон и его сестра Рея стали родителями шести прекрасных олимпийских богов, олицетворяющих порядок и гармонию мира.

3. Олимпийские боги

Олимпийские боги играют в античной мифологии центральную, определяющую роль, которая очень велика и в рассказах о жизни и подвигах героев II поколения, называемых истребителями чудовищ.

Дети Крона и Реи Зевс, Посейдон, Аид, Гера, Деметра и Гестия стали особыми богами. Крон, опасаясь, что его ребенок лишит его власти, как он лишил власти своего отца Урана, стал проглатывать всех рождавшихся детей, и лишь последнего новорожденного Зевса Рея сумела спасти, положив на колени мужу камень, завернутый в пеленку, который тот и проглотил. По воле старой лишь обликом Мойры Лахесис Зевс вырос в тайне от Крона и, возмужав, с помощью первой супруги Метиды (Премудрая) заставил отца отрыгнуть двух его братьев и трех сестер.

Братья и сестры Кронида во главе с Зевсом начали борьбу за власть с Кроном и, благодаря поддержке вещей Ткачихи быстро достигли победы. Захватив высочайшую гору Олимп, они там поселились и стали называться олимпийскими богами.

Зевс лишил Крона власти и поделил с братьями мир. Зевсу досталось широкое Небо с многохолмным Олимпом, Посейдону – влажное море и весь подводный мир, Гадесу – мрачное подземное царство, лишенное яркого солнца; земля

же осталась в общем пользовании. Гера стала сначала богиней воздуха, а потом покровительницей браков, охраняющей мать во время родов. Деметра стала богиней плодородия, а Гестия – богиней домашнего очага.

Третьей (после Метиды и Фемиды) и последней супругой владыки Олимпа стала его сестра Гера, которой он стал изменять чуть ли не с первых дней долгожданного для нее брака. Вскоре сонм олимпийцев пополнился детьми Зевса богами четвертого поколения – Гефестом, Афиной и Аресом – от Геры, Артемидой и Аполлоном – от титаниды Лето, Гермесом – от плеяды Майи и Дионисом – от смертной Семелы.

Гефест сначала стал богом огня, которого за высокое искусство прозвали олимпийским художником. Афина стала мудрой богиней справедливой организованной войны, богиней знаний, изобретений, искусств и ремёсел, покровительницей городов и государств. Арес стал богом неистовой и вероломной кровавой войны. Артемида стала богиней охоты и дикой природы, богиней женского целомудрия и детопитательницей. Аполлон стал покровителем изящных искусств, лучшим певцом и кифаредом, вождем и покровителем Муз, предсказателем будущего, целителем и покровителем новых городов и переселенцев. Гермес стал крылатым вестником и красноречивым глашатаем Зевса, богом прибыльной торговли, разумности, ловкости, воровства, богом гимнастики и атлетов; он был покровителем послов, пастухов, путников; покровителем магии, алхимии и астрологии и проводником

душ умерших в гостеприимные дома Аида. Дионис стал богом виноградарства и виноделия, вдохновения и религиозного экстаза.

Четырнадцатой олимпийской богиней стала единственная богиня второго поколения Афродита, которая после долгих блужданий по земле в качестве богини плодородия и по морю – в качестве морской богини, вознеслась на Олимп и стала богиней красоты и любви.

После появления могучих титанов, обживших землю, Гея стала рождать и производить на свет самые разные живые создания: деревья и растения, насекомых, птиц, животных, рыб и людей, разумом подобных богам.

4. Люди

Первые люди были детьми Геи – земли. Они жили, как боги, со спокойной и ясной душою, ни трудов, ни горя не зная ни в чем. И старость печальная к ним приближаться даже не смела. Всегда одинаково сильными были их руки и ноги, и разум. Этот век соблюдавший всегда и правду и верность назван был золотым. Во время титаномахии, когда Олимпийцы сражались за власть и господство в мире с титанами, большинство людей золотого века сгорело в страшных пожарах, вызванных грозными перунами и жгучими молниями Зевса.

Следующее серебряное поколение людей не схожее с золотым ни обличем, ни делом было немного похуже, его сотворили великие боги Олимпа. Титан Прометей по велению Зевса смешал особую землю с водой и вылепил новых людей, а премудрая Афина в них душу вдохнула. Дети близ матери забавами тешились, а возмужав, жили недолго, на беды себя обрекая безмерной гордыней – бессмертным служить они не желали, не приносили и жертв на святых алтарях олимпийцам. И это поколень людей царь богов решил заменить.

Третье поколень людей говорящих создал Кронид, ни в чем с поколеньем несхожее прежним, у них появились мечи и медные копья. Поэтому это поколение и его век было названо медным. Люди полюбили дело кровавого бога Арея и

все вопросы силой решали. Крепче металла был дух их могучий, а сила ужасная рук потом принесла им погибель.

После того как земля медное поколение покрыла, поколение четвертое, создал Кронион справедливее прежних и лучше. Это поколение и его век были названы бронзовыми, поскольку бронза на смену меди пришла.

Последний пятый век был из железа, и в него ворвалось все самое нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность; и на их месте тотчас появились обманы, коварство, козни, насилие и проклятая жажда наживы. Землю заселили железные люди.

И Зевс решает людей железного века погубить под водой. Сын Прометея Девкалион и племянница Пирра стали основателями последнего рода людей после Великого потопа.

5. Полубоги

Когда Зевс узнал, что для окончательной победы над чудовищными Гигантами необходимы новые существа – наполовину боги, наполовину – смертные, т. е. полубоги – дети бессмертных и смертных, он долго от бессильного гнева скрипел зубами и тряс сросшимися бровями и косматой головой. Успокоившись, царь богов смирился с необходимостью, хотя и проворчал себе в бороду:

– Не могу даже представить, как мне и моим милым братьям и сыновьям придется сочетаться сладостной любовью не с богинями, прекрасными ликом и телом, а с хилыми и грязными девами, озабоченными только тем, как наполнить желудок.

Когда же Олимпийский Блистатель сам спустился на землю, чтобы посмотреть на дев, для смерти рожденных, то был приятно изумлен, о чем потом так сказал Посейдону:

– Радуйся брат мой милый! Я увидел там на земле множество чисто умытых плавноступающих дев в первом цвету и немало стройных низкоподпоясанных жен, лица которых фиалковенчанная подательница любви Афродита овеяла прелестью дивной, чудесно возбуждающей бурную мужскую страсть. Этой же ночью я посещу Аргос, славную конями вотчину ревнивицы Геры, уж там, наверное, она не догадается искать мужа, который по воле обликом старой Ткачи-

хи озаботился рождением так необходимых ей полубогов.

Первая смертная женщина с ликом прекрасным и кожей нежной, с которой познакомился Зевс, была Ниоба, дочь аргосского царя Форонея и нимфы Лаодики. Великий бог впервые пылкой любовью смешался с Ниобой и, восстав с брачного ложа, он возвестил изумленно:

– Не напрасно мне показалось будто Ниоба красую всех нежноласковых жен превзошла полногрудых. Безмерно я удивлен, но это было прекрасно! Смертная дева на моем брачном ложе оказалась ничуть не хуже наших блаженных богинь...

Ниоба родила от Зевса Аргоса и Пеласга, которые были по отцу богами, а по матери – смертными, и их называли полубогами. Аргос основал город и дал ему свое имя. Пеласг стал родоначальником пеласгов – древнейших обитателей Греции, сделавшиеся впоследствии эллинами, разделившись на аркадцев, данайцев, ионийцев, дорийцев, ахейцев и других менее известных народов.

С тех пор не только детей, но и потомков богов и смертных женщин или богинь и смертных мужчин стали называть полубогами. От богов полубоги наследовали огромную силу тела и крепость духа, а от людей – неотвратимую причастность смерти.

Полубоги занимали промежуточное положение между бессмертными и смертными, и поэтому они были своеобразными посредниками между богами и людьми.

6. Герои

Некоторые отождествляют полубогов и героев, другие же возводят происхождение слова «герой» к ревнивой Зевса супруге Гере, утверждая, что герой – это тот, кто, как Геракл, доставил славу Гере или же, наоборот, прославившийся сам, благодаря Гере (ее козням). «Гера» и «герой» имеют общее происхождение и по звучанию, и по смыслу: Гера (1. госпожа и 2. охранительница) и герой (1. доблестный муж, предводитель и 2. спаситель, защитник), эти слова и по звучанию, и по смыслу практически совпадают.

Герои, совершавшие великие подвиги не могли быть простыми людьми, все они были полубогами, но все ли полубоги были героями? Некоторые полубоги (обычно дети Ареса, реже Зевса, Посейдона или Аполлона) совершали нечестивые поступки, а иногда и злодейства, и тогда их не называли героями и, как бы забывая о их божественном происхождении, называли их просто по именам, например, Кикн, Эномай или Флегий. Поэтому говорят, что есть герои с хорошими душами, а есть – с дурными.

Вообще говоря, если полубогами считать не только детей, но и потомков бессмертных богов (и не только олимпийцев) и смертных, то практически все люди по происхождению являются полубогами. Однако героев разделяют не только по происхождению, но и по виду деятельности:

1. Богоборцы и Зевсоборцы (Прометей, Тантал, Сисиф, Салмоней, Иксион...)
 2. Истребители чудовищ (Персей, Геракл, Тесей, Беллефон, Мелеагр...)
 3. Воины (Ахиллес, Агамемнон, Менелай, Патрокл, Диомед, Гектор, Эней...)
 4. Скитальцы (Медея, Менелай, Одиссей, Эней, Ясон...)
 5. Обожествленные (Асклепий, Геракл, Дионис, Ино, Меликерт, Пан, Полидевк...)
 6. Прорицатели (Амфиарай, Идмон, Гелен, Кассандра, Калхант, Мопс, Тиресий...)
 7. Мастера (Агамед, Талос, Трофоний, Дедал...)
 8. Охотники (Агрей, Адонис, Аталанта, Кефал, Кипарис, Кирена, Орион...)
 9. Музыканты (Амфион, Арион, Лин, Орфей, Фамирид, Филаммон...)
 10. Победители всеэллинских игр (Иасий, Клеромед, Милон, Никокл, Пейсирод ...)
 11. Эпонимы (Аргос, Аркад, Беот, Дардан, Ион, Коринф, Лакедемон, Эллин...)
 12. Рокоборцы (Акрисий, Алфемен, Катрей, Фиест, Эдип...)
 13. Красавцы (Адонис, Ганимед, Гермафродит, Нарцисс, Хрисипп, Эндимон, ...)
 14. Великаны (Алоады, Антей, Герион, Орион, Титий, ...)
-

Главным качеством героев является доблесть, самоотверженное стремление, во что бы то ни стало победить в схватке, поединке, сражении, всех превзойти в своем деле (воинском, трудовом, спортивном, мусическом...).

Другим главнейшим качеством героев была гордыня и дерзость. Самыми дерзкими были герои первого поколения – Зевсорборцы, некоторые из них, как Салмонея даже издевались над богами. Истребители чудовищ не только истребляли чудовищ божественного происхождения, но некоторые боролись даже с самими олимпийцами. Геракл сражался с Аидом, Аресом, Герой, Посейдоном и Танатосом и боролся с Аполлоном и Зевсом.

Герои не умели жить в обыденной жизни – их необыкновенная сила требовала выхода, а гордыня и дерзость приводила к наказанию и смерти. Зевс собственноручно расправился со всеми полубогами I поколения, боровшимися с ним, и покарал некоторых из героев истребителей чудовищ. Он организовал Троянскую войну, в которой многие герои-воины должны были перебить друг друга и с почетом и славой в Аид низойти.

Для большинства знаменитых героев в Аиде были подготовлены особые места – Элисиум и острова блаженных. Многим погибшим со славой полубогам-героям люди начали поклоняться, почти как местным богам. Хотя жертвы героям приносили не такие, как бессмертным, владеющим небом широким; это были жертвы в честь умерших, состояв-

шие в возлиянии на их могилы меда, вина, масла и молока, причем лицом люди обращались на западную сторону тьмы.

Часть I. Персей

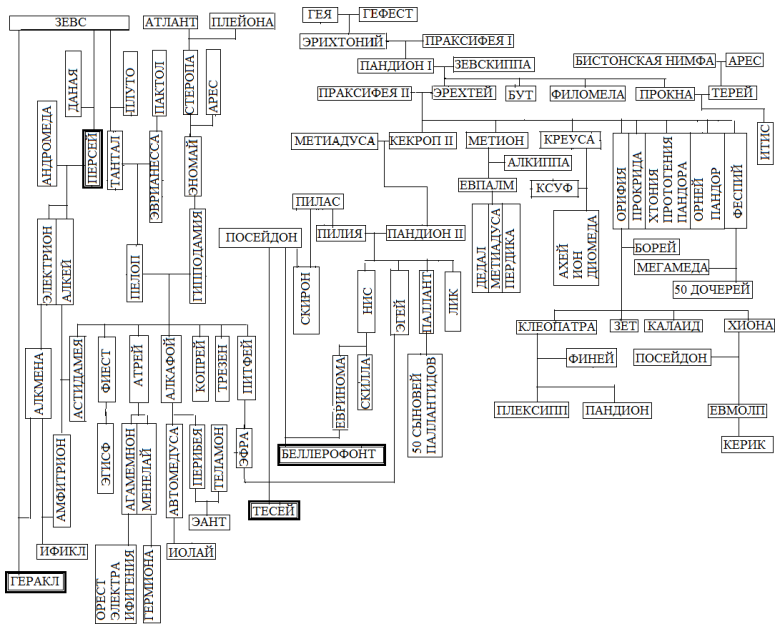
Происхождение Персея

7. Генеалогическая схема 4 знаменитых героев

Все боги генетически связаны друг с другом поскольку, все они произошли от общего для них родителя – первозданного Хаоса. Точно так же и все герои связаны с родившими их богами и друг с другом и потому всех их и богов, и героев принципиально можно было бы показать на одном всеобщем генеалогическом древе, однако это можно было бы сделать, например, на стене храма, вмещающей тысячи имен, а не на листе книжного формата.

На одном листе можно изображать генеалогическое древо одного героя или генеалогические связи между несколькими выбранными героями. Поэтому генеалогические схемы не однозначны, т. е. их можно изображать по-разному. Например, можно изобразить на одном листе происхождение четырех самых знаменитых героев – истребителей чудовищ: Персея, Геракла, Тесея и Беллерофонта, однако при

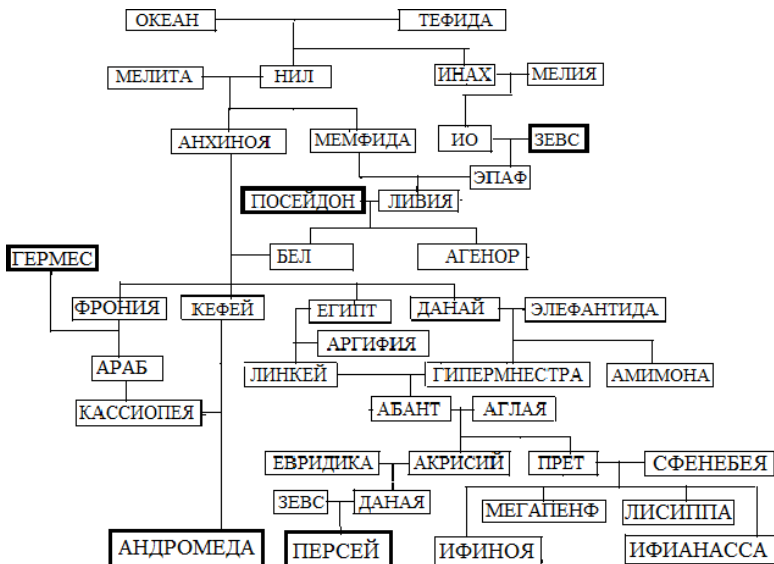
этом чем-то придется пожертвовать. Например, на нижерасположенной схеме за неимением места на листе не удалось изобразить происхождение матери Персея Данаи.

Если убрать правую треть схемы, то слева можно было бы изобразить происхождение Данаи, как это сделано на древе Персея. Если убрать правую треть схемы, то слева можно было бы изобразить происхождение Данаи, как это сделано на изображенном ниже генеалогическом древе Персея.

Кроме того, большую неоднозначность в генеалогические схемы вносит то обстоятельство, что не существует эталонных мифов и потому в разных вариантах одного и того же мифа родителями выбранного бога или героя могут быть разные боги и смертные люди. Например, отцом одного из самых известных божеств – бога любви Эроса разные историки и писатели считают самых разных богов: Ареса, Гермеса, Гефеста, Зевса, Зефира, Крона, Орфея, Пороса, Урана, Хаоса, Хроноса и Эреба. Матерью Эроса называют Артемиду, Афродиту, Гею, Илифию, Ириду, Нюкту и Пению. Из 12 отцов и 7 матерей можно образовать 84 пары, и для схемы обычно выбирают самую распространенную, общепринятую пару. Например, большинство античных авторов считают отцом Эроса бога войны Ареса, а матерью богиню любви и красоты Афродиту.

8. Генеалогическое древо Персея

На этой же схеме есть возможность показать происхождение не только матери Персея Данаи, но и Андромеды – будущей супруги Персея, которая ему родит 6 сыновей и дочь.

Как видно, Персей имеет в своем роду 2 олимпийских богов Посейдона и Зевса, причем, Зевс от Данаи был и отцом Персея, и его предком, сочетавшимся с Ио.

Аргосских царей, к которым принадлежит Персей, и которые правили в мифическую, легендарную и архаическую

эпохи можно расположить в следующую линию:

Инах – Фороней – Апис – Аргос – Пирант – Форбант – Триоп – Иас – Кротоп – Сфенелант – Геланор – Данай – Линкей – Абант – Прет – Акрисиий – Персей.

Согласно хронике Евсевия Кесарийского, родоначальник династии аргосских царей Инах правил в период 1857–1807 до н. э. Персею же трон Аргоса достался в 1313 до н. э., и в этом же году герой добровольно передал власть своему дяде Мегапенфу (Мегапент).

Речной бог Инах в споре Геры и Посейдона за обладание Арголидой отдал предпочтение царице Олимпа. Женившись на сестре Мелие, он стал отцом Фороней, первого человека в Пелопоннесе и дочери Ио, воспринявшей Зевсово семя.

Чернокожий сын Ио Эпаф, правивший всем Египтом, стал отцом Ливии (струистая), родившей от Посейдона Агенора и Бела, родоначальников великих фиванских и аргосских героев.

Сын египетского царя Бела и Ахиной Данай был отцом 50 дочерей от 10 жен. Он получил прорицание, что погибнет от руки зятя. Из страха перед 50 сыновьями своего брата Египта, Данай построил 50-весельный корабль по совету Афины, и спасся бегством на остров Родос, а оттуда в Аргос к царю Геланору. Когда Данай, происходящий от Инаха, заявил о своем праве на аргосский престол, и аргивяне собрались для решения, случилось необычное происшествие. Волк напал на стадо коров, пасшееся недалеко от собрания аргивян,

и на глазах у всех, одолел вожака стада – могучего быка, что было не вероятно. Аргивяне приняли это за знамение богов и решили дело в пользу Даная, сочтя его подобным победоносному волку, а Геланора – подобным пораженному быку. Вскоре туда прибыли сыновья Египта и силой заставили Даная выдать за них своих двоюродных сестер Данаид. По приказанию Даная его 49 дочерей в первую брачную ночь убили своих мужей. Приказ отца нарушила одна Гипермнестра, пощадившая своего мужа Линкея.

После 50-летнего правления Даная власть в Аргосе перешла к его зятю Линкею, который убил тестя, виновного в смерти его 49 милых братьев. После Линкея трон занял его сын от Гипермнестры Абант, который правил 23 года.

Говорят, что Абант получил от Линкея особенный щит. Тогда еще не делали щитов для защиты от ударов различным оружием или от стрел, и щитами часто называли разной формы небольшие медные пластины, которые полировались и использовались в качестве зеркал. Подаренный отцом Абанту щит был не полированным и имел силу укрощать народные мятежи. У Абанта и Аглаи были два сына-близнеца Прет и Акрисий, и даже мать не знала кто из них выпал из ее бедер первым.

9. Акрисий и Прет

Некоторые, как Аполлодор, говорят, что близнецы Прет и

Акрисий начали ссориться еще в материнском чреве. Абант, не знавший кто из братьев родился чуть раньше, из соображений справедливости завещал сыновьям править Аргосом попеременно, что было делом довольно обычным, известны случаи, когда 2 царя, сменяясь, правили по 1 месяцу.

Возмужав, братья продолжали враждовать за право первым занять царский престол. Ведя войну друг с другом, Прет и Акрисий первыми изобрели щиты для защиты от оружия, представлявшие собой большие растянутые куски бычьей кожи в несколько слоев, а наружный слой покрывался медными пластинами.

Одержавший победу Акрисий через год не пожелал расстаться с властью и изгнал брата из Аргоса. Прет отправился в Ликию к царю Иобату, где женился на его дочери Сфенебее, которую Гомер называет Антией. Ликийский царь Иобат, желая угодить зятю, силой пытался утвердить его на аргосском троне. Война не принесла никому решительного успеха и, чтобы прекратить кровопролитие, братьям пришлось разделить царство. Акрисий получил Аргос со всеми пригородами, а Прет – Тиринф, Герей, Мидию и большую часть побережья Арголиды.

Говорят, семь огромных киклопов – каменщиков, которых звали гастерохейры (брюхорукие), пришли вместе с Претом из Ликии и возвели вокруг Тиринфа мощную стену из громадных каменных глыб, похожих на обломки гранитных скал. С тех пор Тиринф стал называться крепкостенным.

Акрисий женился на дочери Лакедемона Эвридике, которая долго не могла родить и, наконец, разрешилась дочерью, которую назвали Данаей, а у Прета от Сфенебеи родились Лисиппа, Ифиноя и Ифианасса. Войдя в пору зрелости, эти девушки, будучи девственницами, впали в безумие, как поет Гесиод, в возмездие за то, что отказались участвовать в бурных дионисийских таинствах. Впав в экстаз, эти девушки стали блуждать по всей Аргосской земле, потом, пройдя через Аркадию и весь Пелопоннес, они беспорядочно носились по пустынным краям страны. Мелампод, сын Амитаона и дочери Абанта Идомены, который был прорицателем и первооткрывателем лечения при помощи трав, очищений и плясок исцелил девушек и получил за это вместе с братом Биантом по трети царства Прета, а также Лисиппу и Ифианассу в жены. Позже у Прета родился сын Мегапенф.

Говорят, Даная обликом была богиням подобна. Волосы у нее были пышные и завивались на концах в локоны, большие, почти как у златотронной Геры глаза с гнутыми ресницами, как у фиалковенчанной Афродиты, кожа нежная и чистая, как у богини юности Гебы, ноги стройные, как у вечной девственницы Артемиды или как у прекраснородыжных красавиц Гомера, который первым упомянул Данаю. Царь обожал свою дочь, но всегда мечтал о сыне, которому он смог бы оставить аргосский трон. Однако время шло, дочь стала девушкой, а наследник мужского пола так и не появлялся. Акрисий, как и большинство греков на его месте, решил об-

ратиться к оракулу, чтобы узнать свое будущее или получить совет, как ему стать отцом сына. Самым знаменитым оракулом Эллады на протяжении многих столетий был прославленный храм Аполлона в Дельфах.

10. Оракул Акрисию

Царские слуги поскакали впереди и к приезду Акрисию успели принести Дельфийскому богу пышную жертву – гекатомбу белоснежных быков и щедрые дары главному жрецу. Прибывший Акрисию прождал несколько дней, когда по знамению жертвы день оказывался благоприятным для его совещания с аполлоновой девой.

Пифия, омывшись в Кастальском источнике, надела золототканную одежду на девственное тело, а на распушенные волосы водрузила венок из пахучего зеленого лавра и спустилась в святая святых – адитон. Там она отпила из источника, пожевала лавр и, усевшись на большой медный треножник, стала вдыхать ядовитые испарения, поднимавшиеся из расщелины, где гнил убитый Аполлоном змей Пифон и только после этого принялась пророчествовать. От лавра и испарений она впала во вдохновенный экстаз и бормотала неясные отрывистые и бессвязные фразы, которые записывали и толковали особые жрецы – профеты храма, происходившие от пяти священных дельфийских родов.

Наконец, бог – прорицатель, устами своей девственной

жрицы изрек волю Зевса, которую, как всегда, огласил жрец-профет:

– Сына тебе Судьба не дает. Продолжателя твоего рода родит твоя дочь, и этот ее сын лишит тебя жизни, но, если ты постараться, то сможешь дожить до глубокой старости.

Как только царь услышал от профета, что его лишит жизни собственный внук, он почувствовал, что земля уходит из-под его ног, в глазах все закружилось, и он упал. И тут словно издалека он услышал, что сможет дожить до глубокой старости. Встав на дрожащие ноги, Акрисий долго выпрашивал у профета, что ему следует сделать, чтобы умереть, как можно позже, но тот в ответ лишь разводил руками.

Вернувшись в Аргос, Акрисий долго не находил себе места, непрестанно думая, можно ли обмануть Судьбу и если – да, то как это сделать. Один из советников, которым он доверял, посоветовал царю убить свою дочь, но Акрисий об этом даже и слушать не хотел, хотя отношение к Данае у него после посещения Дельф явно переменилось. Акрисий, будучи разумным человеком, так разговаривал со своим сердцем:

– Поскольку оракулы, даваемые в дельфийском храме, всегда сбываются, то попытка убийства дочери до родов все равно окажется безуспешной. Дочь, согласно оракулу, внука родит. Я же должен постараться все сделать так, чтобы он меня убил как можно позже, в глубокой старости... Тогда я всю жизнь проживу, и оракул, как ему должно, сбудется. И что же мне следует сделать?.. Важно не впасть мне в гамар-

тию (ошибка), как это сделал печально знаменитый Эдип. Он, узнав прорицание, что убьет отца и женится на матери, стал бороться с Роком и бежал из Коринфа, чтоб не убить Полиба и не жениться на Мeroпе, которых он считал своими родителями. Этот побег как раз и привел его в Фивы, где он убил отца Лая и женился на матери Иокасте... Поэтому примем пока мягкие меры: лишим нашу любимую дочь всякой возможности забеременеть и, чтобы она была под прищотром. Рано или поздно она, конечно, забеременеет, как оракул сказал, но пусть это случится как можно позднее...

Через несколько дней царь приказал построить под землей внутри ограды своего дворца большую комнату со стенами и потолком, вплотную обитыми толстыми медными листами. В эту подземную комнату Акpисий заключил свою юную дочь Данаю, любовь к которой боролась с желанием жить.

Некоторые говорят, что, согласно, рассказам царских слуг и рабов, Акpисий построил богатые подземные покои из камня, меди и бронзы еще для своей беременной жены Эвридики, и ее туда поместил. Там Эвридика и родила Данаю, которую никогда никто, включая самого Акpисия, не видел... Это мнение не кажется обоснованным потому, что оракул предсказал царю, что у него не будет сыновей, и смерть его ожидает от руки внука. Поэтому заключать в подземелье супругу было не зачем.

Итак, аргосский царь Акpисий не желал сидеть, сложа ру-

ки и ждать, когда у дочери Данаи родится сын и убьет его. Он спрятал свою дочь от людей, надеясь, таким образом, если не обмануть Могучую Судьбу, то как можно сильней отсрочить предсказанную насильственную смерть от руки внука.

11. Золотой дождь, согревший лоно Данаи

Зевс, узнавший от некогда не дремлющей Мойры Лахесис, о своей приятной обязанности, попросил бога солнца Гелиоса разузнать все о Данае, которой он должен был подарить ребенка, но солнечный титан его разочаровал. Оказалось, что дева спрятана под землей, куда не проникают лучи солнца. Царь богов был сильно озадачен замысловатыми играми Могучей Судьбы потому, что ему предстояло не понятно, как проникнуть в подземную комнату с медными стенами и возлюбить там девушку. Впервые Громовержец, собираясь взойти на девичье брачное ложе, не знал стоит ли ему радоваться, а вдруг она совсем не красива, ведь молва ошибается часто?

Как всегда, в подобных случаях, Зевса выручил его глашатай, вестник и помощник по всяким тайным делам сын от плеяды Майи неутомимый Гермес, гораздый на выдумки всякие. Пронырливый Зевсов вестник узнал, что Даная очень красива и, успокоив этим отца, посоветовал ему просочится к Данае в облике дождя, чтобы не разрушать стенок

ее крепко запертого жилища. Превратиться в дождь даже самому великому из богов было значительно труднее, чем в животное, например, в быка, но, Зевс сумел стать не просто дождем водяным, а настоящим золотым ливнем.

Говорят, став золотым дождем, Зевс через мельчайшие щели на стыках медных листов в потолке проник в терем могильный и, увидев возлежащую на кровати обнаженную Данаю, ликом и телом бессмертной богине подобную. Он влюбился в нее так, что не удержался и, как был золотым дождем, так и согрел ей девственное лоно своей животворной влагой.

Гораций в одной из Од поет, что башни медной замок, двери дубовые, караульных собак лай, угрожающий для Данаи, могли б верным оплотом быть от ночных обольстителей. Но над стражем ее, робким Акрисием, сам Юпитер-отец вместе с Венерою подшутил: путь найден верный, едва лишь бог превратил себя в золото.

Лишь, согрев животворной влагой лоно Данаи, Зевс принял облик статного юноши с приятным, как у девушки лицом, и такой же тонкой талией. Он с интересом рассмотрел лежавшую перед ним деву. Вся ее красота, не была скрыта ненужной одеждой, Даная предстала перед ним совершенно нагой, и только лишь одну из грудей и лоно стыдливо ее прикрыли ладошки, когда она увидела возникшего неизвестно откуда перед ней юношу, очень красивого с виду. Зевсу показалось, что слегка улыбающийся полуоткрытый рот девы

и томный взгляд ее карих глаз говорили, что она грудь прикрыла и лоно не из стыдливости, а, наоборот, чтобы привлечь его внимание к самым сокровенным частям своего прекрасного тела. Тугую полнота раздвоенных девичьих грудей, округлую упругость начавших приобретать женственность бедер и совершенные полушария ее зада, он увидел, обойдя вокруг ложе, когда Даная перевернулась со спины на бок, как бы давая возможность всю себя рассмотреть. Все это возбудило в Зевсе неистовое желание, и он пылко овладел девой, уже как мужчина.

Желая выполнить предназначение свыше как можно лучше, Зевс наслаждался любовью непрерывно, целую ночь, проведя неразлучно на ложе с Данаей. Он то ласкал ее страстно, то мощно колебал девичье ложе, хотя кормилица, находившаяся рядом, много раз просила неутомимого юношу дать ее питомице хоть немного передохнуть и не сломать кровать односпальную. Этим Олимпиец придал особую силу и храбрость своему будущему ребенку. Лишь перешедшие в действие настойчивые просьбы кормилицы оставить хоть ненадолго в покое Данаю, лишившуюся девства, заставили бога остановиться, когда она своими старческими руками стала хватать его за разные места и тащить его с тела Данаи.

– Знай же, Даная, Кронид был твоим мужем! Не с простым небожителем, ты с самим Олимпийцем спозналась! Так выше главою юница! Страсти большей, чем страсть моя не

найдешь ни среди богов, ни среди смертных!

Данаю охватил сон глубочайший, но Зевсу было все равно слышит она его речь или нет, он просто привык перед расставанием говорить девам подобные слова, а привычка – вторая натура, даже для бессмертных богов. Отец всех бессмертных и смертных, гордый исполненным долгом, опять превратился в золотые капли, которые на глазах кормилицы медленно воспарили к потолку их подземной комнаты и исчезли в щелях между толстыми медными листами. Оказавшись на поверхности земли, Громовержец, оставаясь никому не видимым, принял свой божественный облик и мощно взмыл в высокое небо, светящееся вечно сиянием ясным, где у него был нетленный чертог, возведенный с несравненным искусством его милым сыном Гефестом.

В «Палатинской анталогии» говорится, что Зевс Данаю за золото купил, конечно, это не более, чем поэтическая выдумка, говорящая о щедрости Владыки Олимпа.

Лактанций же в «Божественных установлениях» говорит, что Юпитер не превращался в золотой дождь, а просто обесчестил Данаю, расплатившись золотыми монетами, поэты же придали этой грязной истории словесную красоту.

12. Акрисий узнает о внуке

Через девять круговратных месяцев у Данаи, по-прежнему жившей в подземной медной комнате, родился прекрас-

ный сын, которого она назвала Персеем. Молодая мать вместе с преданной кормилицей тайно от хитроумного отца – рокоборца вскормила его.

В это время непреложная Мойра Лахетис решила, что длительное пребывание под землей может пагубно сказаться на здоровье будущего знаменитого героя Эллады, которому кроме истребления ужасной Медусы-Горгоны и морского чудовища, опустошавшего эфиопское царство Кефея, по ее простирающимся в даль замыслам предстояло еще стать предком Алкмены – матери другого великого сына Зевса Геракла.

Поэтому, когда Персею исполнилось три или четыре года, Акрисий вдруг захотел сам присутствовать при одной из еженедельных передач продуктов под землю для дочери и ее кормилицы. Лишь только ключница – рабыня открыла крышку узкого люка, чтобы на веревке спустить приготовленные припасы, как царь услышал детские крики и смех. Он сразу все понял, и сердце царя в первый миг бессильным наполнилось гневом, а вечно озабоченный взор закралась большая тревога и он сказал сам себе:

– Не я его, а он – коварный Рок, меня обманул и своего предначертанья добился, но и я так просто не сдамся.

Царь, поколебавшись не много, сначала под пыткой допросил кормилицу, бывшую под землей в медной комнате с первого дня вместе с Данаей. Кормилица честно рассказала, что отцом ребенка был юноша лет 16, который проник к ним

через щели между медными листами на потолке в виде капель золотого дождя.

Очень встревоженный Акрисий, слушая показания кормилицы, так невесело думал:

– Конечно, дочь мою совратил юноша, кто же еще? Ведь не старик же какой-нибудь. Но почему она, даже под пыткой, когда ее истязайте плетью, а потом и сдирали кожу, продолжала орать про какой-то золотой дождь, превратившийся в юношу? Конечно, этот юноша давно был знаком с Данаей и, узнав, где она, подкупил кого надо, в том числе и кормилицу. Дождь золотым не бывает, даже, если золото в кузне расплавить, оно быстро затвердеет. Тем более, золотые капли не могут превратиться в юношу. А проник в подземную комнату он, конечно, через люк для еженедельных передач питья и еды.

Поскольку кормилица ничего иного царю не сказала, тот предал ее безжалостно смерти, хоть она когда-то лелеяла и вскормила его самого, а также ключницу, которая давно по детским крикам должна была догадаться, что в подземелье появился младенец и не доложила ему.

Потом очередь дошла и до Данаи. Отец, призвав к алтарю Зевса Оградного строго спросил дочь:

– Сейчас же, Даная, скажи мне полнейшую правду. Только искренность тебя может спасти. От кого ты сына родила? Как имя этого юноши? Только не говори мне про капли золотого дождя, ведь я в сказки не верю!

Карие глаза дочери в ореоле пышных черных ресниц смотрели на отца правдиво и доверчиво, и она честно ответила:

– Отец, раз уж это узнать от меня пожелал ты, то прости, если правда окажется не такой, как ты ожидаешь. Я, лежа на спине, видела, как с потолка капали желтые капли и некоторые из них мне в лоно попали и сладко согрели его. На некоторое время я, как будто забылась. Когда же открыла глаза, то увидела незнакомого юношу, очень красивого. Он возлег на мое ложе и сделал меня женщиной. Отец, поверь, я не сопротивлялась, но от меня ничего не зависело. Потом я долго спала и не помню, как он ушел. Кормилица сказала, что он превратился в золотые капли, которые исчезли в потолке. Мне кажется это был бог, один из тех, что владеют небом широким или даже сам Зевс, из богов наивысший.

13. Рокоборство Акрисия

Акрисий готов был поверить, что к дочери проник какой-нибудь бог, приняв облик крота или маленькой мыши или мухи. В историю дочери об оплодотворяющем золотом дожде царь не поверил. Царь добросовестно вспоминал, что он слышал о превращениях любвеобильного Зевса: он превратился в кукушку, когда впервые овладел юной Герой; принял облик скромного пастуха, когда сошелся с титанидой Мнемосиной, родившей от него 9 Муз; дочь Асопа Ан-

тиопу он любил под косматой личиной сатира; нимфу Каллисто Зевс соблазнил, приняв облик и одеяние своей дочери Артемиды, спутницей которой она была; Влюбленным белоснежным лебедем он в объятья к спартанской Леде с неба спустился, в образе белого мирного быка Зевс Европу похитил и на бычьей спине доставил на Крит. Наконец, Алкменой, родившей могучего Геракла, Зевс овладел в облике ее мужа Амфитриона.

– Во всех своих превращениях Зевс принимал облик какого-нибудь человека или другого живого существа, но никак не дожда, даже золотого. Очень меня тревожит не то, что дочь согрешила, это когда-нибудь, согласно оракулу, должно было случиться. Меня волнует и беспокоит то, что она правду не захотела мне рассказать, чтобы я знал, что мне дальше делать. А если она мне правду сказала, ведь и кормилица под пыткой то же самое рассказала... Убить я дочку и внука никак не могу, рука не поднимется...

Интересно, что имя смертного отца сына Данаи никому не известно и, что многие считали будто Данаю соблазнил Прет.

В сердце вечно озабоченного Акрися на этот раз опять боролась отцовская любовь к дочери и неистребимое желание как можно дольше жить. Победила древнейшая жажда жизни, и он начал встревоженно обсуждать со своим сердцем такие намерения:

– Да и к чему может привести это убийство?! Если я прямо сейчас вытащу меч и убью дочь, а потом внука, то как

Могучая Судьба добьется выполнения своего предначертанья, которое должно сбыться? Внук будет мертв и дочь уже не родит второго... Ох, как неистово бьется сердце! А вдруг это как раз непостижимый Рок и задумал. Как только я на дочь иль внука мечом замахнусь, так тут же и умру от волнения страшного. Или он станет вырываться и убегать, я за ним и споткнувшись, упаду на свой меч. И виновником моей смерти во всех случаях станет внук. Ведь оракулы Феба всегда иносказательны, не напрасно его зовут Локсием. Надо придумать что-то такое, чтобы и Мойра была довольна и чтоб предначертанье ее не скоро сбылось, а тогда, когда Герас ненавистный мной полностью овладеет...

Нерешительный царь опять долго думами мучился, как перед постановлением построить подземную комнату и заключить туда Данаю и, наконец, придумал, что надо сделать. Он приказал изготовить вместительный ящик из просмоленных досок и брусков, наподобие лодки и, посадив в него дочь вместе с внуком, спустить ящик в море и там оставить.

– А там пусть Судьба и о дочери, и о внуке сама позаботится.

Так Акрисий сам себе медленно прошептал трясущимися губами. Людям же царь конелюбивого Аргоса властно объявил, что сам Зевс во сне повелел ему отправить в небольшой лодке без весел и паруса дочь и внука в морское путешествие и для убедительности при слугах собственноручно положил в ящик не только сыр, фрукты и воду, но и несколь-

ко золотых вещей.

Некоторые говорят о том, что нерешительный Акрисий, как раз поверил Данае и потому, убоявшись гнева бога, явившегося к дочери в виде золотого дождя и, не зная, что делать, дочь с ее маленьким сыном заключил в деревянный ящик и бросил в море. Плотник, изготовивший плавучий ящик, потом рассказывал, что очень встревоженный царь приказал ему особо тщательно проконопатить сделанную лодку, чтоб морская вода в нее не могла просочиться и она не утонула бы даже в сильную бурю.

14. Диктис спасает Данаю

Благодаря добросовестному плотнику, ящик был крепкий, и целый день и всю ночь его носило по бурным волнам. Даная и Персей набили себе синяков, но не утонули. Наконец, по воле непреложной Мойры Лахесис, их прибило к небольшому острову в Эгейском море Серифу, который можно было быстрым шагом обойти вокруг за один день. Это был один из 15 Кикладских островов, окружавших знаменитый Делос, позволивший Латоне родить Аполлона и Артемиду и после этого переставшим быть плавучим.

Рано утром ящик нашел на песчаном берегу местный рыбак по имени Диктис, хотя некоторые говорят, что ящик попался в его сети. Курносый островитянин с круглыми добрыми глазами долго тер плешивую голову, медленно обходя

вокруг ящика. Сначала он подумал, что это имущество с корабля, потерпевшего крушение и изумлялся большому размеру ящика, выражая это громкими возгласами и причмокиванием толстых губ. Однако, услышав в ответ на свои возгласы, жалобные рыдания и крики внутри ящика, сбегал за инструментами, осторожно открыл его и увидел в нем испуганных и измученных Данаю и Персея.

– Кто вы такие? Откуда приплыли дорогою влажной в этом напоминающем ковчег ящике, досками сверху забитом, без весел и паруса? Кто и за что тебя дева, вместе с ребенком, в ящик заключил и пустил по морю плавать, доверив ваши жизни волнам и ветру?

Так спрашивал, теребя ногтями лысое темечко, удивленный рыбак с острова Сериф. Измученная необычным плаванием в тесном ящике Даная, немного передохнув, вылезла из него, потом вытащила ребенка и только после этого благодарно сказала спасителю:

– Я очень признательна тебе за наше с сыном спасенье, благочестивый рыбак. Все откровенно я тебе расскажу, что знать ты желаешь. Я Даная, царевна аргосская. После очередного посещения Дельфийского храма мой отец, царь конелюбивого Аргоса, сын Абанта и Аглаи Акрисий посадил меня вместе с кормилицей в подземную комнату, чтобы я, ни с кем, кроме нее не общаясь, не могла забеременеть потому, что аполлонова дева провещала ему, что он примет смерть от руки внука. Однако, я все равно родила там ребенка от про-

сочившегося через потолок золотого дождя, который согрел девственное мое лоно живительной влагой. Когда мой родитель узнал о появлении внука, он заключил меня с сыном в ящик и бросил в море. Целый день и целую ночь нас носили бурные волны пока, наконец, не выбросили на какой-то берег, где ты нас нашел и выпустил из ящика... Теперь ты скажи, куда я попала, кто ты и как тебя звать, спаситель наш благородный?

Большие карие глаза Данаи светились такой искренней благодарностью, что рыбаку стало не ловко, и он, взмахнув несколько раз во время ее речи руками, скромно ответил:

– Все зовут меня Диктис. Здесь на небольшом острове Сериф я с рождения проживаю, ото всех в стороне, у последних пределов вечно шумного моря, и редко кто из людей с материка нас посещает. Я простой рыбак, но брата моего Полидекта уж не первый год здешние люди выбирают правителем острова. Раньше мы с ним вместе рыбу ловили, и потом он на материке ее продавал. Потом Полидект купил большой корабль и чем только не торговал, пока его не избрали царем... Я пока тебе с сыном дам скромный приют в моей хижине, что стоит вон в том саду, а как отдохнете и сами захотите, отведу вас к царю, брату моему Полидекту.

Холостой и бездетный Диктис привел их к себе домой, и стал о них заботиться, как о родных.

15. Даная отказывается выйти за муж за Полидекта

Через некоторое время о загостившихся у Диктиса Данае и ее маленьком сыне узнал его брат Полидект, царь острова Сериф. Даная, выйдя из подземной комнаты, стала еще краше – свет из сияющих кротостью глаз изливался божественный, от расцветшего под солнцем ее юного лица веяло милой красою. Она румян и масел благовонных в кожу свою никогда не втирала, не подкрашивала ни щек, ни губ, ни очей, кудри не перевивала, но и в простом уборе собственных волос она поражала сильнее, блистая природной красотой.

Полидект пленился прелестью милой Данаи и стал уговаривать ее выйти за него замуж:

– Радуйся, женщина, моей любви! Ведь не простой житель острова я, как нашедший тебя брат мой – рыбак Диктис. Я царь, питомец Зевеса, а царствовать, как всем известно, – дело совсем не плохое; скопляются скоро в доме царевом богатства, и сам он в большой чести у народа. Я обещаю усыновить и достойно воспитать твоего сына, как своего.

Даная понимала, как ей трудно будет одной вскармливать и воспитывать маленького сына, но все же решительно отказала царю Серифа:

– Конечно, жить еще могла бы я хорошо и мужа на этом острове или на материке избрать себе достойного. С тобою

царский дом и радости могла б делить, но мне не надо жизни без того, кто золотом дождя согрел меня в подземной комнате со стенами из меди. Родившая от Зевса, скорее стерпит объятья змея, чем прикосновение другого мужа. Нет, Полидект, не допущу я, чтоб кто-нибудь из мужей, смерти причастных, дотрагивался до моего тела и колебал на мне брачное ложе.

Даная все еще помнила прекрасного юношу, лишившего ее девственности, и мечтала только о нем. Она, хоть и не была в этом уверена, сказала, что отец ее мальчика Зевс, чтобы напугать царя острова, и чтобы он не взял ее силой.

Полидект, узнав от Данаи о ее близости с самим Зевсом, не то, чтобы поверил, но не на шутку встревожился. Хитроватый в отличие от брата, с виду такой же добродушный, с широким, чуть вздернутым носом и серыми бегающими глазами, Полидект не знал, что делать и пока отпустил Данаю с Персеем. Он, милостиво предложив им поселиться в пустующем доме, рядом с его просторным жилищем, похожим на небольшой дворец, стены которого были из грубо отесанного седого гранита, а тяжелую кровлю помогали поддерживать 12 черных колонн, бегущих точно по полукругу, в центре которого была огромная медная дверь.

Глядя вслед удаляющимся новым жителям его острова, царь так беседовал со своим милым сердцем, переводя взгляд то на Данаю, то на ее маленького сына, то на бескрайнее синее небо:

– Многие даже честные женщины, родив ребенка без свадьбы и без отца, рассказывают о своих отношениях с богом, которые им приснились. Поэтому они не лгут, а добросовестно заблуждаются, не умея отделить сон от реальности. С другой стороны, появление Данаи на моем острове так необычно... видно по ней, что она из царского рода, отец ее царствует в великом Аргосе, на всю Элладу славном конями... А как она несказанно красива?! Не мудрено, если сам Зевс, из богов величайший, ею пленился. Тогда надо мне быть очень осторожным и опасаться его божественной ревности. Ведь согласно обычаю древнему смертный муж не должен прикасаться к жене, сочетавшейся с богом, тем более против ее воли. Однако этот обычай в последнее время соблюдается у нас больше на словах, чем на деле... Один мой друг на материке горделиво меня уверял, что он радуется щедрым дарам фивалковенчанной Афродиты, с самим Зевсом-Кронидом деля любовь своей распрекрасной жены.

Хитроумный Полидект не торопил события:

– Красавица Даная от меня никуда не денется, ведь чужие корабли на остров заходят очень редко. Если она действительно родила мальчика от Зевса, то это еще и лучше. Больше будет почета тому, кто на ней женится и ребенка усыновит, как это сделал Амфитрион, воспитавший Геракла или Тиндарей, вскормивший Полидевка и Елену, или... таких случаев известно не мало. Надо мне не спешить и попробовать завоевать ее добротой и участием в воспитании сына,

ведь ей надо на что-то жить, хотя на ней золотые украшения и Диктис говорил о каких-то золотых предметах в ящике...

Царь во всем помогал Данае, надеясь, что дружеским, заботливым отношением завоюет ее любовь и ласку, однако мать Персея не торопилась выходить замуж за нелюбимого мужчину, который к тому же ей казался, в отличие от брата, каким-то ненастоящим.

16. Полидект отправляет Персея к Медусе-Горгоне

Пролетели годы незаметно, как птицы в небе высоком, и Персей возмужал, превратившись в защитника и помощника матери. В Полидекте совсем отпала нужда, и царек маленького острова решил, что, если не избавится от сына, то уже никогда не сможет сойтись с Данаей из-за него, ведь мальчишки, особенно лишенные отцов, часто ревнуют матерей.

Действительно, юный герой с нескрываемой ревностью всегда смотрел на Полидекта, особенно, когда тот присылал цветы, венки и яблоки к порогу Данаи. Царь давно подумывал, как избавиться от Персея, но, чтобы при этом Данае не возненавидела его самого. Он даже собирался подстроить какой-нибудь несчастный случай, чтобы юноша погиб. Однажды он хотел столкнуть юношу с высокого обрыва на острые камни, но побоялся, опасаясь пострадать сам потому, что Персей, несмотря на юный возраст был намного сильнее

всех мужей на острове.

В это время вещая Ткачиха, обеспокоенная страшным оружием, которым был взгляд чудовищной Медусы-Горгоны, приняла облик старой кормилицы Полидекта и Диктиса и посоветовала царю сделать вид, что он собирается жениться на Гипподамии, дочери Ойномая, мощного сына Ареса и дочери Атланта Плеяды Стеропы (вспышка, молния). Чтобы не выдавать дочь замуж, Эномай объявил, что зятем станет только тот, кто победит его в скачке на квадригах от Писы до жертвенника Посейдона на Истме Коринфском. Програвший должен был умереть, и таких, кто уже пребывал в Аидовом доме, было немало потому, что у Эномая были отцовские кони, не уступавшие в скорости даже северному ветру Борею.

Выдумка о желании участвовать в опасных скачках была необходима, чтобы Персей перестал думать о царских домогательствах к матери милой и, чтобы отправить его в опасный поход на край света за головой ужасной Медусы-Горгоны, из которого он никогда не вернется.

Полидект собрал самых преданных ему на острове людей и сказал им, что нуждается в помощи – ему нужны самые быстрые кони:

– Мой остров Сериф – всего лишь маленький островок в море бескрайнем, но я все равно не хочу казаться безродным нищим среди богатых женихов с материка и других островов. Я прошу каждого, кто желает нашему острову славы, по-

дарить мне коня, чтобы я мог выбрать четверню самых быстрых. Кто не может подарить мне коня, пусть другой подарит хороший подарок, и я прослаблю наш остров, выиграв скачки у Ойномая и потом Гипподамии сделаю достойный подарок и привезу ее царствовать к нам.

– Увы, у меня нет никакой лошади, нет и денег, нет и других ценностей для подарка. Все, что у нас с матерью ценного было, мы давно продали. Но если ты действительно хочешь жениться на Гипподамии и оставишь в покое мою милую мать, то я готов сделать для тебя любую работу, даже очень трудную и опасную.

Хитрый царь, твердо задумавший горестный путь для Персея, и здесь не стал торопиться. Для начала он рассказал юноше о героях, стяжавших себе вечную славу походами в дальние страны и дерзновенными подвигами. Затем он заговорил об ужасной Медузе-Горгоне, от которой не только люди, но даже и боги страдали, ибо от взгляда ее все превращались в камень.

Персей, не раздумывая, пылко ответил:

– Я давно мечтаю совершить что-нибудь достойное остаться в памяти эллинов, а не только потомков небольшого нашего острова, и готов хоть сейчас сразиться со всеми тремя наводящими ужас Горгонами.

Полидект и не думал, что ему так легко удастся отправить Персея к чудовищу с ужасающим взглядом и, умело скрывая радость, он пожелал Персею удачного похода в страну Горгон

и последующей немеркнущей славы и сам стал делать вид, что готовится к скачкам.

Эрудит и писатель Гигин, прекрасно знавший нравы, царившие в то время в Элладе, говорит, что Полидект, как только увидел, сразу взял Данаю в супруги, а маленького Персея воспитал в храме Афины. Акрисий узнал, что они живут на острове у Полидекта, и отправился потребовать их назад. Он прибыл туда, и Полидект просил за них, а отрок Персей поклялся своему деду Акрисию никогда не убивать его. Когда же Персей возмужал, сама Афина приказала Персею отправиться за головой Медусы-Горгоны, обещав ему свою помощь.

Как бы то ни было, но возмужавший Персей решил во что бы то ни стало найти и обезглавить чудовищную Медусу Горгону.

Убийство Медусы-Горгоны

17. Грайи Дейно, Пемфредо и Энио

Форкис – древний бог бурного седого от пены моря, прозывавшийся, как и некоторые другие морские божества, Морским Стариком, рано женился на своей сестре Кето (морское чудовище) – богине пучины, прозывавшейся иногда и просто Пучиной. Большинство детей Морского чудовища Кето со временем становились тоже чудовищами.

Гесиод поет, что Грай прекраснolanитных от Форкия Кето родила. Прямо седыми они на свет появились. Потому и зовут их Граями боги и люди. Две были одеты в изящные пеплосы, а третья сестра, – в пеплос шафранный. До отроческого возраста их звали просто Форкидами.

Говорят, девочки Форкиды были настоящими красавицами, и родились они не с седыми, а с пепельно – серебристыми, словно морская пена прибоя, пушистыми волосами. На белых лебедей похожи были грациозные прекраснolanитные девы.

Однако юным титанидам Форкидам не повезло родиться во время бушующей Титаномахии. По просьбе Зевса девочек опоила зельем его дочь могучая волшебница и колдунья Геката, а новые боги, обосновавшиеся на многохолмном

Олимпе, прозвали их Грайями – Старухами. И сразу после этого девочки стали быстро стареть и всего через несколько дней превратились по виду в древних страшных старух. Тогда же они получили имена Дейно (дрожь), Пемфредо (тревога) и Энио (воинственная).

Грайи, имевшие по-прежнему лебединый вид, наблюдая теперь свое отражение в воде, лишились на время всяких сил, видя, как легко целые сети глубоких морщин ложатся на прежде нежную кожу, как выцветает нежный румянец лица, и глаза становятся водянистыми. Их временной неподвижностью воспользовался прилетевший с неба коршун Аида (который прилетал к воротам бездонного Тартара за останками сожженной молнией Зевса многоголовой сторожихи Кампы). Он выклевал по очереди всем трем сестрам глаза, и выбил им своим крепким клювом зубы, оставив только один глаз и только один зуб на троих.

Долго состарившиеся сестры – титаниды с одним глазом и одним зубом на троих от неизбывного горя стонали и выли, морщинистые щеки себе царапали, били в тощие отвислые груди и седые волосы рвали. Потом по воле Мойры Лахесис они успокоились и поняли, что все на свете проходит, пройдет и то, что с ними случилось, и стали они жить, обмениваясь одним зубом и одним глазом поочередно и люто возненавидели всех на небе и на земле.

Грайи-старухи озлобились на весь мир и возненавидели и богов, царящих в небе высоком, и их жалкое подобье –

людей, по – хозяйски обживавших хлебодарную землю.

Трагик Эсхил в «Прикованном Прометее» поет, что в полях Кистены, в краю Горгон, древние живут Форкиды, их три, на вид они, как постаревшие лебеди, но с одним общим глазом, и один-единственный на всех у них зуб. Лучами никогда на них не смотрит ясное солнце, серебристый месяц не глядит в ночи на Форкид.

Некоторые говорят, что впоследствии, через много лет после встречи Грей с Персеем, самая хитрая и злобная из Грей Энио сумела обмануть сестер и завладеть зубом и глазом, оставив бедных старух слепыми и беззубыми. Энио, придя в находящийся поблизости сад Гесперид, попросила у сладкоголосых певич золотое яблоко с дерева Геры, и они ей охотно его дали, ведь она была титанидой. Вкусив золото яблока с дерева, подаренного Геей внучке Гере на свадьбу, но выращенного для титанов, Энио превратилась в молодую красивую и чрезвычайно сильную женщину. Познакомившись с богом кровавой войны Аресом, она стала его постоянной спутницей в сраженьях, более неистойвой, чем он и страстной любовницей.

18. Горгоны Сфено, Эвриала и Медуса

Только Гигин в «Мифах» рассказывает, что у Тифона и Ехидны родился грозный Горгон, породивший трех дочерей и давши им свое имя. Однако, это объясняет лишь имя Гор-

гон, но не их вид и происхождение.

Те, кто тоскует по титановой воле, рассказывают, что вскоре после рождения трех Грай, у Форкиса и Кето родилась еще одна тройня дочерей. Эти девочки были похожи на чудесных резвящихся ангелочков, когда на своих золотистых, ослепительно сверкавших на солнце, крыльях, носились они над пенистыми волнами наперегонки с порывистыми морскими ветрами. И прозвали их не как чудовищ: одна из них получила при рождении имя Сфенно (могучая), другая – Эвриала (блуждающая), третья же, что всех краше была и отважнее – Медуса (властительница).

Некоторые говорят, что горгоны – это племя, жившее на краю земли по соседству с атлантами.

Согласно же сообщению Диодора Сицилийского, в Ливии было большое число рас женщин, воинственных и чрезвычайно восхитительных своею мужественной отвагой. Например, традиция говорит нам о расе горгон, в отношении которых, как сообщается, Персей пошел войной. Раса горгон отличалась доблестью; так как, фактически, он был сыном Зевса, самым могущественным греком своего времени, который совершил поход против этих женщин, и это был величайший Труд, который можно принять за доказательство, как превосходства, так и мощи упомянутых женщин.

Мирина, в то время бывшая у амазонок царицей, воевала с горгонами и, одержав над ними блестящую победу, многих взяла в плен. В ночь, когда амазонки пировали, празднуя по-

беду, пленники сумели освободиться и, призвав, уцелевших горгон, стали избивать амазонок. Погибшие амазонки были погребены под тремя курганами.

Возможно, это все так и было, но эти горгоны не имели никакого отношения к чудовищам, в которых превратились дочери Горгона.

Эсхил в «Прикованном Прометее» поет, что по соседству с тремя Грайями – Форкидами, седоволосыми девушками, на белых лебедей похожими, три сестры крылатые жили. Их называли Горгонами, в пышных косах у них, извиваясь, шипели ядовитые змеи, в сердце тоже был яд. Самым же страшным было то, что кто им в глаза только заглянет, в том тут же остынет и станет каменной жизнью!

В чудовищ Горгоны превратились после того, как они стали девушками, и непреложная Мойра Лахесис, согласно своим замыслам творческим, как всегда, безучастно, но твердо предоставила им свободно выбирать между божественной красотой и бессмертием.

19. Медуса выбирает смертную жизнь красивой

Вещая Ткачиха, одетая в ослепительно белые одежды, с ромбической короной на голове, на которой мелодично позванивали алмазные пирамидки – символы вечности, словно из воздуха возникла перед Медусой. Старая лишь с виду

Ткачиха подняла сверкающий тысячами огней жезл из адаманта и равнодушно сказала своими никогда не шевелящимися губами:

– Как и твоим сестрам Медуса, я предоставляю тебе свободно выбрать между красотой и бессмертием.

Старшие сестры Сфенно и Эвриала, недолго думая, выбрали вечную жизнь бессмертных богинь безобразных обликом. Медуса же оправдала свое имя Властительницы и Мойре надменно сказала, глядя на нее вызывающе:

– Все говорят, что ты бесстрастная и справедливая Мойра. Тогда почему ты всем олимпийским богам наткала быть и красивыми, и вечноживущими, а мне с сестрами предоставляешь выбирать или одно, или другое, хотя мы такие же боги, ведь олимпийцы нам братья и сестры, племянницы и племянники. Это не справедливо, а справедливость даже ненавистным мне олимпийцам милее всего. Я не принимаю твои условия и отказываюсь выбирать.

Ничто в мире не может Мойру вывести из себя, и потому она по-прежнему безучастно сказала, глядя на девушку, как будто ее нет, и она говорит не шевелящимися губами сама с собой:

– Ни вечно живущим богам, ни для смерти рожденным людям отворотить невозможно того, что им Мойра на прялке своей изготовит. Ты говорила о справедливости, но справедливость чужда дочерям всемогущей Ананке, мы знаем только необходимость и неизбежность. Сейчас тебе необходимо

сделать выбор, и тебе это сделать придется, а почему – тебе не понять, да это и не надо. Выбирай, если хочешь, а не хочешь – будешь с неизбежностью, как твои сестры чудовищно безобразной жить вечно.

Тогда женственная Медуса срывающимся голосом крикнула:

– Я желаю красивой прожить, пусть даже недолгую жизнь, чем вечно жить с безобразной наружностью.

Словно легкая дымка Мойра Лахесис растворилась в прозрачном воздухе и никому невидимая вознеслась в чистейший горный эфир, где она обитала вместе с сестрами Клото и Атропой на Незримой вершине покрытой льдом олимпийской горы. Однако непочтительное поведение Медусы не осталось без печальных последствий. Ткачиха, не испытывая ни малейшего гнева, все же решила ее наказать, ибо подобная дерзость может привести к нарушению Мирового порядка. И она, нанизав какие-то колечки на нить жизни Медусы, предназначала ей не просто недолгую, но и не счастливую жизнь. Теперь, будучи согласно своему выбору, очень красивой, после смерти Медусы, ее голове Лахесис предназначила возродиться и стать до ужаса не только чудовищно безобразной, но и вечноживущей.

Склонный к сатире Лукиан из Самосаты в «Разговорах богов» говорит, что все три сестры Горгоны были потрясающе красивы: красота же Горгон, как жестокое насилие, поражала душу метким ударом и тотчас же заволаживала, за-

ставляла терять рассудок и безгласными делала тех, кто их видел.

Овидий, блистательный поэт неистощимой фантазии, в «Метаморфозах» поет, что красотой юной блистая, дева Медуса многих женихов завидным упованием стала.

У Медусы были глаза огромные, нос небольшой с чуть заметной горбинкой, маленькие уши, кожа нежная и чистая, как у ребенка, губы розовые, ровные зубы белее только, что выпавшего снега. Фигура изяществом напоминала амфору: короткая, тонкая талия и длинные ноги с в меру выпуклыми бедрами и ягодицами. Особенно хороши были отливающие блестящей медью волосы Медусы, ниспадавшие шелковистым водопадом и завивавшиеся у бедер.

Люди сначала ощущали непонятное томление, быстро переходящее в бешеный восторг от любования неземной красотой Медусы, они просто не могли оторвать от нее глаз. Не только мужчины, но и женщины жаждали наслаждаться непостижимой ее красотой.

Многим казалось, что Медуса – это богиня, сестра фиалковенчанной Афродиты, как и она, олицетворяющая всю красоту мира, хотя некоторые находили глаза Медусы чрезмерно большими, чуть нарушающими гармонию ее лица, другие же именно в ее глазах видели особенную таинственную красоту.

Не завидовали бессмертные сестры красоте своей смертной сестры потому, что титаны не знают зависти, но богини,

поселившиеся на блистательных высях Олимпа, посчитали, что такие волосы и глаза не для титаниды, тем более – ставшей по своей воле смерти подвластной.

20. Посейдон насилует Медусу в храме Афины

Говорят, не успела юная дева Медуса расцвести красотой зрелой женщины, как могучая дочь Зевса Афина с помощью богини высокой судьбы трехликой Гекаты, волшебницы и колдуньи, превратила ее в одно из самых ужасных чудовищ на свете, один взгляд которого всех завораживал и превращал в камень. Огромные глаза Медусы светились злобой жестокостью, а чудесные волосы превратились в мерзко шевелящихся, шипящих змей. Своё имя морская медуза получила из-за сходства ее щупалец с шевелящимися волосами-змеями легендарной Горгоны Медусы.

Нежная девичья кожа на лице Медусы стала крепкой, как сталь блестящей чешуей, разрубить которую мог только алмаз (алмазный или из седого железа) меч серповидный Гермеса, выкованный ему колченогим братом Гефестом. У Медусы выросли громадные медные руки с острыми, как лезвия кинжалов, когтями и такие же острые, загнутые вниз клыки, которые торчали из губ и придавали лицу сходство с саблезубой тигрицей.

За что же мудрая дева Афина так страшно наказала пре-

красноволосую деву Медусу?! – Все говорят – за святотатство. Похотливый дядя Афины царь зыбей Посейдон, преследуя деву, загнал ее в храм и изнасиловал.

Некоторые говорят, что для того, чтобы догнать быстрого титаниду Медусу, царь зыбей превратился в огромную морскую птицу и в этом облике овладел непреступной девицей.

Другие утверждают, что Медуса была самой красивой и юной жрицей в храме Афины, и Посейдон, дождавшись, когда все люди, кроме нее, покинули храм, грубо изнасиловал ее прямо на алтаре, удовлетворив свою ненасытную похоть. Присутствовавшая при этом могучая дочь Зевса, гордая собственным девством, скрыв под эгидой свой целомудренный лик, выпуклые, как у совы, прикрыла глаза и отвернулась брезгливо, чтобы не видеть мерзкого осквернения святыни.

В древние времена, когда господствовал произвол и беззаконие слабые, спасаясь от несправедливого преследования, могли находить защиту только у богов в их храмах, перед которыми даже самый жестокий и сильный злодей испытывал страх. Надеясь на обязанность богов защищать преследуемых, Медуса бежала от Посейдона в храм девственной богини мудрости Афины. В храме Афины Халкиийской в Спарте нельзя было схватить или убить даже самого отъявленного злодея, вина которого доказана. Человек, укрывшийся у алтаря и коснувшийся рукой статуи бога, считался во всей

Греции неприкосновенным.

С другой стороны нарушавших святость убежищ в храмах постигала кара богов и государства за осквернение святыни. Афина мудро решила, что дева, если бы желала не допустить святотатства, могла бы лишиться себя жизни, или же добровольно отдаться богу, не входя в храм и не оскверняя святыню.

Бессмертные сестры Медусы Эвриала и Сфено из сострадания к судьбе любимой сестры сами превратили себя в таких же чудовищ, как и сестра. И этим сестрам новые олимпийские боги дали одно имя, прозвав их Горгонами (Молниеокие, Грозные).

Великий драматург и женоненавистник Еврипид в «Ионе» поет, что боги поставили новых чудовищ охранять Пуп Земли (Центр Мира) – место, где у новорожденного Зевса отпала пуповина, когда Земля была еще молодой и только обживалась первыми жителями – древними богами и титанами.

Многие писатели не разделяют утверждение Еврипида, ибо они уверены, что Омфал (Пуп Земли) находится в Дельфийской целле, в окружении двух золотых орлов. При этом, Омфалом обычно зовется камень, проглоченный Кроном вместо Зевса. После того, как Крон отрыгнул проглоченных детей и камень, завернутый в пленку, то этот камень поместили в Дельфы под самым Парнасом и стали почитать как святыню, обозначающую Центр Земли.

Возможно, Горгоны охраняли камень Омфал потому, что Медуса превращала всех, встретившихся с ней взглядом тоже в камень, точно об этом знает только Мойра Лахесис.

Способность превращать своим взглядом в камень была только у одной Медусы. Некоторые рассказывают, что эта ужасная способность появилась у Медусы совсем не по воле мудрой воительницы Афины, которая, имея множество талантов, никогда среди богов не блистала умением превращать.

21. Превращение взгляда Медусы

Говорят, что эта страшная способность возникла у Медусы от дикой ненависти оскорбленной девственницы и униженной насилием титаниды к олимпийскому богу, привыкшему все брать или хитростью, или чаще – грубой силой. Когда хрупкая девушка лежала, как распятая, на алтаре под могучим телом похотливого олимпийца она не могла под его всеобъемлющей тяжестью даже пошевелиться; она могла лишь смотреть горящими страшным огнем своими огромными глазами и пыталась этим пылающим ненавистью взглядом уничтожить, испепелить ненавистного насильника – бога.

Могучий Посейдон, излив в чистое лоно девы семя, уходил, громогласно гогоча, подобно огромному жирному гусю, и потрясая над распятой девой трезубцем в знак великой по-

беды над ней:

– Уж я-то знаю прекрасно, что насилье всем красавицам мило – то, что сами хотят они дать, нехотя много слаще дадут. Силою деву взяв, всякий увидит, что она рада и что бесчестье она воспринимает как божественный дар. Если ж она, хоть могла претерпеть, сопротивлялась так, что из-под мужчины нетронутой вышла, то под внешне веселым лицом в душе тайную чувствует грусть.

Тут появилась зеленоглазая богиня Случая с роскошными пепельными волосами. Она подошла к бессильно валявшейся обнаженной девице на алтаре и коснулась ее огромных глаз, все еще излучавших лютую ненависть. Тюхе случайно, как умеет только она, в тысячу раз преумножила ненавистную злобу во взгляде, которым поверженная дева провожала насильника, и взгляд этот навсегда приобрел способность всех, кто смотрел ей в глаза, превращать в камень. Так ненависть во взгляде девушки Случайно превратилась в ужасную способность превращать все в камень. Некоторые говорили, что во взгляде Медусы – Горгоны виделось начало и конец мира, другие утверждали, что в этом взгляде ужасном был виден Тартар бездонный и непостижимая разумом вечность.

Мудрая Афина знала об этих слухах, но не раскрывала тайны превращения Медусы в ужасную Горгону, одним взглядом превращающую всех в камень потому, что ей нравилось считаться среди богов и людей не только могучей богиней, но и таинственной волшебницей, подобной колдунье

Кирке или трехликой Гекате, лучше всех владевшей искусством метаморфоз – превращений.

Ватиканский мифограф говорит, что, так как многие добивались горгоны Медузы вследствие ее красоты, она не смогла избежать союза с Нептуном. Поскольку она возлегла с ним в храме Минервы, священном месте, которое она осквернила, богиня превратила ее волосы в змей, чтобы та, которой раньше добивалось множество женихов, своим безобразием обращала в бегство встречаемых.

Другие несогласны с Ватиканским мифографом и говорят, что Медуса приобрела страшную способность превращать в камень тех, кто смотрел ей в глаза после насилия над ней Посейдона, но не потеряла свою красоту, ибо непререкаемая Мойра Лахесис обещала при жизни ей красоту, если она откажется от бессмертия. Страшный же облик со змеями вместо волос и клыками, как у сестер имела не живая Медуса, а ее голова, отрубленная Персеем и возрожденная по воле старой Ткачихи.

Сестры Горгоны укрылись на отдаленном острове, затерянном на крайнем западе у берегов мировой реки Океан, рядом с Грайями-старухами и сладко поющими Гесперидами. И люди вскоре стали рассказывать друг другу страшные истории о жестоких и кровожадных сестрах – Горгонах. Все быстро позабыли о былой красоте Форкид, ставших Горгонами и с нетерпением стали ждать, когда же явится могучий герой, который избавит землю от ужасной Медусы-Горгоны,

под взглядом которой все живое каменеет. И вскоре явился такой герой по имени Персей, рожденный аргосской царевной Данаей от золотого дождя, в облике которого Зевс проник в ее девичье лоно.

Справедливости ради, стоит сказать, что некоторые историю Медусы рассказывают иначе.

Одни говорят, что Медуса потеряла девственность задолго до встречи с Посейдоном. Ее первым мужчиной был только, что разошедшийся с Афродитой пропахнувший дымом Гефест колченогий, и она родила от него ужасного великана-людоеда Какоса, изрыгавшего пламя и его сестру-близняшку Каку, которая помогла Гераклу расправиться с вороватым братом, укравшим у знаменитого героя дивных красной мастью коров Гериона.

22. Зевс приказывает Афине и Гермесу помочь Персею убить Медусу-Горгону

Согласно древнему закону Мойр убить Медусу-Горгону мог только смертный, также как и многих других могучих древних чудовищ. Бессмертные боги, владевшие жилищами на сияющих высях Олимпа, не могли убивать божественных древних чудовищ, поскольку те приходились им кровными родственниками. Родители Горгон и Грай древние титаны Форкис и Кето были богами второго поколения, такими же, как титаны Крон и Рея, породившими половину олимпий-

ских богов. Поэтому Форкиды и Кронида были двоюродными братьями и сестрами. Именно для истребления чудовищ, особенно расплодившихся на земле во время Титаномахии и Гигантомахии было призвано новое особое племя полубогов – героев – детей богов и смертных.

Страшный дар изнасилованной титаниды Медусы, появившийся благодаря непредвиденному вмешательству богини Случая Тюхе, очень беспокоил даже бессметных богов, владеющих небом высоким. После встречи во сне с Мойрой Лахесис, Зевс призвал своих милых детей Гермеса и Афины и с большим раздражением, косматой трясая головой, хмуро им возвестил:

– Дело плохое, дети мои! Даже всемогущая старуха Лахесис обеспокоена появлением необычного дара у титаниды Медусы-Горгоны – превращать в камень всех, кто в глаза ей посмотрит. Это все случайные Тюхе проделки, над которой и сама Ананке не властна. Впрочем, у Ткачихи на все готовое есть решение. Она повелела найти нам героя, который убив Медусу, отрубит ей голову. Эта голова возродится и станет бессмертной и безобразной. При этом она сохранит свою способность ужасную, и я помещу голову Медусы-Горгоны на свою эгиду, страшнее которой во всей вселенной не будет...

Зевс перестал хмуриться и мечтательно помавал кустистыми своими бровями и, погладив подбородок и щеку Афины, голосом потеплевшим продолжил:

– Дочь моя совоокая, что-то ты в последнее время отступилась от храбрых мужей, или тебя герои уж больше не привлекают и не заботят?

Заговорила тогда почтительно совоокая дева Афина:

– О наш родитель Кронид, повелитель, меж всех высочайший! Слышала я, что недавно на острове Сериф герой Персей, твой сын от аргосской царевны Данаи, к которой ты проник в медную комнату в виде золотого дождя, собрался в поход против Медусы-Горгоны. Думаю, что, если мы с Гермесом ему в этом поможем, то, не пройдет и года, как красивая голова Форкиды не только сохранит свою способность обращать всех, кто в глаза ей посмотрит, в камень, но и внешне станет ужасной. Кожа на отрубленной голове покроется чешуей, изо рта вырастут загнутые клыки, а вместо волос зашевелиятся змеи и в таком виде голова Медусы-Горгоны, став бессмертной, навсегда займет свое место в центре твоей и без того страшной эгиды.

– Тритогенея, дитя мое милое! Все правильно ты понимаешь и потому к тебе я вполне благосклонен.

Так промолвил Кронид и иссиня-черными двинул бровями; волны нетленных волос с косматой головы Громовержца на могучие плечи пали его, и Олимп всколебался великий, словно громадные волны морские по нему прокатились. К милому сыну Гермесу Зевс потом с речью такой обратился:

– Более прочих, Гермес, ты привык и всех более любишь приказы мои творчески выполнять. Поэтому я тебя отличаю,

как самого верного исполнителя моих велений! Ты всегда ведь, не только моим быстрым вестником служишь, но и исполнителем всяческих моих поручений. Скользни-ка ты, на ногу крылатую резвый, своим обычным быстрым полетом вниз на землю вместе с сестрой своей Афиной-Палладой. И главное меч свой серповидный из седого железа, которым ты стоглазому Аргу голову отрубил, не забудь. Иди к смертному брату своему герою Персею, которого мне Даная родила и помоги ему ужасную Медусу-Горгону убить тем мечом. Я уверен, мой милый, что ты все исполнишь, как надо, ведь ты в моей семье, поселившейся на нетленном Олимпе, самый исполнительный и хитроумный.

Неутомимый Гермес златожезлый и мудрая Афина без промедления ринулись отцовский приказ исполнять. Военственная Паллада, оттолкнувшись мощно копьем, словно яркая полуночная звезда, через которую сын хитроумного Крона знамения морякам посылает, ринулась из выси лазурной на остров Сериф. А вслед за ней на своих крылатых талариях, словно быстрая птица, устремился и вездесущий вестник Зевса Гермес, Аргоубийца, прозванный так после убийства стоглазого Аргуса серповидным мечом, чтоб освободить Ио, превращенную в белую телку.

23. Афина дает Персею щит, а Гермес – серповидный меч

Могучая дочь Владыки Олимпа явилась Персею во всем своем блеске, потрясая огромным копьем и перьями блестящего ярко коринфского шлема, она провещала крылатые речи:

– Радуйся, герой, рожденный Данаей от Зевса! Пред тобой сама могучая Афина – помощница почитающих богов храбрых мужей. Ты Персей, во время похода на Медусу-Горгону никакого не испытывай страха. Чувствуешь, что в грудь тебе я вдохнула отеческий дух сей бесстрашный. Вот тебе и щит полированный медный, блеском подобный звезде той осенней, которая в небе всех светозарнее блещет, омывшись в прозрачных волнах Океана седого. Хорошенько запомни: ты не должен смотреть в глаза ужасной Горгоне, ты будешь видеть ее отражение в этом щите полированном медном, изготовленным по моей просьбе братом моим искусником Хромоногим.

Светлоокая дочь Громовержца рассказала Персею, как найти трех ужасных сестер Горгон и трех старых обликом Грай, обладавших заплечным мешком, в который следовало положить отрубленную голову Медусы, чтоб ее взор из особенного этого мешка никому не был бы страшен.

Тут же явился быстрокрылый возвеститель воли Зевеса

с мечом серповидным, которым когда-то Крон отсек отцу своему первому не коронованному властителю богов Урану член детородный. Этим же мечом из седого железа Гермес убил сторожа, превращенной в белую телицу возлюбленной Зевса Ио, стоглавого великана Аргуса и гордо стал после этого называться Аргоубийцей.

– Будет тебе, сын Данай от дождя золотого зачатый, этот меч серповидный из седого железа самым надежным оружием. Им ты легко разрубишь шею самой ужасной из трех сестер – смертной Горгоны, которая в отличие от бессмертных сестер пока еще очень красива. Но ты не вздумай ее красотой любоваться и тем более в глаза ей смотреть. Как только голову Медусы отрубишь, скорее ее засунь в мешок, ибо она, отделившись от тела, начнет превращаться в голову чудовища со змеями вместо волос.

Так говоря, зевсов Глашатай отдал Персею меч свой особенный с лезвием серповидным из седого железа, облученный в черные ножны и в медную перевязь вдетый. Потом Гермес показал ему на свои быстрые ноги, на которых были с рождения его золотые подошвы, амвросиальные, всюду его с дуновением ветра и над землей беспредельной носившие и над водою.

– Подобные сандалии с крыльями помогут тебе улететь от двух бессмертных сестер Медусы, таких же Горгон, как она. Эвриала и Сфено не обладают даром ужасным Медусы превращать всех в камень, кто в глаза ей посмотрит, но, как ти-

таниды, они очень сильны и могут своими длинными медными когтями и загнутыми клыками человека разрезать или разорвать, подобно тому, как могучий орел когтями и клювом зайца разрывает на части. Крылатые сандалии тебе дадут стигийские нимфы, дорогу к ним ты узнаешь у седоволосых девушек Грай, похитив у них единственный глаз на троих и такой же зуб.

Павсаний рассказывает о барельефе на спартанском акрополе, где изображены нимфы, дающие Персею, собирающемуся в Ливию для борьбы с Медусой, подарки: шапочку и крылатые сандалии, при помощи которых он будет перенесен по воздуху... Под «шапочкой» подразумевается шлем-невидимка Аида.

Эратосфен в «Кастеризмах» и Гигин в «Астрономии» говорят, что Персей получил от Гермеса шлем-невидимку и сандалии, в которых мог совершать путешествия по воздуху. От Гефеста Персей принял серп из адаманта.

Нонн Панополитанский поет, что Персей владел Аида шапкой, мечом Паллады и плесницами бога Гермеса...

Некоторые рассказывают, что то ли Афина, то ли Гермес еще дали Персею шлем-невидимку Аида, который ему выковали древние киклопы за то, что Гадес пропустил их через свою страну, когда они поднимались из Тартара на землю для участия в последней решающей битве Титаномахии на стороне Зевса. Будто бы благодаря только аидовой шапке герой, оставаясь невидимым, смог улететь от бессмертных

Горгон, двух могчих сестер смертной Медусы.

Другие же утверждают, что Незримый не дал своей шапки Афине, слишком много помогавшей всяким героям, чтобы избегнуть его гостеприимного дома. Да и что это был бы за подвиг – с разрубающим даже камень серповидным мечом, в амвросиальных подошвах, быстрее ветра несущих над землей и водою, да еще и в аидовой шапке, владельца которой не увидит и Медуса-Горгона, а, значит, и в камень не обратит?!

Светлоокая дочь Громовержца между тем еще рассказала Персею, как найти сестер Горгон и Грай, обладающих особым заплечным мешком.

24. Персей у Грай

Трагический поэт Эсхил рассказывает в несохранившихся «Форкидах», что Грайи были стражницами Горгон. Считают, что на всех у них был только один глаз и что они, поочередно обмениваясь им, несли стражу.

Укрылись сестры Горгоны где-то у берегов Ливии на отдаленном острове, затерянном на крайнем западе у берегов мировой реки Океан, рядом с Грайями девушками-старухами и Гесперидами, поющими сладко, словно Сирены. Люди давно рассказывали страшные истории о жестоких и кровожадных сестрах – Горгонах, и Персей, несмотря на храбрость, которую ему в грудь вдохнула Афина, чувствовал волнение и тревогу.

Мудрая Афина попросила бога сновидений Гипноса опрыскать Грай маковым настоем из своего рога, и опустить им на очи свои мягкие темные крылья. Крылатый старец в чёрной одежде с тусклыми серебряными звёздочками, с короной из алых цветов мака явился из пещеры в Киммерийской земле, туда не попадают лучи солнца, где облака и туманы в смешенье, испаряет земля и смутные сумерки вечно. Не открывая вечно прикрытых век, Гипнос опрыскал Грай особой настойкой из мака, смешанной с соком можжевельника. И сразу запах несказанный зелья чудесного распространился вокруг, и те сразу заснули.

Поэтому Персей застал состарившихся сестер крепко спящими у порога их убогой хижины на берегу мировой реки, омывающей Ойкумену, прозванной седым Океаном. Жили они в Горгонской равнине в Ливийском Кисфене, не озаряемые ни ярким Гелия светом, ни Селены серебряным оком. Запах настойки и можжевельника давно исчез, но Грайи должны были лежать бездыханным в продолжение целого дня на разостланном Гипносом ложе из лепестков алого мака. И сон терзал их непрерывно, пока медленный день протечет, и только тогда болезнь прекращается эта. И хоть сон девушек седовласых был тяжелый и злой, их морщинистые лица порой счастливой освещались улыбкой, ведь во сне они, как в детстве видели все краски мира, а наяву их очи были в крошечной тьме после того, как коршун Аида выклевал им глаза.

Герой быстро завладел единственным глазом и единственным зубом Грай, взяв их у двух спящих старух и стал ждать вечера, когда они сами проснутся, ибо разбудить раньше времени их было не возможно.

Гераклиту-аллегористу представляется, однако, вероятным, что три старые ослепшие женщины пользовались в пути одним поводырем зрячим, но тоже немощным. Поэтому Тесей легко скрутил поводыря Грай и потребовал от них заплечный мешок.

Когда несчастные Грайи проснулись они чуть с ума не сошли от невыносимого горя, когда не нашли ни глаза (поводыря), ни зуба, которые давали им жить всем троим. Могучий Персей совсем без страха появился перед тремя слепыми и беззубыми старухами и грозно потребовал у них указать кратчайшую дорогу к нимфам стигийским и заплечный мешок в обмен на их зуб и глаз.

Некоторые говорят, что, по рассказам самого Персея, сначала Грайи злобно попытались по звуку голоса схватить его своими костлявыми морщинистыми руками, но герой резво сумел уклониться и пригрозил, что уйдет навсегда вместе с их единственным глазом и зубом.

Тогда воинственная Энио яростно закричала сестрам:
– Милые сестры! Горе явилось нежданное нам! Давайте сами спасаться! Пусть Персей идет хоть к нимфам стигийским, хоть к нашим младшим сестрам Горгонам. Они лучше нас сами о себе позаботятся. И мешок наш заплечный

нужен нам меньше глаза и зуба. Не будем противиться Могучей Судьбе, ведь и у олимпийцев нет сил со старухой Лахесис бороться!

Дейно и Пемфедо нехотя согласились со своей неистойвой сестрой и отдали Персею округлую заплечную сумку, сделанную из серебра листового с бахромой золотой и яркими вниз ниспадающими кистями тоже золотыми. В эту сумку можно было поместить все, что угодно, независимо от размера. Живое существо в этой сумке было, как в запертой наглухо серебряной клетке, в которую не проникали ни громкие звуки, ни яркие света лучи. Грайи так же указали Персею дорогу к стигийским нимфам.

25. Персей у стигийских нимф

Прибыв к нимфам стигийским, Персей увидел двух юных девушек – невест, такой вид имели все нимфы, но было и отличие. Стигийские нимфы были очень смуглы, у них были черные волосы, заплетенные в длинные косы, черные глаза, темные губы и светящиеся ослепительно белые зубы.

– О, богини прекрасные в косах искусно сплетенных, дивные, мне свою милость явите! Нимфы бессмертные, блистающие юной прелестью своих нежных тел! Как прекрасны ваши вьющиеся волосы, заплетенные в пышные косы, как стройны юные ваши тела. Внемлите, не отвергните моей просьбы. Я Персей, сын аргосской царевны Данаи от про-

лившегося в ее лоно золотого дождя. Судьба выткала мне просить у вас на короткое время крылатые подошвы, чтоб на них всюду носиться с дуновением ветра и над землей беспредельной и над зыбкой водою.

Это были нимфы – спутницы трехликой подземной богини Гекаты и прозывались они Левка (белый тополь) и Минта (мята). Когда – то, еще до появления в царстве мертвых Кору и превращения ее после свадьбы в Персефону, не по своей воле они стали любовницами страдавшего от одиночества Аида. Ревнивая Персефона превратила Левку в белый тополь и посадила ее на берегу реки памяти Мнемосины, чтобы все помнили о ее ревнивом могуществе. Персефону не зря многие называют безжалостной и жестокой. Когда она узнала о другой давней любовнице Аида – наяде Минте, она бросила деву на блеклые асфодели и буквально растоптала ее ногами, превратив в душистую мяту. С тех пор девушки стали спутницами подземной Гекаты, богини высокой судьбы. Владыка царства безмолвных теней, когда Персефона покидает его на теплые полгода, берет Минту и Левку у девы перекрестков трехликой и скрашивает с ними свое мужское одиночество.

Многие люди не любили и боялись стигийских нимф, как боятся всего, что связано с мрачным подземным миром Аида. Зная отношение людей к себе, нимфы обычно морочили и манили смертных, являясь их взорам в бесчисленном множестве видов, то они были вполне различимы, а то за-

темнялись мраком, то возникали с одной стороны, то с другой, среди таинственной черной ночи.

Некоторые же из-за высокомерия, как будто повредившись умом, изрекали враждебные и глупые слова по отношению к нимфам, что род их – не от Зевса, что они вообще не богини, а низшие существа. Попадались и такие, что хвастались или даже нагло насмеялись над нимфами, а ведь среди них были и настоящие нимфы-богини: Оры, Музы, Хариты, Океаниды, Нереиды, Плеяды, Гелиады... Таких нечестивцев нимфы часто карали сурово, а подчас и жестоко.

Стигийским нимфам очень понравилась почтительная речь Персея и они благожелательно ему молвили:

– Мы давно знаем о твоём появлении сын Данаи от Зевса. Знаем и то, что по непререкаемой воле Мойры Лахесис должны тебе дать подошвы крылатые. Но, если бы ты был не почтителен с нами, то так просто плесницы мы тебе не отдали б, ведь и нам жуткокожая Ананка предоставила свободу выбора. Мы тебя не задержим, но и ты отдай эти подошвы Гермесу сразу после того, как от Горгон на них улетишь, ведь мы тебе их не дарим, а лишь на время одалживаем.

Персей взял у нимф подошвы крылатые, наподобие тех, которые у Гермеса были с рождения и с которыми он, даже при желании, не мог бы расстаться, ибо они на его ногах были как части его тела, как пальцы у обычного человека.

Некоторое время юному герою понадобилось, чтобы освоить полет на крылатых подошвах. Труднее всего было сохра-

нять равновесие и регулировать скорость. Полет сильно напоминал бег, в верх лететь было трудно так же, как бежать в гору, зато вниз полет не составлял никакого труда, как спуск под гору. При резких остановках и поворотах Персей падал, но не ушибался, ведь он падал не на твердой земле, а в воздухе. Вскоре герой чувствовал себя в воздухе, словно птица, рожденная для полета, и поспешил в край Горгон.

26. Персей прибывает в охраняемый Горгонами Пуп земли

За Океаном великим и славным, в обители мрачной на самом краю безлюдной земли обитали бессмертные чудовищные Горгоны Сфенно, Эвриала и знакомая с мучительным горем смертная красавица Медуса, с которой на алтаре соприкасался могучий Земледержец, царь подводного мира. Там у Тартеса птицы своим пеньем и криком не предвещают зарю, там нет ни собак, ни животных других, гробовую тишину нарушавших. Там нет ни скотины домашней, ни диких зверей, и живых людей там не встретишь. Зловещий мрак там царит безраздельно. Это край земли безотрадный, где нет ни трав и цветов, ни плодов, ни деревьев, лишь каменные глыбы вперемешку со льдом и покрытые снегом скалы вокруг. Холод коснеющий здесь обитает и Ужас угрюмый.

Смертной по собственному выбору Медуса была, но бессмертны, бесстаростны были обе другие Горгоны. У двух се-

стер были громадные медные руки с острыми и крепкими, как лезвия кинжалов, когтями и такие же острые были у них клыки, а тела их покрывали пластины чешуи как у громадных драконов. Медуса же, согласно своему выбору, представленному ей Мойрой Лахесис, очень красивой была, хотя те немногие, кто ее сбоку (не встречаясь глазами) видел, говорят, что красота ее жуткой была.

Олимпийские боги, то ли желая избавиться от бессмертных Горгон, то ли для охраны, поставили новых чудовищ охранять Пуп Земли (Центр Мира) – место, где у новорожденного Зевса отпала пуповина, когда Земля была еще молодой. Была у сестер там пещера, глубоко под заросшей седыми мхами гранитной скалою.

Туда и прибыл Персей, руководимый мудрой Афиной. Горгоны, как и сестры их Грайи, одурманенные маковой настоеккой Гипноса, крепко спали под сводом высоким мрачной пещеры. Герой, конечно, без всякой аидовой шапки-невидимки, с кривым мечом из седого железа в дрожащей руке тихо подлетал к проходу, защищенному громадной глыбой скалистой. Вокруг дома Горгон, везде на мрачной равнине и на заросших кустарниками дорогах он в сердце с беспросветной тоской видел лишь подобья людей и животных, тех самых, что обратились в камень, едва встретившись глазами с взором ужасным Медусы – Горгоны. Скорость, сбавив, больше герой смотреть вокруг не хотел, но привыкал он к щиту, что дала мудрая Афина-Паллада. Труд-

но с непривычки было ориентироваться по отражению в полированной глади щита.

И тут, зачарованно глядя в медь щита полированную, ему мысленно представилось женской головы в ней отражение, с глазами закрытыми в ореоле шевелящихся змей. Чувство невыносимого липкого страха и омерзения вызывал вид зловеще копошащихся змей.

Сердце Персея сжалось и закололо, словно в него вонзилась игла, когда он подумал, что будет, если Медуса-Горгона вдруг проснется и устремит на него свой ужасающий взор, враждебный всему живому. Герой помотал головой и тихо стал шептать сам себе, подлетая неслышно к жилищу Горгоны:

– В камень превращается не то, на что чудовище обращает свой взгляд, ведь тогда все живое на земле превратилось бы в камень, на что Медуса посмотрит. Каменеют лишь те живые существа, что встречаются с ней взглядом, те, кто замороженно смотрит ей прямо в глаза. Поэтому главное для меня не то, чтобы не разбудить Медусу-Горгону, а не посмотреть ей в прямо глаза, если она проснется и устремит свой взор на меня.

27. Завороженный красотой Медусы Персей будит Горгон

Над мрачными скалами, поросшими страшным лесом, в

котором каменные изваянья людей и самых разных животных стояли, Персей пролетел и осторожно опустился у дома Горгон, похожего на пещеру под высокой скалой. Возле железной двери не росли в изобилии травы. На мерзлой, каменной земле дом убогий стоял. Вокруг не было даже скудных трав и чахлых кустарников – лишь нескончаемые камни и седой лед, а в далеке островерхие скалы, покрытые серыми снегами и льдами.

Персей осторожно взялся за ржавую железную ручку двери, беззвучно шевеля побелевшими от страха губами:

– Только бы эта дверь громкий скрип не издавала б, на давно не смазанных проржавевших петлях вращаясь. Хорошо, что хоть сторожа никакого нет у порога, а то бы поднял он тревогу и ужасных сестер разбудил бы. Как бы я с ними сражался с троими, если глядеть мне можно только в щит этот медный...

Войдя в огромное помещение, освещенное тремя факелами, Персей увидел под ними три освещенных каменных ложа, напоминавших по форме кровати, на которых были распростерты на спинах три женщины в сонном томлении.

Две Горгоны были очень похожи своим ужасающим видом. Их седые волосы были взъерошены, в глазницы покрытые веками глаза провалились, страшные лица были без единой кровинки, как и тела покрыты крупной чешуей, как у драконов. Покоились на тощих грудях костлявые руки с когтями огромными, словно кинжалы, такие же изо рта торча-

ли клыки. По бокам у двух страшных Горгон торчали сложенные кожистые крылья, как у больших летучих мышей. Эти сестры были ликом и телом ужасны, кровавы, грозны, но сестра их была не такой.

На центральной кровати Персей в меди щита увидел отражение красивой обнаженной женщины, тоже спящей на спине. Юноше вдруг нестерпимо захотелось увидеть Медузу не в щите, и он не удержался и на несколько мгновений посмотрел на лежавшую перед ним женщину. Красота женщины поражала и как-то странно, неудержимо притягивала к себе. Обнаженное смуглое тело с высокой округлой грудью и стройными бедрами было исполнено непередаваемой словами женской прелести, но что-то в нем было такое, что вызывало совсем не любовное чувство. Лицо дышало какой-то неземной, но и не божественной, а какой-то иной – таинственно – грозной красотой, которую могла передать лишь гармония вечного космоса. Как замороженный Персей шёл к Медусе с высоко поднятым серповидным мечом, но он, ошеломленный космической красотой смертной Горгоны, забыл зачем поднял меч.

Персей еще не научился хорошо ни летать, ни ходить на крылатых подошвах. Поэтому, когда он был уже совсем близко от Медусы, которая даже сонная заморозила его ужасной своей красотой, он, волнуясь, нечаянно, но сильно задел, как ударил, щитом спящую рядом ее далеко прыгающую сестру Эвриалу. Чудовище с громким визгом на кожи-

стых крыльях взвилось к самому потолку пещеры и разбудило сестер. Прыгунья, еще не вполне проснувшись, недоуменно уставилась на героя, не понимая кто это такой и как он в пещере их оказался, или он ей только снится.

Персей быстро перевел взгляд в щит и увидел в нем отражение: Медуса-Властительница открыла свои прекрасные властные очи. Она осознавала власть своей красоты и потому всегда приказывала всем смотреть только на нее, в ее глаза. Ее лицо сияло зловещей красотой, на которую нестерпимо хотелось смотреть и смотреть, даже, понимая, что этого нельзя делать. В ее не мигающих огромных глазах виделись одновременно и все безобразие, и вся прекрасная гармония мира.

Сын Зевса и Данаи понимал, что он тут же превратится в камень, если только взглянет в эти манящие, притягивающие к себе магические глаза, но противиться могучему желанию было не в его силах, это не смог бы даже бог, насельник Олимпа.

28. Персей, направляемый Афиной, убивает Медусу-Горгону

Не известно, что было бы дальше. Скорее всего, юный герой взглянул бы в глаза красавицы Медусы и превратился бы в камень. Если же Персей не посмотрел бы в глаза смертной Горгоне, то проснувшиеся две чудовищных ее сестры –

могучие титаниды растерзали бы его своими когтями-кинжалами или разорвали бы такими же острыми и крепкими клыками.

Однако по воле вещей Ткачихи мудрая Афина, стоявшая на облаке, опираясь на свое копьё, все время наблюдала за юным героем. Она видела, что Персей, хоть с поднятым для удара мечом, медленно идет к Медусе, но передвигается так неуклюже, что находится не в себе, словно замороженный. Паллада не могла ему ничего крикнуть, чтобы не разбудить Горгон. Теперь же, когда он сам всех разбудил скрываться ему было не зачем.

Богиня направила поднятую для удара руку героя так, что он, сам того не осознавая, с силой мечом серповидным ударил по шее и в мгновение ока отсек пока еще прекрасную голову смертной Горгоны. Очень бессмертному богу легко в мужа силу иль смелость вдохнуть, даже когда б и великое их разделяло пространство.

Из шеи Медусы бурно хлынула кровь, и тело ее развалилась надвое. Сфено и Эвриала с душераздирающими криками бросились на Персея, чтобы разорвать его на части острыми медными когтями, но между ними оказались крылатый конь и огромный ребенок с мечом золотым в обоих руках, вывалившиеся из тела Медусы.

Поэт и рапсод Гесиод поет, что после того, как Медузу-Горгону могучий Персей обезглавил, крылатый конь появился Пегас (бурное течение) из нее и Хрисаор (золотой

меч) великий. Имя Пегас – оттого, что рожден у крайних ключей Океана. Землю, кормилицу стад, покинул Пегас и вознесся к вечным богам. Обитает теперь он в палатах у Зевса.

Пегаса называли и Быстрокрыльцем, и Исчадьем Медусы и Посейдона. Однажды Геликон так услаждался пением Муз и танцами Харит, что всем стало казаться, будто он непрерывно растет вверх и вырос бы до неба, но по приказу Посейдона (или по просьбе Музы Эвтерпы) Пегас ударил копытом в его вершину и остановил дальнейший рост. С тех пор на горе Геликон забил не иссякающий источник Гиппокрена (Ключ коня), из которого поэты и поныне черпают вдохновение, как дивную влагу, и люди говорят, что они «оседлали Пегаса». Пегас помогал не только поэтам, но и героям, особенно много он помог своему брату – сыну Посейдона и Эвриномы Беллерофонту. Верхом на Пегасе Беллерофонт убил чудовищную Химеру, а когда герой стал дерзко рваться к небесам, Быстрокрылец сбросил на землю зарвавшегося героя. После убийства Гераклом орла Эфона, пожиравшего печень титана – бунтаря Прометея, Пегас доставлял по воздушной дороге на Олимп из кузницы на Сицилийской Этне перуны и молнии – страшное оружие Зевса.

Хрисаор знаменит тем, что родил трехголового Гериона, соединившись в любви с Океанидой Каллироей. Гериона того умертвила Гераклова сила возле ленивых коров на омытой водой Эрифее. Некоторые, однако, уверяют, что родителем

чудовищного трехголового великана Гериона был не Хрисаор, рожденный с мечом золотым, а сам Посейдон, который любил и с невестками сочетаться, ведь только от него Каллироя могла родить такого великана, как Герион.

Появление Пегаса и Хрисаора дало возможность Персею схватить отрубленную голову смертной сестры и, засунув ее в заплечный мешок, взятый у Грай, взмыть в облака на легких крылатых подошвах, одолженных у стигийских нимф.

Некоторые говорят, что перед тем, как Персей Медусу убил, она уже была безобразным чудовищем. Но это означало бы, что Мойра не выполнила выбор Медусы быть смертной, но красивой. Кроме того, если бы перед смертью у Медусы вместо волос были змеи, а из рта торчали клыки, то как Персей взял бы ее отрубленную голову, чтобы положить в заплечный мешок?

Юный герой, конечно, не удержался и взглянул на отрубленную голову Медусы. Смертная голова девы еще не умерла и не превратилась, возродившись, в бессмертную чудовищную голову. Лицо ее еще не покрылось пластинками чешуи, изо рта не выросли клыки и вместо волос еще не зашевелились ядовитые змеи. Все это будет после того, как Афина поместит ставшую после смерти бессмертной голову Медусы на эгиду отцовскую. Пока же отрубленная голова, медленно умирала и была и ужасна, и прекрасна. Взгляды Персея и умирающей головы встретились, он почувствовал сильный удар от этого взгляда, ему показалось, что сердце его

разорвалось от страха, и он приготовился окаменеть. В этом взгляде был и нестерпимый ужас, и такое же непереносимое блаженство. Он не мог оторвать своих глаз от глаз Медусы, но она вдруг сама как-то иначе на него посмотрела.

Персею показалось, что жгучая ненависть в потухающих глазах девы превратилась в признательность за то, что он сделал. С этим не понятным чувством благодарности глаза смертной Медусы, выбравшей красоту, а не вечность, закрылись. Она умерла, чтобы ее голова, возродившись, стала чудовищно безобразной, но бессмертной и по-прежнему смертельно опасной для всех, кто взглянет в ее глаза.

29. Кровь и предсмертный крик Медусы Горгоны

Персей на всю оставшуюся жизнь запомнил взгляд умирающей головы Медусы и ее предсмертный крик. В потухающем взоре смертной Горгоны горела дикая исступленная ненависть ко всему свету, и стыдливая благодарность к тому, кто лишил ее жизни. В ее гортанном крике перед тем, как ужасные глаза ее закрылись, звучала и неистребимая жажда вечной жизни, и неистовое желание как можно скорей умереть.

Умирая, как поет сладкоголосая форминга лирика Пиндара, Медуса долго и ужасно стонала. Бессмертные сестры Медусы Сфено и Эвриала тоже издавали стоны, глядя, как

умирает их любимая сестра, ставшая ради красоты смерти причастной. Эти жуткие стоны, изливавшиеся из девичьих уст Медусы и змеиных уст ее страшных сестер надолго остались в памяти Афины, они возбуждали ее, приводя в творческое состояние экстаза, необходимое для изобретений и открытий.

Богиня-изобретательница, чтобы навсегда запечатлеть эти стоны, выплела умение и выстроила флейту из оленьей кости двойной, разноголосую снасть. В этой кости Афина – мастерица наконечником своего копья пробуравила несколько дырочек, чтобы она звучала по все своей длине. Звук был так хорош, что Афина, сама вдоволь наигравшись, решила продемонстрировать свое изобретение блаженным богам, царящим в небе широком, но они, глядя на Афины, воздвигли неистовый хохот. Звук флейты был очень хорош, но дутье сильно искажало ее божественные щеки, и мудрая Афина поняла, что осмеяна родственниками по заслугам и выкинула флейту с такими словами:

– Эта игра не по мне, – сказала Афина сама себе, – прощай, моя дудка!

Согласно Овидию, Юпитера дочь, эгидой скрыв целомудренный лик, превратила волосы Горгон в змей. Чтоб грех не остался без кары, в гидр ужасных она волоса обратила Горгоны. Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших, ею же созданных змей на груди своей носит богиня справедливой войны.

Аполлодор говорит, что, став искусным врачом и накопив в этом занятии большой опыт, Асклепий не только спасал от смерти, но и воскрешал уже умерших. Он получил от богини Афины кровь, вытекшую из жил Медусы – Горгоны, и использовал ту кровь, которая вытекла из левой части тела, людям на погибель, ту же кровь, которая вытекла из правой части, для спасения людей: этой же кровью он воскрешал мертвых.

30. Борей избавляет Персея от преследования Горгон

Могучая Сфено и Прыгунья Эвриала оставили крылатого белого коня и большого ребенка с мечом золотым, вывалившиеся из обезглавленной Медусы и с горестным ревом погнались за Персеем на своих прежде бело-золотистых, а теперь серых кожистых крыльях.

Гесиод поет, как за Персеем следом лететь порывались Горгоны – суровы они, несказанно ужасны, – силясь настигнуть его и ходьбой своей попирая бледную сталь, а медный щит оглашался великим гуденьем звонко и резко. Долу же с их поясов нависали змеи, округло вздымавшие главы, по двое у каждой. Жалом они поводили и лязгали гневно зубами, дико взирая, а сверху на грозных Горгоновых главах страх великий витал.

Тогда мудрая Афина-Паллада, по-прежнему не оставляв-

шая без внимания своего смертного брата потому, что ей нужна была голова Медусы-Горгоны, призвала на помощь Персею ветры, спящие в глубокой пещере на скалистом острове посреди моря, такими словами:

– Анемы! Хватит, лентяи, вам спать, а ну просыпайтесь! Ну-ка, давайте живо небо с землёю смешайте и невиданные поднимите на море влаги громады!

Яростно ветры восприняли приказ Афины-Паллады и со страшным шумом из своей пещеры помчались, темные гоня облака пред собою и дую неистово. От бури, свистящей, визжащей, воющей и ревущей, как лютой зверь, быстро вздыбились пеной покрытые буруны на волнах, похожих на зыбкие горы.

Однако бессмертные Горгоны противились долго ветрам, ведь с раннего детства они на золотистых крыльях, носились над пенистыми волнами наперегонки с порывистыми морскими ветрами. Тогда Афина обратилась к самому мощному из Анемов – северному ветру Борейю:

– Бородатый Борей, к тебе обращается Афина-Паллада по поручению великого Зевса, безраздельно царящего во всех трех мирах! Тебя, движущего толщи воздушные мира леденящим своим дуновеньем, призываю показать на крыльях летящим над волнами Горгонам кто в небе над морем хозяин! Мощной рукой закрути пространно нависшие тучи, чтоб треск громовой раздался повсюду, и дожди, дотоль запертые, чтоб бурно излились. В воду бессмертных Горгон зашвырни,

чтоб у них кожистые крылья не только намокли, но потом льдом покрылись, и чтоб долго лететь они не смогли.

Борей, бурно разметав заросшие инеем космы, со злобным пронзительным воем быстро раскинул мощные крылья свои, и их холодящие взмахи землю и воду овеяли всю. Взыбушевалось пространное море, начало покрываться все более и более высокими, пенными волнами. Мощные порывы могучего северного ветра Борея не позволили чудовищным сестрам насладиться местью законной.

– Силу мою вы изведать хотите, Горгоны?!

Грозно так крикнул, тряся покрытой льдом бородой, Борей двум неистово вопящим Горгонам.

– Сила под стать мне. Я вас буду вертеть как кручу большие узловатые дубы. Мир весь земной с воздухом и водой сейчас я смешаю! Вот я вас! Не скоро летать опять сможете! Запомните надолго Борея!

Так кричал могучий Борей, раскинув свои мощные крылья, и их леденящие взмахи землю овеяли всю. Яростно взыбушевалось пространное море, и Горгоны, закружившись в бешеных вихрях, со злобным визгом упали в высокие волны, покрытые ледяной крошкой и пеной.

Когда же мрачные сестры с оттаявшими крыльями смогли подняться над успокоившейся водой, Персея было уже не различить в бескрайней дали. Новые моря и новые земли он зрел с высоты под собою, белых облаков касался взмахами крыльев резвых плесниц.

31. Разные взгляды на убийство Персеем Медусы-Горгоны

Писатель и географ Павсаний рассказывает, что недалеко от площади Аргоса, насыпан земляной холм; в нем, говорят, лежит голова Медусы, называемой Горгоной. Оставляя в стороне всякие сказки, вот что можно рассказать о ней: она была дочерью Форка и по смерти своего отца царствовала над народом, жившим вокруг озера Тритониды, ходила с ними на охоту и водила своих ливийцев на войну. И вот, выступив однажды со своим войском против сил Персея, – за Персеем последовали из Пелопоннеса отборные воины – она ночью была изменнически убита, а Персей, пораженный ее красотой, которую она сохранила, будучи даже мертвой, отрубил ей голову и привез ее для показа эллинам.

Со временем и благодаря поэтическому таланту таких писателей, как Гомер и Гесиод, прекрасноволосую деву Медусу стали считать чудовищной Горгоной.

Согласно Гомеру, Горгона – это страшилище с ужасающим взором, голова которой находится на эгиде всемогущего Зевса.

У Гесиода упоминаются три сестры Горгоны, дочери Форкиса и Кето: бессмертные две сестры – Сфено, в изящный пеплос одетая и Эвриала в пеплосе из шафрана и третья смертная Медуза, знакомая с горем. Сопрягся с Медузою той

Черновласый на многотравном лугу, среди весенних цветов благовонных, а потом ее могучий Персей обезглавил.

Но у карфагенского писателя Прокла, сына Эвкрата, есть другой рассказ, и он считает его самым вероятным: В Ливийской пустыне одна из проживающих там диких нравом женщин, заблудившись, пришла к озеру Тритониде и делала много зла местным жителям до тех пор, пока Персей не убил ее. А то, что будто бы Афина помогала Персею в этом подвиге, это говорят потому, что люди, живущие вокруг озера Тритониды, посвящены Афине.

Почти тоже самое сообщает Диодор Сицилийский. В Ливии было большое число рас женщин, воинственных и чрезвычайно восхитительных своею мужественной отвагой; например, традиция говорит об отличающихся особенной доблестью расе горгон, в отношении которых, как сообщается, Персей пошел войной. Так как Персей был сыном Зевса, самым могущественным греком своего времени, который совершил поход против этих женщин, то это был величайший Труд, который можно принять за доказательство, как превосходства, так и мощи упомянутых женщин.

Палефат же и вовсе историю о дочерях Форкиса называет смехотворной потому, что невероятно, чтобы живой человек, увидев голову мертвого, окаменел. Что это за сила у мертвеца? Произошло же, по его мнению, что-то в таком роде: Некий Форкис изготавливает золотую статую Афины, названную Горгоной, и умирает. Его дочери Сфено, Евриала и

Медуза не захотели ни за кого выходить замуж, а поделили имущество, и каждая царствовала на одном острове. Горгону же они решили не посвящать в храм и не делить на части, но по очереди держали ее у себя в качестве сокровища. У Форкиса был друг благородный и достойный человек по имени Глаз, и сестры доверяли ему. Персей же, бежав из Аргоса, стал пиратствовать, рыская по морям с небольшой свитой. Персей захватывает корабль Глаза, плывущий от одной девушки к другой. Тот сообщает Персею о Горгоне, и называет количество пошедшего на нее золота. Персей плывет к Форкидам и говорит, что он держит у себя Глаза и не отдаст им его, если они не укажут, где находится Горгона. Вдобавок он еще угрожает убить их, если откажутся отвечать. И вот Медуза сказала, что не покажет местонахождение Горгоны, а Сфено и Евриала показали. Тогда Медузу Персей убивает, а оставшимся отдает Глаза. Получив Горгону, он разрубил ее на части. Снарядив триеру, он погрузил на нее голову Горгоны, и корабль назвал «Горгона». На этом корабле он объезжал острова и требовал у местных жителей деньги, а если кто не давал, тех убивал. Когда он стал требовать деньги и у жителей Серифа, то они попросили у него несколько дней срока, чтобы собрать деньги. Они свезли на агору камни ростом с людей, а сами покинули остров. Когда Персей явился на агору, он не нашел там никого, только камни в человеческий рост. Потом Персей стал говорить: "Смотрите, как бы с вами не произошло то же, что с серифянами: ведь они пре-

вратились в камни, взглянув на Горгону".

По истолкованию Гераклита – аллегориста, Медуса была очень красивой гетерой, так что взглянувший на нее был сражен ее красотой и как бы превращался в камень. Ведь и мы говорим: «Взглянув на нее, он словно, каменел». Когда же явился Персей, она сама в него влюбилась, прогуляла с ним все свое состояние, да и молодость из-за него погубила. Погубив свою молодость и состояние, она, состарившись, стала похожа на дряхлую лошадь. Ведь цветущая молодость всему голова, и ее вместе с состоянием и отнял Персей.

32. Змеи Ливии [138]

Подвигом гордый Персей несся по небу один, унося в заплечном серебряном мешке с золотыми кистями дивную ношу – голову с ужасными глазами и с волосами, начавшими превращаться в змей. Ласковый воздух под нежным дыханием Зефира резвыми крыльями уже привычно, подобно Гермесу, резал герой.

Когда в Ливии знойной как раз над пустыней парил победитель, капли крови в тот миг из головы у Горгоны сквозь швы между серебряными листьями мешка просочились. Восприняла их Гея-земля и змей зачала разнородных. Земли ливийские разными гадюками там стали обильны и с тех пор стали опасны для всех животных, включая людей. Кроме гадюк встречались особенно ужасные змеи.

Лукан в «Фарсалии» рассказывает, что страшная, с поднятой вверх двойной головой амфисбена питалась трупами солдат, когда армия Катона шла через знойную Ливийскую пустыню.

Амфисбена – гигантская двухголовая змея, вторая голова которой находится на хвосте. У амфисбены было неважное зрение, но заставить ее врасплох было невозможно, так как пока одна голова её спит, другая бодрствует. У неё были светящиеся, как угли красные глаза, а сама она была так горяча, что растапливала снег, по которому ползла или катилась. От амфисбены было почти невозможно убежать на ровном месте – засунув одну голову в рот другой голове, она могла катиться, как колесо повозки, запряженной быстрыми конями.

Овидий поет, что, как и другие змеи Ливии, амфисбена родилась из крови, убитой Персеем Медусы-Горгоны.

Аполлодор и Диодор говорят, что Кихрей, сын Посейдона и Саламины, дочери Асопа воцарился там после того, как убил огромную змею амфисбену, которая опустошала остров Саламин.

Так, на просторе несясь, гоним несогласием ветров, Персей и туда и сюда, дождевой наподобие тучки, мчался, с горних эфирных высот на далеко лежащие земли. Только сейчас он почувствовал себя настоящим героем, ощущая плечами как на отрубленной им голове Медусы начинают шевелиться пока еще маленькие, но быстро растущие змеи в заплечном мешке, но никакого вреда не могут ему причинить. Слыша

свист ветра в крылатых подошвах Гермеса и вспоминая как ему помогала могучая зевсова дочь, Персей с удовольствием думал:

– Видно, угодно бессмертным и Мойре, чтоб я не был без славы в грядущем.

И взор свой дерзкий Персей наводил на бескрайние моря просторы и даже вверх его устремлял – в бескрайний чистейший горний Эфир, где заоблачные блистали выси Олимпа. Так, облетев круг целиком во Вселенной, трижды он Рак клешни и Аркты холодные видел, то на Восток уносило его, то обратно на Запад. И вотна исходе дня, паря в облаках, герой в гесперийском краю опустился на землю, в бывшем Атлантовом царстве. Отдыха краткого Персей стал искать, доколе не вывел вечерняя звезда Фосфор в небо Зарю, а румяная Эос – Гелиоса огненную колесницу дневную.

Разные подвиги и труды

33. Превращение Атланта в атласскую гору [138]

Когда яркое солнце, покинув прекрасный залив, поднялось на медное небо, чтоб свет свой на тучную землю пролить начала для бессмертных богов, а потом и для людей, неминуемой смерти причастных, Персей увидел легендарную землю Атланта. Здесь всех в мире людей и богов, превзошедший громадою тела, издревле царствовал сын непокорного титана Иапета, томящегося в тартаре, Атлант, пока по воле Зевса и по хитроумному совету Гермеса не взвалил он на могучие плечи свои громадный купол великого неба.

На самом краю земли, на берегу Океана, мировой реки, которая огнедышащим Солнца коням, вконец утомленным, вод подставляет простор и за день усталые оси приемлет, по-нуру стоял титан-исполин, приросший ногами к земле и плечами – к огромному небу. Рядом сад знаменитый Гесперид деревьев густая скрывала листва – она прятала плоды золотые древа, что мать всеобщая Гея подарила внучке Гере на ее долгожданную свадьбу с братом Зевесом.

И молвил, увидев Атланта, Персей горделиво:

– Возрадуйся хозяин этого сурового дикого края! Коль

можешь быть тронут ты рода величием, так знай: мой родитель – сам Зевс всемогущий! Если деяньям людей ты можешь дивиться, подивись же и нашим. Я победитель самого ужасного чудовища в мире – Медусы – Горгоны, одного взгляда которой и бессмертные боги боялись. У тебя же, титан, гостеприимства прошу я и краткого отдыха!

Даже думал Атлант с превеликим трудом, изнывая под непомерной тяжестью купола неба, но все же он вспомнил о древнем вещанье, из уст прозвучавшем парнасской Фемиды, некогда владевшей уже в древности знаменитым Дельфийским оракулом:

– Время настанет, Атлант, и ограблено золото будет дерева Геры, и часть его плодов достанется лучшему Зевсову сыну от смертной.

Тогда же, убоявшись грабителей, Атлант обнес свой сад сплошной стеною, а яблоню Геры сторожить поручил своему другу и родичу великану-дракону Ладону, и из чужих никого к своим не пускал он пределам. Атлант не ведал, что прорицание матери касалось еще не родившегося сына Алкмены от Зевса Геракла и, думая, что Фемида о Персее ему говорила, прищельцу так угрожающе заявил, с трудом непослушными шевеля губами:

– Ты с мечом и мешком путешествуешь без всякой цели? Но так поступают обычно разбойники, рыская всюду в поисках кого бы ограбить. Уходи прочь гость незванный туда, откуда явился, иль тебе не поможет подвигов слава, тобой

сочиненных, ни даже сам Громовержец! Пришелец несчастный, последний раз повторяю – исчезни на своих крылатых подошвах, или с тобой я расправлюсь!

Голос древнего титана напоминал рокот мощного прибора или следующие друг за другом раскаты грома. Не только воздух, но и земля сотрясались от его злых угроз и свирепого гнева.

Говорят, титан – исполин отогнать героя тщится руками, но руки, окаменев по самые локти, давно приросли к небосводу. Пытался Атлант и огромной, словно скала, ногой ударить Персея, но даже ступню от земли не смог оторвать, только коленом пошевелил вправо и влево.

Персей же, к мирным уважительным словам решил добавить и строгие, но медлил, видя, что силой он намного слабее – да и кто же сравнится с великим Атлантом силою? И тут герой догадался, как наказать титана, надменно не чтящего гостеприимства законы.

– Если моей дорожишь ты столь мало приязню, высокомерный титан, так на дар мой взгляни, даже, если не хочешь!

Вкрадчиво так изрекает Персей и, достав что-то из сумки, видом ужасное, сам отвернувшись, к титану лицо обращает Медусы – Горгоны.

Атлант лишь на миг встретился взглядом с по-прежнему живыми глазами на голове Медусы-Горгоны. Та не узнала собрата родного титана, да если б и узнала, то изменить все равно ничего не смогла бы – все давно предрешиено было

непререкаемой Мойрой Лахесис. Волю Мойр непреложных во всей Ойкумене одна зеленоглазая Тюхе нарушить могла и то в виде редкого исключения. Старая Ткачиха давно поджидала здесь Персея с головой ужасной Медусы, чтобы сделать из Атланта полностью каменную подпорку для вечного неба, ибо силы бессмертного титана – исполина были давно уже на исходе, и он в любой момент мог упасть, и тогда небесный купол задавил бы все живое на многострадальной земле.

С гору бывший ростом, стал Атлант настоящей каменной горой; волосы с бородою преобразились в густые леса, в горные хребты – его спина, плечи и руки; что было раньше главой, то стало вершиною горной; сделался камнем костяк. Во всех частях увеличившись, вырос в каменную громадину колоссальный титан.

Положили так Мойры, – и вместе с бездной созвездий своих на каменном Атланте навсегда упокоилось небо.

Персей же, вновь крылья амвросиальные взяв, привязал их справа и слева к лодыжкам и, похожий на серп меч свой кривой из седого железа, подпоясав, не забыв и про полный заплечный мешок. Ясный опять он стал резать простор, крылами махая сандалий, неисчислимо вокруг и внизу оставляя диких племен и разных народов.

Некоторые отмечают такую странность. Персей, будучи, еще совсем молодым, превратил знаменитого титана – исполина Атланта в неодушевленную гору. Но ведь правнук Персея великий Геракл, добывая яблоки Гесперид при сверше-

нии 11 подвига, встречался с еще живым Атлантом и даже подменял его в держании огромного купола неба, когда тот ходил за золотом трех яблок с яблони Геры... Что ж? Можно лишь позавидовать древним грекам, которые, как блаженные боги, не только часов, но и годов не наблюдали. Они не считали время направленным от прошлого в будущее, подобно всегда летящей стреле. Греки представляли себе годы, случайно рассыпанными на плоскости или в пространстве, как звезды рассыпаны на небосводе, который, хоть и вращается над обитаемым миром, но его движение всегда одинаково и неизменно как тысячи лет назад, так и в будущем через тысячи лет.

34. Персей договаривается с Кефеем об освобождении Андромеды [138]

Вскоре быстрокрылый летун, победивший Горгон, узрел чернокожих племена эфиопов и Кефеевы царские доли. Немилосердный Аммон, почитавшийся в Ливии и Египте, как царь и бог, неповинную там Андромеду за спесивый материнский язык в то время жестокому подверг наказанию.

По свидетельству Еврипида, Софокла и многих других древних авторов Кассиопея, жена царя эфиопов Кефея, высокомерно похвалялась тем, что она и ее дочь Андромеда превосходят красотой Нереид среброногих.

В наказание за непомерную спесь и гордыню царь морей

Посейдон посылает на царство Кефея морское чудовище, которое стало в море топить корабли и пожирать людей и домашних животных в прибрежных городах и поселках. Бог Аммон возвестил:

– Эфиопы и другие чернокожие жители Ливии, избавление вас от бедствия наступит тогда, когда дочь Кассиопеи спесивой, юная Андромеда будет привязанной к скале на берегу моря отдана морскому чудовищу, которого вы называете китом.

Жители Эфиопии заставили тогда Кефея сделать это, и он, горько рыдая, сам привязал свою дочь к скале.

Только лишь привязанной за обе руки к гранитной скале обнаженную деву Персей свысока увидел, так сразу решил, что это раскрашенный камень, несмотря на то что ей ветер трепал прекрасные черные волосы и по нежным щекам струились горячие соленые слезы.

В это время над Персеем неслышно на крыльях прозрачных пролетал Эрот, шаловливый Афродиты ребенок кудрявый. Рог его лука чуть слышно закрипел, тетива на миг загудела, и кипарисовая прынула стрелка остроконечная, жадная до очередной добычи. Тут же огнем безотчетным вдруг Персей загорелся и стал недвижим, ибо понял, что не раскрашенный камень пред ним, а прекрасная дева. Андромеды несравненной красою плененный, чуть не забыл ударять он по воздуху взмахами крыльев на подошвах амвросиальных. Только лишь приземлился Персей рядом с прикованной к

скале Андромедой, как только и смог вымолвить, ее красотой еще больше вблизи пораженный:

– Цепей не таких ты достойна, прекраснейшая дева, но лишь поистине тех, что горячих любовников вяжут и ведут к брачному ложу. Мне ты ответь и открой свое и земли твоей имя и расскажи почему ты одна на скале и в оковах!

Дева, увидев рядом с собой красивого юношу, так застыдилась своей наготы, что даже забыла о плачевном своем положении. Все ее заплаканное лицо покрылась удушливой краской стыда, очей она не смела поднять. Долго девичий стыд ей мешал говорить, хоть очень хотелось ответить. То с языка слова у нее пытались сорваться, то обратно в прекрасной груди исчезали, и чуть полноватые розовые губы, даже в горе прелестные, оставались беззвучны. Благочестиво воспитанная дева молчала, не смея с мужчиною речь завести, тем более что она была совсем голая. Она стыдливо скрыла бы даже руками лоно и похожие на яблоки груди, и лицо, когда бы руки были свободны и она не была бы в крепких оковах. Все, что сделать могла Андромеда, – наполнить молчаливо слезами в печали еще более прекрасные очи.

Однако Персей был настойчив, и тогда, чтоб ему не могло показаться, будто она какую-то скрывает вину и свое, и родины имя, Андромеда на вопросы его отвечает правдиво и про мать, которая на красоту свою уповала, рассказывать начинает. Обо всем она помянуть не успела, как грозно воды вдруг вокруг зашумели, и вот, из бездны морской показав-

шись, выступило чудовище, широко зыбь необъятной грудью своей покрывая.

Вскрикнула от жуткого страха прикованная к скале дева. Завопил на берегу отец Андромеды Кефей с плачущей матерью Кассиопеей рядом – оба несчастные пребывали в горе ужасном.

Персей же, вспомнил, что он бесправный здесь чужестранец, да и на острове Сериф он с незамужней матерью проживает, как нищий. Поэтому прежде, чем в опасное сражение с чудовищем вступить, он предусмотрительно крикнул царю и царице:

– Для слез впереди у вас будет времени много, но время для помощи дочери дано Судьбой вам короткое. Если я, Персей, сын Зевса и девы, плодоносным наполненной золотом, победитель Горгоны, морское это чудовище истреблю, то могу я быть уверен, что, как зятя меня вы потом предпочтете? Доблестью прекрасной Андромеде и вам я послужу, но она после подвига, если живым я останусь, моей должна стать – вот мое неперемное вам условие!

Кефей и Кассиопея тут же, перебивая друг друга, стали кричать, что принимают его все условия, – кто бы стал колебаться? Взмолились мать и отец и Персею пообещали не только дочь Андромеду, но вдобавок еще и немалое приданое – все эфиопское царство.

35. Персей освобождает Андромеду [138]

В это время, словно огромный корабль, вперед окованным пущенный носом, гребцов вспотевшими движимый руками, исполинский морской зверь, шевеля мощными плавниками, словно широченными веслами, из воды показался. Вскоре он, высокие волны погнав налегающей грудью, настолько был уже близок от скал, насколько пращой балеарской кинутый может свинец, крутясь, пролететь над землей.

Юноша, в этот же миг от земли оттолкнувшись ногами, обутыми в подошвы крылатые, ввысь полетел, к облакам. Сначала Персей хотел вытащить из сумки ужасную голову Медусы-Горгоны, но побоялся, что вместе с чудовищем и Андромеда окаменеет.

Хотя Нонн Панополитанский поет, что Персей все же тварь прикончил морскую!

Все звери пучины каменели от одного взгляда Горгоны!

Между тем, едва на морскую поверхность мужа откинулась тень, как на нее чудовище бросилось в неистовой злобе. Как Громовержца орел, усмотревший на поле пустынном змея, что солнцу свою синеватую спину подставил, сзади хватает его и, чтоб уст не успел обратить он хищных, вонзает в хребет чешуйчатый жадные когти. — Так, странство своим прорезав быстрым полетом, спину чудовища сжал Инахид и рычащему зверю в правое вставил плечо

свой меч, искривленный до самой рукояти. Тяжкою раной той уязвленный, взвивается в воздух зверь, потом под тяжестью тела уходит в зыбкие волны, то опять кидается словно свирепый вепрь, что стаей собак уstraшен, вокруг лающих громко.

Смертельных укусов чудовища и ударов его хвоста Персей на быстрых крылах избегает: все, что открыто – хребет с наростами раковин полых, ребра с обоих боков и место, где хвост, утончаясь, рыбьим становится, – он поражает мечом серповидным из седого железа. Воду потоком меж тем вперемежку с багряною кровью могучий зверь извергает. Но все больше тяжелеют намокшие крылья, и уж не смеет Персей довериться долее набухшим крыльям прежде резвых плесниц. Герой видит скалу, которая самой вершиной встала из тихой воды, но скрывается вся при волненье, и, об утес опершись и держась за вершину рукою, трижды, четырежды он пронзает утробу морского дракона. Чудовище испускает оглушительный крик перед смертью и, наконец, подыхает.

Рукоплесканье и радость наполнили берег и в небе атрии блаженных богов, построенные им Гефестом, хоть на ноги хилым, но очень искусным. Веселятся душой и приветствуют зятя с Кассиопеей Кефей, называют его от смерти избавителем оба, царского своего дома надежной опорой.

Герой, отдышавшись, с трудом подлетает на намокших плесницах и освобождает деву от оков, разрубив их мечом своим серповидным. Шагом свободным Андромеда с изба-

вителем рядом пошла – причина его тяжких трудов и награда! Но, вспомнив, что она совсем голая, дева застыдилась и попросила Персея, не оглядываясь, идти впереди, а она пойдет сзади пока ей не дадут хоть какую-нибудь одежду.

Гигин в «Астрономии» говорит, что Персей не получил от Андромеды ни малейшего знака благосклонности за спасение, ведь ни ее отец Кефей, ни мать Кассиопея не могли заставить ее покинуть родителей и отечество и последовать за Персеем. Впрочем, об этих событиях Еврипид написал замечательную трагедию под соименным названием.

Согласно «Повествованиям» Конана, у Кефея была дочь чрезвычайной красоты, Андромеда, которой предстояло вступить в брак с неким финикийцем, или с братом Кефея – Финеем. После долгих размышлений, кому из них отдать предпочтение, Кефей остановил выбор на финикийце, но, стараясь избежать ссоры с братом, оставил это в тайне. Андромеда была похищена с пустынного острова, где по обыкновению совершала жертвоприношения Афродите. Финикиец похитил ее, воспользовавшись удачей на корабле, называвшемся «Кит». Андромеда, похищенная без ведома отца, предалась плачу, громко взывая о помощи. Персей, сын Данаи, проплывавший мимо, увидел страдающую девушку и, проникшись к ней состраданием и любовью, разрушил корабль, тот самый «Кит», напав на него с такой яростью, что один перебил их всех, окаменевших перед лицом смерти, от ужаса. Поэтому-то эллины и придумали миф о чудовище и

о превращении в камень при виде головы Горгоны. Взяв в жены Андромеду, Персей отплыл с ней в Элладу, где стал царствовать, поселившись в Аргосе.

36. Морские кораллы и новые небесные звезды

Овидий в «Метаморфозах» поет, как Персей, воды зачерпнув, омывает геройские руки в заливе, и чтобы жесткий песок не тер головы змееносной, вниз настиляет листья и в воде произросшие тростинки и возлагает на них главу Форкиды Медусы. Каждый росток молодой с еще не скудеющим соком, впитав яд чудовища, мгновенно становится камнем; стебли его и листва обретают нежданную крепость. Нимфы морские, дивясь, испытывают чудесное дело тотчас на многих стеблях, – и сами, того достигая, рады, и вот семена все обильнее в воду бросают. Из этих семян появились морские кораллы. Так и осталось досель у кораллов природное свойство: только их воздух коснись – и сразу становятся они тверды; что было в море лозой, в воздухе над водою становится камнем.

Согласно «Астрономии» Гигина, самого Кефея древние также причислили к созвездию, чтобы весь их царский род (Кефей, Кассиопея и Андромеда) соединился на небосклоне навечно. Кассиопея была помещена среди созвездий, сидя на троне. Но ее нечестие послужило причиной того, что она, по-

скольку небосвод вращается, представляется взору так, словно она совершает движение вниз головой.

Говорят, что Андромеда была помещена среди созвездий по милости Афины и вследствие доблести Персея, который спас ее от смерти, когда ее отдали морскому чудовищу. Это морское чудовище по причине своей непомерной величины тоже было помещено на небосклон в виде созвездия Кита.

Эратосфен говорит, что Афина взяла Андромеду на небо за то, что, спасенная Персеем, она не пожелала остаться ни с отцом, ни с матерью, но предпочла добровольно отправиться вместе с ним в Аргос, выказав тем самым немалое благородство и смелость. Якобы так пишет в посвященной ей драме Еврипид.

Конечно, Зевс не забыл и о сыне – за великую доблесть и славу, и за то, что он родился от весьма необычного союза, герой был вознесен на небо в виде созвездия Персея. Однако все это произойдет по предначертанию никогда не дремлющей Мойры Лахесис еще очень нескоро, а пока, как ею же было выткано в седой пряже столетий, состоялась свадьба Персея и Андромеды.

37. Свадьба Персея и Андромеды [138]

Чтобы брак Персея и Андромеды был вполне законным, согласно древней традиции, свадьбе должно было предшествовать обручение, и Кефей торжественно дочь обручил.

Затем жених взял невесту из круга подруг и увел в дом родственницы, которая приняла ее и приготовила брачную комнату. И немедля, тотчас Андромеду – достойную награду за подвиг великий – Персей без приданого взял. Ведь очень похожа и стройным телом, и прекрасным лицом на богинь она вечноживущих. После кратких тайных сношений доблестного жениха с красавицей – невестой брак торжественно объявили и стали праздновать пышную свадьбу.

Трем божествам Персей три алтаря устроил из дерна: левый, Гермесу, без меча которого было бы не одолеть ни Медусу-Горгону, ни морское чудовище, правый – воинственной деве, без щита которой он мог бы обратиться в камень, а средний Зевсу, без которого не было бы ни Гермеса, ни Афины, ни самого Персея. Афине белую заклали телицу, богу, родившемуся с крылами на голове и ногах, – тучного тельца, а наивысшему из богов – огромного белого быка круторогого!

Потрясают сладкоистомный Эрот с божеством брачной песни Гименеем, обладавшим сердцем нежным и тонким, светочи свадьбы, огни благовоньем насыщены щедро, с кровьель цветов плетеницы висят, и лиры, флейты и песни повсюду звучат, – счастливые знаки веселья. Гименей в шафрановом плаще, увенчанный венком из боярышника, незримо присутствует на каждой свадьбе, освещая факелом жизненную дорогу новобрачным и желая, чтобы она была счастливой долгой.

В доме распахнуты все половины дверные, и настезь Атрий открыт золотой, и на царский, в прекрасном убранстве, пышно устроенный пир царская знать прибывает. С трапезой кончив, когда дарами щедрого Вакха возбудились умы, о нравах тех мест и народах спрашивать начали Персея, – про дух их мужей и обычаи. Потом кто-то громко воскликнул:

– Теперь, о храбрейший, молви, Персей, каким ты приемом, какую доблестью мог отрубить главу той, чей взор в камень всех обращает? Только расскажи все подробно.

И тогда не спеша, окинув всех своим взглядом, как всегда, спокойным, серьезным и твердым, в котором светилось спокойная уверенность в себе и врожденное благородство, гордо повествует Персей:

– Есть под холодным Атлантом место одно, там обитают тройничные сестры, Морского Старика Форкиса и Кето-Пучины дочери, глаз же, как и зуб, один им служит, всем общий. С виду страшные эти старухи, похожие то на дряхлых лебедей с облезлыми крыльями, то на морщинистых девушек с волосами седыми, но страху я не поддался и к ним незаметно подкрался, что было не трудно, ведь глаз у них был только один. Когда одна их Грай глаз передавала сестре, очередь которой настала быть зрячей, я тихонько руку подсунул свою и овладел тем особенным глазом. Правда, некоторые говорят, что глаз и зуб я взял безо всякого труда, когда они все трое крепко спали. Это говорят те, кто там не был, любят у нас некоторые доблестных героев принижать

славу... Потом, взяв у Форкид особый заплечный мешок из особой серебряной ткани, с золотыми кистями я узнал у них кратчайшую дорогу к нимфам стигийским и глаз с зубом за это им, согласно уговору, отдал. Стигийские нимфы Левка и Минта, восхищенные моей доблестью и бесстрашием, одолжили мне крылатые подошвы, на которых я, подобно Гермесу, с дуновением ветра и над землей беспредельной, и над водою смог проноситься, разрезая воздух со свистом. Дальше над скалами с их страшным лесом трескучим пролетел я к дому Горгон. Там вокруг я увидел людей и животных подобья, тех самых, что окаменели, едва посмотрели ужасной Медусе в глаза. Потом в данном Афиной щите, что на левой руке, отраженным медью впервые узрел ужасающий красотой образ Медусы. Тяжким пользуясь сном, и ее и гадюк охватившим, голову с шеи сорвал ударом кривого меча я, и тут Пегас быстрокрылый с братом его Хрисаором с мечом золотым родились из пролитой матерью крови. Потом, благодаря могучему ветру Борею, я смог улететь от чудовищных сестер Медусы, страшных Горгон, кинувшихся за мной в погоню, чтоб растерзать за сестру. Борей швырнул их в волны и обдал холодом так, что кожистые крылья у них льда тонким слоем покрылись и лететь долго они не смогли. После я был у Атланта и по внушению вещей Ткачихи Лахесис превратил его в скалистую гору, чтоб стал он навечно надежной каменной подпоркой для купола неба. И вот, наконец, я прилетел в Эфиопию к вам, а что здесь случилось все знают.

Скромно потупив глаза, замолчал Персей и сделал это скорей, чем того ожидали. И задал некто, один из вельмож, вопрос: из сестер трех почему же волосы только у двух перемешаны змеями были? Гость же в ответ так молвил:

– Раз ты спросил о достойном рассказа, дела причину тебе изложу. Мойра Лахесис предоставила сестрам Горгонам выбрать свободно меж красотой и бессмертием. Две сестры выбрали вечную жизнь и стали чудовищами с клыками и змеями вместо волос. Медуса же выбрала короткую жизнь, но, чтоб ее прожить очень красивой. Красотою блистая, многих Медуса женихов завидным была упованьем. В ней же всего остального стократ прекраснее были волосы. Говорят, за ее волосы, ей завидовали даже богини Олимпа, и вскоре ее изнасиловал прямо на алтаре в храме Афины Царь зыбей, и Зевсова дочь отвернулась при этом, эгидой скрыв целомудренный лик. Чтоб грех осквернения храма не остался без кары и, чтоб предначертание Мойр не нарушить, в гидр ужасных волосы Медусы обратятся и станут, как у сестер после ее смерти. Когда я вытаскивал голову Медусы, чтоб показать исполину Атланту, я брал ее за волосы и чувствовал, что некоторые ее туго сплетенные косы уже превратились в маленьких змеек, и пока они не превратились в ужасных змей я должен отдать голову мудрой Афине, что она поместила ее на эгиду...

Чтобы покончить с вопросами Кефей подал знак музыкантам, и начались танцы и пение. Особенно часто звучала

под звуки флейт свадебная песнь, которую пел сын Терпсихоры от лучезарного Музагета Гименей. Прекрасный юноша с женственным ликом и нежной душой пел и плакал о быстротечности человеческой жизни, о мимолетности прекрасной поры юности, увядании красоты и потери молодоженами телесной и душевной невинности.

38. Персей наказывает женихов Андромеды [138]

Персей слушал брачную песнь Гименя и любовался чистой красотой Андромеды, дышавшей юною свежестью и мечтал поскорее остаться с ней наедине на брачном ложе сразу после того, как молодежь разбросает перед ее домом орехи. Толпой шумящей сени царские наполнились, и вдруг крик раздался, но не тот, которым обычно свадебный праздник гремит, но кровавого боя предвестник! Дикий крик этот, брачный пир, превративший сразу в смятенье, можно бы с морем сравнить, сначала спокойным, чьи воды, яростно вдруг налетев, вмиг взволнуют свирепые мощные ветры.

Брат Кефея чернобородый Финей, зачинатель сражения дерзкий, ясьень упругий копьё с медным концом неистово потрясая, громогласно вопил:

– Я вовремя здесь появился! За похищенье своей невесты законный отмститель! Ныне ни крылья, привязанные к ногам, ни Зевс, обратившийся в ливень из золота, тебя уже не

спасут! Прямо сейчас, чужестранец несчастный, с тобой я расправлюсь за твою нечестивость!

И метнуть уж копьё Финей замахнулся, но крикнул Кефей с гневным упреком:

– Что ты делаешь? Что за мысли безумные тебя толкают на преступление, брат? Благодарность такую ль заслугам стольким должно воздать? То брачный твой дар за спасение де-вы? Ведь не Персей у тебя ее отнял, – коль в истину вникнешь, – но приговор Нереид, суровый Аммон рогоносный, чудище бездны морской, что нежданно из волн приходило жрать любимую утробу мою. Не спаси этот герой вовремя деву, ей бы уже не жить. Для нее ты требуешь, жестокосердый, гибели вновь, чтобы скорбью моей самому веселиться? Не удовольствован ты, что ее при тебе оковали. Ты же, – и дядя ее и жених, – никак тогда не помог ей! А теперь при-скорбно тебе, что спасенье ей пришло от другого, что невеста твоя ускользнула из рук? Коль ее столь ценной считаешь, сам бы деву забрал на скале, где ее мне против воли по решению народа пришлось приковать! Ныне тому, кто забрал, чрез кого моя старость не сира, дай получить, что заслужено им справедливо и моим обещано словом. Он ведь, пойми, не тебе предпочтен, но погибели верной.

Сначала Финей промолчал, только скрипнув зубами, но потом, злобно вращая глазами, то на брата посмотрит, то Персея, не зная и сам, на того ли напасть, на другого ль. Наконец, копьё, напряженное силой, приданной гневом ему,

метнул он в Персея, но промахнулся. Сын Зевса ответным ударом грудь прободал бы врага, когда бы Финей не укрылся за алтарем и – позор! – был на пользу алтарь негодяю. Вместо Финея по воле богини случая Тюхе Персей копьем поражает кого-то другого.

Многие эфиопы были не довольны происходящим и больше всего тем, что невесту отдают чужестранцу, что древние нарушало обычаи. Гневом неукротимым загорелась толпа многолюдная, и все кидать начали в Персея копья. Иные нашлись, возглашавшие громко, что с зятем должен пасть и царствующий Кефей. Персей стоял рядом с Кефеем и бился как лев, кровью врагов, орошая, скамейки и столы пированья. Юный герой без устали и копья бросал, и тугую тетиву натягивал гнutoго лука, и мечом серповидным рубил, и даже случайно попавшим в руки крепким поленом, что дымилось на алтаре, вражеских лиц дробил вдребезги кости.

Однако врагов, опьяненных всюду лившейся кровью, живых оставалось все время намного больше, чем мертвых. Много людей в зал для пиров с улицы с криком ворвались. Во что бы то ни стало с чужеземцем – героем покончить было стремление у всех эфиопов. Ополчились ряды отовсюду единодушно, вражда на заслугу и честь ополчилась, забыв о том, что на свете есть справедливость! Богобоязненный тесть и теща с женой молодою тщетно стоят за Персея, наполняя лишь воплями сени, их оружия звук и поверженных стон заглушают.

Бог Амон веревку могучей вражды, всем ужасной, на стороне эфиопов простер, – прочную, крепкую, многим бойцам поломавшую руки и ноги. Вот неистовая Энио кровью обильной оскверненные заливает пенаты и вновь замешать поспешает сраженье. Тут окружают Персея сотни вооруженных мужей и впереди них с пеной на черной бороде брат Кефея Финей. Летят, словно хлопья снега в пургу, многочисленные копья и стрелы над пиршественными столами, но пока мимо Персея.

Тут герой понял, что, если он не истребит сразу всех, кто не справедливо на него ополчился, то тут же рано или поздно обязательно будет убит, и не мать предаст его мертвое тело с плачем огню, а эфиопские собаки будут в поле зубами терзать его тело. Он прижался спиной к камню огромной колонны, обезопасив свой тыл и, уяснив, что пасть неизбежно должна перед множеством врагов его доблесть, мрачно промолвил:

– Что ж, раз сама жутколикая богиня Ананка меня к тому принуждает, помощи я буду искать у врага! Отверните же в сторону лица скорее, те меж вас, кто смерти мне не желает!

И быстро вытащив из сумки ужасную голову Медусы – Горгоны, он ее приподнял, чтоб видели издали многие, и тот, кто увидел ее ужасающий взор, тут же застыл изваяньем неподвижным из камня. Однако другие из-за их каменных спин истошно орали:

– От малодушия вы, а совсем не от мощи Горгоны остол-

бенели! Накинемся на него товарищи разом, совместно. Наземь повергнем и убьем юнца-чужестранца вместе с его чародейным оружием!

Но и они, лик Горгоны узрев, словно остолбенев, в камень тотчас обратились. Оставшийся в живых один лишь Финей пожалел, наконец, о несправедливой битве. Только что ж делать ему? Он лишь каменные образы разные видит, он и своих узнает и, по имени каждого клича, помощи просит; не веря себе, касается ближних тел, – но остывают они, становясь каменными изваяниями. Тогда отвернулся Финей, чтоб только голову Медусы – Горгоны не видеть и так, жестами умоляя, в стороны руки простер, полную изъявляя покорность, и просительно молвил:

– Ты побеждаешь, Персей, так отврати это чудище, в камень все обращающий лик Медусы. О, отврати, я умоляю! Не злоба к тебе, не царствовать жажда к брани подвигли меня: за невесту любимую я начал сражение. Теперь признаю, что право жениться заслугами ты приобрел, а я – простым ожиданьем. Не уступил, – и очень теперь сожалею. Из всего, о храбрейший, мою лишь бессмертную душу ты мне уступи, да будет твоим все остальное!

И говорившему так врагу, Персей, глядя на него спокойно, серьезно и твердо, язвительно отвечает:

– Что, о Финей боязливый, дать, тебе ныне могу, – и дар то не малый для труса! – Дам, и ты страх свой откинь. Не обижу тебя я ни железом, ни медью. Наоборот, тебя на века,

как памятник некий, потомкам оставлю. Будешь всегда на виду ты в доме у нашего тестя, чтобы супругу мою утешал давно нареченного образ!

Молвив такие слова, Персей Форкиды ужасную голову быстро понес к тому месту, куда был Финей лицом обращен трепетавшим от страха. И, между тем, как глаза от лика Медусы отвернуть он безуспешно сначала пытался, все ж не сумел, и шея окоченела его, и в камень слеза затвердела, но умоляющий лик и уста боязливые в камне видны досель, о пощаде мольба и покорности знаки.

39. Смерть Полидекта

Прибыв вместе с молодою женой на остров Сериф, Персей застал милую мать, вместе с праведным Диктисом, припавшими к алтарям богов в поисках убежища от преследований Полидекта, нечестивого правителя небольшого скалистого острова Серифа. Тогда он вместе с Данаей и Диктисом и с сумкой заплечной смело вошел в царские покои, где Полидект принимал своих друзей и громко царя обвинил в подлом обмане:

– Ты Полидект – лгун и негодяй, ты даже не ездил соревноваться на быстрых квадригах с Эномаем потому, что все время добивался не Гипподамии, а моей матери Данаи. Я же сделал все, что обещал и обезглавил Медусу-Горгону. Ты думаешь, если сын хитроумного Крона скипетр тебе дал и за-

коны, чтоб царствовал ты над другими, то тебе можно все? Но есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом, славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа. Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят, подле родителя-Зевса немедля садится богиня и о неправде людской сообщает ему. И страдают за нечестье все люди, даже цари, злоумышленно правду от прямого пути отклонившие.

Однако ни юноши новая доблесть, ни прежние беды его и Данаи все же исправить не справедливое сердце царя не могли. Он ненавидел упорно Персея, непримиримый, и не было неправому гневу предела. Полидект, не придумал ничего лучше, как обвинить Персея во лжи, сказав, будто тот измыслил, что Медусу убил.

До сих пор Персей колебался и у своего спрашивал сердца совета:

– Надо ли мне царя этого смерти предать или милостиво простить? Ведь брат он благочестивого Диктиса и владыка небольшого народа, среди которого я вырос. И подаяниями царскими нам с матерью не раз помогал...

Теперь же Персей рассердился, и сердце его ужасной злобой наполнилось, грозно прищуриив глаза, он Полидекту ответил:

– Так ты мне не веришь? Будучи сам лгуном и других лжецами считаешь? Я дам тебе знак непреложный. Поберегите глаза, кто не хочет навсегда изваянием стать!

Воскликнул герой, и Медусы ликом ужасным царево лицо

превращает он в камень бескровный. Вместе с правителем окаменели и его царедворцы, застыв точно в таком же положении, в котором были, когда против воли взглянули Горгоне в магические глаза.

Персей сделал рыбака Диктиса царем острова Серифа и, оставив на его попечение теперь не только Данаю, но и супругу свою и мать Андромеду, поспешил на поиски Афины и Гермеса, чтоб возвратить меч серповидный, крылатые подошвы и щит полированный медный, а главное – спросить, что делать с чудовищной головой, совсем не утратившей ужасного дара.

Согласно Страбону, комические поэты говорят, что от взгляда ужасной Медусы-Горгоны окаменели все жители острова Сериф. Персей отомстил им за мать потому, что они помогали царю, желавшему взять Данаю в жены насильно. Поэтому этот остров и сейчас так каменист и скалист.

40. Битва с Дионисом за Аргос

Говорят, когда Персей пролетал над Аргосом, где издревле правила златотронная супруга Зевеса, он услышал, как его призывает жрец Мелампод, знавший язык птиц и зверей и первый из смертных наделенный даром пророчества. Мелампод, придя из Мессении в Аргос, исцелил от бешенства аргосских женщин и стал там жить, получив две трети царства для себя и брата Бианта.

Прорицатель пользовался заслуженным уважением у аргосцев, и хитроумная Гера, приняв его облик, стала созывать аргивян для брани с Вакхом – ненавистным ей сыном Зевса от фиванской царевны Семелы, дочери Кадма и Гармонии. Гера резвых сатиров уже изгнала из Аргоса, и тирсы вакханок отвергла, и даже старого Силена, бывшего воспитателя и кормильца Диониса прогнала. Бромий разгневался и наслал безумие на племя жен инахийских. Ахеянки с громкими воплями понеслись по перекресткам, нападая на всех, кто попадался на пути. Безумные женщины даже стали резать острыми ножами своих же младенцев.

Нон Панополитанский в своей энциклопедической поэме о Дионисе поет, как Гера в облике Мелампода громко призывала героя Персея:

– О Персей, отпрыск небесного рода, меч серповидный подъемли, не дай изнеженным тирсам край обездолить аргивский, не трепещи пред врагом, ибо твой серп смертоносный окрашен пурпурною кровью змей, чело обрамлявших девы Медусы Горгоны! Ополчись на порядки Бассарид, о покое комнаты медной вспомни, в которой Данае в лоно Зевес проливался ливнем золотоносным. Так покажи всем, что от ихора Крониона ты производишь! Ополчись на нечестивого героя Лиэя! Смертоносное око яви перед ним змеевласой Медусы! Дай мне – после владыки, объятого зыбью Серифа – нового Полидекта узреть превращение в камень! С тобою всемогущая арголидская Гера, царица богов и Зевса сестра и

супруга!

Персей не замедлил с неба спуститься и, став во главе собранного Герой войска, вновь взмыл на крылатых сандалиях в небо. Узрев в небе, готового с ним сразиться героя, Вакх пришел в священную ярость и стал потрясать лозою и тирсом, но не забыл вытащить адамант, дающий защиту от взора ужасного Медусы-Горгоны.

Нонн поет, как могучий Персей, победивший Горгону, морское чудовище и многих смертных врагов, стал зло и язвительно насмеяться над Вакхом:

– Ах, как мило с зеленым дротом, с сим тирсом с листвою нежною ополчиться в войну, как будто, играя! Прочь из краев именитых аргосских убирайся пока жив Дионис! Державная Гера правит этой землею, она твоей матери в пламени стореть помогла, как бы и тебя, своего приемного сына, она опять не ввергла в безумье!

Гера в это время украденной у супруга молнией жаркой сверкнула, будто сама была владычицей громов. Но Дионис только рассмеялся на это, ведь молнии Зевса были для него безвредны, ибо еще новорожденным младенцем в облике Загрея, рожденного Корой-Персефоной, он зарницами играл и пламенем молний омывался на зевсовом троне.

Между тем, не теряя времени даром, с мечом серповидным в одной руке и головой Медусы – Горгоны в другой по поднебесью метался Персей. От взора чудовищной девы в камень обратились вакханки и менады, и среди них, как го-

ворят, была супруга Диониса Ариадна, которую он у Тесея отбил.

41. Гермес прекращает битву Вакха с Персеем

Нонн Панополитанский поет, как пред плющом густолистным и лозой смертоносной смирились микенские медные копья, ибо в бегство пред сатирами обратился Персей, уступил тирсоносцу Лиэю, бурную пику метнувши в Эвия-браноносца, поразил Ариадны беззащитное тело! Вот он, по-двиг Персея! Убить невинную деву, брачное платье которой еще недавно любовью дышало...

Павсаний рассказывает, что в Аргосе направо от храма Латоны находится храм Геры Анфии (Цветущей) и перед ним огромная могила женщин. Эти женщины погибли в бою против аргивян и Персея, двинувшись походом вместе с Дионисом с островов Эгейского моря, поэтому их и называют Галиями (Морскими).

Говорят, наполнился гневом Дионис, увидев любимую супругу Ариадну бездыханной, и стал исполином могучим и до поднебесья, где летал Персей, достал черноволосой головою, дотянулся до верхнего слоя Эфира и тучевого покрыва, и даже нетленной обители блаженных богов прикоснулся.

Очевидцы той битвы рассказывают, что Персей, увидев, что его страшное оружие против Вакха бессильно, от стра-

ха затрепетал, и заплечный мешок прилип к его потному телу. Дионис же, разгоряченный сраженьем, решил весь Аргос низринуть, а державную Геру смерти придать, пока она бьется в облике смертном Мелампода – провидца.

Златотронная Гера смерти была не подвластна, а вот Персей наверняка нашел бы себе скорую гибель, если бы на помощь не пришел появившийся, как всегда вовремя, вездесущий глашатай и вестник Зевса Гермес. Бог-миролюбец за неимением времени не стал использовать знаменитый свой кадуцей всех примиряющий, он крепко схватил сзади Диониса за черные пышные кудри и ласковым голосом твердо напомнил ему – сколько раз он спасал его от злокозненной Геры. Потом бог красноречья, коснулся все же Вакха своим примиряющим жезлом и призвал Диониса прекратить эту битву:

– Угомонись Дионис! Свирепствуешь ты неразумно, ведь Персей брат твой, а Гера, хоть и в облике смертного, но все же царица сияющих высей Олимпа, где блаженных богов в наслажденьях все дни протекают, и она – приемная тебе мать. Пора уж задуматься тебе, Вакх, в гроздолюбивом сердце своем, как закончить все, что сейчас тут творится.

Для верности осторожный Аргоубийца – Гермес коснулся так же Персея и Геры своим крылатым кадуцеем с мирно переплетенными змеями, и мир возник отныне между недавними врагами.

Установив узы дружбы между Персеем и Дионисом, Гер-

мес довольно пошевелил крылышками на своем кадуцее трилистном, из золота и этим очарование несказанное придал их дружескому союзу.

Не забыл Киллений взять у сына Данаи крылатые сандалии, чтобы возвратить их нимфам стигийским и свой меч серповидный, и довольный собой удалился, легкими крыльями воздух колебля, подошвой амвросиальной словно веслом со свистом воздушный ток разрезая.

42. Афина помещает голову Медусы-Горгоны на эгиду

После того как Персей и Дионис примирились, всякая вражда между ними исчезла настолько, что Дионис удостоился от аргивян многих различных почестей и, между прочим, ему был дан особый участок, названный Критским, потому что здесь умерла и была похоронена прекрасная дочь критского царя Миноса и Пасифаи Ариадна.

Ликей говорит, что, когда аргивяне готовились вторично перестраивать храм Диониса Критского, они нашли глиняный гроб и что это был гроб Ариадны.

Примиряющего бога на поле, где недавно еще пылало сражение, сменила Афина, прибывшая с воинственным кличем на помощь к Персею и за головой Медусы-Горгоны. Увидев, что Дионис смирился с потерей Ариадны, которой Зевс на свадьбу даровал бессмертие, а сейчас вознес на небо, вместе

с венцом, получившим ее имя, Афина взяла у Персея осторожно заплечный мешок с ужасной головой, теперь увитой настоящими змеями вместо волос.

Некоторые говорят, что Паллада поместила голову Горгоны посредине своего щита. Они даже сообщают, что Медуса была превращена в Горгону и затем обезглавлена только ради Афины. Это случилось, якобы, потому, что дева хотела дерзко состязаться с Афиной в красоте, особенно хвалясь своими прекрасными волосами и за это должна была быть наказана, ведь бог, прощающий нечестивость – несправедливый бог. Но главное, Афине и самому Зевсу-Крониду необходимо было наводящее ужас оружие для помещения на эгиду. И мудрая Афина решила, что таким оружием может стать голова, взгляд на которую всех обращал бы в камень.

Геродот, которого Цицерон называл отцом истории, говорит, что одеяние и эгиду на изображениях Афины эллины заимствовали у ливиянок. Только одежда ливиянок – кожаная, а подвески на Эгиде – не змеи, а ремни, в остальном же одеяние того же покроя. Даже и само название указывает на то, что одежда на изображениях Паллады ливийского происхождения. Ведь ливийки носят поверх одежды козьи шкуры без шерсти, отделанные бахромой и окрашенные мареной. Из этого то слова “айгес” (коза) эллины и взяли название эгиды.

Другие же говорят, что наводящая ужас голова попала на страшно сияющий, несокрушимый щит Зевса, произведен-

ный колченогим олимпийским художником Гефестом по его замыслам творческим. Когда Тучегонитель своей десницею мощной мечет молнии, то другой рукой он потрясает кистями увешанную, ужасом смятения обрамленную Эгиду, на которой борьба, отпор и леденящий сердце ужас преследования потому, что в центре ее голова Горгоны, страшного чудовища. Эта грозная одежда является и страшным оружием, и неборимым щитом Зевса, который поэтому часто называется Эгидодержавцем.

В исключительных случаях эгиду Зевса носит и Аполлон лучезарный. По свидетельству Гомера Зевс ему говорит: Прими, Аполлон, бахромистый Эгид мой в десницу и, потрясающий им, устраши ты героев ахейских.

Персей уже без сумки заплечной, без кривого меча и без крылатых подошв по велению Могучей Судьбы пошел в Ларису, где проживал отец его матери, ведь он давно желал увидеть и приветствовать деда Акрисия с почтением на словах и на деле.

43. Смерть Акрисия

Как рассказывает Павсаний, Персей был в цвете своих юношеских сил и однажды хвалился изобретенным им приемом в бросании диска; он стал показывать перед всеми свое искусство, а Акрисию по воле божественного Рока попал под удар брошенного диска. Так над Акрисием соверши-

лось предсказание бога, и назначенное Могучей Судьбой он не мог от себя отворотить, несмотря на напрасно принятые предосторожности по отношению к дочери и внуку. Персей же удалился в Аргос – он стыдился молвы об убийстве – и убедил Мегапента, сына Прета, взаимно поменяться с ним царством и сам, получив его владения, основал Микены.

Аполлодор же рассказывает, что Персей вместе с Данаей и Андромедой поспешил в Аргос, чтобы повидаться со своим дедом Акрисием. Но тот, узнав о намерении внука, побоялся полученного им прежде предсказания и оставил Аргос, бежав в землю Пеласгиотиду. Когда Тевтамид, царь Лариссы, устроил гимнастические состязания в честь своего умершего отца, туда прибыл и Персей, желая принять в них участие. Во время состязаний по пятиборью он метнул диск и случайно попал в ногу человеку в толпе. Этим человеком оказался Акриси́й, который сразу же скончался от, казалось бы, совсем не смертельного удара в ногу. Узнав об исполнении давнего пророчества, Персей с почестями похоронил Акриси́я за городской стеной и, стыдясь вернуться в Аргос, чтобы не стать царем страны, которой правил скончавшийся по его вине дед, прибыл в Тиринф к Мегапенту, сыну своего дяди Прета, и поменялся с ним: он отдал ему Аргос, и Мегапент стал править аргивянами, Персей же – Тиринфом, укрепив также Мидею и основав Микены.

Гигин же говорит про Седьмые эллинские игры, которые устроил сам Персей, сын Юпитера и Данаи, погребальные в

честь своего воспитателя Полидекта, на острове Сериф, на которых, состязаясь, поразил своего деда Акрисия и убил. Поскольку он не хотел этого, это совершилось по воле богов.

Некоторые говорят, что на состязаниях, где погиб Акрисий присутствовал Аполлон в облике смертного. Бог-прорицатель знал, что царя Аргоса настигнет здесь смерть, однако не знал, как именно это произойдет. Он видел, что сын Зевса совершенно случайно убил отца своей матери и был удивлен необычной ролью Тюхе, направившей диск. Богиня Случая на этот раз не только не мешала никогда не дремлющим дочерям Ананке, но, наоборот, помогла сбыться их давнему прорицанию.

Когда Аполлон рассказал об исполнении предсказания о смерти Акрисия Зевсу, тот задумчиво косматой покачал головой и сказал, что Могучую Судьбу обмануть никогда невозможно:

– Предначертаний Рока, как я мню, не избег никогда ни один муж земнородный, ни отважный, ни робкий, коль скоро на свет он родится, хоть иные и пытаются, как букашки в сетях Судьбы-паука безуспешно брыкаться. Так и Акрисий напрасно с Роком боролся.

Однако Аполлон родителю возразил:

– То, что ты молвил, отец, верно лишь от части. Акрисий, избегая по-всякому предсказанной смерти, до весьма преклонных лет безбедно дожил, и Рок неотразимый настиг его, когда уж не зачем ему было цепляться за жизнь. Выходит, он

не напрасно с Роком боролся и все-таки обманул Могучую Судьбу, людей метущую, как вихрь листья.

Зевс потряс косматой своей головой так, что Олимп всколебался великий и нехотя согласился с сыном:

– Вынужден, Феб мой любезный, я с тобой сейчас согласиться. В этих с виду таких ничтожных людишках действительно что-то есть непонятное даже нам – их создателям. Они, хоть и знают, что бесполезно с Судьбою бороться, но все равно борются, и в некотором смысле иногда ее побеждают.

44. Персей основывает Микены [143]

Всем эллинам известно, что Персей был основателем Микен, здесь же будет рассказано о причине основания этого города и почему впоследствии аргивяне разрушили город и выселили микенян. Ведь в нынешней Арголиде сравнительно более древние предания уже забыты, они только рассказывают, что царствовавший у них бог речной Инах назвал реку своим именем и учредил жертвоприношения Гере.

Сыновья Абанта, сына Линкея, поделили царство, и Акрисий остался здесь в Аргосе, а Прет получил Герейон, Мидею и Тиринф, а также приморские области Аргоса; и до сих пор сохраняются доказательства жизни Прета в Тиринфе. Впоследствии, узнав, что Персей жив и совершает подвиги, Акрисий, бежал в Ларису, на реке Пенее, где и настигла его дав-

но предсказанная смерть.

Персей, много бродивший после нечаянного убийства Ак-
рисия, в одном месте потерял медный наконечник копья и
счел это знаменем для основания города.

Другие говорят, что сын Данаи, мучимый жаждою, нашел
на этой земле гриб и, напившись вытекавшей из него воды,
от удовольствия дал этой стране имя Микены, ведь [mykos]
означает «гриб».

Гомер же в «Одиссее» вспоминает в своем стихе Микену,
как женщину, говоря о пышно-венчанной царевне Микене...

Павсаний говорит так же, что аргивяне разрушили Ми-
кены и сделали это из зависти. При нашествии мидян арги-
вяне не проявляли никакой деятельности, микеняне же по-
слали в Фермопилы 80 человек, которые приняли участие
с лакедемонянами в их подвиге (сражаясь рядом с ними).
Это славное их поведение и принесло им гибель, раздражив
аргивян. До сих пор все еще сохранились от Микен часть
городской стены и ворота, на которых стоят львы. Говорят,
что все эти сооружения являются работой киклопов, кото-
рые выстроили для Прета крепостную стену в Тиринфе. Сре-
ди развалин Микен находится (подземный) источник, назы-
ваемый в честь основателя города Персейей... Если идти из
Микен в Аргос, то налево около дороги есть святилище ге-
рою Персею. Ему и здесь воздаются почести местными жи-
телями, но особенно его почитают на Серифе и у афинян, у
которых есть священный участок Персея и жертвенник Дик-

тиса и Климены, называемых спасителями Персея.

45. Смерть Персея и его вознесение на звездное небо

Гигин говорит, что Мегапент, сын Прета и Сфенебеи, убил Персея, сына Юпитера и Данаи, отомстив за смерть своего отца.

Первый из героев – знаменитых истребителей чудовищ Персей был помещен среди созвездий за славу, ибо родил его Зевс, сойдясь с Данаей в образе золотого дождя. Он отрубил голову Медусе, которую Афина поместила себе на грудь, а Персею дала место среди созвездий, где его можно видеть вместе с головой Горгоны. Он содержит звезды: на голове одну; на обоих плечах по одной яркой; на конце правой руки одну яркую; на локте одну; на конце левой руки, в которой, как принято считать, он держит голову Горгоны, – одну; на правом бедре одну яркую; на колене одну; на голени одну; вокруг волос Горгоны три; а голова его и серп по причине отсутствия звезд не видны, хотя кое-кто и считает их различимыми в виде туманного образования.

Люди почитали героя Персея и в его честь были построены герооны между Аргосом и Микенами, а также на острове Сериф и в Афинах.

Эратосфен рассказывает, что не только Персей, но и его возлюбленная Андромеда, Кефей, и Кассиопея, и даже мор-

ское чудовище Кит были помещены Зевсом на небосклон.

Кефей занимает в порядке созвездий четвертое место. Арктический круг отсекает часть его ног до груди, а остальное попадает в промежуток между арктическим кругом и летним тропиком.

Как рассказывает в «Андромеде» Софокл, Кассиопея изображена на небосклоне сидящей на троне неподалеку от Андромеды. Она содержит звезды: на голове одну яркую; на правой локте одну тусклую; на руке одну; на колене одну; на крае ступни одну, на груди одну, тусклую; на правом бедре одну яркую и одну яркую на колене; одну на прямоугольнике; по одной на каждом углу трона, на котором она восседает.

Андромеда находится среди созвездий, чтобы напоминать всем о подвигах Персея. Руки ее распростерты – так было, когда ее выставили на съедение киту. Она имеет много звезд: на голове, на обоих плечах, на ступнях и локтях, на поясе и коленях.

Нонн Панополитанский поет о том, что Андромеда, хоть и блистает на Олимпе, только страждет и в небе она, и ропщет, и стонет, часто слово такое с упреком горестно молвит:

– Что мне в славе, на небо взнесенной, Персей, о супруг мой? Так ли хорош сей брачный подарок – Олимп? И на звездном небе чудовище гонит меня, это новые узы, сходные с теми, что деву у берега морского держали и среди горних созвездий меня оковали, небесный меч серповидный спасенья не подал, и око Медусы звездной не защищает, хоть ме-

чет огонь и к Олимпу! Кит угнетает меня, а ты крылатых плесниц на ноги не одеваешь!

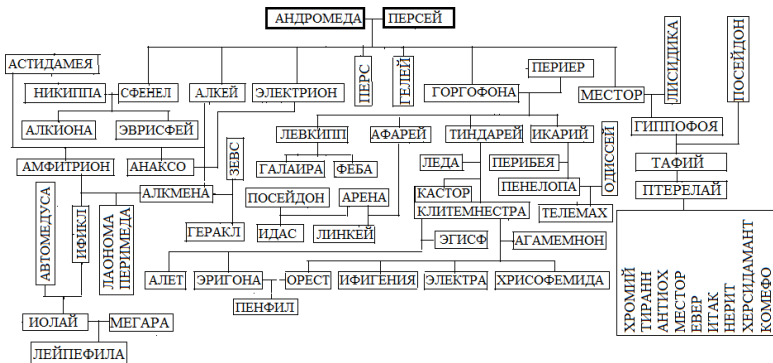
Жалобно дева стонала, клича Персея-супруга, но в этот раз не пришел он на помощь! Несмотря на жалобные стоны и горестный плач, Персей гордится звездной своей Андромедой за то, что на земле она родила ему дочь Горгофону и шестерых сыновей: Перса, Алкея, Сфенела, Элея, Местора и Электриона.

46. Генеалогическое древо Персеидов

Геродот говорит, что, когда Персей, сын Данаи и Зевса, прибыл к Кефею, сыну Бела, и взял себе в жены его дочь Андромеду, то родившегося сына назвал Персом. Сына своего Персей оставил в стране, так как у Кефея не было мужского потомства. От него то персы и получили свое имя.

Аполлодор говорит, что Перс родился у Андромеды еще до того, как Персей вернулся в Элладу. Стяжавший бессмертную славу герой, оставил своего первенца у Кефея и, как говорят, от него пошел род персидских царей Ахеменидов, правивший Древней Персией почти четыре века.

Государство Ахеменидов прекратило свое существование в 330 г до н. э. под ударами несокрушимой армии Александра Македонского.

В Микенах же в семье Персея родился первым Алкей. От Алкея и Астидамеи, дочери Пелопса родился Амфитрион и дочь Анаксо. Анаксо вышла замуж за своего дядю Электриона, брата Алкея, и родила ему дочь Алкмену и восемь сыновей.

Во время отсутствия Амфитриона Алкмена зачала Геракла от Зевса, принявшего облик ее мужа. Геракла за силу и в честь прадеда Алкея называли Алкидом.

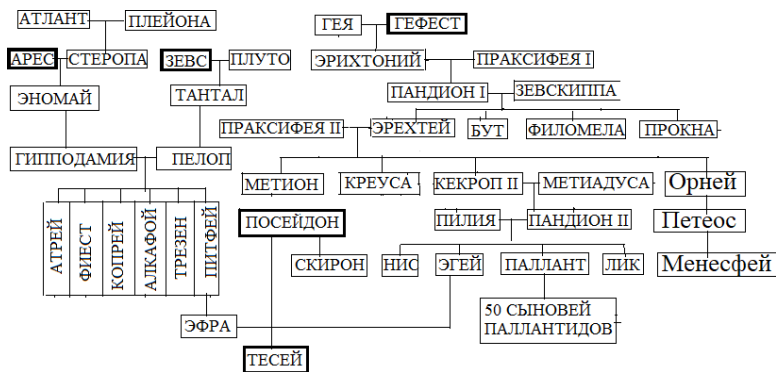
Сын Персея Сфенел женился на дочери Пелопа Никиппе, и она ему родила недоношенного Эврисфея, у которого на службе Геракл совершил 12 канонических подвигов.

Некоторые говорят, что дочь Персея Горгофона была два раза замужем. Говорят даже, что она была первой женщиной, которая была дважды законной супругой. От первого брака с Перьером она родила Левкиппа и Афарея, от второго – с Эбалом – Гиппокоонта, Тиндарея и Икария.

Часть II. Тесеи [189]

Происхождение Тесея

47. Генеалогическое древо Тесея

Для наглядности древо обычно располагают на одном листе и потому из-за недостатка места часто приходится помещать не всех родственников, а только наиболее значимых для главного героя, имя которого носит генеалогическая схема.

Например, на данной схеме не показаны сын Эрехтея Пан-

дор и, возможно, Феспий и Эвпалам и так же 5 его дочерей, среди которых были такие известные, как мать близнецов Бореадов Орифия и жена знаменитого охотника Кефала Прокрида, а также Хтония, Протогеня и Пандора. На схеме не показаны сыновья Креусы Ион, Ахей и Дор, по именам которых получили названия три из четырех основных греческих племен – народов.

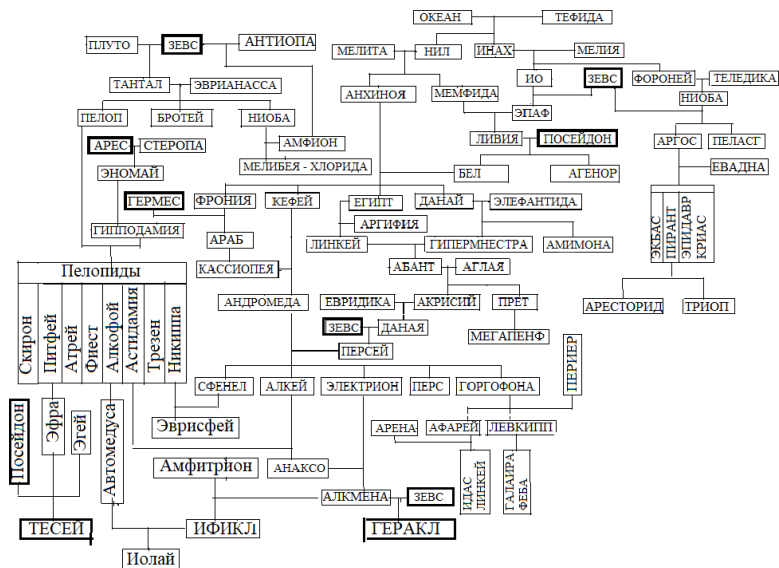
Как видно, со стороны отца род Тесея восходит к Эрехтею и Эрихтонию, а от них – к прамати Гее, родившей Эрихтония от пролитого на девственное бедро Афины семени юного Гефеста, которое она с отвращением вытерла старой шерстью и закопала в землю.

Со стороны матери Эфры род Тесея восходит к героям Пелопу и Танталу и к богам Аресу, Зевсу и Атланту.

На генеалогической схеме показан сын Эрехтея Орней, который замечателен лишь своим внуком Менесфеем, которого многие считают двоюродным братом Тесея, однако, как видно из схемы, он является ему троюродным дядей. Менесфей, поссорившись с Тесеем на свадьбе Пирифоя и дочери лапифа Атракса Гипподамии, и имея по рождению большие претензии на афинский престол, помог Диоскурам в войне с Афинами, когда те с войском явились в Аттику, чтобы найти и вернуть в Спарту их сестру Елену Прекрасную, похищенную Тесеем. В благодарность за эту помощь Тинтариды сделают Менесфея афинским царем, когда Тесей будет пребывать в царстве Аида.

Вообще говоря, все греческие герои так или иначе связаны между собой, поскольку все они, как люди, смерти причастные, произошли от сына знаменитого титана – бунтаря Прометея Девкалиона и дочери брата Прометея Эпиметия Пирры, ставших основателями последнего человеческого рода после всемирного потопа, устроенного Зевсом для того, чтобы сгубить предыдущий нечестивый род людей под водой. Однако имен всевозможных героев известно из первоисточников многие тысячи, и потому ясно, что связи некоторых из них между собой невозможно изобразить наглядно. Гораздо интереснее проследивать происхождение самых знаменитых героев от бессмертных богов и их родственные связи между собой. Поэтому рассмотрим совместную генеалогию самых знаменитых героев Эллады – дорийского Геракла и афинского Тесея, при этом обязательно проследивая их происхождение от олимпийских богов.

48. Родственные связи Тесея и Геракла

Некоторые, как знаменитый биограф и писатель-историк Плутарх, говорят, что Тесей придавал особенное значение своему родству с Гераклом, доблестью которого он не только искренно восхищался, но и завидовал втайне и подвиги которого мечтал превзойти и затмить труды, в том числе и на поприще Афродиты.

По линии родных отцов Тесей и Геракл были двоюродными братьями, поскольку олимпийские боги Зевс и Посейдон

– родные братья.

Тесей был главным афинским и вторым по значению героем Эллады, после великого Геракла; у него, как у всех знаменитых героев – полубогов было 2 отца: божественный Посейдон и смерти подвластный афинский царь Эгей, имя которого связано с любимой им козой. Связи между смертными отцами этих двух самых прославленных героев Эллады Амфитриона и Эгея проследить трудно.

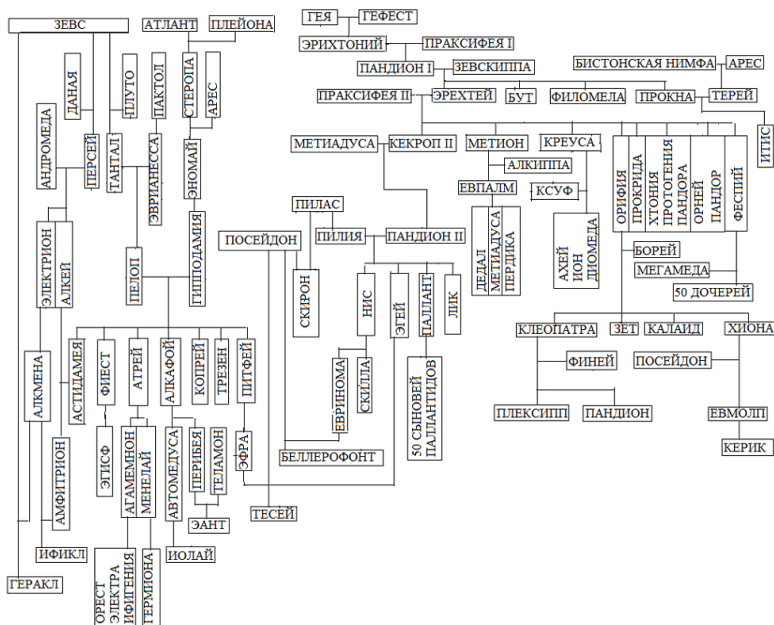
Чтобы показать наличие или, наоборот, явное отсутствие связей между смертными отцами Геракла и Тесея (а также произвол в изображении генетических схем) изобразим другое генеалогическое древо. На нижней схеме видно, что явных связей между Эгеем и Амфитрионом нет, хотя, опять же возможно, что они есть, но не изображены, ведь происхождение деда Эгея по материнской линии Пилоса не известно.

Однако на представленной ниже генеалогической схеме видны родственные связи между смертным отцом Геракла Амфитрионом и матерью Тесея Эфрой. Они двоюродные брат и сестра, ибо Пелопиды отец Эфры Питфей и мать Амфитриона Астидамия родные брат и сестра.

Из этой же генеалогической схему можно проследить родственные связи Тесея и Геракла по материнской линии.

Поскольку Эфра и Амфитрион являются двоюродными братом и сестрой, то Тесей и Ификл – троюродные братья, Тесей и Геракл – тоже, но не кровные, поскольку Амфитрион – приемный (смертный) отец Геракла.

Из схемы, изображенной выше видно, что Алкмена внучка Астидами, сестры Питфея и потому мать Геракла племянница Эфры, матери Тесея. Алкмена и Тесей – троюродные брат и сестра и потому выходит, что Геракл по материнской линии троюродный племянник Тесея, хотя Тесей был значительно младше сына Алкмены.

Как видно из приведенных генеалогических схем среди предков Тесея по материнской линии трезенской царевны

Эфры было два олимпийца: бог кровавой войны Арес, который сошелся с дочерью Атланта Плеядой Стеропой и Громовержец, возлегший с фригийской царевной Плуто.

Многие прославленные герои имели еще и смертных братьев, например, у Геракла был Ификл, у Полидевка – Кастор, у Идаса – Линкей... Эти смертные братья были родными сыновьями смертных отцов знаменитых героев. У Тесея то ли по воле, как всегда, непредвиденно вмешавшейся богини случая Тюхе, то ли потому, что Эгей был не достаточно молод или болен, чтобы стать отцом, при рождении не оказалось смертного брата. Поэтому старая лишь обликом Мойра Лахесис, как всегда, исправила допущенное по вине случая, нарушение заведенного порядка, и у Тесея довольно поздно – в молодые годы появился возлюбленный друг Пирифой, ставший для него больше, чем братом.

49. Род Эгея – смертного отца Тесея

Со стороны смертного отца Тесей имел среди предков автохтона (аборигена) Эрихтония, рождённого из семени, пролитого юным Гефестом на бедро девственной сестре Афине. Мудрая Афина поместила семя в землю, и всеобщая прама-терь Гея выносила и родила сына, названного Эрихтонием.

Афина вырастила и воспитала мальчика, который, как говорит древнее предание, был выше пояса человеком, а ниже – змеем. Когда Эрихтоний был младенцем, Тритонида пере-

дала его в закрытом ларце дочерям основателя и первого царя Аттики Кекропса Герсе, Аглавре и Пандросе на вскармливание и подращивание. Богиня строго запретила девушкам заглядывать в ящик, так как Эрихтоний был обвит змеей (или имел нижнюю половину тела змеиную). Легкомысленные, не в меру любопытные царевны нарушили этот запрет и открыли ящик. Аглавра и Герса за это были поражены безумием и покончили с собой, бросившись с Акропольской скалы (или были задушены змеей). После этого Афина сама воспитала Эрихтония в своем храме.

Возмужав, Эрихтоний изгнал из страны Амфиктиона и воцарился в Афинах и правил ровно полвека. Был женат на наяде Праксифее, имел сына Пандиона I. Был похоронен сыном на священном участке храма Афины.

Пандион I был женат на наяде Зевксиппе, сестре своей матери, которая родила ему суровую нравом Прокну и красавицу Филомелу, а также сыновей-близнецов Эрихтея и Бута. Прокна и Филомела приобрели большую, но печальную известность, благодаря похотливому и жестокому фракийскому царю Терею, женившемуся на Прокне.

После смерти отца Бут стал жрецом Афины и Посейдона и основателем рода Бутадов. Согласно Аполлодору, он женился на своей племяннице Хтонии, дочери Эрехтея. Однако прожил Бут с Хтонией не долго. Дочери Эрехтея поклялись друг другу, что, если одна из них умрет, остальные убьют себя. Хтония была принесена в жертву Посейдону после побе-

ды афинян над элевсинцами, и две сестры её Протогеня и Пандора, согласно клятве, сами себя убили.

После смерти Пандиона, правившего Афинами 40 лет, братья разделили отцовское достояние: царскую власть унаследовал Эрехтей, а должность жреца Афины и Посейдона получил Бут, и такое разделение наследства они передали и своим потомкам. Эрехтей, правивший Афинами 50 лет, как и его дед Эрихтоний, воевал с Элевсином и в решающей битве убил его предводителя Эвмолпа Фракийского, но и сам пал в сражении, атакованный трезубцем Посейдона (или молнией Зевса). Власть в Афинах унаследовал старший сын Эрехтея Кекропс II (Кекроп I был вторым царем Афин, женатым на Аглавре, дочери первого царя Афин Актея), однако на трон претендовал и младший сын Метион. Среди сыновей Метиона следует назвать в первую очередь Евпалама – отца знаменитого во всей Элладе мастера Дедала.

Согласно «Пиру мудрецов» Афиняя, в Афинах первым завел единобрачие Кекроп, а до него люди соединялись беспорядочно, и мужья, и жены были общие. Оттого, по мнению некоторых, его и прозвали «двуприродным», так как раньше человек не мог знать собственного отца среди многих других.

Афинская царица Метиадуса, дочь Евпалама, родила Кекропу сына, названного в честь деда Пандионом II или просто Пандионом. Сыновья Метиона от Алкиппы или Ифиной Дедал, Евпалам и Сикион захватили власть в Афинах и из-

гнали Пандиона, которому пришлось поселиться в Мегарах, где он женился, на Пилии, дочери лелегского царя Пиласа. Пилас убил своего дядю Бианта и, оставив Пандиона правителем Мегары, укрылся в Мессении, где и основал город, которому дал свое имя Пилос. Теснимый Нелеем и пеласгами из Иолка, он вступил в Элиду и основал там второй Пилос.

50. Эгей и его братья Нис, Паллант и Лик

В Мегарах у Пандиона родились сыновья Эгей, Лик, Паллант и Нис, унаследовавший трон Мегар. Завистливые братья Эгея распространили слух, что он незаконнорожденный сын.

Согласно Аполлодору, Эгей был сыном некоего Скирия, но Пандион, воспитывая, выдавал его за собственного сына.

Пандион не вернулся в Афины, а в Мегаре ему построили святилище, как герою. Там на утесе Афины-Гагары ему устроили пышное погребение. Говорят, что Афина превратилась в гагару, спрятала под своими крыльями Кекропа, отца Пандиона и перенесла его в целости и сохранности в Мегару на высокий утес.

После смерти Пандиона его сыновья, объединившись, пошли походом на Афины, изгнали сыновей Метиона и разделили Аттику, названную по имени дочери Краная Аттиды, на четыре части, как перед смертью повелел им отец. Эгею,

как самому старшему, досталась лучшая часть – прибрежные земли с Афинами. Нису досталась Мегарида и земли, лежащие от нее к западу до самого Коринфа и его власть простиралась от Истма до Пифия. Лик получил огромный остров, покрытый садами Эвбею, а Паллант – берега Скирона (южная Аттика), где его потомками был суровый народ гигантов.

Паллант и его 50 сыновей оспаривали власть Эгея в Афинах, что послужило причиной многочисленных стычек, едва не переросших в большую войну.

Когда Нис правил в Мегарах, он город назвал Нисеей и основал большой порт Нисею. Посередине головы у него был пурпурный локон волос, с которым была связана его жизнь и благополучие страны. Его красавица дочь Скилла (была так же морская Скилла, превращенная ревнивой волшебницей Киркой или царицей подводного мира Амфитритой в чудовище) влюбилась в Миноса, осаждавшего Мегары, и вырвала ночью у родителя заветный локон волос. Мегары пали, побежденный Миносом Нис погиб или, как гласит предание, преследовал по морю предавшую его и родину дочь и превратился в скопу. Ниса погребли в Афинах, и его могилу расположили рядом с тогда еще не знаменитым Ликеем. Мегарцы, не желают признавать, что их город когда-либо захватывали критяне, да еще с помощью предательства Скиллы и утверждают, что их герой Мегарей женился на дочери Ниса – Ифиное – и унаследовал его трон.

Другая дочь Ниса Эвринома родила от Посейдона Гиппо-

ноя, который в юности убил Беллера и потому получил новое имя Беллерофонта. Беллерофонт, троюродный брат Тесея стал тоже знаменитым героем после того, как истребил на крылатом Пегасе ужасное чудовище – огнедышащую Химеру, имевшую тройное тело – мощную львиную голову, мускулистое козье тело и длинный змеиный хвост.

Согласно Мегарским преданиям Скирон всю жизнь был военачальником, но афиняне говорят, что Скирон занимался разбоем на дороге между Афинами и Мегарой, заставляя путников мыть ему ноги. Затем злодей сбрасывал свои жертвы в море со скалы, где их съедала гигантская черепаха. Юный герой Тесей, шедший на встречу со своим смертным отцом Эгеем в Афины, был вынужден убить своего родича.

Эгей, как Кекроп и Пандион, все время боялся заговоров со стороны своих жаждущих власти сородичей, особенно Лика, которого он изгнал из Эвбеи. Лик бежал к Сарпедону и дал свое имя основанному им городу Ликийи.

Говорят, Лик обладал пророческим даром, и его оракул объявил, что, если мессенцы сумеют сохранить некую вещь, они восстановят свои владения, имея в виду великие мистерии, записанные на листе олова. Он посетил Афарея в Арене и посвятил царский дом в священные мистерии благой богини Деметры и ее дочери Кору, ставшей в Аиде Персефоной, а в древней мессенской столице Андании ввел мистерии Аттиды. Эта Аттида, давшая свое имя Аттике, была одной из трех дочерей Краная, царя-автохтона Афин, царствовавше-

го во время Девкалионова потопа. Дубовая роща в Андании, где Лик подверг очищению всех мистов (посвященных), до сих пор носит его имя.

Эгей по воле непререкаемой Мойры Лахесис стал смертным отцом Тесея, у которого был еще божественный отец – чернокудрый Сотрясатель земли Посейдон.

51. Кастальский источник в Дельфах

Некоторые говорят, что Эгей жил только с двумя женами. Первой была Мелита (Мета), дочь Гоплета, а второй – Халкиопа, дочь Рексенора, но ни одна из них не родила ему ребенка, который мог бы стать законным наследником.

Другие, подобно Афинею, уверяют, что много женщин было у Эгея: первой он взял за себя дочь Гоплета Мелиту, после нее одну из дочерей Халкодонта Халкиопу, но обеих радушно уступил друзьям. Потом Эгей жил со многими другими женщинами, в брак по-прежнему не вступая, и потому у него долго не было законных детей.

Свою бездетность сам Эгей объяснял гневом Киприды. Считая, что в этом виновата злая воля своенравной богини красоты и любви Афродиты, Эгей ввел в Афинах поклонение этой богине. Чтобы Пафийка смягчилась, он построил в Афинах храм Афродиты Урании (Небесной), но это не помогло. Так как у него не было законных сыновей, он, опасаясь своих братьев, и особенно многочисленных Палланти-

дов, решил вновь отправиться в Дельфы, где находился знаменитейший храм Аполлона и попытаться узнать у бога оракула, как ему стать отцом хотя бы одного сына.

В последний раз Эгей был на Парнасе, когда после убийства сына Миноса Андрогея его страну охватила жесточайшая засуха, и люди от нестерпимого голода начали умирать. Тогда Пифия изрекла, что Афины должны сделать все, что потребует Минос, а тот решил наложить на город страшную дань – каждые 9 лет афиняне должны были отправлять на Крит 7 юношей и столько же девушек для съедения чудовищному человеку – быку Минотавру.

Со всех концов Греции, а потом и со всей обитаемой земли – Ойкумены люди в течение почти трех тысячелетий (!) приходили в Дельфы, к подножию знаменитейшей горы Парнас, месту вещания лучезарного Аполлона, чтобы получить совет или узнать будущее. Склоны окрестных гор изобиловали источниками, наиболее известным из которых был Кастальский, окружённый лавровыми деревьями, посвящёнными Аполлону. Около этого источника, названного по имени возлюбленной богом дочери Ахелоя непорочной Касталии, известной среди нимф своей целомудренностью.

Однажды, покинув мирные дубравы, в жаркий день подошла юная нимфа к воде и всю одежду и пояс сняла, положив на склоненную иву. И только обнаженная дева поплыла, как вдруг услышала голос какой-то и, испугавшись, заспешила к ближайшему берегу. Выскочив на сушу, обнаженная дева быст-

рее ветра понеслась, не глядя под ноги.

– Куда ты несешься, Касталья? Остановись я не враг твой. Бог я Дельфийский и Муз предводитель, владею знаменитейшим храмом Эллады, сам Зевс мне отец...

Но не слушала дева Дельфийца, и помчалась Касталья такой, как была, совсем без одежды, которая была на другом берегу. Яро Феб пламенеет, совсем голую видя Касталию, и считает, что она его завлекает. Богу, видя прекрасное юное тело, несносно время на нежные речи терять: страстью любовной охваченный, шаг прибавил и по пятам преследует деву. Чтобы избавиться от домогательств могучего бога, Касталья нырнула в глубину бурлящего потока Делфи, да так там навсегда и осталась.

Пиндар в «Пифийских одах» печально поет, что Ликиец Феб, царящий над Делосом, с тех пор безнадежно влюблен в Кастальский Парнас.

Чистейшая вода из этого источника по воле Мойр стала священной; сначала она использовалось для уборки храмов в Дельфах. Вскоре Кастальский ключ стал давать влагу для совершения ритуальных омовений паломниками при посещении Дельф, а также для мытья волос Пифии перед началом её прорицаний. В Греции воды Касталии почитались как священный ключ Аполлона и Муз, дарующий вдохновение поэтам, ваятелям и музыкантам.

Некоторые говорят, что мало из Кастальского источника пить нельзя, он отравляет иллюзией большого знания. От од-

ного глотка человек пьянеет разом, но выпив все до дна он обретает самый светлый разум.

52. Эгей получает в Дельфах оракул

Эгей прибыл в Дельфы в начале весны – в самое цветущее для оракула время в служении богу-прорицателю лучезарному Локсию. Из граждан с немалым достатком, принесших Дельфийскому храму обильные жертвы и богатые дары образовывалась очередь, и 7 числа каждого месяца допущение просителей определялось жребием. Главный жрец был дружен с афинским царем и сделал для него исключение, решив допустить его для совещания с Пифией без жребия.

Обращение к оракулу для паломников начиналась с жертвоприношения, которое было не умиловительным, а необходимым для того, чтоб по поведению жертвенного животного понять, расположен ли бог в этот день отвечать или давать советы именно этому паломнику.

Эгея, пришедшего на священную гору Аполлона Парнас с белой телицей и с самым любимым им животным – козой, рога которой он позолотил собственными руками, встретил госий, один из пяти «чистых» жрецов, руководящих верующими при обращении к оракулу, совершении жертвы, внесении платы или дара, омовении и других обязательных процедурах. Госий совершил обильное возлияние на козу и долго смотрел на нее, проверяя дрожит ли она всем телом, от

задних копыт до рогов, ведь недостаточно, если жертва дергается только одной головой, надо, чтобы все ее члены дрожали вместе, охваченные трепетом или судорогами. Телице госий дал сначала немного муки, а потом и стручковый горох и, поскольку она не отказалась от этого угощения, то он счел ее вполне здоровой.

Госий решил, что бог готов дать Эгею оракул, и повел его совершать омовение водами священного Кастальского ключа, чтобы пройти очищение. После того, как царь внес установленную плату в 1 жертвенную лепешку и 7 афинских драхм госий передал Эгея дельфийскому проксену. Проксен украсил голову царя лавровым венком с шерстяной повязкой и провел его в храм, где в святая святых – адитоне его ждала сама Пифия.

Непорочная аполлонова дева уже омылась в Кастальском источнике, надела золототканую одежду, распустила волосы сзади, а на грудь положила две косы, надела на голову венок из лавра и спустилась в адитон. Там она выпила из источника, пожевала лавр и сев на высокий треножник, вдыхала дурманящие испарения, поднимавшиеся из расселины, чтобы, услышав вопрос, пророчествовать.

Эгей несколько раз мысленно повторял свой вопрос, который он придумал в стихотворной форме, но, оказавшись в адитоне, от волнения все позабыл, и когда его подтолкнул стоящий рядом жрец с вощенной табличкой и стилосом в руках, быстро стал говорить, порой запинаясь:

– В храм ваш знаменитый явился я...
Потому, что хочется мне очень узнать...
Будут ли у меня когда-нибудь сыновья,
И, если да, то кто будет их мать?

Пифия, нажевавшаяся лавра и надышавшаяся испарениями, поднимавшимися из расселины, где гнил Пифон, горловина которой находилась под ее треножником, воздела руки вверх и затряслась всем телом. Потом дева мутным взглядом посмотрела на Эгея, и ему показалось, что она сильно пьяная; на миг он даже пожалел, что явился сюда. Однако, вспомнив все, что слышал до сих пор об этом самом знаменитом в Элладе аполлоновом храме и о своих мучениях по поводу бездетности, с надеждой в глазах, стал ожидать оракула, и тот не заставил себя долго ждать. Пифия внезапно успокоилась и чистым голосом объявила:

– Нижний конец бурдюка не развязывай, прежде чем ты не поднимешься вновь на акрополь Афинский. Если не будешь этому послушен совету, то, возгордившись, однажды взойдешь на акрополь и еще не старым умрешь от непереносимой печали.

Эгей приготовился дальше внимать, но больше ничего не последовало и жрец, взяв его под руку вывел из храма, сказав, что оракул совершенно ясный и не нуждается ни в каком толковании пророка.

53. Эгей, подобно Эдипу, решает бороться с Роком

Афинский царь, покинув храм, все время, пока шел к повозке и к сопровождавшим его в поездке слугам, так разговаривал сам с собой:

– Бурдюк, бурдюк... концы бурдюка... Жрец сказал, что оракул ясный. А мне не ясный совсем... Надо было все-таки настоять, чтоб дали хоть какое-нибудь толкование. Впрочем, со своими законами в чужой храм не пускают. Раз оракул ясный, то бурдюк – это, конечно, мех с вином, а что же еще? Раз нельзя мне развязывать нижний конец меха с вином, то значит мне не надо пить свое вино, взятое в дорогу...

Эгей не смог придумать ничего лучшего, как считать, что Дельфийский оракул предупредил его, чтобы он не развязывал концы бурдюка – винного меха, пока не вернется в Афины и не поднимется на Акрополь, или ему вскоре, еще не старым, придется умереть от печали. Первым делом он приказал сопровождавшей его свите отдать неокорам (храмовые прислужники) все вино, которое было взято в дорогу. Чтобы скрасить свое возвращение и заодно посоветоваться об оракуле со знающим человеком, Эгей решил посетить в Трезене своего давнего друга Питфея, который слыл учнейшим и мудрейшим мужем своего времени.

Так, стремясь избежать предсказанной судьбы, Эгей, по-

добно самому знаменитому герою-рокоборцу Эдипу, впадает в гамартию (ошибка), которая, как раз и обеспечит исполнение предназначения Мойры.

– Чей бы ты ни был сын, тебе суждено убить родного отца и жениться на родной матери, и прижитые с нею дети обречены на страдания жестокие и страшные муки. Твои сыновья-внуки позорной смертью погибнут, и сам ты, лишив себя света в очах, бесславно умрешь на чужбине.

Эдип был в ужасе, услышав в Дельфах этот оракул и, стремясь избегнуть предназначения Мойры, решает не возвращаться к владыкам Коринфа Полибу и Мeroпе, которых он считал родителями. Чтобы не стать отцеубийцей, и не осквернить материнское ложе, юноша все дальше и дальше уходил от родных Коринфских пенат и от лавров Дельфийских. На незнакомой дороге, ведущей в семивратные Фивы, он подрался со слугами царственного старика Лая, ехавшего в колеснице и, когда тот ударил его, в ответ убил старца дорожным посохом. Лай был отцом Эдипа. Потом Эдип на этой дороге победил чудовищную певицу ужасов Сфинкс, за что благодарные фиванцы предоставили ему трон вместе с овдовевшей царицей Иокастой, которая была его матерью. Когда через много лет Эдип узнал о своих невольных преступлениях, он ослепил себя, а его возмужавшие сыновья изгнали его из Фив, и он умер на чужбине, в Колоне, недалеко от Афин, где тогда царствовал Тесей, сын Эгея.

На самом деле Бог устами Пифии внушал Эгею не всту-

пать в любовную связь ни с какой женщиной, пока он не придет в Афины. Он же, избавившись от своего меха с вином, заедет к Питфею в Трезен, где, напившись со старым другом вина (не из меха-бурдюка, а из кратера, кубков и чаш), как раз, и сойдется с его дочерью Эфрой, которая родит ему сына. Когда сын возмужает и уедет на Крит он умрет от непереносимой печали, думая, что его единственный законный сын погиб, о чем будет однозначно свидетельствовать черный парус на его возвращающемся корабле.

Итак, Эгей решает большую часть пути плыть и, наняв корабль, он оставил священные Дельфы и, подгоняемый попутным дыханием ветра, поплыл в Коринф, лежащий на Истмийском перешейке, чтобы оттуда навестить Питфея, царя Трезены, города, расположенного в восточной оконечности Арголиты.

Старой лишь обликом Мойре Лахесис было угодно, чтобы в Коринфе Эгей встретился с Медеей, в то время еще мало кому известной колхидской царевной, предавшей родину, брата и отца ради возлюбленного юного героя с русыми волосами и честными голубыми глазами, но еще на убившей своих детей от Ясона, чтоб ему отомстить за измену.

54. Медея

Дочь колхидского царя Ээта (Эет) и океаниды Идии, внучка солнечного титана Гелиоса Медея (намерение, замысел)

была, как и ее отец, и тетка Кирка (известная так же, как Цирцея), колдуньей. Говорят, что искусству магии она обучалась, будучи жрицей, у самой подземной богини высокой судьбы трехликой Гекаты.

Пронзенная кипарисовой стрелкой Эроса с зазубренным крючком на конце, Медея без памяти влюбилась в юного вождя аргонавтов Ясона, приплывшего в Колхиду за золотым руном, приносящим счастье и благоденствие народу им обладающему.

Ээт получил предсказание, что лишится сначала власти, а потом, возможно, и самой жизни, если прибывшие на корабле чужеземцы увезут с собой золотую кожу барана Крия. По этой причине, а также из-за своей врожденной жестокости могучий Ээт стал приносить всех чужеземцев в жертву богам, и скоро по всей Ойкумене распространилась молва о дикой свирепости колхов, и ни один из иноземцев с тех пор не решался по своей воле прибыть в их чуждедальние края.

Русокудрый голубоглазый красавец, помня наставления прорицателя Мопса, приплывшего вместе с ним на «Арго», решительно заявил Медее, сверкая безукоризненно честными своими глазами:

– Я поклянусь тебе всеми богами любящей справедливость Эллады! Если ты, против воли сурового отца своего, нам поможешь золотым руном завладеть и в наши дома, и в нашу страну со мною придешь, станешь меж всех жен в самом великом почете. Словно к богине начнут к тебе все

относиться, ибо, благодаря тебе, у одних сыновья воротятся с края земли, у других – мужья и братья будут спасены от бедствия злого. Ты мое ложе в супружеской спальне со мною законно разделишь, и ничто не будет разлукой в нашей любви, кроме смерти, только ей одной, для всех неизбежной дано разлучить нас с тобой!

Услышав эти слова, Медея готова была пасть на колени перед любимым, из девичей груди извлечь любящую свою душу и, в немом восхищении, на ладонях, как божеству, ему протянуть. – Так мощно сверкал могучий Эрот над русой главою Ясона факела пламенем страстным и похищал умело в мгновение ока скромные девичьи взоры. В дрожащей груди юной Медеи тихо млела душа, и вся, словно мед, сладостно растекалась и таяла. Так же роса ранним утром, появляясь вместе с божественной Эос, возникает на лепестках только, что распустившейся розы каплями и тает с уходящей багряной зарей, согретая первыми светлого солнца лучами.

Медея, хорошо зная, какими ужасными бедами ей это грозит, помогла возлюбленному царевичу славного города Иолка, выдержать все невыносимые для смертного мужа испытания, которым его подверг её грозный отец. Пышноволосяный красавец – герой натерся ее колдовским зельем и, став на время могучим, как бог, запряг огнедышащих быков с медными рогами в ярмо и вскопал обширное поле. Засеяв землю зубами давно убитого Кадмом дракона, герой победил выросших из этих зубов землеродных мужей с оружием и в до-

спехах, кинув в их гущу, по совету Медеи камень, вызвавший между ними смертельную драку.

Золотое руно по приказу могучего колдуна Ээта сторожил неусыпный Колхидский дракон. Подкравшись близко, Медея голосом тихим и заунывным запела, взывая к помощи всепобеждающего Сна, чтоб Гипнос на мягких крыльях неслышно явился усмирить своей маковой настойкой не дремлющие глаза свирепого змея. Однако Колхидский дракон не спешил в объятия Гипноса и, голову страшную к Медее и Ясону простирая, стремился их сдавить в мощных своих челюстях, им неизбежную гибель готовя. Тогда отважная царевна, опасность для жизни презрев, сломала можжевеловую ветку и, сбрызнув ее жидкостью заранее приготовленной, с наговором этой веткой бесстрашно коснулась глаз неусыпных дракона. Чудовище глухо завывало и нацелилось руку девушке по самое плечо откусить, но тут, наконец, крепко заснуло, его огромная голова, круша кусты и ветви деревьев, с грохотом пала на землю, а его несметные кольца последний раз развернулись и безвольно распластались по лесу, словно несколько стволов толстых деревьев.

Похитив золотое руно, Ясон с Медеей на острове феаков поженились, чтобы царь Алкиной их колхам не выдал, и они смогли уйти от погони. Молодожены приплыли в Йолк, где правил коварный дядя Ясона Пелий. Медея обманула дочерей Пелия, пообещав им омолодить родителя и, замороженные ее колдовской речью, они разрубили его на части. Граж-

дане Иолка не простили Ясону и Медее коварного убийства царя, и супруги были вынуждены спешно бежать в Коринф.

В Коринфе Медея с Ясоном прожили 10 счастливых лет. В это время колхидянка прекратила здесь страшный голод, принеся особенные жертвы благой богине плодородия Деметре.

Говорят, в эти годы колхидскую царевну за гладкую смуглую кожу без единого пятнышка, за жгучие черные очи и пышные волосы страстно полюбил Зевс. Властелин богов упорно домогался любви Медеи, но она отвергла его, за что златотронная Гера обещала бессмертие её детям. Поэтому, когда у Медеи рождались дети, она на некоторое время скрывала их в святилище Геры, думая сделать их бессмертными.

На десятый год пребывания в Коринфе Медея узнала, что по-прежнему страстно любимый ею Ясон собирается бросить ее и жениться на подростке дочери владыки Коринфа Креонта юной Главке.

Колхидянка была глубоко обижена, как любящая женщина и оскорблена несправедливостью, как человек, который всю свою жизнь, как божеству, пожертвовал Ясону, ведь она чтоб только он был жив, предала отца, погубила брата Апсирта и покинула любимую родину. Долго не могла остановить она горестных воплей, причитая о клятвах Эсонаида пред богами и пред нею, но Ясон в ответ лишь стал над ней нагло глумился, заявив, что он женится на Главке только, чтобы ее спасти, родив единокровных ее сынам царей, на-

дежную опору дома.

Гордая колхидская царица, еще не зная как, но твердо решается в ближайшую ночь отомстить клятвопреступнику – мужу, а также приказавшему ей до следующего утра покинуть Коринф Креонту и его дочери Главке.

55. Встреча Медеи с Эгеем в Коринфе

Когда Эгей со свитой, одетый по-дорожному, но в лаврах, сойдя в коринфской гавани с борта, доставившего его судна, со стороны моря шел к агоре, он встретился с Медеей, только, что расставшейся после бурного разговора с Ясоном, решившим ее предать. Они были давно знакомы и даже дружны почти с самого того момента, когда Медея с супругом впервые в Коринфе появились.

– О, радуйся, прекрасная Медея! Как же приятно мне приветствовать старых друзей таким пожеланьем. Давно тебя не видел я. Как ты живешь, что делает русокудрый Ясон? Я слышал, что блаженные жители неба вам послали большое счастье – двух сыновей прекрасных. Как я вам завидую и вашему семейству всему желаю долгих лет непреходящего счастья!

– Радуйся и ты, о сын Пандиона премудрого, благочестивый Эгей! Дай бог тебе и счастья, Эгей, и всех твоих желаний исполненья! Откуда прибыл к нам, зачем?

Ответила царю Медея, пытаясь отвлечься от своих горест-

ных дум, сжигавших ей разум и душу. Тут Эгей замечает, как плохо выглядит Медея: осунулась в лице, покрасневшие распухли веки, всегда сверкавшие дерзким огнем глаза, совсем потухли, как у старухи, а ведь она была его моложе не меньше, чем лет на десять...

– Я навещал оракул Феба знаменитейший, чтоб получить совет, как стать отцом. Если ты помнишь, я всегда детей иметь страстно хотел, Медея. И, хоть в те годы, что мы с тобой не виделись, от брачного ярма я не ушел, но детей своих все так же не имею, а между тем по-прежнему я всей душой желаю стать отцом, желаньем этим я весь захвачен. Но, увы! Слов бога в Дельфах я не понял – точно стану ль я отцом и потому хочу в Трезен заехать, к другу мудрому Питфею... Но полно обо мне. Ты ж отчего, скажи, Медея, так осунулась в лице, глаза потухли и выглядишь, как будто тебе давно уже за 30?

– Муж оказался у меня последним из людей. Оскорблена я им жестоко – и ни за что... К царевне юной Главке он решил посвататься, отец которой коринфский царь Креонт. И мужа я должно быть, насовсем лишилась, и до восхода солнца царь приказал Коринф покинуть мне вместе с детьми.

Так откровенно, ответила Медея, не в силах дальше скрывать горе.

– Как низко и несправедливо с тобою поступают люди!
Разволновавшись, ободренная сочувствием Эгея Ээтиада с движением молящей стала просить афинского царя:

– Богоподобный царь Эгей, позволь твоего подбородка коснуться и, колени обняв, тебя умолять: о, сжался над несчастной изгнанницей, мужем покинутой, вдохни в мое сердце надежду и пообещай принять меня в своей справедливостью знаменитой стране, и угол какой-нибудь, хоть на короткое время, мне там дать.

Пандионид, должно быть, не ожидал подобного оборота и сильно задумался. Моложавое лицо его с еще густой черной бородой на двойном подбородке, выражало и недоумение потому, что он не знал, что ожидать от Медеи, и страх потому, что он втайне побаивался чужеземную царевну, сведущую в колдовстве и радость потому, что, как молодая красивая женщина, она ему давно нравилась.

– Тебе помочь, конечно, я обещаю, если в том нужда возникнет, но только в каком качестве ты явишься ко мне: как бывшая жена Ясона, царица иль, как...

Осторожно начал было говорить Эгей, но Медея его с досадой перебила:

– Поверь, приняв меня, ты каяться не будешь! За это тебе детей желанных ниспошлют бессмертные и славную кончину без боли и без мучений... Поверь, я знаю, что говорю. И еще: я также знаю средство верное, чтоб стал отцом ты.

– Тебе помочь хочу я бескорыстно, ради бессмертных, и это главное, но нам заманчиво и обещанье сделать меня отцом. Желаньем этим я весь захвачен и даже думать о другом я не могу. Поэтому, коль ты ко мне придешь в Афины, я для

тебя постараюсь быть хозяином радушным.

Обрадованная таким обещанием Медея решила развить успех:

– Есть у меня враги: Акаст в Фессалии и здешний царь Креонт. Я попрошу тебя, мой доблестный Эгей, прямо сейчас поклясться впредь никому меня не выдавать. Пойми это мое желанье. Ведь, если ты будешь связан клятвой, я знаю, что в руки к ним не попаду, а без клятвы, лишь посулив приют словами, ты, осажденный их герольдами, можешь под конец им уступить.

– Святыней матери Земли и светлого лучами солнца, всеми богами я клянусь, что сам тебя не изгоню я никогда, если кто из недругов потребует тебя. Покуда буду жив – я по своей воле тебя не выдам никому.

Медея, злорадно улыбнувшись, тряхнула головой, воздела руки к небу и грозно провещала голосом грудным:

– Ну, тогда, Эгей, до скорой встречи! Тебе желаю доброго пути в Трезен, к Питфею. А я скоро побываю в Фивах, но сначала пусть желанное Медее свершит Мойра Лахесис.

До встречи со страдающим от бездетности Эгеем Медея не знала, как именно она отомстит ставшему ненавистным предателю-мужу. С тем исступлением, с каким любила, теперь она возненавидела Ясона и решилась на детоубийство потому, что наследников лишившись, которых она сама ему родила, он будет сильнее всего мучиться и страдать.

56. Медея убивает своих сыновей от Ясона

Философ и поэт Сенека поет о метаниях Медеи, решившейся убить своих детей от Ясона:

– Моих детей, родных моих ужели же я кровь пролью? Уймись, о гнев безумящий! Гнуснейший грех, злодейство небывалое, прочь от меня! Какое искупать малюткам зло? Зло, что Ясон – отец им, зло страшнейшее, что мать – Медея. Смерть им! Не мои они. Нет – они мои... Что ты, мой гордый дух, колеблешься? Зачем залили все лицо мне слезы? Для чего гнев обиженной супруги и любовь матери в клочья разрывают мое больное сердце? Ко мне любимые придите, дети! Но опять вскипает ненависть, растет обида, руку непослушную месть безумная толкает. Гнев иступленный, веди меня!

Поэт и ритор Драконций поет, что как только огонь ядовитого зелья истребил обреченных Медеей на гибель Креонта и Главку, обуреваемая богиней безумного бешенства Лиссой за сыновей она принимается. Мермер невинный, и также Ферет свою мать с нежной лаской звали на помощь. Чтобы огня избежать, простодушные дети в испуге сами к убийце, под нож, занесенный над ними, стремятся, сами навстречу идут добровольно опасности страшной, вовсе не ведая замыслов матери, их породившей. Руку вздымает с мечом, одержимая

безумьем, Медея и, слезы судорожно глотая, так говорит:

– Гелий, мой дед, и ты, украшение ночи моя бабка Селена, вознесите в эфир их невинные души, а кровь, обогрившую меч, соберите вы безжалостные Эринии, вас прошу, чтоб тела их приняла Артемида, и пускай не отвергнет их тени владыка царства ночного Плутон и супруга его Персефона. Примут несчастные смерть от кинжала, я же сама не предамся печали, если из вероломного рода Ясона всех истреблю без остатка.

Молвила так обезумевшая от желания отомстить предателю-мужу Колхидянка и по горлу своих сыновей от него по очереди острым ножом полоснула. Тут же кличет квадригу она, и – страшно взглянуть! – появились с гривой из змей на хребте, с чешуйчатой шеей драконы; гребни на их головах жутких рассыпали кругом жгучее пламя. Вся колесница – как яркий факел, из серы – ярмо, и смолою дышло ее скреплено, пропитана ядом уздечка, из кипариса – колеса, свинец для осей – из надгробий. Как слепая пошатываясь, на колесницу взойдя, детоубийца Медея хочет приказать отпавляться ужасным драконам, но тут появляется ее русокудрый муж с честными голубыми глазами.

Безумное бешенство уступило место полному бессилию, и колхидская дева безвольно сидела бледная, как мел, глядя в никуда ничего не видящими воспаленными красными глазами, высохшими от слез. Еще вчера ее черные, как смоль волосы сегодня стали совсем седыми. У нее на коленях лежа-

ли кудрявые головы двух мальчиков с перерезанными горлами. Это были Мермер и Ферет; младший Фессал же, громко крича от страха, сумел убежать.

Еврипид поет, как Ясон, потрясая кулаками, завопил охрипшим от злобной ярости голосом:

– О, язва проклятая! И богам, и мне, и всем, всем людям нет никого ненавистней Медеи, которая рождению своему дыхание перервать ножом дерзнула, чтоб только я умер бездетным... О, сгини ж, проклятая, ты! Прозрел я, наконец. Один слепой мог взять тебя в Элладу и в свой чертог от варваров привести... Увы! Ты предала отца и землю ту, которая тебя взрастила, язва!.. Чтобы попасть на наш корабль украшенный, ты брата зарезать помогла у алтаря. То был твой первый страшный шаг. Ты стала мне женой и родила детей, и ты же их, по злобе на соперницу, убила. Во всей Элладе нет подобных женщин, а, между тем, я отдал предпочтение тебе пред всеми женами, и вот несчастлив я и разорен... Сгинь с глаз моих, детей бесстыжая убийца! Оставь меня стонать. Увы, погибло все.

– Я многое сказала бы тебе в ответ на это, но знает все Кронид-отец, что сердце вынесло мое, и что я сотворила. Тебе же не придется, нам опозорив ложе, усладить себе, Ясон с женою молодой, дальнейшее существованье, чтоб насмехались над Медеей все.

– Дай хоть мне детей, чтобы, оплавав, схоронить...

– О нет! Моя рука их похоронит. В священную я рощу

Геры унесу малюток на алтарь, чтоб искупить невинную их кровь... и их могил никто там вражеской рукой не осквернит... Тебе ж осталось злодейскую запечатлеть свою такой же смертью жизнь, а брака своего горького исход уже ты видел, возлюбленный и ненавистный мне, Ясон...

Некоторые утверждают, что Еврипид в своей «Медее» приписал убийство мальчиков их матери, а не коринфянам, как считали раньше, за огромную взятку в 5 или 15 талантов серебром, нацеленную на очищение доброго имени города Коринф.

Драконций же поет, как Медея после встречи с Ясоном, опять впав в безумие гневное, велит отправляться ужасным драконам. И четыре дракона чешуйчатых, длинные шеи ярму подчинив, тотчас взмывают ввысь, и, от земли оторвавшись, в воздухе легком скользят и вращаются быстро огненной колесницы колеса. Так колхидскую женщину гордую, в стольких смертях виноватую ввысь драконы на колеснице умчали. Когда неба достигла почти колесница драконов зловонных; день бы она могла затемнить, изменить направление ветров, если бы солнечный Гелий, потрясенный преступным деянием внучки любимой, мир не наполнил сияньем ярчайшим, разлитым повсюду.

Медея отправилась в Фивы, где застала Геракла страдающим от безумия после убийства собственных детей от Мега-ры. Ей были очень понятны его чувства, ведь и она только, что зарезала собственной рукой двух своих сыновей от из-

менившего ей такого же, как Алкид, русокудрого и голубоглазого героя Ясона, и она попробовала исцелить великого героя своими колдовскими зельями.

57. Эгей у Питфея

Эгей же, как и намеревался, по дороге в град скалистый, осененный красою оливы Афины-Паллады, посетил Трезен, куда его старые товарищи, сыновья Пелопа, Питфей и Трезен, некогда прибыли из Писы, чтобы разделить царство с сыном Анфа царем Анфии Аэтием. Питфей после смерти Трезена объединил Анфею и Гиперею в один город, посвятил его сразу Афине и Посейдону и назвал его в честь брата Трезен (Трезена).

Говорят, Питфей был очень ученым человеком для своего времени, а одно из его наставительных изречений о дружбе приводит большой любитель оседлой жизни Гесиод:

– Другу всегда обеспечена будь договорная плата.

Люди это изречение трактовали так:

– Не разрушай надежды, рождаемой дружбой, но наполний ее до краев!

Питфей основал прорицалище Аполлона в Трезене, являющееся древнейшим из сохранившихся святилищ в Греции, а также посвятил алтарь триаде Фемиды.

Еще говорят, что Питфей в местном Мусейоне (храм Муз) учил красноречию и написал книгу о риторике, которую впо-

следствии издал один эпидавриец, и эту книгу читал ученый путешественник Павсаний.

В то время, когда Питфей еще жил в Писе, юный Гиппоной (понимающий лошадей), сын дочери мегарского царя Ниса Эвриномы от Посейдона просил руки его дочери Эфры (чистое небо). Хотя Эфру и обещали ему, она почти не питала надежд на его возвращение и свадьбу, поскольку после убийства коринфянина Беллера он, получив новое имя Беллерофонт (убийца Беллера), был вынужден бежать из Коринфа в Тиринф к царю Прету.

Ради пришедшего старого друга быка пятилетнего царь Трезена в жертву зарезал владыке Олимпа, сверхмощному Зевсу – Крониду. Толстую кожу рабы содрали с быка, и тушу всю на большие куски разрубили. Питфей с Эгеем сами, разрезав крупные части туши быка на мелкие кусочки, на вертела нанизали и зажарили на углях осторожно и с вертелов сняли. Кончив работу, старинные друзья приступили к богатому пиру; и не только они пировали, много там было людей и не было в этом пиру обделенных.

Утолив голод и жажду, старые товарищи совершили возлиянье бессмертным и прежде, чем для сладостного сна разойтись уединились для откровенного разговора. Тотчас на руки им глашатаи полили воду, юноши, влив в кратеры винный напиток до самого верху, чашами всех обнесли, возлиянье свершая из каждой. Бросив в огонь языки, все поднялись, возлиянье свершили и разошлись.

Выйдя на двор, друзья под развесистым платаном уселись. Яркий Гелий, молению внемля, уж давно землю всю пересек, розоперстой Эос ее уступив. На сумрачном небе шафран вырос из золотисто-оранжевых одежд, оброненных на землю богиней утренней зари Эос, такой же, когда она, нагая, возлежала с небесным охотником красавцем Орионом на уже неподвижном острове Делос.

Эгей неспешно поведал Питфейю о своем посещении Дельфийского оракула и о его не вполне понятном вещании. Мудрый друг сразу понял, что Эгей, наконец, станет отцом и будет гордиться сыном, которому со временем достанется вся власть в Афинах, однако свое трактование оракула отложил до утра, решив и сам приобщиться к славе, ожидающей старого друга.

58. Питфей направляет дочь на ложе к Эгею

Плутарх в «Тесее» говорит, что Питфей понял оракул, полученный в Дельфах Эгеем и то ли убедил друга, то ли принудил обманом сойтись со своей дочерью Эфрой.

Другие говорят, что Питфей, во время пира просто наполнил дорогого гостя и друга медосладким темным хиосским вином, решив уложить его спать вместе со своей дочерью Эфрой. Затем он пошел на женскую половину в спальню дочери и торжественно ей сказал:

– Дочь, дорогая! Встань с постели и сядь предо мною, надо нам поговорить, как самым близким людям на этом свете. Знаешь ты, как я тебя сильно люблю, ведь я тебе не только отец, я и мать тебе давно заменил, так рано умершую. Не удивляйся, но я хочу, чтоб ты к моему другу Эгею сегодня же ночью на ложе пошла и до утра с ним там осталась...

Эфра окончательно проснулась и, нахмутив пушистые брови, красивыми дугами сходящиеся над прямым с горбинкой носом, недоуменно вскричала:

– Что ты говоришь мне такое, отец?! Ты смущаешь мне невинную девичью душу непонятными такими словами. Слышала я много рассказов о том, что отцы заставляли дочерей целомудренность сохранять и даже жестоко наказывали их, если они ее нарушали. Но никогда не слышала я, чтоб отец девственницу дочь сам посылал на ложе к незнакомому мужу... Зачем тебе это надо?

– Моего старинного друга Эгея мы с тобой знаем давно, он хороший, добрый человек и будет тебе верным, порядочным мужем. Сегодня я узнал, что дельфийский оракул ему индифферентно объявил, что его сыном вся Эллада будет гордиться. Он и сам об этом еще не знает. Если ты, проведя с ним эту ночь, родишь ему сына, то его слава не обойдет стороной и нас с тобой! Через тысячи лет люди будут рассказывать, как Питфей ученейший и мудрейший муж своего времени осчастливил не только Афины – всю Элладу тем, что подложил свою дочь под бездетного афинского царя Эгея,

хоть и не без помощи Диониса...

– А как же герой Гиппоной, ведь он обещал жениться на мне? Помнится, ты говорил, что его тоже ожидает в грядущем слава большая...

Эфра не понимала отца, но ее большие серые глаза в ореоле длинных пушистых ресниц смотрели на него преданно и доверчиво. Питфей хмыкнул, сморщив свой красивый орлиный нос, и небрежно сказал:

– Он уж давно не Гиппоной, а Беллерофонт. После убийства на поле Алейском чудовищной Химеры, изрыгавшей из пасти удушливый дым и жгучий огонь, он стал, как я предсказывал, знаменитым героем, но после этого он возгордился чрезмерно. Не хотел тебе говорить, милая Эфра, но вскоре после свершения подвига в доме своем его удержал ликийский царь Иобат и дочь свою с ним сочетал Филоною. Он отдал ему половину блистательной почести царской, и ликийцы ему отделили удел превосходный, лучшее в Ликии поле для сада и пашен, а так же проходное место для песен и танцев.

– Хоть сердце мое очень смущает девичья стыдливость, но я постараюсь сделать все, как ты прикажешь, отец, но захочет ли сам Эгей жениться на мне, ты об этом с ним говорил?!

Воскликнула дрожащая, как лист на ветру, Эфра со слезами, застывшими в прекрасных серых глазах.

– Вот утром об этом и поговорим, милая, когда все свершится. Будем отвечать на все вопросы по мере их поступления.

ния. Ничего не бойся и делай то, что я сказал, ведь любящий и разумный отец дочь родную не научит плохому. Так, что смотри, чтоб утром от твоего драгоценного девства не осталось и следа, разве, что только на белой простыне!

59. Эфра в одну ночь сочетается с Эгеем и Посейдоном

Некоторые, как Павсаний, говорят, в эту же ночь мудрая Афина по непререкаемой воле Мойры Лахесис во сне приказала Эфре, чтобы она явилась в ее храм на острове Сферия, и там совершила погребальные возлияния над могилой возничего Пелопа Сфера.

Царевна, не просыпаясь, во исполнение сна, ниспосланного на нее Афиной, покинула ложе пьяного Эгея, который успел быстро сделать ее женщиной, приняв ее за одну из царских наложниц, которую ему послал гостеприимный друг Питфей. Эфра безропотно выполнила повеление могучей богини и пришла на указанный остров, который был так близко от материка, что на него можно было перейти воду вброд.

Там в храме Афины ее увидел любвеобильный Посейдон. Земледержец, как всегда, обуреваемый похотью, схватил деву у алтаря своей племянницы и стал осыпать хищными поцелуями, срывая с нее тонкую одежду для сна и пояс уже не девичий. Полусонная Эфра и не пыталась сопротивлять-

ся потому, что бурная страсть Посейдона была, как ураган, проносившийся над землею. Утолив вождение, бог, гордый собой, неспешно воссел в золотую колесницу и умчался на своих чудесных белых конях с медными копытами и золотистыми гривами и хвостами, объявив ей торжественно на прощание:

– Запомни же эту дивную ночь, Эфра! С тобою, хоть и во сне, сочетался любовью и лаской сам Посейдон, Земледержец и Колебатель земли. Ты превосходного мне родишь сына: не бывает бесплодным ложе бессмертных богов, – возлей и воспитай ты сама мое чадо! Я ж, как родитель, выполню его 3 желания, но только после того, как он возмужает. Имя мое ты до его рожденья в молчанье храни, а, родив, объяви всем в славном Трезене, чтоб сын там в радости вырос.

Даже, если бы захотела, забыть эту ночь добродетельная от природы Эфра была не в силах. Она помнила так же рассказ мудрого родителя, как жестоко могучая богиня Афина поступила с прекрасноволосой девой Медусой за то, что та осквернила ее храм, не сумев противостоять похотливому царю подводного мира. Поэтому позже она в благодарность Афине – Палладе построила на Сферии храм Афины-Апатурии, дала острову новое название – Гиера (священный) и положила начало новому обычаю, по которому трезенские девушки перед свадьбой посвящали свой пояс Афине.

Интересно, что прекрасноволосую деву Медусу за то, что она не смогла воспротивиться похоти Посейдона в ее хра-

ме и, будучи изнасилованной, тем осквернила алтарь, Афина превратила в ужасное чудовище Горгону. Эфре за то же самое Афина не только ничего не сделала, но сама, по сути, и заставила ее «осквернить свой» храм. Впрочем, все в этом мире происходит согласно воле Мойр – непреложных дочерей всемогущей Ананке, вечно прядущих и ткущих своими нетленными челноками седую пряжу столетий.

Так без единого брачного вена Эфра девичество милое потеряла, сочетавшись любовью и лаской в одну ночь с пьяным афинским царем Эгеем и с Земледержцем могучим, многих посетителем божественным спален.

Некоторые говорят, что чадолюбивый, но великодушный Посейдон уступил Эгею право зваться отцом любого ребенка, которого в ближайшие 9 месяцев родит Эфра. Он даже сам перенес деву, ставшую женщиной ночью назад в ту постель, откуда она во сне отправилась на остров Сферия. Там есть чтимый храм Посейдона; жреческие обязанности совершает девушка до тех пор, пока не наступит для нее пора замужества.

Говорят также о том, что Эфра посетила Сферию и там отдалась Посейдону потому, что таков был древний обычай храмовой проституции, которой занимались незамужние девушки в храме Афины. Геродот тоже рассказывает о вавилонском обычае всем женщинам однажды в жизни садиться в святилище Афродиты и отдаваться даже за самые малые деньги любому заплатившему их чужестранцу, однако исто-

рик говорит, что этот обычай долгое время существовал на острове Кипре, родине богини любви, а не на Сфери.

60. Питфей раскрывает Эгею оракул

Когда Эгей утром проснулся и увидел, что находится в постели вместе со сладко спящей Эфрой, он, узнав дочь друга, сначала пришел в ужас от содеянного и тихо, чтобы не разбудить девушку, стал причитать дрожащими губами мягкого пухлого рта, свидетельствующего о натуре мягкой и доверчивой:

– О боги! Что ж я наделал! Не зря говорят, что пьющего вдоволь хмельное вино сотворяет безумцем, то руки вяжет и ноги, и речь, но главное – рассудок совсем повреждает... и все же очень приятна милоулыбчивая Афродита, соединенная с бурным Бромием (шумный) – Вакхом, и особенно сладостны оба божества в сочетанье друг с другом.

Эгей, смутно вспоминая ночные любовные ласки, сначала долго бородатым тряс подбородком округлым, указывающим на человека нерешительного и не обладающего сильной волей, и сначала радостно улыбался. Однако, вспомнив опять, что Эфра – дочь его друга, афинский царь сморщил нос и тихонько одевшись, чтобы не разбудить юную женщину, понутив голову, пошел к Питфею. Он нашел друга в столовой, где тот с аппетитом поглощал свежий хлеб, обмоченный в чистом ароматном вине, привезенном с острова Хиос.

Увидев Эгея, Питфей внимательно посмотрел на него быстрым изучающим взглядом, шмыгнул орлиным носом и громогласно воскликнул:

– Радуйся друг мой старинный! Надеюсь, ты ночь провел хорошо?

– Питфей, верный мой друг, я пришел просить у тебя прощения. Поверь, сам я не знаю, как твоя Эфра оказалась на моем ложе. Должно быть вина сильно я вчера перебрал, и к деве, такой красивой и юной, на ложе уж давно не всходил...

– Но к моей Эфре, надеюсь, успешно взошел?

Заливаясь смехом, спросил друга высоколобый Питфей, глядя на его обескураженное лицо. Эгей окончательно растерялся, он ожидал, что друг будет в гневе и собирался оправдываться, обвиняя во всем Эрота и Диониса. Питфей же нахохотавшись, вдруг стал серьезным и, сузив свои все понимающие лучистые глаза, сказал:

– Ты еще не забыл тот не понятный тебе оракул, друг мой, согласно которому ты будешь гордиться, если развяжешь нижний конец бурдюка до возвращения в Афины?

– Я только его и помню, а ведь ты обещал мне сегодня утром растолковать прорицание бога.

– Не зря люди лучезарного Феба прозвали Локсием (вещающий иносказательно), ведь он через свою Пифию всегда дает двусмысленные ответы, которые можно толковать по-разному. В храме это делают специальные жрецы – профеты.

– Мне сказали, что оракул простой и понятный, я же толь-

ко понял, что мне нельзя развязывать концы моего бурдюка с вином и пить из него.

Питфей встал во весь свой высокий рост и, подобно орacula торжественно стал изрекать:

– «Развязать нижний конец бурдюка», означает – распустишь пояс девы, которая родит тебе сына. И этим сыном ты, друг мой, возгордишься, и это означает, что он будет великим героем, может быть, подобным Гераклу. Еще Пифия тебе провещала, что не очень старым ты умрешь от непереносимой печали... И даже в этом тебе можно лишь позавидовать, ведь люди все когда-нибудь умирают, а ты снизойдешь в Летейское царство не слишком старым и дряхлым. Как бы и я хотел избежать старости безотрадной и горькой, тяжелой и скорбной, когда непосильной обузой человеку становится одряхлевшее тело. Но только боги, владельцы жилищ олимпийских ни старости не ведают, ни самой смерти, мы же, смертные у времени все во власти... Впрочем, не будем сейчас о грустном. Нам с тобой, друг мой, до старости еще далеко, и люди не должны думать о неизбежном плохом, если оно случится не скоро. Нам сейчас надо думать о близком и очень хорошем – свадьбе!

Эгей нерешительно погладил густую черную бородку и задумчиво молвил:

– Подожди верный мой друг. Не все так радужно и просто. Ты знаешь, что я давно мечтаю о сыне, но одновременно и очень боюсь его появления. Царствование мое беспокойное.

Знаю я точно, что братья мои и многочисленные племянники отзываются с нескрываемым обо мне презрением. Иногда мне кажется, что они не начинают войну потому лишь, что я бездетный и ждут моей смерти, чтобы законно Афинами завладеть. Если ж я женюсь и у меня появится законный наследник, то, не знаю будет ли большая война, но уверен, что кровавых заговоров не миновать. Паллантиды постараются погубить моего сына до того, как он сумеет за себя постоять.

– Разумного мужа я сейчас слушал. Очень все правильно, друг мой, то, что сейчас ты сказал мне. Но над Судьбой не властны не только мы, но и боги, и Мойра Лахесис бесстрастно неумолима. Поэтому, чтоб мы не сделали, все будет так, как Старуха Лахесис соткала своим челноком и какие на наши нити жизни нанизала свои колечки. Если хочешь – давай свадьбу лет на 20 отложим, пусть Эфра здесь, в Трезене мне внука родит. Твоего сына я вскормлю и воспитаю, и всем буду говорить, что он сын Посейдона, ведь трезенцы особенно чтут морского царя, это их бог-хранитель, ему они посвящают начатки плодов и на монетах чеканят трезубец. Когда же сын твой совсем возмужает, и сможет за себя постоять, отправим его в Афины, к тебе.

– Знаю тебя, друг мой, давно я, но только сейчас понял, что не зря тебя называют мудрейшим, всегда ты преисполнен самых мудрых решений самых трудных вопросов.

Так ответил Эгей, довольно поглаживая бородку и округлый свой двойной подбородок.

61. Завет Эгея Эфре

Согласно биографу Тесея Плутарху, торопясь в Афины, чтобы принять участие в Панафинейском празднике, Эгей оставил свой родовой меч, доставшийся ему в наследство от Кекропа, и сандалии под огромным камнем с углублением, достаточно обширным, чтобы вместить оба древних символа царской власти. Этот камень, известный как Алтарь Сильного Зевса, находился на дороге из Трезена в Гермий.

Никто не рассказывает зачем Эгей оставил под камнем свои ничем не примечательные сандалии с часто встречающимися узкими посеребренными ремешками, а вот его меч был очень бросающимся в глаза: на его костяной рукояти был свой знак родовой – две вырезанные большие, во всю длинную рукоять, переплетающиеся серебристо-черные змеи с чуть отклоненными в стороны зелеными головами в нижней части и раздвинутыми под прямым углом хвостами вверх рукоятки – герб всех Эрехтеидов.

Оставить свои царские вещи под камнем Эгею предложил мудрый Питфей, он же и указал удобный камень, под который можно было без труда засунуть сандалии и меч, ибо в нем, снизу было подходящее углубление, но, чтобы все вытащить из – под него необходима была большая телесная сила.

Эгей сначала рассчитывал пробыть у друга Питфея несколько дней, однако после прошедшей ночи, обещающей

ему долгожданного наследника, он заторопился на Панафинеи. На самом деле он решил не рисковать, боясь, что, если Эфра родит ему сына, то об этом могут узнать Паллантиды, если он задержится здесь надолго. Поэтому он попрощался с Питфеем и, взяв Эфру за руку, повел ее к огромному камню, указанному Питфеем и, подсунув под него сандалии и меч, торжественно сказал юной Питфеиде:

– Если ты, ставшая мне в эту ночь дорогой, дочь моего мудрейшего друга Питфея, действительно родишь от меня сына, а я на это очень надеюсь, то назови его Тесеем потому, что от кого-то из афинян я слышал, что Тесей – означает клад, а один пеласг говорил мне, что «Тесей» означает «будет сильным», на бессмертных похожим. Поэтому я давно решил: если у меня будет сын, то назову его только Тесеем. Неизбежная необходимость заставляет меня тебя покинуть прямо сегодня. Ты же, когда мальчик мой подрастет и станет таким сильным, что сможет сам достать из-под этого камня особенный клад – оставленные мной вещи, расскажи ему, что его отец я и вместе с мечом и сандалиями отошли его ко мне в Афины.

Произнося эту речь, Эгей мечтательно смотрел вдаль, потом уголки его пухлого рта опустились, и он продолжил изменившимся, не свойственным ему повелительным голосом:

– Твёрдо запомни, милая Эфра: все это время ты должна хранить полное молчание обо мне, даже Тесей, пока не станет достаточно сильным не должен знать имя Эгея. Племян-

ники мои дерзкие, пятьдесят сыновей брата Палланта, узнав о живущем в Трезене моем наследнике, обязательно вступят в заговор с целью убийства ребенка, и никто не сможет его защитить. Конечно, у тебя будут спрашивать и люди, и сам маленький Тесей: кто отец твоего сына. Друг мой и твой мудрый родитель предложил про нашего с тобой Тесея говорить, что он сын Посейдона...

Так говорил Эгей внимательно слушавшей Эфре перед тем, как покинуть ее навсегда или на долгие годы, и тут она не удержалась и голосом испуганным и изумленным перебила:

– Я никому не сказала, но этой ночью, когда ты меня на брачном ложе страстно ласкал, я видела во сне Посейдона и мне казалось, что ты – это он, а он – это ты... и что я с тобой или с ним по велению Афины очутилась на острове Сферия...

Эфра густо покраснела до самых корней волос и потупила свои прекрасные глаза, в которых милая светилась стыдливость.

– Об этом расскажи своему мудрому родителю, он не только оракулы, но и сны толковать, без сомненья, умеет.

Так равнодушно ответил Эгей. Мудрый Питфей, узнав у дочери, что в ту ночь, когда он уложил ее в постель к пьяному другу, ей приснилось, что она сочеталась любовью еще и с Землеколебателем Посейдоном, окончательно утвердился в своем намерении всем до поры до времени говорить,

что отец мальчика – могучий олимпийский бог – верховный Владыка всех вод и морей.

Через 9 круговратных месяцев Эфра родила прекрасного сына, как говорят, Павсаний и Диодор, это случилось в местечке Генетлий на пути из Трезена в гавань Келендерис. Ребёнок, как и приказал Эгей, получил имя Тесей (Фесей, Тезей), что связано со словом *thesis* (клад).

Некоторые говорят, что, поскольку у Тесея было двойное отцовство (Эгей и Посейдон), то у него изначально должен был быть и брат-близнец, поскольку его мать разделила ложе с богом и смертным в одну ночь, как у Геракла был брат Амфитрионид Ификл, у Полидевка – брат Тиндарид Кастор, у Идаса – Афаретид Линкей... Однако в отличие, например, от Алкмены и Леды, которые сочетались любовью и ложем с Зевсом в одну ночь, а со смертными мужьями – в другую, Эфра сочеталась с Посейдоном и Эгеем в одну и ту же ночь. Поэтому Алкмена и Леда родили по паре близнецов, из которых один был зачат в первую ночь и стал полубогом, а другой был зачат во вторую ночь и стал обычным ребенком. Эфра же родила только одного сына, которому было предназначено сочетать в себе качества и полубога-героя, и обычного человека. Это означало, что Тесею Могучей Судьбой не была предназначена огромная сила, большой рост и непомерная дерзость, какие были, например, у полубога Геракла, но все же, и он будет достоин немеркнущей славы, а в юные годы получит почетного брата в лице такого же героя, как он –

царя лапифов Пирифоя.

Детство и юность

62. Детство Тесея

Плутарх рассказывает, что пока Тесей рос у Питфей, его наставником и воспитателем был Коннид, которому афиняне и поныне, за день до праздника Тесеи, приносят в жертву жирного барана – память и почести гораздо более заслуженные, нежели те, что оказывают скульптору Силаниону и живописцу Паррасию, создателям знаменитых изображений Тесея.

Питфей старался не баловать сына любимой дочери – единственной из оставшихся в живых его законных детей. Тесей, как все трезенские мальчишки в летнее время целыми днями мог не выходить из воды, особенно ему нравилось опасное ныряние с высоких скал. Он любил разорять птичьи гнезда, в том числе – орлиные, находящиеся на верхушках скал в самых неприступных местах.

Мальчиком Тесей не отличался от сверстников большой телесной силой, и роста он был не высокого. Однако его всегда отличала быстрота движений, а также душевная храбрость и хитрый ум, соединенный с сообразительностью. Отвага Тесея была уверенной в своих силах и спокойной, а не бешеной, как у Геракла. У него никогда не было буйных при-

падков, как у сына Алкмены, наоборот, он, действуя быстро руками и ногами, в душе всегда оставался спокойным и уравновешенным, хотя его божественный отец Посейдон, как известно часто бывал буйным, как его бурная стихия.

До 7 лет Тесей был очень миролюбивым и никогда не ввязывался в мальчишеские драки. Поскольку он был внуком царя, то мальчишки его особенно не обижали, хотя иногда и случалось, что кто-то его сильно толкнет и даже уронит на землю, он на это не обращал внимания, и за это некоторые мальчишки считали его трусом.

Однажды с семилетним Тесеем произошел случай подобный малоизвестному событию, случившемуся с восьмилетним Гераклом в спартанской палестре. Алкида схватил мертвой хваткой за шею двадцатилетний ирэн и начал душить, принуждая просить пощады. Алкид в нарушение правил взрослой борьбы так укусил противника за локоть, что тот чуть не умер от большой потери крови.

Семилетнему Тесею пришлось подраться с мальчиком, который был его ровесником, но был крупнее и сильнее его. Это случилось в храме Посейдона, куда маленький Тесей любил приходить, иногда в одиночку, ему хотелось с богом, который считался его родителем хоть раз поговорить или какой-нибудь знак признания получить. Там он встретил Клония, который совсем недавно приехал с матерью и отцом из Эпидавра, и с Тесеем не был знаком. Клонию надо было убрать и вымыть полы, и он, недовольный порученной рабо-

той, увидев гуляющего по святилищу Тесея, злобно крикнул ему:

– Что ты здесь шляешься? Кто ты такой? Пошел вон из алтарного зала.

Тесей, глядя доверчиво широко открытыми голубыми глазами, ему миролюбиво ответил:

– Я Тесей, сын Посейдона, и я не хочу сейчас уходить из родительского храма. Почему ты меня гонишь, ведь я тебе не мешаю?

По лицу Клонию можно было дать тоже лет 7–8, но он был выше и толще Тесея. Он оглушительно захохотал, стал то одной, то другой рукой толкать Тесея к двери и приговаривать:

– А почему ты не говоришь, что ты сын самого Зевса, недоросток? Вот я тебя сейчас отлуплю и посмотрю, как за сына-коротышку заступится Посейдон. Трезубцем он меня грохнет для начала, или землю сразу начнет подо мной колебать?

Клоний сильно толкнул Тесея, и тот упал, стукнувшись головой о мозаичный пол зала. Сына Эфры до сих пор никто не учил драться, но ему случалось видеть и мальчишеские драки, и поединки взрослых. Он вдруг вскочил и, подпрыгнув к Клонию, неожиданно для себя, резко ткнул его стиснутым кулачком точно в то место, где кончается центр груди и начинается живот. Противник согнулся и стал, задыхаясь, ловить воздух губами. Тесей в первый миг растерялся и не знал, что делать дальше, но, когда Клоний почти оправился

и распрявился, вдруг ударил его между ног голой стопой, и тот упал на спину и стал кататься по земле, прижимая к животу колени и громко визжа от боли.

Прибравшим служителям храма противников разнимать не пришлось. Тесей стоял над поверженным врагом со спокойным, довольным лицом и беззвучно шевелил губами, как будто что-то повторял – он старался запомнить, как именно он победил.

С тех пор Тесей стал очень внимательно наблюдать игры и драки, поединки и другие соревнования, стараясь запоминать, как именно победители достигают побед, а потом он повторял понравившиеся приемы в соревновательных поединках с приятелями.

Трезенцы говорят, что искусству борьбы, в которой мальчик особенно преуспел, Тесея учили беотиец Форбант, побеждавший путников на дельфийской дороге, и сама мощная и умелая Афина Паллада. Вскоре не только среди сверстников, которые по большей части были выше его, но даже среди значительно старших мальчиков ему не было равных в борьбе иль в кулачном бою потому, что он знал много приемов, и выполнял их точно, быстро и хладнокровно.

63. Бой со шкурой Немейского льва

Трезенцы рассказывают о таком забавном случае: однажды, в Трезене оказался прославленный истребитель чудо-

виц Геракл, уже свершивший большую часть подвигов на службе у арголидского царя Эврисфея. Питфей, боготворивший величайшего и любимейшего героя Эллады, конечно, по такому случаю устроил пышный пир.

Владыка Трезена хотел сам, как можно больше говорить со знаменитым героем и потому не позвал никого из скипетроносных соседей, но, тем не менее, приказал зарезать для пира двухлетку – быка, никогда под ярмом не ходившего и лоснящуюся жиром свинью – однолетку.

Геракл по просьбе Питфея одним ударом кулака так оглушил сначала быка, в потом и свинью, что юноши резали им горло, словно мертвым. Сын Алкмены и Зевса, хоть и умел, ведь он в юные годы несколько лет был пастухом на лугах Киферона, не любил сам сдирать шкуры и разделявать туши, но жарить мясо на слабом огне обычно не доверял никому.

– Сильный Гефест – большой враг вкусу мяса.

Говорил Геракл, приготавливая на вертелах тощее мясо быка, нанизанное вперемешку с жирной свининой. Как только над светло-красными углями появлялись языки желтого пламени, он сразу прыскал на них привезенным корабельщиками с острова Хиос вином медосладким и пламя сбивал.

После того, как в питье и еде все утолили желанье, Питфей, Геракл и десятка два приглашенных царем из своей свиты гостей, юноши, влив в кратеры лучшие в Элладе вина до самого верха, всем по кубкам разлили, свершив перед тем возлиянье. Потом пеньем юноши ублажали слух прославлен-

ного героя. В честь Геракла песни прекрасные они распевали, славя его, как людей величайшего Благодетеля, и он всей душой веселился, внимая хору юных певцов.

Потом Питфей попросил Геракла рассказать все, что тот сам хотел бы поведать о своих знаменитых подвигах, и отпрыск Зевеса с удовольствием рассказал о первом самом трудном подвиге. Когда Амфитрионид рассказывал, как у него в решающий момент схватки с каменнокожим львом из Немей нестроганая дубина, осененная красой дикой оливы, внезапно сломалась, после удара о львиный лоб, все в зале замерли, а мудрый Питфей громко крикнул:

– Это златотронная Зевса супруга так тебе помочь постаралась. Она своими медными ножницами расколола вдоль волокон твою дубину, что сделать на самом деле совсем не трудно, для этого не надо даже быть богом.

– А ведь и правда, наверняка это она сотворила. Как сам я не догадался.

Захмелевший Геракл, желая показать царю в какое место львиного тела он бил, когда дубина сломалась, скинул с плеч львиную шкуру и задумчиво начал тереть кулаком свои выпиравшие вперед низкие надбровные дуги. Он встал с апоклитра, на котором возлежал совместно с царем, подошёл к рядом стоящему высокому креслу и аккуратно повесил на его спинку шкуру. По воле старой лишь обликом Мойры Лахесис шкура Немейского льва так раскинулась на спинке высокого кресла, что с некоторых сторон очень напоминала

льва, ставшего на задние лапы.

В это время в пиршественный зал вбежали несколько мальчиков, среди которых был и Тесей. Дети, увидев львиную шкуру, приняли ее за живого льва и с испуганными воплями, махая руками, кинулись кто под защиту взрослых, кто к выходу.

Только восьмилетний Тесей, молча подбежал к очагу, схватил лежавший небольшой топор для откалывания лучинок и, как молния, бросившись к шкуре, поразил голову льва точно между отверстий, раньше бывших глазами. Он был так точен и быстр, что даже Геракл, стоящий рядом со своим «львом», не успел ни выбить топор из рук мальчика, ни отдернуть шкуру из-под лезвия топора. Впрочем, шкура была каменной и потому не пострадала, хотя, говорят еле видимая царапина на львином шлеме Геракла от острого топора все же осталась.

– Прости меня, я обознался и принял твою знаменитую шкуру за настоящего льва.

Виновато сказал Гераклу Тесей, шевеля во все стороны своими подвижными губами и глядя заискивающе в глаза прославленному истребителю самых страшных чудовищ. Удивлению знаменитого отпрыска Зевса и прекрасноволосой Алкмены не было предела, его низкие выдвинутые вперед брови скакнули вверх, а небольшие глаза совсем округлились. Геракл, почесав надбровные дуги, спросил сначала у Тесея, а потом у Питфея:

– Ты кто мальчик? Чей это такой сын – еще маленький, но такой храбрый и, как молния быстрый? Чувствуется в нем порода родителей славных и божественных предков. Род от царей он, конечно, ведет, скипетроносных питомцев Зевеса, захудалые родители таких, как он, никогда не произвели бы на свет. Он твой сын или внук, мудрый владыка Трезена?

– Дочь моя Эфра, по ее собственным правдивым словам, родила его от Колебателя земли Посейдона!

Горделиво ответил Питфей своему давнему кумиру.

– Надо обязательно к Хирону его отвести и на несколько лет у него оставить! Многому научит мальчишку ярый кентавр, и доблестным воином будет он, и искусным охотником.

Через много лет один из бывших приятелей Тесея, впоследствии недовольный тем, что из-за похищения Елены Спартанской, погиб его отец от рук Диоскуров, злобно так отзывался о прежнем друге:

– Тесей уже в детские годы был скользкий какой-то, хитрющий. Он любил вспоминать случай с львиной шкурой Геракла, но однажды в припадке откровенности, мне сказал, что он не обознался тогда и видел, что это именно шкура на спинке стула висит, а не живой лев откуда-то забежал и стал за задние ноги. Он схватил топор и поразил безобидную львиную голову точно меж глаз, чтобы великий Геракл обратил на него внимание, и чтобы потом об этом случае люди стали помнить и говорить.

64. Тесе́й у Хи́рона

Вскоре после случая со шкурой Геракла, Питфей сам отвел Тесея в лесистое ущелье горы Пелион, на которой жил мудрый кентавр Хирон. В отличие от большинства диких кентавров, славившихся диким буйством, необузданной похотливостью, непомерной склонностью к пьянству и враждебностью к людям, сын Филицы и Крона был спокойным, мудрым и добрым.

Когда-то очень давно юный Хирон встретился на лесной тропе с могучей дочерью Зевса Афиной и, то ли растерявшись, то ли потому, что считал ее своей племянницей, не преклонил пред ней свои конские передние колена. Афина не наказала сына Филицы и Крона, но по воле старой лишь обликом Мойры Лахесис научила его мудрости, дав вкусить ему не только плоды, но и сладкий и горький корни познания. С этого дня кентавром Кронидом овладела безудержная жажда знания. Он старался слушать природу и все время учился у нее и совершенствовался сам. Понимать диких животных его научила вечно юная стрелолюбивая Артемида, а целительству и прорицанию его научил ее лучезарный брат Аполлон. Способности целителя и оракула стали божественными, и настал день, когда сам Дельфиец – Пеан назвал Хирона Мудрым. Самый известный в Ойкумене кентавр, по мнению многих, стал лучшим учителем Эллады.

В разное время в пещере Хирона, на которой корабельные сосны росли, жили и учились многие дети – герои, ставшие впоследствии гордостью Эллады; это Отроки Зевса Кастор и Полидевк, сын морской богини Фетиды храбрейший из греков Ахилл, сын Аполлона Асклепий, вождь аргонавтов русокудрый Ясон и многие другие, менее известные герои.

Проведя с мудрым кентавром несколько лет, Тесей научился всему, что должен уметь молодой воин. Он умел биться и бороться без оружия почти, как Полидевк, и управлять конями почти, как его любимый брат Кастор, для смерти рожденный.

Конечно, Хирон, не жалея ни знаний, ни сил, обучил Тесея искусству охоты, и юноша не уступал в ловле тенетами или в охоте с копьем на диких зверей ни знаменитому сыну Деиона Кефалу, ни сыну Аристея и внуку Аполлона Актеону, который хвастливо говорил, что превосходит, как охотник, саму Артемиду, за что был ею жестоко наказан.

Некоторые говорят, что синеглазый русоволосый Тесей в пятнадцать лет был красив как девушка в первом цвету. Это первыми поняли жившие на горе Пелион ореады, с которыми Тесей впервые познал сладкую негу любви и пьянящую радость объятий.

Другие же говорят, что в 15 лет Тесей был, хоть и ростом не очень высокий, но был сильнее в борьбе и кулачном бою многих своих сверстников и храбр, хотя, конечно, не так, как Геракл.

«Дикое чудо с дружелюбной улыбкой», как мудрого кентавра называл сладкоголосый Пиндар, научил Тесея основам мудрости, уменью обуздывать гнев и сначала думать, а потом делать, чтобы не совершать поступков, о которых потом придется жалеть.

Когда Тесею исполнилось 16 лет Филирид сказал, что он самый здравомыслящий из его учеников и ему можно возвращаться домой.

Филиры и Крона сын двуприродный, давно готовился к этому разговору. Он обнял своего ученика и пророчески провещал:

– Боги тебе не дали всепокрушающей мощи такой, как Гераклу и безудержной храбрости в тебе нет, но в Афинах, для которых ты особенно многое сделаешь, ты будешь первым героем, и вся Эллада будет гордиться подвигами твоими, которые ты будешь свершать не столько благодаря своей отваге и силе, сколько уму, которым ты в 16 лет многих сорокалетних превосходишь. Ты получил здесь хорошее воспитание, которое тебе украсит счастье и даст прибежище в несчастье и можешь отправляться домой к мудрому деду Питфею и к Эфре прекрасноволосой, которой пора тебе много интересного рассказать.

Филирид подарил Тесею небольшой изогнутый кинжал с коротким трехгранным клинком из седого железа и с ручкой из инкрустированного серебром ясеня, который сам привязал под его колено и посоветовал ему никогда его не снимать,

даже в постели.

65. В Дельфах Тесей посвящает богу первинки волос

В возрасте шестнадцати лет Тесей впервые побывал в Дельфах, посетив знаменитейший храм Ойкумены и, говорят, там через четверть века появилось место, которое зовется Тесеей – в его честь.

Согласно Плутарху, тогда еще было принято, чтобы мальчики, выходя из детского возраста, отправлялись в Дельфы и посвящали богу, охранявшему юность, первины своих волос.

Целомудренная дева, беззаветно преданная Аполлону, увидев юношу, румяные щеки которого были отмечены лишь первым нежным пушком, вдруг непривычно улыбнулась своими зеленоватыми от частого жевания лавра губами, и вдохновенно ему провещала:

– Я в соколы тебя посвящаю, а не в орлы, главное оружие сокола – быстрота, но не забывай никогда, что и ум нужен герою, ведь сокола и петух победит, если на земле они будут биться. Ты же мне в дар посвяти первинки своих пушистых волос, но откуда их лучше взять – сам реши, ведь сокол – не только самая быстрая, но и очень умная птица.

Тесей волосы остриг сразу, как вышел из храма, но только спереди, как, по словам Гомера, стриглись абанты, и этот

вид стрижки был назван «Тесеевым». Стричься так абанты начали первыми, а не выучились у арабов, как думают некоторые, и не подражали мисийцам.

Согласно Геродоту, на изображениях абанты выглядят как дикари с длинными косматыми волосами, спускающимися сзади на спину.

Абанты первыми начали стричь волосы только спереди – для того, чтобы враги не могли ухватить их за волосы. Они были воинственным народом, большими мастерами ближнего боя, и лучше всех умели сражаться в рукопашном бою, как о том свидетельствует поэт и музыкант Архилох в следующих строках:

– То не пращи засвистят и не с луков бесчисленных стрелы вдаль понесутся, когда бой на равнине зачнет Арес могучий: мечей многостонная грянет работа. В бое подобном они опытни боле всего, – Мужи-владыки Эвбеи, копейщики славные...

Когда Тесей еще малым отроком был, то светло-русыми своими гордился кудрями и так матери говорил:

– Всегда у меня, о, милая мать, будут нестриженные кудри, как у Феба. Вечно они у него нетронуты, – юношам так подобает!

Отроком Тесей подумывал сбрить все волосы на голове или оставить только одну прядь, как у бога счастливого момента Кайроса, которого он очень чтит. Бесшумно и ловко передвигается Кайрос среди людей и бежит столь быст-

ро, что его невозможно поймать. Можно лишь на мгновение увидеть Кайроса – ощутить всем нутром благоприятный момент – можно, но только если встретишься с божеством лицом к лицу. Тогда надо действовать мгновенно, решительно и ловко, ведь только в этот короткий миг между прошлым и будущим есть возможность на краткий миг схватить бога Удачи за локон волос. Затылок же бога счастливого случая лыс, чтобы ни один, пропустивший его, мчащегося на крылатых ногах, мимо, не смог бы схватить его сзади, даже если бы и очень захотел. Ибо счастливая возможность возникает и существует лишь мгновение, и, будучи упущенной, уже не может быть поймана, ведь последовательность событий человеческой жизни точно предначертана непреложными Мойрами.

Однако, став юношей, Тесей стал часто думать о телесной красоте, в которой по мнению греков наибольшую роль играли волосы на голове, их пышность, длина и прическа. Он окончательно выбрал необычную прическу, о которой так всем стал говорить, синими, как полуденное летнее небо сверкая глазами:

– Чтобы враг в бою, когда я с ним сойду с грудью, не мог спереди ухватить меня за волосы, я очень коротко стригусь, чтобы лоб был совершенно свободным от волос, а сзади – пусть волосы свободно растут, как у Феба, самого красивого бога.

Из этих же соображений, должно быть, и Александр Ма-

кедонский приказал своим военачальникам обрить своим воинам длинные бороды, к которым в битве так и тянутся руки противников.

Тесей в душе не был скромником, но часто старался им казаться и никому не говорил, что не стал стричь волосы сзади потому, что был уверен, что враг никогда не увидит ни его спины, ни его затылка и тем более – зада. Он боялся, что его назовут хвастуном.

66. Возмужавший Тесей достает из-под камня меч и сандалии Эгея

Тесей вырос умным, предусмотрительным юношей и очень сильным для своего небольшого роста и невеликого веса. В течение всего этого времени Эфра скрывала истинное происхождение Тесея, а Питфей ненавязчиво, но упорно распространял слух, будто его родила Эфра от Черновласого Колебателя земли Посейдона.

Говорят, Трезенцы особенно чтут Энносигея, это их бог-хранитель, ему они посвящают начатки плодов и уже при Тесее на монетах начали чеканить трезубец, хотя афиняне утверждают, что монеты они стали чеканить после смерти Тесея.

Тесей был еще совсем молод, когда вместе с крепостью тела в нем обнаружили отвага, рассудительность, твердый и в то же время живой ум, и вот настал день, когда Эфра, все

время свято помнившая завет Эгея, обратилась к любимому сыну с такими словами:

– Тесей, мальчик мой! Настало время, когда я должна выполнить то, что мне завещал твой отец перед тем, как 17 лет назад мы расстались!

– Что ты, мать, говоришь?! «Завещают» перед смертью или оставляют завет – перед расставанием, а мой отец – бессмертный бог Посейдон!

Воскликнул недоумевающий Тесей, то выпячивая, то сжимая свои подвижные тонкие губы и хмуря небольшие, но очень пушистые брови. Он понял, что мать собирается что-то сказать или сделать очень важное и немного разволновался, хотя виду не подавал.

– Прости, сын. Наверное, я неудачно сказала. Мы с твоим дедом Питфеем не всю правду о твоём рождении до сих пор тебе говорили. Я давно знаю, что у тебя самого уже есть внебрачные дети и потому буду с тобой сейчас говорить, как со взрослым. В ту ночь, когда я тебя зачала, мной в храме Афины овладел Посейдон – Земледержец или это мне только приснилось. Я и сейчас точно не знаю, что и как случилось в ту ночь, ведь я была неопытной девушкой. Точно помню, что в ту ночь я по требованию твоего мудрого деда возлегла с его другом – афинским царем Эгеем и утром проснулась в его же постели. Я привыкла вставать рано, но у то утро встала очень поздно, чего со мной никогда не бывало и чувствовала себя такой усталой, как будто всю ночь куда-то ходила,

а не лежала в постеле. Впрочем, это можно по-всякому объяснить. Прости, что я на воспоминание о себе отвлеклась, вместо того, чтоб говорить о твоём смертном отце, которым точно является афинский владыка Эгей. Его царствование было очень беспокойным, он все время боялся заговоров и войн за верховную власть в Афинах и потому не решился не только свадьбу со мной, но и попросил меня никому не говорить о его отцовстве, даже тебе, если ты, конечно, родишься... Пойми, что он о тебе, даже еще не рожденным, очень беспокоился и все старался предусмотреть для твоего блага. Когда же ты возмужаешь, он просил тебя отправить к нему после того, как ты вытащишь оставленные под одним огромным камнем для тебя его вещи... Должно быть, по этим вещам, он хотел тебя опознать. Пойдем же со мной, я покажу тебе этот камень.

Подведя кусавшего тонкие, подвижные губы сына к заветному камню в роще дубовой, Эфра предложила ему попробовать достать опознавательные знаки, оставленные отцом. Юноша, нахмутив темные брови и сжав побледневшие тонкие губы, долго стоял перед камнем переваривая услышанное и потом твёрдо сказал:

– Ты всегда была мне самой лучшей матерью, и я тебя очень люблю. Твоей вины нет в том, что я рос без отца. Я привык считать себя сыном Посейдона, хотя верил в это безоговорочно только, когда был совсем маленьким, ведь многие царицы и царевны говорят, что родили сыновей от бес-

смертных богов, а в действительности их отцами оказывался кто угодно. Я рад, что мой смертный отец – царь Афин и оставленные им вещи достану..., но не сейчас. Я не Геракл, чтоб поднимать камни такого размера голыми руками. Я сын твой – Тесе́й и этот камень, напоминающий небольшую скалу, подниму с легкостью, которой позавидовал бы и Геракл, но потом, совершив необходимые приготовления.

Тесе́й проводил смущенную мать до самого дома, поцеловал ей руки и тут же вернулся назад к заветному камню.

Некоторые говорят, что юноша проскользнул руками под край камня, получившего с тех пор название «Алтарь Сильного Зевса» и, легко его приподняв, достал древние атрибуты царской власти.

Другие же говорят, что Тесе́й не стал и пытаться поднять камень огромный, большущий обломок скалы, возвышавшейся неподалеку. Он предусмотрительно взял из дома лопату и топор, и по дороге срубил подходящую для мощного рычага жердь из дуба длиной в 6 локтей и в ладонь шириной. Сделав под скалой небольшой подкоп, юноша рычагом из крепкой жерди без особого труда не только приподнял, но и передвинул каменную глыбу в сторону так, что и сандалии, и меч оказались свободными.

Это был эллинский меч с роскошной рукояткой в виде двух переплетающихся змей, между золотыми чешуйками которых были вставлены крошечные алмазы. Раздвинутые изумрудные головы змей с горящими красными глазами, об-

разовывали раздвоенное навершие в низу эфеса, а отклоненные хвосты служили крестовиной для упора руки вверху рукоятки. Клинок позеленел более, чем за 16 лет, проведенных в сырой земле под обломком скалы, но после того, как Тесей его бережно вытер, он засверкал в лучах яркого солнца, а от драгоценной рукоятки, не гладкой, а чешуйчатой и потому переливавшейся всеми цветами радуги, не возможно было глаз оторвать.

Сандалии сохранились плохо, лишь пряжки в виде свернувшихся серебристых змеек стали сверкать после того, как Тесей их протер. Юноша осторожно приложил одну из найденных сандалий к своей и увидел, что их размеры одинаковые.

– Теперь понятно, почему у меня рост невеликий и маленькая нога... Но соколу и не надо ни больших лап, ни мощного тела, как у орла, его оружие – быстрота, крепкий клюв и острые когти... и, конечно же, умная голова. Я и без могучести Геракла, силою всех превзошедшего, добьюсь славы большей, чем он!

Наверное, впервые без обиды на Мойру за свой рост небольшой Тесей так сам себе прошептал.

Многие говорили, что Тесей очень сильный, почти, как Геракл. Отец европейской трагедии Эсхил считал, что последующие подвиги героя свидетельствуют о его необыкновенной силе, о которой он так говорил:

– С подобным мужем кто выйдет на бой? Кого послать?

Кто с ним сравнится силой?

Согласно «Астрономии» Гигина, Гегесианакт говорит, что созвездие «Коленопреклоненный» это – Тесей, который предстает взору так, словно он поднимает небольшую скалу в Трезене.

Этой скале дали имя Тесея после того, как из-под нее Тесей извлек сандалии и меч Эгея; раньше эта скала называлась жертвенником Зевса Сфения (Всесильного). Около скалы впоследствии возник храм Афродиты Нимфии (Невесты), сооруженный Тесеем, когда он взял в жены похищенную отроковицу Елену Спартанскую (Прекрасную).

Эфра, увидев в руках сына сандалии с серебряными ремешками и меч с рукояткой в виде двух извивающихся змей – родового герба Эрехтеидов, со слезами на глазах еще раз объявила сыну, что согласно пожеланию его родного отца ему пришло время отправиться в Афины. Было видно, что она говорит это через силу, совсем не желая, чтобы сын покинул ее.

67. Тесей, выбирает опасный путь в Афины

Плыть в Афины морем юный Тесей не хотел, невзирая на большую безопасность морского путешествия и настоятельные просьбы деда и матери, волнующихся за его жизнь и здоровье. Мудрый Питфей с мягкой улыбкой все же надеялся

внука уговорить:

– Я уверен, что Мойра Лахесис выпряла тебе славную долю, и не только Эгей, старый мой друг и твой смертный отец будет тобою гордиться, вся Эллада и прежде всего Трезен и Афины за подвиги тебе громозвучную славу даруют. Но ты еще слишком юный Тесей, опыта тебе надо набраться. На крепком корабле по хребту широкодорожного моря ты безопасно и быстро прибудешь в Афины к Эгею, сухопутный же путь сейчас очень опасен, особенно, по истмийской дороге, и к тому же он вдвое длиннее.

Однако синие глаза юного Тесея сверкали неистребимой жадой славы, видно было, как ему не терпится поскорее избавиться из-под опеки деда и матери, причем, сделать это хотел он по-своему и потому упрямо воскликнул, то выпячивая, то сжимая подвижные тонкие губы:

– Я не ищу нарочно опасностей, но и прятаться от них мне не пристало. Сам ты дед, говоришь, чтоб отважным я был, а теперь просишь меня безопасным путем отправляться, а как быть тому, у кого нет крепкого корабля с полусотней отваж-

ных воинов-мореходов?

– Мудрый Хирон мне сказал, что умен ты не по годам, в этом ты пошел в деда, конечно. И все же я должен тебе рассказать, что на сухопутном пути по Истмийской дороге на каждом шагу путника подстерегает большая опасность погибнуть от руки жестокого разбойника, грабителя или нечестивого злодея. Наш век произвел на свет много людей, мощью рук, быстротой ног и силой тела превосходивших обычные человеческие возможности, людей неутомимых. Ты еще плохо знаешь людей, а ведь есть такие, что наслаждаются своим наглостью, дают выход своим силам в дикости и свирепстве, в жестокой расправе над всяким встречным. Совершая великие подвиги, Геракл много странствовал по свету и одних разбойников и злодеев истребил, другие при его приближении в ужасе разбегались и прятались, не смея продолжать совершать преступления. Однако могучий Геракл нечаянно убил своего друга Ифита, и за это преступление недавно был продан в рабство к лидийской царице Омфале. У лидийцев воцарились мир и спокойствие, зато у нас, на Пелопоннесе и в Аттике злодеяния вновь расцвели пышным цветом и нет никого, кто бы их смог подавить или обуздать.

– Дед, ты сам говоришь, что злодеев на Истмийской дороге давно пора обуздать, но, если не я, то кто это сделает, ведь один Геракл везде быть не может! Возможно, я не сумел бы одолеть Немейского льва или Лернейскую гидру, но от разбойников, смерти подвластных, дорогу в Афины очищу!

Звонко воскликнул Тесей, на что Питфей с доброй улыбкой ответил:

– Милый тебе еще только 16 лет недавно исполнилось, в это время сам великий Геракл был пастухом и до 18 лет мирно пас коров на Киферонских лугах и воевал только на поприще Афродиты с подружками пастухов.

– Значит я начну раньше Геракла подвиги совершать и уже в этом его превзойду! Я считаю нестерпимым позором, в то время как Геракл ходил на злодеев повсюду, очищая от них и сушу и море, уклониться от битв, которые встретятся на пути. Почти безопасное путешествие по морю будет, как позорное бегство, оно унизит бога, которого вы называете моим отцом. Кроме того, моему смертному отцу Эгею нельзя просто доставить оставленные им приметные знаки – сандалии и меч родовой, незапятнанный кровью – вместо того, чтобы сразу же обнаружить чекан своего происхождения в славных и высоких поступках.

Согласно Плутарху, Тесея уже давно тайно волновала слава Геракла: юноша питал к нему величайшее уважение и всегда был готов слушать тех, кто говорил о герое, в особенности очевидцев, свидетелей доблестных деяний его и речений. Он испытывал, несомненно, те же самые чувства, какие много позже испытал Фемистокл, признававшийся, что его лишает сна трофеем Мильтиада. Так и Тесею, восхищавшемуся доблестью Геракла, и ночью снились его подвиги, и днем не давали покоя ревность и соперничество, направляя мысль к

одному – как бы свершить то же, что Геракл.

68. Питфей рассказывает внуку о разбойниках на выбранной им дороге

Мудрый Питфей понял, что творится в душе у внука и с неизбежным, давно предначертанным Мойрой, мудро решил примириться:

– Хорошо милый, делай, как знаешь, ведь все равно будет так, как Мойре угодно. Но ты хоть внимательно выслушай, что тебя сейчас ожидает на этой дороге. Я тебе уже говорил, что в последнее время развелось не мало сильных и нечестивых людей, которые свою силу преступно используют, и окружающие от них страдают. Особенно плохо везде приходится чужестранцам, торговцам и просто путникам, которых во многих городах и за людей не считают. Разбойники их грабят, а случается и убивают...

Лучистые глаза Питфея над мощным орлиным носом стали гневно сверкать, когда он рассказывал о злодеях. Морща высокий, выпуклый лоб, он принялся рассказывать Тесею те немногие сведенья, которые были известны ему о каждом из разбойников и злодеев в отдельности, о том, каковы они и что творят с чужестранцами. Так дед продолжал убеждать внука ехать морем.

– Слышал я, например, о могучем Керкионе, который, встречая путников на дороге между Элевсином и Мегарой,

заставляет их бороться с собой и во время борьбы всех убивает. Говорят, что он сын Посейдона и Аргиопы и потому такой сильный.

– Ты говорил, что и я сын Посейдона...

– Вот в том-то и дело. Даже, если ты его победишь и убьешь, грозные Эринии будут тебя преследовать за убийство родича. Подумай об этом, раз умным себя считаешь. Кроме Керкиона там разбойничают Синис – нечестивый Сосношибатель, который привязывает человека к одной или двум нагнутым сосновым вершинам и отпускает. Человек оказывается повешенным на сосне или разорванным на части. Слышал я о Скироне, бывшем известным в молодости полководцем, а потом ставшим надменным и жестоким разбойником. Разбойничает на Истмийской дороге Перифет – грозный дубинщик, и коварный Прокруст, заманивающий к себе путников и потом растягивающий их тела на каком-то особенном ложе... Не знаю точно, всех подробностей об этих злодеях, но знаю, что каждый из них умертвил уже не один десяток путников так, что...

– Как же им все сходит с рук? Почему граждане не объединятся и не убьют их или не отдадут под суд за преднамеренные убийства?

– Греция разобщена на множество мелких государств, в каждом из них собственные законы, но они касаются лишь своих свободных граждан, чужестранцы же вне закона, как рабы и их убийство обычно не является преступлением. По-

этому суды не занимаются убийствами чужестранцев. А сами граждане, во-первых, боятся вмешиваться в дела, которые их не касаются, а во-вторых, по закону большинства государств он могут только мстить за убийство своих родичей. Лишь великие герои подобные Гераклу очищают мир не только от ужасных чудовищ, но и от злодеев, разбойничающих на больших дорогах. Когда Геракл только приближался, разбойники и злодеи в ужасе разбежались, прятались и, влача жалкое существование, вскоре всеми забывались. Однако Геракл большую часть жизни был не свободным и должен был, как раб, выполнять трудные приказы микенского царя Эврисфея, которые выдумывает ревнивая Гера, чтобы только пасынка погубить. Освободившись от службы Эврисфею, Геракл попал в рабство к лидийской царице Омфале, у которой и сейчас пребывает. В последнее время разбои, грабежи и прочие злодеяния расцвели особенно пышным цветом: нет никого, кто бы их мог подавить или хотя бы обуздать...

Так обстоятельно ответил внуку мудрый Питфей, но его речь имела противоположный его желанью эффект.

– Ну, теперь уж я точно пойду в Афины только по Истмийской дороге, и сам буду, подобно Гераклу, встречи искать с разбойниками и злодеями... Я справлюсь со всеми злодеями на коринфской дороге и сделаю ее безопасной!

Воскликнул Тесей, так крепко сжав тонкие губы, что их стало не видно.

– Если б, не знал я, что аполлонова дева смертному от-

цу твоему Эгею в храме дельфийском сказала, то назвал бы тебя глупым, ведь только тогда, как случится беда, дураки ее видят, но избежать ее, как умные, не стремятся. Мне казалось, что ты еще недостаточно возмужал. Ты, как эфеб в Афинах еще не имел бы права даже участвовать в народном собрании, для этого тебе надо было бы 2 года прослужить в пограничной страже... Но, видно, Судьба за нас все решила.

Мудрый Питфей неспешно окинул внука испытующим взглядом умных глаз и, шмыгнув носом горбатым, довольный осмотром сказал:

– Что ж, юноша милый, ты сам выбрал свой путь и не только в Афины, ты героическую выбрал свою стезю на всю жизнь... Свято чти бессмертных, особенно отца своего божественного Колебателя земли Посейдона. Не забывай смертному родителю моему другу Эгею почтение воздавать и старого деда Питфея с Эфрой, своей матерью милой, хоть изредка навещать. Отважен будь и справедлив, законы всегда неукоснительно соблюдай, а, если что в них не нравится, не забывай: законы можно менять, если люди их принимали. Так поступая, ты стяжаешь всеобщий почет и ярчайшую славу, которая не померкнет в веках.

69. Прощание Тесея с Эфрой

От деда Тесея пошел прощаться к матери, которая, узнав, что он решил идти в Афины по очень опасной дороге, стала

горько рыдать и так причитать:

– О, не хочется больше мне жить после того, как я узнала, что мой единственный сын решил добровольно идти по той ужасной дороге, где, говорят, каждый день несчастные путники погибают. Душит меня нестерпимое горе и наворачиваются неутешные слезы, как будто меня скоро похоронят живую. Теперь я, словно служанка безродная или потерявшая все на свете рабыня, останусь бездетная в опустелых покоях, в страшной тревоге изнывая по единственному сыну, в котором имела всегда светлую радость и для рожденья которого распустила единственный раз некогда свой девственный пояс...

Так в тоске горестно она голосила, и с нею вместе служанки и даже рабыни плакали скорбно вокруг. Увидев Тесея, Эфра устремив на него полный нежности взгляд своих больших серых глаз, ладошками вытерла мокрые щеки и голосом, как у мужчины, неожиданно низким, сказала:

– Тесей, мальчик мой дорогой! Моею грудью ты вскормлен, сынок. Не изведав счастья в браке, родила я тебя в изнурительных муках, и теперь, милый, я тебя умоляю не идти в Афины сухопутной дорогой. Не отвергни, сынок опрометчиво, ты материнской мольбы, сделай то, о чем умоляю – плыви к отцу на корабле быстроходном с командой спутников верных!

Тесей же Эфру за плечи нежно обнял, поцеловал ее в обе все еще влажные от слез щеки и ласковой речью попытался

мать свою так утешать:

– Не увеличивай своими слезами и мольбами, мать дорогая, скорбного горя! Все это будет напрасно! Слезами человек беде никогда не поможет и не избегнет несчастий, только страдания свои плачем он увеличивает. Всемогущие дочери Ананке непреложные Мойры людям определяют при рождении несчастье и счастье, а боги судят всемогущие нам, человекам несчастным, жить на земле в огорчениях чаще, чем в радостях кратких. С каждым счастьем по два несчастья смертным шлют бессмертные небожители и тклет недремлющая Мойра Лахесис на материнском веретене судьбоносную пряжу. Поэтому, милая мать, в сердце горяю своим, дерзай все сносить терпеливо! И потом горевать обо мне еще рано, я намерен еще не один десяток лет совершенно здоровым прожить.

Тесей широко своими тонкими улыбнулся губами и, глядя в глаза материнские, уверенно продолжил:

– Геракл с ужасными чудовищами сражался, а мне предстоят схватки с обычными разбойниками и злодеями, каких, как говорит мудрый мой дед, сейчас расплодилось много повсюду. Мне нет и 17 лет, но ты сама знаешь прекрасно, что ни в борьбе, ни в кулачном бою в Трезене нету мне равных потому, что в поединках и схватках я больше полагаюсь не на могучесть и телесную силу, а на быстроту и, конечно, на ум, который и есть самая главная сила и мощь человека!

– Лишь об одном я ныне думаю и мечтаю, чтобы живой

ты явился к Эгею, все же иное мне кажется таким пустым и не важным. Если не хочешь отправиться в Афины на надежном корабле влажным путем, а хочешь идти по опасной Истмийской дороге, то возьми хоть охрану надежную, ведь ты царский внук и сын мой единственный.

Мать замолчала и к сыну припала, вглядываясь с любовью в его синие, как безоблачное небо глаза.

– Если бы меня в пути ожидали большие разбойничьи банды, то я бы, поверь, от охраны не только не отказался, но и сам бы ее попросил. Всезнающий дед рассказал, кто может мне повстречаться на Истмийской дороге, там одни разбойники – одиночки. Если я поеду с вооруженным отрядом, то злодеи все по своим норам попрячутся, и я не очищу от них эту дорогу, и они продолжат разбойничать там. Я хочу, чтобы мой смертный родитель Эгей встретил меня не как бедного родственника, а как уже известного героя, сделавшего для людей дорогу Истмийскую вполне безопасной.

Мать нахмурилась, словно вспомнила что-то важное и стала рассказывать о одном из братьев отца:

– Не помню говорила ли вчера я тебе, что есть у твоего родителя три брата: Лик, Нис и Паллант. Эгей перед расставанием мне заявил, что все они относятся к нему с презрением и распускают не правдивые слухи о его незаконном для царствования происхождении. Брата Лика, я недавно слышала от купцов, он смог изгнать, а пятьдесят сыновей Палланта остаются и сейчас для Эгея огромной угрозой. Мечтает Пал-

лант с многочисленными сыновьями свергнуть его. Люди в Афинах не знают о тебе – единственном сыне Эгея, и ты эту тайну храни ото всех, пока не встретишься с ним и только потом откройся ему без свидетелей.

– Это я твёрдо тебе обещаю. Даже ему самому я словами ничего не скажу, пусть он меч свой сначала по гербу на рукавке узнает и потом уже сам все решит, что и как дальше делать.

– Ты весь в деда своего Питфея – такой же мудрый, хоть лет тебе в трое меньше. Как, родной, я тебя люблю!

Мать, сына на прощанье обняв, головой на плечо его пала и с прикрытыми глазами, как малая девочка шептала и шептала, как его любит.

Тесей тихонько мать отстранил, взял ее лицо осторожно руками обеими и, глядя прямо в глаза ей, нежно сказал:

– Все будет хорошо, милая мама. Чувствую, что мы не скоро увидимся, но обещаю, что ты еще не раз после расставаний увидишь меня живым и здоровым и потому сейчас не печалься напрасно. Поживи для себя, ведь ты еще так молода и прекрасна! Представь сколько будет радости, когда мы с тобой встретимся после долгой разлуки и на сердце сразу же станет легче намного!

С напускной веселостью воскликнул юноша и, схватив давно приготовленные в дорогу вещи, выбежал быстро из дома и решительным, быстрым шагом пошел по дороге с твердым намерением никого не справедливо не обижать, но и не

давать пощады тем, кто обижает слабых и творит беззакония.

Так Тесе́й своим выбором опасной дороги в Афины, подобно великому Гераклу, сделал свой первый важный жизненный выбор – он выбрал тяжкий и рискованный путь героя.

Согласно дифирамбу Вакхилида, отрок в первом юношеском цвету Тесе́й, носивший лаконскую шапку на рыжих волосах, уже знакомый с утехами Ареса, держит путь в сияющие блеском Афины.

Первые подвиги

70. Дубинщик Перифет

Итак, Тесея вместо того, чтобы плыть по короткой и безопасной влажной дороге из Трезены по Сароникскому заливу отправился длинной и опасной дорогой по побережью залива через Эпидавр в Коринф и потом по Коринфскому (Истмийскому) перешейку, соединяющему полуостров Пелопоннес с материковой частью Греции через Мегары и Элевсин в Афины.

Юный герой, стремящийся всегда быть осторожным, совсем не горел желанием, как можно скорее столкнуться с настоящим злодеем и затеять с ним смертельную схватку, наоборот, он всюду проявлял осмотрительность, особенно, по ночам. Для ночлегов он выбирал такие места, чтобы они не привлекали внимания, а перед тем как заснуть всегда тушил костер, чтобы на огонь не явилась шайка разбойников и не застала его беспомощно спящим. Подходя к Эпидавру, священному городу Асклепия, сына Аполлона и Корониды, юноша стал всех встречных расспрашивать об опасностях, подстерегающих путников, особенно, одиноких.

Прежде всего, в Эпидаврской земле, юного Тесея почти наверняка ожидала встреча с могучим и жестоким разбойни-

ком Перифетом, оружием коему служила медная палица. Он узнал, что эпидаврский Перифет из-за своей медной дубины имел несколько прозвищ. Его звали Корунет (Коринет), что значит «человек-дубина», а также «Палиценокосный» или просто «Дубинщик».

Перифета, наверное, за его большой рост и силу одни называли сыном Колебателя земли Посейдона, а другие – сыном бога огня и кузнечного дела Гефеста и Антиклеи, с которой он сблизился после мучительного для него развода с прекрасной Кипридой.

Услышав, что у Перифета были мощные руки, но слабые ноги, Тесей решил, что Перифет был сыном колченогого кузнеца, ведь и у Лемносского бога были слабые ноги, и потом, только Гефест мог выковать для сына чудесную палицу, которой, согласно молве, он владел превосходно.

Чем ближе Тесей подходил к местности, где должен был находиться дом Перифета, тем более неопределенно о нем отзывались те, кто достаивал юношу ответами на его многочисленные вопросы, хотя, казалось бы, все должно было быть наоборот, ведь соседи должны были его знать лучше тех, кто живет от него далеко.

Эгеид узнал, что Дубинщик подстерегает одиноких путников на проезжей дороге недалеко от своего дома и предлагает им смертельный поединок, на котором обычно их убивает своей медной дубинкой, выкованной божественным Хромцом обоногим. Однако юному герою хотелось знать

больше. Его интересовало прошлое злодея, особенно то, когда он еще не разбойничал, ведь никто не появляется из женских бедер уже законченным злодеем. Наконец, Тесею поступал в один ветхий домик, примостившийся почти у самой дороги, и у открывшей ему старушки, очень учтиво спросил.

– Радуйся бабушка! Пусть великие боги даруют тебе блаженную жизнь до самого последнего дня, и пусть этот день наступит очень нескоро. Если есть у тебя желание поговорить немного со мной, ответь мне: не знаешь ли ты Перифета, прозванного Дубинщиком?

Когда старушка ответила утвердительно и прибавила, что лучше бы его не знала, Тесею продолжил вопросы свои задавать:

– Бабушка, а не знаешь ли ты, как и когда он разбойником стал, ведь и он был когда-то ребенком и женские груди сосал, отроком был, юношей...

Тесею узнал у старушки, что Перифет рано лишился родителей, отца он вообще не знал, а мать умерла от какой-то болезни, когда ему было 15 лет. В 18 лет он женился и очень супругу любил. Однажды в их доме, стоявшем недалеко от дороги, оказалась компания путешествующих на конях молодых людей. Он не мог отказать в гостеприимстве трем юношам, его сверстникам, устроил веселую пирушку с танцами и вином и на ночь спать в своем доме оставил. Проснулся Перифет крепко связанным его же собственными веревками. Юноши на его глазах по очереди насильовали его жену,

а рано утром, как только расцвело, они взяли ее с собой и ускакали, приперев дверь снаружи толстой палкой. Освободиться от крепких веревок Перифет сам не смог, лишь через сутки ему, связанному удалось выбраться через окно так, как дверь он открыть не сумел, хоть и был весь в синяках и кровоподтеках, пытаясь ее выбить разными частями связанного тела. Перекатываясь по земле, он сумел добраться до соседей. Погоня ничего не дала, никто не видел даже в какую молодые негодяи сторону ускакали. Перифет так и не смог насильников разыскать, но с тех пор он проклял свое гостеприимство и люто возненавидел всех путников.

– При этом он никогда не нападает на странников из засады или ночью, по ночам, как все люди, он спит. Он предлагает встречными чужестранцам с ним биться без правил и, благодаря своей силе, убивает путников медной палицей и, убив, приговаривает, что муж, не мстящий за причиненные ему обиды, а его ведь обидели путники, – несправедливый по отношению к себе человек и слабый.

Так закончила старушка свой невеселый рассказ.

Был уже поздний вечер. Светлое солнце главу лучезарную уж давно спрятало в море, розоперстая Эос окрасило наступающий сумрак густым румянцем. Тесей попросился у старушки переночевать, хотя она повторила, что до дома Перифета не больше десятка стадиев и лучше этот отрезок пути ему пройти ночью, когда тот спит.

Утром, лишь только взошел Зареносец, земле возвещая

о радостном свете, и следом в платье шафранном Заря распростерлась над морем, как Тесей был уже на ногах. Он, как всегда, когда было время, поупражнялся с отцовским мечом, покидал медный диск, попрыгал вперед и назад через голову, нарочно попадал на землю, вскакивая с нее, словно дикая кошка, почуявшая опасность, и потный, без завтрака, решительно двинулся по дороге, где надеялся встретить Дубинщика.

71. Поединок Тесея с Перифетом

Тесей, увидев могучего человека внезапно появившегося перед ним из густых придорожных кустов, сразу понял, что это и есть Перифет, непомерной гордыней наполненный. Муж, бывший на две головы выше его перегородил дорогу. Он стоял посередине дороги широко расставив мощные ноги, его кудрявая голова была запрокинута назад, квадратный подбородок высоко поднят, руки с большими ладонями были величественно скрещены на груди, изящная дубинка из меди на золотой цепочке висела на запястье правой руки.

Окинув Тесея взглядом, исполненным пренебрежительного высокомерия, Дубинщик надменно сказал:

— Для путников, явившихся предо мной незвано и своей наглостью, причинивших мне беспокойство, мной здесь на моей дороге установлен справедливый закон, чтобы никто без наказания уйти не посмел, всякий должен биться со

мною.

Тесей в ответ с нарочитой беззаботностью хмыкнул, как часто делал Питфей, и, улыбнувшись чуть кривовато подвижными своими губами, звонко сказал:

– Не знаю в чем моя наглость, но явился я не к тебе и по дороге иду я ничьей. Если же ты непременно хочешь, чтобы я с тобой бился, то я, как уважительный гость не могу ни в чем хозяину отказать. По каким правилам будем биться?

– Дерзкие такие, как ты, юные и похотью одержимые, редко мне попадаются, лучше бы вообще не попадались. Хоть ты ростом не вышел, а спеси в тебе выше головы, но не долго она задержится на плечах. Биться будем без правил, в этом мы будем равны, и потому схватка будет справедливой и, значит, угодной бессмертным богам.

Тесей собирался ответить, что нельзя по трем похотливым нечестивцам судить о всех путниках, среди которых много достойных людей, но тут коварный Перифет, не договорив до конца, бросился на Тесея, надеясь на полную неожиданность нападения. Как ястреб иль сокол, который с самого верха поднявшись очень высокой скалы, только козам горным доступной, стремительно над равниной несется, чтоб схватить куропатку иль птицу другую. Так Перифет быстро бросился на Тесея, палица его была немного короче меча Эгеида, но она была и прочней, и тяжелей.

Юноша давно ожидал какого-нибудь подвоха и был готов к внезапному нападению. Перед героем на мгновение мельк-

нул бог счастливого случая Кайрос, и он понял, что надо делать. Он не кинулся бежать, чтобы избежать удара палицы, как делали до него все путники, принужденные к поединку. Наоборот, Тесей, как молния, устремился навстречу противнику, он ловко поднырнул под его руку с палицей и бросился на землю, ударив правым плечом по его щиколоткам. Такое поведение оказалось совершенно неожиданным для Перифета, и он, «спотыкнувшись» о плечо юноши, со всего разгона упал лицом в землю. Тесей же, как на утренней тренировке, мгновенно вскочил и прыгнул сверху на спину оглушенного паденьем Дубинщика. Он схватил врага одной рукой за затылок, а второй за мощный квадратный подбородок и из всех сил резко крутанул, выворачивая лицо противника назад. Такого приема в борьбе он не знал до сих пор, ибо никогда не соревновался ни с кем в смертельной битве без правил. Шея хрустнула так, словно Тесей сломал сухую жердинку, и нечестивая душа Перифета с криком изумления из его мощного тела излетела и сверху удивленно уставилась на героя, прежде чем в сопровождении чернокрылого Танатоса навсегда солнечную землю покинуть.

Тесей встал на трясущихся ногах и на всякий случай пнул неподвижно лежащее на земле тело противника, уже лишенное бессмертной души. Убедившись, что разбойник мертв, юноша, пошатываясь, подошёл к раскидистому платану, росшему на обочине дороги, и без сил опустился на землю, прильнув дрожащей спиной к стволу дерева.

– Никогда не думал, что убийство мерзкого преступника вызовет во мне не радость и ликование, а какую – то тоску не понятную. Внутри одна черная мгла и леденящая пустота... Видно, не просто мне будет стать настоящим героем. Геракл, когда впервые на человека руку поднял, сразу нескольких послов Эргина жизни лишил, а остальным пообрубал руки, уши, носы... Никто меня не смог бы заставить сейчас отрубить что-нибудь Перифету. Говорят, Геракл большинство своих подвигов в неистовых припадках бешенства совершал, а у меня, наоборот, полный упадок сил...

Так дрожащими губами шептал своему милому сердцу Тесей. Отдохнув, юноша заставил себя подойти к поверженному врагу. Он, испытывая непонятный страх и одновременно брезгливость и омерзение, осторожно снял с руки разбойника цепочку с дубинкой и рассмотрел оружие врага.

Небольшая с виду медная палица, размером с короткий спартанский меч, оказалась на удивленье, легкой и удобной, она пришлась по руке Тесея, как будто была сделана для него. Кроме того, она была ценная – в нее были вставлены золотые пластинки и несколько крупных драгоценных камней. Эта изящная дубинка очень полюбилась юному герою. Тесей взял палицу с собой и с тех пор постоянно пользовался ею в схватках и боях, как Геракл своей дубиной, осененной бледной красой дикой оливы. Геракл так же носил на плечах свидетельство того, сколь велик был Немейский зверь с каменной кожей, которого он осилил, палица же Тесея как бы

вещала:

– Мой новый хозяин добыл меня в честном бою, без оружия, и теперь я буду его лучшим, драгоценным оружием, и мы с ним, став неразлучными, будем неодолимы.

Действительно, медная палица, отделанная золотом и драгоценными камнями, в руках Тесея, как и оливковая дубина в руках Геракла, разила ловко и без промаха.

72. Сосноsgiбатель

Местные жители, жившие на перешейке, говорят, что в самом узком месте Истма, где видны одновременно и Коринфский, и Саронический заливы, жил Синис (Синид), сын знаменитого разбойника Полипемона (Прокруста) и Силеи, дочери Коринфа, утверждавшего, что он – побочный сын (а на самом деле внук) Посейдона. Его прозвали Питиокамptom (Сосноsgiбатель), за то, что он был человеком огромного роста и силы и мог сгибать сосны так, что их вершины касались земли. Великан Синис жил в густом сосновом лесу, со всех сторон окружавшем его дом, промышляя грабежом путников. Никто не помнит, как и когда это случилось впервые, но со временем Питиокампт привык справляться с прохожими очень необычным образом, который ему почему-то чрезвычайно понравился. Разбойник, встретив путника, вежливо просил его помочь ему нагнуть сосну, что было нужно, якобы, для ловли разных животных. Ничего не по-

дозревший человек подходил к вершине дерева, которую пригнул к земле Синис, и тот набрасывал на путника специальную петлю, уже привязанную к вершине нагнутой сосны. Злодей неожиданно отпускал вершину, и дерево упруго разгибалось. При этом человек, подбрасывался вверх как камень из катапульты и вверху петля его сразу или через некоторое время душила, и он мертвый оставался висеть, как повешенный. Когда Синису стало скучно смотреть, как взлетают и «вешаются» путники, он для разнообразия придумал новое злодейство. Он пригибал к земле сначала вершину одной сосны и, закрепив ее, пригибал рядом вершину другой сосны, растущей на подходящем расстоянии. Когда путник добровольно или по принуждению оказывался у этих вершин, Синис накидывал на него сразу две веревочных петли, привязанных к вершинам пригнутых деревьев, и отпускал их. Освобожденные деревья, распрямляясь в разные стороны, разрывали тела человекчи на две части как созревшую тряпку. Таким способом злодей погубил много путников, одних на сосне подвесив целиком, а других – разорвав на две части, вешал на двух соснах.

Согласно Павсанию, разбойник Синис, взявшись за сосны, заранее пригибал их книзу, и путников не вежливо просил помочь, а тех, кто отказывался, побеждал в бою, и поверженных привязывал к соснам, а затем отпускал эти деревья и привязанные к деревьям разрывались на две части.

Тесей в течение нескольких дней обошел вокруг весь сос-

новый лес, окружавший дом Синиса, расспрашивая всех, кто на дороге встречался и, особенно, тех, кто жил неподалеку. Ему очень хотелось понять почему Синис стал злодеем и почему он расправляется со своими жертвами именно таким необычным способом. Он считал, что разбойники совершают свои преступления чаще всего ради корысти, иногда из дерзкого высокомерия и спеси, а бывает – из-за болезни ума.

Юноша хотел понять, что именно его ожидает при встрече с Сосношибателем. Соседей оказалось немного, и все они жили не так давно, приобретя дешево землю с постройками у прежних владельцев, которые не желали жить рядом с известным разбойником. Однако никто из них не видел сам, как Синид расправлялся с путниками, но все соседи на всякий случай старались держаться от него подальше.

Наконец, на дальнем краю леса Тесею встретился старик, который здешним был старожилом и знал своего соседа-злодея чуть ли не с пеленок, и этот старец ему рассказал такую историю:

– Давно это было, лет 20 назад. На нас тогда часто нападали пираты, это были обычно финикийцы, они были очень искусными мореходами, но снискали дурную славу дерзкими и опустошительными своими набегам. Случались нападения и тевкров иль долопийцев с острова Скирос. Не знаю кто тогда на наше побережье явился, но мы сразу все кто куда разбежались и спрятались. Синису было в то время лет 15, и он был на охоте. Его родичи: мать, отец, незамужние

сестры, молодая супруга и грудная дочь Перигуна, не давно поселившиеся здесь и не имевшие никогда дело с пиратами, узнав о нападении на наш прибрежный поселок, взяли с собой самое ценное и спрятались неподалеку от дома в сосновом лесу. Чаще всего пираты хватали все, что можно унести на корабль и людей захватывали для продажи в рабство или получения выкупа. Синис, охотившийся где-то в Аркадии, придя домой, никого не нашел, кроме дочери, которой и года еще не исполнилось. Узнав о нападенье пиратов, он подумал, что всех его родных захватили и увезли на корабле морские разбойники. Он страшно убивался и даже с соседями всеми разругался, посчитав, что мы сами спаслись, а его семью бросили. Через некоторое время он случайно нашел в лесу повешенного очень высоко на сосне отца, а потом мать... Он много дней обходил свой сосновый лес и позже нашел жену и сестер тоже повешенных. Не знаю зачем пираты сделали это. Наверное, в тот раз их корабль был уже заполнен живым товаром и потому захваченную семью Синиса они не взяли с собой, а повесили всех на деревьях, притом очень высоко у самых вершин. Вот с той-то поры, говорят, Синис и начал вешать чужестранцев, оказавшихся поблизости от его соснового леса. Пелопоннесцев он не трогает, и жителей Аттики тоже, но обитателей дальних островов, Малой Азии или Ливии он всех развешивает на деревьях, притом у самых верхушек – так, что их с земли из-за веток издали обычно не видно. Я сам за все эти годы нескольких повешенных видел,

но Синис не признался в этих злодействах. Дочка его Перегуна уже выросла и затворницей с ним живет. Я разговаривал с ней несколько раз и, кажется, она ничего не знает в каких преступлениях ее родителя подозревают, или она все скрывает.

73. Схватка Тесея с Синидом

Тесей узнал так же, что разбойник Синис был его братом по отцу, и в сердце его закралась тревога. Убийство родича считалось очень страшным преступлением, и грозные древние богини мести Эринии часто своими ядовитыми бичами доводили убийцу до безумия.

Однако отступить Тесею было невозможно, и он сам себе внушал:

– Хоть ростом я не вышел и силой особенной природа и мать милая Эфра не одарили меня, но все равно я буду самым знаменитым героем. В доблести я превзойду и Геракла, ведь истреблять герою не трудно чудовищ, если их он много сильнее. Я всем докажу, что мужество и доблесть выше грубой природной силы и славы большей достойны.

Тесей не знал, как именно будет вести себя с Синисом, но стал настойчиво искать с ним встречи. Он вошел в лес, окружавший дом разбойника и неспешно, кругами стал приближаться к его жилищу. Синид не заставил себя долго ждать.

Тесей увидел перед собой действительно очень высокого

и сильного мужа. Он был на голову или две выше юноши, широкоплечий, длинноволосый, голос напоминал рычание льва, когда он спросил:

– Ты что-тут шляешься! Кто ты такой и откуда, что ищешь у моего дома? Отвечай мне правдиво, если не хочешь жизни лишиться!

– Мое имя Тесей. Я с острова Скирос к другу в Трезену недавно приплыл и пешком оттуда теперь иду в Афины, очень хочется мир вокруг посмотреть, ведь с корабля не много увидишь – одно море вокруг с однообразной водой. Прощу тебя о гостеприимстве, любезный хозяин...

– Если ты со Скироса, юноша, то я тебя охотно приму и вечером стол для пира накрою, но сначала ты должен мне помочь в одном деле. Ведь обед полагается заработать сначала. Скрыли блаженные боги от смертных источники пищи, иначе каждый легко мог бы за один день наработать столько, что потом целый год, не трудясь, имел бы себе пропитанье. Так, что пойдем – ка со мной.

Синид пошел по тропинке, Тесей следом за ним. Вскоре они подошли к сосне, вершина которой была пригнута к самой земле. Тесей увидел, что вершина сосны привязана веревкой к чему-то похожему на небольшое колесико и, нахмурив пушистые брови, над своими широко открытыми с виду доверчивыми глазами, подумал:

– Так вот откуда у него берется огромная сила пригибать сосны. Он накидывает на верхнюю часть сосны веревочную

петлю и с помощью ворота или блока пригибает вершину к земле и закрепляет. Теперь он попытается накинуть на меня петлю и отпустить пригнутую вершину...

– Как видишь, дружок, я пригнул вершину этого дерева и получилась ловушка для разных зверей, это простое, но хитроумное устройство – мое изобретение.

Не скрывая законной гордости, сказал Синид и, окинув Тесея притворно дружелюбным взглядом, задержавшимся на его медной дубинке, как будто, равнодушно продолжил:

– Когда в петлю кто-то попадает, дерево распрямляется, и попавшееся животное виснет и под действием своего веса само себя душит в петле. Мне остается только опять нагнуть дерево с помощью вот этого колесика и снять охотничий трофей. Невысокие тонкие деревца предназначены для ловли мелкой дичи, а большие деревья, как это – для ланей, оленей или медведей. Медведи сильные и, бывает, вырываются и потому для них лучше пригибать сразу две высоких сосны. Тогда, распрямляясь, они его надвое разрывают. Скажи, что я не только хороший охотник, но и изобретатель искусный. Вот сейчас я нагну еще одно дерево, а ты поддержишь его вершину пока я буду ее привязывать к пню рядом с вершиной уже нагнутой сосны...

Синис раскрутил веревочную петлю и накинул ее на второе дерево и с помощью блока осторожно, чтоб не сломать начал пригибать вершину к земле. Когда он почти пригнул высоченную, но не толстую сосну, Тесей дольше сдерживать-

ся не смог и, криво улыбаясь, сказал:

– Один из твоих соседей рассказал мне, как погибли твои родные и что с тех пор ты вешаешь чужестранцев на корабельных соснах высоких. Послушай меня, ведь я твой родственник по линии матери, а может быть, и божественный отец у нас единый и потому я не хочу тебе зла...

Синис отпустил вершину второй сосны, притворная благожелательность на его лице сменилась злобной ненавистью, и он с угрожающим криком накинулся на Тесея. Был он похож на свирепого вепря, что навстречу охотникам и своре собак сам бросается яростно, чтобы загнутыми клыками их разорвать или копытами затоптать.

Однако юноша, хоть и надеявшийся поговорить по душам с нечестивым Сосноsgибателем, тем не менее, был готов к любому развитию событий. Тесей не стал даже пытаться остановить огромного мужа, несшегося на него, словно разъяренный кабан, ведь он был намного сильнее. Он опять на мгновение увидел быстро бегущего Кайроса и мгновенно понял, что надо делать. Выхватывать медную палицу, висевшую на цепочке на поясе, не было времени, и тогда Тесей схватил Синиса за вытянутые вперед руки, правую ногу выкинул навстречу и упер стопой злодею в живот и сам мягко упал назад, скруглив спину. Разбойник с разгона перелетел через лежавшего юношу и грохнулся на лесную мягкую землю, сплошь покрытую высоким мхом, вспахав ее, словно плуг.

Тесей, как пружина, мгновенно вскочил на ноги и, выхватив палицу, как дикая кошка, прыгнул к пытавшемуся встать оглушенному паденьем Синису, рычащему и крутящему головой. Он сильно ударил медной дубинкой злодея сначала по плечу одной руки, потом по локтю другой, которой он потянулся к нему, и обе руки у Синиса, словно тряпичные, безвольно повисли.

– Ты не думай, что победил, лишив меня рук, чужестранец! Я тебя и ногами убью!

Прорычал Синис, сморщившись от боли в болтающихся руках. Он теперь не кидался на Тесея, а медленно шел на него, следя внимательно за палицей в его руках. Юноша понял, что он напрасно решил оставить Синису жизнь. Он замахнулся своей медной дубиной, чтобы ударить злодея по голове, но тот первым попытался ударить его ногой. Если бы Тесей не ожидал такого удара, то Синис его убил бы или искалечил. Эгеид успел отклониться назад, и стопа Сосногибателя просвистела перед его лицом. Он быстро нагнулся и ударил Синиса дубинкой по второй ноге, и разбойник с душераздирающим криком упал.

Тесей увидел, что Питиокампт упал совсем близко от давно согнутой и привязанной к земле им вершины сосны и, не раздумывая, накинул лежащую рядом петлю на голову злодея, а по натянутой веревке, держащей дерево согнутым, полоснул своим ножом, подаренным ему Филиридом и с тех пор висевшим всегда на икре, под коленом. Сосна со свистом

распрявилась и подкинула вверх того, кто ее согнул, чтобы другого повесить, а повешенным оказался сам.

Вакхилид в «Дифирамбах» поет, что могучий Тесея, долгий пеший путь отмерив от Истма, убил всесильного Синида, мощью первого меж смертными отпрыска Посидона Литейского.

74. Перигуна

Плутарх говорит, что у Синиса была дочь по имени Перигуна, очень красивая и громадного роста. Она наблюдала из густых кустов за схваткой родителя и Тесея. Увидев, что Тесея убил ее отца, она с испуганным криком бросилась в заросли прибрежного тростника и дикого аспарагуса (дикая спаржа). Юноша успел увидеть лишь мелькнувшее курносое лицо и крупное, но стройное девичье тело.

Говорят, что, заинтересовавшись красавицей, любвеобильный, как божественный родитель, Тесея последовал за ней и нашел ее забившуюся в густые заросли стебы и дикой спаржи. Перигуна простодушно, совсем по-детски молила эти растения – словно они могли услышать ее и понять:

– Милая стеба и аспарагус любимый! Умоляю вас, милые: укройте меня в своих густых зарослях и спасите от этого негодяя, убившего моего отца. Клянусь самой клятвой великой и нерушимой, что никогда больше не буду вас ни жечь, ни даже рвать иль топтать.

Еще дрожащий от возбуждения после смертельной битвы, Тесей звал Перигуну по-юношески голосом чистым и звонким, стараясь придать ему искренность, чтобы дева, услышав, поверила ему:

– Радуйся дева! Знаю я, что тебя Перигуной зовут. Только выслушать я тебя умоляю, ведь не враг с тобой говорит! Дочь за преступленья отца не отвечает и потому я тебя заверяю, что не только не причиню тебе ни малейшей обиды, но позабочусь о тебе, как о близком и родном человеке. Если ты видела из кустов мою схватку с твоим родителем, то знаешь, что я только лишь защищался и не хотел его убивать, а в петлю он попал и повис на сосне, которую сам же и приготовил для чужестранцев.

Дева пряталась в густых зарослей стебы и спаржи до последнего момента, когда внимательный Тесей ее нашел по белой повязке, далеко видной на фоне зеленых растений. Увидев идущего к ней Тесея, она не побежала, а сама подошла к нему и плюнула ему в лицо и потом злобно сказала:

– Я не раз видела в нашем лесу чужеземных людей, висящих на самых верхушках сосен и знаю, что их мой повесил отец, он сам мне об этом рассказал. Нет у меня других родных, все погибли, когда мне и года еще не исполнилось. Отец мне и матерью был, и бабкой, и дедом, и братом. И тебя, чужестранец, я ненавижу и, если ты меня не повесишь на дереве, то я тебя сама из засады из лука убью.

Юноша сморщился и прикусил свои тонкие губы, как от

сильной боли. Подойдя к дочери Сосношибателя, которая была чуть выше его ростом и весила явно больше него, он неожиданно свалил деву с ног ловкой подсечкой. Он навалился на Перигуну и, не стаскивая с нее одежду, стал щупать ее везде и ласкать. Однако дева сопротивлялась изо всех сил, она ударила Тесея в лицо головой и сильными, как у мужчины, руками пыталась схватить его сначала за глаза, а потом за горло. Тогда он, приподнявшись, ударил ее локтем в челюсть, а потом – кулаком в висок так, что девушка на несколько мгновений духа лишилась. Этого было достаточно, чтоб он ее полностью освободил от пояса, одежды и всех повязок.

Тесей сделал юную Перигуну женщиной, и потом уже в доме Синида еще несколько раз овладел ею уже на ее ложе, при этом она уже несколько не сопротивлялась; наоборот, она крепко его обнимала за шею и то благодарила за все, как великого героя, то просила прощения за преступления брата и за свою девичью глупость. Прежде, чем надолго заснуть она упрашивала героя остаться и хоть несколько недель или дней пожить с нею вместе, однако осторожный Тесей, помнивший, как Перигуна грозила ему смерть, решил не оставаться и на одну ночь в доме Синида. Пополнив съестные припасы сыром, вяленным мясом и хлебом, он взял из конюшни обеих лошадей, которые там были и быстро уехал, не простившись с крепко спящей дочерью Питиокампта. Вторую лошадь он взял, чтобы у девы не было да-

же возможности его догнать и из засады убить. Очень был осмотрителен юный герой.

Однако Тесе́й опасался напрасно. Перигуна гордо выносила ребенка, всем говоря, что его отец – великий герой и в положенный срок родила от него сына Меланиппа (черноконный).

Согласно Плутарху, впоследствии Перигуна стала супругой эхалийца Деионея, сына Эврита, за которого ее выдал, говорят, сам Тесе́й, в то время уже знаменитый афинский царь, совершивший множество подвигов и объединивший Аттику в единое государство с центром в Афинах. Меланипп стал прославленным бегуном, победив в Немейских играх. От него родился тесеев внук Иокс, помогавший Орниту вывести переселенцев в Карию. Вот почему у потомков Иокса исстари повелось не жечь ни стебы, ни колючек дикой спаржи, но глубоко их чтить, как священные растения.

75. Кроммионская синья Фэя

Плутарх говорит, что Кроммионская свинья по кличке Фэя (которая получила имя старухи, вскормившей кабаниху) была воинственным и свирепым совсем одичавшим зверем, противником отнюдь не пусяшным.

Некоторые утверждают, что Фэя была женщина – разбойница, кровожадная и разнузданно развратная; обитала она там же, в Кроммионе, небольшом городке на полпути меж-

ду коринфским Истмом и Мегарами, близ приморских Скироновых скал. «Свиньей» же ее прозвали за гнусный нрав и мерзкий образ жизни. Рассказывают, что Фея умертвила столько кроммионцев, что они больше не осмеливались выходить из дому по ночам, а днем собирались большими группами и шли с оружием обрабатывать свои поля.

Говорят, так же, что Фэя имела божественное происхождение, она была чудовищным порождением беззаконного своей силой Тифона и исполинской змееды Ехидны. Поэтому Фея была сестрой самых ужасных чудовищ: Немейского льва, Лернейской гидры, двуглавого пса Орфа и трехглавого пса Кербера, и дракона Ладона, которых, за исключением привратника Аида, истребил великий Геракл. Сама же Фэя стала матерью чудовищного Калидонского вепря, которого после ее смерти из собственных рук вскормила богиня охоты и дикой природы вечно юная Агротера.

Юноша радовался, что Судьба предоставляет ему случай убить очень страшное, погубившее много людей чудовище, потому что этот подвиг поставил бы его вровень с великим Гераклом. Однако он и страшился поединка с ужасной сестрой Немейского льва и Лернейской гидры, опасаясь, что его силы может не хватить, и он запросто может погибнуть. И все же он колебался не долго, сказав своему милому сердцу:

– Если я выбрал, как Геракл, путь героический в жизни, то нельзя мне опасных избегать схваток. И потом, смерть сама по себе не страшна, ужасно ожидание смерти. Поэтому

прочь невеселые мысли! Я должен Фею убить, и я ее убью, а недостаток силы ум с лихвой мне восполнит!

Тесей решил подстеречь Фею и убить, чтобы никому не казалось, будто все свои подвиги он совершает по воле богини необходимости Ананке, законов которой даже бессчетные боги не могут нарушить. Вдобавок он считал, что ополчаться против даже самых закоренелых преступников храброму мужу следует лишь в ответ на их враждебные действия, ведь их могли оболгать, но на чудовищного зверя можно и нужно нападать первому, невзирая ни на какую опасность.

Тесей долго ходил по буйно разросшимся камышовым зарослям, где часто слышали ее хриплое хрюканье, похожее на грозное рычание льва или медведя. Там в самой низине он, наконец, увидел лежащую в тростниковом илие огромную кабаниху, клыков ее загнутых пожелтевших даже болотные нимфы Лимнады страшатся. Она тяжело дышала, чресла мощные свои охлаждая и необъятное чрево.

Светлый Гелий уже главу лучезарную тихо спрятал за видневшимися вдали вершинами гор, Нюкта же безмолвная главу таинственно воздела, венчанную астр изобилием вечным. При серебряном свете блуждающего в ночи одинокого ока Селены юный герой во все глаза смотрел на Фею, от которой во все стороны устремились огоньки уstraшенных Лимнад. Он не смог удержаться и присвистнул от удивления – так велика была Фея по сравнению с обычными взрослыми двух-, трехлетними свиньями – они показались бы по сравнению с

ней новорожденными поросятами. Крепко сжав в руках рукоятку отцовского меча, юноша медленно пошел навстречу огромной свинье.

Зверюга, услышав шум шагов и треск высохшего тростника, мгновенно повернула клинообразную голову с загнутыми клыками и рывком поднявшись на ноги, с бешеным хрюканьем – ревом, двинулась на Тесея, на удивление быстро набирая скорость и круша на своем пути мелкие деревья и кустарник. Кабаниха напоминала огромный валун, сорвавшийся с вершины высокой горы и катящийся вниз, сметая все, что попадает на пути и набирая все большую скорость.

Эгеид же не бросился в бег, как испуганный маленький мальчик. Он ждал неподвижно, как выжидает, на свою полагаясь огромную силу, мощный лев окружающую его толпу охотников с собаками, копьями и мечами в месте пустынном, в высоких горах. Угрожающий рык, раскатам грома подобный, отражается грозным эхом в горах, желтым огнем его сверкают глаза, и приседает он, готовясь к прыжку, чтобы собак и людей растерзать. Так же неподвижно стоял, выжидая несущуюся к нему кабаниху, Тесей. Он не чувствовал особого страха, скорее он испытывал какое-то сладкое сожаление и лихорадочно с милым сердцем беседовал, чтоб его успокоить:

– Зря я поторопился с ней встретиться. Надо было набрать побольше крепких сетей и все ими вокруг опоясать. А теперь, скорее всего она меня... хорошо, если убьет, а если

искалечит?!. Нет, я рано себя хороню, ведь и силой я природой не очень обижен. Геракл захватил живым огромного Эриманфского вепря, а мне достаточно Фею просто убить. Чувствую, сердцем, однако, что убить ее будет не просто – необычный это кабан, иначе давно бы охотники его в сети, загнав, копьями и стрелами жизни лишили.

76. Схватка Тесея с Фэей

В последний момент перед ударом Тесей, впившийся взглядом в приближающуюся кабаниху, не увидел в полумраке небольшой ямки и, уже замахнувшись для удара, осту-пился и с криком упал. Эта случайность его спасла – зверь проскочил мимо, не задев его сильно, но и от легкого удара куда-то далеко отскочил меч из руки. Промчавшаяся мимо Фея, не смогла остановиться и сильно оцарапала колючей жесткой щетиной герою ногу. Когда кабаниха развернулась и приготовилась к новой атаке, Тесей, лишившийся меча, сам себе, как заклинание говорил:

– Только не бежать! Только не бежать. Она все равно догонит и разорвет меня своими ужасными клыками, а ключья моего тела еще и растопчет копытами! Спины моей она не увидит и палицу я напрасно не потеряю!

Юноша крепко уперся ногами в землю и, подняв свою палицу, ждал быстро приближавшуюся огромную тушу чудовища. Разозленная кабаниха уже не хрюкала, а редела, по-

добно раненному быку, со щетинистого рыла падали хлопья белой пены.

– Даже, если я палицей сумею ее сильно и точно ударить, это ее не остановит, и я не успею увернуться от ее всеокрушающей туши, и она, если не подцепит меня на клыки, то копытами насмерть затопчет.

Тесей снял цепь палицы с запястья и замахнулся медной перифетовой дубиной и, когда до несущегося зверя оставалось каких-то 5–6 локтей, вдруг кинул медную палицу, целясь свинье между глаз и тут же, не глядя куда попало его оружие, что есть силы подпрыгнул. Палица попала Фее между глаз, как и метил герой, но это не причинило ей особого вреда, скользкий удар даже не замедлил ее движения. Тесей не зря любил прыгать и часто тренировался во всяких прыжках, Он много раз прыгал через разных животных и даже через огромных рогатых быков, называя эти упражнения «бычьими плясками». Свинья была ниже взрослых быков, через которых ему не раз приходилось прыгать, как акробату и он, упав ладонями на спину пробегавшей свиньи, упруго оттолкнулся и ловко приземлился на ноги.

– Меча нет, палицы нет, в силе она раз в сто меня превосходит, но я разумнее в тысячу раз и потому победа будет за мной!

Крикнул себе Тесей, пытаясь убедить себя в том, что во что бы то ни стало он победит.

Герой неотступно призывал к себе бога счастливого мо-

мента, и Кайрос не замедлил явиться. Обнаженный бог счастливого случая, похожий на юного Диониса, с весами в одной руке, символизирующими справедливость Судьбы, и с бритвой, которая безжалостно отсекает все упущенные возможности, в другой руке, на крылатых ногах промчался мимо него, как порыв ветра. Тесеюхватило одного мгновенья увидеть Кайроса, он ощутил всем своим пылающим нутром благоприятный момент и понял, что будет делать дальше.

Пока свинья разворачивалась, он подбежал к толстому дереву, растущему невдалеке. Юноша стал спиной к дереву и приготовился к последнему действию схватки, которая неизбежно должна была окончиться смертью одного из противников. Он надеялся, что подпрыгнет, и свинья со всего разгона врежется в дерево рылом, и тогда он ее убьет, заколов хириновым дротом, который был, как всегда, под коленом.

– Она хоть и не разумная, как человек, но при каждом неудачном нападении чему-то наверняка научится, и если я ее сейчас не убью, то она учтет свои ошибки и отправит меня в Летейскую бездну.

Луна то ярко светила, и все озарялось ее мертвенным серебряным светом, то вдруг заходила за тучу, и становилось совсем темно. Когда Селена вышла из-за тучи ему почудилось, что развернувшаяся Фея перед нападением посмотрела на него не только злобно и свирепо, как смотрят вконец разъяренные звери, но и осмысленно, она как будто думала, как ей наверняка расправиться с вертким врагом.

И вот чудовище, глядя Тесею в глаза своими маленьким для ее огромного тела глазами, которые горели, как два красных уголька, начала набирать скорость. Сухие ветки попадающих на дороге Феи кустов и стебли камыша непрерывно трещали, словно тысяча гигантских цикад запели одновременно свою ужасную трескучую песню.

Тесей, как замороженный, смотрел на бегущую к нему, причем явно не в полную силу, огромную всесокрушающую тушу, увенчанную двумя горящими разумом и злобой глазами, и упруго присел для прыжка с трудом сдерживая нетерпеливую дрожь во всем теле. Когда Фея оказалась совсем близко, и он готов был подпрыгнуть, чтобы она врезалась в дерево, кабаниха вдруг начала тормозить. Тесей никак не ожидал этого, однако времени ни на что не было, и он, не раздумывая, сам прыгнул на передние лопатки кабанихи. В руке героя мгновенно оказался подаренный Хироном дрот с прочным трехгранным лезвием длиной в две ладони, всегда привязанный под правым коленом.

Юноша, изо всех сил сжимая ногами свиной хребет, чтобы не упасть и не оказаться под копытами, несколько раз ударил кинжалом сзади под левую лопатку кабанихи, стараясь каждый раз вводить лезвие под разными углами.

– Спасибо Кайросу – счастливый момент на моей стороне. Мне не надо даже переворачиваться, чтобы бить под ее левую лопатку правой рукой!

Думал довольный Тесей, почувствовавший, что не мень-

ше двух ударов пришлось в самое сердце чудовища, ведь ему не однажды приходилось закалывать кабанов из стада Питфея. Свинья уткнулась рылом в землю и начала медленно заваливаться на бок, при этом она с мерзким визгом стала крупной дрожью биться в предсмертной агонии.

Тесей легко отскочил от бьющейся туши и набрав полную грудь воздуха, закричал изо всех сил, воздев широко открытые глаза в бездонное ночное небо, залитое серебряным светом Селены:

– Слава могучему герою Тесею, непобедимому Посейдонову сыну!

Переведя дух, юноша крикнул уже не так громко:

– Моя свинья Кроммионская – чудище пострашнее Эриманфского вепря, ведь тот был просто свирепый огромный кабан, а моя Фея – чудовищное порождение беззаконного силой древнего бога Тифона и исполинской змееды Ехидны.

Сократ в одном из диалогов Платона говорит, что Кроммионскую свинью, вовсе не в шутку, можно было назвать мужественной.

77. Скирон

Около границ Мегариды Тесей поднялся на высокую скалу, находящуюся рядом со скалой Молуриды.

Мегарцы рассказывают, что дочь Кадма и Гармонии Ино,

убегая от обезумевшего из-за козней Геры своего мужа царя племени миниев в Беотии Афаманта, бросилась в море со скалы Молуриды вместе со своим маленьким сыном Меликертом. Когда же ее сын был перенесен, как передают, дельфином на Коринфский перешеек, там стали воздавать обо-жествленному Меликерту, переименованному в Палемона, много всяких почестей, и в честь его совершаются также и Истмийские игры. Скалу Молуриду считают посвященной Левкофее-морскому божеству, в которое была превращена Зевсом Ино и Палемону.

За Молуридой высится скала, считающаяся проклятой, так как живший около нее дерзкий разбойник Скирон всех иноземцев, с которыми он встречался, сбрасывал в море.

Говорят, этот Скирон отличался огромным ростом и невероятной силой. От одних Тесей слышал, что Скирон грабил прохожих на дороге. Однако от других распространялась молва, будто он загонял их на высокую скалу, выступ которой на самой вершине нависал над морем и формой напоминал поднятую вверх стопу, отчего скала получила название «Пятка». Там под угрозой смерти он бесчинно и нагло протягивал путникам одну из своих грязных вонючих ног и приказывал ее мыть, а когда те принимались за дело, ударом пятки второй ноги сбрасывал их в море. Упав с большой высоты, человек разбивался о воду и выступавшие камни, и его, искалеченного, но иногда еще живого, медленно пожирала гигантская морская черепаха, сотни лет жившая в морском

гроте под этой скалой.

Согласно Плутарху, многие мегарские писатели оспаривают эту молву, «воюют со стариной», по словам Симонида, настаивая на том, что Скирон не был ни наглецом, ни грабителем, напротив – карал грабителей и находился в родстве и дружбе с благородными и справедливыми людьми. Ведь зевсова сына от речной нимфы Эгины Эака считают благочестивейшим из греков, Кихрею Саламинскому воздают в Афинах божеские почести, каждому известна доблесть Эакидов Пелея и Теламона, а между тем Скирон – зять Кихрея, тесть Эака, дед Пелея и Теламона, родившихся от Эндейды, дочери Скирона и Харикло. Невероятно, чтобы лучшие из лучших породнились с самым низким и подлым, отдали ему и, в свою очередь, приняли из его рук величайший и драгоценнейший дар!

Действительно, Скирон, как и Тесей имел двух отцов: смертного – мегарского царя Пиласа и божественного – могучего Колебателя земли Посейдона. Скирон боролся за власть с Нисом, сыном Пандиона. Сын смертного мегарского царя Пилоса и бога морей Посейдона Скирон, женившийся на одной из дочерей Пандиона, оспорил право Ниса на Мегару, и сын Зевса и нимфы Эгины благочестивый Эак, призванный рассудить этот спор, оставил за Нисом и его потомками царскую власть, а Скирону присудил командование войском.

В Мегариде не было больших удобных дорог. Три основ-

ные дороги – из которых одна пролегла по скалистому западному берегу, другая по диким ущельям гор посредине страны, третья по восточному берегу – были одинаково затруднительны для путников и легко могли быть преграждены. Наибольшее значение имела последняя из трёх дорог, ведущая через Мегару и её равнину с одной стороны в Атику, с другой – к наиболее удобному перевалу через хребет Киферон и оттуда на семивратные Фивы.

Старые мегарцы говорят, что именно Скирон много лет для людей строил дорогу, которую и до сих пор называют по его имени Скироновой. Сначала она местами напоминала широкую тропу, а не дорогу и потому была доступна только для пешеходов, но впоследствии ее сделали везде широкой и достаточно удобной для проезда такой, что на ней могли разъехаться две встречных повозки.

В молодости Скирон был женат на фиванской нимфе Харикло, будущей супруге мудрого кентавра Хирона, и имел от нее дочь Эндейду, которая, выйдя замуж за Эака, родила ему Теламона (большого друга Геракла) и Пелея – отца самого могучего героя – воина Ахилла.

В зрелые годы сплошные несчастья стали преследовать Скирона. Сначала он лишился своего войска, покинувшего его после проигранного сражения, а затем жилья, сожженного разбойниками и, наконец, всех средств к существованию, когда богатый сосед обманным путем отсудил у него лошадь, несколько волов и коров, и клочок земли, который он обраба-

тывал.

Вот тогда, говорят, Скирон возненавидел богов и людей. Обладая огромной телесной силой, он стал грабить чужеземцев сначала на той дороге, которую сам построил. Когда же состоятельные люди почти перестали ездить по Скироновой дороге, он перебрался на более оживленную афинскую дорогу.

78. Встреча Тесея с разбойником Пиласидом

Тесей, оказавшись в местности, откуда была хорошо видна высокая скала, вершина которой напоминала поднятую вверх стопу, узнал, что, не встречая достойных противников Скирон, стал не просто грабителем, а настоящим злодеем.

Некоторые из словоохотливых местных жителей ему рассказали, что, злодей стал убивать ограбленных путников, чтобы не оставлять свидетелей своих разбоев. Войдя во вкус лишения человека жизни, он не просто убивал, а заставлял людей подниматься на поросшую редкими деревьями и кустарником скалу или затаскивал туда их силой. На вершине скалы, названной Пяткой, Пиласид издевательски заставлял мужей мыть ему ноги, а женщин и отроков, щеки которых еще были пухом покрыты, перед мытьем ног еще и насиловал. Столкнув путника ударом ноги с большой высоты в море на прибрежные камни, Скирон глумливо хохотал под сто-

ны искалеченного, и тут же на эти стоны и хохот приплывала гигантская черепаха и медленно пожирала не имевшего силы скрыться или защититься искалеченного при падении человека.

Тесей не без изумления выслушал все эти по большей части уже известные ему сведения. Его не удивляло то, что этот Скирон грабил и убивал, ибо разбойников и злодеев в последние годы расплодилось не мало. Но юноша не понимал зачем злодей заставляет своих жертв мыть ему ноги, да еще на высокой скале, куда и забраться было не просто. Он решил, что разбойник от своих преступлений повредился в уме, а иметь дело с умалишенным злодеем вдвойне опасно и потому подходил к подножью скала с особенной осторожностью.

Когда Тесей уже миновал скалу и его никто не остановил, он заставил себя громко запеть и тут из густого леса прямо к нему подбежал огромного роста муж, с луком и тулом за плечами и с длинным копьем в руке. Он перегородил Тесею неширокий путь и угрожающе сказал:

– Остановись надменный прохожий! Я здесь нахожусь, у этой скалы под названием Пятка, чтобы бороться с высокомерием, гордыней и спесью людей, для смерти рожденных. Гордость – это корень зла и мать всех пороков. Я единственный выход нашел, как с людской гордыней бороться. Все великое – просто. Надо заставить гордеца и спесивца свою высокомерную гордость отбросить. Поэтому я предла-

гаю всем мужам, которых на этой дороге встречаю, вымыть мне ноги, при этом я нарочно никогда сам их не мою, чтоб были они очень грязные и воняли. А жены и девы перед мытьем ног должны еще со мною возлечь притом так, как будто в меня влюблены...

– Мне кажется ты много сегодня воздух сотрясаешь напрасно, безумный борец с высокомерием и гордыней! Говори, что ты от меня хочешь или я своей дорогой пойду.

Нарочно заносчиво ответил Тесей, презрительно скривив губы, чтобы как-то поднять свой дух, сильно затрепетавший от близкой опасности. Ведь этот разбойник был не только с виду могучий, как Синис и Перифет, но еще и вооружен луком и копьем.

– Вижу, что ты особенно гордый, юнец, особенно дерзкий, весь наполненный спесью! Но я выблюю из тебя всю гордыню и дерзость. Ты мне будешь не только мыть ноги, как любящая супруга...

Начал с язвительным возмущением кричать Скирон, но увидев, что Тесей положил руку на палицу, тут же замахнулся копьем и крикнул:

– Меня сам кровью запятнанный Арес научил обращаться с копьем, я им убивал и огромных львов, и быстрых маленьких птиц. Кинь сейчас же на землю палицу и меч, если не хочешь здесь с жизнью, не прощаясь, расстаться!

Тесей беспрекословно исполнил приказание Скирона и даже сделал вид, что сильно испуган, хотя настоящего страха

почему-то не чувствовал. Он испытывал только сильнейшее боевое возбуждение и все его тело мелко дрожало, готовое к смертельному бою, но эту дрожь юный герой постарался выдать за испуг и потому сказал, нарочно заикаясь, словно от сильного страха:

– Я... я... я все сделаю, как ты скажешь. Т...т...только оставь мне милую жизнь, и ноги тебе вымою я очень чисто, и маслом их умащу, и...

– Конечно сделаешь, ведь тебе некуда деться и после такого унижения больше не будешь прежним дерзким спесивцем и гордецом. Возьми этот мех с водой и впереди меня иди по тропинке на самый верх этой скалы, а я сзади буду тебя в твой красивый упругий зад подгонять пока наконечником копья, а потом будет видно.

Разбойник, который был выше Тесея и сильнее теперь был вооружен не только луком и копьем, но и мечом, и палицей Тесея. У юноши был только незаметно прикрепленный под правым коленом дрот с трехгранным клинком. Небольшая рукоятка и тонкие ножны были сделаны из кости слоновой телесного цвета и потому изоострый кинжал под кожаной шнуровкой сандалий, оплетавшей икру, даже с очень близкого расстояния был не заметен.

79. Схватка Тесея со Скироном

Тесей поднимался по петляющей узкой тропинке на скалу

под бдительным оком идущего сзади Скирона и, поджав тонкие губы, сосредоточенным шепотом внушал себе, как заклинанье:

– Хотя я почти безоружен, а он вооружен до зубов и телесно он много сильнее меня, но я знаю, что он меня хочет убить, а он не знает, что убью его я, и потому внезапность на моей стороне, а это огромная сила. Если не вмешается своенравная Тюхе, победоносная Ника будет реять над моей головой! Сегодня я и без Кайроса знаю, как именно его за злодеяния покараю, если только не вмешается его мать – зеленоглазая дева с пепельными волосами, которая над любым расчетом может глумиться.

И вот безоружный юный герой, и могучий вооруженный злодей на вершине скалы. На самом крае ее выступа, повисшего, словно поднятая стопа, над кромкой моря было два камня, один был побольше – Тесею по пояс, а другой был ему по колено. Скирон привычно уселся на большой камень, а левую ногу поставил на камень поменьше. Он аккуратно, чтоб было под руками, положил справа и слева от себя все оружие и дрожащим от нетерпения голосом стал говорить:

– Приступай же, гордец, уже начинается твое воспитание: через унижение к катарсису. Пережив унижение, ты очистишь свой дух, охваченный непомерной гордыней, и так я сделаю из тебя хорошего человека, и ты сам потом будешь мне благодарен. Мой же мне эту ногу так чисто и нежно, как ты мыл бы своей деве любимой...

Тесей заметил, как подрагивает в нетерпении перед ударом согнутая правая нога Скирона и понял, что наступает решающий момент. Если он не сумеет его использовать в свою пользу, то скоро погибнет мучительной смертью, раздаваемый зубастой черепахой или от копья или стрелы, пущенной Скироном, если попытается убежать.

Юноша обильно полил ногу Скирона водой и медленно положил мех с оставшейся водой на землю и стал приседать подобный сжимаемой железной пружине, стараясь все время оставаться на безопасном для вражеской правой ноги расстоянии.

– Ну же, юноша! Не заставляй меня долго ждать, а то ведь я могу палицей твоей же тебя погладить по спине или по твоему нежному заду.

Тесей наклонил голову, чтобы Скирон не видел куда он смотрит и, коснувшись правой рукой левой ноги злодея, стоявшей на низком камне, нежно, но крепко обхватил ее правой рукой за пятку. Глядел же он на правую согнутую для удара ногу врага. И вот он как в замедленном сне увидел, как нога для удара начала распрямляться, и в его грудь мощно устремилась смертельная пятка Скирона. Он левой рукой подхватил снизу вверх бьющую правую пятку и не выпуская из руки вторую пятку, резко вскочил, поднимая с силой обе руки. Скирон упал с большого камня назад затылком на мелкие камни. Разбойник не успел даже понять, что произошло, как Тесей в один прыжок мгновенно оказался рядом с ним

и, словно бревно, столкнул его с обрыва вниз.

– Победа! Мойра не могла соткать свою пряжу иначе! Я всегда считал, что в смертельной схватке сила – не главное, и даже ловкость, и быстрота – не слишком важны. Самое главное и самое важное в любом поединке – это ум, который людей и богов от зверей отличает и дарит неоспоримое превосходство над самыми из них сильными и свирепыми!

Радостно кричал Тесей, пританцовывая, давая выход нечеловеческому напряжению, не покидавшему его с самого первого момента встречи с жестоким и коварным разбойником. Он окинул победоносным взглядом простирившиеся внизу леса и луга и, услышав внизу душераздирающие крики, брезгливо изрек:

– Ставшему зверем – звериная смерть!

Герой порвал тетиву и привязал ею распрямившиеся рога лука к копыю Скирона так, что получилась первая буква его имени *Theseus*, как его называл иногда на языке Латина, давшего язык древним римлянам, дед его ученый Питфей. Он укрепил на самой вершине скалы копые, как знак своей очередной победы и весело зашагал вниз очень довольный, ведя с духом своим беседу неторопливую:

– Кажется чистую правду мне говорил дед Питфей, что я стану великим героем, и не только родные будут мною гордиться. Интересно, как бы поступил со Скироном великий Геракл? Наверное, они боролись бы на вершине скалы, как два могучих быка за лучших телок из стала иль как два во-

жака оленя во время гона, сплетаясь ветвистыми рогами, сражающиеся за олениц. И неизвестно еще кто бы из них победил. Геракл, конечно, Мойрой и родителем Зевсом одет все-сокрушающей силой, но им биться пришлось бы на вершине скалы, где один неверный шаг может все изменить. Ведь даже без противника можно вниз полететь, и сила никакая тот полет не прервет, пока самое мощное тело не превратится на камнях в окровавленный мешок со сломанными костями и в клочья разорванным мясом. Ух... воплей Скирона больше не слышно, видно Танат уже уволок его нечестивую душу в Аид и скоро Минос иль Радамант справедливо воздадут ему по заслугам.

Уголки губ Тесея задумчиво опустились, когда он стал себя спрашивать:

– Интересно, Скирон унизительным мытьем своих грязных ног действительно перед смертью хотел путников избавлять от непомерной гордыни или он изощренно так издевался над ними? Бессмертные боги или сама всемогущая Ананка закрыла души людей друг от друга и никогда нельзя точно знать, кто что думает... Может это и правильно, ведь не хотел бы и я, чтоб обо всех моих мыслях кто-то знал, ой, как мне тогда часто было бы стыдно.

Овидий поет, что разъятые кости Скирона каменистая земля отказалась принять, и вода тоже наотрез отказалась. Долго прибрежные волны, не зная куда деть, носили скироновы кости и, говорят, состарившись, стали они небольшими

острыми верхушками скал, которые хранят и доныне Скироново имя.

Некоторые говорят, что Тесей спустился и убил огромную, но медлительную черепаху, а из ее панциря сделал себе щит. Другие уверены, что Тесей не стал даже пытаться убить чудовищную черепаху, посчитав, что не стоит зря рисковать, и она сама вскоре умрет от голода, ибо, сожрав разбившегося Скирона, она лишит себя беспомощных тел покалеченных в паденье людей, которых тот сбрасывал ей.

Так, по мнению афинских поэтов, закончил свой четвертый подвиг доблестный герой Тесей, ростом и силой, не превышавший обычных сильных мужей.

80. Дамаст

Самым знаменитым разбойником, подстерегавшим путников на дороге между Мегарой и Афинами, был Прокруст (растягивающий). Некоторые называют и другие его имена такие, как Полипемон (причиняющий страдания), Дамаст (одолевающий) и Прокопт (усекатель).

Рассказывают также, что в то время, когда царь морей Посейдон спорил с богом солнца светоносным Гелиосом за коринфскую землю, он увидел юницу Силею, прекрасную дочь сына Марафона Коринфа, давшего городу и земле свое имя. Говорят даже, что Посейдон проиграл спор за землю потому, что страстью зажегся к Силее, а дева отвергла его. Люб-

веобильный царь зыбей не находил себе нигде места, пока однажды не подкараулил юную красотку на пустынном морском берегу и не утолил свое буйное вожделение, насильно похитив нежные дары ее милого девства.

Чадолубивый Коринф, узнав о беременности дочери, не выгнал ее и не приказал умертвить после родов ребенка, как это часто делали в подобных случаях многие жестокосердные отцы – гордецы. Новорожденному мальчику дали имя Дамаст, имея в виду, что, возмужав, он будет одолевать всех врагов.

Некоторые говорят, что Силея была женой, а не матерью Дамаста – возможно, так думают потому, что сын, став взрослым, возлег с матерью и потом делал это не раз.

Дамаст в детстве ни в чем не нуждался, хотя ни мать, ни дед его не любили. Мальчик это чувствовал и, рано познакомившись с богиней стыда Айдос, стыдился своего происхождения. Силея и Коринф, в отличие от Эфры и Питфея не стали убеждать людей, что Дамаст – сын Посейдона. Поэтому все думали, что безнравственная царевна нагуляла ребенка с кем-то из сверстников, который отказался на ней жениться. Вскоре, подружившись с богиней обмана Апатой, мальчик стал часто лгать и хитрить.

Хотя Дамаст был сыном могучего Посейдона, он, как и Тесей, не был особенно сильным. Однако он был страшен своей хитростью и коварством, и еще он был большим мастером в изготовлении кроватей, что сыграло большую роль

в его жизни.

С детских лет он полюбил плотничье дело и в 15 лет изготовил не только для себя, но и для деда и матери дивные кровати. Особенно хорошей была кровать матери. Дамаст как плотник искусный вырубил из дуба брусья разных размеров и остругал их гладко инструментами медными, по шнуру и отвесу проверяя все время. Соединив те брусья меж собой и поставив их на крепкие ножки, много в них отверстий буровом он просверлил, чтобы в просверленных дырках кровати укрепить разные ремни, на которые укладывались большие подушки. Для материнской кровати кроме ремней, он зачем-то укрепил пружины разные и защелки и замаскировал их искусно так, чтобы никто – ни люди, ни даже бессмертные боги, обладавшие зрением особенно острым, увидеть их не смогли бы. После брусочками полированного кипариса, а также золотом, серебром и слоновой костью всю кровать матери сын украсил, подушек красивых пурпурных положил на ремни и покрыл их пушистым сверху ковром, а на него огромное пурпурное одеяло своими руками послал.

Такую кровать Дамаст сделал для матери не спроста. Став юношей, он сторонился женщин, хотя и испытывал к ним жгучую телесную тягу, которую долго подавлял. И вот, когда в доме были одни только спящие слуги, он напился для храбрости чистого вина и вошел в спальню матери, спящей на прекрасной кровати, изготовленной им. Когда он сорвал с матери пушистое одеяло, она проснулась и хотела вскочить,

но юноша дотронулся до какой-то пружины в кровати, и мать оказалась крепко привязанной двумя ремнями к кровати. Испуганная Силея не успела открыть рот, как Дамаст засунул в него заранее припасенную тряпку. После этого негодяй до утра много раз колебал ремни и пружины кровати, наслаждаясь беспомощным телом Силеи, а перед уходом освободил ее от ремней и сказал:

– Если ты расскажешь кому-нибудь о том, что случилось, то пожалеешь. Я скажу, что ты сама позвала меня к себе в спальню и совратила. Слуги в эту ночь твоих криков не слышали и, значит, с моей стороны насилия не было. Подумай кому поверят, ведь мне 15 лет, а ты зрелая женщина, да еще и без мужа ночами страдаешь так же, как я без отца. Впрочем, можешь рассказывать, если хочешь. Ведь я сейчас поступил, как сам Зевс однажды поступил со своей матерью Реей. Некогда Олимпиец увлекся Фемидой, но титанида отказывалась от внебрачных любовных ласк, и он предложил ей стать его супругой. Когда о планах сына узнала его мать Рея, она попыталась воспротивиться им, предвидя разные беды и запретила ему жениться на Фемиде. Зевс рассвирепел, усмотрев в материнском запрете покушение на свою царственную власть и пригрозил овладеть ею. Рея превратилась в ужасную змею, но Зевс не испугался и, сам, превратившись в огромного пятнистого змея, исполнил свою угрозу и насильно матерью овладел, как я тобою.

Кроткая Силея, слушая рассказы сына после того, что он

сделал, пыталась понять – он настоящий безумец или одержимый чрезмерной юношеской похотью нечестивец? В конце концов она решила, что во всем виновата наследственность, доставшаяся Дамасту от Посейдона, ведь и тот ее изнасиловал... Она никому ничего не сказала, даже отцу, и Дамаст теперь каждую ночь приходил на ее ложе и предавался с матерью преступной любви до самого утра.

Слугам, спавшим перед комнатой Силеи, Дамаст за молчание заплатил, но вскоре кто-то из них проболтался, и Коринф узнал обо всем. Он опять простил дочь, которая в силу мягкости характера не умела быть решительной и строгой, а нечестивого внука из дома изгнал навсегда и постарался, чтобы о его преступных наклонностях никто не узнал.

Мать из жалости дала сыну много денег, и Дамаст поселился в хорошем доме у широкой дороги, ведущей из Мегар в Афины недалеко от Элевсина и занялся изготовлением и продажей кроватей, что делать он и любил, и умел, как искуснейший плотник.

81. Встреча Тесея с Дамастом

Тесей помнил рассказ деда Питфея о Прокрусте, растягивающим путников на своем ложе и, оказавшись на дороге, ведущей из Мегар в Афины стал, как всегда, расспрашивать всех о самом знаменитом местном разбойнике. Люди разные рассказывали о Дамасте, получившем имя Прокруст после

того, как он ушел из дома деда и стал жить один.

Некоторые соседи Прокруста говорили, что, обитая у дороги, Прокруст подстерегал уставших путников и радушно приглашал их в дом. Он вежливо придвигал скамью, предлагая пришельцу отдохнуть с дороги и спешил развести очаг, чтобы зажарить мясо или поставить вариться овощи с кусами отборного мяса. Пока готовилось горячее блюдо, гостю он давал серебряный таз с теплой водой, чтобы в ней утомленные ноги могли отдохнуть и предлагал прилечь на казавшееся мягким ложе, покрытое нарядной праздничной тканью. Как только путник оказывался на изготовленной Прокрустом кровати, он оказывался прикованным к ней замаскированными крепкими сыромятными ремнями. Человек не мог подняться и попадал в полную власть нечестивцу – злодею. Если постель оказывалась мала путнику, то искусно спрятанный топор приходил в действие и отрубал человеку выступающие части тела – голову и ступни ног, если они тоже свисали с кровати. Если же ложе было велико, то Дамаст включал блочный механизм, который растягивал человеку позвоночник, и тот умирал в ужасных мучениях.

Особенно осведомленные люди говорили, что в начале, эти страшные постели были сделаны Дамастом для того, чтобы удовлетворять его мерзкую похоть. Он не приглашал в свой дом одних мужчин, а зазывал только пары женщина – мужчина или двух женщин. Как только пара после обильного ужина ложилась спать, постели их сковывали, и они ста-

новились беспомощны, как младенцы. Дамаст включал механизм, который убивал мужчину, отрубив ему голову или растянув позвоночник. Затем он несколько дней и ночей насиловал женщину, пока не пресыщался, после чего и ее убивал на одной из кроватей, чтобы не оставались свидетели его преступлений.

Однако нашлись и такие, которые уверяли Тесея, что все рассказы о злодеяниях Прокруста – это чистые выдумки лжецов и завистников, ведь тот сильно разбогател, изготавливая и продавая чудесные кровати, за которыми приезжали со всего Пелопоннеса, и из Аттики, из Этолии, и из других полисов великой Эллады. Он, якобы, изготовил даже несколько кроватей для скиптроносцев, питомцев Зевеса потому, что они считали, что в кроватях Дамаста сон особенно крепок и сладок.

Одна не молодая уж женщина так Тесею сказала:

– Я хорошо знаю Дамаста и дома у него бывала не раз и даже перед заказом у него двух кроватей, полежала на образцах кроватей в его доме, для их проверки, ведь очень они дорогие. Человек он трудолюбивый и плотник искусный. Слухи о его преступлениях жутких хорошо мне известны, ведь ходят они здесь повсюду, но ни одного свидетеля нет. Это все черная зависть. Я ненавижу Зависть – эту высохшую изможденную старуху, которая ест сердце, вырванное из собственной груди и свои внутренности. Не милы ей достижения людские и, видя их, она страдает и чахнет, мучит других, и са-

ма одновременно мучается. Зависть особенно часто порождает вражду между соседями, и они начинают распространять всякую ложь друг о друге, которую тут же подхватывает Молва. Слава худая быстро приходит, и потом избавиться от нее почти невозможно. И сама не исчезнет бесследно Молва, ведь она, как и Зависть, тоже богиня... Впрочем, иногда мне кажется, что Дамаст сам первый придумал страшную историю о своих преступлениях, чтобы о нем слава по всей Элладе пошла, и к нему люди стали бы со всех концов приезжать и кровати заказывать.

Тесей узнал, где находится дом Прокруста и решительно к нему устремился, хотя в мыслях своих еще колебался:

– Несмотря на то, что живых свидетелей злодейств Прокруста не оставалось, дыма без огня не бывает. Вездесущая молва все видит, что в небе творится, на море и на земле, – все в мире ей вечно надобно вызнать. И мне следует соблюдать особую осторожность, ведь Прокруст, как говорят, еще и очень коварный. Дело мне предстоит необычное. И, если все правда, то пригласит ли он меня, ведь я не дева в первом цвету и не полногрудая женщина... Все надо прежде разузнать хорошенько и, если Прокруст окажется злодеем, надо его на его же кровати жизни лишить, чтоб люди меня называли обязательно справедливым героем, ведь справедливость и бессмертным богам милее всего из всех добродетелей.

Тесея никто не поджидал у дороги, на обочине которой стоял дом Прокруста и ему пришлось постучать в высокие

крепкие ворота. Вскоре ему открыл благообразного вида мужчина лет сорока или чуть более. Прокруст не выглядел силачом, он был одинакового роста с Тесеем. Юноша сказал, что очень устал с дороги и просит пристанище на одну ночь и готов за это хорошо заплатить. Хозяин сморщил один глаз, как будто что-то прикидывая, а вторым глазом косился на меч и палицу, висевшие на поясе героя. Тогда Тесей, скромно потупив глаза, словно стыдливая девушка, добавил:

– Я недавно круглым стал сиротой и иду к дальнему родственнику в Афины, которого никогда не видел, и он меня тоже не видел и, возможно, не знает даже о моем существовании и потому неизвестно еще, как меня примет.

Тесей давно догадывался, а теперь ясно понял, что Прокруст не всех в свой дом приглашает и решил его раззадорить своим одиночеством и видом юным и по-женски стыдливым. Хозяин дома попался на удочку Тесея и, навесив на рот приветливую улыбку, с притворным радушием его в дом пригласил.

82. Тесей пирует с Прокрустом

В небольшом, но красиво отделанном полированными пластинами дуба, зале, уже накрытом для пира, Прокруст, окидывая Тесея оценивающим, словно девушку, взглядом, сказал более, чем радушно:

– Возрадуйся, гость дорогой. Меня люди Дамастом зовут,

что значит Одолевающий, ведь я стараюсь одолевать зло, которого в нашей мало радостной жизни так еще встречается много. Соседи иногда Прокрустом так же меня именуют, что значит Растягивающий – это потому, что они считают, что я люблю растягивать всякое удовольствие, например, пировать или заниматься любовью, которой нет ничего в жизни прекрасней.

Прокруст опять окинул гостя и, особенно, его оружие недоверчивым взглядом и, как будто успокоившись, нарочно небрежным голосом продолжил:

– Так, что меч и дубинку свою при входе в зал, где мы будем с тобой пировать, можешь оставить, ведь не угрожает тебе здесь никакая опасность. Самому Зевсу-Гостеприимцу всякий странник угоден, и он, как охраняющий чужеземцев Ксений всячески его защищает.

Тесея не ввели в заблуждение все эти изощренно лживые речи, он, все время думая об осторожности, решил не рисковать и, сделав глупое лицо, сначала вытянул, как ребенок, свои тонкие губы, а потом открыл их и ответил голосом самым правдивым:

– Прости, хозяин, меня, дорогой. Палицу я сниму, а меч – никак не могу. Дело в том, что меня до сих пор друзья часто за девушку принимали, наверное, за мою нежную внешность и уступчивый, мягкий характер. Насмешки их меня обижали, и я дал зарок – меч никогда не снимать, чтобы характер воспитывать и мужественным всем казаться.

– Что ж, гость дорогой, делай, как знаешь. А сейчас пищи моей, прошу тебя вкусить и вина медосладкого также из полной чаши отведать! А после того, как жажду этим терпким Критским вином утолишь и голод пищей насытишь, я спрошу у тебя – что за юноша ты такой еще молодой и один по нашим небезопасным дорогам бесстрашно шагаешь? По одежде твоей и рукоятке меча, на которой герб виднеется чей-то, вижу я, что род ты, конечно, ведешь от питомцев Зевса царей, которых он возвеличил блещущей славой. Селяне или ремесленники таких, как ты, детей никогда не произвели бы на свет.

Тесей на миг так расслабился от притворно искренней речи, сказанной приветливо и радушно, что даже подумал: не попроситься ли перед ужином в баню, но тут же отбросил эту мысль, вспомнив о славе ужасной Прокруста, «растягивающего» не удовольствие, а тела путников на страшных кроватях.

Дамаст явно старался сподобить Тесея чистым вином, но юноша, крепко сжав губы, сразу твердо сказал, что его живот не принимает много вина, тем более чистого, и его всегда рвет, если он выпьет больше одного килика.

Прокрусту, кажется, не нравилась трезвость Тесея, но вида он не подавал и, узнав, как Тесея зовут, откуда он и куда идет, казалось, потерял к нему интерес, хотя и пытался порою для поддержания разговора шутить.

Тесей решил рассказать всю правду о своем рождении, о

матери Эфре и отце Эгее, которого никогда не видел, солгал он, только, выдумав смерть матери:

– Мать моя Эфра от какого-то афинянина забеременела и умерла во время родов, родив мертвого ребенка. Теперь вот, воспитанный дедом, иду в Афины на поиски отца, который даже не знает родился ли я 17 лет назад или нет, ведь он провел с моей матерью одну только ночь и притом сильно пьяный.

Прокрусту понравилась история гостя, и он сказал, что они с Тесеем похожи – он тоже не знает от кого его мать родила – то ли от похотливого сверстника, то ли от бога. После обеда, хозяин подал гостю таз и кувшин с рукомойной водой и повел его в спальню. Он попытался обнять Тесея за плечи, но тот из осторожности, чтобы враг не был сзади, ему сказал, что у него целую неделю побаливает спина и, особенно, плечи от разной непривычной работы.

Сердце юноши начало гулко биться – приближалась развязка. Больше всего его беспокоило коварство Прокруста. Он надеялся, что схватка начнется у самой кровати с замаскированными ремнями, но ведь злодей мог напасть и раньше, если, что-нибудь заподозрит. Поэтому, юный герой, опасаясь удара сзади по голове, попросил, хозяина первым идти, освещая факелом дорогу потому, что он с детства боится темноты.

83. Тесей отрубает Прокрусту голову на его же кровати

Вот и спальня. Тесей увидел роскошную кровать с низкими резными спинками, покрытую пурпурным одеялом. В кровати не было ничего подозрительного, она была просто очень красивой, хотя обе спинки были слишком низкими. Прокруст стал рядом с кроватью и сказал заботливым тоном:

– Уже очень темно, раздевайся и ложись, пока я посвечу. Потом факел я на стену повешу. Надеюсь, тебе понравятся подушки и одеяло из тончайшего лебединого пуха.

– Прости, радушный хозяин. Я бы хотел раздеться и лечь в одиночестве. Очень я стесняюсь раздеваться при чужих людях.

Было видно, как Прокруст, нахмутив брови, колебался, не зная, что ему делать. Можно было подумать, что он все же хочет гостю помочь, но боится навязчивым быть. Но Тесей был уверен, что Прокруст колеблется: толкнуть его на кровать или выйти и подождать, когда он сам возляжет на коварное ложе.

– Хорошо, садись на кровать, а я повешу факел и уйду.

Однако внутренне готовый в любой момент ко всему юноша старался не оказаться между кроватью и Прокрустом, чтобы тот его не толкнул на свое ужасное ложе.

Тесей сделал вид, что хочет присесть на край кровати и

повернулся к разбойнику боком, а сам краем глаза внимательно за ним все время следил. Он вовремя заметил, как злодей быстро воткнул факел в держатель и замахнулся назад обеими руками, чтобы его сильнее толкнуть на кровать. Юный герой был к этому все время готов.

Тесеюгодились уроки борьбы, которую он любил с детства, и в Трезене достиг в ней больших успехов, хоть и был среднего роста и не большого веса. Когда руки Прокруста оказались у его плеч, и сам он вперед подался к нему, юноша схватил его за правую руку обеими своими руками и резко дернул руку вниз и вперед, закидывая Дамаста на свою спину. Одновременно Тесей чуть присел и распрямляясь перекинул Прокруста через себя прямо на ложе.

Все случилось почти так, как Тесею хотелось, Прокруст боком упал на свое ложе, но ремни, против ожидания Тесея, его не обвили.

– Неужели я ошибся, и он действительно радушный хозяин и все ужасные рассказы о нем и его кроватях – сплошная ложь, выдуманная завистливыми соседями?

Подумал Тесей и решил проверить что правда, что ложь, на деле, разобравшись с кроватью, а перед этим вызвать Прокруста на откровенность прямыми обвинениями, и если – он злодей, то одолеть его в битве, и он закричал:

– Сдавайся, нечестивый разбойник! Я все о тебе давно знаю и пришел положить конец злодействам твоим. Если не сдашься, будем насмерть бороться!

Прокруст вскочил с кровати и со звериным рыком кинулся на юношу. Как с высокой горы, вершина которой снегом покрыта, устремляется вниз с шумом и ревом поток полноводный, вспухший от паводковых вод и от зевсовых ливней жестоких, так и Дамаст устремился к Тесею.

Борьба была не долгой. Тесей хоть был юн, но не зря считался первым в Трезене борцом. Он опасался, что во время рукопашной борьбы, в которой противники оплетают друг друга руками, Прокруст может его коварно ударить ножом, и потому сделал вид, что замахивается правой рукой, а сам ударил правой ногой разбойника между ног. Удар был точным и сильным. Прокруст схватился за свое мужское достоинство и с воплем упал на колени, а перед этим на пол со стуком из его руки выпал нож. Тесей поднял обе руки и изо всех сил резко ударил ребрами ладоней злодея по шее, которая сухо хрустнула, и схватка закончилась.

Тесей, сморщившись, как от зубной боли, заставил себя осторожно положить еще теплое тело разбойника на его ложе. Кровать оказалась чуть короче, и Тесей, скинув одеяло, положил Прокруста так, чтобы его сломанная шея оказалась на спинке, которая хоть и была низкой, но чуть превышала вторую спинку. После этого юноша начал осторожно трогать кроватьные ремни в разных местах, стараясь, чтобы не пострадать самому, но так и не нашел механизма, заставлявшего ремни опутать и держать лежащее на кровати тело. Тогда он рассмотрел спинку, на которой лежала шея злодея и

нашел под нею лезвие топора, укрепленное на пружине. Он осторожно прикоснулся к маленькому рычажку, и острейшее лезвие топора крутанулось вокруг оси, и отрубленная голова злодея с громким стуком упала на пол.

В это время неожиданно сработали и другие механизмы. Обезглавленного Прокруста обхватили три ремня: на груди, на талии и на ногах, и ремень на ногах стал растягивать медленно его тело.

Юноша в нерешительности постоял, потом плюнул и выбежал из спальни злодея. Коварный Прокруст вызывал у Тесея большее негодование и презрение, чем даже Перифет, Синис и Скирон, которые быстро убивали свои жертвы, но не мучили их и не наслаждались их мучениями.

Говорят, что впервые о Прокрусте рассказал Диодор Сицилийский. Он же рассказал, что злодей был убит справедливым афинским героем Тесеем, который уложил Прокрота на его же постель, и она усекла ему голову.

С тех пор дорога из Мегар в Афины стала намного безопаснее. Выражение «прокрустово ложе» стало крылатым и означает желание подогнать что-либо под жёсткие рамки, иногда жертвуя ради этого чем-нибудь важным.

84. Керкион и Алопа

Недалеко от Элевсина, славного своими мистериями, существующими уже тысячу лет, всего в 3–4-х парасангах от

Афин Тесей надеялся встретиться с последним из разбойников, о которых рассказывал его осведомленный обо всем дед – Керкионом.

Тесей нашел долго жившего и потому много знавшего старика, который ему рассказал об элевсинском разбойнике много нового:

– Тебе повезло, юноша, что встретил меня. Я знаю о Керкиона и его дочке Алопе больше других. Этот Керкион – настоящий герой – полубог потому, что имеет двух отцов – божественного и смертного. Нимфа источника Аргиопа (светлый взор), имевшая постоянное жилье у подножья Парнаса, скиталась у нас после того, как на ней отказался жениться великий музыкант Филаммон, обуреваемый непомерной гордыней. Давно это было, но я помню, что она зачала Керкиона от тогдашнего царя Элевсина Бранха (хрипота), сойдясь в ту же ночь с могучим Владыкой подводных зыбей Посейдоном...

– Как видно, Земледержец – Посейдон большой любитель сходить с девами в ту ночь, которую они проводят с мужами, смерти подвластными. Ведь и я был так же Эфрой зачат от Эгея и Посейдона, как, ты говоришь, Керкион был зачат Аргиопой от Бранха и Посейдона. Значит по отцу мы с этим разбойником родные братья. Впрочем, я слышал от некоторых, что этот Керкион рожден от бога огня, колченогого кузнеца Гефеста...

Не удержался и перебил старика Тесей, когда услышал,

что и Керкион приходится ему близким родичем. А старик, между тем, словоохотливо продолжал, ведь и просто поговорить – большое удовольствие в старости.

– Нет, именно Земледержец Посейдон был божественным отцом Керкиона. Он с детства очень любил бороться и ему не было равных в борьбе потому, что он унаследовал от родителя-бога рост и силу и был настоящим великаном, а ведь Гефест, как известно, много ниже был своего дяди и уродлив был, и хромоног. Борьба с Керкионом обычно заканчивалась смертью противника. Как властитель Элевсина Керкион в это время завел нечестивый обычай, согласно которому отцы должны были приводить к нему на одну ночь накануне свадьбы своих дочерей, собиравшихся выйти замуж. Он даже название дал этой ночи – «брачная жертва царю». С красавицами он, независимо от их желания, благодаря своей силе, совокуплялся. Некрасивых же дев он отдавал своим слугам и охранникам. Если кто-то из родственников девушек противился, то Керкион объявлял его нечестивцем, вызывал на поединок и на площади при всех убивал. Убийство на поединке считалось дозволенным, и после того, как он жестоко убил нескольких человек, элевсинцы перестали противиться своему царю. Поединки прекратились, и отцы безропотно приводили в царский дворец своих невест-дочерей, и Керкион обнаглел еще больше. Красивых девушек он держал в своем дворце уже не одну, как он называл «ритуальную» ночь, а по несколько суток или даже недель, пока

они ему не надоедали, и он не обзаводился новой чьей-то невестой – красавицей. Одна из многих безвестных девушек, которых Керкион сделал женщинами, родила ему дочь, которую назвали Алопой. Несчастливая мать умерла вскоре после родов. Одни говорили, что она умерла от какой-то болезни, другие утверждали, что ее убил в гневе за какую-то провинность сам Керкион. Он воспитал и вскормил дочку, и очень ее любил. Я видел ее, когда было ей лет 16 и скажу, что видом она была просто чудо, необыкновенной красотой она от других дев отличалась. Стройное тело ее было прекрасно только начавшей расцветать юностью... Ах, юность – это самое лучшее, что может быть в человеческой жизни, ибо в ней содержится все, что ему надо для полного счастья.

В водянистых глазах старика заблестели слезы, но он потряхнул седой головой и продолжил:

– Лицо юной Алопы было овеяно самой Афродитой милой красою и с ее одеяний серебрянотканых свет изливался божественный. Мне кажется, что, когда она превратилась в девушку, Керкион стал любить ее не только, как дочь. Он ни за что не хотел отдавать дочь замуж никому, и чтобы отгнать многочисленных женихов, объявил с помощью глашатаев на всю Аттику, что дочь его, юную красавицу Алопу, получит лишь тот из женихов, кто одолеет его в честной борьбе. На самом деле, в этой его «честной борьбе» не было никаких правил проведения поединка, и схватка всегда оканчивалась смертью его противника так же, как раньше с родны-

ми, не желавшими приносить царю «брачных жертв». Ведь Керкион – настоящий великан, он на голову иль на две выше обычного мужа, такого, как ты. . . Царь наводил не только на женихов – чужеземцев, но и на всех элевсинцев ужас своей жестокостью. Но, как я сказал, Алопа была страсть, как хороша собой и потом, в придачу к такой красоте жених получал трон Элевсина. Поэтому в самонадеянных юношах, в том числе элевсинцах, желавших, во что бы то ни стало жениться на прекрасной царевне, долго не было отбоя.

Старик опять задумался и вдруг с каким-то ожесточением сказала:

– Юность безумная общее зло навлекает на всех нас, когда мы только-только взрослеем, и многие юноши своими пожертвовали головами. Так продолжалось до тех пор, пока юная Алопа не родила тайно ребенка. Да, она оказалась беременной и сумела до самых родов скрывать свою беременность.

85. Позор Керкиона

Тесей узнал, что однажды во время посещения Алопой храма Деметры, которую очень чтили в Элевсине, ее увидел Колебатель земли Посейдон.

Элевсинцы любят рассказывать, как шаловливый бог любви Эрот, пролетая на золотистых крыльях над Элевсином, не удержался и из озорства вонзил свою кипарисовую стрелку

с зазубренным крючком на конце в любвеобильное сердце морского царя. Возгоревшись пламенной страстью, Посейдон подкараулил Алопу, когда та в жаркий полдень пришла купаться на берег реки, и сразу предложил ей:

– Дивная! Как только я увидел тебя, страсть во мне разгорелась. Сильно хочется мне с тобой на любовное ложе возлечь. Не отказывайся, юница, ведь это лучшее, что может быть в твоей жизни. Керкион не позволит тебе выйти ни за кого замуж, а ведь я не простой жених. Пред тобой сам Посейдон, сотрясающий землю.

Дева с испуганным криком бросилась бежать, но бог, несмотря на многотысячелетний возраст оказался намного быстрее. Посейдон всегда считавший, что насилие женщинам мило, бурно изнасиловал Алопу.

Другие же говорят, что Посейдон и без всяких стрел шаловливого Эроса, из-за свойственных ему частых приступов похоти, очень любил с разными девами и юношами, а также и со своими невестками, внучками, правнучками и прочими другими родственницами возлечь...

Тесей слушал такое о своем божественном родителе Посейдоне и морщился. Он понимал, что людям свойственно многое выдумывать о бессмертных богах, но в данном случае он почему-то верил тому, что рассказывали о любвеобильном Посейдоне.

Как бы там ни было, но семя великого олимпийского бога не бывает бесплодным, и Алопа зачала от деда своего Посей-

дона. Дева, опасавшаяся не столько отцовского гнева, сколько его мужской ревности (о его нечестивом чувстве она догадывалась давно, но не знала, что делать), как могла, скрывала беременность, туго пеленая живот и ей удалось даже тайно родить. Сразу же после рождения мальчика она завернула его в тряпки из своего разрезанного красивого пояса и в царской корзине с пурпурным бантом отнесла в поле, где отцовские часто паслись стада, чтобы кто-нибудь его нашел и вскормил.

Один из царских пастухов нашел ребенка в царском приданом и то ли, опасаясь гнева царя, то ли понадеявшись на щедрое вознаграждение, о находке своей ему в тот же день доложил и все, что нашел, показал. Керкион сразу узнал дворцовую корзину с его бантом и тряпки из пеплоса, который он недавно дочери подарил. Допросив дочь, он услышал, что отец ребенка – Колебатель земли Посейдон, изнасиловавший ее на речном берегу. Царь не поверил дочери, он был уверен, что она была в преступной любовной связи с трусливым сверстником – женихом, побоявшимся с ним выйти на честный поединок, а не с великим Посейдоном, который был его же божественным отцом. Он требовал доказательств отцовства Энносигея, но дева лишь рыдала в ответ и молчала. Тогда разъяренный ревностью Керкион схватил одной рукой за волосы дочь, а другой – ребенка – за ножки и потащил их по дороге, ведущей из Элевсина в Мегару, недалеко от того места, где у него была площадка для борьбы с

женихами. При этом, он все время кричащей от боли дочери злобно так повторял:

– Скажи лучше мне правду – кто твой совратитель? Назови его имя, тогда, может быть и прощу я тебя. Если ж будешь повторять посеидоново имя, то я тебя буду медленно резать этим ножом и посмотрю заступится ли возлюбивший тебя царь морей, приходящийся тебе дедом.

Керкион остановился на обочине дороги и, отпустив обесиленную от мучений дочь, демонстративно вытащил нож. В это время стал сильно плакать ребенок, и Керкион, взяв второй рукой его за голову, бросив нож, ведь он не собирался убивать безумно любимую дочь, а хотел ее лишь испугать, чтобы она совратителя имя назвала. Тут Алопа схватила нож изоострый и вонзила его себе под левую грудь, успев родителю перед смертью сказать:

– Я приношу себя в жертву олимпийскому деду, меня совратившему, такому доказательству ты, надеюсь, поверишь и всю оставшуюся жизнь в мучениях проведешь.

Керкион прямо на обочине дороге, точно на месте гибели дочери собственными руками вырыл могилу и сам же ее закопал, положив в царский гроб, а сверху небольшой холмик насыпал. Это место элевсинцы называли «палестрой Керкиона» и говорят, что Посейдон превратил тело Алопы в источник, получивший её имя.

Ребенок самым своим существованием все время напоминал Керкиону безвинно погибшую дочь. Кроме того, он, не

желая, чтоб на земле вырос еще один правнук Посейдона, которого он люто возненавидел, сам отвез мальчика далеко на высокую гору и кинул, чтобы тот погиб в зубах диких зверей или от голода и холода.

Некоторые говорят, что целых два года ребенка кормила молоком кобылица, которую, как говорят, послал чадолюбивый Посейдон Гиппий. Однажды двухлетнего мальчика, сосущего молоко кобылицы, нашел афинский охотник и назвал его маленького Гиппофоонтом (вскормленный конями), а потом Гиппофоем (быстроконный).

Другие говорят, что сына Алопы от Посейдона звали только Гиппофоонтом, а Гиппофоем звали сына Керкиона то ли от женщины, имя которой не сохранилось, то ли от дочери Алопы, и этого сына она, якобы родила еще до насилия над ней Посейдона. Этот Гиппофой стал царем Аркадии, когда предводитель аркадцев, царь Тегеи Агапенор, как жених Елены не отправился под Троию на 60 кораблях и не вернулся оттуда. По его имени названа фила Гиппофойтида у тегетатов.

86. Тесей побеждает Керкиона

С тех пор Керкион еще больше озлобился на людей. Не стало дочери – невесты, не стало и женихов, и вместо них он стал подкарауливать одиноких путников на большой дороге в Афины и заставлял их бороться с ним. У чужезем-

цев выбора не было, как не было у обычных людей возможности победить сына Посейдона, который был не только громадного роста, но и имел большой опыт в борьбе без правил и в кулачном бою. Поэтому все схватки Керкиона с путниками больше были похожи не на честные поединки, а на злодейские убийства. Особенно хорошо бился Керкион головой, которая была тяжелая и крепкая как палица. Он, как Термер (один из злодеев, убитых Гераклом) часто бил своей головой в лицо противника и тот падал оглушенный, хотя в отличие от Термера Керкион бил именно головой, а не замаскированным шлемом с мягким подшлемником на голове. Если человек оставался жив, то Керкион бил его кулаком в горло, а потом еще полумертвого поднимал вверх и кидал на землю.

Когда Тесея встретился с Керкионом, оба противника по слухам хорошо знали друг друга. Молва, опережая Тесея, неслась впереди словно ветер, и о нем уже некоторые говорили, как о справедливом и могучем герое. Этому немало способствовал и сам Тесея, который уже после самого первого подвига – убийства Перифета – не только расспрашивал всех встречных о будущих своих противниках, но и, величась, рассказывал о себе и своих победах.

Поэтому Керкион, встретив Тесея, внимательно окинул его оценивающим взглядом и, похоже, узнал то ли по особой прическе, то ли по редкостной палице из меди, изящной по форме и отделанной золотом и драгоценными камнями.

Царь предложил юноше оставить меч и палицу и честно бороться с ним без всякого оружия:

– Я тебя узнал, ведь ты – трезенский Тесей, как и я, сын Посейдона. Идет молва, что ты, брат мой, герой могучий и справедливый, подобный Амфитриониду! Злодеев караешь, причем обязательно справедливо так, чтобы они терпели муку, какой подвергают других! Что ж, тогда борись со мной, хоть и без правил, но честно, и меч с палицей пусть не принимают участие в поединке.

На что юный герой, очень удивленный необычной для злодея – разбойника честной речью Керкиона, осторожно оглядываясь по сторонам, так ответил:

– Разумеется, я согласен освободиться от палицы и меча и биться с единственным правилом – не применять никакого оружия. Однако я предлагаю вообще не проводить никакого поединка, ведь мы братья.

Осмотрительный Тесей опасался, что у Керкиона где-нибудь спрятано оружие, и он коварно им воспользуется, когда он разоружится. Керкион между тем был непреклонен и заявил, что схватка обязательно состоится, ибо им двоим тесно будет на этой дороге.

Тесей понял, что он зря опасался подвоха со стороны Керкиона, ведь, если бы тот замышлял какое-нибудь коварство, то он бы напал на него внезапно, а не настаивал на поединке. Он отбросил меч и с виду изящную, но очень опасную для врагов палицу и предусмотрительно приготовился к схватке,

быстро намазав обнаженные части тела оливковым маслом, которое ему помогло.

Это был самый тяжелый подвиг Тесея потому, что Керкион был намного тяжелее и сильнее его. Разбойник похожий на горного льва, долго мяса не евшего устремился к Тесею. Страх не знающий дух гонит голодного льва в крепкий запрыгнуть загон, чтоб свинью или корову похитить. Если он даже пастухов пред загоном увидит, с копьями, со злобными псами стада свои стерегущих, все же, попытку свою не оставляет, не хочет вернуться в горы голодным. Так же и дух Керкиона на Тесея заставлял его смело ринуться и убить.

Юноша несколько раз был на волосок от гибели, когда Керкион его хватал мощными руками и пытался задушить в смертельном объятии или ударить рукой или ногой или, схватив, бросить на землю. Однако всякий раз, благодаря природной ловкости, юношеской гибкости и приемам, приобретенным в тренировочных схватках с тяжелыми противниками и изобретенными им самим, юному герою удавалось ускользнуть от встречи с чернокрылым Танатом. Ему так же помогало масло, делавшее его скользким и полное отсутствие спереди волос, все пышные русые локоны висели сзади, а спины своей он не показывал Керкиону.

Однако вскоре обильный пот смыл все масло с тела Тесея, и Керкион со злорадством это понял. Он крепко обхватил стройного юношу двумя руками, сумев прижать его к себе так, что руки Тесея оказались прижатыми к бокам желез-

ными объятьями врага. Как Тесе́й не изворачивался, словно змея, выскользнуть из захвата более мощного противника он никак не мог. Керкион же, приподняв его над землей, продолжал все сильнее сжимать его тело, словно обхвативший своими кольцами, удушающий змей, не давал ему вздохнуть.

Тесе́й почувствовал, что вскоре он совсем задохнется и решил от безысходности ударить противника в лоб своим лбом. Больше нечем ему было сильно ударить, ведь руки его были к бокам прижаты мощным противником, ноги тоже были вплотную к ногам Керкиона. Но он медлил, колебался потому, что понимал, чем сильнее он злодея ударит, тем ему самому будет хуже, ведь у того лоб не менее крепкий, чем у него. Положение казалось совершенно безвыходным, и воздуха в сжатой груди оставалось все меньше.

Юный герой лихорадочно искал выход, и тут перед ним промелькнул бог счастливого мгновения Кайрос с его прядью волос, спускающейся на лоб, и он вдруг сделал то, чего сам от себя не ожидал. Он решительно отклонил голову назад и чуть вбок и изо всех сил ударил лбом элевсинского царя, но не в лоб, а в висок. Тесе́й это сделал потому, что ему на миг показалось, что Кайрос прикрыл своей единственной прядью волос лоб, как бы показывая ему, что бить надо не в защищенный лобной костью вражеский лоб. Но, если не в лоб, то бить можно было только в висок.

Судьба оказалась благосклонной к Тесею, ведь, если бы Керкион сам не поднял его над землею, то ему было бы не

ударить врага в висок своей головой, слишком велика была у них разница в росте. У Тесея посыпались искры из глаз, и кругом пошла голова, но не напрасным удар оказался – страшные объятия вдруг разомкнулись, и великан стал медленно оседать, словно в начале падения высокое толстое дерево, с двух сторон полностью подрубленное топором.

Разгоряченный схваткой Тесей сначала не понял, что врага уже смерть багровая осенила. Поэтому он, хоть и шатался, словно пьяный, но все же успел ударил медленно падавшего Керкиона ногой, целясь в живот. Увидев, что противник не почувствовал удара и, оказавшись на земле, остался на ней лежать неподвижно, Тесей понял, что он победил и по установившейся недавно привычке, набрав полную грудь воздуха, дико заорал:

– Великому Тесею слава! Разбойник Керкион, сын Посейдона, мной умерщвлен, притом без оружия! Пусть слава о моем новом подвиге разлетится по всей земле всюду, куда солнца лучи проникают!

Тесей победил своего могучего противника не при помощи физического превосходства или оружия, а благодаря храбрости и искусству борьбы и, может быть, некоторому везению – у него очень крепким лоб оказался, а у Керкиона – слишком слабым висок.

По преданию, о котором рассказывает Павсаний, Тесей первый изобрел подлинное искусство борьбы и в дальнейшем от него берет начало наука, как надо бороться благодаря

умению и знанию различных приемов; а прежде при борьбе полагались только на рост и телесную силу.

Некоторые старые элевсинцы рассказывают, что Керкион Алопу не закапывал в могилу, а заключил в подземную комнату. Тесей, якобы, освободил из темницы Алопу, которая давно не видела сияния солнечных лучей, и была не здорова. Узнав о смерти Керкиона, афинский охотник, воспитавший маленького Гиппофонта, привез его на колеснице в царский дворец и отдал матери, которая после этого стала быстро поправляться. Тесей, прежде чем уйти, возвел юного Гиппофоя на аркадский трон.

87. Эринии преследуют Тесея

Отправив столько в мрачное царство вечно угрюмого Гадеса людей, промышлявших преступленьем на большой Истмийской дороге, юный Тесей вместо заслуженной гордости вдруг перестал есть с аппетитом и крепко спать.

Юноша стал совсем мало есть, и это его сильно беспокоило. Он знал, что великий Геракл, могучеством и доблестью всех превзошедший, всегда имел такой хороший аппетит, что даже обижался на свой желудок, называя его проклятым из-за того, что он много тяжелых страданий людям приносит, особенно, в скитальческой жизни. Ему же после первого убийства разбойника Перифета, и самое вкусное жареное мясо в глотку не лезло, он ел в основном лишь плоды

– яблоки, сливы и оливы с попадавшихся по дороге деревьев и от случая к случаю – немного сыра и черной похлебки с горстью миндаля. После последнего убийства Керкиона ни похлебка, ни сыр в горло совсем не лезли, и он ел и то через силу одни попадавшиеся по дороге плоды.

Начиная с первого убийства, все чаще ночами Тесей либо глаз совсем не мог сомкнуть, либо его преследовали страшные ночные кошмары. Три отвратительных старухи с синими волосами, перевитыми змеями, и с глазами, из которых текла кровь неотступно преследовали его, как только ему удавалось заснуть, и он часто в ужасе просыпался. Старухи были одеты в черные хитоны с красными поясами и держали пылающие факелы и отравленные бичи. Из страшной пасти чудовищных старух торчали окровавленные языки, и доносился злобный собачий лай похожий на вой. Настигнув в этих снах Тесея, они нещадно хлестали его пропитанными ядом бичами, и юноша просыпался с болью в голове и в холодном поту.

Тесей, конечно, много раз возносил молитвы богам, особенно часто он обращался к великому Зевсу, властителю всех богов и к брату его Земледержцу Посейдону, который божественным считался его отцом, но ни один из бессмертных молитвы не принял и его не удостоил ответом. Юный герой догадывался, что боги отвергают все мольбы из-за его внутренней нечистоты, из-за скверны убийств родичей, ибо считалось, что только внутренне чистый человек может всту-

пать в сношение с бессмертными богами, обитающими на многохолмном Олимпе.

Почти все разбойники, убитые Тесеем на Истмийской дороге, были его кровными родичами, и теперь мощные злобные Демоницы – древние богини Эринии мстили за убийство близких родственников – преступление, которое в Греции считалось одним из самых страшных злодеяний.

Гесиод в «Теогонии» поет, что не бесплодно из могучих Кроновых рук отцовский детородный член полетел. Сколько на землю из члена ни вылилось капель кровавых, все их земля приняла. Прошли годы и из этих капель кровавых, упавших на благодатную землю, родились мощные злобные Демоницы – Эринии.

Эринии всей своей древней мощью восстают против преступников и, безжалостно карая, восстанавливают попранный нравственный миропорядок. Древние богини-мстительницы, живущие в Аиде под огромной черной скалой, преследуют нечестивца всем своим ужасным могуществом и на земле, и даже под землей, и, особенно, они неистовствуют в снах преступника, не давая ему ни на миг передышки.

Согласно Плутарху, Гераклит говорит, что даже Солнце не преступит надлежащих границ, а не то его разыщут Черноокие союзницы Правды – Эринии, стерегущие всякие преступления.

Некоторые рассказывают, что Эринии преследуют преступника, как хорошо натасканная свора гончих – дичь.

Они помрачают нечестивцу разум своими ядовитыми бичами, внушают ему безрассудные мысли и поют ему ужасные песни, которые обвиваются вокруг него подобно пропитанным ядом веревкам. Древние Эринии были безжалостны и неумолимы, однако впоследствии, если преступник покается и очистится от своей вины, то они перестают его жестоко преследовать и становятся справедливыми богинями-мстительницами, а иногда и благодетельницами – Эвменидами.

88. Тесей получает оракул

При подходе к реке Кефисс, Тесею встретился слепой старик, который назвал его по имени. Это был местный прорицатель. Когда-то в молодости он неожиданно для себя вдруг начал предсказывать и очень скоро стал знаменитым. Имя его было прославлено крылатой молвой за то, что безукоризненно он отвечал на любые вопросы, и начало оно по всей Элладе греметь. Рано подружившись со славой, он стяжал себе высочайший венец и пользовался у народа почтением, часто спорил с самими питомцами Зевса – царями, даже порой порицал их, но всегда давал советы и оракулы, которые неизменно сбывались. Однако все проходит, прошла и слава у этого некогда знаменитого прорицателя вместе с молодостью и силой. Старость, похожая на неизлечимую тяжкую болезнь пришла к нему, и стали отовсюду стекаются к нему невзгоды, и жизнь стала совершенно безрадостной. Люди о

нем забыли, а те, кто изредка вспоминал не желали больше слушать никаких его предсказаний.

Тесей не знал этого старика, но остановился и стал из вежливости его внимательно слушать. Слепой был в изрядно поношенной сетчатой одежде предсказателей, с венком из засохших цветов на седой голове, никто уж давно его не сопровождал. Старый прорицатель, тяжело дыша, словно воздуха ему не хватало, сказал хриплым, трескучим и по-стариковски слабым голосом:

– Внемли мне юноша! Я давно предвидел твое появление здесь и сейчас тебе возведу, что бесстрашной рукой непреложная Мойра Лахесис тебе соткала сделать в ближайшие дни. Знай же! Со временем ты станешь одним из самых знаменитых героев Эллады, особенно будут тебя почитать в Афинах, больше даже, чем самого Геракла, но это все будет еще нескоро. Сейчас же тебе необходимо очиститься от скверны убийств, совершенных тобой по дороге в Афины. Ты очистил дорогу от страшных разбойников, притом, как и Геракл ты всегда поступал справедливо, карая злодеев точно таким способом, которым они убивали путников. Однако древние богини мщения Эринии всегда безжалостно мстят человеку, пролившему кровь родственников. Поэтому тебе следует как можно скорее очиститься от пролитой родственной крови и очистить тебя должны Фиталиды. Некогда около Элевсина жил герой Фитал (производящий растения), который принял в своем доме благую Деметру, и та в

благодарность дала ему отросток смоквы, и за это род Фитала владеет всегда нестареющей славой. У потомков Фитала ты пройдешь положенный обряд очищения от скверны, и Эринии оставят тебя, ты вновь здоровый обретишь аппетит и будешь сладко спать по ночам, как ребенок. Потом тебе надо повторно основать Истмийские игры в память убитых тобой родичей и принести умиловительные жертвы Зевсу и остальным олимпийским богам.

Светлую радость большую, такую, что испытывают все в доме, когда еще не старый муж и отец, который находился в долгой, тяжелой болезни и чах все сильнее, и тут больной вдруг полностью выздоровел – радость такую же Тесей испытал от слов встретившегося прорицателя. Ведь не был он уверен никогда до конца в том, что Мойра Лахесис соткала ему Долю героя, столь же доблестную, как и Гераклу.

– Возрадуйся, старец почтенный! Я чувствую, что твой, хоть лишенный дневного света, но вдумчивый проницательный взор объемлет все, что скрыто на нашей многодарной земле для обычных людей и открыто для познания лишь подобным тебе великим провидцам! Ноги твои я обнимаю и благодарю тебя за то, что ты мне сейчас предсказал. Меня благодарная побуждает душа тебе пожелать долгих лет и здоровья, а когда для всех неизбежная придет к тебе смерть – умереть легко, во сне без мучений.

89. Фиталиды очищают Тесея от скверны убийств

Расставшись со старцем, Тесей пошел по берегу реки Кефиса и вскоре увидел у самого среза воды прекрасно построенный дом. Стены этого высокого крепкого дома из толстого дубового бруса тянулись от крыльца одинаково далеко как направо, так и налево.

Двустворчатые двери тоже из дуба широкий вход в крепкозданный дом закрывали, из полированного ясеня косяки на пороге стояли, притолка – тоже из ясеня, а массивное дверное кольцо – из чистого золота.

Как только юный герой постучал в широкие сосновые ворота, ему открыл сам хозяин в сопровождении взрослых двух сыновей и радушно сказал:

– Возрадуйся богоподобный герой! Мы тебя узнали по палице медной, отделанной золотом и камнями. Ведь ты Тесей, сын Посейдона и Эфры, дочери мудрого царя Трезены Питфея. Ты тот могучий герой, который очистил от разбойников и злодеев путь между двумя морями зажатый, и теперь путники по нему смогут безопасно ходить. А мы, живущие в этом доме, Фиталиды, мы ведем свой род от героя Фитала.

– Радуйтесь славные Фиталиды. Мудрый старец слепой недавно встретился мне на дороге и сказал, что я должен здесь очиститься от скверны убийств, ведь некоторые из раз-

бойников на Истмийской дороге приходились мне родичами.

Согласно Павсанию, Фиталиды сначала показали Тесею надпись на гробнице Фитала:

– Некогда здесь царь Фитал почтенную принял Деметру, тут она осени плод впервые герою явила: смоквой священной его род людской называет; за это род Фитала владеет вечно немеркнущей славой.

Потом Фиталиды привели Тесея к древнему жертвеннику Зевса Милихия (Милостивый), воздвигнутого в незапамятные времена у брода через Кефис и сказали, что здесь очистят его от скверны убийств родичей.

При входе в жертвенник уже стояли сосуды со специальной кропильной водой. Это была очень чистая проточная вода, обильно смешанная с прозрачной солью. Ведь невозможно пролитие крови нескольких родичей смыть обычной речной водой.

Братья Фиталиды взяли кропила, один взял ветвь маслины, другой – ветки лавра; кроме того, для увеличения очистительной силы оба взяли еще розмарин, можжевельник и мирт. Ведь Тесей убийством нескольких родичей был особенно осквернен и не мог общаться с богами без очень сильного очищения.

Кроме кропильной воды сильным очистительным средством считался так же огонь. Поэтому сам глава Фиталидов стал жечь маслины, сосну, можжевельник и серу, а потом в

очаг кинул лавр, все это, загораясь, стало сильно трещать. Скоро весь жертвенник был окутан сизо голубым дымом дымящейся серы, который возносился в чистое небо, считалось, что это особенно приятно и мило бессмертным богам, владеющим небом высоким.

Затем Фиталид совершил главный обряд для умилоствления душ убитых и вместе с тем для примирения с собою подземных богов, между которыми главный был Зевс Хтоний (подземный). Он взял поросенка, только, что отъятого от сосцов материнских, полных от родов недавних и сначала заколол, вонзив острый нож под левую лопатку, а потом кровь спустил, ему горло и шею разрезав. Оскверненные убийством руки Тесею Фиталид обильно кровью той окропил. После этого, Фиталид продолжил великих богов умягчать, призывая смиловаться Зевса Катарсия, заступника тех, кто прощенья ждет за убийство. Он ячменные лепешки у пылавшего очага с возлияньями жег, умоляя все время Зевса, чтоб удержал он ужасных мстительниц древних Эриний от их страшного гнева и для Тесея стал благожелательным защитником после того, как кровью родичей он руки свои осквернил.

Должно быть Зевс все услышал и без молнии одним перуном громыхнул недалеко от дома Фиталидов, которые после очищения от скверны, пригласили Тесея вместе с ними принести примирительные жертвы, состоявшие в том, что убийца, как бы вместо себя, приносил в жертву животное, осо-

бенно барана.

Совершив молитву, вслед за которой ладанный дым воскурился, братья Фиталиды ячменем и солью осыпали двух белых жертвенных баранов, шеи им подняли вверх, закололи, тела освежили, бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли вдвое кругом и на них положили останки сырые. Отец Фиталид стал жечь на дровах их, багряным искрометным вином окропляя все время, а его сыновья окрест его в руках пятизубцы держали. Когда бедра жертв, предназначенные для богов, почернели, все вкусили из утроб потрохов от закланых, а потом мясо всё остальное, разрубив и разрезав на небольшие кусочки, изжарили осторожно на слабом Гефесте. Братья Фиталиды, вином наполнив доверху чаши, кубки преподнесли отцу и Тесею, не забыв налить и себе.

Целый день Фиталиды ублажали пением бессмертных олимпийских богов. Так Фиталиды не только очистили Тесея от скверны убийства, но и оказали ему первое настоящее гостеприимство с тех пор, как он покинул материнский Трезен, ведь нельзя было считать гостеприимными убитых им разбойников и злодеев, которые зазывали путников притворно радушными речами только затем, чтоб их погубить.

90. Повторное основание Тесеем Истмийских игр

Рассказывают, что, очистившись от скверны убийств

нескольких родичей, в память об убитых Синисе и Скироне, Тесей установил игры, названные, по месту их проведения – Истмийскими. Говорят, что юный герой это сделал, подражая знаменитому Гераклу, который учредил Немейские игры после удушения каменнокожего льва из Немей. По поводу основания Истмийских игр есть разные мнения.

Согласно Плутарху, Тесей первым пошел по стопам Геракла в устройстве состязаний, считая славою для себя, что греки, справляющие Олимпийские игры в честь Зевса благодаря Гераклу, станут благодаря ему справлять Истмийские в честь Посейдона. Происходившие там же состязания, посвященные младенцу Меликерту, сыну Афаманта, утонувшему здесь и ставшему морским божеством, устраивались ночью и напоминали скорее таинства, нежели зрелище и пышный праздник. Некоторые, правда, говорят, будто Истмийские игры посвящены Скирону, ибо Тесей хотел искупить вину за убийство родича: ведь Скирон был сын Канета и Гениохи, дочери Питфея. Наконец третьи называют сыном Гениохи не Скирона, а Синида – это в его-де честь учреждены Тесеем игры. Тесей условился с коринфянами и наказал им, чтобы афинянам, прибывающим на игры, предоставлялось столько места в почетных рядах, сколько покроет развернутый парус феориды (священный корабль, возивший государственных послов и паломников). Так пишут Гелланик и Андрон Галикарнасский.

Некоторые говорят, что Истмийский агон основал сам По-

сейдон то ли в свою честь, то ли в память по утонувшему в море сыну Ино и Афаманта Меликерту. Чтобы обезопасить своего любимого сына Диониса от гнева сверженной супруги, Зевс отдал его на воспитание сестре Семелы Ино и её супругу Афаманту, где юного бога по замыслу хитроумного Гермеса стали воспитывать на женской половине, как девочку, чтобы Гера не нашла его. Но это не помогло. Вестница Геры богиня радуги Ирида увидела Диониса, когда перед купанием с него сняли женский пеплос и обо всем рассказала своей милой подруге и госпоже. Царица Олимпа была в ярости и когда успокоилась подослала к Ино и Афаманту богиню временного помрачения ума Ату. Ино схватила Диониса и Меликерта и с криком бросилась бежать из дома к берегу моря. Ее вопли услышал Гермес и, быстро рассекая на талариях воздух, прилетел и выхватил у Ино Диониса. Охваченная безумием Ино с высокой скалы, забыв о каком-либо страхе, бросилась с сыном своим Меликертом в бурлящее море. Ино и Меликерта в море приняли сереброногие nereиды. Зевс за то, что она воспитывала Диониса и до последней возможности защищала его, сделал Ино морской богиней Левкофеей, а ее маленького сына Меликерта – богом Палемоном.

Согласно Аполлодору, сын Эола и Энареты царь Коринфа Сисиф учредил Истмиады, в качестве погребальных игр, похоронив брэнное тело утонувшего в море Меликерта, которое он случайно нашел и признал в нем племянника.

Промежуток времени, отделявшей один Истмийский праздник от другого и носивший название Истмиады, представлял собой триэтериду. Две триэтериды равнялись одной Олимпиаде. Иными словами, Истмиады проводились через 2 года.

Заведовали этим общеэллинским агонем коринфяне, но почетное председательство на нем имели афиняне, в честь их самого почитаемого героя Тесея. Элейцам, напротив, доступ на эти игры был закрыт. Жена царя Элиды Актора знаменитая своим проклятием Молиона призвала сограждан отказаться от участия в Истмиадах из-за убийства Гераклом из засады ее сыновей Эврита и Ктеата, бывших в это время эфорами. Не удовлетворившись этим призывом, мать Молионидов наложила проклятие на всех своих сограждан, которые не захотят сами отказаться от участия в Истмийских играх. Элейцы чтут это проклятие Молионы, и тем из элейцев, которые являются атлетами, не дозволено участвовать в Истмиадах. Впрочем, некоторые говорят, что Элейцы, бывшие организаторами Олимпийских игр и обидевшие однажды мудрого коринфского тирана Периандра, не допускались на эти игры, зато афиняне пользовались почетным правом проэдрии (председательства).

Согласно «Аттиде» Гелланика, Истмийские игры основал не Сисиф, а Тесей, или по крайней мере реформировал, превратив в состязания ночные таинства в честь Меликерта. Это было, согласно Паросскому мрамору, в 1259 г. до н. э.

91. Особенности Истмиад

Время Истмийских игр начиналось, как и в трех других общегреческих агонах, объявлением священного перемирия. Состязания были гимнастические, конные и много позднее – мусические. Бег на стадионе и в особом ристалище (долихе) длиной 7 стадиев, кулачный бой, панкратион и пентатлон составляли гимнастические состязания. Гонки на квадригах, и верховые скачки входили в состав конных соревнований.

Музыкальные состязания, состоявшие из чтения стихов, пения и игры на музыкальных инструментах, вошли в Истмийские игры значительно позже их основания Тесеем.

О том, что частью Истмийских игр были также музыкальные соревнования, свидетельствует, например, древнегреческий поэт Эвфорион Халкидский, сочинение которого «Об Истмийских играх» сохранилось в позднейших пересказах Афиней.

Игры продолжались несколько дней. Победитель получал пальмовую ветвь и венок, искусно сплетенный из ветвей пинии – южной сосны.

Тесей не долго думал – где именно проводить забытые Истмийские игры – он решил вновь основать их там же, где они проводились в прежние времена – недалеко от Коринфа, у храма истмийского Посейдона, на границе разросшейся сос-

новой роши, посвященной этому богу.

– Выгодное местоположение и богатство Коринфа, который станет распорядителем игр, придаст им особый блеск среди других общеэллинских агонов. Хотя, наверное, из-за местоположения Истма провозглашаемый на время проведения Истмиад божий мир не будет соблюдался так строго, как в Олимпии.

Так быстро решил не по годам мудрый юный Тесею. Выгодное положение и богатство Коринфа, который стал, благодаря ему, распорядителем игр, действительно придавало им необычный блеск, который особенно усилился после Персидских войн, но поблек во время Пелопоннесской войны.

Тесею немало голову пришлось поломать над тем, что нового он сам может привнести в Истмиады, первоначально учрежденные то ли Колебателем земли Посейдоном, то ли самым хитроумным из смертных героем Сисифом. Не придумав ничего существенно нового, Эгеид решил пойти по стопам Геракла, лавры которого всю жизнь не давали ему покоя. Он узнал, что, основывая повторно Олимпийские игры, сын Зевса и Алкмены постановил, что гелладоник не будет возлагать на победителя шерстяного плаща из овцы, а будет венчать победителя только ветвью дикой оливы. Этот венок должен стать единственной и самой почетной наградой, поскольку сам Геракл за огромные благодеяния людям не получал никаких особенных наград. Не придумав ничего луч-

шего, Тесей поступил, как Геракл и объявил громогласно:

– Победитель новых Истмиад отныне будет получать венок не сосновый, а из сельдерея. Я знаю, что это растение, как и петрушка для многих является символом черной смерти и унылой печали, и это, как известно, наложило мрачный отпечаток на Немейские игры – их судьи всегда одеты в траурные черные одежды. Однако сельдерей так же приносит и счастье, и наши Истмиады это всем докажут. Во время проведения наших игр никто не может украсить себя победным венком. Если же кто поступит иначе, тот получит строгий выговор от судей и заплатить большую пеню. Кроме венка из зеленого пахучего сельдерея, победителям будет вручаться пальмовая ветвь, и он будет прославляться. Если же кто сделает попытку подкупить судью, тот будет сначала наказан розгами, а потом заплатит крупный штраф, за уплату которого будет отвечать и семья виновного, и его родной город.

Долгое время шутники говорили, что на Истмийских играх мужи сражаются за чахлую петрушку; наградой им был лишь венок из сельдерея, и только много лет спустя после разрушения Коринфа он вновь был заменен сосновым венком.

Тесей в Афинах

92. Тесей появляется в Афинах

Когда очищенный от скверны кровных убийств юный герой, еще ни разу в жизни не бривший бороды и усов, в длинной ионийской одежде, с красиво причесанными назад волосами гордо вступил на первую улицу города Афины, его увидели рабочие, строившие храм Аполлону Дельфинию.

Павсаний рассказывает, как еще никому не известный Тесей в Афины пришел. Так как его хитон спускался до пят и волосы его были зачесаны очень красиво, то, когда он подошел к храму Дельфиния, рабочие, клавшие балки крыши, спросили его с насмешкой, как это девушка, да еще в брачном возрасте, путешествует совершенно одна. Тесей им на это ничего не сказал, но отпряг, как говорят, быков от повозки, на которой они подвозили материал для крыши и подбросил ее выше, чем они строили потолок для храма.

Другие говорят, что разгневанный Тесей молча выпряг из стоявшей вблизи повозки быков и повозкой запустил в глумившихся над ним каменщиков, сидевших вверху, на крыше храма. С изумлением и страхом увидели они тогда, что им приходится иметь дело не со слабосильной девой, а с мужем, который может постоять за себя и были весьма рады, когда

Тесей оставил их в покое и пошел далее.

Сам Тесей через много лет о своем первом появлении в Афинах Пирифою, лучшему другу, ставшему ему больше, чем братом, так говорил:

– Помню я хорошо, как первый раз в Афины пришел. Об этом сейчас вспоминают больше всего те, кто меня тогда не знал и не видел ни разу. Я же тебе полнейшую правду об этом сейчас расскажу. Во-первых, слава о моих подвигах на Истмийской дороге уже просочилась в Афины, и многие меня считали могучим героем, огромного роста и всепокрушающей силы, какая была у Геракла. Но, поскольку живым в Афинах меня до этого никто не видал, то строители аполлонова храма меня, должно быть, действительно приняли за девушку, может быть, из-за моих пышных волос, зачесанных назад и спускающихся чуть ли не до лопаток, а может – из-за невысокого роста и талии, как у девушки, тонкой, не знаю. Помню кто-то из рабочих мне крикнул, что я дева прекрасная и шуточно пригласил меня подняться к нему для любовных утех. Сейчас рассказывают, что я сильно разгневался и в гнев, выпряг быков и повозкой запустил в них так, что она выше крыш полетела. Может быть, так поступил бы подверженный приступам бешеного гнева Геракл, я же помню, лишь рассмеялся, у меня было такое праздничное настроение, я был неподражаемо юн, а, значит, совершенно здоров и весел, и мог долго смеяться даже без всякой причины. Я почти все время думал, как впервые встречу с отцом сво-

им афинским царем Эгеем и потому крикнул тому строителю в ответ шутливо, что распрягу быков в их повозке и запущу в него ею так, что ему долго будет не до любовных утех. Должно быть, эти слова запомнили бывшие там афиняне и, переиначив, передали другим, а те, от себя делиться спешили с другими неверной молвой. При этом каждый, услышав что-то, еще от себя прибавляет рассказчик. Так появляются разные слухи, и бродит Молва и все видя, рассказывает всем что в небе творится, на море и на земле и чего нигде не бывало. Впрочем, это я только тебе, мой возлюбленный друг Пирифой, рассказал, как все тогда было, а других я не никогда пытался разубеждать, когда слышал рассказы о своей силе огромной.

Когда Тесе́й проходил мимо строящегося храма, один афинянин увидел на его поясе меч и узнаваемую медную палицу и догадался, что он именно тот герой, который истребил страшных разбойников на Истмийской дороге и вновь учредил почти забытые Истмийские игры. Этот афинянин, которого звали Хилон, громко крикнул, не сдерживая искреннего восхищения:

– По длинным волосам, уложенным сзади и остриженным спереди и по храброму виду, а также по палице, отделанной золотом, я думаю, что перед нами доблести полный Тесе́й, сын трезенской Эфры и Посейдона, сделавший безопасной на Коринфе дорогу и вновь учредивший давно позабытые Истмийские игры.

Тесей, в сердце ликуя от того, что его, все же узнали, скромно потупил глаза, словно девушка, и негромко ответил:

– Зрение и дух твой не обманули тебя. Я Тесей, и я действительно расчистил от нечисти всякой дорогу в Аттику из Пелопоннеса. А сейчас я в Афины пришел познакомиться с царем вашим сыном Пандиона Эгеем. Расскажите о нем мне и покажите, как к дворцу мне пройти.

Несколько афинян мигом собрались вокруг Тесея и наперебой стали ему рассказывать о своем царе и показывать дорогу к его дворцу.

93. Тесей узнает о супружестве Эгея с Медей

Хилон оказался самым осведомленным из собравшейся вокруг юного героя небольшой толпы ротозеев, не зря у него был сильно вздернут кончик носа, как у большинства чрезмерно любопытных людей, стремящихся все узнать. Он с удовольствием рассказал Тесею все, что знал о царствующем афинском царе, начав издалека:

– В последние годы в афинском дворце много чего стряслось необычного. Я расскажу тебе все по порядку. Ты, должно быть, слышал о таком же русокудром и голубоглазом, как ты, герое Ясоне, сыне царя Иолка Эсона, который прославился тем, что под его руководством мужественные аргонав-

ты добыли золотое руно из далекой Колхиды. На корабле «Арго» отважный Ясон, вместе с другими героями – лучшим цветом Эллады, проделал очень опасный путь до Колхиды. Там, благодаря любви царицы Медеи он прошёл все страшные испытания, назначенные ему ее отцом Ээтом и, погубив неуспящего Колхидского дракона, охранявшего руно, завладел им и ушёл от погони царя. В Элладу Ясон появился вместе с Медеей, ставшей его законной женой. В Иолке он с помощью супруги, как говорят, сведушей в магии и колдовстве, справился с Пелием, похитившим у его отца царскую власть, из-за чего был вынужден отправиться в изгнание в Коринф. Здесь Медея, прекратила ужасный голод, принесла какие-то особенные жертвы Деметре и лемнийским нимфам, за что ее народ стал уважать и любить. Однако через десять лет Медея совершила из ревности жестокое преступление. Ясон решил оставить ее и жениться на юной коринфской царице – Главке, дочери Креонта. Говорят, что Медея, узнав об этом, жестоко всем отомстила: и Главке, и Креонту и своему изменнику-мужу Ясону. Коринфская царица вместе с пытавшимся ее спасти отцом в пожаре сгорела, когда на ней вспыхнула одежда, пропитанная Медеей волшебными травами, а Ясон лишился детей, которых то ли сама Медея убила, то ли это сделали разгневанные убийством царя коринфяне. Говорят, так же, что Медея скрылась на посланной её дедом Гелиосом колеснице, запряжённой крылатыми драконами. Молва рассказывает, что Колхидянка направилась в

Фивы, где встретила с Гераклом, пребывавшем в безумии после убийства им своих детей от законной супруги Мегары. Там она, якобы, излечила любимейшего героя Эллады. Фиване этому не поверили и изгнали колдунью и убийцу из своего семивратного города. И вот тогда Медея прибыла к нам в Афины, к царю нашему сыну Пандиона Второго Эгею. Так неверному супругу гнусно отомстив и жестоко, на Титановых примчавшись драконах, Медея вступила в древнюю крепость Афины Паллады. Это случилось лет пять-шесть назад, точно не помню.

– И зачем же эта колхидская царица, жестоко наказав обидчиков и изменившего ей мужа, прибыла к царю Афин? Ведь не затем же, чтоб он ее удочерил?

Спросил Тесей то ли недоуменно, то ли ехидно – не понимал он, почему и главное, зачем эта Медея явилась к человеку, которого его дед мудрый Питфей и мать милая Эфра его отцом назвали. На что всезнающий Хилон, обескураженно хмыкнув, сморщил недовольно свой вздернутый нос и слегка озадаченно так ответил:

– Почему Медея прибыла к нашему царю Эгею я не знаю, и почему он ее принял тоже я не ведаю, ведь о ней к нам из Коринфа прилетела очень дурная слава. Но многие в народе говорят, что прекрасно и справедливо все, что делают цари! Питомцы Зевеса, цари-скиптроносцы, которых Зевс возвеличил над градами и людьми, везде властвуют мощно, и нам, простым людям не пристало обсуждать их поступки. Я

могу лишь добавить, что все у нас знают: Эгей не удочерил ее, а женился сразу после устроенного Гиппотом священно-го суда над Медеей. Это было громкое судилище. Коринф-ский царевич Гиппот, явившись в Афины, привлек Медею к суду за убийство с заранее обдуманном намерением его отца Креонта и сестры Главки с помощью магии и волшеб-ства. Однако наш ареопаг, заседая несколько дней на «Про-клятом холме», единогласно оправдал Медею за отсутстви-ем доказательств ее преступного деяния. Судьи, все бывшие архонты, люди безукоризненной жизни ограничи-ли Гиппота ясным и сжатым изложением только фактов, без домыслов и постановили, что Креонт и Главка сгорели во время пожара, вызванного естественными причинами. Вскоре после этого Медея стала женой Эгея, и лет пять назад она родила нашему царю давно ожидаемого им наследника, имя которому Мед, и... что говорить, кажется, они живут счастливо.

Тесей никак не ожидал такого конца длинной речи раз-говорчивого афинянина. Юноша застыл, как изваяние, еще шире раскрыв свои синие, как море, большие глаза и, скорб-но опустив уголки тонких, подвижных губ. Опомнившись, герой подчеркнуто вежливо поблагодарил Хилона и медлен-но пошел в направлении царского дворца, беззвучно поблед-невшими шевеля губами:

– Вот какого славного родителя Мойра мне выткала. Ну, и Эгей! На матери моей Эфре он жениться не пожелал, как она сказала, чтобы меня риску не подвергать, ведь братья его

и полсотни племянников ждут не дождутся его смерти, чтобы власть захватить и не потерпят появления наследника – наводнят всю Аттику заговорами. А вот на Медее Эгей женился и законного ребеночка с нею завел и Паллантидов при этом не побоялся...

Тесей остановился и, будучи не в силах сдерживать возмущения, брезгливо сморщил нос и стал мотать головой.

– Хм... И что же мне теперь делать, ведь даже, если он меня и признает по мечу и сандалиям, то меня незавидная участь сына незаконнорожденного ожидает... Может вернуться назад, ведь хорошо мне жилось у Питфея... И любимый Трезен для меня во всем лучше Афин, буду царствовать там после деда и не надо мне будет бороться ни с многочисленными Паллантидами, ни с колдуньей Медеей...

Тесей тряхнул пышной копной длинных, свисающих волнами сзади волос и бодро потер друг о друга свои узкие ладони, с тонкими пальцами и сказал к сердцу своему обращаясь:

– Ну, нет, если я вернусь, так ничего и не узнав, дед с матерью будут не довольны, как, впрочем, и сам я. Этот Хилон может многое переврал, а сердце мое что-то сразу слишком сильно расстроилось. Вон лучший смертный сын Зевса Геракл родных детей собственноручно убил и ничего, жить продолжает и притом подвиги великие совершает, немеркнувшей славой имя свое покрывает. А я уже так приуныл, из-за того, что царствующий мой смертный отец, которого

никогда я не видел, не ожидает меня, словно чуда какого, а живет в удовольствии с молодой женой... Надо мне, конечно, самому во всем разобраться, может словоохотливый всезнайка Хилон намеренно что-то соврал или просто напутал, или Медея околдовала не желавшего жениться Эгея..., ведь много и хорошего, и плохого мудрый дед о ней мне рассказывал. Чувствую во дворце у Эгея подвиг мне предстоит очень тяжелый, ведь магии и колдовства даже необорная сила Геракла всегда очень боялась.

94. Медея в Афинах становится супругой Эгея

Оказавшись в Афинах за шесть лет до появления Тесея, Медея сразу пошла в царский дворец и напомнила пятидесятилетнему Эгею о его торжественной клятве:

– Радуйся богоподобный Эгей! Помнится, в Коринфе ты поклялся защитить меня от врагов, если я буду искать убежища в Афинах. И за это я обещала тогда не оставить тебя без наследника с помощью искусства магии, которому меня научила сама дочь Зевса и титаниды Астерии Геката – богиня очень высокой судьбы... Пришла пора исполнить тебе то обещание. Как видишь, я в Афинах.

Эгей прищурил глаза, словно пытаюсь что-то вспомнить, потом поднял все еще красивую голову, широко улыбнулся и погладил правой рукой редкую бороду на совсем округ-

лившимся подбородке. Однако мечтательная улыбка вдруг быстро сошла на нет, он вдруг нахмурился и раздраженно сказал:

– Уж лет 16 прошло, если не больше, однако наследников у меня, как не было, так и нет. Так-то ты выполняешь свои обещанья, хитрая Колхидянка. Поэтому и ты забудь о моей торжественной клятве, как я давно забыл об обещанных тебе наследниках. Даже не знаю, что с тобой сейчас делать? Слухи о том, что ты наделала с Пелием в Иолке и с Креонтом в Коринфе и до нас долетели... Они тоже дали приют тебе и Ясону, а теперь по твоей милости пребывают в бездне мглистой Эреба.

Медея грозно сузила черные, как безлунная ночь, свои очи в обрамлении гнутых пушистых ресниц, но, видно, потом спохватилась. Она глубоко вздохнула и провела изящной смуглой, как все ее тело, ладонью по красивому лицу сверху вниз и просительным голосом жалобно молвила:

– Это все слухи. Знаешь ты сам, питомец Зевса Эгей, как облыжных тысячи слухов, на крыльях ложной молвы разлетаются по многодарной земле, порождая меж людьми вражду. Ты же, богоподобный Эгей, не давай этим слухам вности между нами раздор и позволь мне твоих коснуться колен и тебя умолять: о, сжался над несчастной изгнанницей и неверным мужем покинутой, и оставшейся без любимых детей, убитых злобными коринфянами. Прими меня в свою страну, любой мне угол дай, как обещал однажды... Нет не

потому, что ты обещал мне когда-то, а потому, что сама сейчас я обещаю, что ровно через девять месяцев у тебя прекрасный будет наследник! Если я не сдержу обещание ты по своему желанию или с позором изгонишь меня из Афин или жизни лишишь справедливо.

В светло-коричневых добрых глазах Эгея блеснула, словно молния, надежда, но тут же и погасла. Он начал усиленно тереть недавно появившуюся плешь, окруженную мягкими седеющими волосами, и нерешительно сказал:

– Тебе помочь, конечно, я желаю, ради бессмертных, и для тебя гостеприимным быть хозяином хочу я. Да, дать тебе приют самый радушный и никому тебя не выдавать, конечно, я могу, но... ты уже потешила меня напрасными надеждами и потому теперь, уже наученный пустыми обещаниями, я знать прямо сейчас желаю: как выполнишь свое ты обещание?

– Дав мне убежище, ты каяться не будешь, и, как сейчас я обещала, не умрешь бездетным. Я знаю средства верные, чтобы отцом ты стал.

– Полно, Медея! Пред тобою не прежний доверчивый приятель, который верит всему, что обещают. Хватит словами напрасно воздух сотрясать. Магические средства помогают не во всем и не всегда, иначе вы с Гекатой вместо Зевса правили бы миром. Скажи вполне определенно: кто уже через 9 месяцев подарит мне наследника, и я тебя оставлю на это время в своем дворце, чтобы твои слова проверить.

Открой мне ее имя.

Медея, приспустив пушистые ресницы, посмотрела на царя пристальным взглядом черных глаз, в которых ему почудились желтые искорки. Огладив свою высокую, как у девушки грудь и все еще стройные в меру округлые бедра, Колхидянка томно сказала:

– Мне удивительно самой, что я стыжусь прямо сказать, но, если ты велишь... Ведь ты, Эгей, мужчина еще не старый, и я теперь свободна, словно свежий ветер. Поэтому совсем не стоит ждать, когда детей желанных нам ниспошлют бессмертные, и к магии в таких вопросах не надо обращаться, с тобой мы потрудиться на брачном ложе сможем сами! И до рождения ребенка свое отцовство ты увидишь скоро по моему чреву.

Пухлый мягкий рот Эгея, почти всегда полуоткрытый, теперь открылся полностью, да так открытым и остался. Придя в себя от изумленья, царь посмотрел на Медею с мечтательно – доверчивой улыбкой и молвил:

– Ах, как заманчивы твои все обещанья сделать меня отцом, особенно мне нравится последнее, что ты сейчас сказала. Я весь ушел измученной душой в желанье это сокровенное, я весь захвачен им, и, если все это будет правдой, я буду на руках тебя носить.

– Ну, в добрый час, Эгей, и в добрый путь! Зачем откладывать сильнейшее из наслаждений, от которого родятся дети? Пойдем скорее на твою постель, и ты узнаешь какова Медея

на брачном ложе. Завтра утром ты проснешься помолодевшим и счастливейшим из смертных! Ведь золотая чаша с пенящимся напитком фиалковенчанной Киприды Амблогеры отвращает даже старость, а ты ведь не старик еще – мужчина!

После таких речей, Эгей мало что принял ее в своей стране и пустил на царское свое ложе – он соединился с ней узам законного брака, может быть потому, что она все еще очень красива была или же потому, что своими словами, навеянными Кипридой, она больше, чем зельями, околдовала его.

И вот семейная идиллия искусной волшебницы и оказавшегося в ее власти начавшего уже стареть царя оказалась под угрозой из-за внезапного появления юного героя Тесея, явившегося в Афины из Трезена под видом простого путешественника и свершившего по дороге много доблестных подвигов.

95. Медея уговаривает Эгея отравить Тесея

Некоторые говорят, когда в Афинах появился Тесей, Медея, сведущая в магии и в прорицаниях, сразу поняла кто он такой. Другие утверждают, что ей доложили о появлении в Афинах героя с необычным мечом и палицей, и ее терзала догадка, что это и есть сын Эгея, о рождении которого в Трезене она давно знала.

Колхидянка сказала ни о чем не подозревавшему, доверчивому, но привыкшему вечно опасаться заговоров и мятежа со стороны братьев и племянников супругу:

– Милый, проснись. Когда ты еще сладко дремал, как ребенок, не знающий ни забот, ни тревог, глашатай мне доложил, что к нам во дворец неизвестно откуда прибыл юноша дерзкий видом. Я незаметно на него посмотрела из дворца в наше маленькое окошечко. Он хоть возрастом кажется юным, как племянники твои Паллантиды, но вызывает в моем сердце безотчетный страх и большую тревогу. Ведь сам ты знаешь, что я чувствую сердцем опасных людей. Юноша этот явился к нам с медной палицей и мечом и снимать при входе во дворец ни за что их не хочет. Это может быть сын одного из страшных разбойников, промышляющих на Истмийской дороге, нанятый твоими братьями или племянниками.

Эгей кинулся к небольшому окошку, позволяющему незаметно наблюдать за всеми ожидающими приема царя и через некоторое время озабоченно обратился к супруге:

– Ты права милая – очень этот эфеб подозрительный. А ведь всех Паллантидов в лицо я не помню. По-моему, он похож на моего брата Палланта и ликом, и статью, и выражением надменным лица. Что ты, мудрейшая, как сама Метидея, супруга, мне посоветуешь: принять его перед завтраком, став в окружение охраны или силой заставить его оставить в моей кладовой меч с медной палицей и безоружного пригла-

сидеть к нам на завтрак, или же с ним не встречаться совсем и приказать охранникам его выгнать?

Прежде, чем ответить, Медея долго смотрела в окошко и потом так сильно задумалась, что до крови прикусила губу. Своими большими черными глазами и зрением острым она смогла рассмотреть на рукоятке меча Тесея герб Эрехтеидов и удостоверилась, что это действительно родной сын Эгея. Царица, рассеянно поглаживая две толстые косы матовых черных волос, уложенные на высокую грудь и посасывая кровь из прикушенной пунцовой губы, невесело думала:

– Нельзя, чтобы у него отобрали оружие и дали Эгею, ведь он сразу узнает свой меч и сына, которого я ему 17 лет назад обещала. Выгнать Тесея тоже может оказаться не просто, ведь он пришел наверняка с целью – стать наследником и, значит, опять вернется. Конечно, он, как Паллантиды, нацелился на афинский престол и моего мальчика хочет без наследства оставить. Надо вопрос с этим наследником решить раз и навсегда, наверняка, но осторожно и хитро. Я виду не подам, что узнала кто он. Боги, как он похож на Ясона! Волосы длинные и такие же русые, и голубые глаза, как я их любила! И так же открыто и честно он смотрит вокруг! В этот взгляд такой с виду безукоризненно честный, наивный и искренний я тогда и влюбилась. Проклятый лживый Ясон, ты колдунью околдовал и сделал безмерно несчастной...

Медея, чтобы избавиться от нахлынувших воспоминаний, закрутила не только головой, но и плечами так, что взмет-

нущимися длинными хвостами своих пышных кос, чуть не ударила по лицу ждущего ответа супруга.

– Юноша этот, как видно, не хочет, как бедный родственник сам навязываться и признаваться Эгею в том, кто он таков. Хочет, наверное, чтоб царь сам его узнал чувствительным сердцем отцовским. Что ж, надо мне безвольного напугать Эгея, но не слишком сильно так, чтобы принял он его во время завтрака с оружием, но, конечно, в окруженье надежной охраны. Это юношу обидит и оскорбит и потому сразу он отцу не признается, что он ему сын. А в это время надо успеть его... отравить! Да так, чтоб умер сразу, не мучаясь, не страдая и, конечно, не успев Эгею ничего рассказать. Во время переполоха, который возникнет, когда он мертвым падет, мне надо меч его подменить на обычный, каких для охранников в кладовой оружейной у Эгея не мало.

Быстро промелькнул план действий в злокозненной, как у царственной Геры, колдовской голове Медеи, и она заботливо Эгею сказала:

– Милый, надо не просто остерегаться появившегося неизвестно откуда этого юношу. Ведь, если его сейчас просто выгнать или разоружить, то он в другой раз подстережет тебя в тайной засаде и наверняка убьет. Я сердцем чувствую ясно, что он замыслил против тебя и против твоего наследника Меда что-то очень недоброе.

Как только Эгей услышал про опасность, грозящую его наследнику долгожданному, то весь вострепнулся и, бодро по-

чесав плешь, заговорщицки супруге подмигнул обеими глазами и тихо, чтобы никто не услышал, промолвил:

– Медея, ведь ты же колдунья, вот и настал момент искусство свое тебе показать. Придумай же скорее, как нам опередить нечестивца и самого его жизни лишить прежде, чем он сделает непоправимое зло мне или нашему сыну.

– Если б я не боялась, что ты злодейкой меня назовешь, то посоветовала бы его отравить. Но этого советовать тебе я не буду, ведь и так меня незаслуженно некоторые кознодейкой, как златотронную Геру, считают.

Так же тихо, но, незаметно стараясь раззадорить Эгея, вымолвила Медея.

– Нет уж, ради спасения нашего любимого сына ты должна против него самый сильный яд приготовить! Слушайся мужа, супруга!

– Как прикажешь, Эгей. Ведь ты царь, и все здесь должны тебя слушаться.

С притворной покорностью сказала колхидянка, старательно скрывая грозное сверкание черных глаз. Чтобы успеть к завтраку, бросилась Медея в спальню к своему сундучку, привезенному из Колхиды, и взяла оттуда высушенный аконит.

Говорят, что, когда тиринфянин храбрый трехглавого Кербера вывел из Аида на освещенную землю, тот сильно стал упирался, большие глаза от сверкавших солнца лучей отвращая. Потом трехглавое чадо Ехидны с Тифоном, разь-

ярившись, громким лаем тройным одновременно заставило воздух дрожать и по изумрудным лугам разбросало белесую пену. Пена та, куда падала, тут же пускала ростки и, живительную влагу впивая из плодородной земли, порождала стройные, высокие, красивые, но очень ядовитые цветы, которые люди потом аконитом назвали.

Этот ядовитый цветок быстро заварила Медея и смертоносную влагу в два красивых серебряных килика на изящных ножках, с двумя горизонтальными ручками по бокам, добавила, в одном разведенное водой искрометное было вино, а в другом – напиток из трав душистых, пряностей разных и меда – ведь не знала колдунья что сын Эгея Тесея любит пить за завтраком по утрам.

96. Встреча Тесея с Эгеем и Медеей

Явившись в царский дворец, Тесея решил сразу никому не открывать, кто он такой, но предоставить отцу возможность самому узнать сына. Кроме того, не мог он, как ни старался, избавиться от обиды и горечи в сердце и мучил свою душу такую беседой:

– Как же так: мою мать – чистую, юную девушку 17 лет назад он оставил беременную без пира и свадьбы, и обо мне за все эти годы ни разу не вспомнил, даже не послал кого-нибудь тайно поинтересоваться родился ли кто у Эфры, и, если родился, то кто, и как этот от него рожденный живет?

Да и сам он мог бы заехать к старому другу Питфею, как не раз делал до того, как я появился на свет... Чего только цари не делают из – за жгучего желания царствовать и потом власть и престол передать сыновьям. Как не люблю я все эти «царские игры» с наследованием!.. Наверное, из-за безумного желанья иметь наследника Эгей и на Медее женился, хотя... для своих лет колхидянка выглядит, как бесстаростная богиня: смуглая кожа чистая, как у ребенка, тело стройное и чувствуется – упругое и тугое, как у юной танцовщицы или флейтистки, в лице – невыразимая прелесть все еще яркой красавицы. Таковую красоту мужи зовут несравненной, многих она поражает с первого взгляда, но во мне она вызывает лишь опасения и осторожность.

Тесея глашатай по приказу Медеи учтиво пригласил на царский утренний завтрак. Перед входом в пиршественный зал молодая красивая рабыня сняла юноше обувь и вымыла ему ноги, затем другая девушка-рабыня подала ему воду в серебряном кувшине для мытья рук и новое полотенце. В скромном утреннем пире, как и в любом пире, обычно принимали участие только мужчины, а женщинам и детям обычай не позволял участвовать в мужском пиршестве. Однако для Медеи, как для царицы, обычай, и главное – царь, дозволял исключение. Места указывались всегда хозяином, и самым почетным местом считалось, место возле него. На пирях у Эгея всем всегда заправляла молодая царица, хотя для вида, она часто заставляла кое-что делать Эгея, но, конечно,

лишь то, что ей было угодно.

На этот завтрак, кроме Тесея коварная колхидянка пригласила лишь нескольких послушных ей царских советников, глашатаев и, конечно, двенадцать охранников, некоторых из них расставив, а других рассадив, между Эгеем и его неузнанным сыном. Колдунья все предусмотрела, и потому даже, если б Эгей обладает зрением самым острым, он все равно не смог бы увидеть герб Эрехтеилов на своем мече родовом.

Завтрак большинства греков состоял из хлеба, обмоченного в несмешанном вине, иногда с сыром, орехами и фруктами. К завтраку хлебосольного Эгея еще подавали разные овощи такие, как, мальва, салат, капуста, бобы, чечевица и лук, и так же зажаренное на углях рабами вчерашнее мясо дичи пернатой, которая в изобилие водилась в тенистых афинских лесах. Кушанья из только, что приготовленной баранины, телятины, свинины или рыбы подавались у Эгея только по вечерам, к плотному обеду.

Распоряжение и заведование пирами у Эгея обычно, как и в других богатых домах, находилось в руках особого слуги, но в этот раз по совету Медеи он решил распоряжаться всем сам, т. е. повторять вслух то, что она, сидя с ним рядом, ему будет тихо подсказывать и внушать.

– Радуйся, гость незнакомый. Пищи нашей, уж не побрезгуй, вкуси, ведь ты весь в дорожной пыли и, значит – голодный! Только после того, как жажду искрометным вином иль

медосладким напитком утолишь и голод разной пищей насытишь, расскажешь нам, что ты за человек и к нам прибыл зачем и откуда? Глашатай, подойди к нам и дай гостю два этих серебряных килика, пусть он пересохшее горло для начала промочит.

Так обратился к Тесею Эгей неестественным голосом сильно дрожащим. Царь показал трепетавшей рукой подошедшему глашатаю два одинаковых по виду, но отличавшихся от других чаш и кубков, котила, данные ему Медеей. Он не только знал, что напитки в обоих этих сосудах отравлены, но он сам и попросил супругу яд приготовить.

Эгею никогда не приходилось кого-нибудь убивать собственными руками, даже когда он вместе с тремя братьями отвоевал отцовское царство и получил четвёртую его часть – Афины. Эгей только командовал афинским войском и проиграл войну с царём с Крита Миносом и обязался раз в 9 лет отправлять семь своих юношей и семь девушек в Лабиринт к его сыну чудовищному Минотавру. Поэтому царь очень волновался, передавая глашатаю сосуды с отравленными напитками.

97. Эгей узнает сына по гербу на рукоятке меча

Тесей сразу заметил сильное волнение в голосе Эгея, предлагавшего ему выпить, и без труда догадался, что его

хотят отравить. Тесей не был опытным мужем, да и не мог им быть в свои неполные семнадцать лет, но природный ум, наблюдательность и ежедневное общение с мудрым Питфеем научили его разбираться в обстоятельствах и людях. Юноша понял, что его смертный отец – доверчивый человек, слабый и безвольный, находящийся во власти умной, коварной супруги.

– Что-то сильно волнуется царь, и голос дрожит, и, особенно, рука – видно даже отсюда. Уж, конечно, не потому, что не знакомого сына узнал, но тогда почему? – А ведь, как я помню на пирах у Питфея распорядился напитками всегда один из слуг по его выбору. Не царская это забота пирующим и тем более, незнакомым путникам и гостям вино смешивать и разливать. На пирах у Зевеса всего 12 бессмертных богов и для них есть виночерпий Ганимед и виночерпица Геба. Значит, эти два особенных серебряных, а не керамических килика, отличающиеся так же по виду от других кубков и чаш, приготовлены заранее именно для меня и, значит, они отравлены. Не боится зевсова гнева царь, подло пытаясь отравить гостя! Впрочем, факт отравления надо еще доказать, а кто доказывать будет? Колдунья все правильно рассчитала, конечно, это по ее наущению так нечестиво поступает Эгей.

Так думал Тесей про себя, приготовившись к схватке, как это было уже не раз на Коринфском перешейке для путников раньше очень опасном. Когда же ему глашатай поднес два килика с напитками, он их принял и, понюхав, осторожно

поставил на стол и закричал:

– Что-то ядом пахнет от этих напитков, приготовленных, должно быть, вашей царицей, и я пить их не буду!

Тесей выхватил меч из ножен правой рукой и вскочил. Он увидел, что Эгей и Медея оба руками и головами дали знаки охранникам напасть на него, и тогда мгновенно в уме его пронеслось:

– Наверняка и это предусмотрела колдунья и сейчас только и ждет, чтоб я один начал со всеми сражаться! За дверями еще охранники есть, и ничто меня не спасет от их длинных копий и быстрых губительных стрел! Ведь нет у меня непробиваемой шкуры Немейского зверя, какая есть у Геракла, но у меня, зато есть ум!

Тесей бросил меч на пол и быстро поднял вверх обе руки и громко крикнул, чтобы слышали все и особенно охранники:

– Я сдаюсь! Охрана! Возьмите этот меч, взятый мной из-под камня в Трезене и покажите царю, его там 17 лет назад положившему, но не давайте его царице, чтоб она его незаметно не подменила!

Медея поняла, что опять проиграла, что все ее магическое и колдовское искусство бессильно против непрерываемой Мойры Лакесис, пред которой и великие олимпийские боги трепещут.

– Придется опять все в жизни менять. Может это и к лучшему. Ведь надоел мне этот Эгей, хоть и молодящийся, но внутри трухлявый, как старик, который о наследнике может

только, слюни по жидкой бороде распуская, мечтать, а как делать, то я, хоть на брачном ложе колдуй... Пора, пора мне в Колхиду... не терпится давно мне узнать, как там мой прежде грозный родитель Ээт, не захочет ли он своего внука увидеть.

Медея с презрительной улыбкой на темно-красных губах, высоко задрав подбородок, окинула надменным взглядом Тесея и величественно, словно это она сейчас одержала победу, вышла из зала. В это время Эгей трясущимися руками держал поданный ему меч и, разглядывая на его костяной рукояти свой знак родовой – вырезанных змей – герб Эрехтеидов, повторял:

– Неужели... неужели у меня такой сын? Ведь именно этот меч я в Трезене под камнем оставил. А что еще под камнем тем было?

Вдруг недоверчиво крикнул царь, обращаясь к Тесею.

– Сандалии полусгнившие. Еще что-нибудь хочешь узнать, чадолюбивый родитель?

С хмурым лицом язвительно ответил юноша, не желавший разыгрывать сыновью любовь, после того, как его чуть не отравили; впрочем и прежде никакой любви к родителю он нисколько не ощущал.

Царь же, не заметив не скрываемого ехидства сына, откинул с дороги в сторону стол так, что с него посуда со звоном посыпалась и, бросившись к Тесею, радостно обнял его. Он, не скрывая слез счастья, стал сначала расспрашивать сына о

матери, о старом друге Питфее и о его жизни в Трезене. Потом он приказал позвать всех, кто есть во дворце, включая слуг и рабов, и нетерпеливо объявил, что Тесей его родной сын.

Следующим утром царь приказал созвать к вечеру на агоре расширенное собрание граждан, причем самым бедным и жившим в отдалении от Афин земледельцам, за посещение собрания он приказал заплатить по целых 3 обола. Вечером, представив на агоре Тесея, Эгей торжественно объявил его своим сыном.

Говорят, по такому особому случаю в Афинах надолго воцарилось большое веселье. По приказу Эгея на следующий день после знаменательного собрания зажгли огни на всех городских алтарях и принесли в жертву целую гекатомбу отборных быков из царского стада, шеи которых были украшены гирляндами свежих цветов, а рога – позолочены.

98. Бегство и дальнейшая судьба Медеи

Некоторые, подобно Овидию, говорят, что Тесей услышал, как завопила Медея, когда ее уличили в попытке убийства ядом юного героя, истребившего столько разбойников и злодеев и восстановившего в людях веру в справедливость и человечность. Многие, зная ее преступное прошлое, Медею попытались схватить, чтобы предать справедливому суду, который на этот раз наверняка приговорил бы ее к смер-

ти. Однако опять казни она избежала, облака заклинаньями сдвинув и помощи попросив у могучего древнего титана Гелиоса, своего чадолюбивого деда. Схватив в охапку сына Меда, Медея на присланной Гелием колеснице, опять запряженной крылатыми драконами, умчалась на родину в солнечную Колхиду.

Другие рассказывают, что престарелый властитель Афин, исполняя данную Медее в Коринфе торжественную клятву или же заботясь о своем сыне Меде, не сразу молодую супругу изгнал из страны.

Однако, как говорит Гигин, Медею стала неотступно преследовать жрица Артемиды. Она говорила не только царю Эгею и всем людям, что не может совершать священнодействий в должной чистоте, потому что в их городе находится не просто колдунья, но нечестивица, совершившая множество гнусных преступлений. Тогда царь, посоветовавшись с вновь обретенным сыном Тесеем, не только позволил ей бежать, в обычной квадриге, но и дал ей для охраны свиту, чтобы сопровождать ее в любую страну по ее желанию, и та удалась сначала в Финикию. Отправившись оттуда в глубинные области Азии и, сочетавшись с одним из выдающихся тамошних царей, она добилась того, что тот усыновил Меда. После смерти отца сын Медеи от Эгея унаследовал царскую власть и заслужил восхищение своей отвагой, народ же получил от его имени название мидийцы.

Есть и такие, которые, желая угодить афинянам, расска-

зывают, что, взяв рожденного от Эгея сына Меда, Медея бежала в родную Колхиду, лежащую на самом краю света, узнав, что некогда мощный ее родитель Ээт, низложен своим братом Персом.

Она поняла, что несчастье в Колхиду пришло потому, что страна лишилась золотого руна, приносящего счастье и благоденствие народу им обладающему. В этом несчастье Медея обвиняла только себя и потому с риском для жизни она похитила руно из храма, куда его поместил Пелий. По дороге она, без сына, пришла в город Апсиртиду, где был похоронен ее несчастный брат Апсирт. Хотя Апсирт был убит Ясоном, Медея по воле богини неотвратимого возмездия Немесиды сильно страдала, справедливо считая и себя виновной в его безвременной смерти. Поэтому она жаждала очищения, сделав что-нибудь городу, где находилась могила брата. Жители города страдали от нашествия множества змей. Медея по их просьбе с помощью заклинаний, собрала всех змей и бросила их в могилу брата, где они навсегда и остались.

Персу, сыну Солнца и Персеиды, брату Эета, было предсказано, чтобы он опасался смерти от потомства Эета. Когда Мед отправился вслед за матерью, он был принесен бурей к царю Персу. Стражники схватили его и привели к царю. Увидев, что он попал в руки врага, Мед, солгал, что он Гиппот, сын Креонта. Царь тщательно допросил его и приказал на всякий случай посадить под стражу. Тогда, говорят, во всей стране началось бесплодие и недостаток хлеба.

Когда Медея прибыла в Колхиду на колеснице, запряженной крылатыми драконами, она представилась царю жрицей Афродиты и сказала, что может прекратить бесплодие. Когда она услышала от Перса, что у него захвачен Гиппот, сын Креонта, сочла, что судьба послала его сюда, чтобы искупить обиду, нанесенную ей его отцом, и тут же выдала сына, сама не подозревая этого. Она, не видя пленника, убедила царя, что это не Гиппот, а Мед, сын Эгея, посланный матерью убить его, и попросила, чтобы ей разрешили убить Меда, думая, что это Гиппот. И вот когда привели Меда, чтобы наказать смертью за ложь, а Медея увидела, что все иначе, чем она думала, она сказала, что хочет поговорить с ним и дала ему меч, велев искупить обиду, нанесенную его деду Эту. Послушный матерью Мед убил Перса и овладел дедовским царством.

По желанию Медеи Мед возвратил власть в Колхиде своему деду Эту, а сам отправился воевать с варварами. После этого старый Эт, вместе с царством, потерявший надменность, наконец, простил свою дочь. Мед же одержал победы над многими варварами и всю завоеванную им страну, лежащую за Понтом в Азии, назвал по своему имени Медеей. Он погиб, совершая поход против индов.

По некоторым данным Медея царствовала в Мидии (так впоследствии стали называть Медию) вместе с сыном Медом и ввела ношение одежды, закрывающей не только тело, но и лицо. За то, что Медея, прибыв в Коринф, успешно сопро-

тивлялась ухаживаниям Зевса, златотронная Гера наделила ее даром бессмертия, и в некоторых городах Мидии ее долго почитали как богиню.

Другие говорят, что после смерти Медея, как героиня, поселилась на Островах Блаженных и там вышла замуж за недавно умершего могучего воина – героя Ахилла, хотя все знают, что прославленный на Троянской войне сын Фетиды по предначертанию непреложной Мойры Лахесис стал после смерти пятым мужем Елены Прекрасной. Тем не менее, Медея царит на Островах Блаженных, поскольку у нее осталось средство для омоложения, которым она и пользуется с позволения Мойр, делая в Элисиуме молодыми блаженные души умерших героев.

99. Празднование спасения Тесея

Между тем, радости полный Эгей, хоть и был обрадован счастливым спасением сына, порой продолжал ужасаться, какое нечестивое дело по наущению Медеи едва не свершил он. Он не мог наглядеться на милого сына, но все ж иногда с укором его вопрошал:

– Я не понимаю: почему ты, сынок, сразу не объявил, кто ты такой, почему сразу меч Эрехтеидов не показал? Ведь я думал, что ты один из 50 злокозненных племянников моих, Паллантидов, или разбойник с Истмийской дороги, нанятый ими.

Тесей же в душе особой радости от общения с вновь обретенным отцом не испытывал и так сердцу своему говорил:

– Должно быть я нечестивец потому, что родителя своего считаю предателем. Конечно, я ему этого не скажу, но перед собой буду, как всегда, честен. Он и мать мою предал, кинув после первой и последней брачной ночи беременной, и старого друга Питфея, и меня – сына своего не родившегося. За 17 лет ни разу не поинтересовался, как мы живем. С молодой красивой колхидянкой сошелся и наследника от нее заимел. А, если б я не явился, то и прожили бы мы с ним свои жизни отдельно, так никогда и не увидев друг друга. И ведь отравленные напитки в киликах он мне послал, пусть и приготовила их Медея. Значит он не только предатель, предавший жену, сына и друга, но и отравитель, пытавшийся убить незнакомого гостя. И за что же я его должен любить? – За породистое царское семя?.. Да и вообще нельзя любить по обязанности... Однако всего этого я ему никогда не скажу. Впрочем, никогда не следует говорить «никогда». Кто знает, что нам с Эгеем в дальнейшей жизни своенравная старуха Лахесис наткала?

Отцу же юный герой так, немного подумав, ответил:

– По дороге в Афины люди мне рассказали, что женщина, на которой ты, очарованный ею, женился – злодейка. Она предала родину и родителя царя колхов Эета. Оказавшись с Ясоном в Элладе, она околдовала дочерей Пелия в Иолке, и те, желая омолодить отца, в кипятке его утопили. В Коринфе

она отравила зельем платье царевны Главки, и та сгорела в пламени вместе с пытавшимся ей помочь отцом Креонтом. Я понял, что ты околдован Медеей и находишься в большой опасности. Поэтому надо было заставить ее раскрыться, явно показать преступные замыслы, чтобы ты понял сам на ком женился.

– Но ведь ты так рисковал ради меня, сын милый! Сколько лет я мечтал о встрече с тобой и, наконец-то свершилось! Больше мы с тобой не расстанемся никогда. Я тебя, узнав, полюбил, как любит отец только единственного сына! В старости верной будешь ты мне опорой, царство от всех защитишь, женишься, внуков мне народишь и после моей смерти мощно Афинами будешь править.

Так, захлебываясь от распиравшей радости, Эгей говорил сыну, а тот, стараясь не выдавать своих истинных чувств, про себя думал:

– Значит, теперь я сын любимый, а про Меда он уже успел позабыть? А ведь он, хоть и от колдуньи, но тоже наследник... Так бы и бросил все и вернулся в Трезен, но Мойра, видно, давно выткала мне жизненный путь, проходящий через Афины и свернуть с него, чувствую, невозможно. Как не понятно устроена жизнь. Придется мне лгать и, как любящему сыну, улыбаться Эгею потому, что он вроде не плохой человек, только духом не крепкий, как хилое деревце: куда ветер подует, туда и клонится... Будет нечестием его обидеть, обвинив в том, что он плохой муж Эфры и еще худший отец

мне. Интересно: а я вполне искренен сейчас сам с собою? Если б Эгей меня сейчас навсегда в Трезен обратно отправил, то я вернулся бы, как только, что, как будто, искренно желал этого? – Конечно, нет! Не затем я пошел по Истмийской дороге в Афины, чтобы, только познакомившись с отцом, вернуться обратно. Да, даже самого себя познать вполне невозможно... Надо сказать что-нибудь приятное Эгею, например, что и моя мечта встретиться с родителем, наконец-то свершилась...

Так думал Тесей, пытаясь в борьбе со своим тайным недобрым чувством к радующемуся родителю, разобраться в себе.

А веселья полный Эгей опять огни алтарные зажигает и для бессмертных богов никаких не жалеет даров; опять поражают острые секиры мощные шеи быков с позолоченными рогами и в священных повязках. Для Эрехтидов вовек, говорят, в это праздничное время не вставали более лучезарные дни. Опять пировали и знатные люди, и остальной небогатый афинский народ.

Овидий поет, как за искрометным вином, возбуждающим души, афиняне песни дружно запели:

– Тобой, великий Тесей, восхищенья полны Афины – что спокойно теперь кроммионский пашет селянин, – дар и заслуга твои. Через тебя и предел Эпидавра видел, как мертвым упал жезлоносный потомок Гефеста; видел Кефиса поток бессердечного гибель Прокруста; как был убит Керки-

он, Элевсин то видел Церерин; мертв и Синис, во зло применявший великую силу, – перегибавший стволы, до земли наклоняющий сосны, чтоб, разорвав, разметать широко тела человека. До Алкатои, до стен лелегийских дорога спокойна, – с самой поры, как страшный Скирон тобой усмирен. Если заслуги твои и года захотим мы исчислить, дел будет больше, чем лет. Пожеланья свои, о храбрейший, мы всенародно гласим, за тебя испиваем мы молодое вино из этих кубков и чаш!

Когда же царский глашатай на рыночной площади громко и во всех подробностях рассказал о подвигах юного сына Эгея, то не только в Афинах, но и во всей солнечной Аттике граждане славил юного афинского героя. Каждый аттический город посылал лучших быков, для участия в торжественных жертвоприношениях, а цари на пирах у Эгея старались превзойти друг друга пышностью разных даров для него и его доблестного сына – героя.

В Аттике не нашлось бы в эти дни ни одного невеселого места! Вся страна ликовала, всюду душистым наполнившись дымом. Развлеченья и радость царили везде и всевозможные игры и развлечения устраивались повсюду. Пышные пиры затевали даже на улицах, и поднимался с многочисленных алтарей в безоблачную синеву жертвенный дым благовонный. Долго так пировали Афины и пели гимны и дифирамбы герою Тесею, который в свои такие юные годы успел совершить уже столь великие подвиги.

Когда Тесея просили рассказать самого о его подвигах на Истмийской дороге, он был – сама скромность, и часто восхищался Гераклом. Однако при этом, он, как бы невзначай, говорил, что свои подвиги сын Алкмены и Зевса начал совершать с 18 лет, а до этого он был пастухом и до встречи со львом Киферонским убил только учителя музыки Лина.

100. Критский бык, оказавшийся в Марафоне

Не желая сидеть без дела и в то же время стараясь приобрести большую любовь народа, Тесей решил выйти против страшного быка, появившегося несколько лет назад в Четырёхградии и успевшего причинить немало бедствий и несчастий местным жителям.

Говорят, что этот бык невиданной белизны и дивной стати был послан на землю критскому царю Миносу владыкой подводного мира Посейдоном. Быка следовало принести в жертву повелителю всех морей, но Миносу было жаль расставаться с таким красивым быком, и он, думая, что никто не узнает подмены, принёс в жертву Посейдону обычного белого быка из своего стада, а дивного быка Посейдона спрятал в своем стаде.

Этот недалёковидный поступок Миноса позволяет согласиться с теми, кто, подобно Диодору Сицилийскому, говорит, что этот критский царь был внуком сына Зевса и Евро-

пы Миноса I – легендарного законодателя. Этот первый Минос после смерти стал главным судьей в Аиде, потому как царствовал он в полнейшем согласии с законами и весьма заботился о справедливости. Здесь и дальше речь будет идти именно о правнуке Зевса, которого, как и деда звали Миносом (или правильнее Миносом Вторым), и он тоже царствовал на острове ста городов, но он не был ни особенно справедливым, ни мудрым.

Колематель земли сразу заметил подмену быка. Очень легко для бессмертных богов, владеющих небом широким, распознать обман человека. По просьбе обиженного Посейдона Афродита уговорила своего любимого сына Эрота пронзить стрелой сердце дочери солнечного Титана критской царицы Пасифаи (вся сияющая), когда она любовалась восхищенно чудесным быком за несколько дней до жертвоприношения.

Как поет Овидий, бык был в чистейшей шерсти, стада и честь, и краса. Меченный темным пятном на лбу меж большими рогами, телом своим остальным был он белей молока. В кносских стадах томились коровы в жажде принять на крестец тяжкую тушу его. Бычьей подругою стать царица рвалась Пасифая – ревности гневной полна, телок гнала она прочь. Свежую рвет Пасифая листву, непривычной рукою сочную косит траву и преподносит быку. Ходит за коровьим стадом она по пятам, позабыв о супруге, ибо теперь для нее бык дороже царя. Скоро Пасифая стало хотеться сделаться Ио, чтоб быть любимой быком, чтоб стать под пару ему.

Пасифаю охватила любовная страсть к быку такая, что, забравшись в пустотелую кленовую корову, сделанную по ее приказу мастером знаменитым Дедалом, она отдалась быку и, сделавшись чреватой, родила от него ужасного человекобыка, впоследствии названного Минотавром.

Согласно утверждениям некоторых старых критян, живущих в Кноссе, они слышали, как Пасифая гордо не раз так говорила:

– В образе этого особенного быка, которому по воле Мойры я отдалась, во время соития был сам Колебатель земли Посейдон в одном из его божественных воплощений. Совсем не для жертвоприношения, а для обладания мною Посейдон вышел из моря в образе дивного быка, как сделал некогда Зевс для обладанья финикийской царевной Европой.

Другие кносцы говорят, что Пасифая изменила Миносу с кносским рабом огромного роста и силы, занятым в священных бычьих плясках – особенных играх, посвященных Посейдону. Она тайно приходила на Бычий двор, где ежедневно тренировались рабы и пряталась в полой деревянной корове. Из-за могучего телосложения, лика, схожего с бычьим и дикого нрава, рожденного Пасифаей от раба сына названного Астерионом, впоследствии прозвали Минотавром. После того, как Свирепый Астерион – Минотавр в поединках и еще больше из засады погубил многих чужеземцев, и это ему сходило с рук, но после того, как он убил нескольких свободных критян по приказу Миноса, его заключили в Ла-

биринт, построенный Дедалом.

Морской бог, между тем, продолжая гневаться на Миноса, решил, что наказание для него недостаточно и наслал на быка безумие, после чего животное носилось по всему Криту, круша и уничтожая все на своём пути. Поймать могучего критского быка, обуреваемого бешенством, арголидский царь Эврисфей поручил Гераклу в качестве седьмого подвига. Сын Зевса и Алкмены, измотав быка в борьбе, стреножил его и доставил в Микены и затем по приказу Эврисфея отпустил его на свободу. После этого мало кто на Крите продолжал верить Пасифае, что в образе быка с ней сопрягался сам Посейдон, ведь не смог бы даже великий Геракл, как простое животное, великого олимпийского бога измотать и стреножить.

Бык, наводивший страх на сто городов, быстро пересек обширные просторы Немей и миновал Коринф, который в древности носил имя Эфиры, дочери седого титана Океана. Затем, перейдя узкий Истм, разделявший два моря, бык прибыл в прибрежную страну Аттику к знаменитому городу Марафону, от которого после битвы с персами воин Фидиппид, чтобы возвестить о блестящей победе греков без остановок пробежал почти 8 парасангов до Афин и тут же от изнеможения умер.

Оказавшись вновь на свободе, бык тут же, как на Крите, стал опустошать поля местных жителей и убивать их самих. Белоснежного быка, дивного ростом и статью, которо-

го раньше называли Критским, теперь стали звать Марафонским.

101. Тесей прощается с Эгеем перед битвой с Марафонским быком

Узнав, что Тесей хочет собственноручно поймать убившего многих людей быка, боязливый Эгей не на шутку встревожился и настоятельно стал советовать сыну:

– Милый сын, ты могучий герой, но все же не надо тебе в одиночку пытаться убить этого особенного быка. Говорят, он, хоть статью красивый, но совсем бешеный нравом. Это чудовище настоящее и уже немало людей он драгоценной жизни лишил, проткнув острыми рогами своими и топтав копытами крепкими. Возьми побольше воинов сильных и охотников опытных и пусть они убьют его стрелами и копьями, а ты руководи ими с безопасного расстояния. Ведь ты сын царя, престола наследник, а не какой-то пастух иль охотник! Если ты по молодости забываешь о горе, которое ты своей преждевременной смертью причинишь отцу престарелому, то ты, как наследник, должен думать о государстве!

Тесей слушал родителя с чуть искривленной улыбкой на тонких губах и язвительно думал:

– Так я и не понял – о чем он сейчас больше переживает – о возможной моей смерти от рогов и копыт быка Марафонского или от причинения мной ему горя возможной безвре-

менной смертью? Чадолюбив или самолюбив этот мой недавно обретенный родитель? Или больше всего его, как царя, волнует благополучие народа и государства? Интересно, чтобы сказали благочестивые люди, узнав мои мысли? – Что я черствый душой человек и сын нечестивый? Ведь отца должно у нас больше всех почитать, чуть ли не как бога... А я вот все думаю – почему за много лет он даже не удосужился узнать родился ли у него сын и, если – да, то как живет?.. Конечно, воспитанием ребенка должна заниматься мать, но как мне живого отца всегда не хватало! Хотя бы просто знать, что он рядом и любит меня...

Сын повертел головой, словно так избавляясь от ненужных мыслей, и, погладив пальцами высокий свой лоб, обратился к родителю:

– Нет отец. Нынче лучше ты меня не проси невозможное сделать. Этого быка Геракл поймал и живым Эврисфею доставил, мне же надо его просто убить. Если я один не смогу это сделать, то зря люди меня героем считают!

Так твёрдо ответил Тесею тоном, не допускающим возражений, однако Эгей все-таки возразил:

– Ох, Тесею! Не приучен ты родителей опытных слушаться. Так же не ведаешь ты, как легко в заблуждения буйная юность впадает: ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый. Ну подумай, что будет, если он тебя убьет или покалечит... Ну, хоть меня пожалей, ведь не перенесу я, если с тобою несчастье случится.

– Значит, все-таки больше всего он жалеет себя. Бойтся, что не перенесет, если долгожданного наследника вдруг лишится, ведь государству может быть хорошо только, если им управлять будет Эгей или на худой конец Эгеид.

Так язвительно подумал опять Тесей и вслух с едкой насмешкой сказал:

– Не случится, а, если случится – будешь жить, как 17 лет жил до моего появления в Афинах. Ведь ты – царь, а не какой-то пастух иль охотник. И потом, может, Медея с наследником Медом вернется, ведь до моего появления в Афинах, вы с ней, говорят, жили счастливо...

В водянистых глазах царя появились и застыли две крупных слезинки, и он, как бы с трудом проглотив ком в горле, сказал не своим слабым старческим голосом:

– Сынок. Нельзя быть с отцом жестоким таким.

Тесей поморщился недовольный собой. Он быстро пошёл к отцу и обнял его на прощание, но сделал это так быстро, что тот не успел, как ему хотелось, с чадолюбивым чувством обняться. Юноша не хотел затягивать прощание и быстро выбежал из дворца, благо меч и палица, да еще нож на икре под коленом были всегда при нем.

102. Тесей у Гекалы

Когда Тесей оказался на Марафонской равнине, Краса небес, податель света благодный, уж все небесное простран-

ство объехал в квадриге огненной и омыл под зардевшимися океанскими струями своих пылающих коней, дневной ездой измученных.

Тесей, торопясь, не взял ни подстилки, ни теплой одежды, он был в одной короткой тунике без рукавов, на плечах загнутой вдвое и накинутым сверху куском льняной ткани. Опасаясь ночной прохлады, он вознамерился было насобирать сухих палок, чтобы развести костер, но заметил невдалеке огонек.

Подойдя ближе, юноша увидел несколько небогатых домов, а ближе всего – бедную хижину из потемневших от времени растрескавшихся бревен, в которой была покосившаяся дверь и одно – единственное оконце, свет из которого ему дорогу сюда указал. Двор вокруг хижины простирался и был защищен частоколом забора из веток кустов и тонких жердинок. Еще не стемнело, и Тесей увидел, что двор чисто ухожен, растут яблони, оливы и груши, земля меж ними выровнена, трава скошена.

Тесей решил не стучать палкой в ветхий забор и крикнул, есть ли хозяева в доме. Дверь тут же открылась и на перекошенном низком крылечке возникла благостного вида старушка. Она неожиданно резво подбежала к калитке и, открыв засов, приятным голосом пригласила Тесея:

– Возрадуйся путник! Юноша, милый, следуй за мною, под кров мой. Хоть мой дом не богатый, но все ж лучше в нем ночь провести, чем в продуваемом поле темном, сыром

и прохладном.

Светло и радостно стало у Тесея на сердце от того, что незнакомый человек, без всякой корысти радушно так его принимает, и ласково он промолвил:

– Пусть Зевс и другие бессмертные боги, хозяйка гостеприимная, дадут тебе все, что ты только желаешь, но больше всего здоровья и долгих лет за то, что ты к незнакомцам такая благожелательная.

Старушка оказалась словоохотливой: пока закрывала калитку и шли по двору она узнала, как Тесея зовут и зачем он оказался на Марафонской равнине, и сама не забыла представиться, сказав, что она Гекала, а маленькой родители ее называли Гекаленой.

В доме старушка быстро придвинула Тесею отполированную временем скамейку, предлагая гостю отдохнуть с дороги, пока она ужин сготовит. Гекала быстро развела угли, под серым тлевшие пеплом и поставила подогревать тушеные овощи, в которые бросила ножку копченой куры, которую много дней берегла, подвешенной к низкому потолку. Пока подогревалось горячее блюдо старушка дала гостю теплую воду, чтобы в ней его утомленные ноги с дороги могли отдохнуть. Растрескавшуюся, но чистую крышку небольшого стола хозяйка вытерла пахучею мятой и положила из корзины несколько яблок, груш и олив.

Все время, пока готовилось кушанье и потом, когда Тесея ел с большим аппетитом, Гекала говорила с ним ласково,

называла его уменьшительным именем, какого он и не знал. Когда же юноша съел почти все, оставив лишь грушу и маслины, старушка ему сказала:

– Я твёрдо уверена, что ты, несмотря на свою молодость, выйдешь победителем из битвы с этим страшным быком, но все же, как ты уйдешь, я буду молиться Зевсу, чтобы он тебе легкую победу послал.

103. Прощание с Гекалой

Ночью Тесей спал очень плохо – он все время пытался представить завтрашний поединок с быком:

– Найти его будет не трудно, и он будет все время на меня нападать, а я буду отпрыгивать и мечом его поражать, пока не убью. Если богиня случая Тюхе будет вполне справедлива, то я пред быком не паду, заклеянный позором. Но не зря говорят, что судьбу часто подменяет игральница случая, и я могу оступиться или споткнуться в самый неподходящий момент... и потом, как – то не хочется его убивать, вот бы и мне, как Гераклу, суметь его без меча обуздать, но для этого силы моей, боюсь, будет мало... все же надо утром у Гекалы веревку на всякий случай спросить...

Как только Тесей начинал засыпать, его будили две вороны, рассевшиеся на яблоне под окном, которые время от времени громко и серьезно каркали, как будто что-то важное по – своему говорили. Разговор птиц затянулся, и юноша заснул

лишь под самое утро, когда птицы замолкли – то ли улетели, то ли тоже заснули.

Только розоперстая Эос начали лить сладостный свет для людей земнородных и для бессмертных богов, обитающих в небе широко, как рано вставшая Гекала торжественно сказала:

– Я даю обет, если он невредимым останется, то я в жертву богам принесу своего петуха, и пусть кура, моя единственная подруга, тоже, как я, без супруга останется. Все равно недолго нам осталось с ней жить.

Тесей проснулся и очень быстро собрался в поход против быка. Он отказался даже от яблок и груш, которые предлагала Гекала, решив, что с пустым желудком намного удобней и безопасней сражаться. Не забыв взять у старушки нашедшуюся в ее скудном хозяйстве веревку, Тесей пожелал Гекале здоровья и решительно вышел из дома.

Отойдя на несколько шагов, юноша вдруг почувствовал острое желание обернуться и увидел, что старушка, застыла как изваяние на крыльце. Сирой Гекала стояла, оцепенев от страха за случайно встреченного чужеземца. Распушенных волос ей ветер не трепал, не было ни кровинки в помертвевших щеках; на лице ее скорбном недвижно слезы застыли в потухших очах; ничего в ней не осталось живого. Герой бросился к Гекале и обнял ее, как самого родного на земле человека. Пока они так стояли, прощаясь, Тесей впервые за несколько дней начисто забыл о быке, и вспомнил, лишь,

когда Гекала с просветлёнными глазами его слегка к выходу подтолкнула, тихо промолвив:

– Иди, сынок, тебя ожидает великая слава.

На обратном пути, после того как Тесея проведет через весь город на веревке стреноженного Марафонского быка, а затем принесет его в жертву Аполлону-Дельфинию, он вновь зайдет в Гекале, но, увы, не застанет ее в живых. Опечаленный ее кончиной Тесея впервые за последние десять лет заплачет. Он сам выроет могилку и похоронит маленькое высохшее тело Гекалы, а жертвоприношение Зевсу, обещанное ею за его спасение, совершит тоже сам, принеся в жертву ее петуха и куру, чтоб без любимой хозяйки они не страдали. А еще через несколько лет по приказу царствовавшего Тесея будет установлен праздник Гекалесий, отмечаемый в Четырехградье (Союз Марафона, Трикоринфа, Энои и Пробалинфа).

Согласно Плутарху, окрестные демы все вместе справляли Гекалессии, принося жертвы Зевсу Гекальскому. Жители Четырехградья высоко чтили Гекалу, называя ее всегда уменьшительным именем, в память о том, что она, приютив Тесея, еще совсем юного и малоизвестного, по-старушечьи приветливо встретила его и тоже называла ласкательными именами. А так как перед битвой Гекала молилась за него Зевсу и дала обет, если Тесея останется невредим, принести богу жертву, но не дожидая его возвращения, она, по приказу Тесея, получила после смерти указанное выше воздая-

ние за свое искреннее радушие. Так рассказывает Филохор.

104. Бычьи игры

Тесей давно узнал о так называемых бычьих играх или плясках (называемых историками таврокатáпсией), распространенных в то время среди греков и особенно – у критян и афинской молодежи. Они заключались в том, что не только юноши, но и девушки без оружия в удобной для прыжков одежде (или совсем без одежды) приближались к заранее разъяренному быку и с риском для жизни хватали его за рога. Мощный бык легко перекидывал их через себя, но они, благодаря акробатическим тренировкам, всегда ловко приземлялись на ноги или на руки членов своей команды позади него. В Трезене была только одна команда бычьих плясунов, но они были очень искусны. Посвятив немало дней тренировкам с этими плясунами в Трезене, Тесей уже подростком стал одним из самых ловких бычьих акробатов в Пелопоннесе.

Когда Тесей, простившись с Гекалой, явился на Марафонскую равнину, Гелиос – солнце, покинув прекрасный залив на самом крае земли, где его огненный чертог находился, уже поднялся на чистое небо, чтоб свет свой на тучную землю опять лить для бессмертных богов и людей, рожденных для смерти.

Тесей вскоре взмок от быстрого бега по высокой сочной

траве в поисках прекрасного видом, но бешеного белого быка, которого прежде все звали Критским. Он так и не решил: просто убить ему быка, ставшего здесь называться Марафонским, или попробовать его, как Геракл, пленить, не хотелось ему без необходимости жизнью своей рисковать, но и свою славу по сравнению с Амфитрионидом он принижать не желал.

Наконец, юноша увидел быка. Это был действительно огромный бык белоснежного цвета с большущим подгрудком и мощными заостренными рогами, между которыми пролегла единственная черная полоска на могучем белом теле. Бык не видел Тесея, и вид его было вовсе не грозным, и взор его больших глаз не был ужасен; вполне мирным сейчас выглядел бык.

Глядя на могучее животное, Тесей вспомнил рассказы Питфея о том, как Зевс, приняв образ такого же белоснежного быка, похитил финикийскую царевну Европу, дочь Агенора и Телефассы. Дед рассказывал, как гладила Европа быка, изобильную пену руками с губ его мягких стирала и с ласкою тихой даже его целовала. Нежно бык мычал ей в ответ и перед Европой склонил он колена, ей в девичьи очи взирая, передние ноги согнул и скошенным взглядом указывал ей на свою широкую спину.

Бык тоже заметил Тесея, полусонные глаза его удивленно раскрылись и дико заблестели, наливаясь кровью, и буйство сразу в нем пробудилось. И вот уж глаза от прилившей-

ся крови красными стали, шумно он засопел и начал передними копытами вспахивать землю. Тесей, так и не решив, что будет делать, взял в правую руку меч, а в левую – палицу и стал потихоньку к быку приближаться, сосредоточенно ожидая его нападения. Ждать не долго пришлось, и вот уже неизвестно чем взбешённый бык, набирая скорость, словно, несущий смерть ураган, понесся на героя.

Тут Тесей понял, что сама необходимость принуждает его делать с быком, и он, чтобы не кинуться спастись бегом от чудовищного животного, сам себе быстро-быстро и громко стал говорить:

– Я много раз видел, как секирой убивают быков, и одного черного быка и сам однажды убил на жертвоприношении Посейдону. Но только теперь я понимаю, что убивать секирой можно только мирно стоящих быков, да и то не таких огромных. Этот разбушевавшийся бык – олицетворение дикой мощи и неистового бешенства. Даже, если я сумею ударить это чудовище палицей или мечом по шее или голове, то едва ли убью, а вот он легко меня насквозь рогами проткнет или копытами насмерть затопчет.

В последний момент, когда Тесей встретился глазами со свирепым взглядом быка, в котором было только звериная злоба, он увидел промелькнувшего перед ним на крылатых ногах обнаженного Кайроса. Герой не стал и пытаться схватить Счастливым случай за прядь волос, свисавшую на лоб, он, не раздумывая вдруг бросил на землю и палицу, и меч и

приготовился безоружным встретиться с быком. Как стрела, сорвавшаяся с тетивы, юноша бросился вперёд и схватился за огромные рога могучего животного. На несколько мгновений герой, казавшийся на огромной бычьей шее совсем маленьким мальчиком, и мощная громада быка, начавшего вспахивать землю, чтобы затормозить, словно, замерли. Бык выпрямил передние ноги и высоко вскинул морду, и Тесе́й, подброшенный в воздух, как птица, перелетел через него и, дважды перевернувшись в воздухе, упруго приземлился на ноги.

– Ай да, Тесе́й! Настоящий бычий плясун!

Крикнул, громко хлопнув в ладоши, юный герой.

105. Тесе́й укрощает Марафонского быка

Остановившийся полностью бык повернулся на месте неожиданно ловко для его огромного тела и, опустив смертоносные рога, снова яростно бросился на юношу. Тесе́й с неуловимой быстротой опять схватился за рога и, как мощной катапульты, вновь был подброшен быком в воздух. Так продолжалось много раз. Остановившийся полностью бык поворачивался на месте и, опустив смертоносные рога, раз за разом яростно бросался на юношу. Тесе́й с неуловимой быстротой каждый раз хватался за рога и, как мощной катапульты, подбрасывался быком в воздух.

Единственная одежда Тесея – набедренная повязка слетела с него после второго броска, а после десятого – пот с обнаженного тела лился ручьями; свалилась и веревка, обвязанная много раз вокруг тонкой талии юноши. Вся земля далеко вокруг героя была перепахана, словно целое стадо коров и быков тут бесновалось. Обезумевший бык взрывал копытами и рогами землю, то ревел, словно медведь или лев, то вдруг мычал, как корова, но все было напрасно – герой, как птица взлетал в воздух и всякий раз упруго приземлялся сзади животного на ноги.

И вот тяжело дышавший Тесей, стряхивая ладонями пот соленный с лица, чтобы хоть что-нибудь видеть, посмотрел на землю вокруг, изрытую, словно плугом и сам себе объявил:

– Не только бык, но я вконец весь измотан, надо теперь мне поездить на нем!

Он бесстрашно сзади запрыгнул на спину быка и, схватившись за рога, крепко сжал холку животного сильными коленями. Бык в неистовстве, помчалось огромными скачками по равнине, словно необъезженный конь, пытаясь скинуть седока. Много раз потное тело Тесея было в воздухе, но с рогов его руки невозможно было стряхнуть. И вот по тяжело-му дыханию быка тоже обессиленный Тесей догадался, что схватке скоро конец. И действительно, бык совсем изнемог – такая огромная туша не могла долго бегать и прыгать подобно стройной лани или малому зайцу.

Бык вдруг, словно споткнулся, и медленно повалился на

передние колени. Тесе́й понял, что сражение выиграл и, с трудом разжав руки, никак не желавшие рога выпускать, тоже упал на мягкую землю, рядом с быком, повалившимся на бок. Отдых был очень недолгим. Тесе́й услышал тяжелое сопение и почувствовал по сотрясению земли, что бык пытается встать. Он тут же вскочил и бросился к веревке, видневшейся серым бугром на зеленой траве. Когда бык встал, Тесе́й из последних сил схватил его за рога и стал их выворачивать, пока, наконец, не повалил огромную бычью тушу на бок. Затем он стреножил лежавшего быка веревкой, как это сделал несколько лет назад могучий Геракл и повел его в Афины неспешно, ведь путь предстоял неблизкий.

Некоторые, как Каллимах, говорят, что Тесе́й прекрасного Марафонского быка с белоснежными боками показал афинянам, проведя через весь город, а затем принес в жертву Аполлону-Дельфинию.

Овидий поет, что и самые знатные люди, и совсем небогатый народ за искрометным вином, возбуждающим души, песни дружно запели:

– Тобой, великий Тесе́й восхищается не один Марафон, а все двенадцать общин – городов солнечной Аттики – что быка ты стреножил! Если героические заслуги твои и возраст захотим мы сравнить, то дел будет много больше, чем тебе лет. Пожеланья свои, о храбрейший, мы всенародно гласим, и за тебя испиваем мы полные кубки и чаши вина искрометного!

Всенародным был одобрением Эгея дворец оглашен и мольбами желавших блага его сыну Тесею. Афиняне щедро почтили Тесея за бывшего Критского быка, а теперь Марафонского.

106. Смерть Андрогая

Некоторые, как основатель истории, как науки, Фукидид, говорят, что правнук Зевса Минос первым из эллинов создал мощный флот и, овладев большей частью Эгейского моря, изгнал промышлявших морским разбоем карийцев. Он так же достиг господства над Кикладскими островами (расположенные вокруг Делоса) и основал там колонии, причем посадил их правителями собственных сыновей. Минос женился на Пасифае, дочери Гелиоса и Персеиды, и та родила ему сыновей Девкалиона, Катрея, Андрогая и дочерей Ариадну и Федру. Кроме того, у Миноса было много незаконнорожденных детей.

Самый любимый сын Миноса Андрогей, прибыл на Панафинейские торжества в Афины, проводившиеся в честь великой покровительницы города, когда царем там совсем недавно стал Эгей. Открытие этих Панафиней, проведенных за год или за два до посещения Эгеем своего друга Питфея после получения оракула в Дельфах, началось, как обычно, с ночных танцев, музыкальных и театральных представлений и факельных шествий.

На второй день, перед началом гимнастических состязаний, было торжественное шествие афинян с Агоры на Акрополь, усеянный святилищами, с последующим жертвоприношением. На состязаниях произошло невероятное – сын Миноса Андрогей одолел всех атлетов. Все десять судей – агонотетов вручили ему венки из ветвей освящённой оливы и прекрасные глиняные кувшины – панафинейские амфоры, наполненные священным оливковым маслом.

Эгей, относительно недавно ставший афинским царем, очень обеспокоился тем, что победителем на самых крупных афинских играх стал не афинянин. Однако еще большую тревогу Эгея вызвало известие, что критский царевич подружился с его заклятыми врагами – сыновьями брата Палланта. Он отнесся к этой дружбе больше, чем с подозрением, очень он опасался, что Паллантиды с помощью набиравшего силу Крита лишат его царской власти, и поэтому по настоятельному совету одного пользовавшегося у него доверием эфора решил погубить Андрогая.

Некоторые говорят, что во время завершающей Панафинейской праздничной процессии, в которой участвовали не только граждане Афин, но и поражённые в правах жители города, один из метэков (переселенец) Андрогая убил. Во время праздничной суматохи сразу нескольким человекам показалось, что он толкнул Андрогая под панафинейский корабль – тяжелую повозку со жрецами и расшитым одеянием богини Афины цвета шафрана, которое для каждого праздника

Панафией ткали и шили женщины Аттики. На суде метэк опроверг все обвинения, заявив, что он никого специально под священную повозку не толкал, а, если он кого-то случайно толкнул, то этого даже не заметил, ведь в той сумятице все толкались. Вскоре после этого по настоянию царя, оправданный судом метэк, до народного голосования был внесен в список граждан, и Эгей собственноручно увенчал его оливковым венком за благожелательность к афинскому народу.

Другие говорят, что, когда Андрогей отправился на священный праздник в семивратные Фивы, у находящейся в Аттике Эной один местный житель из засады застрелил его из лука. Кто-то видел подлое это убийство и потребовал суда над этим автохтоном, и тогда на судилище тот сказал, что действовал по царскому приказу Эгея.

Узнав о гибели сына, Минос с небольшим войском прибыл на своих кораблях быстролетных в Афины и, стремясь обойтись без для всех ужасной войны, потребовал справедливого возмездия за убийство Андрогоя. Однако Эгей это требование решительно отклонил, сказав, что его сына убили с целью грабежа неизвестные ему разбойники, ведь не мог же он признаться в заранее спланированном убийстве и сам себя покарать, как организатора преступления.

Тогда Минос объявил афинянам войну и, господствуя в то время на море, начал, как пират топить все попадающиеся афинские корабли, однако на суше с Афинами ничего поделаться не мог. Тогда правнук Зевеса обратился к своему пра-

деду с мольбой, чтобы Афины справедливо поразили несчастьем. Зевс, как главный охранник справедливости в мире, не мог оставить эту мольбу без внимания. Владыка Олимпа решил не откладывать кару, и вскоре сначала в Аттике, а потом и во всей Элладе началась страшная засуха, и весь урожай погиб. Правители самых крупных городов Греции, собравшись вместе в Дельфах, обратились к богу за советом – пророчеством, как избавиться от несчастья, и Пифия от имени Аполлона, возвещавшего волю Зевса, сурово изрекла:

– Зевс разгневался на всех вас за нечестивое убийство критского царевича Андрогее. Он наслал на вас ужасный голод и болезни, от которых вы избавитесь, лишь, отправившись к царю Эгины Эаку и попросив его вознести молитвы за вас, тогда кара для невиновных закончится.

Веление это было исполнено, и благочестивый Эак сотворил молитву Зевсу Всеэллинскому. Громовержец принял молитву и сильно дождал несколько дней везде, кроме Аттики, непосредственно виновной в смерти Андрогее. Засуха прекратилась по всей Элладе, сохранившись только в Афинах и близлежащих городах и поселках. На эту область с центром в Афинах обрушился еще более страшный мор, там не было не только дождей, но вокруг нее обмелели или совсем иссякли многие реки, озера и другие источники пресной воды.

Тогда безмерно страдающие афиняне снова кинулись в Дельфы и неотступно вопрошали бога, как же им тоже изба-

виться от ужасного несчастья, и Пифия, наконец, от имени Феба-Локсия провещала:

– О жители Аттики! Справедливый гнев небес только тогда успокоится и страшным бедствиям вашим наступит конец, когда вы умилюстите Миноса. Плывите на Крит и склоните его прекратить вражду к вам! Для этого вы должны выполнить все, чтоб он не потребовал.

Афинянам, чтобы всем не погибнуть от голода, пришлось повиноваться богу, когда Минос повелел им каждые девять лет, в конце Великого года, отправлять семь юношей и столько же девушек на Крит в качестве живой дани, для принесения в жертву за убитого Андрогоя.

Повеление Миноса не было какой-то особенной жестокостью. Ведь в самих Афинах существовал такой закон: если афинянин был убит в другом государстве, то на его родственниках лежала священная обязанность отомстить за его смерть. Если это государство отказывалось выдать убийцу, то мститель имел законное право схватить любых трех его граждан. В Афинах был убит не простой критянин, а царевич, и Минос потребовал 14 афинских граждан за своего сына, поскольку Афины не выдавали своего царя Эгея, виновного в убийстве Андрогоя.

Некоторые говорили, что афинские подростки на Крите обращались в рабство, их сажали под замок в крепости Лабиринте и потом приносили в жертву то ли какому-то подземному божеству, то ли чудовищному полубогу Минотавру,

обитавшему в Лабиринте, который был сыном критской царицы Пасифая от мужа Миноса или Посейдона, принявшего образ дивного статью белого быка, прозванного впоследствии Критским, а потом Марафонским.

Как бы там ни было, но отослав на Крит 14 юных афинских граждан, жители Аттики избавились от самых страшных напастей. Не только повсеместно засуха прекратилась, но и на морских просторах Минос закончил войну с Афинами, прекратив топить их корабли. По истечении 9 лет послы Миноса вновь прибыли в Аттику на многовесельном корабле и опять безвозвратно увезли на Крит отобранных по жребию 14 юных афинян – семь юношей и столько же девушек.

Когда после убийства Андрогоя минуло 18 лет с Крита в третий раз уже собирались посылать в Афины корабль за живой данью. В это время семнадцатилетний Тесей, недавно победивший Марафонского быка, заканчивал очередную войну с Паллантидами, которая на этот раз оказалась очень тяжелой.

107. Тесей расправляется с двумя войсками Паллантидов

До той поры, когда Тесей впервые появился в Афинах 50 сыновей Палланта, двоюродные братья Тесея надеялись завладеть главным аттическим царством, после того как Эгей умрет, не оставив потомства. Паллантиды одновременно ра-

довались и презирали Эгея за бездетность и приближающуюся дряхлую старость.

Сына Эгея от Медеи, маленького Меда Паллантиды не опасались потому, что он был еще очень мал и потом, они считали его сыном варварской девы и к тому же колдуньи. Они были уверены, что после смерти Эгея народ не допустит, чтобы им правил сын волшебницы – чужестранки, прибывшей из никому не известной Колхиды.

После того, как преемником Эгея на агоре всенародно был объявлен Тесей, очистивший от разбойников и злодеев Истмийскую дорогу и пленивший чудовищного Марафонского быка и потому ставший любимым афинским героем, Паллант, кипя неистовой злобой, везде стал говорить:

– Беды неисчислимы всех нас ждут от того, что над нами царствует безродный Эгей, усыновленный нашим отцом Пандионом и не имеющий никакого отношения к великому роду Эрехтея. Теперь после этого самозванца царем делается Тесей, тоже пришелец и чужак, взявшийся неизвестно откуда и тоже усыновленный Эгеем. Я и 50 моих сыновей – Паллантидов этого не допустим! Мы справедливую начнем войну и до победы будем сражаться!

Кроме того масла подлило в огонь ожидание прибытия кораблей с Крита за очередной третьей по счету страшной живой данью. Паллантиды опять стали обвинять Эгея в убийстве их друга Андрогоя и призывать людей на войну с самозванцем:

– По приказу Эгея 18 лет назад подло убили сына могучего критского царя Миноса Андрогея, победившего в состязаниях на наших Панафинеях. Афинские граждане из-за нечестия самозванца-правителя сначала жестоко страдали и умирали от голода, а потом были вынуждены отдать своих детей в позорное рабство или, как говорят некоторые, – на съеденье чудовищу. И вот уже в третий раз афинянам придется своих 14 детей послать на Крит, где их заточат в Лабиринт на съедение чудовищному быкоголовому Минотавру. Почему граждане Афин должны своими детьми расплачиваться за нечестивость царя, да еще и незаконно захватившего власть? Афиняне, чтящие справедливость, вступайте в войско Палланта и Паллантидов, и все вместе мы добьемся долгожданной победы!

Плутарх говорит, что мятежники разбились на два отряда: одни во главе с Паллантом открыто двинулись на город со стороны Сфетта, другие устроили засаду в Гаргетте, чтобы, заманив противника в ловушку, ударить по нему с двух сторон. Среди Паллантидов был глашатай, уроженец Агнунта по имени Леой (Леос). Он, будучи тайным поклонником Тесея, считал его не только самым великим афинским героем, но и во всей Элладе и сообщил ему о коварном замысле племянников и показал, где воины затаились в засаде. Предупрежденный Тесей во главе небольшого войска незаметно обошел сидевших в засаде и, внезапно напав на них сзади, многих перебил, а оставшихся обратил в бегство. Узнав о

гибели товарищей, сидевших в засаде, пали духом и Паллантиды и после уже разбежался и весь отряд под командованием Палланта. С тех пор, говорят, граждане из дема Паллена не заключают браков с агнунтийцами, и глашатаи у них не выкрикивают обычного: «Слушайте люди!» – эти слова им ненавистны из-за предательства Леоя.

Плавание на Крит

108. Минотавр

Среди законных детей дочери Гелиоса Пасифаи и критского царя Миноса был один совсем необычным. Звали его Минотавр (бык Миноса), и родила его Пасифая, якобы, от белоснежного, дивного статьи критского быка, посланного Миносу из моря Посейдоном.

Некоторые ученые мужи уверяли, что даже, если нечестивая женщина возляжет с быком, то по законам природы она все равно не сможет от него даже уродливого ребенка родить, и этот Минотавр был сыном Пасифаи от мужа Миноса. Пасифая, разгневанная частыми изменами Миноса, обратилась к своей сестре Кирке, которая, как Геката, искусной чародейкой была и могучей колдуньей. Пасифая опоила супруга приготовленным Киркой зельем, и теперь, каждый раз, когда Минос сходил с другими женщинами, он напускал в их лоно гнус и женщины заболевали и в мучениях погибали. Сама Пасифая перед тем, как возлечь с мужем выпивала настой из данного ей Киркой настоя корня растения моли, чтобы самой не заболеть.

Однажды пьяный Минос в приступе лютой похоти овладел супругой внезапно, и она, не успев выпить свой настой,

заболела на короткое время, но не умерла, а забеременела и в положенный срок родила очень крупного, но с уродливыми чертами лица мальчика. Со временем уродство последнего ребенка Миноса и Пасифаи не только не исчезло, но усилилось – годам к 12 его лицо стало походить на морду быка, и это сходство усугублялось еще тем, что появившиеся вскоре после рождения на его на голове бугорки, стали расти и к отроческому созреванию уподобились небольшим бычьим рожкам. Несмотря на то, что мальчику сшили специальную шапочку, закрывающую рожки, от слуг это скрыть не удалось. Вот тогда-то с легкой руки одной говорливой служанки его и стали называть Минотавром – быком Миноса, ведь до этого его имя было Астерий (звёздный). Говорят, что Астерием ребенка назвал сам Минос в честь своего предка царя Крита Астериона.

Вскоре выяснилось и самое страшное что отличало быко-голового Минотавра от человека. Сначала слуги заметили, что он любит есть мясо разных мелких животных, таких, как зайцы и птицы, сырым, при этом он сворачивал им шеи собственными руками и первым делом выпивал из них еще теплую кровь. Это особенно не встревожило Миноса, он многое видел в жизни, и ему тоже случалось во время вынужденного голода несколько раз убивать птиц и, не имея огня, съесть их сырыми. Поэтому он заплатил слугам за молчание, а Минотавра предупредил, чтобы он не пил бычью кровь, поскольку он, как и все греки считал ее очень ядовитой.

Однажды ночью во дворце Миноса раздался душераздирающий крик. Кричала истошно молодая рабыня, недавно родившая ребенка. Оказалось, что 17-летний Минотавр, обладавший в этом возрасте ростом и силой нескольких мощных мужей, вырвал у нее ребенка и у нее на глазах свернул ему шею и, высосав из него кровь, тут же начал его пожирать, словно это был жареный молочный поросенок.

Критский царь был не глуп и понял, что Минотавр становится опасным не только для окружающих, но и для него самого. Ведь он не просто становится людоедом – он очень очень силен – Миносу рассказали, что, когда прибежавшие на сумасшедший крик рабыни отец ее ребенка, тоже раб, вместе с тремя своими братьями попытались отнять у Минотавра дитя, тот всех четверых разбросал по сторонам, исколечив, а эти рабы были высокими и мускулистыми.

– Да и скрыть последнее происшествие с ребенком рабыни никак невозможно, об этом знают десятки слуг и рабов. Надо бы спросить оракула – случай сложный: Минотавр – мой сын и, возможно, имеет второго, божественного отца – Посейдона, который сопрягся с моей женой Пасифаей в образе белоснежного быка. Что там нам всем Мойра напярля? Однако в Дельфы плыть я не хочу... там оракула ждать может долго придется, да и зачем мне знать прорицание о будущем, если его все равно избежать невозможно. Мне надо знать не то, что будет, а то, что мне делать, как поступить, чтоб избежать разных бед... да и всему миру о Минотавре

рассказывать сам я пока не хочу... надо мне обратиться к своему прорицателю, ведь он никогда меня не обманывал, хоть иногда порицал, пока я не стал платить ему много.

Так с царственной небрежной улыбкой разговаривал сам с собой критский владыка, узнавший, что его сын людоед.

109. Беседа Миноса с прорицателем

Не на шутку встревоженный Минос вызвал слепого старца Комета, самого известного на Крите прорицателя, последнее время жившего в кносском дворце, и властным голосом стал спрашивать у него совета, что ему делать:

– Возрадуйся, Комет, славный своими всегда сбывающимися оракулами, твой внутренний взор объемлет все, и ты с лишенными света очами, видишь лучше нас всех, зрячих людей. Я тебя сейчас пригласил вот зачем. Если догадываешься или знаешь «зачем», все равно внимательно выслушай, чтобы знать точно, что меня беспокоит. И, как всегда, пусть этот разговор останется между нами двоими, ибо я с тобой буду говорить вполне откровенно. Ты знаешь о моем последнем сыне от Пасифаи – Астерии. Последний раз я тебе о нем говорил, когда у него на голове бугорки превратились в рожки, и они, как у бычка, начали расти. Тогда ты сказал, что пока не готов прорицать, тебе надо погадать, а мне пока посоветовал понаблюдать, что будет дальше... Так вот, я давно наблюдаю, как сын мой мясо сырое любит все больше и боль-

ше, чем жареное или вареное, а вчера он съел новорожденного ребенка служанки! И об этом все во дворце знают! Говорить с Минотавром бесполезно, а приказывать и употреблять власть – просто опасно, ведь он сильнее четверых здоровых мужчин. Не приказывать же мне охранникам копьями или стрелами убить собственного сына от законной жены Пасифаи?! Скажи же, что мне делать? Как Астерия-Минотавра от желаний противоестественных отучить? Говори только правду, которую точно знаешь!

Знаменитый критский гадалец долго молчал, перебирая какие-то известные лишь ему воощенные дощечки и потом печально изрек:

– Я помню наши разговоры и об Астерии, и о его превращении в Минотавра. Не обычную нить вытянула из веретена Ананке красавица Клото, когда этого сына произвела на свет Пасифая. До такой степени мы подчиняемся всемогущему Року, что и боги по сравнению с ним не столь уж важны. Поэтому ты сына своего не стыдись – что Рок определит – то смертным не ужасно. А теперь внимли мне и все хорошенько запомни. Ты должен поручить мастеру Дедалу в основанном корибантами Кноссе построить Лабиринт – особую крепость с единственной дверью и такой запутанной системой коридоров и переходов, из которой выйти никому не возможно. В этом безвыходном Лабиринте за запертой дверью тебе следует содержать Минотавра, ибо он уже стал и будет дальше людоедом. Со временем он привыкнет и будет

себя чувствовать там, как дома, но выйти не сможет, даже, если очень захочет. Для прокорма Минотавру кроме дичи и кур будешь запускать в Лабиринт каждый месяц одного одинокого чужестранца или приговоренного к смерти преступника, или раба безродного, чтобы родственники бесследно пропавших не искали упорно... Сын твой Андрогей уплыл в Афины, чтобы принять участие в Панафинеях... и там его по приказу афинского царя Эгея, которому везде мерещится измена и покушение на его власть, убьют. Ты не посылай никого в Афины, уже поздно и потом предначертанного Мойрой Лахесис все равно никто не изменит. Узнав о смерти Андрогая, ты попроси своего прадеда Зевса наслать на Аттику страшную засуху, и когда афиняне приплывут к тебе за избавлением от мора, ты за погибшего сына потребуешь от них дань живую. Пусть они в конце каждого Великого года отправляют к нам на Крит по 7 пар юношей с девушками, якобы для участия в смертельно опасных бычьих играх, которые любят на нашем острове, а на самом деле всех их по одному в месяц запускай в Дом Минотавра. Когда все узнают, что случается с присланной к нам афинской молодежью после бычьих игр, объявишь, что они в Лабиринте приносятся в жертву подземным богам... Еще мне удалось узнать, что однажды среди этих афинских подростков на Крит явится ловкий и умный, но не особенно сильный герой Тесей, сын трезенской царевны Эфры от смертного Эгея и Колебателя земли Посейдона. Эгеид вступит в смертельное сражение с

Минотавром. Я не знаю кто из них победит, и что тебе при этом следует делать, ибо это пока тайна самой Мойры Лахесис. Даже Зевс всемогущий сейчас не ведает этого и в необходимый момент узнает, взвесив жребии Тесея и Минотавра на золотых весах, подаренных ему неизбежной Мойрой Атропой, обликом юной, но самой жестокой из всех трех сестер, рожденных жуткокошкой Ананкой.

110. Дедал

Тесей и Дедал были родственниками – сын Эфры и Эгея был праправнуком Эрехтея, а сын Меропы и Эвпалама (или Метиона) Дедал – внуком.

Некоторые считают Дедала самым знаменитым художником и строителем Эллады, ведь, согласно Гигину, его обучала сама Афина Паллада, мудрая богиня знаний, искусств и ремесел, покровительница наук, изобретательности и всякого мастерства.

Павсаний говорит, что в благодарность за обучение Дедал сделал дивное складное кресло в храме Афины Полиады в Афинах, а также сотворил деревянное изображение нагого Геракла в святилище Афины Халинитиды (Обуздывающая) в Коринфе и статуи знаменитых строителей братьев Агамеда и Трофония.

Говорят, в молодые годы талантливый мастер Дедал был надменным и высокомерным. Нет предела высокомерию

и нет гнуснее порока. Надменному мало чувствовать собственное превосходство над другими, ему надо, чтобы его превосходство признавали все остальные и еще – надменные и высокомерные завистливы непомерно.

Когда двенадцатилетний сын сестры Дедала Поликасты Талос (некоторые говорят, что его им Пердикс), ставший его учеником, глядя на спинной хребет и зубы поданной к обеду рыбы, взял их образцом и нарезал на остром металле такой же ряд непрерывный зубцов и так пилу изобрел. Когда же Талос изобрел и циркуль, единым узлом связав две ножки железных, чтобы, когда друг от друга они на расстоянии равном, неподвижно стояла одна, другая же ровный круг обводила, то дядя понял, что племянник и ученик скоро учителя в мастерстве строителя превзойдет.

Дедал ученику тайно завидовать стал и однажды зависть ненасытную не смог внутри себя удержать и со священной твердыни Минервы – Акрополя сбросил племянника вниз. Случайно видевшим это людям он солгал, объяснив свой поступок тем, что Талос, якобы, вступил в нечестивую связь с собственной матерью Поликастой, сестрой Дедала, которую он коварно усыпил каким-то настоем из трав.

Афинский ареопаг, тем не менее, за преднамеренное убийство присудил Дедала к десятилетнему изгнанию из страны или же к смерти позорной, если он после оглашения судом приговора до восхода солнца не покинет Афины, и тот был вынужден на корабле быстроходном срочно бежать на

остров ста городов.

Минос из корысти дал умельцу Дедалу приют и почет на Крите и взамен потребовал от него услуг выдающегося художника и искусного мастера. Дедал бесплатно изваял дивные статуи Миноса, Писифаи и их юных дочерей Ариадны и Федры. Критяне говорят, все эти изваяния Дедала выглядели, словно, живые. Все в Греции знают, что большинство критян – неисправимые лгуны, однако в данном случае им можно верить, ведь и Еврипид пел, что все статуи Дедала сами двигаются, как живые.

С молчаливого согласия Миноса Дедал изготовил для его жены Пасифаи чудесную деревянную корову, передвигающуюся на колёсиках, встроенных в копыта, и обшил ее остоу шкурой, содранной с только, что убитой коровы. Затем мастер буравом просверлил между задних ног деревянной коровы, там, где в шкуре уже была дырочка, такое же отверстие. В эту изготовленную Дедалом корову, которая выглядела настолько естественной, что даже бык белоснежный принял ее за живую телицу, Пасифая несколько раз залезала, чтобы удовлетворить свою неестественную страсть к красавцу – быку.

В главном городе Крита Кноссе, который некогда был основан юной богиней семейного очага и жертвенного огня Гестией, так и оставшейся навсегда девственницей, Дедал создал свое самое грандиозное творение – греческий Лабиринт.

Еще до того, как Астерию – Минотавр у исполнилось 18 лет, Дедал по приказу Миноса на северо-западе города Кносса приступил к сооружению особенной крепости, получившей название Лабиринт. Он выбрал недалеко от дворца подходящее место, где была огромная утрамбованная площадка для танцев, с нанесенными на ней спиральными линиями, облегчавшими танцорам обучение плясовому искусству.

Во времена своего расцвета Кносс был одним из самых могущественных во всем Средиземноморье городов с двумя прекрасными гаванями, в которых могло швартоваться одновременно множество кораблей. Кносс в эту эпоху был особенно славен так же своим многоэтажным дворцом с величественным тронным залом, разветвленным водопроводом, удивительным освещением и проветриванием. В будущем землетрясения и пожары не пощадят Кноссский дворец и гавань останется только одна, пока же Крит у и его главному городу Кносс у предстояло вместе с двумя гаванями и дворцом, еще и дедаловым Лабиринтом прославиться на всю Ойкумену.

111. Лабиринт

Некоторые говорят, что слово «лабиринт» раньше обозначал узкие улицы в крепости или каменистое ущелье.

Другие утверждают, что слово «лабиринт» происходит от слова «лабрис», обозначающее топор с двумя противополо-

ложно направленными лезвиями, который в те времена широко использовался на Крите, как плотничный инструмент и как боевое или церемониальное оружие. Двойной топор символизировал единство противоположностей Неба и Подземья, а его топориче – это земля, связывающая воедино небесный и подземный миры. Поэтому лабрис – это и топор Зевса, и весь мир в целом, во всех его проявлениях. Лабрис, как и сам Зевс, и разрушительная сила, и созидательная. Он может умертвить быка, и он же превращает этого быка в божество, подающее людям жизнь.

Говорят, самый первый лабрис, появившийся в Критском Лабиринте, был выкован божественным кузнецом колченогим Гефестом по рисунку Дедала, который и на длинную ручку его насадил. Дедал так же по приказу Миноса вырезал изображения лабриса на основных камнях, лежащих в основании Лабиринта, а также на каменных плитах, из которых складывались несущие стены, и на колоннах, подпирающих потолки и крышу. Эти знаки имели магическое значение, показывая, что Лабиринт был не жилище и не крепость, а ритуальное «святилище двойного топора», обиталище божества с двойной секирой, символизировавшей два рога священного быка.

Историки Геродот и Плиний Старший оставили описание египетского лабиринта близ «города гадов» – Крокодилополя. То было колоссальное гранитное четырёхугольное здание, включавшее в себя 3000 комнат и еще более коридо-

ров, расположенных большей частью под землёй. Эта необычайно огромная крепость представляла собой очень сложную систему разноуровневых коридоров и переходов, дворов, комнат и колоннад, такую запутанную, что посторонний человек никогда не смог бы найти в нем дорогу к выходу, ибо, незаметно для себя всегда бы оказывался на дорогах, ведущих к центру Лабиринта.

Говорят, что Дедал, получив от Миноса приказ создать на Крите Лабиринт, плывал в Египет и, поразившись искусству построенной по приказу фараона XII династии Аменемхета около 2200 г. до н. э. знаменитейшей крепости, построил в Кноссе Лабиринт, подобный египетскому. Хотя размеры Кносского Лабиринта были в 100 раз меньше египетского, он был сконструирован, как крепость, из которой нельзя найти выход, более искусно. Никто, кроме самого Дедала не знал даже наружной формы самого таинственного в Элладе здания, на кносских монетах Лабиринт изображался в виде концентрических окружностей, спирали или вложенных друг в друга квадратов.

Минос добивался, чтобы у всех людей Лабиринт так же, как и подземное царство мертвых, вызывал чувство непереносимого ужаса необычайной для зданий сложностью его планировки такой, что из него, как из Аида, невозможно выйти наружу. Кроме того, по приказу царя распространялись слухи о жестоких и загадочных церемониях, в том числе с человеческими жертвоприношениями, которые устраи-

вались в самом центре этого таинственного и зловещего сооружения.

По приказу Миноса пользующиеся его доверием слуги раз в месяц открывали массивную дверь, запиравшуюся хитрыми запорами и замками, изготовленными тоже Дедалом, и выпускали (чаще заталкивали силой) туда какого-либо человека, которого никто не будет искать. Немало по приказу Миноса его слуги схватили одиноких путников – чужестранцев и матросов, отставших от своих кораблей, и затолкали в Лабиринт. Приговоренных к смерти преступников запикивали в Лабиринт реже так, как у них обычно бывали родственники, так же и рабов использовали лишь в крайних случаях, ведь они имели хозяев и стоили денег.

О чудовищном человеке с мощным телом и бычьей головой вскоре узнали не только на Крите, но и на соседних островах, и на материковой Греции. Минос надменно объявил, что Лабиринт – это храм божества, имеющего человеческий вид ниже шеи и голову, похожую на бычью, и этому божеству необходимы человеческие жертвы. Это не вызвало особенного удивления у эллинов, ведь все божества в Египте, имевшего древнюю историю, были звероподобными, т. е. имели человеческие тела и звериные или птичьи головы.

112. Страшная дань крови [189]

Годы летели. Каждые девять лет афиняне продолжали

снаряжать суда на остров ста городов, на которых отправлялись в последний скорбный путь семь пар их сыновей и дочерей, чтобы исчезнуть навсегда ужасном Кносском Лабиринте.

Народ глухо роптал, обвиняя во всем царя Эгея. Хотя некоторые, согласно преданию, расставаясь с детьми, чтоб меньше мучиться и страдать, придумывали сами для себя, что доставленную на Крит афинскую молодежь, губил в Лабиринте не чудовищный Минотавр, а они сами себя губили, блуждая и не находя выхода. Лабиринт, якобы, был просто критской тюрьмой, в которой страшным было только то, что заключенные не могли найти выход из нее. Хоть, Минотавр, как сказано у Еврипида, был «Пород смешенье двух, урод чудовищный и быка, и мужа естество двоякое», но человеческим мясом он не питался, а юношам лишь следовало лучше путь в Лабиринте запоминать. Те из афинян, кто считал себя особенно хитроумным, предлагали отправляемым на Крит юношам и девушкам постоянно рукой стены касаться, тогда из любого лабиринта можно найти выход наружу. Возможно, это и так в случае плоского лабиринта, но Лабиринт Дедала был многоуровневым и в этом заключалась одна из его коварных особенностей.

По словам прилежного и крупнейшего из аттидографов Филохора, написавшего 17-ти книжную историю Афин, критяне тоже говорят, что Лабиринт был обыкновенной тюрьмой, где заключенным не делали ничего дурного и только

караулили их, чтобы они не убежали, и что Минос устраивал гимнические состязания в память об Андрогее, а победителю давал в награду афинских подростков, до поры содержащихся под стражею в Лабиринте. На первых состязаниях победил военачальник по имени Тавр, пользовавшийся тогда у Миноса величайшим доверием, человек грубого и дикого нрава, обходившийся с подростками высокомерно и жестоко.

Универсальный ученый и философ Аристотель в «Государственном устройстве Боттии» также совершенно ясно дает понять, что не верит, будто Минос лишал подростков жизни: они, полагает он, успевали состариться на Крите, неся рабскую службу. Некогда критяне, исполняя старинный обет, отправили в Дельфы своих первенцев, и среди посланных были потомки афинян. Однако переселенцы не смогли прокормиться на новом месте и сначала уехали за море, в Италию; они прожили некоторое время в Иапиигии, а затем, возвратившись, обосновались во Фракии и получили имя боттийцев. Вот почему, заканчивает Аристотель, боттийские девушки во время жертвоприношений иногда припевают: «Пойдемте в Афины!».

В аттическом театре Миноса неизменно поносили и осыпали бранью, ему не помогли ни Гесиод, назвавший его «царственнейшим из государей», ни Гомер, говоривший, что он беседовал с самим Кронионом. Однако эти прославленные поэты имели в виду рожденного Европой от Зевса Ми-

носа Первого, бывшего царем-законодателем, справедливые установления которого и его брат судья Радамант соблюдает. Трагики же, выливали с проскения и скены целое море хулы и ославливали жестоким насильником и нечестивцем Миноса Второго, внука Миноса Первого.

113. Хитрость Тесея на жребии [189]

Итак, подоспел срок отсылать живую дань критскому чудовищу Минотавр в третий раз. Родителям, у которых были не достигнувшие брачного возраста дети, приходилось, сообразно жребию, расставаться с сыновьями или дочерьми. При этом в кандидаты для безвозвратного путешествия на Крит отбирались лишь спортивные юноши и девушки, тренированные прыгуны – акробаты. Это было одно из условий Миноса потому, что афинские юноши и девушки перед тем, как попасть к Минотавр, должны были участвовать в священных на Крите Бычьих плясках.

Снова у афинского царя Эгея пошли раздоры с согражданами, которые горевали о собственных детях и с негодованием сетовали на царскую несправедливость. Они прямо говорили, что виновник всех бедствий страны единственный свободен от наказания, что, Эгей, завещав власть незаконно-рожденному чужеземцу Тесею, равнодушно глядит, как они теряют законных отпрысков и некоторые остаются бездетными.

Эти жалобы не раз слышал Тесей, и они угнетали его жаждущий справедливости героический дух. Считая своим долгом не столько царского сына, сколько героя, не оставаться в стороне от постигшего народ горя, но разделить участь сограждан, он сам добровольно, не по жребию, вызвался ехать на Крит. Все удивились благородству Тесея и восхитились его героизмом и любовью к народу.

Эгей же, исчерпав все свои просьбы и мольбы и видя, что сын непреклонен и неколебим, неистово трясая сильно пордевшей бородой на еще больше округлившемся подбородке, визгливым голосом во всеуслышанье объявил на агоре:

– Напоминаю, что никто не может в качестве дани добровольно поехать на Крит, ибо это будет нарушением воли великих богов. Поэтому я, как всегда, повелеваю провести справедливую жеребьевку, которая выявит имена всех подростков, которым самой Могучей Судьбой предначертано ехать на Крит. Пусть у пританея сейчас соберутся не дежурные 50 булевтов, а все 500 членов эkkлeсии, а я, как царь, буду пританом. Жеребьевку проведем без бобов, с одними остраконами (черепками).

Обычно жребий определялся с помощью бобов. В одну урну клали черные и белые бобы, количество тех и других было равно числу кандидатов, а в другую – черепки с их именами. Из обоих сосудов одновременно доставались боб и черепок. Белый цвет боба означал, что кандидат избран, черный – нет. Эллины считали, что таким образом определяется

воля бессмертных богов и непреложной Мойры Лахесис для каждого принимающего участие в жеребьевке.

Некоторые рассказывают, что на жеребьевке юношей Тесея проявил хитрость и подменил черепок, выпавший по жребию самому последнему, седьмому по счету подростку. Он быстро подошел к помосту и правой рукой выхватил из руки глашатая последний черепок в тот момент, когда он только, что вынул его из урны. Царевич сделал это, как будто, просто хотел посмотреть. Это было серьезным нарушением процедуры определения жребия, и некоторые замерли в понятном негодовании, другие застыли в недоумении, не зная, как к этому отнестись. В это время кого-то окликнули, и никто не обратил внимание на то, что Тесея, посмотрев, отдал черепок, зажатый не в правой, а в левой руке.

Когда обескураженный глашатай взял из левой руки Тесея последний черепок, то, увидев на нем имя, открыл было рот и замолчал, он ошалело озирался кругом, не в силах выкрикнуть имя царевича.

Тогда Тесея решительно прокричал сам свое имя. Почти все ожидали, что глашатай выкрикнет любое другое имя, кроме имени Тесея и не знали стоит ли им сразу возмутиться вмешательством царевича в жеребьевку. На площади воцарилась мертвая тишина. Люди пытались понять, что же на самом деле произошло, сначала никто из тех, чьи дети не были выбраны, даже не обрадовался такому жребию.

Логограф младшего поколения Гелланик из Митилены на

Лесбосе, однако, утверждает, будто никакого жребия на этот раз вообще не метали. Якобы Минос сам приехал в Афины и, выбирая из преуспевших в акробатике юношей и девушек, среди которых был и Тесей, выбрал первым именно его. Таковы на этот раз были условия отправки живой дани на Крит у его могучего владыки, предусматривавшие также, что афиняне за свой счет снаряжают корабль, на котором пленники под присмотром Миноса поплывут на Крит, не взяв с собой никакого «оружия брани», и что конец возмездию может положить смерть Минотавра.

114. Тесей отвечает на укоры Эгея

Эгей скорбно нахмурился, но не столько потому, что его сыну выпал жребий ехать на Крит, сколько потому, что он понял, что, чтобы он не стал делать, Тесей все равно сделает по-своему и поедет. Он, конечно, догадался о подмене имени на черепке потому, что он сам, воспользовавшись властью пританея, совершил бесчестный поступок, заранее убрав из урны черепок с именем сына. В первый момент он даже хотел закричать, что не может быть на черепке имени Тесея потому, что его в урне вообще не было, но потом понял, что только зря сам себя выдаст.

Царь, казалось, на несколько мгновений застыл с горестно приоткрывшимися мелко подрагивающими губами, но, придя в себя, он впал в неистовый гнев и отцовский, и царский

и стал пронзительно кричать о нарушении правил голосования.

Тесей же спокойно, но достаточно громко, так, чтобы все слышали, отцу возразил:

– Да, я виноват, что не сдержался и, не выдержав томительного ожидания, формально процедуру нарушил, но не судите меня строго, ведь по существу нарушения не было, ибо я даже не пытался черепок со своим именем подменить.

Потом, успокоившись, уже наедине с сыном, Эгей стал укорять его, все время спрашивая со слезами, застывшими в этот день в сильно постаревших глазах:

– Ну, почему ты сам все решил, даже мне заранее ничего не сказал?! Ведь ты бросаешь меня в старости одного здесь на произвол беспощадных врагов!

– Я, как первый в Афинах герой, должен положить конец столь нечестивому возмездию, наложенному на Афины Миносом за смерть сына его Андрогейя, и я во что бы то ни стало убью другого его сына Минотавра.

Ответил жестко Тесей, разозленный несправедливостью отца, желавшего, используя свое царское положение, оградить собственного сына от участия в выплате живой дани. Однако, увидев, как страдает отец, внезапно совсем состарившийся, Тесей пожалел его и участливым тоном сказал:

– Отец, пойми, я не мог поступить иначе. Такова воля великих богов! Я слышал во сне голос Колебателя земли Посейдона, который, как ты сам знаешь, считается моим боже-

ственным родителем. Он прямо приказал мне самому плыть на Крит и там убить Минотавра и обещал, при этом, мне помощь.

Эгей, услышав про обещанную помощь могучего бога, воспрял, как ребенок, которого взрослые сначала обидели, а потом приласкали.

Тринадцать афинских матерей приготовили еду на дороге, а отцы, чтобы поднять дух своих детей, пригласили аэда, который, сопровождая своё пение игрой на лире, поведал несколько героических сказаний со счастливым концом.

Некоторые говорят, что Тесей уже при отплытии имел какой-то план действий потому, что с согласия родителей он заменил двух девушек женственными с виду юношами, с нежной, как у девушек кожей, покрытой первым пушком, с начатками груди и довольно широкими бедрами. Тем не менее, эти юноши при женственном виде и небольшом росте обладали недюжинной храбростью и мужским здравым умом. Им он наказал принимать теплые ванны, избегать прямых солнечных лучей, чтобы сохранить белизну кожи и стараться не отличаться от девушек ни осанкой, ни повадками и даже ходить девичьей поступью, при которой ягодицы по очереди упруго шевелятся. Так ему удалось обмануть Миноса и выдать двух юношей за девушек.

115. Тесей посещает Дельфиний

Когда метанье жребия было так необычно завершено, Тесей решительно забрал тех, кому он выпал – пять девушек и восемь юношей, из которых двое были очень похожи на девушек, им предстояло в женской одежде изображать девушек. Прежде, чем спуститься к уже ожидавшему кораблю, он решил посетить Дельфиний – храм Аполлона в восточной части Афин.

Пройдя из пританея, около которого производилась жеребьевка, в Дельфиний, Тесей положил за всех пред Аполлоном масличную ветвь. То была увитая белой шерстью ветвь со священного дерева, посаженного самой Афиной во время ее знаменитого спора с Посейдоном за Аттику. Это дерево не только давало лучшее масло и ветви для венков победителям, но и считалось еще и деревом судьбы.

В Дельфиние не было расселины в скале, откуда поднимались дурманящие испарения гниющих останков змея Пифона, не было и Пифии, восседавшей на знаменитом треножнике. Жрецами Аполлона обычно бывали мужчины, поскольку мужчины были жрецами богов, а женщины – жрицами богинь. Использование женских уст не было типичным для Фебовых прорицалищ, и Дельфы были одним из немногих исключений, таких, как Аргос и Ликийские Патары. В Афинах, так же, как и в Дидимах и Кларосе, где находились наиболее

известные оракулы Феба, пророками были мужчины.

Однако многое в афинском Дельфиние было устроено непосредственно по дельфийскому образцу. Здесь был жертвенник Посейдону, статуи всех трех Мойр, их предводителя Зевса-Мойрагета и конечно, же самого Аполлона, изваяние которого в рост человека было из чистого золота.

Тесею много слышал о знаменитейшем храме всей обитаемой Ойкумены в Дельфах, но ни разу там еще не был. Он не видел буйного экстаза прорицающей Пифии, и потому не был удивлен встреченному при входе спокойному, сосредоточенному жрецу, который стройной, как у юноши, фигурой и длинными золотисто – рыжеватыми волосами был похож на бога, вдохновляющего его. Казалось, что бог наделил жреца пророческим даром и сделал его причастным боговдохновенному и истинному пророчеству, связав его мыслительную способность с безмятежным сном. Поэтому не было необходимости разгадывать таинственные речения и видения Пифии, как в Дельфах. Жрец в Дельфиние был и прорицатель, и толкователь, и возвеститель воли бога. Точно так же и сам Аполлон был и толкователем воли великого Зевса, и его пророком. Этот жрец выбирался из числа самых достойных афинских фамилий и после годичного испытательного срока либо заменялся, либо оставался на пожизненную службу в храме.

Аполлон устами своего жреца повелел Тесею простыми и ясными словами:

– Внемли мне юный, но уже знаменитый герой! Речь моя будет понятна тебе. Отправляясь на Крит, ты должен взять себе в путеводительницы фиалковенчанную Афродиту. Только эта великая богиня озорному своему сыну Эроту, и то, если он ей будет послушен, сможет приказать дочери Миноса Ариадне к тебе милость склонить, стрелой своей ее ранив в сердце и в печень. Но и сам ты должен сделать все, чтобы понравиться Ариадне, ведь только по советам ее ты сумеешь и Минотавра убить, и с ее помощью найти выход из запутанного кносского Лабиринта, из которого только его строитель Дедал знает, как выход найти.

Выйдя из храма, Тесей по дороге к морю увидел на лугу чью-то привязанную к колу козу и взял ее, оставив хозяину на траве несколько драхм, которые были при нем. После этого он сразу стал готовиться к жертве милоулыбчивой Афродите и так ей жарко молился:

– О, золотая Киферея-Киприда, искусная не только в любви, но и в кознях! Могучим даром тебя одарили непреложные Мойры, отличая тебя среди всех других олимпийских богов и богинь. Ты покоряешь всех, и нет никого, кто настолько был бы могуч, кто смог бы все покоряющей власти твоей избежать. Ты правишь нашим и телом, и душой, и рассудком, проникая в нас вместе со стрелами Эрота дыханьем своих таинственных сил. О богиня богинь, весь твой вид столь отраден, твои очи мерцают в ореоле изогнутых дивно ресниц, с чистой душой призываю тебя и умоляю о помощи.

Прекраснейшая из богинь, вечно улыбающаяся, славная сладостным смехом, помоги мне стать любимым у дочери Миноса Ариадны и зажги ее ко мне страстью горячей! А я у алтаря жертву сейчас тебе принесу и песню в небо тебе вознесу. Я жертву приношу тебе сейчас впервые, но будь уверена, что для меня всегда ты будешь главной богиней. Я козьей кровью сейчас окроплю твой алтарь и в жертву тебе принесу тучные бедра этой рогатой козы, поскольку другого животного для жертвы нет сейчас у меня.

Говорят, когда Тесей на берегу моря приносил златовенчанной богине красоты и любви в жертву козу, животное вдруг обернулось козлом; отсюда и новое прозвище богини – «Козлиная».

Помолившись, Тесей с выбранной по жребию для поездки на Крит афинской молодежью спустился к морю. Все это происходило в шестой день месяца мунихиона, в который и ныне посылают в Дельфиний девушек с мольбою о милости.

116. Разные рассказы о плавании Тесея на Крит

Афиняне снарядили тридцативесельный корабль с изогнутым верхом, с высокой кормою и носом, на котором избранные по жребию 14 юношей и девушек, включая Тесея, под присмотром Миноса поплыли на Крит, не везя с собою никакого «оружия брани». Тесей сам себе выбрал жребий в

Кносский попать Лабиринт, чтобы убить Минотавра и его смертью конец ужасному возмездию положить.

Плутарх в «Тесее» говорит, что прежде у юношей и девушек, отправлявшихся на Крит, не оставалось никакой надежды на спасение, поэтому на корабле всегда был черный парус, как траурный знак неминуемого несчастья. Однако на этот раз Тесей так ободрил отца гордыми уверениями одолеть Минотавра, что Эгей дал кормчему еще один парус, белый, и велел поднять его на обратном пути, если Тесей уцелеет, если же нет – плыть под черным, возвещая о произошедшей ужасной беде.

Симонид же, включенный учеными Александрии в канонический список Девяти лириков, поет, что Эгей дал не белый, а пурпурный парус, окрашенный соком цветов ветвистого дуба, и это должно было знаменовать чудесное спасение. Вел судно Ферекл, сын Амарсиада.

По словам же аттидографа Филохора, Тесей взял у Скира с Саламина кормчего Навсифоя и помощника кормчего Феака, поскольку афиняне тогда еще не занимались дальним мореплаванием, а в числе подростков находился Менест, внук Скира. В пользу этого свидетельствуют святилища героев Навсифоя и Феака, воздвигнутые Тесеем в Фалерах подле храма Скира; в их же честь, заключает Филохор, справляется и праздник кормчих – Кибернесии.

Некоторые, подобно историку Клидему о плавании Тесея на Крит повествуют иначе. В то время среди греков суще-

ствовало твердое мнение, что ни одна триера не должна выходить в море, имея на борту более пяти человек. Лишь русокудрый герой Ясон, начальник «Арго» плывал во главе целой полусотни человек из Иолка в солнечную Колхиду за золотым руном, по пути очищая море от пиратов. Тесей, между тем, вопреки существовавшему среди эллинов мнению, тайно принялся строить большие корабли как в самой Аттике, но далеко от большой дороги, в Тиметадах, так и в Трезене, с помощью своего мудрого деда Питфея. Юный герой, помня об отправке Афинами живой дани на Крит в конце каждого Великого года, желал сохранить свои планы как можно дольше в тайне. Суда были готовы только после отправки очередной живой дани на Крит. Таким образом Тесей двинулся в путь с опозданием, проводниками ему служили критские изгнанники. Увидевшие подходящие к острову чернобокие корабли Тесея, критяне были хитро обмануты им. По его приказу с каждого корабля стали кричать, что они прибыли с соседних островов для участия в священных бычьих играх. Критяне ничего не заподозрили и, позволив людям Тесея беспрепятственно высадиться на берег, встречали их как друзей, многие, при этом, были без оружия. Поэтому Тесей, высадившись на берегу, занял без сопротивления гавань и, нисколько не медля, устремился к столичному городу Кноссу. Он завязал кровопролитное сражение у стен кносского дворца и у самых ворот Лабиринта, в котором убил царя вместе со всеми его охранниками, его сыну Девкалиону удалось

с острова бежать. Царская власть, согласно законам Крита, перешла к старшей дочери Миноса Ариадне, и Тесею, заключив с нею брачный договор и почетный для Афин мир, получил обратно афинских подростков. Так возник брак между Тесеем и Ариадной и дружеский союз между афинянами и критянами, которые поклялись никогда более не начинать друг с другом войну.

Клидем упоминает Лабиринт, но ничего не рассказывает о Минотавре. О плавании Тесея на Крит известно еще немало разных преданий, в том числе и ни в чем друг с другом не схожих.

117. Тесей на корабле защищает Эрибею

Некоторые, как Вакхилид, говорят, что, когда по происшествии 18 лет после убийства Андрогоя настало время Афинам отсылать живую дань в третий раз, Минос сам прибыл в Афины, и первое столкновение с ним у Тесея произошло на снаряженном афинянами корабле в то время, когда они плыли на Крит.

Итак, бурные волны, рассекая носом высоким, неся под свежим дыханием Зефира тридцативесельный корабль под парусом черным по критскому морю, и на нем плыл юный Тесей с другими афинскими юношами и юницами... И пока в угоду светлоокой дочери Зевса на мрачный парус Бореады во всю налегали, Афродита, таящая неисчислимые соблазны

в своем поясе Пестроузорным, сына своего Гимэрота призывала, чтоб он сердце Миносу пронзил пламенной стрелкой.

И вот яркий Гимер на золотистых крылах пролетает над морем и, бурный полет к кораблю устремляя, сердце Миноса поражает, когда тот смотрит на юную Эрибею, плывущую на Крит, как часть живой дани Афин. Тут же от золота крыльев Гимера вспыхнула в Миносе жажда плотского наслаждения, без которого нежеланна смертным ни жизнь, ни богатство, ни власть, и даже божественный удел незавиден. И все же между Эротом и Гимэротом большая разница, такая же, как между олимпийцами, стремящимися к вселенской гармонии и первобытными титанами, олицетворявшими дикие стихии природы. Если первый – это болезнь бессмертной души, причина тяжелой внутренней раны, то второй – это лишь похожее на голод желание бrenного тела.

Минос испытал к юной Эрибее сильнейшее влечение, которое происходит от стремления к наслаждению цветущей юностью. Он подошёл к прекрасной юностью пленнице и рукой похотливо коснулся нежной щеки девушки, но как поет Вакхилид, в ответ потомку Пандиона «Защити» юница громко завопила.

Засверкали, заметались по сторонам потемневшие до синего цвета Тесея зрачки; жало обжигающей скорби грудь ему пронзило, и он заорал:

– О, потомок Кронида, сильнейшего из богов! У тебя, видно, такие бешеные страсти в сердце бушуют, что ты про

совесть забыл, если вздумал глумиться над этой девой бесправной. От Судьбы своей мы тобой все равно никуда не уйдем, но с игом царского произвола ты лучше помедли пока. Вспомни, царь, что если ты потомок Зевеса, то и я не жалок рождением: Посейдону Питфеева дочь меня родила в Трезене и в чертоге вырастила богатым...

Тесей поморщил нос и губы, когда вспомнил, что никакой свадьбы его матери не только с Посейдоном, но и с Эгеем не было, но он подумал, что критский Минос этого знать не может и решительно продолжил:

– На пире брачном у невесты золотое было покрывало, среброногих Нереид подарок ей...

Юный герой понимал, что совсем безоружный, он не сможет справиться с Миносом и его вооруженной охраной, даже, если ему на помощь придут остальные тоже безоружные афинские юноши. Однако и позволять Миносу или его охранникам приставать с любовными ласками к девушкам было нельзя, ведь они могли пристать и к двум юношам, выдающим себя за девушек. Если откроется этот обман, то ни к чему хорошему он не приведет. Тесей мучительно искал выход из создавшегося непредвиденного положения, и тут, как это часто бывало в казавшихся безвыходными положениях, мимо него бог счастливого случая Кайрос промчался, нагло толкнув его плечом, чтоб на его пути не мешался. И юный герой, вспомнив, что лучшая защита – это нападение и наглость – второе счастье, уверенным в себе голосом заявил:

– Говорю тебе твердо, о, сотни градов повелитель, или ты сейчас же сам прекратишь над этой девочкой издеваться, иль пускай сиянья звезд мне больше не видеть, если я тебе позволю хоть одну из этих нежных девушек обидеть. Силу рук моих, лишь с виду не мощных, изведаете раньше, чем Посейдон, сотрясающий землю, так потопит этот корабль, что не утонем лишь мы – афиняне.

Так Тесей сказал и замолчал, угрожающе глядя на Миноса синими, как окружающее море, глазами. И замерли моряки и юные жертвы застыли пред этой отвагою дерзкой... Но Гелия зять, оглядев вдруг начавшее покрываться пенными волнами бескрайнее море, так не доверчиво говорит:

– О Зевс, о мой прадед могучий, с небес своих метни жгучую молнию в знак того, что меня, как потомка, любишь и слышишь! Ты же, афинский герой, коль точно Эфра тебя от Колебателя суши чернокудрого Посейдона родила в Трезене, вот эту златую красу, которая на моем пальце сияет, отважно в отцовский чертог снизойдя, достанешь нам из бурной пучины.

Минос свое кольцо в воду с силой бросает. В тот же миг внял горделивой молитве Кронид без меры могучий и правнуку, людям на диво, почет породил. Он молнией яркой брызнул из тучи, – и славою полный воспрянул царь Кносса, надменное его сердце взыграло, и мощную руку в эфир голубой воздел он, а речь высокомерно так зазвучала:

– Ты ныне узрел, афинский герой, как взыскан дарами

Зевса я, спустись же и ты смело за долей своей к Властителю тяжко гремящих морей, и, славой твоею бряцая, море пусть вокруг загудит коль ему повелит отец твой державный.

Тесей понял мгновенно, что, если он не достанет из моря кольцо Миноса, то его наглая дерзость будет жестоко наказана, и юный герой, не раздумывая, прыгнул через борт корабля и погрузился в воду вниз головой.

С лаской приемлет героя водный чертог, а в Миносе мужество тает: триеру велит он на веслах держать, и Тесею вдогонку кричит:

– Тебе ли, о смертный, Могучей Судьбы избежать?

И на волнах качался корабль чернобокий, покорный устам Бореады... И в страхе теснилась у борта молодежь афинян, все бросали тоскливые взгляды на пену морскую, в которой скрылся их предводитель герой. Из юных глаз афинянок горячие слезы сбегали порой в туманном предчувствии будущих тяжких насилий, но глаза юношей оставались сухими...

Мифографы говорят, что Тесея дельфины, быстрее питомцы морей, в чертог Посейдона мигом примчали. Там он златого Нерея узрел дочерей: тела их, как серебро, сияли... они хороводы водили и, мерным движеньем чаруя сердца, сребрились их, похожие на рыбы хвосты, гибкие ноги. Благочестивая супруга отца, почтила Тесея, в пурпур одев, и на русые кудри герою надела венец, а на палец – принесенное тружениками дельфинами кольцо Крита владыки...

Через много лет царь лапифов Пирифой говорил, что его

возлюбленный друг Тесея сам ему неоднократно рассказывал, что ему с кольцом Миноса просто повезло: место было не глубокое, вода прозрачная, на небе яркое солнце, и он, нырнув, сразу издали увидел блеснувшее золото на фоне зеленых морских водорослей. Кольцо не опустилось на дно и покоилось на переплетающихся стеблях высоких растений. Ему не потребовалось даже все его искусство выдающегося ныряльщика, чтобы взять в руку кольцо, он даже успел голову себе увенчать водорослями, как пальмовой ветвью.

И все на корабле узрели, что диво свершилось... для бога оно – простое желанье, для смертного великое чудо: у острой груди корабельной, – к горести и тяжким думам недоверчивого царя Крита, Тесей невредим появился... Эрибея и другие юницы, что утренней краше Зари, восторгом были объяты неожиданным, веселые крики подъяли, и море вокруг загудело, пеан их повторяя, что лился радостно и свободно из уст молодых...

Тесей взошел на корабль не только с кольцом Миноса на руке, но и с непустой головой – то ли с настоящей короной, возложенной на его голову самой Амфитритой, царицей морской, то ли с венком из морских водорослей, который он сам на себя водрузил. При этом то ли сереброногие nereиды, то ли дельфины, резвясь в воде и играя, проводили судно до самой гавани Кносса.

118. Тавр и Минос Второй

Другие о том, как Тесе́й нырял за кольцом, рассказывают иную историю, чем Вакхилид. Они говорят, что город Кекропа сам отправил на тридцативесельном корабле свою молодежь – 13 афинских подростков и Тесе́я на Крит к Миносу, который, не вылезая из носилок, встретил их чернобокое судно под черными парусами в кносской гавани.

Когда корабль с живой данью пришвартовался у высокого каменного причала, там кишела большая толпа критян, пришедших посмотреть на прибывших молодых афинян. Семейных девушек и семерых юношей, среди которых был и Тесе́й, вывели на пирс и оставили стоять под жарким критским солнцем. Зеваки шушукались и хихикали, многие заключали пари на их жизнь. Тесе́й был готов к смерти, но не был готов к позору, ибо к ним относились как к обычным презираемым всеми рабам.

Вдруг громко и резко взревел рог, и все головы повернулись вверх по крутой улице, откуда спускались люди с носилками. По тому, как расступилась толпа, можно было догадаться, что прибыли важные господа. Самым важным был кто-то в последних позолоченных носилках, который не вышел, а остался сидеть в них, чуть приоткрыв занавески.

За носилками подъехала богато прибранная повозка, на которой под балдахином на кресле, похожим на трон, сидел

смуглый грузный человек сильного вида в панцире и с мечом, но без шлема. По тому, как почтительно его все приветствовали, прикладывая ладони ко лбам, можно было понять, что это либо сам Минос, либо кто-то из его ближайшего окружения. Из разговоров в толпе Тесей понял, что это был не Минос, в повозке подъехал Тавр, военачальник Миноса и любовник его жены Пасифаи.

Тесей перед отплытием, расспросил ученых людей, углубил свои знания о Крите. Он узнал, что во время царствования Астериона на Крите, Зевс, похитив в Финикии Европу и перевезя ее на Крит верхом на быке, сочелся, возлежав с ней под платаном у Гортины, и та родила трех сыновей – Миноса, Радаманфа и Сарпедона.

Некоторые, как Диодор Сицилийский, говорят, что после этого Европа стала женой Астерия, царя Крита, который, будучи бездетным, усыновил сыновей Зевса, а затем и передал им по наследству царскую власть. Радаманф составил для критян законы, а Минос унаследовал царскую власть и женился на Итоне, дочери Ликтия, которая родила ему Ликастия. Последний, унаследовав царство, женился на Иде, дочери Корибанта, и та родила ему Миноса Второго, которого некоторые считают сыном, а не правнуком Зевса. Этот Минос Второй первым из эллинов создал мощный флот и установил безраздельное господство на море. Именно он женился на Пасифае, дочери Гелиоса и Криты, и та родила ему Девкалиона, Катрея, Андрогейя, Ариадну и Федру.

Тавр вышел из повозки и, не спеша, переваливаясь на коротких, толстых ногах, направился к пленникам. Он начал по – хозяйски ощупывать мышцы парней и заглядывать к ним в рот, как будто они были скакунами. Девушек же он бесстыдно хватал, словно они были дешевыми проститутками. Он сорвал хитон с Хризы – самой красивой из прибывших афинских девушек и стал похотливо щупать ее за обнаженные груди и ягодицы, сорвав с нее последние повязки.

Видевший все это Тесей не смог дольше сдерживать гнев и, как молния, кинулся к ним, но был тут же схвачен опытными в обращении с рабами воинами. Два огромных чернокожих ливийца схватили Тесея с двух сторон и вывернули ему руки так, что он не мог даже пошевелиться, не испытывая резкой боли.

Тавр подошел к Тесею, которого ливийцы держали лучше любых веревок и, взяв его, как мальчишку за ухо, подчеркнуто строго спросил:

– Кто это такой резвый? Как тебя кличут в твоем племени, варвар материковый?

– Мое имя Тесей, я – сын Посейдона!

С трудом сдерживая стоны от унижения и боли, ответил Тесей. Как он жалел, что оставил в Афинах свою железную палицу – трофей, завоеванный у «Дубинщика». Ведь условия Миноса, согласно которым, живая дань должна была отправляться на Крит «без оружия брани», можно было тайно нарушить и спрятать под мышкой изящную палицу Перифе-

та, как он спрятал под коленом подаренный Хироном кинжал.

119. Золотой перстень и корона

Некоторые говорят, что похотливый критский военачальник хотел овладеть девушкой прямо на пристани в своих силах.

Тесей резко выступил против него, бесстрашно заявив, что он как царский приемный сын и родной сын Посейдона не допустит оскорбления девственницы, прибывшей для служения божеству в Лабиринте.

Тавр надменно улыбнулся своими толстыми сочными губами и вдруг, гневно сверкнув сузившимися глазами, больно кулаком ударил Тесея по лицу. Юноша взвизгнул, как дикий кот и стал, как безумный вырываться из железных рук могучих ливийцев, и это ему удалось бы – от обильного пота он стал очень скользким, но третий чернокожий гигант набросил сзади ему на шею особую удавку для непослушных рабов, и у Тесея померкло в глазах.

– Ну, что ж, герой, если ты сын чернокудрого Сотрясателя земли Посейдона, то он поможет тебе достать этот перстень, а если нет, то ты утонешь. Если не хочешь в воду, то тебе прямо здесь сломают хребет и кинут твое искалеченное, но еще живое тело сегодня же в Кносскую крепость в жертву божественному Минотавру.

Тавр не спеша снял с указательного пальца правой руки массивный золотой перстень с печаткой в виде двойного топора и швырнул его в море. Толпа ахнула, предвидя скорую смерть одного из прибывших афинян. Опытные воины с копьями и мечами окружили безоружного Тесея плотным кольцом, оставив ему свободный проход к причалу, за которым скрылось в волнах сверкнувшее на солнце кольцо.

Тесей, для которого стыд и унижение были невыносимее смерти, не раздумывая с разбега бросился в воду. Герою показалось, что, когда он, проплыв шагов десять, набрал полную грудь воздуха и нырнул, то плыл вниз бесконечно долго, но дна все не было, а воздух в груди неудержимо кончался. Юноша понял, что он скоро уже начнет задыхаться, но вынырнуть без кольца он не мог. Ведь, если он не найдет кольца и не утонет, то ему сломают хребет. В висках гулко застучали молоты, а перед глазами поплыл кровавый туман.

– Я никогда тебя ни о чем не просил Посейдон! Помоги же сейчас мне перстень найти, если ты мне на самом деле отец!

Так молча взмолился задыхающийся Тесей, обращаясь мысленно к Посейдону.

– Я всегда охотно помогаю своим сыновьям. Поэтому я исполню три твоих желанья, и это будет первое твое желанье.

Раздалось довольное рокотание в голове Тесея, это был могучий голос морского царя. Юноше тут показалось, что его обняла прекрасная морская нимфа, посланная Посейдоном, и слилась с ним в дивном поцелуе, передавшим ему

большой глоток живительного воздуха. Одновременно она надела ему на палец брошенное Тавром кольцо, а на голову ажурную золотую корону морской богини Фетиды, которую ей подарила на свадьбу с Пелием улыбкалюбивая Афродита.

Воздуха, переданного с поцелуем среброногой Фетиды, Тесею хватило, чтобы подняться наверх. Когда на причале увидели вынырнувшего юношу с короной на голове, критяне изумленно вскрикнули, а афинские юноши и девушки радостно закричали.

Обессиленный Тесей, шатаясь, подходил к Тавру, и его опять обступили воины с копьями и мечами наизготовку. Один из них взял у Тесея перстень, но оставил корону. Перстень он тут же отдал, но не Тавру, а человеку в роскошных носилках, который полностью открыл занавески и с интересом наблюдал за происходящим, давая знаками рук указания слугам и воинам.

– А ты хороший ныряльщик, сын Посейдона, и Фортуна к тебе благосклонна. Ведь не только перстень ты на дне обнаружил, но и корону, потерянную в прошлом году Ариадной, ныряльщики много дней ее безрезультатно искали. Но все равно жить тебе не долго осталось. Будешь уже завтра плясать не с быком на арене, а с Минотавром в Доме Дедала. Уж очень ты резвый, варвар материковый!

Так сквозь зубы выдавил из себя Тавр и, по-прежнему с недоверием глядя на Тесея, сказал что-то охранникам на своем языке, показывая на него толстой волосатой рукой.

После этого он неспешно направился к носилкам, в которых восседал его царственный повелитель и муж его любовницы Пасифаи. Минос, выслушав Тавра, дал знак охране рукой и юных пленников, окруженных плотным кольцом воинов, повели в Кносский Дворец.

120. Проверка прибывших афинян на чистоту

Перед пленными афинянами открылись главные ворота Кносского Дворца, расположенного рядом со знаменитым детищем Дедала – Кносским Лабиринтом, и они, пройдя по нескольким коридорам, оказались в большом зале с алтарями Зевса и Посейдона. Охранники передали юношей жрецам, а девушек – жрицам и всех пленников раздели донага. Тут обнаружилось, что две девушки оказались юношами, но ничего страшного не случилось. Юноши объяснили свой обман тем, что девушек, умеющих хорошо прыгать через быков, для участия в Бычьих играх более пяти не нашли в Афинах. Отплытие корабля задерживать было нельзя и двух девушек тайно заменили юношами. Такое объяснение удовлетворило и жриц, и жрецов.

Жрицы проверили девственность пяти девушек и отсутствие у них месячных, а жрецы стали допытываться по очереди у восьми юношей, стоящих перед Тесеем, чисты ли они перед властительными подземными богами, не проливал ли

кто-нибудь из них кровь родственников и не прикасался ли к покойникам.

Тесей пребывал в большом беспокойстве. Больше всего его пугала неопределенность. По рассказам критских изгнанников и бывавших на острове ста городов моряков, прибывшую в качестве живой дани афинскую молодежь должны были сначала поместить на Бычьем дворе, где бы они регулярно тренировались для участия в бычьих плясках, которые являлись одновременно и священным ритуалом и главным развлечением критян. Тесей надеялся на Бычьем дворе многое узнать и подготовиться к встрече с чудовищным Минотавром, если он действительно существует в Лабиринте или в каком-то другом помещении.

– Ничего доподлинно я не знаю о нравах и обычаях Крита. Говорили, что Бычьи пляски очень важны для критян, и 14 афинских подростков нужны именно для этого ритуала и развлечения, на котором ставят ставки, проигрывая и выигрывая целые состояния. Этот мерзкий боров Тавр своим появлением в гавани и приставанием к девушкам нарушил все мои планы. Теперь я у них на особом учете, он что-то сказал обо мне охранникам, а те – жрецам. Кажется, он распорядился отправить меня не на Бычий двор для тренировок и плясок, а сразу в Дом Минотавра, где я должен погибнуть в пасти чудовища или от голода, заблудившись и не найдя выхода из тюрьмы – Лабиринта... Сейчас у меня будут спрашивать, чист ли я перед богами и что же мне лучше

ответить?! Правду сказать или солгать, придав искренность голосу и честность взору? Все наши девушки девственны, а юноши, насколько я знаю – чисты и, как я понял, они завтра будут направлены на Бычий двор, а пока помещены в охраняемые помещения... Меня же скорее всего, если я чист, могут сразу кинуть в Лабиринт, как священную жертву боже-ственному чудовищу, если же – нет, то меня должны прежде очистить... так или нет? И как они поймут правду я говорю или нет? – Конечно, у них есть бежавшие из Афин изгнанники, и потом многие критяне постоянно плавают в Аттику по торговым делам...

Так мучительно колебался и задавал себе вопросы Тесея, мысленно разговаривая со своим милым сердцем. Когда очередь дошла до него, юный герой решил отвечать честно и сказал:

– Я осквернил себя убийством двух своих братьев на Истмийской дороге, проходящей между двух морей. Оба они были разбойниками и злодеями.

Жрецы, услышав Тесея, пошли в соседнее помещение, как ему показалось – для проверки его слов или для совещания, и он стал кричать им вдогонку:

– Пройти очищение от скверны убийства родичей я не успел. Подоспела пора отличившейся в акробатике молодежи ехать сюда, а я – один из лучших прыгунов через быков... Можете проверить, что я – Тесея – сын афинского вла-дыки Эгея, а рос я в Трезене и там стал лучшим бычьим пля-

суном – прыгуном.

Жрецы совещались не долго. Появившись, они сразу повели Тесея к главной жрице, чтоб пройти обряд очищения от скверны кровных убийств.

121. Жрица Кносского дворца Ариадна

Главная жрица оказалась совсем юной. Возбужденному близкой опасностью Тесею показалось, что с нежного смуглого тела ее и из больших глаз с фиолетовыми зрачками свет изливался божественный, озаряя все вокруг таинственной неземной красотой.

Когда главная жрица увидела обнаженного Тесея, которому оставили одну лишь корону Фетиды, ее ни знавшая повязок высокая не по-девичьи округлая грудь с торчавшими кверху темно розовыми сосками стала вздыматься крутой волною. Тесей был красив лицом как божественный Аполлон, имел в меру широкие, но мускулистые рельефные плечи и тонкую как у девушки талию. Юный герой снял с головы поднятую с дна в гавани корону и почтительно предложил ее жрице с такими дышащими искренностью словами:

– Прими эту корону, как признание твой божественной власти и красоты и больше ее не теряй.

Когда глаза юного героя и еще более юной жрицы встретились, они оба вздрогнули, словно пламенная молния пронзила их тела одновременно.

Тесей стал мужчиной в 13 лет и оставил в славном Трезене немало внебрачных детей. В Афинах тоже редкую ночь он проводил в одиночестве. Юноше стоило больших усилий не воспользоваться дарами девства пятерых (две были заменены юношами) девушек, с которыми он отправился на Крит. Однако то, что происходило с Тесеем сейчас, он испытывал впервые в жизни. Его сердце бешено билось, он с трудом соображал, что происходит вокруг. Он ничего не видел перед собой кроме главной жрицы – старшей дочери Миноса Ариадны. Была ли это любовь с первого взгляда или его просто охватило неистовое возбуждение от близкой смертельной опасности он сам не знал и думал при этом не о любви, а о Минотавре, которого ему было необходимо во что бы то ни стало убить. От Ариадны зависело его ближайшее будущее и потому он пожирал ее влюбленными глазами, что было не трудно потому, что она была необычайно красива.

Ариадна в первый момент не могла понять, что ее больше поразило: корона морской богини, потерянная ею во время плаванья на священном судне в прошлом году, или этот прекрасный юноша, похожий ликом на лучезарного Аполлона. Дочери Миноса и Пасифаи было легче скрывать охватившее ее непривычное волнение потому, что она должна была совершить обряд очищения от скверны убийства. Жрец мощного телосложения взмахнул над головой привязанного теленка обоюдоострой секирой и почти совсем отрубил ему голову. Ариадна обагрила кровью жертвенного теленка свои

руки и руки Тесея, как бы вымывая с его рук кровью животного человеческую кровь, пролитую героем ранее.

После очищения кровью Ариадна, как главная жрица, повелительным взмахом ладони приказала всем отойти и, оставшись у алтаря Зевса вдвоем с Тесеем, тихо спросила у него кто он и откуда у него ее золотая корона. Тесей постарался придать себе вид, что он совсем заморожен ее телесной красотой и ореолом душевной чистоты и с томным взором в голубых, как летнее небо, глазах ответил, что его мать – трезенская царица Эфра, дочь царя Питфея, смертный отец – афинский царь Эгей, а божественный отец – Посейдон; корону же он нашел на дне моря в кносской бухте, и это замысел Мойры.

Тут Тесей услышал, как кто-то назвал главную жрицу Ариадной и, вспомнив, что ему предсказал жрец в храме Аполлона – Дельфиние, тихо, так, чтобы слышала только она одна, сказал, стараясь придать голосу еле сдерживаемую страсть:

– Ты прекрасна, словно сама Афродита, никто на земле не может сравниться с тобой.

Ариадна вспыхнула, темные, почти бордовые губы ее полу раскрылись и мелко задрожали, она вся горела, но была похожа на дрожащую от холода девочку.

Тесей же в это время мысленно молил Афродиту:

– Киприда могучая, мать самых страстных желаний, влюбленных богиня помощница! Сделай так, чтоб твой

огонь охватил ярим пламенем эту деву, пусть он возбудит в ней любовную страсть и желание ласки, пусть пренебрежет она этим святилищем и позабудет, что она здесь главная жрица. Пусть тебя одну она почитает и лишь твоей власти она будет покорна.

Кносская главная дева отвернула свое лицо в сторону, чтобы никто в зале по ее губам не догадался, какие именно слова она произносит, и стала говорить ему совсем тихо, чтоб слышал только он один:

– Мне сказали, что ты не понравился ни отцу, ни его военачальнику Тавру, обладающему властью не малой. Им не по сердцу пришлась твоя дерзость... и необычные способности – ты слишком долго был под водой и к тому ж именуешь себя сыном Энносигея. Они хотят это на деле проверить и сразу после очищения тебя одного приказали заточить в Лабиринт. Но мне ты понравился, и хочется мне руку помощи тебе протянуть. Когда за тобой запрут дверь Дома Минотавра, не отходи от нее ни на шаг. Веди себя тихо, чтобы брат быкоголовый мой не услышал, что ты в его Доме. Жди безмолвно меня, я обязательно приду и выпущу тебя из Дедалова дома, и бежать помогу – меня все на острове почитают, как главную жрицу и старшую царскую дочь.

– Прежде я должен убить чудовищного Минотавра...

– Каким бы он ни был, но он мой брат, и в этом я не буду тебе помогать...

Твёрдо ответила Ариадна, вмиг став суровой. В этот миг

Тесей не ушами, а сердцем услышал слова фиалковенчанной Афродиты:

– Вижу я, как ты меня высоко меня чтишь. Поэтому откинь все сомнения и опасенья! Я буду полезной пособницей в деле, о котором ты меня умоляешь. Сын мой резвый промедленья не знает, когда мать помочь попросит его, и он уж скоро будет на Крите и не минует его кипарисовая стрелка с зазубренным крючком на конце ни сердца, ни печени Ариадны. А пока ты сам ей проникновенно правду скажи, что любишь и мечтаешь жениться на ней – всякой девушке такое слышать приятно.

Тесей вспомнил как бессчетное число раз он девушкам говорил о любви. Он никогда не воевал с Афродитой рукой потому, что стал мужчиной сразу же, как только созрел и никогда не испытывал недостатка в девах и женах. Сначала это были все молодые, как на подбор, служанки Питфея, потом многочисленные незамужние трезенские красавицы – никто не мог отказать царевичу, только, что расцветшему пленительной юношеской красотой, стоило ему лишь о желании их любить заикнуться.

Придав дрожащую искренность голосу, юноша сказал с придыханием:

– Милая, мне был объявлен оракул, согласно которому, лишь, убив Минотавра, я смогу отсюда бежать... вместе с тобой и в Афинах жениться... едва я тебя увидел, как сразу, с первого взгляда влюбился и мечтаю только о том, чтобы

жениться на тебе.

А сердцу своему Тесей так не слышно сказал:

– Нет я не лгу ни ей, ни себе. Она действительно очень красива, и я был бы счастлив жениться на ней, хотя... я совсем не знаю ее, ведь она может оказаться красивым чудовищем, ведь и такие девы мне в жизни встречались... впрочем, сейчас ее любовь не цель для меня, а средство – похоже она единственная меня может спасти.

122. Эрот поражает своей стрелой Ариадну

Афродита Сосандра (помогающая) всегда помогала людям, которые были преданы ей и любви. Поэтому она сразу, как только Тесей первый раз к ней обратился, стала милого сына Эрота к себе призывать:

– Ну-ка, явись, озорник, ко мне в Палай Пафос! Тебя мать всюду ищет, негодник!

И бог любви не замедлил явиться на Кипр в главный храм Афродиты, золотистыми кудрями и крыльями на солнце блистая. Только запыхавшийся Эрот успел появиться и утомленный быстрым полетом на колени к ней устремился, как она, потрепав его пышные кудри и, нежное объятье с материнским поцелуем ему подарив, ласково так сказала:

– Сын мой, самый любимый! Ты – плодородное жизни спасенье, ты – сладость желаний и повелитель страстей, под

началом твоим все, что рождается. Сделай ныне так, чтоб Ариадна, главная кносская жрица, в сердце своем, ощутив факел твой и стрелу в печени, больше жизни полюбила юного героя Тесея и ему, не раздумывая, во всем помогала.

Громко засмеялся Эрот, резво спрыгивая с материнских коленей, и, схватив кипарисовую стрелу с зазубренным наконечником, горделиво заявил:

– Этой стрелою я и сердце, и печень Ариадны умечу, и она такой неистовой страстью к Тесею зажжётся; что вмиг обо всем на свете забудет: о родине, о родителе, о братьях и сестрах, и даже о богах, которым служит, как жрица.

Быстро над хребтом широкодорожного моря в вольном полете понесся проворный бог идалийский, и вот он на Крите уже в кносском храме. Невидимкой пробрался всех влюбленных вечно смеющийся бог, и звенят в колчане кипарисовые его стрелы с зазубренными наконечниками.

Некоторые удивляются – почему свои стрелы озорной бог любви изготавливает из кипариса, символизирующего печаль, скорбь и являющегося символом смерти? – Все очень просто: первые годы своей жизни малютка Эрот в полной неизвестности провел с матерью на Кипре. Он еще не был всеми признанным богом любви, и ему не подарили могучие Киклопы и Гефест серебряный лук с золотыми стрелами как Аполлону и Артемиде. Крошка Эрот, резвясь и играя, сам смастерил себе и игрушечный золотой лук, и маленькие стрелки из кипариса, давшего название Кипру потому, что

он всюду рос на нем.

Эрот лук золотой с виду игрушечный свой хватает и из колчана пернатую стрелу вынимает, полную и бурных восторгов, и горестных стонов. Никому не видимый он у тесевых ног кубарем завертелся и перья стрелы посреди тетивы привычной рукою приладил. Упругую тетиву оттянув правой рукой, Ариадне прямо в сердце и печень одной стрелой крошка-бог попадает, когда она на Тесея глядела, и тут же девушка вздрогнула, как от удара и дара речи на время лишилась. Сам Эрот, гулкий кносский храм невидимкой покинув, радуясь и громко смеясь, на крыльях белоснежных, которые делают людей легкомысленными, с острова ста городов обратно к матери в Старый Пафос на Кипр улетает.

Стрела же изоострая сердце девы пронзив, потом в ее печени прочно засела, застряла, зазубренным зацепившись крючком так, что вырвать ее невозможно. Ариадна безвольно застыла, ее большие глаза, чуть раскосые, с искрящимися темными зрачками, беспомощные взоры устремляли на встречу Тесею. Прочь улетели все разумные мысли. Забыла дева про все на свете, в раненной душе осталась одна сладкая боль, от которой было и радостно, и тревожно. Так бывает, когда кто-то, замерзнув, кинет в очаг слишком большую охапку сухих тонких веток, и быстро разгорающееся пламя ласково согревает в самом начале, но тут же сильно обжигать начинает. Так, в сердце Ариадны еще робко таясь, большая любовь зародилась, она и радовала ее и пугала. Смуглые

щеки ее то покрывались нежным румянцем, то вдруг сильно бледнели, грудь то сильно и часто вздымалась, то, как мертвая замирала. Ни о ком, кроме Тесея не могла думать дева, и непрерывно сама себе повторяла чуть припухлыми темно – красными губами:

– Всех он юной красотой милого лица и стройностью гибкого стана затмил, выглядит, как Аполлон, когда тот, Гиперборею покинув, на родной возвращается Делос; так и он, Афины покинув, словно бог лучезарный появился у нас на Крите.

123. Тесея запирают в Лабиринте

После завершения обрядов очищения от пленных юношей отделили Тесея. Афинская молодежь, прибывшая на Крит вместе с Тесеем, была разделена на две группы: девушек и юношей, которых заперли в две специально предназначенные для них в кносском дворце охраняемые комнаты. Жрицы по приказу их повелительницы Ариадны позволили двум юношам одеть их прежние женские одежды, и ничего не подозревающие новые охранники их заперли вместе с четырьмя девушками.

Тесея же без всяких объяснений схватили на выходе из храма, надели на него жертвенную повязку и повели к Лабиринту. Три воина, сопровождавшие юного афинского героя, осторожно открыли одну из створок массивной двустворча-

той двери из железа и меди, должно быть они боялись, что рядом окажется Минотавр и попытается вырваться из чудовищного своего храма. Убедившись, что за дверью никого нет, стражники грубо втолкнули туда обнаженного и безоружного Тесея, оставив ему только факел.

Когда тяжелую дверь со страшным скрипом, похожим на скрежет когтей огромного чудовища, заперли, Тесей почувствовал, как мерзкий липкий страх обволакивает все его тело, сжимает горло и грудь – было даже трудно дышать. С ним не было не только палицы «Дубинщика» и родового меча Эрехтеидов, но даже подаренного Хироном трехгранного кинжала, который он всегда носил под коленом и с которым никогда не расставался. Неизвестность, окружающий со всех сторон маленький факел мрак, собственная нагота и безоружность, и, конечно, страшные рассказы, слышанные о не имеющем выхода Лабиринте и обитающим в нем чудовищном Минотавре, действовали ужасающе.

Тесей хотел сразу погасить факел, чтобы не привлечь к себе чудовище светом раньше времени, но подумал, что в полной темноте будет совсем страшно. И все же он заставил себя почти полностью притушить факел, ведь при появлении чудовищного человекобыка ему все равно придется его откинуть и в темноте безоружному сражаться. Через некоторое время глаза юноши привыкли к полутьме так, что он стал различать контуры стен и своды арочных потолков в коридорах, по которым он, вскоре как заведенный, осторожно

ступая, стал ходить взад и вперед.

Он лихорадочно вспоминал, что слышал о Минотавре от бежавшего с Крита стражника, который не раз своими глазами видел его и мысленно повторял:

– Его рост превышает пять локтей и весит он больше, чем двое или трое сильных мужей... Это чудовище в темноте видит почти так же хорошо, как на свету, но, вроде, боится слишком яркого света... Как же без оружия мне с ним сражаться? Да еще в темноте, когда он меня видит, а я его – нет... Для него все здесь привычно... Если он появится предо мной прямо сейчас, мне надо попытаться его ослепить...

Эти мысли скакали, как неумные кони в голове у Тесея. Он сначала тихо стоял у двери, как сказала ему Ариадна, он даже старался тише дышать и слышал лишь гулкий стук своего сердца, сотрясавший все его тело. Но долго он не мог стоять неподвижно и стал, стараясь ступать совсем неслышно, ходить взад и вперед, чтобы унять дрожь в теле. Однако, чтобы не заблудиться, он не отходил от двери далеко, все время касаясь стенки одной рукой, а на обратном пути – другой. Когда он нашел крупную крепкую кость скорее всего какого-то животного, которое можно было использовать как дубинку, то не смог сдержать крик радости, который тут же постарался заглушить, чтобы не привлечь Минотавра.

Время шло, но Ариадны все не было, и Тесей начал думать, что она уже не придет, ведь с ней могло случиться все, что угодно – ее могли задержать, и она могла передумать ему

помогать, если Эрот ее стрелой по-настоящему не уметил. Странно, но когда юноша подумал, что ему лучше не надеяться не на кого, кроме как на самого себя, то он почти успокоился, а затем ощутил даже прилив сил и тихим шепотом стал внушать сам себе:

– Все не так уж и плохо, ведь я молод, здоров, по-прежнему ловок и силен. Недавно я справился с Критским быком, которого некоторые называют отцом Минотавра. Конечно, тот бык был просто огромным и сильным животным, а Минотавр, говорят – чудовищное божество. Да, нет у меня никакого оружия, но есть ловкие руки и быстрые ноги и, главное – это человеческая моя голова против его бычьей морды. Только не пугаться и не терять крепость духа! Когда он меня найдет, я могу прыгнуть на него, как дикая кошка и, обхватив ногами, прижаться к нему и пальцами вырвать ему оба глаза. Если он ослепнет, мне будет намного легче его убить, например, сломав ударом кулака ему горло, если оно окажется человеческим, а не бычьим. Куда еще его можно наиболее результативно ударить? Если ниже шеи он человек, то можно голенью его бить между ног или кулаком в центр груди, где отросток... Но, даже, если я не смогу его убить, я смогу долго от него убежать и уворачиваться, ведь, если он крупный, то значит не быстрый и не ловкий. Дверь когда-нибудь откроют, чтобы впустить еще кого-нибудь в качестве жертвы, я издали услышу ее громкий скрип и смогу подбежать и вырваться...

124. Любовь Ариадны

Наконец, обостренным слухом Тесей услышал, как поворачивается ключ и с металлическим страшным скрипом медленно начала открываться дверь. Он по уже хорошо знакомому коридору быстро подбежал и спрятался за створкой открываемой во внутрь двери потому, что не был уверен в том, что пришла Ариадна.

– Если это пришли воины, чтобы отдать кого-нибудь еще в жертву Минотавр, то одного из них, напав внезапно из темноты, я смогу убить ударом ладони по горлу. Остальных мы вместе с пленником победим потому, что мы будем драться за жизнь, а не за плату за выполняемую работу...

Так лихорадочно думал Тесей, стоя за створкой двери, которая открывалась так медленно, что юноше казалось, что время застыло на месте. Тут он услышал, как нежный испуганный девичий голос негромко позвал его. Юноша радостно понял, что это пришла Ариадна и, схватив двумя руками край дверь, стал ее открывать. Дверь оказалась очень тяжелой, и он понял почему девушка так медленно ее открывала. Когда створка наполовину открылась, он увидел Ариадну с коротким мечом на стройном девичьем бедре, с большим клубком каких-то веревок иль ниток в одной руке и факелом – в другой руке. Тесей схватил девушку в объятия и крепко прижал ее к себе, почувствовав своей обнаженной грудью

ее упругие груди, еле прикрытые тонкой прозрачной тканью. Голова героя вдруг закружилась от дурманящего запаха здорового юного тела, исходившего от девушки, в которую он, как ему показалось, влюбился с первого взгляда.

– Я не знаю, что со мной происходит. Сердце выпрыгивает из груди, когда я думаю о тебе, а думаю о тебе я все время...

Прошептала срывающимся голосом Ариадна. Тесей испустил нечаянный громкий крик радости и сказал, что тоже не может думать ни о чем, кроме, как о ней.

– Тогда не надо тебе искать встречи с моим чудовищным братом, ведь он может тебя милой жизни лишить, как лишил уже многих. Если это случится, то и я жить дальше не буду, ведь без тебя не будет в ней ни счастья, ни смысла. Я взяла тебе меч и клубок с нитью, но не хотела бы, если это возможно, чтобы и ты убил Минотавра, ведь его родила моя мать. Нам с тобой надо как можно быстрее с Крита бежать! А брат пусть по-прежнему сидит запертый в своем Доме.

– Феб-Аполлон в своем афинском храме объявил мне волю великого Зевса-Кронида, он сказал, что я должен плыть на Крит и убить там Минотавра. Только так можно положить конец позорной дани, которую Афины в виде юношей и девушек уже третий раз выплачивают Криту. Я чувствую сердцем, что, если не выполню этого приказа дельфийского бога, то дальше жить не смогу.

– Я взяла для тебя меч и нитки, но пойми милый – я не могу помогать тебе в убийстве Минотавра, ведь он мне

братом приходится. Многие его считают чудовищем и людоедом, мне же его очень жаль. Ведь все, что ни случается, происходит по воле богов, и это бессмертные внушили моей матери страсть к красавцу быку, если это он, а не Минос Минотавра родитель. Даже моя мать Пасифая точно не знает от кого Астерия родила, то говорит – от супруга Миноса, то от начальника стражи Тавра, то от дивного статью белоснежного быка, то от самого Посейдона. Когда я последний раз видела брата Астерия, его так раньше звали, мне показалось, что в его взоре была совсем не свирепая дикость, а страдание, как будто невыносимая скорбь терзала человеческое сердце его.

– Я слышал, что в жертву ему уже принесли 28 афинских подростков и сотни чужеземцев – путников, моряков, отставших от своих кораблей, преступников, рабов... А ведь это были все люди, такие же, как мы с тобой, у них тоже были родители, братья и сестры... Поэтому я должен положить конец таким жертвоприношениям чудовищу, которого некоторые называют божеством.

Горькие слезы по нежным девичьим щекам заструились обильно. В наступившей тишине было слышно, как они капали гулко на каменный пол, и, всхлипывая, как ребенок, она, как неприкаянная, твердила:

– О, почему такая нестерпимая скорбь безраздельно завладела моим девичьем сердцем, неужели я для несчастья родилась? Если ты в Лабиринте погибнешь, то и я умру от

страдания. Умоляю, не ходи к Минотавру, бежим сейчас в гавань, там ваш корабль уже готов к спуску на воду, и команда у весел в нетерпении тебя ожидает...

Жалость к себе и к возлюбленному Тесею из прекрасных глаз по-прежнему горячие слезы у нее исторгала. Все время страх за возлюбленного сердце ее словно клещами сжимал, по всему телу жгучим огнем проникая. Как только страх замершее сердце хоть на миг отпускал, так оно сразу трепетать начинало и биться в груди, словно пойманная в тенета птичка.

125. Клятва Тесея Ариадне

Тесей, казалось, Ариадны не слышал. Он, сдвинув брови, не отрываясь, смотрел на клубок с нитками в руках Ариадны и думал о своем так, что иногда даже губы беззвучно его шевелились:

– Ясно, зачем ты меч принесла, но для чего этот огромный клубок ниток таких толстых и крепких? Если бы это была сеть для ловли зверей, то я бы и сам догадался, что надо делать...

Увидев слезы Ариадны, Тесей встrepенулcя, и слова сами собой полетели из красиво очерченных губ русокудрого юноши с честными синими, как море, глазами:

– Милая, не надо плакать, слезы никогда делу не помогают. После того как я Минотавра убью, мы с тобой вместе на

корабль побежим и вместе на нем этот остров покинем... а зачем ты этот клубок принесла?

Смуглые щеки Медеи от внезапной радости румянцем покрылись, когда она услышала слово «вместе». Неизъяснимой прелести полные губы ее то открывались беззвучно и, казалось, что слова вот-вот с них сорвутся, то обратно, так и не сорвавшись, они в груди глубоко исчезали. Когда она услышала вопрос про клубок, слезы опять на глаза навернулись. И все время сбиваясь, и противореча себе, отвечать она стала:

– Без меча тебе не победить Минотавра. Давая тебе меч, я предаю брата и не дать его тебе я не могу. А потом тебе понадобится этот клубок, который мне дал искусный матер Дедал, Лабиринта виртуозный строитель. Держась за эту путеводную нить, ты к выходу всегда дорогу найдешь, куда бы ты не зашел в Лабиринте... О, как я несчастна! Страшное предчувствие одолевает меня. Чувствую сердцем я, что ожидают впереди меня лишь мучения и несчастья. Я ради тебя брата и отца предаю, подобно моей несчастной сестре колхидской Медее, а ты потом, как Ясон бросишь меня ради какой-нибудь Главки...

– Ну, что говоришь ты, милая Ариадна! Как ты можешь в любви моей сомневаться?! Если хочешь я прямо сейчас поклянусь, что всегда буду верен нашей любви. Будь мне свидетелем сам Зевс, из богов высочайший и лучший, а также мой родитель божественный Посейдон и богини Эринии, что

на земле и в Аиде страшно карают людей, клянувшихся ложною клятвой! Я никогда, ни ночью, ни днем, нигде о тебе не забуду. Когда мы с тобой в Афины прибудем, ты станешь там из всех жен в наибольшем почете. Словно к богине начнут афиняне к тебе относиться, ибо благодаря твоей помощи, я смогу победить Минотавра и их от страшной дани избавить. Если же клятва моя окажется ложной, пусть боги пошлют мне много страданий, как нечестивому клятвопреступнику!

Окончив клятву, Тесей вдруг сморщился потому, что почувствовал, что говорит не вполне искренно, но тут же упрямо сжал губы и про себя так подумал:

– Зевс не любил лгать, считая, что ложь унижает его царственное и божественное величие, но, когда дело касалось любви и ревности, он беззастенчиво и нагло лгал и даже клялся, хотя и не священной клятвой богов. По этой причине с тех пор не навлекают гнева богов клятвы, которые приносятся любовниками друг другу. Поэтому я сейчас должен думать не о том, чтобы клятву непременно исполнить, а о том, как мне победить Минотавра, а потом пусть будет, что будет.

Ариадне же Тесей вслух уверенным голосом повторил:

– Милая, я люблю тебя больше жизни и мечтаю на тебе жениться. Клянусь, что будешь всегда ты женщиной самой любимой моей, и я буду только твоим, пока оба мы живы будем с тобой! Ты мое ложе в супружеской спальне навсегда со мною разделишь, и ничто не будет нам разлукой в любви,

кроме смерти.

И чистое девушки сердце для светлого счастья открылось. Она протянула Тесею меч, факел и клубок ниток и озабоченно так сказала:

– Привяжи свободный конец этой нити к дверной притолоке, и брось клубок вперед, он прикатится к помещению в центре Лабиринта, где обычно обитает Минотавр. Если тебе повезет, и ты застанешь его спящим, то сразу же отруби ему голову... Боги, что я сейчас говорю! Ведь и Медея так помогала возлюбленному Ясону убить брата Апсирта! И что было потом?!

Горестно закричала Миноса старшая дочь и сестра Минотавра. Тесей, сморщив губы и нос, с досадой сказал:

– Ведь я уж поклялся...

На лице Ариадны появилась виноватая, какая-то жалкая улыбка, и она через силу продолжила:

– Если же он будет бодр, то запомни: его привычные к сумраку глаза боятся яркого света и этим факелом ты на некоторое время сможешь его совсем ослепить... Не потеряй во время схватки клубок, без него тебе не найти дорогу назад к этой двери. Поторопись, чтобы найти Минотавра до того, как факел погаснет. Я буду тебя ждать здесь.

126. Неудачное начало боя с Минотавром

Некоторые говорят, что клубок с нитью нужен был лишь для того, чтобы найти выход из Лабиринта, ибо все многочисленные замысловатые пути вели к центру Лабиринта, где находилось логово Минотавра. Поэтому жертвы божественному чудовищу без всяких нитей всегда к нему попадали. Дорогу же к выходу обычному человеку найти было почти невозможно, она много раз разветвлялась и пересекалась, и все эти бесчисленные разветвления и пересечения, переходящие друг в друга, часто заканчивающиеся тупиками, вели не к выходу, а, наоборот, только в центр Лабиринта.

Тесей привязал конец нити к притолоке, страстно поцеловал девушку в губы и, бросив клубок, быстрым упругим шагом пошел за ним, сжимая в одной руке меч, а в другой – факел. Сзади послышался тихий окрик и торопливые легкие шаги – его догнала Ариадна и, вытащив из волос заколку – кинжал, молча дала ее юноше. Это был изоострый, крепкий клинок с небольшой ручкой из кости слоновой, выглядевшей, как женская заколка для волос. Тесей страстно обнял девушку и стал покрывать ее лицо жаркими поцелуями, но она с неожиданной силой оттолкнула его от себя, чтобы не задерживать.

Тесей привычным движением прикрепил ремешком от

сандалии кинжал под правым коленом, где он всегда носил почти такой же нож, подаренный мудрым кентавром Хироном, и поспешил за клубком. Сейчас, ощущая на бедре меч, а на икре под коленом – кинжал, он почувствовал себя более уверенно, и все его прежние страхи показались ему просто смешными. Ведь ему уже приходилось в Трезене убивать и дубиной, и мечом, и лабрисом – обоюдоострой секирой огромных свирепых быков, которые предназначались для жертвоприношений. С тех пор как он это сделал впервые, он стал намного сильнее и опытнее и теперь ему предстояло убить даже не мощного быка, а получеловека – полубыка.

Юноше приходилось даже сдерживать себя потому, что он несколько раз наступал на быстро катящийся клубок, когда тот замедлялся на повороте, и при этом он чуть ли не падал и ударялся плечами о стены. Вдруг впереди послышался жуткий раздраженный рев, от которого у Тесея волосы встали дыбом, и он прошептал:

– Хорошо, что он не спит потому, что убить спящего, как советовала Ариадна, было бы подло... Ох, я совсем изолгался: лгу уже сам себе! Ведь я всю дорогу только и думал о том, чтобы застать его спящим и убить быстро так, чтоб не успел он проснуться!

Юноша, дрожа всем телом и задыхаясь от нетерпеливого возбуждения, бросился вперед, на рев, забыв о клубке ниток. Впереди, в полумраке он увидел силуэт огромного рогато-

го мужа, у которого в полутьме ярко горели красные глаза, как два больших раскаленных докрасна угля. Минотавр медленно шел навстречу бегущему к нему Тесею. Юноше показалось, что от тяжелых шагов чудовищного человека-быка дрожал каменный пол Кносской крепости, а от грозного рыка – вибрировали плотный воздух и даже стены из камня.

Тесей не чувствовал никакого страха, он начисто о нем позабыл. Он словно летел, едва касаясь носками сандалий каменных плиток пола.

– Только быстрота и точность первого удара поможет в этом сражении мне победить!

Сосредоточенно думал Тесей, устремившись к чудовищу. В последнем прыжке он замахнулся правой рукой, сжимающей меч и отбросил горящий факел, чтобы тот не мешал. Пытаясь разом покончить с Минотавром, юноша подпрыгнул слишком высоко для низкого потолка в помещении, служившем чудовищу логовом. Он намеревался сверху ударить мечом по толстой шее и отрубить рогатую бычью голову одним ударом, но конец меча ударился в сводчатый потолок и никакого удара не получилось. Чудовище наклонило голову, чтобы поддеть Тесея на рога, но юноша, отбросив ненужный в рукопашной схватке меч, успел руками схватиться за его мощные рога. Минотавр перекинул назад Тесея, и тот, едва не задев ногами за потолок, сумел перевернуться в воздухе и приземлиться на ноги.

– Не напрасно в детства я увлекался бычьими плясками.

Пригодилась мне сейчас таврокатáпсия.

Радостно промелькнуло в голове у Тесея, когда он выхватывал из-под колена заколку-кинжал. Он почему-то был уверен в своей победе, хотя сражение только начиналось. Минотавр быстро повернулся, но не бросился на юношу, сломя рогатую голову, а опять медленно пошел, сотрясая стены и пол, наклонив голову с горящими красными глазами и согнув мощные руки в локтях, как кулачный боец в поединке.

Тесей опять прыгнул навстречу чудовищу, намереваясь полоснуть ему по глазам изоострым крепким ножом. Он думал, что Минотавр сейчас схватит его могучими своими руками, как это делали с противниками более мощные борцы, но тот вдруг ударил кулаком его в левое плечо. Если бы Человекобык попал могучим кулаком, на бычье копыто похожим, юноше точно в голову, то схватка была бы закончена и не в пользу героя. Тесей упал, словно от удара падающим деревом, больно ударившись правым плечом, нож-заколка выпал из потерявшей силу руки, и вскочить он сразу не смог – слишком сильно удар его о землю швырнул.

127. Тесей побеждает чудовище

Тесей понял, что чудовище много сильнее его и в борьбе, и в кулачном бою, и у него нет никакой возможности победить в рукопашном сражении, а меч и нож где-то валялись в нескольких шагах сзади него. Чудовище, медленно крутанув

несколько раз рогатой головой, неспешно стало приближаться к с трудом поднявшемуся с пола герою. Было видно, что происходящее для Минотавра привычно, и он не спешил поединок закончить. Может быть, ему даже хотелось поиграть со своей жертвой, как кошке с мышкой – для развлечения.

Тесей не паниковал, он сосредоточенно искал выход из создавшегося положения и не находил.

– Главное, это не дать ему больше ударить меня или схватить. Может сразу бежать? Но куда? Без оружия, без клубка ниток и без факела? Проплутав без воды и еды несколько суток, я совсем стану слабым, и он меня съест, как сожрал уже сотни других... Что же делать?! Меч и нож где-то сзади, без огня быстро их не найти, а факел впереди, за спиной Минотавра, а клубок вообще неизвестно где... и где этот Кайрос, где мой счастливый момент?

Тесей на мгновение, как будто, впал в какой-то вдохновенный экстаз и ему показалось, что он увидел промелькнувшее тело обнаженного бога с локоном волос на лысой голове. Глаза Кайроса были почему-то закрыты... И тут герой вспомнил, что Ариадна сказала о боязни Минотавра яркого света.

Юноша из всех сил метнулся мимо чудовища к валявшемуся за его спиной факелу. Не ожидавший этого Минотавр поздно раскинул в стороны руки и не успел Тесея ни схватить, ни ударить, и герой завладел ярко горящим факелом.

Чудовище развернулось и, растопырив толстые пальцы,

раздвинуло руки почти во всю ширину коридора, чтобы в последнем объятии схватить героя и задушить, сломав ему позвоночник и кости сломать. Тесей не стал ни бежать, ни уворачиваться от чудовищного человека-быка, он, как сжатая пружина, ждал, когда враг подойдет ближе. И вот когда тот уже был готов сомкнуть когтистые мощные руки в смертельном объятии, юноша неожиданно поднял факел и быстро ткнул им Минотавру в бычью морду, стараясь попасть в глаза.

Чудовище в первый миг захрипело, а потом страшно замычало – завыло, и от этого мычания – воя у героя по всей коже появились мурашки, и волосы опять стали дыбом. Тесей понял, что Минотавр ослеп, хотя бы на время потому, что его руки сомкнулись в воздухе, и он, поворачиваясь влево и вправо на месте, продолжал ими хватать воздух, как это делал бы слепой.

Тесей, воспользовавшись предоставленной ему передышкой, освещая факелом пол, кинулся туда, где по его расчетам должны были валяться меч и нож Ариадны. Ревущий Минотавр медленно продвигался к Тесею, выставив одну руку вперед, а другую – прижимая к левому глазу.

– Кажется, я ослепил его на один глаз.

Тут герой, наконец, увидел нож-заколку и бросился к нему. Когда нож оказался в правой руке Тесея на его левое плечо обрушился сильный удар. Минотавр, видно оправился от ослепления светом факела и тоже увидел лежавший у сте-

ны нож. Он одним прыжком оказался над склонившимся за ножом Тесеем и ударил его. Удар был не слишком сильным, и Тесей только упал на колени, но факел улетел из левой руки далеко. В наступившем полумраке чудовище нагнулось и попыталось схватить Тесея за горло. Герой чуть повернулся так, что его лицо уткнулось в живот Минотавру. Одновременно он прижал подбородок к груди и вонзил нож в пах человекобыку. Пальцы Минотавра сомкнулись на горле Тесея, но тот выпрямляясь, ножом вспорол живот чудовища до самого верха и отвернув от груди, обратно полоснул ножом вниз.

Минотавр сумел обхватить своими сильными пальцами горло Тесея, втянувшего шею в плечи и прижавшего подбородок к груди, но сильно сжать пальцы уже не смог. Тесей успел воткнутым по ручку ножом прочертить в животе чудовища смертельный треугольник – снизу вверх и вправо, потом влево и вниз, и огромный ком вонючих кишек вывалился наружу вместе с лезвием ножа.

У Тесея помутилось сознание от удушья и вони, но он, вытащив из живота чудовища нож, несколько раз попытался вонзить его лезвие в грудь Минотавра, туда, где должно было быть сердце, но каждый раз попадал в мощные ребра. Колени чудовища подкосились, и он медленно опустился на свои кишки, выпустив из обессиленных рук голову Тесея. Юноша понял, что он победил и, шатаясь, пошел к догорающему в нескольких шагах факелу и поднял его левой рукой. Рядом

он нашел меч и, прицепив кинжал под колено, поднял его. Теперь он был во всеоружии.

Тесея осторожно приблизился к прислонившемуся плечом к стене Минотавру, молча стоящему на коленях с опущенной головой, и попытался получше его рассмотреть. У чудовища из-за толстых широких губ и большого широкого носа лицо было действительно на бычью морду очень похоже и без рогов.

Прочувствовав свет факела, Минотавр медленно поднял голову. Похожие на щетину короткие белые волосы вокруг глаз были опалены огнем факела, веко левого глаза было разорвано и кровоточило, но оба глаза были целы, они больше не горели ярким красным огнем, они медленно потухали, как два тлеющих уголька в затухшем костре. Тесею вдруг показалось, что в его больших не бычьих, а человеческих глазах застыло какое-то болезненное выражение, похожее на какое-то особенное наслаждение, как будто он давно жаждал и мечтал о смерти, как избавления от нестерпимо – мучительной жизни и, наконец, оно свершилось.

– Добей меня, умоляю.

Глухим голосом с трудом выговорил Минотавр, глядя на Тесея совсем потухшими глазами. Юноша вдруг с удивлением ощутил острое чувство жалости к тому, кто недавно казался таким ужасным чудовищем, людоедом, и он, сморщившись, размахнулся и сильным, точным ударом меча отсек ему рогатую голову, ведь шея у него была не мощная, как

у быка, а, как у обычного человека.

128. Другие рассказы о Минотавре

Некоторые о самом великом подвиге, совершенном Тесеем, рассказывают иначе. Многие сходятся во мнении, что Тесея убил в Лабиринте Минотавра, но спорят о том, как он это сделал.

Одни считают, что герой зарубил чудовище мечом или заколол кинжалом, когда тот с разбегу воткнул рога в стену и не мог сразу их вытащить. – Если это так, то из какого же материала были стены пещеры?

Другие уверены, что и на этот раз с Тесеем была его железная палица, и именно ею он убил чудовище. – Ударами палицы или кувалды по черепу быка легко оглушить, но убивают его обычно мечом или ножом в сердце или перерезая горло.

Есть и такие, которые, как Аполлодор, говорят, будто Тесея настолько превосходил человекобыка в силе, что убил его голыми руками: найдя Минотавра в самой отдаленной части лабиринта, Тесея набросился на него с кулаками и убил его. – В этом случае в величайшем подвиге Тесея нет ничего героического, ведь убить слабого противника не трудно.

По рассказу Павсания, скульптурный фриз в Амиклах изображает связанного Минотавра, которого ликующий Те-

сей ведет в Афины, однако не все верят, что все было именно так. Скорее всего, в последнем случае путают Минотавра с его отцом – Критским быком, которого Тесея действительно стреножил веревкой и живого привел в Афины.

Сами критяне, говорят, что Лабиринт был обычной тюрьмой, где под охраной содержали заключенных. Царь Минос устраивал священные Бычьи игры в память об Андрогее, в которых традиционно в качестве бычьих плясунов (хватавшихся за рога прыгунов через быка) участвовали афинские подростки, содержащиеся под стражей и тренирующиеся на Бычьем дворе. Эти, по сути, акробатические игры с огромным разъяренным быком пользовались не только на Крите огромной популярностью. С материка и с большинства соседних островов на Бычьи игры приплывало много желающих их не только посмотреть, но и сделать ставки на то, сколько продержится живым тот или иной «бычий плясун».

Те же критяне, подобно Плутарху в «Тесее», рассказывают не о Бычьих играх, а о гимнастических состязаниях, на которых обычно побеждал военачальник Миноса Тавр, муж не очень высокий, но чрезвычайно сильный. Когда по прибытии очередной живой дани с Тесеем, царь назначил день состязаний, все ожидали, что Тавр опять всех победит. Мысль эта была ненавистна многим критянам: одни – свободолюбивые – тяготились могуществом Тавра из-за его грубости, другие – благочестивые – подозревали его в близости с царицей Пасифаей, неразборчивой в любовных связях. Гово-

рят, стареющий, больной царь знал об измене жены с начальником его стражи, но побаивался могучего Тавра. Вот почему, когда Тесей попросил разрешения участвовать в состязаниях, Минос сразу согласился. На Крите женщины вместе с мужчинами могли смотреть разные игры и состязания. Старшую дочь Миноса и Пасифаи Ариадну, бывшую главной жрицей Кносского храма, потрясла необычайная красота Тесея и восхитила его блистательная победа над всеми соперниками, включая Тавра. Ведь юный афинский герой и победил всех красиво – не грубой физической силой, а смелостью, ловкостью и быстротой. Радовался и Минос, в особенности – унижительному поражению своего ненавистного военачальника. Царь вернул Тесею всех афинских подростков из последней партии живой «дани» и великодушно освободил Афины от уплаты этой дани в грядущем.

Плутарх в «Тесее» так же говорит, что по-своему, ни с кем не схоже, повествует об этих событиях Клидем, начинающий весьма издалека. По его словам, среди греков существовало общее мнение, что ни одна триера не должна выходить в море, имея на борту сверх пяти человек. Когда Дедал на небольшом корабле бежал в Афины, Минос, вопреки обычаю, пустился в погоню на больших судах, но бурей был занесен в Сицилию и там окончил свои дни. Его сын Девкалион, настроенный к афинянам враждебно, потребовал выдать ему Дедала, в противном же случае грозился умертвить заложников, взятых Миносом. Тесей отвечал мягко и сдер-

жанно, оправдывая свой отказ тем, что Дедал – его двоюродный брат и кровный родственник через свою мать Меропу, дочь Эрехтея, а между тем принялся строить корабли как в самой Аттике, но далеко от большой дороги, в Тиметадах, так и в Трезене, с помощью Питфея: он желал сохранить свои планы в тайне. Когда суда были готовы, он двинулся в путь; проводниками ему служили Дедал и критские изгнанники. Ни о чем не подозревавшие критяне решили, что к их берегу подходят дружественные суда, а Тесей, заняв гавань и высадившись, ни минуты не медля устремился к Кноссу, завязал сражение у ворот Лабиринта и убил Девкалиона вместе с его телохранителями. Власть перешла к Ариадне, и Тесей, заключив с нею мир, получил обратно подростков-заложников; так возник дружеский союз между афинянами и критянами, которые поклялись никогда более не начинать войну.

Есть совсем уж маловероятный взгляд на битву Тесея с Минотавром, согласно которому Минотавр был несчастным пленником жестокого царя Миноса, и конец его мучениям положил ничего не знавший герой Тесей.

Палейфат доказывает, что Бык не мог покрыть залезшую в деревянную корову Пасифаю потому, что всякое четвероногое животное перед случкой обнюхивает органы размножения другого и только потом покрывает его. Кроме того, женщина бы не выдержала, если бы на нее взобрался взрослый бык, и не могла выносить в себе зародыш даже с небольшими рожками. Истинным Палейфат считает такое объясне-

ние: Минос страдал болезнью члена, а в его свите был красивый юноша Тавр, который сошелся с Пасифаей, и она родила от него уродливого сына. Минос убить ребенка, названного Минотавром, не решился и отослал его в труднодоступные горы. Минотавр вырос совсем диким и не знал даже огня. Жил он в неприступной пропасти, где питался в основном горными козами, мясо которых он поедал сырым. Когда же Минос хотел казнить кого-нибудь, он сбрасывал этого человека к Минотавру в пропасть, из которой выбраться было без посторонней помощи невозможно, и тот его убивал и пожирал точно так, как козу. Захватив прибывшего из не дружественных Афин Тесея, Минос приказал сбросить и его к Минотавру. Тогда дочь Миноса Ариадна, влюбившаяся в юного красавца Тесея, дала ему меч и привязанную наверху веревку, с помощью которых тот без особого труда убил Минотавра и выбрался из пропасти. Поэты же обратили эту обыденную историю в совсем невероятную потому, что чем более несусветные пишутся выдумки, тем сильнее их любят читатели.

Со временем подвиги Тесея стали показывать на сцене, и актер, игравший Минотавра, делал это в маске быка с настоящими рогами. Пролетали столетия, и некоторые стали говорить, что никакого Тесея и Минотавра на самом деле никогда не было, что это литературная выдумка, легенда, миф, и чудовищный полубык, получеловек – это с самого начала был актер в бычьей маске.

129. Тесей выходит из Лабиринта и освобождает афинскую молодежь

Когда до Тесея донесся далекий крик, искаженный и ослабленный многими разветвленными коридорами и переходами юноша вспомнил о ждущей его Ариадне. Схватив меч и факел, он кинулся искать ставший совсем маленьким клубочек с ниткой, данный ему влюбленной Миносидой, но не нашел его там, где ожидал. И вот тогда Тесея охватил настоящий страх – он опять представил себе, как будет долго и мучительно умирать от жажды и голода в этом ужасном Лабиринте, из которого выход найти было невозможно. Почувствовав, как сердце временами замирает и колени подгибаются от холодного липкого страха, а в животе и в груди что-то обрывается, он заставил себя сесть на землю и успокоиться. Он понял, что если будет суетиться, то потеряет самое драгоценное – время. Потухнет факел, и это будет началом ужасного конца – ему будет ни за что не найти маленький клубочек, величиной чуть больше кольца, даже если тот будет рядом с ногой.

Тесей вернулся к трупку убитого Минотавра и, заставляя себя идти не спеша и запомнить дорогу, пошел по одному из коридоров. Пройдя сто шагов, он вернулся к телу чудовища и пошел по другому коридору. Факел горел все слабее, но Тесей не суетился и не позволял себе ни одного не обду-

манного лишнего движения. Он понимал, что стоит ему запаниковать и броситься пока горит факел бежать по одному из коридоров без нити Ариадны и он погиб, притом позорной, мучительной смертью от истощения сил, жажды и голода! Или еще раньше он сойдет с ума от безысходности и окружавшего мрака. Юноша сжал всю свою волю в кулак и планомерно проверял все возможные пути, держась руками за стены и, вот, когда факел уже не горел, а чуть тлел, наконец, увидел маленький клубочек.

Тесей откинул ненужный факел и, бережно взяв комочек, начал осторожно наматывать на него драгоценную нить. Герою пришлось двигаться в полной темноте, выставив держащие клубок руки, перед собой, чтоб не наткнуться при поворотах на стены. Он не страшился беспросветного мрака, но боялся, что от резкого движения натянутая нить может порваться и тогда конец. К счастью для Тесея нить, изготовленная искусным мастером Дедалом, была очень крепкой и не порвалась, когда он десятки раз натыкался в кромешной тьме на лежащие на полу разные предметы: неровности дороги, камни, палки, кости. При этом он часто падал, в том числе, и назад, но клубок из рук ни разу не выпустил потому, что понимал, что найти его в полной темноте будет очень не просто.

Некоторые, как Эратосфен, говорят, что Тесей смог выйти из Лабиринта с помощью нити Ариадны и с помощью ее же венца. Этот венец был сделан Гефестом из огневидного

золота и индийских камней, и он испускал свет и сияние, которые помогли герою найти выход из Лабиринта.

Кажется, поэт и провидец Эпименид говорит, что, когда Дионис, еще до появления на Крите Тесея, пришел к Миносу, желая обольстить очень понравившуюся ему Ариадну, он дал ей этот дивный венец в подарок. Другие же, которых большинство, рассказывают, что венец был подарен Ариадне намного позже, на ее свадьбе с Дионисом, когда после убийства Минотавра она бежала с Тесеем с Крита и была им вероломно оставлена на острове Наксос.

Ариадна помогла Тесею выйти из Лабиринта, но не подаренным ей венцом, испускавшим свет и сияние, а своим голосом. Она уже давно время от времени кричала, чтобы помочь ему отыскивать обратную дорогу к единственной двери, через которую можно было выйти из Лабиринта. Эти крики прекрасной девушки очень ободряли Тесея, который ни в чем не был уверен, ведь клубок мог не привести к выходу, просто, порвавшись. Кроме того, юноша очень боялся провалиться в сухие колодцы, соединяющие по вертикали коридоры разных уровней, которые он видел при свете факела по пути в центр Лабиринта. Сейчас же он шел в полной тьме и старался все время касаться плечом стены, поскольку отверстия колодцев находились в коридорах по центру.

Эгеид каждый раз радостно отвечал Ариадне криком. Особенно его радовало, что голос девушки становился все громче и ему очень хотелось, вытянув перед собой руки бе-

жать, но двигаться в полной темноте быстрее он не мог, боясь разбиться о стену на повороте или провалиться в колодец. И вот за очередным поворотом он увидел рассеянный тусклый свет и пошел немного быстрее. Свет становился все ощутимее, и Тесея пошел побыстрее. Наконец, он увидел Ариадну, освещенную светом, прорывавшимся из щели не полностью прикрытой двери и, не в силах более сдерживаться, с радостным криком устремился к ней.

Ответив на страстный поцелуй Тесея, рассудительная девушка остудила его пыл, сказав, что сделана только половина дела. До рассвета осталось совсем мало времени, а им надо было успеть на корабль. Она сказала так же, что Минос почти каждый день как – то общается с Минотавром через какую-то сделанную Дедалом трубу и встревожится его долгим молчанием.

Тесея, конечно, не сомневался в том, что критский царь не простит ему убийства божественного сына, ведь именно благодаря ему, в последние годы он внушал страх и уважение соседним племенам и народам. Выскочив из дверей Лабиринта, юноша и девушка бросились к кносскому дворцу, в двух комнатах которого были заперты афинская молодежь, прибывшая на Крит вместе с Тесеем.

Ариадна, которую знали все стражники, одна подошла к двери царского дворца и встала так, чтобы стражник повернулся к ней лицом и оказался спиной с скрывавшемуся в предутренней темноте Тесею. Герой тихо подкрался к страж-

нику, занятому разговором с царевной, и убил его точным ударом кинжала под лопатку. Он снял с убитого одежду и доспехи и надел все на себя. Поэтому освободить афинских юношей и девушек было не трудно. Тесей вместе с, как будто, охраняемой им Ариадной подходил к страже, дежурившей у комнат с юношами и девушками, и убивал стражников.

Алая заря еще не начала лить росу из своих двух сосудов на многодарную землю, а только лишь начала разгонять мрак ночной своим сполохом алым, как бывшие афинские пленники вместе с критской царевной, что было сил, неслись по широким ровным улицам Кносса в бухту к своему кораблю.

130. Тесей с Ариадной бегут с Крита

На корабле оставалась команда моряков, доставившая из Афин на Крит Тесея и 13 афинских подростков. Кормчим судна был сын Посейдона и Перибей Навсифой (стремительный мореплаватель) – вождь морелюбивых феаков, которым долгое время покровительствовал сам Посейдон, пока они не разгневали его своей помощью Одиссею.

Ферекид Сиросский сообщает, что пока феаки спускали вытасенный на берег корабль на воду и потом ставили мачту для паруса, Тесей вместе с другими афинскими юношами успел пробить дно у всех готовых к плаванию критских судов, чтобы лишить критян возможности преследовать беглецов по морю. Юноши взяли буравы, а те, кому сверл не хва-

тило, вооружились острыми ножами. Они тихо подбирались к критским кораблям, наиболее готовым к отплытию и делали в их днищах или нижней части бортов отверстия. Когда на берегу прозвучал сигнал тревоги, корабль Тесея уже на веслах вышел на глубокое место и ставил черные паруса.

Говорят, при выходе из гавани беглецам пришлось вступить в бой с критянами, возглавляемыми военачальником Тавром, которые перегородили им путь в открытое море. Бой был коротким, но жестоким. Тесей быстро понял, что критяне не питают к ним непримиримой вражды, и все дело в их мстительном начальнике Тавре, который затаил злобу на Тесея за позорное поражение от него в гимнастических состязаниях. Он приказал всем, у кого был лук, стрелять только в Тавра, и вскоре одна из стрел, попала военачальнику в горло, и глаза его мраком багровым покрылись. Страшно Тавр захрипел, умирая, как бык, которого тащат в жертву Посейдону вокруг алтаря.

Как и ожидал юный герой, некоторых подчиненных теперь уже мертвого Тавра, охватил страх, и они побросали оружие, и сами, как дельфины попрыгали в воду. Другие же просто не пожелали сражаться и гнаться за пленниками, и афинянам удалось выскользнуть в открытое море. И вот чернобокий корабль под всеми парусами, словно чернокрылая птица по лазурному небу, летел по хребту широкодородного моря все дальше и дальше от стоградного Крита.

Некоторые говорят, что, победив Минотавра и похитив

Ариадну, Тесея отправился на родину, но отплыв в темноте, сбился с пути и прибыл на остров, который назывался тогда Дия, а ныне называется Наксос. Тесею и Ариадне, бежавшим с Крита, пришлось причалить к нему, чтобы пополнить запасы пищи и воды.

Впереди них, крича и пылая, летела крылатая Осса (молва, вещий голос), богиня, рожденная грозной Эридой. Эрида или сама мать земля Молву породила, быстротой ее наделив и необычайной резвостью крыльев. Проворней Молвы никого нет на свете, она все везде видит и слышит, что в небе высоком творится, в море вечно шумящем и на широкодорожной земле, – все в мире ей надобно вызнать и людей как можно быстрее обо всем известить! Алчна Осса не только для правды, но и до кривды и лжи, и напрасно она часто души людские морочит. Так впереди Тесея тысячеустая Слава пернатая быстро летела и рассказывала всем о его подвиге самом великом – о его победе над быкоголовым чудовищем Минотавром.

Поэтому Тесея и его возлюбленную Ариадну встретили на острове Дия – Наксосу с великим почетом. Как только они сошли с корабля, их посадили на носилки и отнесли во дворец, где поле купания в одетой мрамором ванне и умащивания тела благовонными маслами нарядили в богатые одежды и отвели в царскую спальню. На следующий день на этом большом и богатом острове справляли праздник в честь Диониса, который сам посадил здесь некогда виноград.

131. Вакханалия на Наксосе

Утром всех разбудила громкая музыка и пение. Тесей и Ариадна вместе с царем и царицей Наксоса и остальным им подвластным народом сошли к морю. Вокруг все плясали, пели и радовались. Сатиры, вечные спутники Диониса, из мехов разливали по чашам и кубкам неразбавленное вино, которые тут же передавалось из рук в руки.

Тесей и Ариадна после пережитых потрясений на Крите тоже не отставали от других, и, ликуя вместе со всеми, пили вино искрометное, наполняя чашу за чашей. Все, что случилось в Лабиринте, перед внутренним взором Тесея вновь и вновь представлялось.

Женщины с восторженными криками бросились в воду, сняли бога с парусной лодки и на руках понесли на берег. Развеселившуюся Ариадну толпа женщин словно оторвала от Тесея, и она была одной из первых, кто дотронулся до Диониса. Музыка и песни слились под аккомпанемент бубнов в ритмичный грохот, и все мужчины и женщины извивались и дергались в едином ритме танца. Многие женщины начали срывать с себя все одежды и рядиться в шкуры животных, обвивались плющом и виноградными лозами. Мужчины тоже натягивали на себя шкуры, на головы надевали бычьи рога, а к паху привязывали огромные фаллосы из свернутой в трубку кожи козлов. Фаллосы болтались в такт дерганьям

и прыжкам и вызывали дикий хохот, крики и непристойные шутки.

Дионис, плывущий на женских руках над толпой, тоже что-то кричал и, приняв из чьих – то рук очередной кувшин с вином немного отпивал, а остальное разбрызгивал вокруг себя. Полуодетые в накинутые шкуры и совсем раздетые женщины с распущенными волосами и дикими глазами пытались ловить ртами брызги вина. Вино попадало им на лица и тела, и они растирали его руками и царапали до крови себя ногтями, затем хватали кубки с вином из рук сатиров, везде снующих, и пили, пили, пили.

Больше всех бесновались сатиры и менады. Опоясанные змеями, они все сокрушали на своем пути, охваченные священным безумием. С воплями "Вакх!" они славили Диониса – Бромия, неся повсюду разрушения. Многие женщины, малых детей несли на плечах, не подвязав, и, удивительно, что на землю малютки не падали. Все, что хотели, на руки они могли поднять, казалось, тяжесть им не противилась. Они били в тимпаны и, упиваясь кровью растерзанных диких зверей, вырывали с корнями небольшие деревца и увлекали за собой орудия толпы женщин и мужчин.

Тесей вначале тревожился за Ариадну, и безуспешно пытался ее найти среди беснующихся женщин, но затем под влиянием выпитого буйное веселье охватило и его. Он, наконец, только теперь смог полностью отойти от страшного напряжения, испытанного в Лабиринте, когда он шел по неиз-

вестным коридорам почти в полном мраке в ожидании нападения ужасного чудовища. От выпитого вина теплота разливалась по телу, и приятно шумело в голове, а в висках ритмично стучали барабаны, наполняя тело бодрой силой.

Какая-то оказавшаяся рядом совсем молоденькая очень красивая менада внезапно обхватила шею Тесея и стала его сильно и нежно целовать, а затем срывать с себя и с него остатки одежды. Когда на нем совсем ничего не осталось, вакханка с визгом вырвалась от него и бросилась с задорным криком, все время призывно оглядываясь, бежать. Тесею, опьяненный вином и всеобщим веселием, погнался за ней и когда догнал на полянке в прибрежном лесу, она сама повалила его на траву, и они сплелись как пара змей в тесный клубок и вскоре провалились в небытие.

В течение этой ночи Тесей больше не покидал эту полянку и совокуплялся на ней еще с несколькими менадами. Весь лес вокруг них шумел от поцелуев и любовного шепота, от игривых вскриков женщин и нестерпимого рычания мужчин, заканчивающегося довольным мычанием.

132. Тесей покидает Ариадну

Утром Тесей очнулся от какого-то бредового сна. Он лежал в обнимку с двумя нагими девушками, вокруг лежали и другие парочки и небольшие группы мужчин и женщин. То одна, то другая вакханка вставала, искала одежду и, не

находя, одевалась в плющ и виноградные ветви. Стали все разбредаться кто куда. Тесей долго пытался вспомнить подробности сна, но так до конца и не смог. Он помнил только, что в этом сне к нему явился Дионис и то ли потребовал, то ли попросил, чтобы он оставил Ариадну на этом острове. Юноша решил пойти во дворец, надеясь там найти Ариадну и по дороге все неспешно раздумывал над запомнившимися обрывками сна:

– А ведь сон вещий был потому, что не готов я еще жениться. И сам я молод еще и Ариадну почти не знаю так же, как и она толком не знает меня. Говорят, если жену из породы зловредной судьба подкинет тебе, то душу и сердце тяжкая скорбь будет всю жизнь наполнять, и не будет от этой беды никогда избавленья! Да, я дал ей клятву и потому, если она будет настаивать, я, наверное, женюсь. Хотя нарушение клятв, которые приносят друг другу любовники, не навлекает гнева богов. Афродита, знающая о любви больше всех, говорит, что каждый любовник хоть иногда обманывал, хоть в чем-нибудь предавал любимую, а она – его. Сам Зевс с небес не гневается, а лишь понимающе улыбается клятвам влюбленных, ведь никто столько, сколько он так беззастенчиво и нагло возлюбленным и супруге не лгал.

На дороге Тесей догнал легкую повозку, которую свободно тянули два веселых с вечера все еще пьяных сатира в одних леопардовых шкурах. И тут Тесей окончательно протрезвел, увидев в их коляске, лежащую на спине, обнажен-

ную Ариадну. Ее лицо, грудь и руки были в синяках и каплях запекшейся крови. Увидев ее плотно закрытые глаза, Тесей вскрикнул, подумав, что она мертва, но грудь ее медленно поднималась и опускалась – она спала. Он подошел ближе и нагнулся, чтобы лучше ее разглядеть и в нос ударила нестерпимая вонь. От девушки разило винным перегаром, смешанным с запахом крови, пота и мочи. Она вдруг открыла глаза, и, увидев Тесея, глупо улыбнулась и поманила его к себе окровавленными по локоть руками. Когда Тесей нагнулся к ней, чтобы выслушать, она вдруг захохотала и оттолкнула его. Девушка что-то крикнула нечленораздельное и опять захохотала, – она все еще была пьяна, находилась в каком-то полусонном состоянии и не узнавала Тесея.

– Куда вы везете ее?

Спросил Тесей у сатиров, беззаботно бормотавших под нос слова каких-то песен.

– В храм. Теперь там ее место. Ей повезло. Она будет первой среди бассарид или, может быть, даже супругой бога.

Тесей шел за сатирами до самого храма, где их встретил сам Дионис, окруженный небольшой толпой приближенных жрецов и менад. Бог, не обратил никакого внимания на Тесея, а жрецам сказал, чтобы они отнесли Ариадну на берег, омыли ее и оставили там для встречи с ним.

Тесей глядел как два жреца мыли спящую Ариадну, переворачивали ее, словно обрубок бревна, терли ей спину, груди, бедра, промежность... Кносская Дева лишь то бессмыс-

ленно улыбалась, то что-то мычала нечленораздельное – она так и не протрезвела и не проснулась и юношу охватило чувство брезгливости к ней, и он окончательно понял, что не любит ее.

Эгеид решительно тряхнул головой и поспешил на корабль, где ожидавшим его афинским подросткам торжественно объявил:

– Этой ночью мне явился Дионис и приказал навсегда Ариадну оставить, ибо так предначертала непреложная Мойра и ему самому взять ее в жены угодно.

Товарищи это известие встретили радостно, ведь ко всем критянам они относились враждебно и не знали, что только благодаря помощи Ариадны Тесея смог победить Минотавра и выйти из Лабиринта. Афиняне быстро парус поставили на мачте высокой и, подгоняемые свежим дыханием попутного ветра, покинули остров Дию.

133. Разные мнения о расставании Тесея с Ариадной

Многие и по сей день недоумевают и спорят: почему самый знаменитый афинский герой, яркий цвет всей благочестивой Эллады Тесея оставил Ариадну одну, спящей на пустынном морском берегу, а сам уплыл. Об этом и по сей день ходит немало разных преданий, иногда ни в чем друг с другом не схожих.

Согласно Гигину, Тесею, задержанный сильной бурей на острове Дии, думал, что афиняне его будут бранить, если он привезет критянку Ариадну на родину в Афины. Поэтому он, чтобы избежать всяческих неприятностей, оставил ее на острове Дии, пока она спала.

Некоторые, как Плутарх, говорят, будто Ариадна с горя удавилась, брошенная Тесеем, полюбившим другую, иные – будто моряки увезли ее на остров Наксос, и там она разделала ложе с Онаром, похотливым жрецом Диониса.

Гесиод же поет о страсти, пожирившей Тесея к Панопеевой дочери Эгле.

Многие говорят, что Дионис, явившийся во сне Тесею, стал угрожать и требовать для себя Ариадну. Они утверждают, что, когда Тесею проснулся после вакхической ночи и увидел флот Диониса, державший курс на Диа, то, подавшись внезапному страху, поднял якорь и уплыл, даже не простившись со своей спасительницей. Дионис же, используя чары, заставил его забыть и обещание, данное Ариадне, и даже само ее существование.

Согласно Павсанию, Дионис, встретив Ариадну, или случайно по воле какого-либо демона, или сознательно подкараулив ее, явился с более многочисленным флотом и отнял ее у Тесея. Этот Дионис был тот самый, который первый ходил войной на индийцев и первый навел мост через Евфрат. Павсаний так же рассказывает, что у делосцев есть небольшой ксоан Афродиты, у которой правая рука попорчена от

времени, внизу же вместо ног у нее четырехугольная колонна. Эту статую Ариадна получила от Дедала, и когда она последовала за Тесеем, то она захватила из дому и это изображение. Делосцы говорят, что, лишившись Ариадны, Тесей посвятил этот ксоан богини Аполлону Делосскому для того, чтобы, привезя его домой, при виде его, невольно вспоминая об Ариадне, он не испытывал бы все новых страданий от этой любви или от того, что он ее бросил, нарушив клятву.

Согласно еще одному толкованию истории о любви Тесея и Ариадны, старшая дочь Миноса считается жрицей луны, и, согласно критским законам, ее брак с Тесеем сделал его владыкой Кносса, самого главного из сотни городов Крита. Интересно, что на одной из древних кносских монет народившаяся луна помещена в центре Лабиринта. Матрилинейный обычай наследования лишал наследницу всех прав на землю, если она, выйдя замуж, покидала родину с мужем. Таким образом, матрилинейность является еще одним объяснением, почему Тесей не взял Ариадну с собой в Афины и не увез дальше острова Диа, который принадлежал Криту и был виден даже с невысоких гор Кносса.

Какой бы ни была правда, жрецы Диониса в Афинах подтверждают, что, когда Ариадна обнаружила, что осталась одна, покинутой на острове, она стала горько рыдать и причитать.

134. Горе Ариадны [133]

Дева проснулась на пустынном берегу острова Дия и в сонной истоме еще, до конца не сбросив дремоты, чуть приподнявшись, стала руки тянуть, чтобы возлюбленного Тесея обнять, но его рядом не было! Она снова и снова к нему протягивала обе руки, даже, спросонья, шарила по песку, искала ошупью, но все напрасно – нигде его не было! Тут охватил Ариадну страх и всю дремоту прогнал.

Миносида в испуге вскочила с покрывал, заботливо подстеленных под вымытую Ариадну жрецами, и покинула свое ложе пустынное. Окончательно проснувшись, дева начала громко кричать, звать Тесея и метаться по берегу. Громким криком «Тесей!» оглашает она берег пустынный – и окрестные горы эхом имя его ей возвращают тотчас. Ариадна забралась на самый высокий утес (придало ей много сил смятенье девичьей души), чтобы ее взору предстал шире и дальше простор. И тут среди бескрайнего синего моря она увидела надутый ветром черный парус знакомый, летящий словно чернокрылая птица в небесной дали. Стала дева громко кричать:

– Стой мой любимый, куда от меня ты бежишь? Воротись Тесей, не будь таким вероломным! Скорее руль назад поверни! Не знаешь разве, что большой недобор есть на быстром твоем корабле с парусом черным!

Ариадна и подпрыгивала, и махала руками, и даже, найдя длинную жердь, на ней белую ткань покрывала подняла, чтоб видно было дальше, но все было тщетно. Вскоре скрылся в высоких волнах безмолвный чернеющий парус из глаз, и Ариадна заплакала горько навзрыд. Она, наконец, поняла, что любимый, ради которого она пожертвовала своей жизнью, предав родину и отца, помогла убить быкоголового брата, бросил ее. От застывшего страха и боли, словно, окаменело заплаканное девы лицо, как у Ниобы. Только хвастливая Ниоба сама была виновата в постигшем ее горе, а в горе Ариадны виноват был Тесей.

Дева бессильно рыдала, вспоминая, как истово она давала обеты и жарко молилась, чтобы только он победил чудовищного ее брата, и как из-за любви к нему она бросила милых родителей и любимую родину, совсем как колхидская царевна Медея, ее двоюродная сестра. И какую ужасную долю уготовили Мойры искусной волшебнице и колдунье, внучке могучего солнечного титана Гелиоса?! Что же ожидает ее, смертную деву простую? Царапая щек нежную кожу и ударяя ладонями в упругие груди, Ариадна непрерывно твердила:

– Что же несчастной мне делать? Как дальше мне быть? Как мне жить одинокой на этом диком враждебном мне берегу?..

Гулко девичья грудь кулакам отвечала, и долго нежные губы в надежде кричали:

– О Эол, царь могучий ветров, прикажи своим ветрам вер-

нуть корабль Тесея на этот остров. Будь проклят мой вероломный и неблагодарный жених! Призываю вас, ветры, разбейте корабль Тесея о скалы, а мне пригоните любое судно другое...

Время от времени дева, внезапно успокаиваясь, начинала тихо жалобно плакать и причитать:

– Впрочем, если даже пошлют мне корабль и попутчиков свирепые здешние ветры, деться потом куда мне, ведь доступ в любимую отчизну мне закрыт навсегда. Значит, милой матери слез не увидеть мне перед смертью, И, чтоб глаза мне закрыть, близкой не будет руки, воздух чужбины мое дыханье несчастное примет, тела никто из друзей не умастит моего. К непогребенным костям слетятся птицы морские. Неужели не заслужила я доли другой?

Кносская дева долго блуждала, выбиваясь из сил, в песках незнакомых. Там, где у Дийской скалы хлещет седая морская волна, она на камне спала, завернувшись в подстилку и темных волос не покрыв. Проснувшись, голой ногою скользя в волны глухие, дева опять кричала вероломного имя Тесея. Горько – соленые слезы струились по нежной коже девичьих щек. Крики кругом ее разносились, и слезы без остановки лились по лицу, искаженному горем, но, согласно «Героидам» Овидия, и слезы и крики деве были к лицу: прелесть особая была и в слезах. Наплакавшись вдоволь и накричавшись, обессиленная Ариадна забылась сном беспокойным.

135. Дионис и Ариадна

Тут по воле никогда не дремлющей Мойры Лахесис Дионис, как и намеревался, посетил на берегу пустынном и диком спящую Ариадну, и в изумлении, смешанном с зарождающейся страстью, молвил вакханкам, буйно вокруг хоровады ведущим, слово такое:

– О, менады (безумствующие), украшенные виноградными листьями и плющом, в роптры больше не бейте, не поднимайте своими тирсами и плясками шума! Сатиры, оставьте свои свирели! О, не спугните спящую деву, хоть пояса уже нету на ней!

Но Ариадна проснулась и опять зарыдала, страдая, на пустом берегу, готовясь стать снедью для хищных чаек морских. Рыдавшая Ариадна вдруг испугалась, что проклятия сбудутся и стала сама перед собой оправдывать любимого, что не иначе как клятву верности нарушить его заставили боги. Как подтверждение этого перед рыдающей девой в лучистом сиянье возник Дионис.

Овидий в «Науке любви» поет, как вдруг грянули бубны по песчаному скату брега морского, вдруг зазвучал в буйных ладонях кимвал. И охваченная ужасом дева, смолкает, не закончивши слова. Замер вздох на девичьих устах, краска нежная вся сбегала со щек. Но и в страданье блистала красотой Ариадна, даже скорби ее украшали.

Дева видит: сатиры скачут на своих козлиных ногах, старец нетрезвый, пузатый, плешивый Силен, на усталом осле еле сидит и в обеих руках кубки держит с вином. Он пытается за вакханками устремиться, те – с визгом призывным от него убегают и дразнят, и пьяный седок, не совладавши с ослом, вдруг соскользнув с длинноухого, падает вниз головою, и хором сатиры со смехом кричат, чтоб скорей подымался отец.

Дионис же в виноградном венце величественно шагнул с колесницы и, пожирая Ариадну глазами, торжественно молвил:

– Забудь дева, того ничтожного мужа из смертных, что вероломно здесь тебя бросил, ведь знаешь сама, что он был настоящий обманщик. Теперь же ты станешь супругой самого гроздолюбивого Вакха!

Видя, как дева, от страха застыв, вся дрожит, как под ветром дрожит сухая былинка, как над болотной водой влажный трепещет тростник, светлый бог возгласил:

– Я, тот, кто будет тебе другом вернейшим и заботником любящим! Дева, свой теперешний страх навсегда позабудь: Вакху ты будешь любимой женой! Все Небо – брачный мой тебе дар: звездой просияешь на небе, путь в ночи кораблям Критский будет указывать твой звездный Венец.

Так молвив, Дионис шагнул с колесницы, чтоб не были страшны деве пугливой окружающие его леопарды и тигры, и божью стопу напечатлел на песке и, обессиленную прижав

ее к мощному лону, вознес ее ввысь на руках всепобеждающий Вакх. Тут же все Гименея запели, и на священном одре дева и бог сопряглись.

Получив в подарок венец из золота и индийских драгоценных камней работы олимпийского художника Гефеста, Ариадна радостно взглянула на страстно влюбленного Вакха, и они впервые поцеловались.

Некоторые говорят, что этот венец подарил Ариадне не Дионис, а Оры по поручению фиалковенчанной Афродиты. Эта тонкой работы золотая корона Ариадны, сделанная Гефестом в форме розового венка с цветами из драгоценных камней обнаружена в Мохлосском кладе.

Сатиры и нимфы брачный покой стали готовить, вокруг ложа любви цветы возрастали, и весь остров Наксос свежей зеленью и благоуханными цветами покрылся. Веселые сатиры играли на свирелях и флейтах, нагие наяды, словно Хариты, грациозно плясали, славя союз Ариадны и Вакха. И на свадебном ложе, соединившем супругов, стал отцом Дионис.

Согласно Аполлодору, Ариадна родила богу виноделия и виноградарства Фоанта (цветущий), ставшего царем Лемноса; любимца и спутника Диониса аргонавта Стафила (виноградарь) и будущего царя Хиоса Энопиона (винопитий), любимую дочь которого изнасиловал красавец и великан охотник Орион, сын, достойный своего отца Посейдона.

Некоторые, как Павсаний говорят, что у Ариадны от Диониса был еще один сын Керам, по имени которого названа

знаменитая гончарами и гетерами местность Керамик в Аттике.

Зевс даровал Ариадне на свадьбу бессмертие, которое она обрела после того, как другой знаменитый герой Эллады сын Зевса от аргосской царевны Данаи Персей случайно погубил ее в битве с Дионисом, превратив в камень от взгляда ужасной Медусы-Горгоны. После смерти Ариадны Зевс удостоил ее божественных почестей и поместил среди созвездий Венец Ариадны.

Киприоты считают, что Дионис не женился на Ариадне на своем острове Наксос. Он, якобы, даже решил, что она с Тесеем осквернила его Наксосский грот, и пожаловался Артемиде на нечестивых смертных. Стреловержица, всегда скорая на расправу, убила Ариадну во время родов своими губительными стрелами.

Так же и Гомер поет, что дочь кознодея Миноса, которую с Крита когда-то вез с собою Тезей на священный акрополь афинский, но не успел насладиться – убила ее Артемида по обвинению ее Дионисом на острове Дие.

Некоторые, правда, утверждают, что Ариадна, узнавшая о жалобе Вакха, сама повесилась, боясь Артемиды.

136. Другие мнения о судьбе Ариадны

Согласно «Тесею» Плутарха, Пеон Амафунтский рассказывает, что после продолжительных празднеств, влюблен-

ные Тесея и Ариадна отправились в Афины, но буря отнесла их к священной острову Афродиты Кипру. Ариадна, будучи беременной от Тесея и боясь, что из-за морской качки случится выкидыш, попросила высадить ее на берег недалеко от древнего Амафунта, что и было сделано. Когда Тесея вернулся на корабль, поднялся сильный ветер и, несмотря на старания матросов, стал уносить весь флот в открытое море.

Женщины Амафунта очень хорошо приняли Ариадну. До самых родов они утешали ее написанными ими подложными письмами, которые якобы все время приходили от верного Тесея, чинящего потрепанный бурей корабль на соседнем острове. Гера на этот раз без всякого повода ревновала Зевса и к Ариадне и не позволила своей дочери богине родовспоможения Илифии дать благополучно разрешиться от бремени, и когда Ариадна умерла от родов, женщины Амафунта устроили ей пышные похороны.

В Амафунте до сих пор показывают могилу Ариадны, расположенную в священной роще Афродиты, где ей поклоняются под именем Ариделы. Когда Тесея все-таки вернулся на Кипр, то очень опечалился, узнав о смерти Ариадны, и оставил много денег, чтобы ей приносили богатые жертвы, а также воздвиг два маленьких ее изображения, одно серебряное, другое бронзовое. Во время празднества во второй день месяца горпииа кто-нибудь из молодых людей опускается на ложе и подражает стонам и движениям роженицы. Жители Амафунта называют священную рощу, где показывают мо-

гилу Ариадны, рощею Ариадны-Афродиты.

Согласно «Тесею» Плутарха, писатели с Наксоса тоже по-своему передают историю Ариадны. Было якобы два Миноса и две Ариадны, из коих одна сочеталась браком с Дионисом на Наксосу и родила Стафила, а другая, младшая, была похищена Тесеем; покинутая им, она прибыла на Наксос вместе со своею кормилицей Коркиной, чья могила цела поныне. Там же, на Наксосу, умерла и Ариадна, и ей оказывают почести, не похожие на те, которыми чтут первую Ариадну: в память о старшей справляют веселый и радостный праздник, когда же приносят жертвы младшей, то они отличаются характером печальным и угрюмым.

Дионис чаще всего изображался в виде быка потому, что еще до своего второго рождения, в образе Загрея, он принял облик быка и этим очень испугал пришедших его убивать горных титанов Кея и Крия. На Крите же Вакх считался Миносом, но не отцом, а законным супругом Ариадны, поэтому на посвященных ей оргиях разносили критское вино. Этим же можно объяснить, почему, как свидетельствует Гомер, Дионис возмутился тем, что Ариадна пустила на свое ложе пришельца Тесея, и бог поспешил восстановить свои законные супружеские права.

Согласно Афиною, эпический поэт Эванф поет в гимне к Главку, что он сын Посейдона и нимфы Наиды, что он влюбился в брошенную Тесеем Ариадну и сошелся с ней на острове Диа.

Те, кто больше всего любит историю говорят, что афиняне, долго находясь под владычеством Крита, тайно строили корабли, и однажды в удобный момент они восстали против Миноса, который держал заложников из числа детей наиболее знатных афинских граждан. Афиняне под предводительством Тесея захватили не защищенный крепостными стенами Кносский дворец, когда большая часть многочисленного критского флота была у берегов Сицилии. В результате был подписан новый мирный договор, скрепленный браком Тесея с наследницей критского трона и верховной жрицей властительных богов подземелья Ариадной. Не только древний обычай, но и закон лишал наследниц прав на критский престол, если они, выйдя за муж, покидали остров ста городов. Поэтому предусмотрительный Тесей, желая сохранить только, что обретенную власть Афин на Крите, не взял Ариадну с собой в Аттику и не увез дальше острова Диа, который принадлежал Криту.

137. Тесей на Делосе учреждает игры

Плутарх в «Застольных беседах» говорит, что Тесей, возвращаясь с Крита после победы над чудовищным Минотавром, посетил Делос во исполнение данного Аполлону обета и учредил там состязания – игры.

Почему юный, но уже знаменитый герой выбрал именно Делос? Чем примечателен это остров скалистый? Некоторые

говорят, что когда-то Потрясатель Земли Посейдон ударом своего трезубца о морское дно поднял с большой глубины на поверхность моря небольшой остров, который с тех пор плавал по водной поверхности. Другие утверждают, что этим островом по воле Зевса стала сестра Лето титанида Астерия после того, как она, спасаясь от домогательств владыки Олимпа превратилась в перепелку. Этот остров был долго плавучим, и носился по морю волнами и ветрами до тех пор, пока он не сжалился над беременной дочерью древнего титана Кея и не позволил ей под своей пальмой родить Аполлона и Артемиду. Близ гавани в возрасте 4 лет Феб лучезарный построил великолепный храм на Делосе из рогов кинфийских ланей, убитых Артемидой, и на этот остров люди стали пригонять тучные гекатомбы. Скоро остров Делос сделался для Греции большим торговым центром, рынком для сбыта рабов и складом огромных богатств, которые охранялись только святостью места.

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» рассказывает, что, плывя с Крита назад, Тесей причалил к Делосу, принес жертву Богу и посвятил ему статую Афродиты, которую взял у Ариадны. Затем вместе со спасенными афинскими подростками знаменитый герой исполнил витиеватую пляску, которую, как сообщают, еще и теперь пляшут коренные делосцы: мерные движения то в одну сторону, то в другую как бы воссоздают в танце запутанные ходы Лабиринта.

Делосцы говорят, что с тех пор они стали танцевать этот

танец, завезенный Тесеем из Кносса, где Дедал построил Ариадне площадку для этого танца, выложив на ней рисунок белым рельефным мрамором, скопированным с египетского лабиринта. Исполнявшийся Тесеем и остальными афинскими подростками танец, получивший название «журавля», на Кноссе стал первым танцем, в котором вместе плясали юноши и девушки, а на Делосе – первым танцем, в котором принимал активное участие бык. Иногда танцоры держали в руках украшенную, как гирлянда, веревку, которая напоминала о нити Ариадны и помогала им сохранять нужную дистанцию меж собой и правильно исполнять все замысловатые фигуры танца.

Дикеарх говорит, что журавлями называли бычьих плясунцов – тех, кто, рискуя жизнью, совершал ритуальные танцы с разъяренным быком и, подкинутый рогами, словно птица, перелетал через него. Плясал Тесей вокруг Рогового жертвенника, целиком сбитого из левых рогов животных.

По преданию, воспетому Каллимахом в «Гимне к Аполлону», этот дивный жертвенник был сделан самим Аполлоном из рогов диких коз, убитых Артемидой, и считался одним из Семи чудес света. А в гимне «Острову Делос» Каллимах поет о чтимом кумире, что древле Тесей поставил Киприде, когда он вместе с отрочьим сонмом прибыл из Крита. Спасши себя от ужасного рыка, от злого Пасифаи чада, от хитрой стези Лабиринта, пляской они круговой под звоны кифары почтили ее алтарь, а Тесей начальствовал хором.

С той-то поры обычай велит посылать Кекропидам к Фебу священный корабль, о Тесеевом плаванье помня.

Согласно «Диалогам» Платона, афиняне, когда отправляли на Крит живую дань, дали тогда Аполлону обет: если все спасутся, ежегодно отправлять на Делос священное посольство. С той поры и поныне они неукоснительно, год за годом, его отправляют. И раз уж снарядили посольство в путь, закон требует, чтобы все время, пока корабль не прибудет на Делос и не возвратится назад, город хранил чистоту, и исполнение всех смертных приговоров откладывалось. А плавание иной раз затягивается надолго, если задуют супротивные ветры. Началом священного посольства считается день, когда жрец Аполлона возложит венок на корму корабля.

Прежде, чем учредить на Делосе игры, Тесей долго думал, как сделать так, чтобы они навсегда остались в памяти людей также, как и немеркнущая слава их учредителя, совершившего на Крите великий подвиг.

– В Олимпии издревле полагается давать олимпионику венок из дикой маслины, а в Дельфах, лауреату – из лавра. В Истме было установлено давать венок из сосны-пинии, а в Немее – из сельдерея. Я при повторном основании Истмийских игр постановил вместо сосны давать венок тоже из сельдерея, как на Немеадах, но и сосну по-прежнему для венков там используют. Для Делосских игр надо мне награду победителям придумать особенную, но какую?..

Так думал Тесей, стоя у подошвы горы Кинфа и глядя

на единственную пальму, растущую на острове. Внезапно он оторвал ветвь этой финиковой пальмы и возгласил:

– Венки на учреждаемых мной Делосских играх, проводимых при храме Аполлона раз в пятилетие, будут не из лавра, любимого Фебом и не из оливы – дерева Афины, и не из символов печали – петрушки и сельдерея! Они будут сплетаться из ветвей финиковой пальмы. Ведь в тени этой пальмы укрылась гонимая Герой беременная от Зевса Лето и, когда усилились схватки, богиня, эту финиковую пальму руками сильней обхватив, мощно колени уперла в мягкий ковер луговой, и счастливая под пальмой земля улыбнулась выпавшим из женских бедер прекрасным новорожденным богам.

Некоторые говорят, что в честь дельфийского бога награду в виде пальмовой ветви впервые установили амфиктионы победителю на пифийских играх, но не упоминают какая эта пальма была.

Как бы там ни было, но с легкой руки Тесея теперь на очень многих состязаниях дают венок именно из финиковой пальмы, а в правую руку победителю повсюду полагается давать ветвь финиковой пальмы. И происхождение этого обычая связывают с именем Тесея: Тесей, возвращаясь из Крита домой после победы над чудовищным Минотавром, освободил Афины от страшной живой дани и устроил на Делосе в честь Аполлона, давшего ему в Дельфинии оракул, состязания и победителей увенчивал пальмовым венком.

В честь этого посещения Тесеем Делоса еще во время Со-

крата из Афин ежегодно во время Таргелий (праздник Аполлона в месяце таргелионе) отправлялось на Делос священное посольство на корабле с черными парусами для принесения жертв Фебу, а обратно празднично убранный корабль возвращался уже под пурпурными парусами. Снаряжение делосской феории (торжественное посольство) было в Афинах одной из самых важных литургий (полу добровольная повинность богатых граждан на государственные нужды или празднества).

После проведения первых Делосских игр, на которые со всех концов Греции прибыло очень много желающих, Тесея повелел гарольдам везде объявить:

– Все греческие государства, желающие присутствовать на Делосских играх, должны теперь за 7 дней до их начала присылать свои феории для принесения делосскому богу жертв от имени своих народов и вопрошании у него оракула.

Так же по предложению Тесея на Делосе стали держать союзническую казну аттической симмахии (союз) и проводить собрания ее членов. После изгнания из Афин и смерти Тесея на острове Скирос Менесфей перенес казну в Афины.

138. Смерть Эгея. Эгейское море

Согласно Диодору Сицилийскому, когда кровавая дань ранее доставлялась Миносу, афинские суда всегда и плыли на Крит, и возвращались в Афины в знак траура под черны-

ми парусами.

Афиняне говорят, когда корабль с афинской молодежью в последний уж раз приближался к Аттике, то и кормчий, и сам Тесей на радостях забыли заменить черный парус на белый, который должен был уведомить Эгея об их спасении, и престарелый царь, жестоко обманувшись в своих надеждах на возвращение сына, бросился в море со скалы и погиб.

Павсаний говорит, что Эгей бросился не в море, а кинулся вниз с того выступа скалы Акрополя, на котором во второй половине V в. до н. э. был воздвигнут храм Бескрылой Победы Нике.

Некоторые говорили, что забывчивость Тесея – это месть Ариадны. Она упросила Вакха, ставшего ей супругом, послать на корабль Тесея самое крепкое вино, которое на вкус такое сладкое, что его никому не захочется разводить водой. Погода была прекрасная, корабль с победителями летел домой на всех парусах черного цвета. Тесей и все остальные корабельщики, свободные от работы, часто, как варвары, пили вино неразведенным и проспали то время, когда с корабля стала различима земля Аттики. Эгей же, увидев черный парус, покончил с собой, бросившись в глубокую пропасть на Акрополе, либо он понесся на колеснице к морю и там с мыса Сунион кинулся в море вниз головой и потому море с тех пор стало называться Эгейским.

Другие рассказывают о том, что Минос принёс в жертву богам гекатомбы тучных белых быков, и Зевс (или уста-

ми делосской жрицы бог-прорицатель Аполлон, по поручению Зевса), потрясши своей страшной эгидой, устроил внезапную бурю на море, и шквальный ветер сорвал с мачты «победный» белый парус. Поэтому после прекращения бури Тесей был вынужден вернуться под чёрным парусом, и так свершилось давнее проклятье Эгея, точнее не проклятье, а прорицание Пифии, согласно которому он еще не старым умрет от непереносимой печали.

Ходила, однако, в народе и распространяемая сторонниками Менесфея такая молва, которая жадна не только для правды, но и до кривды и лжи. Будто бы хитроумный Тесей совсем не забыл о том, что следует заменить черный парус белым или, по словам Симонида, пурпурным парусом, окрашенный соком цветов ветвистого дуба.

Некоторые из вернувшихся афинских подростков, вернувшихся с Крита, потом рассказывали, что слышали, как на корабле Тесея сам им говорил:

– Скажу вам, юноши вполне откровенно, что я очень обижен на Эгея, и как на афинского царя, и как на моего родителя смертного. После жребия, на котором я сам себя послал ехать на Крит, он меня упрекал в том, что я бросаю его в старости одного на произвол беспощадных врагов. Но ведь он оставался в родных Афинах притом их владыкой – царем! А вот он-то нас с вами действительно бросил. Разве не мог он снарядить несколько кораблей и отправить нам на помощь на Крит? Вспомните, как нам нужна была помощь, когда мы

на одном корабле с боем из кносской гавани прорывались, с войском Тавра сражаясь?! Поэтому, хоть не принято так про отцов говорить, но я сажу, что человек он двуличный. . .

Когда же кормчий пришел к нему с прямым предложением поменять черный парус на белый, Тесею ему так сказал:

– Правда понуждает меня всем напомнить, что Эгей царь нечестивый. Ведь из-за того, что по нечестивому его приказу Андрогей убили, Минос за сына наложил на Афины ужасную дань. Я чувствую сердцем веление Мойры, что пора мне самому поскорее взойти на афинский престол. Конечно, я с ним не буду бороться за власть, как Паллантиды, но и помогать ему больше ни в чем не хочу. Я предоставляю Могучей Судьбе самой все решать, и мы не будем менять черный парус на белый, чтобы только удовольствие Эгею доставить.

Плутарх же говорит, что, выйдя на сушу, Тесей сам остался в защищённой от бурь бухте Фалерской в заливе Сароникос, чтобы принести жертвы богам, которые он обещал им по обету, уходя в море, а в город отправил гонца с вестью о счастливом возвращении. Вестник застал многих граждан оплакивающими смерть царя, но другие, как и следовало ожидать, радовались и ликовали, услышав слова гонца, и хотели украсить его победными венками. Однако, приняв венки, он обвинил ими свой жезл и тут же вернулся к морю. Тесею еще не совершил возлияний, и, не желая мешать священнодействию, гонец задержался в стороне, а когда возлияния были закончены, сообщил о смерти Эгея. Тогда с плачем и

воплями все поспешно двинулись в город. Вот почему, говорят, и ныне во время Осхофорий увенчивают не глашатая, а его жезл и возлияния сопровождаются криками: «Элелéу! Иу́-иу́!» Первый из них – обычно издают, творя возлияние или распевая радостные песни, второй – в смятении и замешательстве.

139. Учреждение Осхофорий и Тесейей

Плутарх в «Тесее» говорит, что тридцативесельное судно, на котором Тесей с подростками вышел в плаванье и благополучно вернулся, афиняне хранили вплоть до времен Деметрия Фалерского (конец IV века до н. э.). Раз в год, ставший знаменитым корабль отправлялся на Делос и обратно. Афиняне убирали старые доски и балки по мере того, как те ветшали, и ставили на их место новые, крепкие, так что корабль этот сделался даже опорным примером в рассуждениях философов, парадоксально определяющих понятие самоидентичности: одни утверждали, что судно остается самим собою, другие – что оно, постепенно меняясь, превратилось в новый предмет, ведь со временем в нем ничего не осталось от старого корабля.

Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» говорит, что праздник Осхофорий (приношение гроздьев) был также учрежден Тесеем. Отправляясь на Крит, он увез с собою не всех девушек, на которых пал жребий, но двух из них под-

менил своими друзьями, женственными и юными с виду, но мужественными и неустрашимыми духом. Он совершенно преобразил их наружность теплыми банями, покойною, изнеженной жизнью, умащиваниями, придающими мягкость и волнистость волосам, безупречную гладкость и свежесть коже. Он научил их говорить высокими девичьими голосами, ходить плавной девичьей поступью, шевеля ягодицами, не отличаться от девушек ни осанкой, ни повадками, так что подмены никто не заметил. Когда же он вернулся, то и сам и эти двое юношей прошествовали по городу в том же облачении, в каком ныне выступают осхофоры (несущие виноградные ветви с гроздьями). Само название праздника послужило поводом для различных шуток, потому что слово осхофоры напоминало греческому уху слово мошонка. Осхофоры несли виноградные ветви с гроздьями – в угоду Дионису и Ариадне, если следовать преданию, или же (и последнее вернее) потому, что Тесей вернулся в пору сбора плодов. Приглашаются и дипнофоры (приносящие обед), знатные гражданки, угощавшие детей, участников бега с виноградными ветвями на Осхофориях. Они участвуют в жертвоприношении, изображая матерей тех, кому выпал жребий ехать на Крит, – подходят с хлебом и разными яствами и рассказывают сказки, так же как рассказывали матери тогда, стараясь ободрить и утешить своих детей.

Учреждая праздник Осхофорий, Тесей предложил афинянам:

– Пусть виноградные ветви с гроздьями поздней осенью в седьмой день месяца пианенсиона, по окончании жатвы, несут не 14, а 20 почти взрослых юношей – по 2 от каждого сословия. Нет, пусть они не просто несут, а соревнуюсь между собой, бегут с лозами из храма Диониса в Лимнах в храм Афины Скирас на Фалероне. Наградой победителю будет расписная панафинейская амфора, наполненная напитком, смешанным из 5 главнейших афинских продуктов: меда и вина, сыра и муки, и, конечно же, оливкового масла из наших знаменитых оливковых садов Академии. А в праздничной процессии два юноши в женской одежде пусть идут впереди поющего хора. Праздник будем завершать пышным пиром с жертвоприношением Зевсу, Дионису и Афине, причем все расходы пусть покроют сборы с тех 13 семейств, которые отдали своих детей в дань Миносу в третий раз, когда с ними на Крит поплыл я. Ведать всеми священнодействиями будут Фиталиды.

Так Тесей отблагодарил радушных Фиталидов за оказанное гостеприимство и очищение от скверны убийств родичей на Истмийской дороге.

Согласно Еврипиду, за дважды семь детей, спасенных Тесеем, афиняне подарили ему 14 богатых имений, разбросанных по всей Аттике.

Похоронив отца, Тесей исполнил данный Аполлону обет и ввел новый обычай:

– В седьмой день месяца пианенсиона, когда спасенные

мною юноши и девушки вступили в родной город и, сварив в одном горшке все оставшиеся у них припасы, съели их за общим столом, будем отныне варить бобы и выносить иресиону. Я предлагаю при этом еще и припевать так: Иресиона, пошли нам фиги и хлеб в изобилие, дай нам меда вкусить, натереться оливковым маслом, чистого дай нам вина, чтоб сладко уснуть, слегка опьяненными.

Иресиона – это ветвь оливы, перевитая шерстью (наподобие тех – масличных ветвей, с какими являлись тогда просители) и увешанная жертвенными первинами всевозможных плодов Земли, в память об окончании недорода.

Некоторые говорят, что настоящим мальчишеским праздником были Тесеи, справлявшиеся в Афинах на следующий день после Осхофорий. Это было торжественное шествие афинской молодежи, сопровождавшееся различными играми и состязаниями. Всякий, кто побеждал в гимнастических состязаниях, целый год назывался Тесеидом и являлся образцом для подражания у всех подростков и юношей Аттики, ведь Тесей был для них идеалом. На Тесеях собирали деньги с помощью специального налога – «пяти драхм для Тесея».

Царствование Тесея

140. Тесей убивает последних Паллантидов

Унаследовав афинский трон от своего смертного отца Эгея, Тесей первым делом стал укреплять свою царскую власть. Он почти сразу же казнил, как замышлявших измену родине, всех своих обладавших хоть какой-нибудь силой противников, кроме нескольких сыновей Палланта, которые все еще были живы после войны с остальными Паллантидами. В начале своего правления Эгеид побоялся обвинения граждан в необоснованной жестокости, но, спустя пять лет, укрепив свою царскую власть, из предосторожности убил и их.

В древние времена эллины в судебном разбирательстве не различали преднамеренное и непреднамеренное убийство. Позже в Афинах преднамеренное убийство стало наказываться смертью, а непреднамеренное убийство – изгнанием, причем за исполнение приговора отвечал весь род убийцы.

Когда суд Аполлона Дельфиния обвинил царя Тесея в убийстве последних Паллантидов, он в свое оправдание высказал судьям неслыханные до этого доводы:

– Номос (закон) охраняет по законам живущих, оберегает

их от всяческих бед, незаконным же – тяжкая кара! До сих пор преднамеренное убийство нельзя было в суде оправдать, но пора этому перестать быть догмой. Ведь и раньше воинов, умышленно убивавших врагов не судили, а прославляли. Бывает, что и не воину, а обычному человеку сама необходимость дает право убить и в этом случае суд его должен оправдать. Я убил всех Паллантидов по праву, защищая государство от измены и от их посягательства на мою царскую власть! Ведь всегда каждый мог безнаказанно убить осужденного за государственную измену. Паллантиды отказались предстать пред судом, и потому я осудил их сам и привел приговор в исполнение – убил их обоснованно, по праву.

Суд посчитал речь Тесея «обоснованным убийством» и оправдал его.

Павсаний рассказывает, что у Дельфиния установлен суд над теми, которые утверждают, что совершили убийство по праву; этому суду подлежал Тесей и был оправдан в том, что он убил восставшего против него Палланта и его сыновей. А прежде этого, до оправдания Тесея, для всех убийц было установлено или, бежать, или, оставшись, погибнуть той же смертью.

Оправданное убийство и случайное убийство стали дополнениями к преднамеренному и непреднамеренному убийствам, и в этих случаях убийца подвергался только ритуальному очищению.

Некоторые говорят, что Тесей избежал наказания за пред-

намеренное убийство еще и потому, что он убил всех в роду Паллантидов и потому законно мстить за это преступление было просто некому, ведь наказание за убийство – исполнение приговора – осуществляло не государство, а родственники убитого.

В Трезене Тесей прошел обряд очищения от скверны кровного убийства, проведя там один год, поскольку правил в этом городе его сын от царицы амазонок Антиопы Ипполит, правнук недавно умершего мудрого трезенского царя Питфея. Причем, это очищение было необходимо не только самому Тесею, но и Афинам для обретения прежней чистоты.

Некоторые говорят, что после царствования Тесея в Аттике было 4 постоянно действующих суда. 1. Убийства (отравления, поджог) с заранее обдуманном намерением разбирались в традиционно пользующимся большим уважением Ареопаге, учрежденном самой Афиной на холме (Ареса) афинского Акрополя. 2. Непреднамеренные убийства – у Палладия, на площади, где заседали присяжные. Неумышленные убийцы покидали страну до получения от родственников убитого разрешения вернуться. 3. Дела тех, кто признавался в совершении убийства, но утверждал, что поступил законно, например, для собственной защиты, расследовали в Дельфиние, судилище на площади перед храмом Аполлона в Афинах. 4. У Притания разбирались дела о предметах и животных, ставших причиной смерти людей, и в слу-

чае обвинительного приговора они вывозились за пределы Афин. Были и непостоянно действующие суды. Например, если изгнанный за непреднамеренное убийство подозревался в совершении нового убийства, то его судили, стоящим в плавающей лодке, поскольку он не мог ступить на афинскую землю.

141. Тесей основывает афинский полис

Согласно древним обычаям каждое государство-город Эллады должно было быть совершенно независимым. Поэтому все города, в том числе Аттики, стремились обладать собственными законами и судами, своими праздниками и календарями-летоисчислениями, своими деньгами с эмблемами, своими местными богами и мерами разных величин таких, как расстояние, масса, объем... Даже браки между представителями разных городов часто не допускались. Чужестранец, женившийся путем обмана на афинянке, продавался в рабство. Греция всегда была раздроблена, и граждане соседних городов-государств считались чужеземцами, убийство которых не считалось преступлением.

Став царем, Тесей быстро понял, что независимость небольших городов-государств не только очень неудобна для граждан, но и сильно тормозит их развитие, делает их слабыми при нашествии врагов.

Плутарх говорит, что после смерти Эгея Тесею глубоко

запала в душу великая и замечательная мысль – собрать всех жителей Аттики и сделать их единым народом, гражданами одного великого города. Прежде они были рассеяны, их с трудом удавалось созвать, даже если дело шло об общем благе, а нередко между ними разгорались раздоры и даже настоящие войны.

Действительно, Тесею досталась Аттика, разделенная на двенадцать общин, причем каждая решала свои дела самостоятельно, обращаясь к афинскому царю только в случае особой необходимости. Элевсинцы даже однажды объявили войну седьмому афинскому царю Эрехтею, сыну Пандиона и наяды Зевксиппы. Основатель элевсинских мистерий Эвмолп призвал на помощь элевсинцам фракийцев, но Эрехтей по совету оракула принес в жертву Афине свою дочь Хтонию, и афиняне в решающей битве одержали победу.

Чтобы эти общины отказались от традиционной независимости, Тесею пришлось обратиться к каждой общине и каждому роду в отдельности.

Плутарх говорит, что, обходя дем за демом (число демонов достигало сотни) и род за родом, Тесей повсюду объяснял свой план. Простые граждане и бедняки быстро склонялись на его увещания, а людям влиятельным он сулил справедливое государство без царя, подлинно демократическое устройство. При этом себе Тесей отводил лишь место военачальника и стража законов, в остальном же всех ожидало равенство. Одних он сумел уговорить, а другие, страшась его

отваги и могущества, к тому времени уже немало, предпочли уступить добром, нежели покориться принуждению. Итак, разрушив отдельные государственные органы пританея и дома совета и распустив местные власти, Тесей воздвиг единый, общий для всех пританей и дом совета в нынешней старой части города. Город же Тесей назвал Афинами. Однако он воздержался от изменения законов, касавшихся частной собственности. Затем, сложив с себя, как и обещал, царскую власть, Тесей приступил к устройению государственных дел.

Тесей, решив основать новый большой полис с центром в Афинах, прежде всего, подумал об обращении за советом к дельфийскому богу:

– Будет нечестивостью и безумием основывать новый большой город, включающий вокруг своего афинского центра все пригороды и города Аттики, не посоветовавшись со знаменитейшим оракулом и не исполнив всех его предписаний.

Тесей, не имея свободного времени, послал вестника в Дельфы, чтобы тот задал Фебу такой вопрос:

– Будет ли объединенное вокруг Афин государство великим и будут ли бессмертные боги в нем жить?

Из главного эллинского прорицалища Тесею быстро пришел следующий ответ Аполлона, вещавшего волю самого Зевса:

– Отпрыск Эгея, Тесей, Питфеевой дочери славное ча-

до! Многих чужих городов и земель пределы и жребий городу вашему сам мой отец вручил и доверил. Но не страшись чрезмерно и дух свой печалью не мучай; будешь, как легкий бурдюк, по морской ты плавать пучине.

То же, как сообщают, Афинам впоследствии и Первая Сивилла Фемоня, получившая от Аполлона дар предсказания, возвестила бесноватыми устами несмеянное, неприкрашенное, неумашенное, и голос её простирался на тысячу лет через бога:

– В глубь пучины, как бурдюк, ты погрузишься – утонуть же Могучая Судьба не тебе позволит.

Так прославленный Дельфийский оракул и знаменитая дельфийская пророчица предсказали, что отныне афинские корабли будут столь же безопасно плавать по всем морям, как «легкий бурдюк».

Затем Тесе́й объединил все афинские пригороды непосредственно с самим городом, который до сих пор состоит из Акрополя и прилегающей к нему южной территории, на которой стоят древние храмы Зевса Олимпийского, Пифийского Аполлона, матери-Земли, Диониса Болотного, а также акведуки девяти источников. Афиняне до сих пор называют свой Акрополь «городом».

Согласно Павсанию, Афродита Пандемос, объединившая весь народ, тоже имела свой храм на Акрополе. Поклонение ей было введено Тесе́ем, когда он свел всех афинян из сельских демов в один большой полис – город.

Стремясь еще больше увеличить новый город, Тесею призывал в него всех желающих, предлагая права гражданства, таким крылатым воззванием:

– Придите сюда, все благочестивые люди и станьте единым народом!

Так Тесею хотелось основать вокруг Афин союз многих народов, населявших не только Аттику. Присоединив к Аттике Мегариду, Тесею поставил на Истме знаменитый столб с двумя ямбическими строками, разграничившими соседние земли. Одна строка, обращенная к востоку, гласила: «Сие не край Пелопов, но Иония», а другая, глядевшая на запад, сообщала: «Сие же край Пелопов, не Иония».

142. Синойкизм и Панафиней

Согласно «Истории» Фукидида, при Кекропе, сыне Эрехтея от Праксифеи и первых царях до Тесею народ в Аттике всегда жил отдельными общинами со своими пританеями. На общие совещания к царю люди собирались лишь в исключительных случаях. Обычно же каждая община самостоятельно обсуждала и вершила свои дела. Иные общины даже вели между собой войны, как, например, элевсинцы во главе с Евмолпом – против Эрехтея. Как мудрый и могущественный владыка Тесею, воцарившись, установил порядок в стране – уничтожил пританов и архонтов в отдельных общинах и объединил всех жителей Аттики в один поныне суще-

ствующий город с одним общим советом и пританеем. Люди, впрочем, продолжали жить на своих полях, как и раньше, но город Тесея оставил им только один, ставший крупным центром, так как все жители Аттики отныне принадлежали к нему, и таким он и перешел от Тесея к потомству. До реформы Тесея в черту города входил лишь Акрополь и примыкающая к нему (главным образом с юга) часть нынешнего города. Поэтому-то афиняне еще и поныне справляют Синойкии – совершаемый на общественный счет всенародный праздник в честь богини Афины, которой приносился в жертву сильно откормленный бык.

Объединение обособленных родовых общин Аттики вокруг Афинского акрополя получило название синойкизм (совместное заселение). В действительности синойкизм в разных местах Греции протекал в течение нескольких веков до Тесея, который в основном завершил его в Афинах.

Тесея почитался не только и не столько за синойкизм, сколько за демократизацию царского правления в Афинах и особенно – за придание основанному им афинскому полису государственной мощи. Именно начиная со времени правления Тесея афиняне, исполнившись заслуженной гордости из-за сильно выросшей значимости своего города, стали желать главенства во всем над эллинами.

Самый большой и, несомненно, древнейший всенародный праздник афинян в честь Афины, защитницы городов был установлен Эрихтонием, рожденным Геей из семени Гефе-

ста, пролитого на бедро Афины и брошенного ею в землю. Сначала это был только деревенский праздник, называемый Афинейми, на котором были гулянья селян с хороводами, разные игры и жертвоприношения.

Тесей же, собрав в Афинах представителей всех городов Аттики, постановил:

– В память об объединении мной всей Аттики в единое государство я устанавливаю всенародные празднества на вечные времена для всех без исключения жителей Аттики и даю ему новое название "Панафинеи."

В начале это были только конные состязания, впоследствии тиран Писистрат, стремящийся к гегемонии афинского полиса во всей Греции, добавил к ним гимнастические, а один из «отцов основателей» афинской демократии Перикл (окружённый славой) – музыкальные соревнования. Наградой победителям всегда были оливковые венки и красивые расписные сосуды с оливковым маслом со священных деревьев. Самой значительной частью Панафиней были торжественные шествия в день рождения Афины 28 Гекатомбеона. В этом шествии принимали участие не только граждане Аттики с представителями всех ее властных органов, но и посольства других государств, и потому это шествие было проявлением величия и силы Афин.

В Паросской хронике говорится, что Тесей учредил государственное устройство и демократию в 1259/58 г. до н. э.

143. Отказ от единовластия и выделение сословий

Предусмотрительный Тесей не допустил, чтобы беспорядочные толпы переселенцев, устремившиеся в Афины, вызвали в государстве неприемлемое смешение и расстройство. Он впервые выделил среди афинских граждан три основных сословия: благородных, землевладельцев и ремесленников.

Именно Тесею приписывается введение древнейшего строя афинской общины, разделение ее населения на аттических аристократов – эвпатридов (тех, кто более других достоин своей отчизны), геоморов (земледельцев) и демиургов (ремесленников). На самом деле демиурги, которые были значительно многочисленнее, чем все остальные, служили не только ремесленниками, но прорицателями, врачами, вестниками – глашатаями, ковровщиками, скульпторами и кондитерами.

Тесей благородным эвпатридам так заявил:

– Вам предоставляется право занимать высшие государственные должности, а также учить законам другие сословия и толковать установления божеские и человеческие. Только вы благородные имеете право давать советы царям, имеющим божественное происхождение.

На народном собрании афинян Тесей так сказал всем

гражданам:

– В целом все три главных афинских сословия справедли-
во уравниваются между собой: немногочисленные благород-
ные – эвпатриды превосходят всех прочих врожденным до-
стоинством; земледельцы – геоморы – самым необходимым
для всех трудом, и потому они являются основной опорой
государству; ремесленники-демиурги – своей разнообразной
деятельностью и подавляющей численностью.

Геоморы были мелкими земледельцами, крупные же зе-
мельные наделы были сосредоточены в руках родовой ари-
стократии. В зависимость от эвпатридов попадало все боль-
ше мелких свободных земельных собственников, так росла
долговая кабала, служившая одним из источников рабства.
Наряду с рабами и свободными по рождению в Афинах су-
ществовали метэки – свободные граждане из иностранцев и
отпущенных на свободу рабов, они были лишены некоторых
политических и экономических прав в отличие от свободных
полноправных граждан. В шестнадцатый день месяца гека-
томбеона Тесей справил Метэкии (или Синойкии).

Тесей стал первым царем, образовавшим демократиче-
ское содружество, и поэтому Гомер в «Каталоге кораблей»
только одних афинян называет «народом».

Однако Павсаний говорит, что среди народа существует
общераспространенное мнение, будто Тесей передал все ру-
ководство делами народу, и что, начиная с этого времени,
Афины стали демократией, пока Писистрат не восстал и не

сделался тираном, выдвинутым плебеями (простой народ) для защиты их интересов. Некоторые, правда, не верят в правдивость этой истории. Рассказывается и многое другое, неверное, среди народа людьми, не очень сведущими в истории, которые все, что они в дни детства слышали в хорах и в трагедиях, считают за истину. Говорится это, в частности и относительно Тесея; на самом деле он и сам царствовал, и впоследствии, после того как умер царь Менесфей, возглавивший поход афинян против Трои, потомки Тесея до четвертого колена сохраняли за собой царскую власть.

Таким образом, Тесей еще не установил настоящую демократию в Афинах, но он, оставаясь царем, заложил демократические основы царского правления. Демократия должна была пройти в своем развитии различные фазы и ступени.

Многие говорят, что Тесей стал первым афинским царем, который начал чеканить монету, он выбивал на ней изображение быка, что объяснялось по-разному. Некоторые видели в бычьей голове на монете побежденного Тесеем Минотавра или Миносова полководца Тавра. Другие считали, что на монете изображен Марафонский бык, либо своеобразный совет согражданам больше заниматься земледелием и животноводством. Благодаря этим монетам, бывшим долгое время в ходу, говорят, пошли выражения «стоимость в сто быков», «стоимость в десять быков».

144. Встреча Тесея с Эдипом [219]

Тесей, как афинский царь, сыграл важную роль в драматических событиях, развернувшихся в Фивах вокруг знаменитого рокоборца сына фиванского царя Лая и Иокасты Эдипа. Эдип был праправнуком героя Кадма и богини согласия Гармонии, дочери Ареса и Афродиты.

Говорят, первый супруг легкомысленной богини красоты и любви олимпийский искусник Гефест за измену любимой жены проклял всех ее потомков и изготовил дивное с виду ожерелье, пропитанное этим проклятьем. Ожерелье, получившее название Ожерелья Гармонии обрекало на несчастье всех женских потомков Гармонии, которая была единственной дочерью неверной супруги божественного кузнеца.

Внук Кадма и Гармонии Лай и его троюродная племянница Иокаста, несмотря на предупреждение оракула, по непрекаемой воле Мойры Лахесис становятся супругами и родителями Эдипа. Эдип, получив предупреждение Пифии, о том, что он убьет отца и женится на матери, пытается бороться с Роком, но именно из-за этой борьбы по неведению все же совершает то, от чего всеми силами пытался уйти. Думая, что его родители коринфский царь Полиб и его супруга Метропа, в доме которых он был воспитан, Эдип решает не возвращаться из Дельф, где он узнал оракул, в Коринф. По дороге в Фивы он встречает царственного старика в колеснице

и в ссоре, случайно посохом убивает его. Вскоре Эдип избавляет Фивы от страшного порождения Ехидны и Тифона певичцы ужасов Сфинкс (душительница). Незадолго до этого Креонт, сын Менекея и брат жены Лая Иокасты, узнавший о смерти Лая, приказал объявить по всей Греции, что фиванский трон и рука царицы будут наградой тому, кто освободит город от чудовищной крылатой певичцы, душившей людей в львиных объятьях. В результате Эдип по неведению женится на матери, становится отцом своим братьям Полинику и Этеоклу, и сестрам Исмене и Антигоне. Узнав через много лет во время ужасного мора, насланного богами на Фивы, страшную истину, Иокаста кончает жизнь в петле, а Эдип в отчаянье себя ослепляет иглою пряжки золотой, чтобы не видеть больше тех ужасов, что вынес он, – и тех, что сам свершил.

Некоторые рассказывают, что Эдип не только ослепил себя, но и оскотил. Душа Эдипа огнем раскаянья пылала и сладостно ему хотелось, чтобы его слепого забили бы камнями насмерть, но люди волею его пренебрегли сначала. Граждане и Креонт, отныне ставший стражем всей земли фиванской, не решались изгнать Эдипа, ожидая решения его судьбы дальнейшей богами, царящими в небе широком.

Когда же оба сына Эдипа Полиник и Этеокл возмужали, они предпочли отцу престол и скипетр, царственную власть, и он бездомным стал скитальцем, слепым нищим. И Эдип проклял сыновей.

Изгнанный из родного города слепой Эдип в сопровождении дочери Антигоны после нищенских скитаний, чтобы, согласно оракулу, обрести вечный покой в роще Эриний приходит в афинский пригород Колон. Там он рассказал местным жителям свою трагическую историю, и те стали гнать его из священной рощи:

– Прочь чужестранец удались! Край наш немедленно покинь! Чтобы на праведный наш город бед ненароком не навлечь!

Когда по зову стражей явился афинский царь Тесей, Эдип обратился к нему с мольбой, на что царь ему ответил, безмерно сострадавая:

– Сын Лая несчастный, совсем ты должен о несбыточном просить, чтобы твоей я просьбы не уважил. Ведь и я, как ты, тоже не в отцовском доме был воспитан и больше, чем другие, на чужбине подвигов, мне неминуемой гибелью грозивших, совершил. Я от такого странника, как ты, надменно не отвернусь, просьбы не уважив, но, напротив, от бед любых тебя постараюсь избавить. Ведь и так ты настрадался в своей жизни чрезмерно из-за того, что тебе уже при рождении Мойры столь ужасную долю соткали. Тебе не надо больше мучиться, ведь, что Рок таинственный определит – то смертным не ужасно. Но чем же я тебе могу помочь?

– Тебе свое измученное тело, как дар, несу. Оно убого только с виду, но знаю я оракул, что более в нем пользы, чем

красы. Однако знай: ждет тебя немалая борьба. Креонт и сыновья мои хотят забрать к себе меня насильно.

– Зачем они тебя зовут сейчас вернуться, когда недавно изгнали сами?

– Их принуждает голос божества, гласящий, что этот край им гибелью грозит.

– Что ж помешает дружбе между нами?

– К тебе сегодня благосклонны Фивы, но время бесконечное без счета ночей и дней родит в своем теченье, и, рано ль, поздно ль, давнюю приязнь сразит копье из-за пустого слова. Тогда мой прах, в сырой могиле спящий, напьется, хладный, их горячей крови, коль Зевса волю правдиво молвил Феб. Но говорить сейчас не должно нам об этой тайне. Дозволь не продолжать. Будь верен слову – и никогда не скажешь про Эдипа, что он напрасно принят был тобой. А коль не так, – обманут я богами!

Тесей, хоть был еще годами молод, но в жизни многое изведal. Он не поверил, что Эдип, наказанный богами, после смерти власть обрета и силу, будет ему полезен, однако он ответил осторожно:

– Кто ж благосклонностью такого мужа пренебрежет? Нет, милости твоей я не отвергну, у нас в стране тебя я поселю. Коль здесь приятно гостю, я пришлю охрану, и никто мне вопреки не уведет тебя отсюда. Я ухожу, чтоб жертву Посейдону принести, но, именем моим хранимый, здесь ты ни в чем не пострадаешь.

145. Распря Тесея с Креонтом [219]

Новый правитель Фив Креонт узнает оракул, согласно которому, местность, где упокоится прах Эдипа, будет одарена богами благополучием народа и всяческой удачей. Он является в Афины в сопровождении вооруженной свиты и, схватив Эдипа с дочерьми Исменой и Антигоной, чтобы силой увести их в Фивы, говорит, злорадства не скрывая:

– Вот и без обоих живых посохов своих остался ты... Коль хочешь, восставай на родину, на близких, чей наказ сейчас я выполняю, хоть и царь над ними, но пусть, по-твоему, все будет! Только знаю: поймешь потом, что ныне, как и прежде, вредишь себе ты необдуманно, с близкими враждуя и гневом оскверняя весь свой век!

Тут прибежал запыхавшийся Тесей, узнавший о явившемся в его страну Креонте:

– Что за крики? Что за смятение вокруг? Что вынудило меня прервать святую жертву и прекратить быков закланье повелителю морей, покровителю Колона? Говорите, знать желаю, для чего сюда поспешно мне пришлось бежать, не чуя ног?

Афинскому царю Эдип ответил благодарно:

– О милый мой! Эгеид я узнаю твой голос. Сейчас здесь тяжкую обиду я претерпел. Креонт за мной явился... и не добившись своего, я слышу, он уходит, отняв моих любимых

дочерей!

Тесей, окинув властным взором все кругом, громко крикнул воинам своей охраны:

– Бегите быстро к алтарям, где я прервал моления, и созывайте весь народ. Передайте конным мой приказ, чтоб они помчались во весь дух туда, где две пересеклись дороги, перехватить похищенных девиц, чтоб мне не стать посмешищем дерзкому пришельцу... Креонту передайте, что из моей не выйдет он страны живым, пока девиц обеих не поставит предо мною.

Добавил царь афинский своим слугам грозно. Когда же окруженного афинской стражей Креонта привели, Тесей строго ему сказал:

– Ты наглým поведением своим опозорил свою страну и весь свой род. Явившись в город, чтущий правосудье, не знающий деяний незаконных, ты пренебрег уставом независимого государства и вел себя, как варвар и захватчик, схватив, кого желал!.. Тебя не похвалили бы и в Фивах, узнав, что ты мое и божеское грабил и бедных, умоляющих угнал насильно!

Сурово так сказал Тесей, а Креонт оправдываться хитроумно стал:

– Я был уверен, что Эдип – отцеубийца, муж, изобличенный в браке нечестивом с матерью своей, так оскверненный, не будет принят здесь. Уверен был – вот и решил забрать преступника и, чтобы он сам со мной пошел взял дочерей

его. Я вправе был так поступить.

Эдип не удержался и с горечью сказал:

– Бесстыдный человек! Убийством, браком, нищетой моей ты укорял меня, – а я невинен! Сам посуди: коль предсказали боги отцу погибнуть от своих детей, – что ж обвинять меня? Все предрешилось по предначертанью Рока, когда отец еще отцом мне не был, еще и мать меня не зачала! Но если я, родившись по воле непреложной Мойры себе на горе, повздоровивши со стариком, убил его, не зная сам, что он отец мой, ужель меня корить за грех невольный? Тебе не стыдно заставляя меня о браке с матерью, сестрой твоею, вслух говорить? О, горе, горе! Но я не знал, не знала и она... Потом – позор! – детей мне принесла... так я попал в беду, ведомый бессмертными богами и Судьбой Могучей. Одно лишь знаю: ты по доброй воле меня язвишь, а грех мой был невольным, и против воли речь о нем сейчас веду.

Креонт, улыбнувшись криво, раздумывал не долго и сквозь зубы медленно ответил:

– Ах, как ты ловок на словах, стал нечестивец! По – твоему выходит, что боги всемогущие заставили тебя свершить все преступления, а ты невинен как младенец. Благочестивый человек, узнав от бога, что он убьет отца и женится на матери, вернулся бы из Дельф к тем, кого родителями считал он и, все им рассказав, от них узнал бы, что он им совсем не сын родной. А ты, зная оракул, стал драться с незнакомыми людьми, которые тебе в отцы годятся. А после?! Как мог

жениться ты на незнакомой женщине не первой молодости, которая в матери тебе годится, прекрасно зная от богов, что ложе матери тебе делить придется?! И потом – все это случилось после того, как тебе сказали, что ты не сын Полиба и Меровпы, что ты приемыш и найденыш...

Увидев, как от слов Креонта весь содрогается слепой Эдип, Тесей повелительно взмахнул рукой:

– Довольно демагогии и слов, вводящих в заблуждение: виновники спешат, а мы, от них страдающие, медлим. Ты сам укажешь мне, Креонт, где спрятал дочерей Эдипа. А если – нет и убегут с добычею злодеи, – горя мало, погоня на конях все равно настигнет их, а ты за дерзкое самоуправство ответишь мне, ведь ты здесь никто, у нас ты бесправный чужестранец.

Тесей повелительно взял под руку Креонта, и они в сопровождении афинских стражников уходят. Вскоре довольный Тесей возвратился к Эдипу и не один – вместе с Исменой и Антигоной.

146. Тесей один присутствует при смерти Эдипа [219]

Прошло немного дней и вот однажды в раскатах непрерывных, в блеске молний, бросаемых необоримой дланью, Эдип увидел себе знаменья от бессмертных, что близится его конец и, призвав Тесея, с благодарностью ему сказал:

– Узнай же, сын Эгея, что избавит от скорби и упадка город твой. Мой прах успокоенный, надежнее крепких щитов, во много слоев обитых кожей воловьей, и многих копий от врагов он защитит страну твою. Пусть это будет тайною от всех, свято храни ее. Когда же подойдешь к пределу жизни, тайну эту передай наследнику, – да будет так и впредь. И никогда твой город не разрушат драконовы потомки.

Лицо Эдипа просветлело, и он добавил тихо:

– Теперь я понуждаем волей божества, найду свою священную могилу, где телу моему назначено Судьбой лежать.

Эдип пошел без провожатых, – напротив, сам показывал Тесею и дочерям, любимым путь. Когда же подошел к крутому спуску, где медные ступени в глубь земли ведут, остановился на распутье. Там он сел, и смрадные свои одежды сбросил, и, кликнув дочерей, велел достать воды – омыться и для возлияний. Они пошли на видный издалека благой Деметры холм, бюстительницы входов. Потом, как он желал, его омыли и в белое одели, по обряду.

Когда же все свершили до конца и просиял сын Лая радостью, внезапно загремел подземный Зевс, и обе девы затрепетали, как тонкие тростинки на ветру. И, припав к коленам родителя, горькими слезами сестры залились, в грудь стали бить себя, одежды раздирая на себе и завопили. А когда при молкли стоны и перестал звучать их скорбный вопль, настала в мире гробовая тишина, которая звенела как музыка небесных сфер. И некий голос торжественно позвал Эдипа, и во-

лосы у всех зашевелились, все стояли в страхе. И многократно, ясно бог тут воззвал:

– Эдип, Эдип, что медлишь ты идти напрасно? И так уже ты запоздал намного!

И, услышав призывный голос бога, он подозвал царя Тесея. Тот приблизился, и старец молвил:

– Милый! В знак верности моим дай руку детям. Вы, дети, также. Поклянись, что их ты не оставишь и всечасно будешь о благе их заботиться, как друг.

Тот обещал. Тогда, детей не видя, он, руки протянув, в последний раз коснулся лиц их и молвил:

– Дети, будьте всегда тверды духом, сейчас же отсюда удалитесь, не просите о том, что видеть и внимать не должно. Скорее же! Пусть лишь Тесей по праву останется при мне и знает все.

Так он сказал. И, выслушав его, в слезах послушно девушки ушли. И лишь немного удалившись, назад оборотились вновь – и видят: уж нет его на месте том, один стоит герой Тесей.

Рассказывают, что царь афинский рукою заслонил глаза свои, как будто некий ужас возник пред ним, невыносимый зренью смертного. Тесей, к земле склонившись, и к горнему Олимпу, где блаженствуют боги, единую молитву обратил. Но как Эдип скончался, рассказать никто не может – лишь один герой Тесей.

Некоторые говорят, что ни огненная молния богов его не

похищала, ни от моря вдруг вставший черный вихрь крыльев Танатоса его не уносил. Присутствовал ли там Гермес, посланец быстрокрылый богов бессмертных, которого все называли Психопомпом (проводник душ)? Иль каменные недра перед ним Земля сама приветливо разверзла? Они говорят, что без стенаний, горести и мук пропал с солнечного лика земли Эдип, всех более из смертных достойный изумленья.

Другие говорят, что Тесея видел, как чернокрылый Танатос отсек своим мечом огромным седую прядь волос Эдипа, из тела брэнного исторгнул душу и вихрем черным к Реке умчался. А перед этим афинский царь, якобы, видел еще юную деву с весами золотыми, ножницами из адаманта и солнечными часами, которыми она потрясала, как бы указывая Эдипу и Танатосу, что момент его смерти давно уж настал. Будто бы это была сама юная обликом Мойра Атропа, прозванная Неизбежной...

147. Тесея умоляют о помощи старухи и Адраст [82]

В последующие несколько лет после смерти Эдипа между двумя его сыновьями возникла смертельная распря из-за фиванского трона. Этеокл, после года правления, не освободил, согласно уговору царствовать поочередно по году, фиванский престол брату. Полиник, женившийся на дочери ар-

госского царя Адраста, убедил тестя возглавить поход Семерых против Фив. Когда четверо из семерых героев пали под фиванскими стенами, проклятые отцом братья в роковом поединке убили друг друга.

Опять занявший фиванский престол Креонт запретил хоронить Полиника и других павших в сражении аргосских героев.

И вот к Элевсинскому храму благой богини Деметры, на высоких ступенях которого в золототканной царской одежде стояла бывшая трезенская царица Эфра, а теперь еще и мать царя набравших силу Афин, пришли обезумевшие от горя вдовы и матери – старухи. В знак мольбы они трясущимися руками протягивали к Эфре оливковые ветви с намотанной на них белой шерстью.

Единственный из участвовавших в походе Семерых героев оставшийся в живых Адраст, придя в Афины, припал к алтарю Элея, бога Жалости и Милосердия и, положив на него ветвь молящего о защите, стал просить о помощи в погребении мертвых. Не получив ответа, он вместе с матерями погибших воинов пришел к храму Деметры и лег, лицом зарывшись прямо в землю, прикрыв голову сверху темным плащом.

Старухи в это время обнимали и целовали колени афинской царицы, слезно умоляя ее помочь им:

– Царица ты тоже мать и потому должна нас понять. Известно во всей Элладе справедливостью своему сыну, ве-

ликому афинскому герою, вели нас спасти: мертвых детей, царица, пусть нам вернет новый царь Фив! Несчастье прибило нас к этим ступеням. Правда с нами, и мы, как мать, умоляем тебя помочь сыновей наших несчастных останки в могилы сложить и похоронить согласно обряду.

Тут появился Тесей с небольшой свитой. Увидев окруженного отроками лежащего вниз лицом человека, Тесей спросил, кто там распростерт и о чем он молит. Адраст вскочил и с готовностью сам быстро стал говорить:

– Аргосского Адраста видишь ты, Эгея знаменитый сын. Ты, конечно, слышал, царь, про мой пагубный поход на Фивы. Шестеро из семерых возглавлявших отряды героев погибли по предначертанью Могучей Судьбы, которой не может избежать ни один земнородный муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится. Я возвратить мне их трупы просил, но дорвавшийся до власти Креонт, опьяненный успехом, надменно посольство мое отклонил. Теперь лишь на тебя надежда осталась... Царь! Только ты один можешь выволить из нечестивого плена тела погибших в сраженьи аргосские герои!

Тесей поморщился, глядя неодобрительно на Адраста и сказал ему с явным неудовольствием:

– Я, конечно, слышал о вашем походе Семерых. Что я могу сказать? – Отважный дух, но ум не крепкий тобой руководил, Адраст, ведь знал прекрасно ты от шурина Амфиарая оракул, что все герои, возглавлявшие поход семи отря-

дов, должны будут погибнуть под стенами фиванскими, за исключением тебя. И, кроме шести героев, там погибло еще немало воинов, желавших быстро достичь блестящей громкой славы.

– О лучший вождь Эллады, царь Афин, мне совестно, Тесею, перед тобой склонять свои седины и колени охватывать, моля, твои... Я виновен... Но будь же милостив, Тесею, как Зевс велит и к сердцу прими великодушно мой печальный жребий. Афины, знаю, сочувствуют несчастью Аргоса, но сострадания недостаточно. Ты можешь сделать больше, ведь несмотря на молодость, ты доблестен уже, и подвиги великие твои известны всем в Элладе. Помоги только похоронить тела погибших, которые нам взять не разрешают.

– Есть люди, которые гордыне ослепить рассудок свой дают, и потому умней богов себя считают. И ты из них, Адраст. Ты дочерей за чужестранцев выдал, оракулу послушный; значит, ты в богов-то верил, если даже чистый не поболся дом свой запятнать, внося в него грехи чужие. Но кто Судьбу с преступными связал, будь даже сердцем чист, суда богов тот трепещи! Когда ты начинал войну, и речь гадалей угрозой над Аргосом звучала, о Мойре и богах подумал ли ты, царь? Не ты ли в бездну мрака сам увлек свои войска и знаменитых шестерых героев? Бог не знает ни снисхождения, ни милосердия, ему понятна и мила лишь справедливость, а ты о ней подумал? Ведь не фиванцы же пришли с войной к аргосским стенам! И что теперь, неужто мне

в союз военный вступать с тобою? Ведь просто так, по моей просьбе, Креонт надменный и мне трупы героев ваших не отдаст... Так, что, раз ты затеял поход на Фивы, так сам же и сноси его последствия, не избегая взора Дике. Мы ж, афиняне здесь не при чем.

Адраст, говорят, славился своим красноречием, однако на этот раз ему не удалось склонить на свою сторону царя Афин. Аргосский царь скорбно поджал губы и, сдерживая скупо слезы, тихо промолвил:

– Не хочешь ты нам помочь, Тесей... увы, что ж тут поделывать! Спорить с тобой у меня нет никакого права, да и тщетно это... Идемте ж прочь, вы, матери и вдовы... Блестящую листву оливковых ветвей своих оставьте на ступенях алтаря. Призываю в свидетели богов я. Землю-мать в свидетели беру, Деметры факел призываю, Солнца свет, что были моления наши сделаны, но оказались бесполезны.

148. Эфра просит сына помочь несчастливым матерям и вдовам [82]

Тесей подошёл к матери и, увидев слезы на ее глазах, заботливо спросил:

– Ты плачешь, мать? Помнишь, когда мы в первый раз с тобой надолго в Трезене расставались, я тебе сказал, что слезы делу никогда не помогают. Тебе так жалки стоны этих молящих, что в тебе смутилось сердце... о, подними же голо-

ву: у очага богов не надо плакать, лучше говори. Тебя я буду прилежно слушать, ведь из материнских уст порой прекрасные советы исходили.

– Дерзну ль с тобой я говорить о доблести Тесеевой и об афинской чести? Нет, не хочу молчать, чтобы потом раскаяньем терзаться. Остерегись быстро решать, подумай, не делаешь ли ты большой ошибки, царь Тесей, когда не хочешь попорченную справедливость восстановить. Страх не знаю я, когда тебя зову восстать против мужей, которые мешают убитому быть погребенным. Силой вступишь за них, афинский царь Тесей, и эллинский закон от нечестивых рук спаси. В охране божественных законов надежда наша и сила наших городов, объединенных вокруг Афин. Неужели ты хочешь дожидаться, что б кто-нибудь сказал, что трусость отклонила от истины Тесееву десницу: с Минотавром он не побоялся драться, а едва блеснула медь фиванского копья, и шлем с султаном метнулся в глаза ему, он оробел... О нет, я родила другим тебя, не трусом. Ты, кровь моя, ужель без помощи оставишь несчастных матерей и без могил убитых в сражении героев? Я за тебя не буду трепетать, когда в поход тебя за руку святая Правда поведет. И плакать я не буду. Пускай трусливых провожает плач, тебя ж, мой милый, в поход я провожу без слез.

Тесей долго думал, потирая тонкими пальцами свой высокий лоб, свободный от волос и не спеша потом ответил:

– Слова мои Адрасту и теперь я повторить готов насчет

ошибок, которые его сгубили, мать! Но и твои внушения, родная, не прозвучали сейчас даром. Не пристала Тесею трусость – это правда. Сам эллинов я приучил во мне карателя злодейства видеть, где бы оно ни притаилось. Уж если ты, забыв свой вечный страх за сына, посылаешь меня сама на праздник ратный... Чего ж нам еще ждать? Я никогда не был упрямым. Итак, за дело! Мертвых героев уговорю фиванцев вернуть аргосским матерям и вдовам, а, если уговоры не помогут, то есть в запасе и меч у нас. Однако, если до этого дойдет, то и воля афинского народа на поход на Фивы необходима нам. Хоть за мной, я знаю, пойдут они, но если обсудить я дам им это дело, то охотнее они пойдут. Теперь пускай со мной Адраст идет в народное собрание. Мои слова подействуют сильнее при зрелище несчастного. И если граждане решат сражаться – с отборным войском меня фиванцы ждите! Посмотрим, что ответит нам тогда фиванский вождь Креонт на просьбу выдать тела мертвых.

Афинские граждане не спорили и поддержали своего царя и Правду. Напротив, желание его предугадав, они в поход идти постановили сами. И Тесей решил отправить в Фивы своего герольда, сказав, чтоб он тирану надменному Кадмеи такие передал его слова:

– Отдай, Креонт, как требует древний закон, для погребенья аргосские тела. А наш твоей услуги город не забудет. Уважь просьбу Афин, как ласковый сосед. А если нет, мы не отступимся. Тогда гостей, но с копьями и с мечами ждите!

И тут Тесей увидел, что фиванцы его предупредили: к ним прискакал герольд из семивратных Фив.

149. Разговор Тесея с фиванским герольдом [82]

Увидев Тесея, фиванский герольд, выпучив навывкате глаза, спросил его надменно:

– Ты – господин этой страны? А я герольд могучего Креонта из семивратных Фив, города с эмблемой львиной.

Тесей, не двинувшись навстречу, посмотрел с язвительной насмешкой на герольда и ответил так же высокомерно:

– Начало твоей речи ложно, чужестранец: Ты ищешь здесь господ напрасно. Должно быть, ты понять не в силах, что город наш особенный, он гордится правдой и свободой, и выбранные граждане посменно каждый год его делами славят.

Фиванец хмыкнул пренебрежительно и потом сказал, как Ментор с острова Итака:

– Я удивлен, не скрою. Ну, дело ль, чтоб невежды, чтоб чернь кормилом правила. Досуг – вот школа для правителя. А бедняку, будь даже он и даровит, работа тяжкая на ниве не дает досуга о делах народа думать.

Тесей тут согнал с лица ехидную улыбку и, нахмурившись, ответил мрачно:

– А ты речист герольд Креонта, но затеваешь бесплодный спор... Тем более меня не надо поучать, ведь я уже не юно-

ша. Власть одного есть худшее из зол для города и граждан. Бессильны и законы в такой стране, где царствует тиран и где закон есть его воля... Но полно спорить и понапрасну воздух сотрясать. Ты дерзость слов оплакал бы сейчас же, когда б в тебе не чтил я Фив. Скажи, зачем Кадмеей ты послан к нам... Порученье исполнить поспеши, и с богом, убирайся гость незванный! И не забудь сказать Креонту, что впредь я поскромнее к нам вестника просил бы отряжать.

– Я здесь из-за аргосского Адраста. Ведь он теперь у вас, и царь Креонт вас просит до заката его отсюда выслать, разорвав заклятие повязок скорбных и ветвей оливы. А главное – все мысли о том, чтобы забрать из Фив тела убитых силой вам лучше навсегда оставить. Подумай хорошенько, ведь ты за мужей, восставших на богов, вступиться хочешь. Их погубила дерзость, а ты тела их нечестивые хочешь похоронить. Да разве ж не поклялся надменно Капаней, к стене приставив сходни, город наш разрушить, хотя бы бог того не допускал? И что теперь? Ты скажешь, что смерть, молнией его испепелившая, не была достойной карой для наглого и дерзкого героя? А не сама ль земля разверзлась, чтобы принять в свои глубины гадалея Амфиарая, вместе с лошадьми? И разве другие воины с раскрытыми головами под стенами фиванскими не пали? Если лучшим себя судьей не мнишь ты, чем сам властительный Кронид, признай, что злых он покарал как должно, и трупы нечестивцев лежат без погребения справедливо. Поэтому еще раз повторяю кратко: через

меня наш царь Креонт тебе вступаться за Адраста запрещает.

– Не знал я до сегодня, что мне Креонт – начальство или, что Фивы так могучи, что могут приказывать Афинам... Я войны не разжигал, к походу Семерых на Фивы не причастен. Погребенья оставшимся телам на поле битвы я хочу, и только. Похорон мертвых требует закон древний Эллады. Где ж тут несправедливость? Аргос конелюбивый был, по твоему, неправ, затеяв тот поход. Ну что ж? Он землю покрыл за то телами убитых своих граждан. Вам, нападение отразившим, – слава, им – позор. И, значит, по справедливости, все квиты. Теперь же вы должны дать мир погибшим, пусть вернется их дыхание в горний Эфир, а тело в землю. У нас есть древний аттический закон: кто увидит непогребенное человеческое тело, под страхом сурового наказания должен бросить на него хотя бы горсть земли, хоронить же следует лицом к закату. Не только Аттику, вы всю затронули Элладу, лишая мертвецов могил. И бойся на страну свою навлечь несчастье, нарушив справедливость, ведь Зевс ее защитник главный. Итак, к чему ж пришли мы? Еще раз повторяю: дайте земле предать тела убитых, делом божьим заняться не мешайте несчастным матерям и вдовам, а если нет, то я вызволю их трупы силой. Никто не скажет, что закон божественный и древний нарушен был, и Афины при мне остались к нарушению не причастны.

– Не получить тебе добром от нас аргосцев, как ты же-

лаешь. Если хочешь, то испытай, покойны ль нивы древних Спартов?

– Такой ответ предвидел я, и потому мы собираемся уже в поход! Я поведу афинских воинов на землю Кадма, к его твердыне семивратной, древней. И войска нам огромного не надо, ведь кто стоит за правду, тому одно лишь важно – чтобы бессмертные с ним рядом были. Великий Зевс да святая Дике одни даруют нам победу.

Сказал Тесей с улыбкой просветленной. Он, вспомнив оракул о месте погребения Эдипа, стал надеяться на легкую победу, хотя и не верил в него до конца.

150. Битва афинян и фиванцев [82]

Лишь только блестящие и чуждые обмана лучи светила Гелия поля Кадмеи осветили, как афиняне по оружию на три отряда разделились. До самого Исмена, говорят, тяжелооруженные пешие гоплиты простирались, края древней Кекропии питомцы, – и шлемоблещущий Тесей в их голове на правом фланге стал. Против Ареева ручья тянулись боевые колесницы, и, наконец, у гроба Амфиона стояла кавалерия и строй афинский замыкала. Возле стен позицию фиванцы занимали, загородив свой страшный приз – мертвые тела, из-за которых началось новое сражение.

И тут, перекрывая шум, прозвучали, как гром для всех, простые, ясные слова Тесея:

– О воины афинские, на миг замолкните! И вы прислушайтесь ко мне, фиванские отряды! Мы за телами павших здесь аргосцев, чтоб их похоронить – мы защищаем право, всем эллинам священное, – ничуть мы не хотим вас убивать. Отдайте трупы аргосских воинов для погребенья, и никакой войны не будет.

Не внял Креонт надменный Тесея мирному призыву. Упорно и в молчанье его войска хранили грозный вид. Тогда открылся бой с военных колесниц. Вот смялись все, поправ ровный строй, вот копья уж скрестились, и стрелы полетели. Пыль черная столбами к небесам вздымалась. Кровью залитые бойцы слетали с колесниц, бездыханные падали на землю гоплиты.

Креонт, заметив, что всадников успехи становятся для строя все грозней, хватается за щит, командуя фиванцам всем идти в атаку. Время зря и шлемоблещущий Тесей не потерял – и он открыл движенье, блистая доспехов медью и потрясая султаном шлема. Строй на строй, бегут, сшибаются, резня и рукопашный бой повсюду.

Кричали все: Алала! Креонт вопил:

– Фиванцы бейте их! Тесните афинян от наших стен!

И доблестно фиванский люд сражался, бойцы не слабые потомки воинов, восставших из зубов дракона. И вот на левом фланге афиняне подались и стали отступать, но правое крыло Кадмейское вдруг побежало.

Весы загадочного Рока, на которых Зевс мерил жребии,

все время колебались, и чаши их качались ровно. На этих Мировых весах, ему подаренных самой Мойрой, Зевс Эгиох взвешивал роковые жребии, как отдельных людей, так и целых народов для каждого дня и, согласно их показаниям, часто бросал молнию, как знак поражения в битве или схватке одной из сторон. Когда же чаши весов ровно стояли, медлил отец бессмертных и смертных, и в дни такие богиня случая Тюхе везде привольно резвилась.

И тут Паллада, внимательно наблюдавшая за отцом, не выдержала и, оттолкнувшись мощно своим копьем, бурно понеслась Тесею и Афинам помогать, ведь этот город носит ее имя. От самого Олимпа бурно вниз богиня устремилась, как быстрый сокол, заметивший с высоты птичью стаю. Девственная богиня была не подвластна любви к мужчинам, но обожала доблесть героев и многим из них помогала. Рея, подобно крылатой богини победы, над полем боя никому незримо, она и копья с медными жалами, и стрелы, слетающие хищно с фиванских луков, мощной своей рукой отводила от Тесея и делала это так же легко, как заботливая мать стоняет надоедливых мух со своего спящего сладко младенца.

Но и сам царь афинский был достоин любой похвалы! Своим успехом не был он опьянен, и сотрясался не только гудящий от звона оружия и доспехов воздух, но и земля от его громогласного клича:

– Доблестные дети мои! Коль вы сейчас не устоите, то

исчезнет само имя Афины под игом потомков Спартов. За мной, вперед, гимнеты! И конные, и гоплиты из-за щитов разящие! На приступ все!

Эта пламенная речь вздымает дух кранайцев. Потрясая оружием, с криком «Алала» на врага устремились афиняне, как перелетные птицы. С криком подобным журавли пролетают высоко в небе, улетаая от зимних холодов и осенних дождей; с курлыканием несутся они к Океановым быстрым теченьям, погибель готова низкорослым пигмеям. Так же и афиняне с победными криками смерть фиванцам несли.

Сам Тесея, потеряв воткнутый во врага меч, хватает свою изящную палицу, что некогда себе из Эпидавра вывез, отняв ее у Дубинщика Перифета. Выкованная для сына колченогим богом-кузнецом, теперь уже палица Тесея, как бы сама после его смертоносных ударов горделиво всем возвещала:

– Мы с моим новым владельцем, обретшим меня в честном сражении, совершенно неодолимы.

И страшны были молниеносные взмахи медной дубины, и голов клонилось бремя с вражеских плеч, и, как спелые колосья под резвым серпом, летели шлемы потомков Спартов. Охраняемый Афиной Тесея решил исход сражения, и, наконец сдались фиванцы и побежали, стараясь спрятаться в городе. Некоторые афиняне от радости начали в ладоши бить, задорно плясать и петь.

Вой и стоны фиванцев не прекращались, по городу и молодые и старые носились, и, сбегааясь, наполняли они смяте-

нием храмы. Город был афинянам совершенно открыт, но Тесея рати свои от разрушения и разграбления Фив удержал:

– Афиняне не забывайте, что не рушить Фивы, а силой оружия отобрать тела убитых в прошлой войне аргосских героев сюда мы явились. Ведь так и объявил я, собираясь в этот поход. Поэтому не убивайте бросивших сражаться фиванцев.

Только сейчас по-настоящему поверил Тесею предсмертным словам Эдипа о том, что его прах, в сырой могиле спящий на земле афинской, напьется, хладный, фиванской крови горячей. Теперь он точно знал, что никогда его великий город драконовы потомки не разрушат.

151. Похороны аргосских героев. Явление Афины

По приказу Тесея торжественное похоронное шествие открыли Адраст и отроки – дети погибших аргосских героев. Затем следовали семеро покрытых носилок, из коих двое были без мертвых. Шествие замыкал сам Тесею в окружении небольшой свиты.

Когда подошли к скорбно стоящим старухам, тела по знаку Адраста поставили перед матерями погибших, которые страшным, сплошным движением бросились на закрытые носилки. Они рвали свои седые волосы, срывали с себя покрывала, царапали щеки и груди, и горестные их вопли ис-

тошные о безвременно снизошедших в Аид сыновьях поднимались в покрытое черными рваными тучами хмурое небо.

Между тем, Тесей, готовясь сжигать трупы, так сделать объявил:

– Почерневшее тело сына Гиппоноя дерзкого героя Капанея, которого отметил сам Зевс ударом молнии жгучей, должно гореть одно, ведь он бессмертных достоянье. Всех же других – в один общий для всех костер.

Когда Адраст позвал всех жен и матерей, чтоб попросились с сыновьями и мужьями, Тесей остановил их, властно подняв руку. Афинский царь скорбно сказал:

– Боюсь, что многие из женщин не вынесут ужасных перемен, произошедших с мертвыми телами их сыновей.

Тогда Адраст, благодарный Тесею за столь желанное погребенье, покорно так воскликнул:

– Совет царя афинского хорош, и мы не будем спорить. Крепитесь же, старухи! Останки ваших сыновей сначала мы сожжем и после отдадим вам пепел. Своих увидите детей вы, но уже в урнах...

Когда сожгли героев, и отроки, взяв урны с отцовским прахом, пред матерями их поставили, Тесей, встав на пригорок, руки воздел и царственно изрек:

– О матери аргосские, и ты, о царь Адраст, в руках детей, которым вернули мы тела отцов в сражении погибших, пусть прах тот славный остается. Это дар Тесея и города Паллады. Эту нашу милость принявши, сохраните, чтоб она из памяти

не исчезла никогда. Дети ж пусть передадут в потомство, чем обязаны Афинам... А как почтили вас, свидетели теперь – Кронид и боги...

Некоторые говорят, что, когда все собирались расходиться, на альтане возникла вдруг Афина. Могучая дочь Зевса была в своей возбуждающей ужас эгиде, на коринфском шлеме ее трепетал султан из конского волоса высокий, двойной, в деснице мощной она сжимала свое неодолимое копье, а в другой – держала сову.

– Сперва, Тесей, исполни речь Афины, для города полезную. Ты прах не слишком ли отдать поторопился аргосцам этим юным, чтобы они перенесли к себе его? Сначала, взамен трудов народа и своих, ты клятву с них возьми. Клянется ж пусть Адраст – он царь и за свою страну в ответе. А клятва в том, что Аргос никогда в афинские не вторгнется пределы, и, если б кто другой вступить задумал, он с оружием в руках мешать обязан... Дальше – кровь из жертвенных животных соберешь ты в особенный котел. Когда от пепла Трои Алкид к делам переходил иным, он дал тебе добычу, чтоб ее ты посвятил на очаге Дельфийском. Треножник был то медный. В его недра дай овчей крови стечь, а клятву ты на меди начертаешь. Аполлону затем ты дар Геракла перешлешь, и в памяти у эллинов присяга останется Адрастова прочней закреплена Дельфийцем. Меч, которым овец колол для жертвы, зарыть потом ты должен, где костерной груды чернеть остались угли, чтоб, если на Афины дерзновенно ар-

госец встал, – поднявшись, длинный меч прогнал его смятенным.

Не дожидаясь ответа, Афина мощно оттолкнулась своим огромным копьём от земли и, блеснув в небе, словно яркая звезда, которой сын хитроумного Крона знаменье шлет морякам, скрылась за тучей так же внезапно, как появилась. Тесею же все исполнил, как Паллада приказала. После кости спаленные он отдал аргосским матерям и вдовам, а поле то, где их тела пожрало пламя, он светлоокой Тритониде посвятил.

152. Дружба и союз с Пирифоем

По непререкаемой воле Мойры Лахесис у могучих героев, рожденных от двух отцов – смертного и божественного, как правило, были братья-близнецы, как, например, у Полидевка был брат Кастор, а у Геракла – Ификл.

У Тесея же брата не было. Он, конечно же, хотел быть сыном Посейдона и, чтобы у него был брат-близнец, рожденный Эфрой от смертного Эгея. Однако Эфре Могучая Судьба даровала только одного сына. И все же, хоть и с большим опозданием, таинственный Рок, понять который смертный не в силах, послал Тесею друга, ставшего для него даже больше, чем братом.

Первые подвиги Тесея прославили его на Коринфе, истребление чудовищного Минотавра сделало его выдающим-

ся афинским героем, ведь живую дань юношами и девушками Криту платили Афины. Когда же Тесей, став афинским царем, объединил всю Аттику вокруг Афин и превратил их в большой полис, который со временем становился все могущественнее, о его силе и храбрости стали говорить по всей Элладе.

О Тесее узнал Пирифой – царь фессалийского племени лапифов, сын героя Иксиона, имевший, как говорят некоторые, в качестве божественного отца самого Зевса. Пирифой, одержимый богиней дерзости и спеси Гибрис, возжелал испытать молодого афинского царя и угнал из Марафона почти всех Тесеевых коров. Когда же царь лапифов услышал, что хозяин стада с оружием в руках пустился по его следу, то не бежал, но, напротив, дерзко повернул ему навстречу.

Плутарх говорит, едва оба мужа завидели друг друга, каждый был восхищен красотой и отвагой противника, и они одновременно оба воздержались от битвы.

Пирифой первым протянув руку и радостно сверкая зеленоватыми, как у дикой кошки, глазами, сказал так понравившемуся ему Тесею:

– Возрадуйся великий Тесей! Мое имя Пирифой, я воспитан в семье царя фессалийских лапифов Иксиона, хотя мать моя Дия говорит, что во сне ее соблазнил сам Зевс, чтобы отомстить ее мужу Иксиону за его страсть к Гере. Мать говорит, что мое имя означает «быстрый, как струя» потому, что она, как могла, быстро пыталась ускользнуть от Зевса-Кро-

нида, но не смогла. Я прошу тебя, царь прекрасного города Паллады, стань моим самым строгим судьей за совершенную кражу, и я заранее согласен с любым наказанием, какое ты назначишь мне за угон твоих коров.

Тесей же не только пожал протянутую руку, но и, пристально посмотрев Пирифойю в глаза, показавшиеся ему изумрудными, словно пытаюсь проникнуть в самые потаенные уголки души юного царя лапифов, обнял его с такими восторженно-почтительными словами:

– Радуйся, славный сын Зевса! Я не только с великой радостью прощаю тебе невольную вину, ведь ты взял моих коров в то время, когда мы не знали друг друга, но и предлагаю тебе искреннюю дружбу и нерушимый союз в борьбе с любимыми врагами.

Пирифой с радостью согласился, и, не сводя друг с друга влюбленных глаз, свой уговор они скрепили клятвой и обменялись кинжалами в знак самой преданной дружбы. Эту клятву друзья сдержали и совершили вместе много подвигов.

Отныне Тесей и Пирифой были неразлучны и всё делали сообща, словно любящие супруги. Судьбой давно было предначертано им вместе воевать с амазонками, в Калидонской охоте участвовать, сражаться плечом к плечу в знаменитой битве лапифов с кентаврами, похитить из Спарты Елену Прекрасную.

Некоторые считают, что друзья участвовали так же и в

плавание аргонавтов за золотым руном, другие же говорят, что в это время они были в Аиде, накрепко прикованные к каменному трону Леты.

Говорят, так же, что неразлучные друзья часто организовывали пиратские набеги и среди их добычи всегда было много красивых дев, и царица амазонок Антиопа, ставшая Тесею возлюбленной супругой, была среди них.

Последним совместным подвигом неразлучных друзей стала их роковая попытка завладеть властительницей подземного царства Персефой, которая закончилась для друзей очень печально – они провели в каменном плену в Аиде несколько лет, пока Геракл не освободил Тесея, а Пирифоя Персефона не отпустила.

153. Битва кентавров с лапифами

Через некоторое время Пирифой, собираясь жениться на внучке бога северного ветра Борея Гипподамии, дочери фессалийского Бута, пригласил своего нового друга Тесея на свадьбу, чтобы поближе с ним познакомиться и заодно показать исконные земли лапифов.

На свадебный пир жених позвал так же и тучеродных кентавров, которые были родственниками и его, и невесты. Однако, поскольку гостей оказалось больше, чем мог вместить скромный по царским меркам дворец Пирифоя, кентавры, братья его по смертному отцу Иксиону, вместе с сыном ца-

ря Пилоса Нелея и Хлориды Нестором, Кенеем (или Кенидом, ибо раньше он был девой Кенидой) и другими владельцами из Северной Фессалии залегли за столами, накрытыми в просторной затененной дубравой пещере с высокими сводами-потолками.

На свадьбе был темноволосый юноша Менесфей с серыми глазами, глядящими все время упрямо. Приходящийся двоюродным братом Эгею, он был дядей Тесея, хотя они были почти ровесниками. Говорят, этот Менесфей все же поднес одному из кентавров большой двуручный кубок с вином, несмотря на строгий запрет предусмотрительного Тесея. Кентавры, никогда ранее не знавшие вина, почуяв его необычный дурманящий запах и, распробовав его вкус необычный, оттолкнули стоявшее перед ними кислое молоко и бросились сами наполнять вином кубки и посеребренные костяные рога. Им очень понравился вкус неразбавленного вина, и они с жадностью набросились на него, и потому быстро опьянели. Вскоре разношерстной толпой наполненная, веселым пиროваньем зашумела, загудела пещера.

Овидий в «Метаморфозах» поет, что, когда Гименя собравшиеся на свадьбе гости запели, и брачные огни задымались у входа, показалась молодая невеста в окружении женщин замужних. С такой красивой супругой – счастливец назвали все Пирифоя, но в предвестье едва не ошиблись. Эврителион, один из самых необузданных и свирепых кентавров, которому оба сердца, особенно конское, сильно вино разо-

жгло, а краса новобрачной человеческое сердце опьянила сладострастием плотским, схватил Гипподамию за длинные волосы и силой поволок в лес, окружавший пиршественную пещеру. Другие тоже пьяные кентавры, обуреваемые лютой похотью, тут же последовали дурному примеру собрата и набросились на ближайших женщин и даже на отроков.

Криками женскими вся пещера наполнилась, и в возникшей неразберихе первым нашелся и грозно воскликнул Тесея:

– Сумасбродство какое, Эвритион, на нечестивое преступление толкает тебя, что при мне ты смеешь оскорблять лучшего друга моего Пирифоя, – этим ты нас двоих смертельно бесчестишь, и это тебе просто так не пройдет!

Духом великий герой не напрасно это сказал и слова свои подкрепил взмахами палицы медной, ею он не только от наступавших отбил, но и незаконную отнял у буйных добычу. Наглый Эвритион волосатыми своими руками пытался тыкать мстителю за друга прямо в глаза, потом, встав на дыбы, в благородную грудь хотел ударить Тесея передним копытом, но выбил у него только палицу из руки. Тогда схватил Эгеид оказавшийся под рукой большой сосуд с неразведенным вином и, широко размахнувшись, в голову противника бросил, и тот, весь в крови, оглушенный, на песок был опрокинут кверху копытами.

И тут настоящее закипело сражение. Сначала со всех сторон летела разная утварь пиров, а затем пошли в ход ножки

столов и алтарные жертвенники и, наконец, дошла очередь до мечей и копий, а также до сосен и других высоких деревьев.

Не зная усталости, поражало врагов Пирифоя пагубное для кентавров копьё, от него пали двуприродные братья Петрей, Лик, Хромид, Гелоп, Киллар и еще несколько могучих двойными телами кентавров. Рядом с возлюбленным другом сражался быстрый и ловкий герой Эгеид. Все той же палицей медной Тесей уложил Медимна и метателя копий Ликота и Гиппозона, чья мощная грудь бородой закрывалась широкой и длинной. Он уложил и Рифея, многие деревья превзошедшего ростом, и его брата Терея, приволакивавшего с высоких гор в свое жилище зачастую живыми пойманных им злобно хрюкающих вепрей и горных медведей, свирепо рычащих.

Демолсон больше не мог терпеть боевых успехов Тесея: из твердой земли суковатую с корнем древнюю вырвать сосну с превеликим усилием он стал пытаться. Вырвать, однако, не смог и, сломав, вершину в противника бросил. Но далеко от удара Тесей отстранился, вовремя Палладой предупрежденный, – ему самому так верить хотелось! Тесей всегда завидовал Гераклу, которому много помогала могучая дочь Зевса Афина-Паллада.

Битва лапифов с кентаврами, названная многими Кентавромахией, продолжалась еще долго. И лишь тогда лапифы обогреть перестали кровью свое боевое железо и медь, как

умертвили большую часть, а меньшую часть кентавров в бегство позорное обратили. Оставшиеся в живых двуприродные полузвери бежали на Фолою в Аркадии, где с ними потом бился опьяненный из пифоса Диониса Геракл. Те же из кентавров, что избежали на Фолое отравленных ядовитой желчью Гидры стрел лучшего смертного сына Зевеса бежали на Малею, где нашли убежище у своего царя Хирона, которого лапифы перед этим изгнали с его малой родины – горы Пелион.

154. Ссора Тесея с Менесфеем

Тесей, прогнав кентавров за пределы владений Пирифа, продолжал ему еще долго помогать в войне с ними на соседних землях, а непосредственно после битвы лапифов и кентавров на свадьбе у него был тяжелый разговор с Менесфеем, оказавшим роковое влияние на его жизнь. Он, наморщив лоб свой высокий, синими сверкая глазами, изругал своего юного дядю такими словами:

– Что это, ты, мой дядя несчастный, натворил на свадебном пире?! С ума ты, как вижу я, совсем спятил! Ведь я предупреждал всех и тебя в том числе, чтоб кентаврам вина не давать, даже, если попросят. И мне они обещали пить только кислое молоко и напитки медовые. Ты же, как мне потом рассказали, сам наполненные до верху вином кубки им предлагал. Ведь это стало главной причиной битвы кентавров с

лапифами.

Но Менесфей, от природы упрямый, видно, не чувствовал за собой никакой вины, и сам язвительно обвинять стал Тесея:

— Доблестен ты не по годам, царственный мой племянник на бессмертных похожий. Однако полно лукавить: меня провести иль склонить к извинению все равно ты не сможешь! Я ни в чем не виновен, а ты завидуешь славе Геракла и хоть в чем-нибудь превзойти его хочешь. Нравится тебе быть царем и властно командовать даже теми, кто рождением не уступит тебе. Не давать кентаврам на свадьбе вина было не справедливо, ибо нарушалось равенство прав разных гостей на свадьбе. И потом, свадьба Пирифа была далеко от Афин, и в той пещере ты не царь и мне был совсем не начальник, чтобы приказывать мне...

Яро так говорил Менесфей, совершенно в речах осмелевший. Люди говорят, много слов знал он неприличных и дерзких, но говорить с народом умел, как настоящий демагог (вождь народа), рассуждая о равенстве и справедливости. А на самом деле ему просто удовольствие доставляло нападать на тех, кто был главнее его.

До этого дня Тесей считал своего дальнего родственника по отцу неплохим человеком, только несговорчивым и излишне упрямым. Сейчас же, разгневанный непочтительными, даже вызывающе дерзкими словами Менесфея, он не сдержался и ладонью ударил его по лицу, и потом грозно ска-

зал:

– Дерзкий упрямец, замолкни! Лучше меня не серди речью своей витиеватой или я тебя голой рукой искалечу.

Менесфей, вытирая текущую из носа кровь, смолчал, но в мыслях мстительно себе дал слово, что афинский властитель Тесея еще жестоко пожалеет об оскорблении этом.

155. Тесея и Пирифой на Калидонской охоте [138]

Овидий поет, что перестали Афины Криту плачевную выплачивать дань, и за это слава герою Тесею! Храмы – в венках, и народ к ратоборной взывает Афине, и Громовержцу-отцу, и к прочим богам, почитая кровью обетную их, пышными дарами и дымом благовонным курильниц. Распространила молва перелетная могучего имя Тесея по всей Арголиде, и по богатой Ахайе, и по другим землям окрестным, соседние народы помощи стали молить у него в бедствии оказавшись.

Помощи смиренно стал просить страшной тревогой наполненный Калидон, хоть имел своего героя могучего – Мелеагра; причиной же просьбы был вопль ужасный, – грозной для смертных Медвежьей Богини верный слуга и ее оскорбления мститель свирепый.

Царь калидонский Ойней, говорят, урожайного года начатки всем вышним принес: Деметре плоды, молодое вино

Лиэю, сок же оливы он возлил совоокой деве Афине. Эта завидная честь, начиная от сельских, досталась всем олимпийским богам, без жертв, как будто, никто не остался. Однако потом оказалось, что одни без курений остались алтари вечно юной Латониной дщери. Свойственен необузданный гнев всем богам, и в особенности – Стреловержце, которую многие за безжалостность к людям называли Улеей (убийца).

– Таковую непростительную забывчивость безнаказанно мы не потерпим! Пусть в Калидоне нам почтения Ойней не оказывает, но никто не скажет, что справедливого нет нам отмщенья! Бог, который прощает нечестие – несправедливый бог, а мне справедливость милее всего.

Молвила так Агротера и в обиде своей на поля Ойнея вепря-мстителя тут же послала: быков столь крупных, как этот свирепый кабан, в Эпире нет луговом, не увидать таких и в полях сицилийских. Кровью налитые пламенем сверкают глаза; клином голова, шея крутая; часто щетина торчит, наконечникам дротов подобно. То ли рычит, то ли хрюкает хрипло кабан, и, вскипая, по щетинистым бокам его мощным пена бежит, а клыки – бивням подобны индийским, молния пышет из уст: листва и трава от его дыханья сгорает. То в зеленях он потопчет посев молодой, то надежду пахаря – зрелый посев на горе хозяину срежет. Губит хлеба на корню, – Деметрину ниву. Напрасно токи и житницы ждут обещанных им урожаев. С длинною вместе лозой тяжелые валяются гроздья, ягоды с веткой лежат зеленеющей вечно мас-

лины. Буйствует вепрь и в стадах; уже ни пастух, ни собака, лютые даже быки – вожаки защитить свое стадо не могут. Люди в страхе бегут и себя в безопасности чувствуют только за крепкой городской стеной.

Царевич Мелеагр стал собирать отряд из отборных юношей Эллады для похода против Калидонского вепря, и быстро собрался юности избранный цвет. Среди героев, собравшихся поохотиться на Калидонского вепря, был и Пирифоем вместе с Тесеем, вместе они – сама безупречная дружба.

Отряд достиг леса, и отвязали собак, чтобы вепря высматривать след. Выгнанный из зарослей разъяренный вепрь, подобно огню, мчался в середину врагов. Свирепый кабан, клыки наточив о дубовые корни, смертью многим героям грозил, яро своим скрежеща заточенным оружием.

Дрот Ясона, направленный в зверя, даром пропал, слегка лишь ствол поранив кленовый. Копье Ампикида настигло вепря, но Артемида, решившая помочь своему мстителю, сбила с древка наконечник железный, и зверь был задет лишь древком.

Совсем взбесился кабан, изрыгая белесую пену, несется к сборищу юношей, нанося во все стороны кровавые раны. Вот зверь оба клыка направил Аркаду в подборюшье. Вот, как сноп, повалился Анкей, его кишки, набухшие кровью обильно, выпав на землю, растеклись, и мокра обагренная почва.

Прямо пошел на врага Пирифой, Иксиона дерзкий потомок. Мощно он потрясал крепкой рогатиной в правой руке,

а в левой держал острый нож – подарок возлюбленного друга Тесея. Сын же Эгея, не на шутку встревоженный, ему так заботливо крикнул:

– Стань подальше, о ты, что дороже мне и меня самого, души моей лучшая часть! В небольшом отдаленье от смертельной опасности ведь может и самый храбрый стоять. Посмотри, безудержная отвага погубила уже Аркада и Анкея.

Тесей мощно бросил в вепря копьё с древком из твердого ясеня и с наконечником из меди тяжелой. Ладно метнул, и оно достигло бы желаемой цели, попав точно в жирный кабаный загривок, только согнувшаяся то ли под порывом ветра, то ли под ругой Артемиды толстая дубовая ветвь, став на пути дрота, его задержала.

Тут на разгоряченном коне появился могучий герой Мелеагр с копьями в каждой руке и дважды без промедленья он мощно ими ударил. Из двух им брошенных копий первое медью глубоко зарылось в земле, второе же в вепря хребте острием застревает. Медлить не время; продолжает свирепствовать раненый, но мощный по-прежнему зверь и всем телом огромным вертится, из пасти клыкастой разливается шипящая пена. Тогда раны виновник подхватывает с земли брошенную кем-то сверкающую острием пику и под лопатки вепря ее вонзает, и тот, с хриплым визгом предсмертным, наконец, издыхает.

Криками дружными тут выражают окружившие мертвого вепря охотники радость. Тесей тоже поспешил пожать Ме-

леагра победившую руку, хоть и прятал от всех он глаза и бормотал себе под нос тихо такие слова:

– Как обидно Мойра со мной поступила, что не дала мне погубить кабана. Впрочем, никто не может всегда и везде быть первым, даже Геракл. Главное, что мой возлюбленный друг Пирифой, который мне самой славы дороже, цел и здоров.

156. Ссора с Ахелоем [138]

Той порой Тесей с милым другом Пирифом, не добыв славы в Калидонской охоте, шли в Эрехтеев предел, в Тритониды твердыню. Тут преградил им путь и медлить заставил набухший из-за дождей сын Океана и Тефии речной бог Ахелой серебристопучинный и быстрый. Тесею, как самому знаменитому герою сказал он:

– Взойди под кров мой. О Кекропид! Себя не вручай увлекающим в омуты волнам. Крепкие бревна нести привыкли они иль, бушуя, с грохотом камни крутить; я видел: прибрежные хлевы бурный уносит поток, и нет уже проку коровам в том, что могучи они, ни коням, – что бегают быстро. Ярый поток, наводнившись из-за таянья снега, немало в водовороте своем утопил молодого неопытного народу. Лучше тебе отдохнуть до поры, когда возвратится в русло река и опять неспешно заструит неглубокие воды.

Посмотрев на мощного сына Океана и Тефии, Тесей пред-

ставил каково было бороться с ним необорной силе Геракла, когда они сражались за Деяниру. Кроме того, могучий речной бог мог прибегать к ухищрениям различным и превращаться в разных страшных зверей.

– Не хотел бы я без особой необходимости сражаться с таким противником.

И, согласившись с богом речным, благоразумный Эгеид так ему молвил:

– Ахелой, с удовольствием я воспользуюсь гостеприимным домом и увещаньем твоим.

Тесей смело в атрий вошел, что выстроен был из шершавого туфа с пористой пемзой; земля покрывалась влажная мохом. Выложен был потолок пурпуровых раковин строем.

Солнечный Титан между тем две трети уж света отмерил, привычно проехав на огненной колеснице по высокому небу. Вот для пира возлегли и Тесей, и соратники рядом на ложах; сын Иксиона возлег с ним на одной стороне, по другой стороне – остальные. По приказу бога речного среброногие нимфы быстро столы приготовили, другие дочери Океана седого с обнаженными стопами яства разные принесли. Когда угощенья убрали, стали пить разлитое в сосуды вино. И герой знаменитый, взором окинув простор перед ними лежащего моря, спросил у Ахелоя и перстом указал:

– Что там за место? Как зовется вон тот остров, скажи: как будто на его месте их несколько видно?

Бог же речной с готовностью тут же ответил:

– Что видим там мы, то действительно не едино, целых пять островов там лежит: различить их мешает большое пространство. Знайте же: так Артемида не одна поступала в обиде! Были наядами прежде те острова: закололи однажды десять тельцов – и богов деревенских к тем жертвам призвали, но позабыли меня, поведя хороводы по чину. Оскорбленный, воды я вздул и несусь, я сроду не был таким полноводным. Ужасен равно и волной, и душевным порывом, мчался, леса от лесов, брега от берегов отделяя. Вместе с землею и нимф, наконец-то меня вспомянувших, я довлек вплоть до самого моря. Тут море и я совокупно землю сплошную, разъяв, на столько частей разделили, сколько сейчас посредине воды Эхинад созерцаешь. Там вдали подымается остров, мне драгоценный. Его называет моряк Перимелой. Деву эту избрав, у нее я похитил девичью невинность. А отцу ее Гипподаму нестерпимо то было, и в море дочь он столкнул со скалы, в утробе носившую чадо. Плывшую я подхватил и сказал: "О держатель трезубца, царство зыбей получивший в удел ближайшее к небу, где нам окончанье, куда мы сбегаем, священные реки, – встань и молящему мне, Посейдон, снисходительно внемли! Ту, с которой несусь, погубил я; когда бы справедливее был и добрей Гипподам, когда бы не столь был безбожен, должен он был бы ее пожалеть и простить. О, помоги! Ей, молю, от отцовского гнева бежавшей, дай, о владыка, приют, – иль сама пусть другим станет приютом! – Буду ее и тогда обнимать". Кивнул головою царь всех морей и

потряс ему подчиненные воды. Затрепетала она – но плыла. Меж тем у плывущей трогал я нежную грудь, – она под рукою, упруго волнуясь, дрожала. Но, обнимая ее, вдруг чувствую: отвердевает тело, и девушки грудь земляным покрывается слоем. Я говорю, – а земля облекает плывущие члены. Тело Перимелы, свой вид изменив, разрастается в остров тяжелый.

Бог речной замолчал. Удивленья достойное дело тронуло всех. Но один Иксионид, дерзко порой презиравший богов, необузданный мыслью над доверием их вызывающе так посмеялся:

– Выдумки пустые – весь твой рассказ, Ахелой, ты не в меру могучей силу считаешь богов, – будто вид они нам, смертным причастным, и дают, и отъемлют! Я этому не верю.

И дерзости Пирифа все поразились, и словам его не поверили вызывающе смелым. Ахелой же, считая позором, если бог за нечестивую дерзость человека простит, так Пирифою надменно промолвил:

– Не забывайся сын нечестивого Иксиона! Пред собою ты зришь могучего бога, полноправного хозяина всех здешних вод. Ты называешь выдумкой мой рассказ, значит лгуном меня обзываешь иль болтуном, и это даром тебе не пройдет.

Тут вскочил Тесей и быстро стал рядом с другом своим Пирифоем. Непоколебимо стояли оба героя, словно два крепких дуба на горном склоне. Часто дождь их сечет проливной, и ветер их кроны треплет жестокий, незыблемо, од-

нако, стоят на корнях они крепких, глубоко вросших в землю. Так же и оба верных друга, на свои силы надеясь, не убегаая, были с любым противником к битве готовы.

Эгеид твердым голосом, в котором звучала не мягкая медь, а железо, Ахелюю сказал:

– Я во всем доверяю Пирифу и готов нерушимую дружбу с ним защитить в смертельном бою с любыми врагами!

После неудачного сватовства к Деянире и поражения в схватке с Гераклом, в которой Амфитрионид ему рог обломал, Ахелой стал осмотрительным при встрече с такими героями, как Геракл и Тесей, даже в словах. Бог речной, некогда грозный, от бесчестья спасаясь, почел за лучшее молча уйти в глубь пучины.

157. Тесей захватывает Антиопу

По сообщениям автора «Истории Атики» Филохора, Тесей плывал к берегам Понта Эвксинского вместе с Гераклом, помогая ему в войне против амазонок, и в награду за храбрость получил Антиопу, которую некоторые называли так же Меланипшой.

Диодор Сицилийский говорит, что, получив от Эврисфея приказ добыть пояс амазонки Ипполиты, Геракл с горсткой спутников и Тесеем отправился в поход против амазонок. Одолев в смертельных схватках самых знаменитых из амазонок и обратив в бегство прочих воинственных дев, Геракл

тем самым окончательно разгромил это войнолюбивое женское племя. Из числа пленных амазонок Антиопу он подарил отличившемуся в сражение Тесею, а Ипполиту отпустил на свободу, отняв у нее подаренный Аресом пояс, дарующий военную удачу.

Согласно Плутарху, большинство историков – в том числе Ферекид, Гелланик и Геродор – утверждают, что Тесей плавал и после Геракла с царем лапифов Пирифоем и другими друзьями на своем корабле в те земли, где с незапамятных времен обитали амазонки.

Говорят, что амазонки, подобно женщинам с острова Лемнос, когда их посетили аргонавты во главе с русокудрым героем Ясоном, были очень обрадованы приездом такого большого количества молодых и красивых воинов и ни в чем им не противились.

После пира в честь Тесея, устроенного амазонками, он ответно пригласил их красавицу царицу с волосами, завязанными в узел и свисавшими сзади длинным серебристым хвостом, к себе на корабль такими почтительными словами:

– Царица! Как мне отблагодарить тебя за такой радушный прием?! Я непохож на многих других мужчин, неумеющих быть благодарными. Не был и прежде таким я в моем городе славном, носящем имя великой богини Афины. Но не только поэтому ты не бойся меня и верь мне, но и потому, что ты очень понравилась мне. Чтоб у нас с тобой не случилось в дальнейшем, запомни, что я сейчас говорю вполне искрен-

но, от чистого сердца... Ты обещала нам дать на дорогу разных припасов, и за это тоже я заранее тебе благодарен. После того, как все погружено будет я приглашаю тебя на борт моего корабля покататься. Ведь ты, наверное, плавала только на весельной лодке и никогда не ходила на корабле быстрогоходном под парусом? Это дивные ощущения, они достойны восхищения, и, клянусь Посейдоном, ты не забудешь их никогда.

Антиопа принадлежала к народу Белых Скифов из-за серебряных волос, которыми она очень гордилась. Она была любознательной и ей очень захотелось проплыть хоть немного на таком большом корабле, ведь амазонки знали единственное средство передвижения – лошадь. Царица с удовольствием приняла приглашение красавца Тесея, который к тому же очень понравился ей, как мужчина, и по ее приказу амазонки принесли на готовый к отплытию корабль много разных припасов.

Лишь только погрузка вина и продуктов была закончена, и на борт корабля поднялась уже сама Антиопа, хитроумный Тесей объявил своей гостье, что сначала он ей покажет, как корабль отходит от берега. На глазах у царицы, Тесей спокойно меч обнажает из ножен и небрежно разрубает канат кормового причала. На высоком носу корабля совсем рядом с Антиопой стал он с лучезарной улыбкой и попросил друга своего Пирифоя на веслах неспешно отчалить. Корабль под веслами поплыл на глубокую воду под радостные крики ама-

зонок, многие из которых вплавь сопровождали свою счастливо улыбающуюся царицу. Однако, как только корабль оказался в русле реки, пригодном для судоходства, на заранее поставленной мачте мгновенно раскрылись паруса. Гребцы не оставили весла, и корабль как белая птица быстро понесся прочь, оставляя вдали обманутых амазонок.

Ученик Феокрита Бион из Смирны поет, что Антиопа единственная из амазонок была захвачена и увезена Тесеем обманом.

Когда Антиопа поняла, что Тесей ее похитил и навсегда увозит в Афины, она вынула спрятанный где-то на теле небольшой, но очень острый кинжал и сказала ему, что, если ее не отпустят, то она лучше убьет себя, чем будет жить в неволе. Красноречивый, как Гермес, Эгеид сумел доказать Антиопе, что любит ее больше жизни и убьет себя тоже, если она умрет, и царица амазонок поверила ему потому, что влюбилась, и эту веру ей в душу сама Афродита вдохнула.

158. СОЛОЭНТ

Согласно Плутарху, некий Менекрат, издавший историю вифинского города Nikeи, пишет, что Тесей, завладев Антиопой, не сразу покинул страну амазонок.

Тесей боялся, что Антиопе будет одиноко в Афинах и решил дать ей время не только привыкнуть к нему, но и обзавестись друзьями из числа сопровождавших его в этом пла-

вании товарищей. Среди его спутников было трое примечательных молодых людей из Афин, родные братья Эвней, Фоант и Солоэнт. Смерть самого младшего из братьев – Солоэнта стала причиной непредвиденной задержки Тесея более, чем на шесть месяцев.

Известно, что Эвнеем и Фоантом звали двух братьев, рожденных царицей Лемноса Гипсипилой от голубоглазого предводителя аргонавтов Ясона. Вероятно, двух из трех братьев афинян называли в честь сыновей вождя аргонавтов. Юный Солоэнт был на Аполлона очень похож: тонкие черты лица, на щеках, покрытых пушком, румянец, золотистых кудрей пушистые волны, и гибкая стройность и... одним словом он был весь – нежнейшая юность.

Юноша страстно влюбился в Антиопу и, скрывая свое чувство от всех, и, особенно, от Тесея, доверился одному из своих братьев Фоанту. Тот, не зная, как ему помочь, в тайне от брата, решился поговорить с Тесеем, который, несмотря на молодость, считался мудрым человеком. Однако в отсутствие Тесея, который был на охоте с Пирифом, сам того не желая, проговорился Антиопе. Амазонка, как любящая другого женщина, решительно отвергла искания юного влюбленного, но, как царица, отнеслась к делу разумно и терпимо, и сама не стала жаловаться Тесею, и Фоанту сказала ничего не говорить, чтоб не вносить разлад среди товарищей. Она в присутствии Фоанта сочувственно поговорила с Солоэнтом, попыталась объяснить ему, что он хороший, но она

любит Тесея и будет всегда любить только его одного.

Антиопа смогла на некоторое время успокоить Солоэнта, но ненадолго. Поняв, что никогда Антиопа не ответит ему взаимностью, он однажды, видя, как Тесей на палубе корабля нежно обнимал амазонку, в порыве отчаяния с криком бросился с корабля в реку Фермодонт и не вынырнул. Многие видели, как рядом с тем местом, где он исчез под водой, через некоторое время показалось множество воздушных пузырей. Все поняли, что юноша нырнул на большую глубину и там выдохнул из груди весь воздух. Видевший это Тесей, понял, что Солоэнт покончил с собой. Он хотел допросить его братьев, но от удрученной горем Антиопы узнал причину самоубийства юноши.

И Тесей, и Антиопа были потрясены до глубины души. Царице амазонок было до слез жаль несчастного юношу, ушедшему из жизни так и не узнав ее. Тесей же был чрезвычайно огорчен тем, что увидел в этой смерти плохое предзнаменование для него с Антиопой. Это горестное происшествие живо напомнило ему об одном давнем пифийском оракуле, который он счел соответствующим произошедшим печальным событиям. Пифия в Дельфах однажды изрекла ему волю Зевса, переданную Аполлоном устами своей девственной прорицательницы:

– Если в чужедальних краях тебя надолго охватит неизбежная скорбь и уныние, ты должен отложить все дела и построить на том месте город в честь лучезарного Аполлона и

оставить в нем правителями кого-нибудь из своих людей.

Поэтому Тесей отложил на шесть месяцев возвращение на родину и, основав город, назвал его Пифополем, в честь Аполлона, а соседнюю с Фермодонтом реку назвал Солоэнтон, в память о безвременно ушедшем из милой жизни юноше. Правителями и законодателями нового города он поставил братьев умершего Эвнея и Фоанта и вместе с ними некоего Герма, афинянина из сословия благородных. По имени этого эвпатрида его жилище в одном из красивейших мест на высоком холме в городе Пифополе было сначала названо «Домом Герма». Однако, впоследствии пифополитанцы ошибочно или специально прибавили к укоренившемуся названию лишний слог и стали говорить «Дом Гермеса», таким образом, славу, принадлежащую герою, перенесли на самого миролюбивого олимпийского бога.

159. Война с амазонками под стенами Афин

Сестра Антиопы Орифия, которую некоторые ошибочно принимали за Ипполиту, чей Пояс, дарующий военную удачу, завоевал Геракл, решила во, чтобы то ни стало, отомстить Тесею. Она заключила союз с многочисленными скифскими племенами и выступила во главе большого объединенного войска скифов и амазонок.

Юстин в «Эпитоме», опираясь на исторические труды

Помпея Трога, называет Антиопу Ипполитой и говорит, что, как только Орифия узнала о войне против своих сестер и о том, что похититель Ипполиты – глава афинян, она стала призывать своих воинственных спутниц к справедливому мщению. Она так же обратилась за помощью к скифскому царю Сагиллу, напомнив, что амазонки происходят от скифов. Сагилл, стремившийся прославить свой народ, послал на помощь царице амазонок своего сына Панасагора с большим конным войском.

Дойдя почти без сопротивления до Афин, Орифия стала лагерем у самого Ареопага и совершила жертвоприношения в честь кровавого бога Ареса. Некоторые говорят, что, в связи с этим событием холм и получил свое название, хотя общеизвестно, что Ареопагом холм стал называться после суда олимпийских богов над Аресом за убийство Галиррофия, пытавшегося изнасиловать его дочь от Агравлы Алкиппу.

Диодор Сицилийский говорит, пока Геракл был занят другими деяниями, уцелевшие амазонки, собрав свои силы у реки Фермодонта, попытались воздать эллинам за зло, которое причинил им поход Геракла. Наиболее же сильную ненависть питали они к афинянам по той причине, что Тесей увел в неволю предводительницу амазонок, которую звали Антиопой, а по мнению некоторых писателей – Ипполитой. Вступив в союз со скифами, амазонки собрали внушительные силы, с которыми предводительницы амазонок переправились через Боспор Киммерийский и прошли по Фракии.

Пройдя значительную часть Европы, амазонки вторглись в Аттику и разбили стан в том месте, которое в память о них называется ныне Амазонием.

Согласно «Тесею» Плутарха, амазонки разбили лагерь в самих Афинах, но сначала овладели всей страной и подступили безбоязненно к городским стенам. Они, как сообщает Гелланик, пришли в Аттику, перебравшись через Боспор Киммерийский по льду, а о том, что они стояли лагерем почти в Акрополе, свидетельствуют названия многих мест и могилы павших. Долгое время обе стороны медлили, не решаясь начать сражение, но, в конце концов, Тесей, следуя какому-то прорицанию, принес жертву сыну и спутнику бога войны Ареса Деймосу (ужас) и ударил на противника. Битва происходила в месяце боэдромионе, в память о ней и справляют афиняне праздник Боэдромии. Историк Клидем, стараясь быть точным во всем, сообщает, что боевое левое крыло амазонок растянулось до нынешнего Амазония, правым же они надвигались на Пникс вдоль Хрисы. С правым крылом афиняне и завязали бой, спустившись с Мусея, и могилы убитых находятся на улице, ведущей к воротам подле святилища героя Халкодонта, которые ныне зовут Пирейскими. В этой схватке афиняне отступили перед воинственными женщинами и были уже у храма Эвменид, когда другой их отряд, подоспевший от Палладия, Ардетта и Ликея, отбросил амазонок до самого их лагеря, нанеся им существенные потери. На четвертом месяце войны противники заклю-

чили перемирие благодаря посредничеству Антиопы (Ипполиты). Рассказывают, что раненых амазонок Антиопа тайно переправила в Халкиду, и там они получили необходимый уход, а убитые были похоронены близ места, теперь именуемого Амазонием. Но о том, что война завершилась мирным соглашением, свидетельствует и название соседствующего с храмом Тесея Горкомосия, и жертвы, которые в древности приносили амазонкам накануне Тесей. Гробницу амазонок показывают у себя и мегаряне по дороге от площади к так называемому Русу, там, где стоит Ромбоид. Сообщают также, что иные амазонки скончались близ Херонеи и были преданы земле на берегу ручья, который когда-то именовался Фермодонтом.

160. Смерть Антиопы от стрелы Мольпадии

Согласно Диодору Сицилийскому, случилось так, что Антиопа, сражавшаяся вместе со своим мужем Тесеем и отличившаяся в битве с осадившими Афины амазонками, героически пала в бою. Уцелевшие амазонки решили не возвращаться на родину и ушли в Скифию вместе со скифами, среди которых и поселились.

Согласно Павсанию, Антиопа была убита неистовой амазонкой Мольпадией во время войны Тесея с амазонками, произошедшей, согласно Паросскому мрамору, в 1256 г. до

Н. Э.

Многие писатели согласны с Павсанием и говорят, что Антиопа пала от копья или стрелы Мольпадии, сражаясь рядом с Тесеем, и доказательством этого служит памятник подле храма Геи Олимпийской, воздвигнутый над ее телом.

Мольпадия была среди тех амазонок, на глазах которых Тесей, похитил их царицу Антиопу, заманив ее обманом на свой корабль. Она дала клятву, что не пожалеет своей жизни, чтобы отомстить вероломному злодею, имевшему скипетр в Афинах.

Мольпадия была рослая, сильная, с широкими, как у мужчины, плечами и узкими бедрами. Во время решающего сражения под стенами афинского Акрополя, с луком за плечами, с мечом и боевым топором в руках, она, словно запятнанный кровью серебряноволосый Арес, металась среди афинских воинов, неся смерть, всем, кто попадался ей на пути. Увидев Тесея издали, Мольпадия злобно завывала и стала прокладывать к нему путь, оставляя за собой груды раненых и трупов. Когда Тесей был от нее на расстоянии точного выстрела из лука, у нее отломалась рукоятка меча. Она опять издала злобное рычание и, бросив свой меч, схватилась за лук.

Сражавшийся рядом с Антиопой Тесей обернулся на злобный рев, на миг перекрывший шум боя и увидел серебряноволосую амазонку необычайно высокого роста и с широкими плечами. Мужеподобная дева, сделав один выстрел,

бросила лук и схватила с земли чей-то меч. Сражающийся афинский царь не заметил стрелы, летевшей к нему с песней смертельной, но ее заметила Антиопа, которая не столько сражалась, сколько охраняла Тесея. Она, как лань, защищающая своего олененка, метнулась вперед и закрыла своей обнаженной грудью возлюбленного Тесея от стрелы, пущенной Мольпадией. Эгеид увидел перед собой упавшую на колени Антиопу со стрелой, торчавшей в груди, и вспомнил лук, отброшенный амазонкой громадного роста. Он хотел помочь Антиопе, но увидел, что она завалилась на спину с виноватой улыбкой и пустыми глазами, в которых застыла мгновенная смерть.

Вокруг бушевало сражение, и Тесей, с мечом в левой руке и медной палицей в правой, с короткими победными воплями после каждого убитого врага стал неудержимо пробираться к Мольпадии, которая с мечом в руке так же безудержно стремилась к нему, убивая всех, кто попадался ей на пути. Когда между врагами оставалось лишь несколько небольших шагов, Тесей замахнулся своей палицей, а Мольпадия, злорадно улыбаясь, замахнулась мечом. Она была уверена в своей победе потому, что виртуозно владела мечом, который был значительно длиннее палицы противника. Однако Тесей не сделал последних шагов, которые неминуемо привели бы его к гибели, он палицу что есть силы метнул в грудь амазонке, никак не ожидавшей этого от врага. Верная медная подруга Тесея со страшным хрустом сломала грудину Моль-

падии, и та замертво упала на спину, сумев сдержать свою клятву только наполовину – не пожалеть своей жизни для отмщенья афинскому злодею, но отмстить не смогла.

161. Смерть Антиопы на свадьбе Тесея и Федры

Согласно Аполлодору, некоторые сообщают, что во время схватки, возникшей внезапно во время пира, Антиопа погибла от руки Тесея. Когда справлялась свадьба Федры, она появилась в полном вооружении вместе со своими амазонками и заявила, что убьет всех присутствующих на пиршестве у Тесея. В начавшемся сражении погибла она сама потому ли, что ее нечаянно поразила ее союзница Пентесилея, или она погибла от руки Тесея, или же люди Тесея, увидев, что амазонки нападают, быстро заперли все двери, и захватив Антиопу внутри здания, убили ее.

С этим согласен и неизвестный автор эпической поэмы «Тесеиды», не дошедшей до нас, но послужившей источником сюжетов для всех последующих античных писателей. Он рассказал о восстании амазонок против Тесея, женившегося на Федре, и о том, как Антиопа напала на город, как следом за нею бросились другие амазонки, жаждавшие отомстить давнему обидчику, и как Тесей с небольшим войском их перембил.

Однако есть веские основания считать, что Антиопа не

погибла во время длившегося четыре месяца сражения с амазонками под афинскими стенами, а была убита много позже на свадьбе Тесея. Такая смерть Антиопы была предсказана знаменитым Дельфийским оракулом, а пророчества Пифии всегда сбывались, хотя трактовать изречения Аполлона-Локсия часто можно было по-разному.

Все случилось, когда Тесей заключил политический союз с критским царем Девкалионом, сыном Миноса Второго и Пасифаи и женился на его сестре Федре, младшей сестре Ариадны. Тесей, как мужчина продолжал любить Антиопу, но как афинский царь он должен был заботиться о своем государстве и о продолжении царской династии. Он не мог законно жениться на амазонке и иметь от нее наследников, ибо женитьба даже на не афинянке прямо противоречила многим писаным и неписанным законам, обычаям и традициям Эллады. Некоторые афиняне, женившиеся обманным путем на гречанке-чужестранке, выдавшие ее за афинянку, были осуждены и проданы государством в рабство. Что же говорить о женитьбе афинянина на варварке, пусть даже царице амазонок, которые вообще считались чудовищами, подобными кентаврам?!

Поэтому Антиопа, по сути, была любовницей Тесея, а не законной женой. Тесей, конечно, не раз говорил ей о необходимости ему, как царю, законно жениться и убеждал ее, что его брак будет чисто формальным, а любить он будет только ее, и она как будто соглашалась на это.

Однако, когда настали свадебные торжества, соединившие браком Тесея и Федру, необузданный нрав Амазонки не выдержал приступа дикой ревности, и она во главе десятка охранявших ее амазонок, ворвалась во всеоружии на свадебный пир, угрожая перебить и хозяев, и всех гостей. Времени на повторные объяснения и уговоры не было. Тесей понял, что жутколикая Ананке с неизбежностью заставляет его сделать окончательный выбор между престолом и любовью. Он приказал закрыть все двери, чтобы сеявшие кровь амазонки не покинули безнаказанно зал для пиров, превратившийся в поле боя.

Антиопа пала в короткой, но жестокой схватке от руки лучшего друга Тесея царя лапипов Пирифоя. Сначала сам Тесей занес над головой Антиопы свою палицу, но опустить на голову возлюбленной женщины, успевшей родить ему сына, названного Гипполитом, он заставить себя не смог. Чтоб не поддаться горячке быстротекущего боя, он отбросил в сторону свою медную помощницу верную, доставшуюся ему от дубиноносного Коринета.

В это время мимо Тесея и его любимой амазонки царская охрана провела одетую в платье невесты юную Федру, чтобы увести ее подальше от схватки. Антиопа, никогда не ложившаяся с другими мужчинами и не представлявшая Тесея на ложе с другой, как раненная львица взревела и замахнулась мечом на безоружного мужа, который, словно застыл. Кажется, что он не хотел от нее даже защищаться, и видевший

все это Пирифой, метнул в нее дротик, который вонзился по самую ручку под соском ее открытой левой груди.

Как говорит, согласно «Героидам» Овидия, Федра в письме к Ипполиту, жизнь убереечь Антиопе не помог скрытый под сердцем залог. В дом Тесей не принял ее, не светил им свадебный факел, чтоб не наследовал Ипполит – сын незаконный отцу.

162. Воспитание Ипполита у Хирона

Белоголовый отрок со спокойным взглядом голубых, как полуденное летнее небо, глаз, еще мальчиком стал называться не Гипполитом, как его назвала при рождении сама Антиопа, а Ипполитом. (Правда некоторые говорят, что Ипполит означает «распрягающий коней») Тесей после смерти любимой амазонки решил, что незачем связывать имя его сына с лошадьми, он прочил его на место царя всей Аттики с центром в Афинах, а также Мегары, Коринфа, Трезена и, конечно же, Крита.

Говорят, что сын Антиопы учился охотничьему искусству у лучшего в Элладе учителя кентавра Хирона. В знаменитую пещеру горы Пелион в Фессалии, к мудрому кентавру, сыну первого коронованного правителя богов Крона и океаниды Филиры маленького Гипполита принес Тесей вместе со своей любимой амазонкой.

Амазонки обычно либо убивали младенцев мужского по-

ла, либо отдавали отцам. Антиопа же, в первые месяцы ни на день не расставалась с сыном, она сначала даже не хотела отдавать Гипполита Хирону. Однако у нее не было никакого опыта в обучении детей, тем более мальчиков. Поэтому она сама предложила отнести Гипполита к Хирону сразу после того, как кончила кормить его грудью. Тесей был не против, ведь он и сам некогда обучался у знаменитого мудростью царя кентавров Хирона.

По дороге на Пелион Антиопа, не выпуская мальчика с рук, все время говорила Тесею:

– Посмотри какой он беззаботный, совсем еще глупенький... сынок наш единственный, милый, самый прекрасный, как солнечный лучик в голубом небе.

Несколько лет пролетели, как птицы. Вскоре Хирон стал сажать Ипполита позади себя на ту часть своего туловища, которая была конской спиной, и стал его тренировать сначала в езде, а потом и обучать стрельбе из лука. Он кормил отрока не только медом и молоком олениц, но и костным мозгом разных добытых на охоте животных.

Хирон быстро научил своего юного воспитанника искусству верховой езды, в котором ему, как кентавру, конечно же, не было равных.

Настало время, когда на охоте отрок Ипполит без труда мог уже сам добыть оленя или даже молодого вепря. Их хрипящие туши приносил на своей широкой спине с талией тонкой он кентавру-учителю, мудрому сыну Филиры и Крона.

Однако такая охота не доставляла особенного удовольствия Ипполиту.

Хирон часто гонял воспитанника по лугам и полям, благо ему самому двуприродная стать бегать быстро и длительно позволяла. Часто брел по травам Ипполит, шатаясь, будучи вконец обессиленным. Дружелюбный кентавр хвалил его и поднимал с улыбкой на свою конскую спину.

Богиня охоты и дикой природы Артемида Ипполиту дивилась как, без собак и без лукавых сетей он мог настичь оленя одной быстротой своих ног. В единоборстве он при необходимости мог одолеть и горного льва, но сражения Тесеид никогда не любил и предпочитал копьем не тревожить злобных медведей в берлогах и грозных львов в их пещерах.

Также Хирон научил Ипполита приготавливать из разных трав целебные зелья, которые вытекающую кровь остановят и открытые раны закроют, успокоят и освежающий сон наведут.

В юную душу сыну Тесея и Амазонки, всегда собиравшей серебряные волосы в узел, мудрый кентавр вложил справедливости святы основы, те, которые он чтить всегда внушал всем воспитанникам своим.

Ярый кентавр, по-доброму усмехнувшись из-под кустистых бровей, провожая после окончания обучения Ипполита, так на прощание сказал ему словами провидца:

– Воином стать тебе, Тесеид, не судьба, но будет тебе жребий стать таким охотником, что сама Артемида, никогда не

знавшая ложа мужчины, не только, как охотника, полюбит тебя.

163. Юность Ипполита

Став юношей, с чистым и строгим лицом, Ипполит, вернувшись от Хирона в Трезен к старому прадеду Питфею и еще молодой бабке Эфре, первое время целыми днями пропадавал на охоте, гоняясь обычно за робкими ланями и за дичью пернатой, и лишь, когда кто-то просил – за свирепыми кабанами.

По собственной просьбе Ипполит был посвящен в подземные таинства, о которых рассказал людям великий философ и божественный певец Орфей (исцеляющий светом): человек должен быть чист, и только тогда за гробовой чертой он обретет вечное блаженство. Орфей стал главным жрецом храма своего отца Аполлона. Он не почитал Диониса, а поклонялся Солнцу-Аполлону, восходя на Пангейскую гору к восходу. Он насаждал в Греции культ бога, давшего людям четыре заповеди, ставшие знаменитыми, и стал во Фракии первосвященником. После посвящения в Самофракийские мистерии Орфей стал основоположником орфических мистерий, он учил Гомера, Пифагора и Платона.

В «Государстве» Платона сказано, что у жрецов под рукой куча книг Мусея и Орфея, и по этим книгам они совершают свои обряды, уверяя не только отдельных лиц, но даже

целые народы, будто и для тех, кто еще в живых, и для тех, кто уже скончался, есть избавление и очищение от зла. Это избавление состоит в жертвоприношениях и в приятных забавах, которые они называют посвящением в таинства; это избавляет нас от загробных мучений, а не посвященных в царстве теней ожидают ужасы.

Теперь Ипполит пророческими книгами сутра до вечера мог упиваться. Сын Амазонки, он с молоком всосал ее и гордость, и суровость. Когда ж он возмужал, то, сам себя познав, одобрил свой характер, ниспосланный ему судьбой, и, если мать любовь к мужчинам отвергала, то он к женщинам не признавал любви. И за это его возненавидела богиня любви Афродита так же сильно, как она ненавидела его отца Тесея за то, что тот предал любящую его Ариадну, вероломно бросив ее на Наксосу спящей, а потом изменил и Антиопе, женившись на нелюбимой Федре.

После посвящения в подземные таинства одной из главных черт характера юного Ипполита стало благочестие. При этом главной добродетелью стала его девственная телесная и душевная чистота. Однако, как заметил мудрый Питфей гордость его внука иногда превращалась в гордыню и спесь – он считал себя превосходящим всех людей своей чистотой. Прадеда Ипполита так же беспокоило то, что беззаветная преданность правнука Артемиде часто выливалась в демонстративное пренебрежение к фиалковенчанной Афродите, а Питфей точно знал, что улыбкалюбивая богиня умеет

быть и мстительной, и злопамятной.

Вскоре Ипполит возненавидел всякие убийства, он, как и раньше, не любил поединков с людьми, а теперь не хотел убивать и зверей на охоте. Он стал любить просто гулять по лугам и лесам, наслаждаясь травами и цветами. В лесу он старался найти ослабленное или раненое животное, чтоб его выходить и потом отпустить на волю. Он перестал допускать к себе в пищу хоть что-нибудь прежде дышавшее, довольствуясь орехами, медом, овощами и фруктами.

Справа перед порталом царского дворца Питфея в Трезене стояло изваяние Артемиды, а слева – Афродиты. Ипполит всегда подходил к статуе Артемиды, славил ее гимном, украшал свежими цветами и окружал ее подножие большими разноцветными гирляндами.

Еврипид в «Ипполите» поет, что старый раб, преданный Ипполиту не раз ему советовал не быть гордым с богами и почтительно относиться к Афродите, однако юноша, проявлял заносчивость и легкомыслие. Он отвечивал статуе богини любви пренебрежительный полупоклон и говорил:

– Я чту ее, конечно, но только издали, как чистый.

Этими словами Ипполит как бы говорил, что его чистота не позволяет ему приближаться к Афродите, и можно было подумать, что он боится запачкаться. Этого Афродита, умеющая быть непреклонной и мстительно – жестокой, не могла простить.

– Того, кто власть мою приемлет кротко, лелею я, но, если

предо мной гордиться кто задумает, тот в муках гибнет!

Так, согласно Еврипиду, сказала сама себе всесильная богиня любви и красоты, решив примерно покарать враждебного ей Ипполита, чтоб и другим была наука, как ее не чтить.

164. Встреча Тесея с Ипполитом

Ипполит, как незаконнорожденный сын, постоянно жил не в Афинах, а в арголидской Трезене у своей бабки Эфры и прадеда Питфея. Он не мог претендовать на престол в Аттике, в Трезене же он после возвращения от Хирона был объявлен мудрым Питфеем, как его правнук, законным наследником, дед которого сам Посейдон. Унаследовав от своей матери – амазонки особое благоговение перед девой-охотницей Артемидой, он, еще будучи отроком, воздвиг ей небольшой храм в Трезене, неподалеку от Агоры и театра.

Амазонки не желали знать мужчин и встречались с ними на короткое время, как с самцами, чтобы забеременеть и стать матерями – Ипполит же с детства не желал знать девушек и женщин, именно, как женщин, видя в них бесполое существа. Из богинь он почитал лишь одну девственную богиню охоты и дикой природы Артемиду, называя себя ее скромным, но преданным служителем.

Когда Тесей, не видевший сына много лет, после смерти Антиопы приехал в Трезену, он увидел семнадцатилетнего юношу с очень светлыми, пепельного цвета, как у матери,

волосами, разделенными аккуратным пробором посередине и не по возрасту строгим выраженьем юного лица. У него была небольшая продолговатая ямочка, разделявшая пополам почти квадратный подбородок и светлые голубые глаза с ресницами, как у девушки пушистыми и длинными.

Мужественное, прекрасное лицо Ипполита не удивило Тесея, он подумал, что сын, как и положено, ликом похож и на него, и на Антиопу. Волосы у него были пепельными, а у матери – серебристыми, почти пепельными, и ямочки у них были на одном месте подбородка, только у Антиопы – маленькая и кругленькая, а у Ипполита – побольше и продолговатая. Лоб у сына был, как у Тесея – высокий, и глаза у него были синевато-голубыми, как у него и у Антиопы.

Однако очень высокий рост сына и широченные плечи изумили Эгеида, и он, и мать – амазонка были среднего роста. Он был почти на голову ниже сына, и этому он не только удивлялся, но и радовался, и даже немного завидовал.

– Наверное, он пошел в своего трезенского прадеда, только он среди близких родичей был высокого роста. С таким ростом и такими плечами не обязательно учиться приемам борьбы иль рукопашного боя. При таком красивом лице и сильном теле и вообще при такой мужской красоте у него, должно быть, совсем нет отбоя от девушек.

Так, живо вспомнив проведенные тоже в Трезене свои юные годы и десятки девушек, родивших от него кучу внебрачных детей, чуть ли не с завистью подумал Тесей, а вслух

сыну сказал:

– Возрадуйся Ипполит! Как давно мы с тобою не виделись, должно быть, с того самого дня, как ты после обучения у Хирона появился в Трезене. Антиопа к тебе ездила, хоть на короткое время, но часто, а меня все время царские дела даже на день не отпускали. Ты стал совсем взрослым, на голову выше меня. Такому красавцу не обязательно и царицей родиться, чтобы девушки ни в чем не отказывали. Признавайся, сколько успели уже девушки нарожать тебе незаконных детей? Наверное, как и я, в твои годы, точно даже не знаешь, сколько твоих сыновей бегает по Трезене, а вот сейчас я, как их дед, хотел бы хоть на одного посмотреть.

Тесей хмурился и улыбался, было видно, что он испытывает неудобство от общения с выросшим сыном, которого он не видел много лет и потому толком не знал. Царю было не приятно осознавать, что он ревнует сына к высокому росту и, что сам себе он сейчас кажется совсем маленьким.

Ипполит не поддержал деланно игривого тона отца. Он его поприветствовал со спокойной почтительностью, но Тесею эта почтительность показалась какой-то холодной, чуть ли не высокомерной:

– Возрадуйся и ты, отец. Я давно хочу тебя получше узнать, ведь мы очень редко встречались. Старый Питфей мне много раз говорил, что ты великий афинский герой, что ты затмил во многом труды великого Геракла. Амфитрионид истреблял страшных чудовищ, а ты еще объединил Аттику и

сделал Афины полисом, одним из самых великих в Элладе. Почетно иметь такого отца. Я же за последние годы изменился не сильно, разве, что после посвящения в таинства, перестал любить убивать зверей на охоте. А близких отношений с девушками, которые ты имеешь в виду, у меня никогда не было, потому нет у меня и детей. Женщины и любовь меня не интересуют...

– Так ты любишь только мальчиков?

Тесей был явно обескуражен. До встречи с Пирифом, которого он по-настоящему полюбил, как юношу, как друга и как брата, мальчики ему не особенно нравились, и он с ними сочетался разными нежными ласками лишь тогда, когда не мог найти для этого девушку.

– Я не люблю, как ты это понимаешь, ни женщин, ни юношей. Тебя, как многих других это, должно быть, удивляет. Постарайся меня понять, ведь понять – значит отчасти простить. Во-первых, я действительно чувствую, называемого телесной любовью, не испытываю ни к девушкам, ни к отрокам. Мне интересна дикая природа, животные, звери, я люблю охоту, хотя сейчас меньше и без убивания крупных зверей. Во-вторых, как я тебе сказал, я был посвящен в удивительные подземные таинства и мне было знамение, и после этого я дал обет, оставаться чистым, как чиста самая почитаемая мной безбрачная Артемида, вечно юная, самая прекрасная из богинь. Я, посвященный в таинства, должен чистоту при жизни всегда сохранять, и тогда в гостеприимном

вечном доме меня будет ожидать Элисиум.

165. Первая законная супруга Федра

Тесей не раз вспоминал, как он без всякой борьбы оставил Дионису Ариадну, которая ради него предала родину и отца и помогла погубить сводного брата. Он считал себя перед ней виноватым, но не в том, что оставил ее богу виноградной лозы, ведь он не любил ее, и потому их брак был бы для обоих несчастьем. Он был виновен в том, что обманул ее перед тем, как попасть в Лабиринт, надавав по необходимости ей обещания верной любви, которые выполнять не собирался потому, что любви не было.

Возвращаясь мыслями в то «критское» время, он часто вспоминал младшую сестру Ариадны – маленькую Федру, которая, как он помнил, была очень красива. Он живо помнил, как его в жертвенной повязке вели к Лабиринту, и какая-то богато одетая отроковица лет 9–10 смотрела на него с таким восторгом, будто он бог, спустившийся к ней с Олимпа. Он тогда ей на ходу крикнул озорно, что, если останется жив, то когда-нибудь женится на ней. Конечно, это было не обещанием Федре жениться, как Ариадне, а неуклюжей попыткой, хоть, как-то заглушить страх, ведь его вели, даже, не как жертву на заклятие богу, а, скорее, как мясо для чудовища.

Однако не обещании отроковице Федре во время мимо-

летней с ней встречи было главной причиной женитьбы Тесея на Федре, а политика. Все в Афинах ждали, что царь женится «на Крите», чтобы, скрепив союз Аттики и могущественного острова ста городов, усилить Афины и ослабить другие города, особенно Микены, опять набиравшие мощь. Об этом Тесей не однажды говорил даже с Антиопой, и она, будучи царицей амазонок, понимала, что царствование не всегда бывает простым и приятным, порой оно требует жертв. Несколько раз она сама направляла Тесея на Крит для поддельного брака, чтобы он там на маленькой Федре женился и, юную оставив супругу, назад к ней возвратился в Афины.

И вот настал день, когда Тесей снарядил пятидесятивесельный корабль с высоким носом и такой же кормой и отправился на Крит, где правил Девкалион, старший сын Пасифаи и Миноса, искавшего на Сицилии улетевшего с Крита на скрепленных воском крыльях Дедала, но нашедшего свою смерть от кипятка, вылитого на него дочерьми царя сиканов Кокала.

Некоторые, подобно Аполлодору, говорят, что Девкалион, тоже желавший политического и военного союза с Афинами, помог сосватать Тесею юную Федру, и тут же сыграли пышную свадьбу.

Еврипид в «Ипполите» поет: когда молодожены отплывали от берегов родимого Крита, то от мирной сени отчей за их ладьей белокрылой с шумной жалобой недаром волны пен-

ные бежали: не нашла невеста мира в этом браке. Не только с Крита птицы злые эту свадьбу провожали, но их встретили в Афинах, у Мунихия, когда молодые, в волны новые тяжелый бросив якорь, на священный брег Паллады выходили. Это все были приметы будущих несчастий.

Другие рассказывают, будто бы Тесей похитил, как Ариадну, и юную Федру из отчего дома, и пышное свадебное торжество состоялось в его дворце в Афинах, и там дико ревнивая Антиопа была верным его другом Пирифоем убита.

Некоторые говорят, что супружескую жизнь Тесея и Федры непререкаемая Мойра Лахесис с самого начала не счастливой соткала. В брачный покой их ввела Эриния Тисифона со злорадным, томительным воем, сова одинокая долго ухала вместо Гименя песню не свадебную, а печальную. Рядом была Алекто в ореоле из змей ядовитых, и погребальный пылал факел в окровавленных руках у нее. С сестрами не замедлила незримо явиться на свадьбу и Мегера с бичом ядовитым во дланях, и змеи, обвившие его рукоятку, шипение выпускали ужасное, погибельное для всего живого.

Павсаний говорит, когда Тесей только задумал жениться на критской царевне Федре, то, не желая, чтобы в случае, если у него родятся дети, Ипполит был под их властью или чтобы он царствовал вместо них, он отправляет его на долгие годы к Питфею, чтобы тот воспитал его и, чтобы он потом, после смерти прадеда, царствовал законно в Трезене, где все его знают с рождения.

166. Ипполит не чтит Афродиту [75]

Однажды, когда Ипполит с несколькими охотниками пошёл ко дворцу Питфея на трезенской площади, где слева от его пышного чертога стояла статуя Афродиты, а справа – ксоан Артемиды, произошло незаметное глазу, как будто непримечательное событие, но повлиявшее на всю его жизнь и ее прекратившее.

При появлении Ипполита из дому вышло несколько рабов, в том числе и старый раб, в прошлом его воспитатель. Шествие направилось к статуе Артемиды, и Ипполит, тряхнув длинными как у женщины пепельными волосами, разделенными посередине и свисавшими до лопаток, радостно закричал:

– О, восславьте гимном, друзья, безбрачную дочь Лето и Зевса, прекрасную Артемиду, из богов самую лучшую, приносящую нам с вами всегда только радость!

Охотники тут же остановились и начали весело возглашать:

– Дева-охотница, радуйся! Многоименная вечно юная Зевсова дочь, великая лучница, дева, светоч людям несущая! Чадо матери образцовой Лето, нет в мире тебя прекраснее. О Артемида, нам нет богов и богинь милее тебя. Девственно чистая, как брат лучезарная, ты самая лучшая в мире!

Когда охотники украшали алтарь Артемиды свежими полевыми цветами Ипполит, окружил подножье статуи большой цветочной гирляндой и почтительно молвил:

– Прими этот большой венок, царица полных дичи лесов и гор крутоглавых: там, на нетронутом лугу, где до меня ничья нога не ступала, ни человека, ни домашней скотины, я для тебя цветы эти сорвал. Там только старательных пчел кружится хоровод среди девственных цветов, которые рососою чистейшей по утрам покрывает сама Стыдливость вместе с розоперстой Зарей. И лишь тому, кто сам стыдлив и чист простой бесхитростной душой, срывать цветы там свежие дано. Один горжусь я этим даром – быть всегда с тобою, дыханьем с тобой меняться свежим, тебе внимать, даже тогда, когда уста твои прекрасные безмолвны.

Тут к Ипполиту подходит старый раб, воспитатель его бывший, без шапки, с посохом в руке иссохшей. Он долго смотрит с укоризной и потом ему сурово молвит:

– Царевич юный, внемли мне!.. Мы с тобой давно знакомы, и ты знаешь, что для меня лишь боги господа, и потому я буду правду говорить, хоть ты мне царь, а я твой раб... Если ты готов принять совет во благо от меня сейчас, как было часто раньше, то слушай. Закон есть общий: кто сух душой надменной, всем ненавистен. А ты вон с той богиней, которой все в мире подвластно и которая твой дом хранит, чрезмерно горд; я давно заметил, что ты к ней не подходишь никогда и на нее даже не смотришь, как будто ее здесь нет!

Строго старый раб сказал, рукой костлявой указывая на статую Киприды. Ипполит в ответ одной лишь серебристой головой слегка ксоану Афродиты поклонился и, не покинув статуи другой богини, некогда не знавшей ложа мужчины, гордо сказал:

– Я чту и Киприду, но только издали, по-своему, как чистый. Богиня, которую все больше любят ночью, совсем мне не мила. Как и людей одних мы больше любим, других меньше, иных не любим вовсе, так и с богами – не всех мы чтим и любим одинаково.

Старый раб поджал губы и, помолчав, сокрушенно покачал головой, потом страдальчески улыбаясь бесцветными старческими губами, посмотрел на Ипполита и ему промолвил с расстановкой:

– Тебе видней, ты скоро будешь царь, а для меня – лишь был бы счастлив ты, мой милый мальчик.

Ипполит попросил своих спутников почистить кобылиц и после обеда приготовить их ему для поездки, а старому рабу с легкой улыбкой пожелал много радостей с Кипридой и ушел во дворец.

Старый раб тяжело вздохнул, низко поклонился ксоану Афродиты и, положив посох на землю, воздел к ней руки и стал молиться истово:

– С молитвою, смиренной к тебе, я обращаюсь, Владычица великая Киприда. Не гневайся и снизойди ты к безрассудной юности с ее кичливым сердцем. Забудь те дерзкие слова,

что юный Ипполит, не думая, сказал. Ведь мудрая ты, как Афина, великодушная и милоулыбчивая. О богиня великая, с чистой душой призываю тебя милость явить юному Ипполиту, ведь знаешь сама ты, как легко в заблуждения неопытная юность впадает.

167. Афродита замышляет кару Ипполиту [75]

Афродита не вняла мольбе старого раба Ипполита и не простила юного царевича. Из всех один в Трезене Тесеев сын, надменный Ипполит, могучею рожденный Амазонкой и благостным Питфеем вскормленный, ее не почитал, как Артемиду. Глядя вслед Ипполиту, Киприда прошептала:

– Во мне ней нет зависти к вечно юной Артемиде, но за прегрешения перед Любовью гордеца я обязана сурово покарать.

Сузив свои влажно-мерцающие фиалковые глаза в узкие щели черных гнутых ресниц, богиня красоты и любви с грозной улыбкой стала говорить своему милому сердцу:

– Полна земля молвой тысячеустой обо мне, и ярк в небесах мой дивный блеск, и сколько есть людей под солнцем и под луной от Понта до Атлантовых пределов, все власть мою приемлют кротко, и их лелею я. Однако, если предо мной гордиться кто задумает, тот счастья в жизни не познает никогда. Таков уж род бессмертный мой, дары и по-

читанье от людей сердцу моему отрадны, а гордыня человеков наполняет меня справедливым гневом, и подтвержденье этих слов я скоро здесь явлю. Во всем Трезене лишь один спесивый Ипполит меня не чтит и в сонмах дивных тем меня позорит. От радостей любви бежит он, как от напасти, и меж богов нет никого ему милее Артемиды, которая гордится непомерно своим никчемным целомудрием... С ней неразлучен он и днями целыми готов охотиться. Что ж, я не завидую нисколько Звероубийце-Стреловержице, и мне нет никакого дела до тех, кто ее любит. Но в чем передо мной действительно виновен Ипполит, за то гордец сполна ответит... А то, что моим чарам он не доступен, совсем не значит, что не достигнет его моя кара. Когда чертог покинет он Питфея, чтоб Элевсина таинства узреть, в Афинах его увидит мачеха, блистающая родом Гелия. Уж, если Пасифаю, супругу Миноса, заставила я полюбить быка безумно, то дочь его влюбить в красавца Ипполита будет совсем просто. Мой сын прекрасный Эрот своею стрелкой с загнутым зазубренным крючком воспламенит ей сердце пылко. Влюбленная, она скалу Паллады с той стороны, что смотрит на Трезен, моим святилищем украсит, и храм ее тоскующей любви прослышет "святыней Ипполита". Когда ж Тесей, чтобы себя очистить от скверны пролитой им крови Паллантидов, в изгнание из Аттики с женой сюда, в Трезен, приедет на целый год – несчастная, мечты любовные со стонами мешая, здесь от жала Эрота сохнуть молча станет. Из челяди

никто о ее тайне знает не будет. Только преступной страсти не суждено будет угаснуть без следа. Тесею узнает обо всем и сына проклянет, и нам враждебный Ипполит будет убит его проклятьем, ведь царь пучин чадолюбивый, не даром же по воле старой Мойры Тесею три желанья посулил исполнить. Потом Тесею узнает, что сына погубил напрасно. Что ж так ему и надо, его я тоже ненавижу за то, что предал он любовь и Ариадну отдал Дионису, не противясь. При этом суждено погибнуть и Федре, что будет во всем послушна мне. Что ж, пусть погибнет! Мне лучше, чтобы и она погибла, чем, ее спасая, мне сердца, мечь лаская, вдоволь не насытить. И потом она ведь внучка Гелия, которого давно я не люблю за то, что он, все сверху видя, разболтал Гефесту, в тот время моему супругу о моей измене с Аресом и тем обрек меня не только на позор, но и на посмешище среди насельников Олимпа.

Афродита не стала медлить и тут же призвала сына златокрылого. Когда Эрот примчался и стал нежиться на ее коленях, богиня выдавила слезинку из фиалковых глаз и сладко стала его заклинать устами, влажно блестящими, как лепестки нежнейшей розы:

– Мой резвый ребенок, тебе все в этом мире подвластно. Устами любви материнской, нежными ранами твоих кипарисовых стрел, факела твоего ожогами сладкими, призываю тебя отомстить за слезы своей родительницы, которую надменный Ипполит знать не желает! Ему совсем я немила! Полной

мерой воздать дерзкому Ипполиту, и тебе не удастся, должно быть, слишком он кичится непогрешимой своей чистотой. Так пусть не он влюбился в супругу родителя Федру, а она, узрев своего пасынка, неистовой страстью зажжётся и безумно будет его до самой смерти любить!

Бог идалийский крылатый, обвив шаловливыми материнскую шею руками и, как всегда, поцелуев прося, громко смеялся и отвечал Афродите:

– Что свой мерцающий сердечными тайнами взор омрачаешь напрасно слезами? Все, что ты скажешь я исполнить готов, милая мать. Если угодно тебе, то юноша этот, Ипполит, сын Тесея, жгучий огонь наш почует и его мачеху Федру безумно заставлю пасынка полюбить.

168. Эрот поражает Федру стрелой

Бог крылатый тут же взял оселок и кипарисовые подточил свои стрелы с острыми зазубренными крючками, потом тугой тетивой себя опоясал, приладил колчан золотой за плечами и во все оружие бурно взлетел. И вот уж он над солнечной пролетая Аттикой, стремительный полет свой замедляет и направляет его в Афины, где, проводя элевсинские мистерии, граждане готовились к процессии, которая заканчивалась в Элевсине, расположенном в 20 стадиях от Афин на мегарской границе. Эфебы сопровождали жрецов, доставлявших обратно в Элевсинское святилище то, что они привози-

ли в афинский Элевсион, и среди этих эфебов был Ипполит.

На Агоре в Пестрой стое, расписанной знаменитыми живописцами, архонт-басилевс (верховный жрец Афин), уже принял одетых в пурпурное облачение двух главных элевсинских жрецов иерофанта (знающий будущее) и дадуха (факелоносец), олицетворявшего поиски Деметрой любимой дочери Кору, ставшей после замужества Персефоной. Посвященные уже собирались под портиками храма Элевсиниона. Тут они должны были выслушать заявление иерофанта, который объявлял об установленных условиях для допущения в мистерии.

Потом все направились к берегу вечно шумящего моря, чтобы совершить там омовение. Мисты омылись в прибрежных волнах сами и искупали символизировавших плодородие поросят, которых затем принесли в жертву благой богине в Элевсинионе. И вот Мисты, украшенные миртовыми венками, радостно запели и стали дружно выкрикивать имя божества. Процессия вышла из Элевсиниона, размеренно прошла через Агору и Керамик, останавливаясь у храмов и алтарей, чтобы совершить предписанные ритуалы. Среди участников этой процессии Эрот зоркими своими глазами узрел Ипполита и Федру.

Бог италийский, оставаясь невидимым всем, на прозрачных, как у стрекозы, крыльях к юноше, одетому в девственно чистые белые одежды, быстро слетает и, когда тот на Федру глядит, пронзает его сердце своей стрелкой кипарисовой

с изοοстрым крючком-наконечником. Пепельная голова Ипполита была украшена венком из свежих цветов, смуглые щеки его рдели стыдливым огнем. Юноша, как и прозорливая ожидала Киприда, к женской красоте мачехи совсем безучастным остался. Его мать амазонка всю свою жизнь до встречи с Тесеем знать мужчин не желала – юный Ипполит не желал знать женщин. Он твёрдо намеревался быть «чистым» служителем такой же чистой девы-охотницы Артемиды, никогда не знавшей брачного ложа.

Между тем, по-прежнему невидимый никому Эрот свой бурный полет к Федре быстро направил. Бог любви дождался, когда Федра взглянет на Ипполита, идущего в белых одеждах невдалеке от нее, и тут же поразил ее своей пламенеющей стрелкой с загнутым наточенным острием в самое сердце. Словно сверкающий молнией северный ветер Борей в душу критянки Эрот проник до самого дна. В тот момент, когда сладостно-горькое жало любви ей в сердце впилося, царица вздрогнула сильно, как от рокового удара и чуть не упала. Так быстро и мощно, с первого взгляда, разгорелось дикое пламя от факела крошки – бога и вспыхнула любовная страсть и отчаянное безумие в ее прекрасных очах. Увидев это, Эрот довольный с хохотом, резво взмыл в небо и умчался в лазурную высь.

Мачеха смотрела на пасынка, как будто первый раз его видела и не могла оторваться и губы ее, как замороженные, беззвучно шептали:

– Что-то странное со мной сейчас происходит. Кажется, в его внешности ничего нет особенного, хотя он высокий и стройный, плечи широкие, талия тонкая. Слышала я, как некоторые называли лицо его худощавое надменно угрюмым, мне же оно кажется мужественным и прекрасным, особенно красив его волевой раздвоенный подбородок. А волосы его?! – Как у Феба – длинные, волнистые, только пепельно-серебристого цвета, они чудесны природной своей красотой, видно, что они с гребнем совсем не знакомы, но ведь вреден мужской красоте тщательный слишком уход. Как и облик суровый, пышных волос беспорядок и легкие пыли следы на прекрасной коже очень пристали ему! А глаза его – такие синие, как бездонное летнее небо, в них видится вся чудесная его душа!

Федра не была невинной девушкой, она знала, что такое любовь. Поняв мгновенно, что она влюбилась в сына своего мужа, царственная критянка ужаснулась и решила изо всех сил бороться с греховной любовью.

Овидий в «Песнях любви» поет, что борьба с Эротом лишь разжигает пламя любви. Спокойно к любви относившись, человек облегчает свой груз. Мучит сильнее Любовь и свирепей терзает мятежных и страстных, нежели тех, кто спокойно, безропотно готов любовное рабство свое выносить.

169. Молчаливое страдание Федры

Внушенная Федре Эротом страсть к Ипполиту со временем только усиливалась. Она, не показывая никому своего чувства, старалась бывать там, где можно было встретить Ипполита. Когда он, накинув узду, на коне гарцевал, стройные ноги наездника ей казались самыми красивыми, хоть в действительности они были слегка кривоваты. Когда он юной рукой на тренировке посылал вперед тяжелую пику – глаз не могла мачеха оторвать от его напряженной руки, на которой рельефно выделялись молодые упругие мышцы... Что бы пасынок ни делал, на все мачехе влюбленной отрадно было глядеть, чтобы не говорил, все ей слышать было приятно. Глядя на Ипполита, младшая Миносида и краснела, как пурпур розы и бледнела, как свежавыпавший снег, при этом то яростный пламень, то леденящий озноб еще молодое ее терзал тело, в смятенье тягостном и ужасном томился ее гордый женский дух.

Говорят, что влюбленная мачеха последовала за Ипполитом в Трезену, где тот жил на попечении своего стареющего прадеда Питфея и под присмотром матери Эфры постоянно. Впоследствии здесь был воздвигнут обращенный входом к гимнасию храм Афродиты Катаскопии (Подглядывающей), так как отсюда влюбленная в Ипполита Федра с замиранием сердца целыми днями тайком подглядывала за обнаженным

пасынком, когда тот занимался гимнастикой или упражнялся в борьбе или беге.

В небольшом дворике этого храма было оставлено расти миртовое дерево, все листья которого влюбленная критянка, не удовлетворенная в своей любви, в приступах бессильной ярости исколола своей булавкой – заколкой – так бурно пылала ее неразделенная страсть. Трезенцы говорят, что засохшие листья этого дерева с тех пор не отлетают даже зимой и хранят на себе множество рваных дырок. Когда, позднее, Ипполит отправился на Панафинейский праздник, учрежденный отцом, и остановился во дворе Тесея, Федра с той же целью стала пользоваться храмом Афродиты в Акрополе.

Понимая всю недопустимость своей греховной страсти, Федра честно пыталась бороться со своим неподвластным воле чувством, которое ужасало её так, что она боялась не только говорить о нем сама с собой вслух, но даже думать. Она прилагала все возможные усилия, чтобы превозмочь тёмную, грозную страсть, бездонную, словно древний Тартар. Но жгучее пламя факела Эрота ни на миг не отпускало ее и не знало пощады. До мозга костей прокрался яркий огонь, иссушая все жилы и душу...

Миносида замкнулась в себе и молча страдала, не посвящая никого в свою тайну, однако все ее мученические усилия были напрасными. Казалось бы, после рождения сыновей от Тесея Демофонта и Акаманта, Федру должно было

отвлечь от навязчивой страсти материнство, его заботы и радости, однако ее любовь к Ипполиту, наоборот, вспыхивает с особой силой.

Кормилица Энона, не чаявшая души в своей воспитаннице, чувствовала всем своим любящим сердцем ее страдания. Она не раз пыталась узнать причину терзаний своей питомицы, разговорить ее, приставая к ней с самыми разными расспросами, но Федра в эти моменты делалась то, как мертвая, то, как немая. Молчанием упорным она старалась скрыть этот любовный недуг не только от всех людей, но и от себя. Ее молчаливой, загнанной твердой волей в глубины гордой души страсти, не суждено было разрядиться ни словом дружеского участия, ни ласкательно мечтательной игрой ума, которая для ее горделивой стыдливости казалась только порочной мерзостью.

В редкие мгновения любовного бреда царственная критянка все же мечтала о чистой взаимной любви с Ипполитом, которая дала бы ей настоящее и человеческое, и женское счастье. Однако в остальное время, будучи от природы человеком рассудочным, Федра понимала, что счастье для нее – это несбыточная мечта, а в действительности ее ожидает или огненная бездна страшного омерзительного порока, или черная мгла смерти. Сознывая совершенную безвыходность своего положения, Федра слегла, как от тяжелой телесной болезни, она не имела сил не только дальше со своим чувством бороться, но и жить не хотела.

170. Кормилица вырывает у Федры признание [75]

Все чаще Федру охватывал лихорадочный бред. Однажды в жаркий почти безветренный день царице стало совсем плохо в душном дворце. Бледную, с пересохшими губами, с полуспущенным покрывалом на голове царицу Энона вместе с другими старыми служанками вынесла на низком ложе на улицу. Четверо из них несли больную, другие несли покрывала, благовония и мази, опахало. Энона, как старшая, хлопотала около положенной под раскидистым платаном Федры, то поудобнее укладывала ее на постели, несколько раз передвигая, то хватала опахало и начинала ее обмахивать, не замечая свежей ласковой Ауры (Воздушная струйка).

– Вот светлое солнце, и чистое небо, дитя, над твоею недужной постелью... Ты это просила?

Заботливо спросила у Федры Энона и не дождавшись ответа, то ли спросила у старых, как она, служанок, то ли им возвестила:

– Не лучше ль уж, право, больной возлежать, чем ухаживать за больной, не зная, как ей помочь? Там тело страдает, а тут и жилища двух миров душа вся изболеет, и руки, как от тяжелой работы устанут... Да, жизнь человека – лишь мука сплошная, а милые радости редко нас посещают.

– Подняться хочу я, долой покрывало. Как тяжело мне,

пусть волосы льются и плечи оденут...

С такими полными боли словами Федра срывает с себя покрывало, и ее темные волосы с золотистым отливом, набегающие на бледные щеки, свободно рассыпались по еще красивым точеным плечам. Энона хотела что-то сказать, но Федра, как в бреду, громко запричитала:

– Ах, как же я в горы хочу, где сосны и ели, дубы и платаны, где хищные звери за ланью пятнистой гоняются жадно. О, если и я бы могла за ней гнаться со свистом, о, если бы дротик к ланите под сенью волос золотистых приблизить могла я...

Энона, видя усиление лихорадочного состояния Федры, не зная, что делать, недоумевающе молвит:

– Уж это откуда появилось желанье, не знаю... На зверя охота – твое ль это дело?

– Туда, где Артемида, царица дубрав и приморья, где вольные кони песчаные отмели топчут! О, если б туда мне, в урочища девы, и мне четверню бы венетскую в мыле.

Энона, всплеснув руками, запричитала:

– Безумные речи! То хочет она на охоту за ланью гоняться... то ей на побережье подай колесницу... Вещего гадателя – вот, что действительно надо, чтоб он бога назвал нам, который твой всегда крепкий рассудок с дороги обычной увлек в эти дебри.

Федра понемногу приходит в себя и, вскочив с ложа и словно впервые увидев служанок, стыдливо закрывает лицо

и горестно восклицает:

– Несчастливая! Что я здесь делаю? Где я оставила разум свой человеческий, где женский потеряла стыд? Увы мне! Проклятье! Злой демон, видно, меня поразило... Вне себя я была... и, наверно, тут бесновалась... Увы мне! Увы! Что я в беспомыслии тут наговорила, скажи мне быстро всю правду, верная Энона?

Ноги у Федры подкашиваются, она опять падает на постель и устало говорит:

– Покрой меня, няня, родная, покрой, чтоб никому меня не было видно... Мне стыдно безумных речей, хоть я их не помню... О, спрячь меня, дорогая Энона! Как больно возвращаться к сознанию, кажется, лучше было бы умереть, не очнувшись от бреда. Так что же я в бреде наболтала, Энона?

Кормилица тихо заплакала, но быстро уняла слезы и молвила просительно:

– Дитя мое любимое, не стоит помнить этих слов... Ты то охотиться на лань хотела, то на конях по берегу скакать... Но, если ты страдаешь недугом тайным, то умоляю – не молчи, дитя. Открой же свои губы, не молчи... Дай хоть посмотреть в глаза тебе...

– Я не могу открыть своей ужасной тайны, которая меня грызет и умертвляет. Стыд не покинул мою душу благородную.

– Почему ты довериться боишься даже мне? Ведь я тебя качала в колыбели, отчизну кинула из-за тебя, своих детей –

и сомневаешься ты в верности моей?

– Душа во мне изранена, истерзана... она заражена ядом Эротом.

Ответила Федра, пряча от няни глаза, словно стыдливая девушка.

– Перед тобой Тесей не согрешил?

– Ах... мне перед ним не согрешить бы только.

– О, ужас... не пойму куда ты клонишь и кого ты любишь?

– Я имени произнести не в силах, но сын он Амазонки.

Энона отчаянно всплеснула руками и чуть не плача выкрикнула:

– Ипполит? Не может быть, мое дитя. Ты убиваешь своим признанием меня. Для старых плеч моих такое иго, слишком тяжело. Проклятый сегодня день, проклятая твоя любовь...

Федра порывалась что-то сказать, но все слова, как будто в непослушном горле застревали. Кормилица обращает взор к статуе Афродиты и скорбно говорит трясущимися бескровными губами пророческие слова:

– Киприда – ты не бог, ты больше бога. Кто б ни была ты, но Федру, и меня, и дом Тесея с Ипполитом ты точно скоро сгубишь и помешать тебе никто не в силах.

171. Разговор Федры с Эноной [196]

Тут, наконец, слова, словно вода, бурно прорвавшаяся через разрушенную плотину, безудержно извергались из уст

царицы:

– Так слушай же меня, няня! Давно уже больна ужасным я недугом... Едва лишь стал Тесея моим супругом, и жизнь впереди казалась мне, наполненной всеми благами, в Афинах на мистериях передо мной предстал мой пасынок, ставший врагом самым любимым, гордый своею неземною чистотой. Я, глядя на него с ума сходила, краснела и бледнела, то ярый пламень, то озноб смертельный мое терзали тело, кроме него не видела я никого вокруг, в смятении ужасном трепетал мой дух. Узнала тотчас я зловещий жар, разлившийся в моей крови, – огонь всевластной Афродиты, зажженный ярим факелом ужасного Эрота. Умилостивить я пыталась божество: я ей воздвигла храм, украсила его: куря ей фимиам, свершая жертв закланья, я мнила, что она смягчит мои страданья. Но тщетно было все: Неисцелимая пришла ко мне любовь! Я, вознося мольбы Киприде, была погружена в мечты об Ипполите. Я знала, что люди осуждают любовь между родными, даже, если на самом деле они чужие, как мачеха и пасынок. Сначала, не показывая никому своего чувства, я старалась бывать везде, где можно было встретить Ипполита, и страсть, конечно, только сильнее разгоралась. Тогда, пытаясь задушить в себе греховную любовь, я стала избегать его, но все едино: в чертах отца – увы! – я находила сына! Не раз я даже называла Тесея Ипполитом. Тогда решилась я восстать против своей любви иначе, и, страсть преступную насильственно губя, любимого преследовать врага.

Роль злобной мачехи искусно разыграла: упреки, жалобы – им не было конца, и вынужден был сын покинуть дом Тесея. Уехал он в Трезену к бабке Эфре и к прадеду Питфею. Его сначала мне сильно не хватало, я места себе нигде не находила и Тесея опять звать стала Ипполитом. Но время лечит и, наконец настало небольшое облегчение: дни потекли спокойнее, уменьшилось мое смятение и, как могла, противилась любви преступной. Я думала всегда о нем, но уже без прежней страсти, я могла даже воспитывать своих детей прилежно... Но Рок безжалостный метет людей, как вихрь листья!.. Борьба с ним безнадежна! Всесильна Мойра. В Трезен, куда была мной сослана порочная любовь, привез меня мой муж насильно. Насильно? – о, конечно, нет, я не хотела ехать лишь на словах, но сердцем я давно туда неистово стремилась. Лишь только я увидела его – открылась рана вновь. В крови пылал уже не жар, но пламень ядовитый, – вся ярость впившейся в добычу Афродиты. Я стала для себя самой мерзкой преступницей, исчадьем зла! Я прокляла и страсть свою, и самую себя. Однажды я всерьез заговорила с Тесеем о разводе, прямо сказав ему, что наш несчастлив брак, но он в ответ сначала посмеялся. Вдоволь насмеявшись, он сказал, что браки заключают не для счастья, а для законного потомства, чтоб обеспечить существование государства и род свой продлить. Он разговаривал со мной, словно с народом на агоре, а в конце своей речи он запретил мне о разводе даже говорить под страхом наказания плетью. Ме-

ня – дочь Миноса, царевну Крита – плетью! Если бы могла я бы его тогда убила, но я в сто раз слабее убитого им моего брата Минотавра. Тогда я ясно осознала: лишь могла скрыть может мою преступную любовь и умереть твёрдо решила. Сейчас же, вняв твоим просьбам и слезам, тебе во всем призналась, и я не каюсь в этом потому, что в душе сама я этого давно хотела. Но зная, что на смерть себя я осудила, ты не тревожь меня ни стоном, ни упреком, не отговаривай, не вздумай помешать и гаснущий костер моей несчастной жизни не тщись раздуть опять. Этим ты лишь продлишь мои ужасные мученья.

Прибежавшая служанка Панопа стала горестно кричать, что моряки с вошедших в гавань кораблей привезли печальное известие, будто смертью взят афинский царь Тесей в один из дней, когда он с Пирифоем последние полгода пиратствовал на дальних островах, и это ведомо уже Элладе всей.

Энона, всплеснув руками, вскрикнула, но быстро взяла себя в руки и радостно заговорила:

– Уже отчаявшись тебя отговорить, я жизни собственной тоже прервать хотела нить. Но изменилось все сейчас от этого известия: царь умер, – на тебя ложится бремя власти. Живи же милая! И прочь гони былые угрызенья сердца: ведь страсть твоя теперь – лишь страсть, совсем не преступленье. Теперь ты не жена его отца, вдова и можешь себе мужа выбрать. Смерть Тесея по воле непреложной Мойры ту разо-

рвала связь, из-за которой ты, себя самой стыдясь, решила умереть. Теперь преграды нет, тебе с царевичем встреч избегать больше не надо.

Несчастливая Федра, потрясенная известием о смерти Тесея, не знала радоваться или печалиться. Видя нерешительность своей любимой воспитанницы, кормилица стала уговаривать ее хотя бы написать письмо Ипполиту. Конечно же, Энона легко добилась своего, ведь и Федре давно хотелось царевичу открыть сокровенный тайник своей души.

172. Письмо Федры Ипполиту [133]

В письме измученная греховной страстью Миноса младшая дочь смогла, наконец, признаться в любви к Ипполиту: – Прекрасный сын доблестной Амазонки, тебе исстрадавшаяся критянка желает здоровья, к ней же самой без твоего желания никогда не возвратится оно. Чем бы не показалось тебе начало письма, прошу прочитай до конца: тебе никакого ущерба не будет, даже, быть может, найдешь что-нибудь в нем по душе. Мы, женщины критского царствующего дома, словно обречены на позор во имя любви. Так случилось с моей бабкой Европой, похищенной быком, посланным Зевсом, моей матерью Пасифаей, отдавшейся тоже быку, посланному Посейдоном и, наконец, с моей старшей сестрой Ариадной, погубившей себя ради твоего неверного отца. О, моя бедная сестра, вероломно покинутая бесчестным Тесеем. Брату он

выпустил кишки и на съеденье зверям бросил на необитаемом берегу сестру, которая, как Медея, ценой своей жизни от Минотавра его спасла и вызволила из безвыходного Лабиринта. Доблестью всех воительниц превзошла та, что тебя родила, – сына достойная мать. Ты и сам знаешь прекрасно, что с нею случилось – от кинжала на свадьбе изменившего ей Тесея она погибла! Я не раз умоляла его о разводе, но он всегда, отвечая, говорил лишь о нерушимости политического союза его Афин и моего Крита, и никогда – о любви. Мне кажется, он давно уже всех женщин не любит, и любит лишь одного Пирифоя и раболепных девок, что добывает с ним во время пиратских набегов на соседние острова и прибрежные города. Ты ж чтишь отцу постылое ложе, которое он всеми своими делами отверг!

Но Федра не могла ругать возлюбленного (она лишь сетовала на его безразличие к ней), и дальше она заискивающе и одновременно мечтательно говорила в письме:

– Милый, пусть не смущают тебе чрезмерно чистую душу мои слова! Благочестие хорошо было в век Крона, нынче оно устарело и скоро отомрет совсем. Благочестиво сейчас то, что приятно, а приятнее всего то, что дает Афродита. Нам с тобой нетрудно и не опасно друг друга любить, ведь под покровом родства скрыта любая вина. Если увидят, как мы обнимемся, – нас же похвалят, скажут, что пасынок мне, мачехе, дорог как сын. Никто не сможет нас заподозрить ни в чем. Мы уже давно живем под одной крышей, и наше вни-

мание друг к другу воспримется всеми как невинное и даже достойное похвал. Общий был у нас дом – и будет по-прежнему общим, буду тебя при всех обнимать и целовать, как и раньше целовала. Любимый, ты не рискуешь ничем: если даже увидят нас в постели вдвоем – никто осудить не посмеет. Видишь, я не стыжусь до слезной унизиться просьбы. Ах, где моя прежняя гордая речь, где надменность моя? Страсть свою я не могу побороть. Сломлена я и колени твои царской обнимаю рукою; пристойно это иль нет – дело какое настоящей любви? Если еще не любишь меня, то пожалей и нрав свой суровый смягчи, а любовь обязательно придет позже, когда ты поймешь, что никто никогда тебя так не полюбит как я. Сейчас же слова мольбы, над которыми слезы лила я, ты прочитай и представь бедную Федру в слезах...

После того, как служанка Панопа вручила письмо Федры Ипполиту и через некоторое время передала ей слова пасынка, что никакого ответа не будет, она совсем заболела и, как заведенная повторяла:

– Несчастливая! Что я наделала? Где мой разум? Где женский стыд мой и царская гордость, ведь мой род тысячу лет правит на прекрасном острове ста городов? Увы мне! Я все потеряла! Злой Эрот меня поразили не только греховной, но и безответной любовью... Увы мне!

Если Федра действительно писала такое письмо Ипполиту, то оно осталось без всякого ответа ни на дощечке, ни на словах. Она даже не была уверена, что он прочитал ее пись-

мо до конца. Возможно, он сжег эту дощечку без всякого следа или просто разгладил воск на ней, прочитав лишь первые строчки. Не представляя, что ей делать дальше, Федра, подумала, что ей уже нечего терять и решилась встретиться с ним. В ее душе теплилась несбыточная надежда, что он, увидев и услышав, как она его любит, посмотрит ей в глаза и поймет, что никто никогда так его не полюбит и просто не сможет не проникнуться к ней ответным чувством.

173. Встреча Федры с Ипполитом [196]

Ипполит, при встрече с Федрой, не поднимая глаз, но высоко задрав свой красиво раздвоенный подбородок, тихо сказал, но очень высокомерно:

– Опомнись, что ты творишь, ведь ты царица. Ведь ты не девушка уже и понимать должна, что безрассудная любовь большое зло на многих навлекает. Возьми же себя в руки, вспомни, что я Тесею – родной сын, а ты ему – законная жена.

Ипполит, подняв глаза, неприязненно взглянул на Федру и, сморщившись, добавил:

– Может я что – то не так понял в твоём письме, которое я дочитать не смог... Ведь я душой и телом чист...

Федра, не дав ему договорить, звонко вскричала:

– О нет! Все ты прекрасно понял! Мне кажется, ты хочешь, чтоб скорбь свою и боль я излила до дна перед тобой,

а ты бы надо мной поиздевался. Что ж – изволь. Да, я тебя люблю. Но ты считать не вправе, что в этом есть моя вина, и, что я безрассудную сейчас оправдываю страсть. Нет, над собой, увы, утратила я власть, ведь человек не может по своей воле ни полюбить, ни разлюбить. Как нет твоей вины, что ты меня не любишь, так и я не виновата, что полюбила и разлюбить тебя не в силах, чтоб ты не говорил и чтоб не делал. Я тебя могу возненавидеть, но разлюбить не в силах. Я, жертва жалкая небесного отмщенья. Я сердцем чувствую, что тебя – сержу своей любовью, сама себе – внушаю отвращенье, тем, что, как рабыня, унижаюсь пред тобою. Мой одурманен мозг, воспламенилась кровь... Я долго, как могла пыталась задушить в своей душе любовь, которую считают все порочной. Чтоб не встречать тебя, был способ лишь один, и я тогда все сделала, чтобы отец в Трезен тебя отправил из Афин. Надеялась я и не напрасно, что в тебе возникнет злоба к твоей обидчице – и мы спасемся оба от любви моей греховной. Да, безразличие твое, похожее на ненависть ко мне росло, но вместе с ним росла моя любовь – так разноречивы и загадочны законы Афродиты. К тебе еще сильнее влекли меня твои безвинные мученья и безучастие; мне душу иссушила страсть, и изнурили сновиденья. Взгляни же мне в глаза, но нет, ты на меня поднять не хочешь своих прекрасных глаз... О, наслаждение и горе! Лишь тобой я вся полна, и с сердцем ум в непримиримой ссоре. А ты ко мне все так же надменно равнодушен, милый...

Федра попыталась рукою робко прикоснуться к руке Тесея, как молящая, но тот отдернул руку резко, как от змеи и гневно закричал каким-то не своим визгливым женским голосом:

– Не смей бесстыдно тела непорочного касаться!

Бледная Федра облизала пересохшие губы и неожиданно низким хриплым голосом язвительно произнесла:

– Что ж, покарай меня за мой преступный пыл. Немало твой отец и нечестивцев, и чудовищ истребил; и ты с благочестивого лица земли сурово и безжалостно сотри это ужасное чудовище, исчадие порока, Тесееву вдову, томимую – о, ужас! – любовью к пасынку! Таким жутким преступницам нет места на земле! О, пусть твой меч пронзит мне сердце грешное, что жаждет искупленья и рвется из груди само к мечу, орудью справедливого отмщения! Рази же!.. Иль облегчить моих не хочешь мук? Иль, может, кровью моей бесстыжей, мерзкой не хочешь пачкать своих чистейших, благочестивых рук, которые я чуть прикосновением своим не осквернила? Что ж, если и твоего удара я не стою, и ты гнушаешься покончить так сам со мною, – давай свой меч, пусть для преступницы он станет карающим гладиусом!..

Федра выхватывает у Ипполита меч и медленно, как отрешенная, идет в угол, чтобы укрепить в нем рукоятку с гербом всех Эрехтеидов. И тут неизвестно откуда появившаяся Энона бросается к Федре с криками ужаса и виснет на руке, сжимающей рукоятку с двумя переплетающимися серебря-

сто-черными змеями:

– Госпожа, опомнись! Что ты задумала с мечом? Подумай хоть о детях! Отдай же мне меч!

Царица и кормилица падают, и на полу продолжают бороться, наводя вокруг беспорядок. Видя разбросанные одежды и перевернутые скамейки, Ипполит брезгливо морщится. В это время снаружи кто-то стал кричать, что жив Тесея, что он с большой добычей скоро будет во дворце. Ипполит озабоченно озирается по сторонам, плюет в сторону катающихся по полу и нечего не слышащих Федры и ее кормилицы и убегает с криками:

– Надо бежать как можно дальше от этой мерзости и грязи! Всех женщин ненавижу еще больше я, всех проклинаю и от всех бегу! А Федру ненавижу всех сильнее, она бесстыдством мать затмила, родившую чудовище, она себя развратом обесчестила.

174. Самоубийство Федры [196]

После продолжительной и опасной борьбы, хоть старая, но еще сильная кормилица отняла у ослабленной болезнью царицы меч. Федра, не вставая с пола, долго вся вздрагивала и корчилась, как от сильнейшей боли и, наконец, заговорила:

– Ты победила, няня, но надолго ль? Весь ужас моей души выпущен теперь наружу. А как, как слушал он, надменный Ипполит, погрязший в чистоте своей души и тела! Как

ускользнуть хотел от разговора! Как делал вид, что что-то не понять в моем письме ему, которое он дочитать не смог, ведь он такой благочестивый... Понять же удостоив, как покраснел от злости ли от гнева, мой этим стыд удвоив! Зачем к небытию ты мне закрыла путь, Энона? Когда себе вонзить хотела меч я в грудь, он разве побледнел? Он вырвал ли оружие из слабых рук моих? Бровей бесстрастных дуги его не задрожали, лишь взгляд был недовольно раздраженным. И меч назад он взять не захотел: моим касанием был осквернен герб рукоятки.

– Ты упиваешься тоской, тебя гнетущей, и чувствуешь, как женщина себя униженной, распятой... Я старая, но понимаю все, была и я когда-то молодой...

– Да я унижена! Стыдом распята! По-прежнему победу надо мной справляет Афродита, и факел Эрота в моей груди огонь сильнее разжигает...

– Не гасишь ты сама этот огонь, а только раздуваешь пуще. Но вспомни, что в тебе кровь Миноса течет, правнука Зевеса. Высокомерный и бесчувственный чурбан! Пусть прочь бежит бесславно он. Ты же царствуй всем на зависть и управляй большой страной!

– Мне – царствовать? Мне – управлять страной? Что предлагаешь мне Энона?! Когда мой нездоровый ум не управляет мной самой! Когда даже над чувствами своими я не властна! Когда едва дышу, едва живу! Когда желаю страстно только смерти! Смерти!

– Так уезжай на Крит, все тебе там будут рады!

– Нет сил расстаться с ним. Уже сейчас, после всего я жажду его снова видеть! Мне очень плохо, когда я с ним, но без него намного хуже. Я схожу с ума!

Вдруг Федра поднялась и с внезапным спокойствием властно отсылает кормилицу под каким-то пустяшным предлогом, выталкивает ее руками и, оставшись одна, изрекает:

– Что ж, празднуй надо мной победу, Афродита. Все стрелы твоих прекрасных сыновей попали в цель – они в моей груди. Теперь я знаю, что мне надо сделать, чтобы быть с ним все время рядом. Я отомщу ему не только за себя, за женщин всех и за любовь. Ты будешь мной довольна Афродита!

Некоторые говорят, что, когда Федра с Кипридой говорила, рядом с царицей возник невидимый никому высокий, изможденный старец с горящими глазами. Это был Антэрот – бог ненависти в любви, который заставляет безответно влюбленного из-за пренебрежения к себе или предавшего любовь, люто возненавидеть бывшего возлюбленного. Антэрот внушал необъяснимую всепоглощающую ненависть к бывшему любимому. Ненависть, порожденная любовью, считалась в Греции страшным проклятием. Нет вражды более злобной и ненависти более страшной, чем та, которая порождается любовью!..

Старец с пылающими глазами пронзил сердце Федры своей дубовой стрелой с тяжелым свинцовым наконечником, и она застряла рядом с кипарисовой стрелкой с зазубренным

острым крючком, выпущенной во время мистерии богом любви Эротом, братом Антэроta. И в ее израненном сердце возникла всепоглощающая ненависть к безумно любимому Ипполиту, она теперь не только не хотела жить сама, но и страстно возжелала смерти ему...

– Для Федры больше достойной нет кончины. Но знаю я, как наказать того, кто мною так надменно пренебрег, при этом я смогу сберечь потомству в почете свое имя. Да, и после смерти я славной родины моей не посрамлю и не унижу женское достоинство.

Сказав это, Федра с лицом застывшим, словно маска, быстро пишет что-то на покрытой воском дощечке, делает из тонкого, но крепкого пояса петлю и, закрепив недрогнувшей рукой ее на потолочной балке, вешается.

Не все писатели рассказывают историю о любви и смерти Федры одинаково.

Согласно Аполлодору, Федра предложила ему сойтись с ней; но Ипполит, ненавидевшей всех женщин, уклонился от этого. Тогда Федра, боясь, как бы он не рассказал обо всем своему отцу, выломала двери своего брачного покоя и порвала на себе одежду, после чего ложно обвинила Ипполита в попытке совершить над ней насилие. Только после того, как тайна страсти Федры была раскрыта, она повесилась.

Даже Еврипид, описывая историю Ипполита, сначала утверждал, что Федра клеветала на Ипполита вернувшемуся Тесею: будто бы пасынок влюбился в нее и хотел изнасило-

вать. Ипполит погибал, но правда открывалась, и только тогда Федра, уличенная во лжи, решалась покончить с собой. Однако при более глубоком изучении истории Еврипид остановился на изложенном ниже варианте рассматриваемых событий.

175. Тесей проклиняет и изгоняет Ипполита [75]

Вернувшемуся то ли из Дельф, то ли из очередного пиратского рейда по островам и прибрежным поселкам царю доложили о постигшем его несчастье. Озадаченный Тесей, подойдя к еще не совсем остывшему телу жены, находит под ним табличку. После прочтения предсмертной записки Федры все лицо его исказилось, было видно, что царь испытывает и гнев, и омерзение, и ужас:

– Сын, Ипполит, где ты сейчас, презренный нечестивец? Как ты мог на ложе посягнуть отцовское, не устыдившись всевидящих очей Зевса. И это хваленая твоя телесная и душевная чистота, о которой недавно ты мне говорил!

Тесей механически стал поднимать и раскладывать по порядку разбросанные всюду вещи перевернутые скамейки и стулья, явно свидетельствующие о недавней борьбе. В углу он нашел меч, на костяной рукояти которого был такой знакомый ему знак родовой – две вырезанные серебристо-черные змеи с зелеными головами – герб Эрехтеидов. Этот меч

он сам подарил Ипполиту.

Тесей крикнул слугам, чтобы ему срочно нашли Ипполита. То ли будучи не в силах ждать сына, то ли не надеясь, что его найдут и приведут к нему, он вдруг закричал высоким и громким изменившимся голосом:

– Я проклинаю негодяя сына и осуждаю на многолетнее изгнание! Трезен он покинуть должен прежде, чем над миром лучезарный Феб взойдет.

Появившийся Ипполит, казалось, не был сильно удивлен смертью мачехи, которую он видел совсем недавно почти безумной, пытавшейся покончить с жизнью его мечом. Но он был не приятно изумлен последними жестокими словами родителя, который осудил его на страшное изгнание, даже не выслушав. Встретив, полный ненависти взгляд отца, он сморщился и крепко сжал губы, казалось, он в себе замкнулся, словно окаменевший.

– Ты нечестивый негодяй, раз изнасиловал отца супругу! Твоих я даже не желаю слышать оправданий. Ты смертью Федры уличен, следами вашей с ней борьбы, брошенным здесь твоим мечом и ее запиской. Ты из низких самый низкий. Перед ее предсмертным обвинением, что будут значить твои слова? Ты мною справедливо осужден. Немедленно покинешь ты Трезен. Священная земля Афин, и страны все объединенной моей державы будут отныне для тебя закрыты. Ступай изгнанником хоть на край самый земли!

– Твоей души, отец, слепая страсть и гнев ее тяжелый

оставляют глубокий след в уме – не оттого, чтоб был ты прав, однако. Оставь совсем без возраженья я твои слова – и справедливость бы обидел. Взгляни вокруг на землю, где ступает твоя нога, на солнце, что ее живит, и не найдешь души единой безгрешнее моей, хотя бы ты и спорил, царь. Богов я чтить умею. Ты упрекал меня в страстях, отец, – нет, в этом я не грешен: я брака так и не познал, и телом чист по-прежнему. Клянусь Земледержцем, земли Колебателем Посейдоном, что никогда жены твоей не трогал, что не желал ее словесно и что о ней даже не думал. Пусть я умру бесславно и покрытый позорным именем, ни в море я, ни на земле пускай успокоенья и мертвый не найду... коль это ложно... Она же умерла, наверное, от собственной руки и тому была причина, но больше говорить мне честь не позволяет... Я одному, отец, теперь дивлюсь – изгнанию и проклятию. Зачем не ищешь смерти для меня? Будь на твоём я месте, так обидчик казнен бы справедливо был за честь жены.

– О, это слишком мягко, Ипполит. Казни немедленной от нас себе не жди. Преступнику конец поспешный – большая милость. Нет, ты, вдали от родины скитаясь, будешь жить, вымаливая хлеб и кров, как безродный нищий или презренный раб... А теперь иди. Ты мерзок мне, девственник лживый.

– Как? без суда? без клятвы? свидетелей не допросив? и даже без гаданий – сразу приговор?

– Ты изведешь меня изощренной ложью... Ты сам себе

всегда кумиром был, отца не чтит и кончил плохо. Вон из дома моего, сейчас же, без всяких промедлений!

Ипполит, хлопая дверями, выбежал из дворца и, не раздумывая, вскочил на передок повозки. С ободка схватил проворно вожжи он, но кобылиц в первый момент сдержал и, к небесам воздевши руки, стал истово молиться:

– О Зевс, охранник справедливости, с клеймом такого гнусного злодея жизни вовсе мне не надо. Но дай когда-нибудь, останусь я в живых иль не останусь, чтобы отец мой понял, как дурно он со мною поступил, осудив без всякого суда. Пусть, хоть и поздно, раскается Тесей, и я хотел бы это знать.

Услышавший это Тесей, злобно потемневшими сверкнув очами, воскликнул гневно:

– Вместо того, чтоб самому покаяться, ты ждешь, чтоб я раскаялся... Насильник! Лживый негодяй! О, Посейдон, о мой божественный отец! Ты обещал мне три желания исполнить. Одно ты выполнил на Крите и вот желанье второе: пускай мой нечестивый сын до следующего утра... не доживет!

176. Смерть Ипполита [75]

На следующие день конюх Ипполита пришел к Тесею и рассказал, что Ипполита больше нет, его разбили собственные кони.

– О небо! Причастен к его смерти Посейдон? Как погиб,

скажи мне, этот муж, поправший честь и пораженный правдой?

Спросил не очень удивленный царь, на что конюх с готовностью ответил:

– Когда мы вечером неслись по полю, с которого холмы к Саронскому спускаются заливу, какой-то гул подземный, точно гром, послышался оттуда отдаленный, вселяя страх и ужас. На море вдалеке мы увидели огромную волну, вздымавшуюся дивною горой. От глаз она закрыла даже скалы. Волна эта раздулась еще больше и, сверкая, надвинулась на берег, и из нее мычанье вдруг раздалось, и верхушка ее раскололась. Бык круторогий тогда явился из пучины, струю морскую изрыгая из ноздрей и из широкой пасти. Ущелья следом окрестные наполнил дикий рев... И снова, и ужасней даже будто бык заревел. Как выдержать глаза, не знаю я, то зрелище сумели? От страха кобылицы, сталь закусив зубами, понесли... И ни рука возничего, ни дышло и ни ярмо их бешеных скачков остановить уж не могли. Куда метнутся кони, туда и зверь – он больше не ревел, лишь надвигался все ближе, ближе... Безумная скачка окончилась, когда колесо разбилось вдребезги... был опрокинут юный царь вместе с колесницей. Это был какой-то ужас. Смешались, закружились осей обломки и колес, а царь несчастный в узах поволочился тесных своих вожжей, – о камни головой он бился, и от тела оставались на остриях камней большие пятна крови. Тут не своим он голосом кричит: "Постойте ж вы, постойте, кобы-

лицы! Не я ли вас у яслей возрастил? Постоите же и не губите – это все проклятие отца. О, не ужель невинному никто и не поможет?" Отказа бы и не было, но от него мы были далеко. Уж я не знаю, как он пути сбил, но мы едва живого его нашли на поле. А от зверя и кобылиц давно простыл и след... Хотя я, конечно, в твоих чертогах царских только конюх, но я бы не поверил никогда про сына твоего дурному слову. Пускай бы, сколько есть на свете жен, хоть все повесились и писем выше, чем Ида, мне наоставляли гору. Я знаю только, царь, что Ипполит хороший человек и потому невинен.

Тесей нахмурился и долго думал. Наконец, тряхнув властями, он медленно сказал:

– Мне пострадавший все же ненавистен, и сладостны мне были вести мук. Но он мой сын, и узы крови для меня священны и потому – ни радости, ни горю здесь не место. Сюда его несите... Заглянуть в глаза ему хочу и волей бога, и этой карой страшной уличить хочу его во лжи и нечестивом злодеянье.

Некоторые говорят, что Тесей все же решил, хоть с опозданием провести допрос свидетелей и первом делом допросил кормилицу Энону. Сначала преданная своей госпоже, даже мертвой, старуха изворачивалась как только могла и даже под клятвой лгала, но пронизательный Эгеид это заметил и строго приказал слугам:

– Рабы редко бывают правдивыми свидетелями, особенно против своих господ; их следует принуждать говорить под

пыткой, которая неизбежно вырывает у них истину. Истязайте ее ударами, сдирайте с нее кожу, лейте в нос уксус и делайте все, что хотите, только не убейте, пока не вырвете у нее всю правду!

Когда под пыткой Энона рассказала и о любви Федры к Ипполиту, и о том, как пасынок ее отверг, и о том, как она боролась с госпожой, пытавшейся с собой мечом покончить, Тесей не испытал сильного раскаянья и, уединившись, так беседовал со своим сердцем:

– Что ж, видно так Судьбе его было угодно. Я понимаю, что дурно с сыном поступил и пусть в Аиде Ипполит узнает это, как он желал при расставании. И все же я большой вины в сердце своем не ощущаю. Так на моем месте поступил бы каждый. Пред таинственным смерти люди не лгут и потому предсмертной записке Федры следовало верить. И Ипполит был очень странным: он с женщинами знаться не хотел, так поступают лишь больные умом иль телом люди. Он же был вполне здоров, и я подумал, что его воздержание от женщин вдруг прорвалось, как плотина тогда, когда Федра случайно оказалась рядом, и он мужчиной стал, ложе осквернив отцовское. Да, так в душе я думал... Я виноват лишь в том, что сразу не пытал Энону, хотя бывает, что и под пыткой раб не скажет правды. Что ж, еще раз признаю, что я ошибся, и еще раз повторю: в этом виновата прежде всего Мойра, которая спряла ему такую долю.

Афиняне же в честь Ипполита насыпали высокий курган,

расположенный рядом с храмом Фемиды, потому что его смерть была вызвана проклятьем. Неподалеку от святилища Саронической Артемиды еще показывают старую оливу, которую называют Скрученной, в ветвях которой и запутались вожжи колесницы Ипполита. А на небе есть так называемое созвездие «Возницы», его-то трезенцы и считают Ипполитом, получившим от богов такую высокую честь.

177. Артемида обвиняет Тесея [75]

Другие же, подобно Еврипиду, о том, как Тесей узнал правду об отношениях законной супруги и сына от амазонки рассказывают так: Возникшая пред Тесеем из воздуха стрелолюбивая Артемида, не снимая ни колчана, ни лука, посмотрела на него с высоты своего божественного роста и возвестила с большой укоризной:

– Внемли мне, сын Эгея, к тебе обращаюсь я, божественная дочь матери лучшей в мире – Латоны. Знай же, что сын твой умер чистым, не запятнавшим себя никаким нечестивым поступком, и ты в его смерти виновен. Как же ты мог, безумный, судом скорым, неправым погубить тобою рожденного? Жены словами ложными окованный, грех недоказанный ты обратил в мир поразившее злодейство..., и я жены твоей любовное должна раскрыть безумье и, может быть, борьбу. Сердце ей ужалил тайно Эрот, и неистовой любовью к царевичу царица запылала: Любви богиня гневная так по-

желала, что для нас, в невинной чистоте отраду находящих, особенно бывает ненавистна. И разумом, и волей Киприду одолеть пыталась Федра, но все было тщетно, ибо невозможно человеку с божеством Олимпа сражаться и победить. Ее слова твой сын отринул, но обвинять ее в порочной страсти ему не позволяло благородство, как ты его не оскорблял. Возненавидевшая юношу за чистоту царица не побоялась пред самой смертью ложь оставить, а ты, ее словам поверив, сына проклял... Мучительны слова мои, Тесей, но должен ты их молча слушать дальше, и помнишь ли, о низкий, что тебе исполнить три желания отец поклялся, и ты одно из них направил против сына... Не Посидон чадолубивый виновен тут: его и помыслы чисты, и свято исполнение. Ты перед ним и предо мной единственный виновник, потому что ты не искал свидетелей, гаданьем пренебрег, улик не разобрал и, времени для истины жалея, с поспешностью преступною своей сгубил проклятьем сына... Ты согрешил, но и тебе возможно оправданье. Киприды здесь желания и гнев слились, и я помочь была не в силах, ведь меж богов обычай есть: наперекор друг другу не идти, ибо свершенного одним богом, другой бог изменить не может. Мы в сторону отходим, если бог горячие желанья разливает. О, если бы не страх, что оскорблю я Зевса, как хранителя законов, иль, думаешь, я бы подъяла стыд, любимого из смертных уступая богам земли? Твоя вина, Тесей, неведеньем ослаблена и тем, что воли злой ты не имел; с собою от правды ключ ца-

рица унесла, а смерть ее твой помutilа разум... Всех тяжелей тебе, конечно, царь, но скорбь и я с тобой делю. Печалит и нас, бессмертных, людей благочестивых смерть, и только злых мы с корнем вырвать рады... Киприде же я справедливо отомщу и погублю охотника того, кто ей милей других – Адониса, сына Кинира и нечестивой Мирры.

Богиня охоты и дикой природы дождалась удобного для мести момента, предначертанного непреложной Мойрой Лакхесис и предоставила примчавшемуся в лес по доносу Персефоны второму супругу любвеобильной Пафийки Аресу кабана, который растерзал юного охотника, овеванного небесной красотой.

Потрясенный Тесей долго сидел, закрыв лицо обеими руками. Артемида же решила отличить своего бедного, лучшего друга честью высокой. Отныне перед свадьбой каждая девица дар волос ему, как местному божеству, будет нести. И этот обычай перейдет в даль седую веков, и в вечность в пении девичьих чистых уст он передастся.

Как рассказывает Павсаний, Ипполиту, сыну Тесея, посвящен прекраснейший участок; на нем есть храм и древняя статуя. Они говорят, что все это соорудил Диомед и что, кроме того, он первый принес жертвы в честь Ипполита. У трезенцев жрец Ипполита облачается этим саном на всю жизнь; жертвы они приносят ежегодно. Затем у них введен такой обычай: каждая девушка перед браком отрезает прядь волос и приносит ее в храм и посвящает Ипполиту. Они не хотят

признавать, что он умер, разбитый своими конями, и, хотя они знают, где находится его могила, никогда ее не показывают.

178. Жизнь Ипполита с Эгерией и соединение с Арикией

Когда бесплотную душу Ипполита чернокрылый Танатос, мрачный бог смерти с сердцем железным доставил в Аид, Артемида упросила своего племянника великого целителя Асклепия оживить его изуродованный труп. Пугатель недугов и добрый плотник безболя, как его называл сладкоголосый Пиндар, воспользовался кровью из правой половины рассеченного Персеем тела Медусы-Горгоны, переданной ему мудрой Афиной и оживил Ипполита.

– Я уже видел беспросветное царство, во Флегетона огненную волну погружался истерзанным камнями прибрежными телом! Если б не чудесная сила врача, знаменитого Аполлонова сына искусство, не возвратилась бы ко мне милая жизнь никогда.

Так с благодарностью вспоминал о своем оживлении сам Ипполит.

Однако Танат и Аид и, главное – непререкаемые Мойры, посчитали себя уязвленными и заставили Зевса убить Асклепия перуном, поскольку он оживлял смертных уже не в первый раз. Больше это терпеть Мойрам было никак невозмож-

но, ибо нарушался вселенский Порядок, заведенный их матерью всемогущей богиней необходимости Ананке.

Танатос же стал разыскивать воскрешенных, чтобы восстановить мировой порядок и вернуть их в Аид. Поскольку среди воскрешенных были сплошь одни великие герои, то они отправлялись к Радаманту в Элисиум или к Крону на Левку – остров блаженных.

Согласно «Метаморфозам» Овидия, латиняне рассказывают, что тогда не привыкшая сдаваться Артемида окутала Ипполита густым облаком и превратила его в старика. Изменив его внешность, богиня перенесла его в свою священную рощу в италийской Ариции.

– Чтобы с даром таким, там будучи, не возбуждал я зависти большей, густым меня Кинтия облаком скрыла. Она сомневалась, на Крит ли отправить или на Делос меня; но и Делос и Крит отменила и поселила вот здесь; лишь имя, коней напоминающее, повелела сменить: "Ты был Гипполитом, – молвила мне, – а теперь будь Вирбием – дважды рожденным!" И, чтобы я в безопасности жил, она возраста мне придала и сделала так, чтобы стал я неузнаваем.

Так рассказывал сам Ипполит о своей новой жизни в роще, в которой он жил, как божество, но из меньших. Волею скрыт госпожи, к ее приобщился служению.

Некоторые говорят, что по желанию Артемиды он женился на нимфе – прорицательнице Эгерии (бывшей божественной супруги римского царя Нумы Помпилия), и жил с ней

на берегу векового озера среди темных дубовых лесов и рощ черных тополей. Однако Ипполит не обрел желанного счастья, и Эгерия это чувствовала и много, страдая, горьких слез проливала. Наконец, страдалицы чувством тронута, Феба сестра из нее ледяной источник произвела, превратив ее плоть в вековые холодные воды. Ипполит не мог быть счастлив с Эгерией потому, что он еще при жизни был тайно влюблен в дочь Палланта Арикию, свою двоюродную тетку, которую за юный возраст многие считали его троюродной сестрой. Таким образом сын Амазонки не был свободным философом, чистым душой и телом, свободным от каких бы то ни было несовершенств. Ипполит лишь однажды видел свою дальнюю родственницу по отцу, но этой единственной встречи хватило, чтобы перевернуть всю его жизнь. Он действительно не любил всех женщин, но одну он тайно боготворил. Он не мог о своей любви сказать открыто потому, что она принадлежала к ненавистному Тесею дому Паллантидов. Тесей, расправившийся с отцом и братьями Арикии после того, как у него родились два сына от Федры, стал содержать ее как опасную пленницу в Трезене. Дабы она не стала матерью новых Паллантидов, он сестру своих врагов на девство вечное обрек. Однако теперь Ипполит, бывший фактическим правителем Трезена, ибо Питфей был уже стар и немощен, смог часто видеть Арикию, но он по-прежнему был вынужден держать свое чувство к ней в тайне, особенно от отца. Арикии понравился мечтательный юноша с пе-

пельными волосами и синими, как небо глазами, но она долго не решалась признаться в этом даже себе – ведь он был сыном Тесея, безнаказанно убившего всех ее многочисленных родных. Она опасалась, что Ипполит унаследовал от отца все низкие черты, ведь Тесей прославился не только своими подвигами, но и жестокостью, а также тем, что соблазнял и бросал многих обманутых женщин. Однако, узнав Ипполита из рассказов своей служанки лучше, дочь Палланта пленилась его душевной чистотой и благородством. Им не суждено было Мойрой на земле обрести светлое счастье – Тесей после клеветы и смерти Федры проклял сына, и Ипполит погиб под копытами своих коней, разбившись о камни. Безбрачная Артемида, никогда не знавшая ложа мужчины, тем не менее, ревновала и потому долго не хотела соединения Ипполита с Арикией. Однако после превращения нимфы Эгерии в источник, она выполнила заветное желание Ипполита – соединиться навечно с Арикией, которую латиняне звали Арицией.

Как рассказывает Вергилий в «Энеиде», Ариция родила Ипполиту сына, которого называли Вирбием, что означает «дважды человек».

179. Тесей помогает Гераклу в посвящении в мистерии

В это время великий истребитель чудовищ Геракл полу-

чил последнее задание от арголидского царя Эврисфея. В качестве 12-го подвига величайший и любимейший герой всей обитаемой земли Ойкумены должен был спуститься в Аид и привести оттуда трехглавого сторожа царства теней ужасного пса Кербера.

Знающие люди посоветовали отпрыску Зевса пройти посвящение в мистерии властительным божествам, под землей живущим, якобы тогда будет меньше различных преград, чтобы назад оттуда вернуться на ярко освещенную Гелием поверхность земли.

Геракл, не мешкая, отправился в Элевсин, чтобы там испросить разрешения пройти посвящение и принять участие в мистериях, надев миртовый венок. Однако в Элевсине ему отказали не только в участии, но и в посвящении в мистерии на том основании, что привилегией участвовать в элевсинских мистериях пользовались всегда только афинские граждане. Сам основатель элевсинских таинств Эвмолп повелел, чтобы не допускали к таинствам никаких чужеземцев, а допускали только афинян.

Прославленный герой заметно приуныл, он не боялся чудовищного пса, однако таинственность загробного мира, из которого никто из людей, смерти причастных, никогда не возвращался, и его страшила. Он боялся, что непреложные Мойры не выпустят его из мрачного царства безмолвных теней, ибо это было бы подобно воскрешению, которое дочери жутколикой Ананке всегда считали нарушением миро-

вого порядка. Геракл чувствовал, что это может случиться еще и потому, что он заканчивал службу у Эврисфея, истребив всех самых страшных чудовищ, и потому Мойре Лахесис был уже не нужен.

Тесею доложили о появлении в Афинах Геракла и о его желании поучаствовать в элевсинских мистериях, а также об отказе мистагогов в этом ему на том основании, что он не афинянин. Эгеид очень заинтересовался и решил сделать все, чтобы помочь величайшему герою Эллады, к славе которого он всегда ревностно относился. Тесей пригласил Геракла во дворец с приветливыми такими словами:

– Возрадуйся великий Геракл. Без поддержки в моем царстве ты не останешься. Я обещаю тебе помочь в посвящении в наши таинства потому, что настоящие герои должны помогать друг другу. Я заставлю главного мистагога сегодня же принять тебя в неофиты (вновь посвящаемые) или... или отменю очередные празднования... Но то будет завтра, а сегодня нас с тобой ждут кресла – лежанки, пурпурными коврами покрытые...

Тесей крикнул распорядителя пиров и, махнув рукой, ему весело приказал:

– Ну-ка, пока лучшие куски мяса на Гефесте готовят, приготовь нам быстро кратер побольше, смесь в нем покрепче заправь и поставь перед каждым креслом по кубку. Видишь, самый милый мне герой жилище мое посетил!

– Боюсь, доблестный Эгеид, у тебя нет права приказывать

мистагогам и тем более Элевсинии отменять, ведь даже царям не дано нарушать вековые традиции, народ тебя не поймет.

Тесей хмыкнул и сильно нахмурился, но думал он не долго.

– Я обещал тебе помочь, лучший сын Зевса, и значит помогу, чего бы это мне не стоило. Ведь кроме скипетра, есть у меня и другие ресурсы.

Тесей многозначительно притронулся пальцем к своему высокому лбу и, понизив голос, словно их кто-нибудь мог услышать, тоном заговорщика продолжил:

– Если тебя не принимают потому, что ты не афинский гражданин, то я сделаю тебя афинянином. А если Элевсинии нельзя отменить, то я могу, наоборот, поспособствовать учреждению новых подобных мистерий специально для тебя.

– Как же из рожденного в Тиринфе иль в Фивах можно сделать афинянина?

Недоуменно воскликнул приободрившийся Геракл.

Тесей, конечно же, знал ответ и торжественно возгласил:

– Тебя усыновит какой-нибудь афинский гражданин (таких желающих я найду много), а поручителем на усыновлении выступлю я сам. Все афинские законы будут соблюдены, ты станешь афинянином и тебя посвятят в мистерии, и сам Эвмолп, будь он жив, не стал бы противиться этому.

Все случилось, как сказал Тесей. Некий Пилий по его

просьбе с удовольствием усыновил сына Алкмены и Зевса, и потом новоявленного афинянина Геракла быстро посвятили в мистерии.

Тесею этого показалось мало. Он подумал, что некоторые могут усомниться в законности усыновления Геракла Пилием. Тогда для самого прославленного истребителя чудовищ по предложению Тесея решили организовать особые таинства, которые назвали «Малые Элевсинии» и стали проводить их в Агре, тоже поблизости от Афин в месяце анфестирионе (февраль), а прежние элевсинские празднества стали называть Великими.

180. Тесей и Пирифой из-за Елены едут в Спарту

Существуют разные предания о браках Тесея, и все они были так или иначе не счастливы. Он похитил, говорят, трезенскую девушку Анаксо, силой взял дочерей, убитых им разбойников с Истмийской дороги Синида и Керкиона, был женат на Перибее, матери Аякса Большого, на Феребее и на Иопе, дочери Ификла. Его винят в том, что, влюбившись в Эглу, дочь Панопея, он бросил Ариадну, бросил спящую, неблагородно и бесчестно. Он хитростью заманил на корабль и похитил царицу амазонок Антиопу и жил с ней в любви, и она родила ему сына. Затем была младшая сестра Ариадны своевольная критянка Федра, которая покончила с собой из-

за порочной любви к рожденному Амазонкой пасынку Ипполиту, которого захватила с собой в мрачное царство немых.

Некоторые уверяют, что и Арикию из старинного царского рода Паллантов Тесей долго, но безуспешно принуждал к делам Афродиты, и она, прожив большую часть жизни пленницей Эгеида, ушла в страну безмолвных теней, чтобы там навечно соединиться с влюбленным в нее Ипполитом.

Самой знаменитой по рождению и известности женой Тесея была Елена Прекрасная, рожденная от любвеобильного Зевса спартанской царицей Ледой и воспитанная ее смертным супругом царем Тиндареем. Известность же ей принесла слава самой красивой женщины на земле, за что ее называли Еленой Прекрасной. Дерзкое похищение Тесеем прекраснейшей дочери Зевса наполнило всю Аттику погребальным звоном оружия.

Уже пятидесяти лет от роду, забыв о своем возрасте, Тесей, как рассказывает последний ионийский сочинитель в прозе Гелланик, увез из Спарты Елену, бывшую еще совсем ребенком. Дабы снять с него это тягчайшее из обвинений, иные говорят, будто Елену похитил не Тесей, а дерзкий Идас с братом Линкеем. Сам же Тесей лишь принял прекрасную девочку под охрану, караулил и отвечал отказом на требование Диоскуров вернуть сестру. Другие говорят – подумать только! – будто сам Тиндар передал Тесею воспитанницу, совсем маленькую и несмышленную, страшась, как бы ее не захватил силой Энарефор, сын Гиппокоонта.

Однако, более всего похоже на истину и подкрепляется многими доказательствами следующая история: Пирифой не был таким чрезмерно любвеобильным как его возлюбленный друг Тесею, но и ему не повезло в законном браке. Вскоре, оставив совсем маленького сына Полипета, еще молодая жена Пирифа Гипподамия умерла от неизвестной причины. Когда овдовевший Пирифой прибыл к Тесею в Афины и узнал о трагической кончине Федры, то чуть ли не обрадовался этому и сумел быстро убедить лучшего друга обзавестись новыми женами. На сей раз он предложил не очередной тайный пиратский рейд, в котором они обычно, кроме золота и драгоценностей захватывали много скота и юных красивых девушек, нет, он дерзостно предложил найти таких жен, чтобы все герои Эллады позавидовали им.

Говорят, Тесею это предложение очень пришлось по душе. Он всю свою жизнь тайно испытывал зависть к Гераклу и пытался хоть в чем-нибудь его превзойти. В силе он не мог соперничать с сыном Алкмены и Зевса и потому не искал сражений с самыми страшными чудовищами. Геракл захватил много городов и покорила немало народов, но управлять ими везде он оставлял своих ставленников, чтобы потом они передали власть его потомкам. Таких городов было много, но все они были незначительными и не играли большой роли в жизни Эллады. Эгеид же основал только одно государство – Афины, но этот полис под его управлением вскоре стал самым могущественным в Элладе, почти во всем превзойдя

даже Спарту, веками славную лучшими воинами. Своей выдающейся ролью в превращении Афин из незначительного городка в могущественный полис в душе очень гордился Тесей.

Выслушав могучего царя фессалийских лапифов, Тесей с жаром воскликнул:

– Мне нравится то, что ты предложил, любимый мой Пирифой! Скажу тебе вполне откровенно, что мы с тобой можем не только найти прекрасных жен согласно нашим желаньям, но и стяжать при этом большую славу, превзойдя и Афарегидов, и Диоскуров, и даже самого Геракла. Амфитрионид был женат на дочери Креонта фиванской Мегаре, а сейчас живет с законной женой Деянирой, дочерью властителя этолийского Калидона Ойнея, о котором многие эллины даже не слышали, пока там не случилась охота на страшного вепря, посланного Артемидой. Нам с тобой надо найти достойных нас жен – из родов великих олимпийских богов.

– Мы с тобой любим друг друга потому, что думаем почти всегда одинаково. Ведь я уже наметил такую невесту – одну из спартанских царевен, которую за несравненную красоту зовут Еленой Прекрасной.

Горделиво сказал Пирифой, глядя победоносно с лучезарной улыбкой на друга, однако нахмурившийся Тесей, кажется, не разделял его радость потому, что задумчиво молвил:

– Я много слышал и даже думал о ней. Она – дочь самого Зевса, а приемный отец Тиндарей не выдаст сейчас ни за

кого ее замуж, ведь она еще совсем ребенок, ей лет 12–13 или и того меньше.

– Когда она подрастет будет поздно к ней сватов посылать. Лучшие женихи – юности избранный цвет всей Эллады – съедутся в Спарту, как только она созреет для брака. Тиндарею придется выбирать из сотни царей, ведь она уже сейчас считается самой красивой девушкой в мире, и к тому ж, ты правильно сказал, она дочка Зевса. Поэтому нам с тобой ее надо похитить!

– Даже, если Зевс это допустит, ведь мы с тобой не последние в Элладе герои, то могучие братья Елены Полидевк и Кастор без суда жестоко будут мстить за сестру.

– Нет. Когда она станет женой, будет поздно махать мечами, ведь победителей не судят. Я тебя не узнаю, ты забыл сколько девушек на островах и в прибрежных поселках мы похищали? Или ты Диоскуров боишься, но ведь ты не один, я с тобою!

– Знаешь ты сам, что я никого не боюсь, но не люблю зря рисковать. Будь по-твоему: едем в Спарту, чтоб посмотреть на Елену и там на месте решим похищать ли ее всем на зависть или не дерзать кражу такую опасную совершать.

Афинский ритор Исократ о похищении Тесеем Елены рассказывает иначе. Тесей был покорен красотой Елены. Несмотря на прочность своего царствования и величие родины, он счел, что всех этих благ недостаточно и ему не стоит жить, если он не добьется близости с Еленой. Когда он

не смог добиться Елены от ее родных, желавших дождаться, чтобы девушка достигла зрелости, а Пифия дала бы им благоприятное предсказание, Тесей, презрев могущество Тиндарея, пренебрегая силой Кастора и Полидевка, не ставя ни во что все опасности, которыми грозил ему Лакедемон, захватил Елену силой.

181. Похищение Елены Прекрасной

Тесей и Пирифой, прибыли в гористый Лакедемон вместе с многими другими мужами на праздник Артемиды. Раньше во время этих знаменитых праздников на алтарь прекрасной дочери Лето приносили человеческие жертвы, потом Ликург заменил человеческие жертвоприношения поркой мальчиков. Спартанские мальчишки, хоть и теряли много крови, но обычно оставались живыми, при этом они всегда гордо смеялись, соревнуясь, кто из них дольше и достойнее перенесет жестокие очень побои.

Говорили, что на алтаре храма Артемиды в Спарте однажды жестоко выпороли восьмилетнего Геракла за то, что он во время борцовского поединка прокусил руку ирэна так, что тот чуть не умер от потери крови.

Еще святилище Артемиды Орфии в Спарте славилось ритуальными танцами во время праздников, на который, как раз и явился Тесей со своим возлюбленным другом Пирифом.

Как говорит Лукиан в трактате «О пляске», пляска не только услаждает, но также приносит пользу, воспитывая и многому научая зрителей. Пляска вносит лад и меру в душу смотрящего, изоощряя взоры красивейшим зрелищем, услаждая слух прекраснейшими звуками и являя гармоничное единство душевной и телесной красоты. И, если пляска всего этого достигает, то она заслуживает самой высокой хвалы... Лакедемоняне, сльвущие храбрейшими из эллинов, усвоили от Полидевка и Кастора особые виды пляски. Они даже воют под звуки флейт, выступая мерно и с музыкой в лад. И к битве разные знаки у спартанцев подаются флейтой звонкоголосой. Потому-то спартанцы и одержали над всеми верх, что музыка и стройная размеренность движений вели их в бой...

Флейтисты, усевшись в центре площадки для танцев, начали наигрывать, отбивая размер ногами. Вскоре к флейтистам присоединись кифаристы, после чего юноши, друг за другом, по порядку, стали показывать свое искусство, выступая под музыку и принимая всевозможные положения: то воинственные, то плясовые, приятные Аресу, Дионису и Афродите... Потом на танцплощадке возникло знаменитое «Ожерелье» – совместная пляска юношей и девушек, чередующихся в хороводах.

Обнаженные юноши и девушки кружились двумя кольцами, взявшись за руки, они изображали ожерелье. Угасли курильницы, прекрасные тела танцующих блестели от по-

та. Мелодично звенели струны кифар, переливались флейты, вдруг из девичьего «ожерелья» выделилась совсем еще юная необычайно красивая девушка и стала танцевать одна, все ее движения казались волшебными, какой-то тайной мистерией.

Прекрасная отроковица (а это была спартанская царица Елена) со стыдливостью женской расставшись, показывала красоту своего невообразимо красивого лица и обнаженного по-девичьему стройного гибкого тела, как бы всем говоря:

– Только гляньте на мою ничем неприкрытую красоту, и вы забудете обо всем, даже не знающие износа Зевсовы скипетры будут вам не нужны.

Танцующим надо быть во всех отношениях безукоризненно красивыми, и тогда люди от восхищения оказываются не в силах сдержаться, все без исключений начинают рассыпаться в восторженных похвалах, выражая это по-разному.

Именно в этот момент Пифией по договоренности со своим другом, выражая восторг, выскочил на танцплощадку и стал обнимать и целовать то одну, то другую девушку или юношу. Его примеру последовали другие чужестранцы, спартанцы так не привыкли выражать свое восхищение танцами. Возникла большая неразбериха и, воспользовавшись этим всеобщим беспорядком, Тесей подхватил на руки Елену и выбежал из храма, где его ожидала повозка, запряженная четверкой самых лучших лошадей, каких только он смог в Спарте найти.

Вскоре беглецов на взмыленном скакуне догнал Пирифой. Исчезновение Елены обнаружили не сразу. Только, когда всю Спарту перевернули «кверху дном» и не наши царевны, ее братья Полидевк и Кастор бросились в погоню. Поскольку вместе с Еленой пропал и афинский царь Тесей вместе со своим другом лапифом Пирифоем, стало ясно, что именно они похитители. Высланная за ними в спешке плохо подготовленная погоня, дойдя до Тегеи, не имела успеха и повернула назад.

182. Тесей и Пирифой бросают жребий и заключают договор

Когда Тесей и Пирифой беспрепятственно пересекли Пелопоннес, они с удовлетворением поняли, что их дерзкое предприятие увенчалось успехом. Эгеид, успевший хорошо разглядеть свою пленницу, увидел, как она несказанно прекрасна. Природа и Афродита излили невыразимую словами прелесть на лицо, а также на все ее стройное тело, еще совсем юное, но уже с небольшими высоким грудями и наметившейся плавностью линий узких, еще не женских бедер.

Вымышленный автор «Истории о разрушении Трои» Дарет Фригийский, кажется, единственный, кто подробно описывает внешность Елены Прекрасной. Он говорит, что Елена похожа на братьев Кастора и Поллукса, со светлыми волосами, большими глазами и красивым лицом, хорошо сло-

женная, стройная. Она очень красивая, прямодушная, приветливая, с красивыми голеньями и с родинкой между бровями, крохотным изящным ртом.

Тесей, теперь уже радуясь состоявшемуся похищению Елены Спартанской, выразил горячее желание стать ее мужем. Пирифой тоже был без ума от прекрасной пленницы, и потому неразлучные друзья уговорились бросить жребий, чтобы решить, по справедливости, кому достанется необычайно красивая добыча.

Царь лапифов, должно быть сердцем предчувствовал, что безглазая Фортуна, как всегда, дарами своими его не осыплет и с диким упорством будет тешить злобный свой нрав. Поэтому он перед жребием настойчиво предложил другу заключить клятвенный договор, согласно которому выигравший должен был, женившись на Елене, в дальнейшем оказать проигравшему товарищу содействие в приобретении другой выбранной им женщины, невзирая ни на какую опасность. Там, где теперь в Афинах стоит святилище Сераписа, возлюбленные друзья поклялись стоять друг за друга на смерть в этом предприятии, как бы оно ни было опасно.

Только после того, как друзья дали друг другу клятву, они бросили жребий, который, как и ожидал Пирифой, выпал в пользу Тесея.

Таким образом, девочка, которой еще не приспела пора выходить замуж, досталась в обладание Тесею, который в первую же ночь лишил ее всех даров милого девства и был

очень удивлен тем, что Елена отдалась ему не только добровольно, но и с радостью, несмотря на то что они совсем не знали друг друга, и было ей всего 12 или 13 лет.

Наутро довольно улыбающаяся Елена, у которой родинка оказалась не только между бровей, но и на верхней губе, что делало ее необычайную красоту живой и доступной, сказала Тесею, начавшему мечтательно рассказывать ей, как и когда они будут праздновать пышную свадьбу в Афинах:

– Милый, я благодарна тебе за эту ночь, но боюсь, что до свадьбы дело у нас с тобой не дойдет. Тебе не дано обладать мной одному. Согласно оракулу, непреложные Мойры соткали мне тройными веретенами своими такую Долю, что фиалковенчанная Афродита, примет в моей судьбе большое участие и определит мне с пятью мужьями изведать брачное ложе.

Уголки тонких губ Эгеида опустились, да так внизу и остались. Он хлопал глазами и явно не знал, что сказать.

– Первым супругом в сновидении я видела именно тебя, милый, но наш с тобой брак, к сожалению, из-за моих воинственных братьев, будет совсем не долгим. Сильно ты не расстраивайся, Мойра напряла тьмы мужей мне сгубить, но ты в их число не вступишь.

Так горделиво сказала Елена Прекрасная, глядя победно на Тесея, будто похищена была не она, а он был пленником ее красоты.

Павсаний говорит, что, взяв в жены Елену Прекрасную,

Тесе́й воздвиг храм Афродиты Нимфии в области Трезена.

Некоторые говорят, что Елена после похищения Тесе́ем осталась девственницей, ибо, согласно Антонину Либералу, Елена на вопросы своих братьев отвечала, что Тесе́й отпустил ее девушкой.

Однако другие, как Павсаний, уверяют, что она была беременна от Тесе́я и родила девочку, названную Ифигенией... Аргивяне говорят, что Елена, родив в Аргосе, основала храм Илифии (Помощница в родах), родившуюся же дочку отдала на воспитание своей сестре Клитемнестре, которая была уже замужем за могучим микенским царем Агамемноном, а сама после всего этого вышла замуж за его младшего брата Менелая. Вот почему поэты Эвфорион Халкидский и Александр из Плеврона, а еще раньше их Стесихор из Гимеры одинаково с аргивянами говорят, что Ифигения была дочерью Елены от Тесе́я.

Когда греки отправлялись под Трою, Калхант-вещун среди воинов, безвременьем томимых, согласно Еврипиду, изрек, что царь и вождь Агамемнон дочь Ифигению должен на алтаре богини заколоть, царицы гладей, и тогда будет и плаванье счастливое, и город вражеский будет разрушен, а нет – так ничего не сбудется.

О месте смерти и погребения Ифигении существуют разные мнения. Одни говорят, что ее похоронили в Бравроне. Мегарцы же утверждают, что Ифигения умерла в Мегарах и показывают в доказательство ее святилище и гробницу.

183. Тесе́й решается с Пирифом похитить Персефону

Говорят, что афиняне были страшно возмущены тем, что их царь похитил спартанскую царевну, ведь и Афины, и Спарта давно стремились к полной гегемонии в Элладе, и их соперничество часто сопровождалось войнами. Кроме того Елена была дочерью самого Зевса, и многие опасались, что всемогущий владыка Олимпа покарает за дерзкую нечестивость не только самого афинского царя, но и всех его подданных.

Однако главную роль в решении Тесея временно оставить прекрасную любовницу сыграл, конечно, его возлюбленный друг Пирифой. Царь лапифов откровенно признался другу, что он ему так завидует, что не может утром его видеть и потому потребовал, чтобы Тесе́й немедленно выполнил свое обещание в содействии в приобретении выбранной им женщины. Тесе́й, разумеется, согласился, он понимал, как тяжело его другу, кроме того, его беспокоило настроение афинян.

Когда же Пирифой объявил Тесею имя женщины, которую он пожелал взять себе в жены, Эгеид впервые за все время их дружбы разгневался так, что посмотрел на возлюбленного друга, как на врага. Он друга за правую руку схватил и сердито вскричал:

– Зевса питомец, мой друг Пирифой, с ума совсем ты

сошел иль только наполовину? Ведь Персефона – супруга ужасного бога Аида! Похищение властительницы царства мертвых – это уже не дерзкая глупость, это страшное преступление, которое нам не простят ни на Олимпе бессмертные боги, ни боги мрачного подземелья, в которое вход всем радушно открыт, но выхода нет никому... Давай похитим для тебя любую царицу иль царевну земную, но только не подземную повелительницу Персефону.

– Успокойся, мой милый. В эту ночь, которую ты провел с прекрасной Еленой, я видел показавшийся мне вещим сон, в котором явился сам Зевс и объявил мне: «Если вы полубоги – герои, столь наглые, сколь и дерзкие, то почему бы Вам не похитить в царстве мертвых для тебя и мою дочь от Деметры Персефону так же, как ты похитил с Тесеем другую мою дочь Елену от Леды, в нежные объятия которой из эфирной сени я лебедем белоснежным и влюбленным спускался? Я видел, что Елена не противилась похитителю, может быть, и супруга Аида похищению будет рада?».

Некоторые говорят, что дерзкий Пириф выдумал свой сон, чтобы только убедить друга последовать с ним в полное мрака и ужаса царство бесплотных теней.

Другие же, как Гигин, говорят, что после похищения Тесеем и Пирифоем Елены, Юпитер увидел, что они сами дерзко ищут опасности, и он не посоветовал, а приказал им во сне, чтобы они оба просили у Плутона Прозерпину в жены Пирифую.

Тесей, наморщив лоб, долго молчал, думая правду ли сказал ему друг о своем сне. Потом покачал головой и нерешительно молвил:

– Даже, если сам Зевс во сне посоветовал тебе похитить его дочь Персефону, против этого наверняка будет Аид, мощный бог подземелья, родной брат Олимпийца. Пойми, друг, ни бессмертные боги, ни Мойра Лахесис не простят нам такого дерзкого святотатства. Вспомни, хотя бы, что было с мальчиками – великанами братьями Алоадами, вознамерившимися взгромоздить Пелион на Осу, чтобы забраться на Олимп и взять в жены не подвластных Киприде Афину и Артемиду.

Однако Пирифой был непреклонен. Он упорно настаивал на том, чтобы им спуститься в Летейское царство и похитить его властительницу Персефонею. Но и Тесей, понимая, чем им грозит похищение супруги Аида, не собирался сдаваться:

– Внемли мне, друг мой возлюбленный, ты мне больше, чем брат! Последний раз призываю тебя одуматься. Щадит Судьба не часто самых доблестных; недолго цел бывает, кто опасностям идет всегда навстречу безбоязненно. Тот, кто от гибели ушел не раз, однажды с нею встретится, и жизнь его повиснет тогда на тонком волоске... Не надо нам с тобой в Аид спускаться и похищать дочь Зевса и супругу его брата. Нам боги такое кощунство не простят, а Мойра выпрядет непоправимую беду и страшное несчастье. За буйство наших вождлений, за пресыщение надменное с потомков наших

взыщет мзду за святотатство бог.

– Ты говоришь о Мойре, друг мой Тесей. Но ведь она давно наткала все и выпряла, и нам лишь остается следовать ее предначертаньям. Мы спустимся в Аид за Персефоной, если так Судьба нам предназначила, если же нет, то и в Аид нам не попасть, как бы мы не жаждали. О чем же говорить и спорить, милый?!

Тесей заговорил о свободе выбора, что смертным предоставила Ананке, а Пирифой тогда напомнил о данной ими клятве, и Эгеид, закрыв лицо руками, сдался и прошептал, что уступает другу.

Этим поступком неразлучные друзья преступили меру возможного, установленного богами для самых могучих героев, и тем самым они стали нечестивцами, обрекшими себя на страшные муки.

Тесей увез Елену в Афидну, один из небольших ничем не примечательных городов Аттики, и приставил к ней свою мать Эфру и друга Афидна, а также других стражников из числа своих лучших друзей.

Наказав стеречь Елену и скрывать ее от чужих глаз, сам Тесей вместе с другом Пирифоем направились в Аид, чтобы похитить для царя лапифов Персефону.

184. Тесей в Аиде

Друзья не решились воспользоваться хароновой перепра-

вой через чудовищную реку Стикс, а пошли окружным путем через трещину в лаконском Тенаре и вскоре стучались в крепкие ворота Гадеса.

Правда, согласно Вергилию, Харон на берег на тот перевез Пирифоя с Тесеем, ведь от богов рождены и могучи были герои, которые Госпожу увести из покоев Дита хотели.

Некоторые говорят, что в первые годы после похищения дочери Деметры и Зевса Коре с позволения брата Аидом, к ней сваталось много женихов. Дав жене Коре новое имя «Персефона», а трехголовому псу – Кербера, Аид предлагал биться с этим адским псом всякому, кто сватался к Коре, обещая, что победитель получит ее в жены. Когда же Аид, узнав, что Пирифой с товарищем – знаменитым героем Тесеем задумали не сватать девушку, а похитить ее, то велел схватить обоих, и Пирифоя тут же растерзал Кербер, а Тесея заперли в тюрьму.

Другие же, как Гесиод в «Сошествии Пирифоя», говорят, что Гадес встретил друзей, как дядя любезный.

Выдавив на вечно угрюмом лице некое кривое подобие улыбки, Аид мощными погладил руками спускающиеся на лоб иссини черные волосы и тихим голосом вкрадчиво молвил, обращаясь к Тесею, которого он видел на Элевсинских мистериях:

– Путь столь далекий проделав, доблестный Эгеид, в Аид для чего ты спустился? Кто сей муж, что идет за тобою соратником верным? Для чего, с какой целью живыми вы здесь

без приглашения оказались?

Отважные друзья не захотели правду скрывать и, Пирифой, дерзко улыбаясь и сверкая глазами, нагло ответил:

– Мы не нуждаемся ни в чем приглашении! Сюда мы явились, чтобы супругу твою Персефону из-под земли вывести на солнечную поверхность! Это будет правильно и справедливо, ведь ты сам ее из-под яркого солнца похитил, как вор, а мы, ее на землю вернув, возвратим ей свободу.

Друзья стали спинами друг к другу и, положив ладони на рукоятки мечей, приготовились к битве со всем подземельем. Полное душного мглистого мрака царство теней страшно вдруг все содрогнулось, и вздрогнула необъятная вся поверхность широкогрудой земли, когда прозвучал этот, хоть справедливый, но нечестивый и дерзкий ответ, непомерной полный гордыни.

Однако ни один мускул не дрогнул на аидовом угрюмом лице, он был по – прежнему по-олимпийски невозмутим и спокоен. Он подошел к неразлучным друзьям, взял каждого за руку и обратился к ним с притворно сладостной речью:

– О доблестные герои! Как вы только решились здесь появиться перед моими глазами, супруга законного Персефоны? Да, сердца ваши поистине из седого железа! Видно, непреложная Мойра Лахесис и брат мой Зевс – Олимпиец такую уж долю назначили вам. Однако, давайте поступим по справедливости, пусть моя жена сама решит, где и с кем дальше ей жить. А пока я приглашаю вас милые гости ока-

зять мне любезность и в ожидании Персефоны присесть на этот каменный трон.

Тесей все время недоверчиво оглядывался вокруг, ожидая какого-нибудь подвоха. Пирифой же, ничего не подозревая, тут же уселся на каменный трон и потянул за собой друга. Как только друзья присели на край нерушимой скалы, действительно похожий на каменный трон, так тут же своими задками к липкой поверхности темного камня приклеились намертво, словно приросли. Вокруг них зашипели появившиеся неизвестно откуда змеи и драконы, их повергли и долго хлестали ядовитыми бичами Эринии и терзал зубами Кербер трехглавый.

Аид же смотрел на все это спокойно и, мрачно усмехаясь не только черными, как смоль, глазами, но и бровями, тонкими бледными губами изрек.

– Никогда не презирайте дерзко богов в нечестивых речах и поступках и учитесь блюсти справедливость.

Находясь в полной памяти, ибо они не пробовали беззаботных струй из реки забвения Леты, Тесей и Пирифой были первое время в обители затхлой совсем без пищи и питья. Лишь благодаря тому, что потом Персефона сама стала кормить их ежедневным обедом, они, проведя в Аиде почти 4 года, не умерли от жажды и голода.

185. Менесфей призывает в Афины Диоскуров

Согласно «Тесею» Плутарха, тем временем Менесфей, сын Петеоя, внук Орнея и правнук самого Эрехтея, первый из смертных, начавший в своекорыстных целях искать народной благосклонности и льстить толпе. Он старался возмутить и озлобить могущественных граждан, которые уже давно с трудом терпели Тесея, считая, что он, лишив знатных царской власти, принадлежавшей каждому из них в собственном деме, и загнав всех в один город, превратил их в своих подданных и рабов. Менесфей стал демагогом, он пытался управлять народом без всякой ответственности. Он подстрекал к бунту и простой люд, внушая народу, что его свобода не более, чем сон, что на самом деле граждане потеряли и отечество, и родные святыни, ибо вместо многих царей, законных и добрых, они со страхом обращают взоры к одному владыке, притом пришельцу и чужеземцу!

Осуществлению мятежных планов Менесфея в значительной мере способствовала подоспевшая в это время война с тиндаридами, которые вторглись в Аттику.

Мстительный Менесфей запомнил свою стычку с Тесеем на свадьбе Пирифоя и Гипподамии, закончившуюся кровавой битвой лапифов с кентаврами и призвал Диоскуров в Афины, надеясь с их помощью захватить власть над Афина-

ми и всей Аттикой.

Полидевк и Кастор любили друг друга больше, чем родные братья, и называли их Диоскурами (Отроки Зевса). Они никогда не спорили о главенстве и ко всякому делу приступали только по взаимному согласию. Ни богиня раздора Эрида, ни бог зависти Зелос никогда не находили себе места между братьями. Даже Тиндарей и Леда изумлялись, глядя на них, ибо с возрастом их братская любовь только становилась сильнее. Они с полуслова и полувзгляда понимали друг друга, словно умели читать мысли и всегда и во всем были согласны друг с другом. Они были всегда уверены друг в друге, и были счастливы уступить один другому, но этого никогда не требовалось потому, что уступать было не в чем – у них не бывало разногласий между собой. Они обожали свою сестру Елену, которую вскоре все стали называть Прекрасной, но друг для друга они были единым целым, а сестра была лишь любимой сестрою.

Когда Тесей с Пирифоем похитили их любимую сестру, братья только посмотрели друг на друга и тут же молча бросились в погоню, которая, будучи неподготовленной, оказалась неудачной. Тогда могучие Диоскуры собрали войско и вторглись в Аттику, занимая почти без боя все попадавшиеся по пути города.

Некоторые вообще считают, что Отроки Зевса явились в Аттику лишь на зов Менесфея, но другие говорят, что, не чиня сначала никому никаких обид, братья требовали, без вся-

кого Менесфея, вернуть им родную сестру. Горожане честно отвечали, что девушки в Афинах нет и, что они не знают, где ее спрятал Тесей и кто ее охраняет.

186. Война афинян с Диоскурами

Между тем Кастор и Полидевк, прибывшие в поисках Елены с войском в Аттику, вскоре приступили к настоящим военным действиям. Диоскуры, действуя вместе с лакедемонянами и аркадянами, захватили многие города в Аттике, в которых, как им казалось, могли прятать Елену.

Дошла очередь и до Афидн, поскольку герой Академ, каким-то образом проведав, что Елену прячут именно в Афиднах, все открыл Диоскурам. За это ему еще при жизни тиндариды оказывали почести, и впоследствии лакедемоняне, сколько раз ни нападали они на Аттику, жестоко опустошая всю страну, неизменно щадили Академию в память о герое Академе.

Согласно Геродоту, Тиндариды в поисках похищенной Елены с большой ратью вторглись в Аттическую землю и разорили селения, так как не знали, где скрыта Елена, тогда, по преданию, декелейцы (по другим же – сам Декел) с досады на буйное насилие Тесея и в страхе за всю Аттическую землю открыли все Тиндаридам и показали им дорогу в Афидны. Само селение предал Тиндаридам Титак, коренной житель этих мест. В награду за этот поступок декелейцы пользуются

в Спарте освобождением от налогов и правом на почетное место во время игр и праздников.

Дикеарх пишет, что союзниками тиндаридов были Эхем и Мараф из Аркадии и что от первого получила свое имя Эхедемия – нынешняя Академия, – а от второго дем Марафон. во исполнение некоего пророчества Мараф добровольно дал принести себя в жертву перед сражением.

Сын Эпопея (царя Сикиона, тогда называвшегося Асопией) Мараф повинувшись оракулу, на глазах у войска аркадцев, предводителем которых он был, принес себя в жертву перед битвой, тем самым обеспечил победу Диоскурам.

Согласно Павсанию, по имени героя Марафа названа Марафонская долина в Аттике.

Двинувшись к Афиднам, Кастор и Полидевк взяли их с ходу, наголову разбив противника. В битве, говорят, пал Галик, сын разбойничавшего на Истмийской дороге Скирона, желавший отомстить за отца и потому воевавший на стороне Диоскуров.

Некоторые говорят, что, как и отца, Галика убил Тесея, и местность в Мегариде, где его схоронили, зовется Галик. Так Герей сообщает, что Галик погиб от руки самого Тесея, и в доказательство приводит следующие строки о Галике: «На широкой равнине Афидны, храбро сражаясь за честь пышнокудрой Елены, повержен был он Тесеем...»

Некоторые считают маловероятным, чтобы враги, будь знаменитейший афинский герой Тесея среди своих, смогли

относительно легко захватить его мать и местечко Афидны.

Другие же говорят, что был Тесе́й среди сражающихся афинян или нет, не имеет значения. Тесе́й имел божественного отца Посейдона, а Полидевк был сыном самого Зевса, да и Кастор был могучим воином.

Итак, неприятель овладел Афиднами. Все горожане были в страхе, и Менесфей уговорил народ впустить спартанское войско в Афины:

– Граждане Афин! Давайте дружелюбно примем могучих тиндаридов, ведь они не завоевывать нашу землю явились, а пришли за похищенной Тесеем родной сестрой. Представьте, что у вас чужестранец сестру украдет... Отроки Зевса пришли сражаться лишь с одним Тесеем, зачинщиком вражды и насилия, всем же остальным людям Аттики они являют себя благодетелями и спасителями от тесеевой тирании.

Правдивость этих слов подтверждало и поведение победителей: владея всем, они не притязали ни на что и просили только посвятить их в таинства, ссылаясь на родство, связывающее их с Афинами не менее тесно, чем Геракла. Просьба их была уважена, причем обоих усыновил Афидн, как прежде Пи́лий Геракла, а затем они стяжали божеские почести под именем Анаков в память о перемирии, либо о неусыпной заботе. Некоторые думают, что их называли Анаками по явившимся в небесах звездам, ибо «вверху» по-аттически «анéкас», а «сверху» – «анéкатен».

Захваченную в плен мать Тесея Эфру остригли наголо

и отвели, как сообщают, в Лакедемон, а оттуда она вместе с Еленой будет увезена троянским царевичем Парисом в Трою, о чем свидетельствует и Гомер, говоря, что следом за Еленой поспешали Эфра, Питфеева дочь, и Климена, с блистательным взором. Сыновья Тесея от Федры, находившиеся у своей бабки Эфры Демофонт и Акамант сумели спастись бегством.

Диоскуры не только вернули некогда изгнанного Тесеем Менесфея в Афины, но передали ему власть над афинянами и всей Аттикой, которую он сохранит даже после возвращения Эгеида из мрачного мира бесплотных теней.

Менесфей станет одним из женихов Елены Прекрасной и в начале Троянской войны отплывет из Фалерской гавани, приведя под стены священного Илиона с собой 50 кораблей. Особыми подвигами Менесфей не отличился, но был известен как мудрый стратег. Некоторые говорят, что он был в деревянном коне и погиб во время одного из сражений. Другие утверждают, что он благополучно вернулся из-под стен поверженной Трои и, обнаружив на афинском троне сына Тесея Демофонта, не стал даже пытаться вернуть власть и поселился на прекрасном острове Мелос, где умерший царь не оставил наследников.

187. Геракл освобождает Тесея

Некоторые, подобно Плутарху в «Тесее», рассказывают,

что Аидоней Молосский, принимая у себя в доме пришедшего за Кербером Геракла, случайно упомянул о Тесее и Пирифое – о том, зачем они пришли и как поплатились за свою непростительную дерзость, когда их изобличили. Гераклу тяжело было услышать, что один его друг бесславно погиб, а другому грозит позорная гибель. Что до смерти Пирифоя, Геракл считал теперь все жалобы и упреки бесполезными, но за Тесея он стал настойчиво просить, убеждая царя подземного мира, чтобы тот отпустил своего пленника, хотя бы, из уважения к нему, Гераклу или из милосердия. Аид долго шевелил черными бровями на угрюмом смуглом лице и, наконец, согласился кивком бровей бессмертных. Благодарный Тесей, выйдя на волю и возвратившись в Афины, где его сторонников еще не вполне одолели, все священные участки, которые прежде отвел ему город за освобождение города от живой дани Криту, посвятил Гераклу, повелев впредь звать их не Тесеями, а Гераклеями.

Другие говорят, что в жестоких страданиях и нескончаемых муках Тесей и Пирифой провели в царстве мертвых четыре долгих года, показавшихся им вечностью. Наконец, по воле непререкаемых Мойр, вылившейся в веление ничтожного царя Эврисфея, могучий сын Зевса и пышнокудрой Алкмены спустился в Аид, чтобы забрать и показать всем на земле адского пса Кербера. Подходя к Аидову дому, герой увидел сидевших на скале Тесея и Пирифоя. Сначала он даже не узнал своих друзей, настолько они были измождены,

что казались бесплотными душами и прошел бы мимо, если бы они не протянули к нему руки и не взмолились о помощи. Знаменитый герой, силой и духом могучий безмерно остановился, как вкопанный и в изумлении закричал:

– Друг давнишний, Тесей, ты ли это?! Глазам своим я не верю! Кажется, совсем недавно, на афинской площади ты за меня поручался, когда меня Пилий по твоей просьбе усыновлял, чтобы в мистерии посвятить и очищенным мне сюда к Аиду явиться. Теперь сам, как видно, не по своей воле, здесь в подземной мгле пребываешь... Расскажи мне вполне откровенно: как ты здесь оказался и почему встать не можешь с отполированного этого камня, так на кресло похожего подлокотниками?!

Тесей с Пирифоем стали, перебивая один другого, рассказывать, что с ними случилось, и как они здесь оказались. Услышав о том, что они похитили Елену Прекрасную, ставшую супругой Тесея, а потом добровольно спустились в Аид, чтобы похитить для Пирифоя супругу Гадеса Персефону, Геракл не удержался и восхищенно воскликнул:

– Вы дерзновенностью даже меня превзошли! Я похищал лань и быка, Пояс амазонки, Диомедовых коней и коров Гериона, но похитить властительницу подземного царства, дочь Деметры и Зевса, супругу Аида...

На что вконец изможденный Тесей с трудом выговаривая слова так ответил:

– Как сам видишь мы ее не похитили, а только напрасно

дерзкой нечестивостью себя погубили... Счет времени мы давно потеряли, ведь здесь никогда солнце не всходит, сидим тут на крае этой нерушимой скалы, своими задами к липкой поверхности темного камня приклеившись намертво, словно приросли...

Некоторые говорят, что необорный сын великого Зевса схватил Тесея на руки и, рванув его мощно, оторвал от скалы, но Пирифоя от каменного трона оторвать не сумел. И необорной геракловой силы оказалось тут мало – скала нерушимо царя лапифов держала.

Другие говорят, что Геракл, пообещав друзьям выпросить у Аида и Персефоны для них прощение, один продолжил свой путь. Персефона приняла Геракла как брата, и после его настойчивых просьб любезно разрешила ему освободить злодеев и забрать их с собой на землю, если только он сможет. После этого Геракл ухватил Тесея обеими руками и стал, что есть силы тянуть, пока не отодрал его со страшным треском – таким, что многочисленным обитателям мрачных пустот послышались грома раскаты. Небольшая часть тела Тесея, на которой он сидел, так и осталась прилипшей к скале.

Многие писатели говорят, что афинские потомки Тесея отличаются такими непропорционально крохотными ягодицами потому, что часть своего сидалища Эгеид оставил в Аиде на скале. Такое объяснение особенностей сложения потомков Тесея кажется не правильным, поскольку законные

сыновья были рождены ему Федрой задолго до сошествия в царство мертвых.

Затем Геракл мощно схватил за обе руки Пирифоя и стал изо всех сил тянуть, но вся земля, загудев, угрожающе задрожала, и он отпустил его, но не потому, что испугался землетрясения, а боясь руки царю лапифов из плеч оторвать. Геракл понял, что Аид или, скорее всего, Персефона не желает отпускать красавца Пирифоя.

Некоторые говорят, что Тесе́й был освобожден, благодаря заступничеству Посейдона, будто бы царь подводного мира даже внес Аиду за сына немалый залог. В любом случае судьба Тесе́я была всецело определена непреложной волей Мойры Лахесис, которая всегда выделяла в традиционной паре божественного брата. Так было с Гераклом и Ификлом, с Полидевком и Кастором, Идасом и Линкеем и некоторыми другими парами братьев-друзей. Так случилось и с освобожденным из Аида Тесе́ем, который имел божественного отца Посейдона, Пирифоя же считали смертным и потому он навсегда остался в стране безмолвных теней.

Сам Тесе́й считал своим спасителем Геракла и посвятил большинство своих храмов и святилищ Гераклу Спасителю, чьими подвигам, разными трудами и любовными похождениями он всегда восхищался и часто пытался подражать, и только изредка ревновал.

Завершение жизни

188. Тесей пытается восстановить царские права

Вернувшись из своего бесславного похода в царство Аида, длившегося, как говорят, более четырех лет, Тесей нашёл афинский престол занятый Менесфеем, которому отдали правление братья Диоскуры, так как афиняне склонялись на его сторону, а не Тесея. Граждане Афин не могли простить Тесею похищения Елены и последующую войну за нее с Диоскурами, в которой погибли многие жители Аттики, а прекрасный городок Афидны был полностью стерт с лица многострадальной земли.

Эфра находилась в тяжком плену в Спарте, как рабыня Елены, а сыновья Тесея от Федры, Демофон и Акамант, бежав из Афин, нашли приют у сына Халкодонта и Алкионы царя абантов на Эвбеи Элефенора.

Тесей всеми силами пытался восстановить свои царские права, напоминая всем на Народном Собрании о своих прежних выдающихся заслугах перед Афинами и признавая свои мелкие прегрешения. Он собрал на Народное Собрание не только всех пирейских и афинских ремесленников, торговцев и землевладельцев, но и живших в большом отда-

лении от Афин мелких земледельцев, заплатив им за посещение собрания не по 1, а по 3 обола, поскольку они должны были ежедневно зарабатывать себе деньги на пропитание. Перед открытием экклесии в жертву принесли гекатомбу отборных быков, и Тесей сам вознес молитву вечноживущим богам, владельцам нетленных жилищ олимпийских. После этого Эгеид одел венки в знак своей неприкосновенности и стал произносить речь:

– Слушайте граждане Афин и все жители Аттики, что пред вами сегодня скажу я! Вижу, что не созывались у нас ни совет, ни собрание народа с той самой поры, как я спустился в Аид с другом моим Пирифоем. Да не допустят ни Зевс, ни мой отец Посейдон, ни другие бессмертные боги, чтоб в Афинах стал царем другой человек вместо меня. Вспомните дети мои, разве я вас обижал словом или делом, как для многих царей это совершенно обычно? Где ваша благодарность к моим прошлым огромным заслугам? Неблагодарные Афины! Забыли кто сделал дорогу по Истму безопасной для путников и торговцев? А кто освободил вас от ужасной кровавой дани, которую вы много лет платили Криту? Не будь меня, вы до сих пор детей своих бы отправляли в жертву чудовищному Минотавру! А кто всю Аттику объединил вокруг Афин, в то время маленького городка?! Кто лично дем за демом, род за родом обошел 12 городов и объяснял вам, как стать могучим государством? Я мог бы без конца перечислять победы, которых вы достигли под моим началом: над

амазонками, Фивами... , в народе появилась даже поговорка, что достижения Афин «Не без Тесея». Но справедливость принуждает меня сказать и о том зле, что я принес Афинам. Да, я погрешил, на беду свою сердца послушав, очарованного женской красотой, и не буду отрекаться! Прекрасную Елену я похитил, и это привело к новой войне со Спартой, давним врагом Афин. Знаю, что из-за меня некоторые из вас потеряли близких. Но это я исправлю сам и за всех погибших их семьям дам достойный выкуп, как требует закон, хоть в этом виновен не только я, но также Зевс и Мойра, соткавшая мне такую Долю...

Эта речь Тесея сопровождалась большим шумом: одобрительными и осуждающими криками, восторженными рукоплесканиями, негодующим свистом... Тесей не узнавал Афин – так они изменились всего за несколько лет. Он чувствовал, что толпа забыла благодарность, неумолима в своей мести и слепа в доверии, и приобрести доброе расположение народа будет ему сейчас очень не просто.

Плутарх говорит, что, пожелав властвовать и управлять государством по-прежнему, Тесей тут же столкнулся с народными волнениями и даже с мятежом. Он с горечью убедился, что те, кого он оставил полными ненависти к нему, теперь, еще, и бояться его перестали. И вообще народ сильно испортился – он не расположен более молча выполнять приказания, но ждет больших угождений и заискиваний со стороны царя.

189. Афиняне изгоняют Тесея остракизмом

Не сумев смирить врагов силой слова, а другой силы у него уже не было, Тесей, по мнению некоторых, стал жертвой козней главным образом со стороны Менесфея и заговоров, устраиваемых эвпатридами, которые увенчались всенародным голосованием.

Согласно Евсевию, Тесей был изгнан из Афин остракизмом, правилом против тирании, которое он же сам первым и ввёл в качестве закона, хотя некоторые придерживаются иного мнения.

Например, согласно «Пестрым рассказам» Эллиана, афинянин Клисфен первым ввел такую меру наказания, как остракизм, и первым был к нему приговорен.

Согласно Аристотелю, одного или несколько человек, отличавшихся слишком большим избытком добродетели не следует считать составной частью государства...Такой человек был бы все равно что божество среди людей... На этом основании государства с демократическим устройством устанавливают у себя остракизм: стремясь к всеобщему равенству, они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, либо на какую-нибудь иную силу, имеющую большое значение в го-

сударстве.

Плутарх говорит, что остракизм не был наказанием за какой-нибудь низкий проступок: благопристойности ради он назывался усмирением и обузданием гордыни и чрезмерного могущества (влияния). Поэтому, например, один из отцов-основателей афинской демократии, знаменитый оратор и полководец Перикл (окружённый славой), в молодости, боясь остракизма, даже не пытался заниматься политикой.

О постановлении Народного собрания об изгнании Тесея из Аттики через остракизм объявил сам Менесфей:

– Это изгнание бывшего нашего царя Тесея из Афин и из Аттики даже не наказание, ибо оно не имеет никаких не хороших последствий ни для его чести, ни для его имущества. Но много более необходимых 6000, почти 7000 наших граждан написали на остраконах имя Тесея, посчитав необходимостью его изгнание из страны на 10 лет за то, что он угрожает нарождающейся демократии. Этим изгнанием афинские граждане выражают бывшему царю свое неприятие, отвержение и презрение. Разумеется, по решению народа он может быть возвращен в Афины досрочно.

Плутарх говорит, что самый прославленный афинский герой, торжественно прокляв афинян в Гаргетте, на том месте, что стал зваться Аратерий (место проклятий), отплыл на остров Скирос, где, как он надеялся, его ждали друзья и где когда-то владел небольшим земельным наделом его смертный отец Эгей.

– Всего меня лишили бессмертные боги и старая Мойра Лахесис: силы, власти и славы, и главное – молодости, которая дает человеку все. И мой возлюбленный друг Пирифой, который один меня понимал и любил, навсегда остался в Аиде. А теперь я лишен еще и уваженья граждан, одну лишь жизнь никчемную мне оставили боги, наверное, чтоб я их по-прежнему жертвами считал.

Так говорил тоскующему сердцу Тесея, стоя на высоком носу корабля, под свежим дыханием ветра, плывущего из ставших родными ему Афин. Он чувствовал, как от обиды на афинских граждан и на безразличную ко всему Судьбу мутится его ум, и слезы из глаз готовы бежать потоками, и душевная рана, вызванная неблагодарностью афинян, их остракизмом, кровоточит, открывшись в сердце. Но больше всего ему не хватало Пирифоя и часто он горестно восклицал:

– Если бы рядом со мной был сейчас мой любимый Пириф! Ведь с ним мне было не страшно даже дерзко спуститься в мрачное безмолвное подземелье, из которого смертному выхода нет и там попытаться похитить властительную супругу самого ужасного бога! Ах, не надо было мне без Пирифа уходить из Аида с Гераклом.

Желание жить медленно, но верно уходило из героического сердца Эгеида, как вода во время отлива уходит в прибрежный песок.

190. Бесславная смерть на острове Скирос

Говорят, что Тесея отправился на Крит к старшему сыну Миноса Второго Девкалиону, но вследствие неблагоприятных сильных ветров был занесен во Фракийское море на скалистый остров Скирос, богатый козами и разноцветным мрамором.

Другие говорят, что сильные ветры дули не случайно. Против Тесея проголосовали черепками не только афинские граждане, но и боги выразили ему негодование и презрение, не простив дерзкой попытки похищения супруги властителя подземного мира зевсовой дочери Персефоны.

Окончательно Судьбу Тесея решили, как всегда, Мойры, непреложные дщери богини необходимости жуткоколкой Ананки. Старая лишь обликом Мойра Лахесис видела, что Тесея совершил все, что ему было предначертано ею. По ее замыслам после похищения Елены он должен был не спускаться в Аид с Пирифоем, а, возвратив Диоскурам Елену, похищенную, якобы, Пирифоем, договориться с ними о мире и бороться за власть с Менесфеем. Тесея, благодаря вмешательству богини случая Тюхе, согласился спуститься с Пирифомом в Аид. Старая Ткачиха поняла, что дальнейшее пребывание Тесея на земле больше не является. Она кивнула своей сестре Атропе, и юная обликом Неизбежная Мойра

взяла в руки свои ножницы из адаманта и нить жизни Тесея, чтобы перерезать ее точно в назначенный миг.

Один близкий друг Тесея, сопровождавший его на остров и бывший с ним почти до самого момента смерти, рассказывает, что Тесей все время после возвращения из Аида был сильно подавлен. Решение афинян об остракизме явилось для него последним ударом, этим позорным изгнанием он был больше, чем убит. Во время небольшой пирушки он даже хотел принять с вином яд цикуты, однако смалодушничал и разбил уже приготовленную чашу с отравленным вином. Тем не менее, у него не было никакого желания дальше жить, ибо он все время на все лады повторял:

– Сын мой юноша с чистой душой Ипполит от единственной женщины, которую я любил, Антиопы по моей вине растерзан конями. Антиопу, спасая меня, убил мой возлюбленный друг Пирифой, который навсегда поселился в Аиде. Только по собственной вине я потерял милую Ариадну, гордую Федру, Елену Прекрасную... Однако самое главное, что впереди уже совсем близко меня ожидает не знающая пощады старость, которая страшней самой смерти. О, как я ненавижу эту мерзкую дряхлость... Как противны мне согбенные старики, что берегут себя и лелеют свое дряхлое тело, чтоб, хоть немного лишних дней у смерти урвать. Единственное избавление от старости ужасных страданий – это смерть и не надо тянуть – лишние дни ничего не дают.

Но убить себя самому у него не хватало крепости духа.

Поэтому он решил убить себя чужими руками, и попросил об этом меня. Но я не спартанец, который деловито добивает попросившего об этом тяжело раненного товарища. Я отказался и тут, как раз нас занесло на Скирос и этот Ликомед подвернулся. Тесей знал, что Ликомед очень опасался за свою совсем еще юную дочь Деидамию, ведь Эгеид имел дурную славу обманщика дев, особенно, после похищения им Елены Прекрасной.

Возможно, и старая обликом Мойра Лахесис опасалась, что престарелый Тесей, воспользовавшись предоставленной людям свободой воли, наперекор ее предначертаниям захочет еще раз жениться на дочери Ликомеда. Этого вещая Ткачиха никак не могла допустить, ибо Деидамия уже была предназначена ею в супруги великому герою Троянской войны Ахиллесу, которому она должна была родить другого знаменитого героя – Пирра (Неоптолема).

Тесей сам нарочно распустил слух, что собирается похитить Деидамию и видел по бегаящим глазам властителя острова, что тот замыслил ему недоброе. Он выпил для храбрости большую чашу чистого вина и пошел с Ликомедом на самую высокую гору острова. Там он нетвердой походкой опьяневшего человека подошёл к зияющему обрыву и, оставив царя за спиной, стал ожидать, когда тот исполнит задуманное убийство. Услышав нерешительные шаги, а потом совсем близко за спиной – частое-частое дыхание царя, он не выдержал и в последний момент дернулся, чтобы сбежать,

но былой резвости в его теле уж не было, и Ликомед успел столкнуть его в пропасть.

191. Разные мнения о кончине Тесея

Люди о смерти Тесея рассказывают по-разному.

Некоторые говорят, что, прибыв к царю Ликомеду, Тесей надменно выразил желание получить назад отцовские поместья, чтобы там, как хозяину, поселиться и этим сразу восстановил против себя владыку Скироса.

Другие же утверждают, что Тесей униженно просил у царя острова помощи против изгнавших его афинян. Но Ликомед, желая угодить своему старому другу Менесфею, повел Тесея на самую высокую гору острова, якобы для того, чтобы показать ему его владения, и вероломно столкнул со скалы. Тесей расшибся насмерть. Ликомед же представил все дело так, будто Тесей упал спяну, поскольку перед прогулкой слишком много выпил неразбавленного вина, к которому пристрастился после позорного возвращения из Аида.

Третьи говорят, что скиросцы блестяще приняли Тесея вследствие славы его рода Эрехтеидов и несомненного величия доблестных подвигов, которые он совершил лично; из-за этого-то царь Ликомед, опасавшийся за свою власть и земли на острове, и замыслил ему смерть.

Павсаний сомневается, что герой находился в оковах в Аиде до тех пор, пока он не был освобожден Гераклом. Он

говорит, что Тесе́й, напав на феспро́тов, хотел похитить же-
ну их царя. При этом он потерял большую часть своего вой-
ска, а сам вместе с Пирифоем, участвовавшим в походе, по-
пал в плен, и царь феспро́тов, связав их, держал под надеж-
ной охраной, включающей злобных псов, в Кихире. Когда
Тесе́й был в плену у царя феспро́тов, сыновья Тиндарея Ди-
оскуры Ка́стор и Поллукс пошли походом на Афидну, и, взяв
этот город, в котором была спрятана Елена, на царствование
в Афинах поставили Менесфея. То, что сыновья Тесея Де-
мофонт и Акамант нашли убежище на Эвбее у Элефенора,
Менесфей не ставил ни во что. Однако Тесея, если бы он
когда-нибудь вернулся от феспро́тов, он считал бы самым
страшным своим врагом. Поэтому Менесфей всякого рода
лестью привлекал на свою сторону народ и так настроил его,
что, когда позднее Тесе́й спасся, они его изгнали.

Валерий Максим в «Достопамятных деяниях и изрече-
ниях» отношение афинян к Тесею приводит в качестве при-
мера черной неблагодарности: Без Тесея не было бы славы
Афин. Ведь именно он собрал всех жителей, рассеянных по
деревенькам, дал форму и внешность общины крупному со-
обществу, жившему доселе разрозненно и сугубо по-дере-
венски. Едва преодолев мальчишеский возраст, он даже от-
казался следовать жестоким указам Миноса, самого могу-
щественного царя. Он же одолел распущенное высокомерие
Фив, помог детям Геркулеса и мощью своего духа, а также
крепостью десницы сокрушал чудищ и злодеев повсюду, где

бы их ни встречал. А между тем афиняне прогнали его на Скир, островок, слишком невеликий для изгнания, и там нашли упокоение его останки.

Однако богиня справедливости Дике и ее великий отец, главный защитник правды, считали, что прежние заслуги даже самых великих героев ни в коей мере не позволяют им за совершенные впоследствии преступления избежать ответственности, такой же, как если бы преступление совершил обычный человек. Подвиги и преступления не могут уравновешивать друг друга, они должны сосуществовать, как бы, не зависимо друг от друга. Поэтому преступления должны быть справедливо наказаны, но они не должны перечеркивать и заслуги, и потому Тесея после смерти почитался афинянами как великий герой.

192. Почитание Тесея афинянами

Плутарх в «Тесее» говорит, что смерть Тесея на острове Скирос прошла незамеченной в Аттике. В Афинах царствовал Менесфей, а дети Тесея в качестве простых граждан отправились с Элефенором под Трою. Но, когда Менесфей погиб, они вернулись в Афины и возвратили себе царство. Лишь во времена гораздо более поздние решили афиняне восстановить справедливость и признать Тесея героем и соответственно его почитать. Среди прочих соображений, они руководствовались и тем, что многим воинам, сражавшимся

с персами при Марафоне, явился Тесе́й в полном вооружении, несущийся на варваров впереди греческих рядов.

Куль́т Тесе́я, как героического предка, существовал в Аттике долгое время. Особенный всплеск его в историческую эпоху произошёл после явления тени вооруженного царя в Марафонской битве (490 год до н. э.), что помогло афинянам и платейцам одержать победу над персами. Святилище Тесе́я у афинян появилось позднее, чем мидяне высадились в Марафоне.

После нашествия Ксеркса, при архонте Федоне Пифия приказала афинянам, вопрошавшим дельфийский оракул, найти кости Тесе́я и, с почетом их похоронив, бережно хранить у себя в специально построенном храме. Однако взять прах и даже обнаружить могилу оказалось делом нелегким из-за угрюмого и нелюдимого нрава населявших Скирос долопов.

Тогда в 476 г. до н. э. известный афинский полководец Кимон, сын тирана Мильтиада, будучи страстным почитателем Тесе́я, изгнал скиросцев с их острова, мстя за его насильственную смерть. Он горел желанием отыскать место погребения Тесе́я, но долгое время все его усилия были тщетными.

Рассказывают, что однажды Кимон заметил в небе могучего орла, который, сделав круг над небольшим холмом, опустился на него и стал долбить клювом и разрывать когтями землю на его вершине. Осененный свыше, Кимон приказал

копать в этом холме и там нашли огромный гроб, в котором, кроме скелета, было еще медное копье и меч, на рукоятке которого был герб Эрехтеидов. Когда Кимон привез все это на своей триере в Афины, горожане устроили торжественную встречу, с пышными шествиями и жертвоприношениями. Кости величайшего афинского героя были с подобающими почестями помещены в специально построенный для них в центре города, напротив гимнасия храм Тесейон, стены которого украсили картинами, изображавшими самые знаменитые подвиги Тесея с лицом самого влиятельного афинянина той эпохи – Перикла. Тесейон на долгие времена стал убежищем для рабов и вообще для всех слабых и обездоленных, которые спасаются от жестоких и сильных. Афиняне помнили, что Тесей, будучи их царем, часто оказывал простым людям защиту и покровительство и всегда благосклонно выслушивал просьбы нуждающихся и при этом так говорил:

– Есть у Зевса дочери – Просьбы: на ноги они хромы, в морщинах, с маленькими глазками, глядящими робко. Кто подошедших к нему дочерей Громовержца уважит, много тому помогают они и мольбам его внемлют. Если же кто им откажет, кто словом надменным отвергнет, к Зевсу приходят они и родителя молят, чтоб он бедою тому отплатил.

Стремление покровительствовать и защищать слабых передалось и сыновьям Тесея. Когда гераклидам, которых преследовал Эврисфей по всей Элладе, все отказали в гостепри-

имстве, лишь сын Тесея Демифонт, не испугавшись угрозы войны с в то время очень могущественными Микенами, дал детям Геракла приют и защиту.

По Плутарху, главный праздник в честь Тесея справляется восьмого пианепсиона – в день, когда он вместе с афинскими юношами и девушками вернулся с Крита. Однако ему приносят жертвы и по восьмым числам остальных месяцев – либо потому, что он впервые пришел из Трезена восьмого гекатомбеона (таково мнение Диодора Путешественника), либо полагая, что это число особенно ему близко, поскольку он считается сыном Посейдона, а жертвоприношения Посейдону совершают восьмого числа каждого месяца. Ведь восьмерка – это куб первого из четных чисел и удвоенный первый квадрат, а потому достойным образом знаменует надежность и незыблемость, свойственные могуществу бога, которого зовут Неколебимым и Земледержцем.

Павсаний, рассказывая о галерее в Керамике архонта-царя, так называемой Царской стое, где заседает архонт-царь в течение года, когда он выполняет свою должность, говорит, что на ее черепичной крыше стоят изображения из обожженной глины, где Тесей бросает в море Скирона. Позади этих статуй находится галерея с изображениями Двенадцати олимпийских богов. На противоположной стене нарисованы Тесей, Демократия и Демос. Картина изображает Тесея, как царя – героя, установившего для афинян справедливое правление, заключавшееся в равноправии граждан. Действитель-

но, среди народа существует очень распространенное мнение, будто Тесей передал все руководство государственными делами народу, и что, начиная с этого времени, Афины стали демократией, пока Писистрат не восстал и не сделался тираном. На самом деле Эгеид и сам царствовал, и впоследствии, после смерти временно захватившего афинский престол Менесфея, потомки Тесея стали царями и до четвертого колена сохраняли за собой царскую власть.

Тесей чаще всего изображался похожим на Геракла, только более молодым безбородым юношей с крепким телосложением, но с менее развитыми мускулами, указывающими более на ловкость в борьбе: он считался изобретателем палестры.

Валерий Бабрий в басне о фиванце и афиняnine, говорит, что, встретившись в пути, шли они вместе, разговаривая друг с другом. Текла непринужденно и легко речь их, пока о героях не зашли споры. Фиванец говорил:

– Алкмены сын – лучший среди людей – в былом, среди богов – ныне.

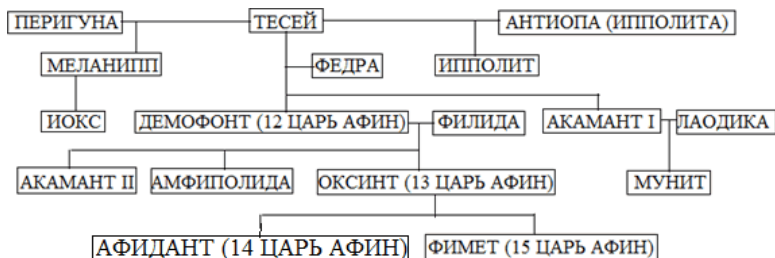
Афинянин же упрямо твердил:

– Тесей стократ выше, и с большим правом мы его зовем богом: ведь никогда он не был, как Геракл, в рабстве.

И переспорил афинянин, был он говорун ловкий.

Потомки

193. Генеалогическая схема Тесеидов

Как ни странно, у второго по значению эллинского героя Тесея было относительно мало потомков, оставивших в истории след. Он, как и большинство знаменитых героев Эллады был очень любвеобильным и уступал в этом одному Гераклу.

Тесей и сам не помнит всех своих любовных побед, он не помнит даже имен всех девушек и женщин, которых он к падению увлек, всех женщин, чья судьба после знакомства с ним была так безотраднa! Перигуна, Перибея, Антиопа, Ариадна, Эгла, Федра, Елена...

Поэтому о большинстве незаконных детей Тесея не известно практически ничего. Законных же сыновей у него бы-

ло только двое – Демофонт и Акамант, ведь законной его женой была только критянка Федра.

После захвата власти в Афинах Менесфеем сыновья Тесея Демофонт и Акамант нашли убежище на Эвбее у Элефенора, сына Халкодонта.

194. Акамант

Акамант (неутомимый) после изгнания Тесея из Афин, вместе со своим сводным братом Демофонтом уплыл на остров Эвбею. Когда юноши возмужали, они присоединились к эвбейцам в Троянской войне, естественно, на стороне греков.

Квинт Смирнский говорит, что Акамант участвуя в состязаниях в честь Ахилла, выступал в кулачном бою.

Дочь последнего троянского царя Приама и Гекубы Лаодика влюбилась в Акаманта и родила ему сына Мунита.

Парфений в «Любовных страстях» приводит рассказ Гегесиппа в I книге «Палленской истории»: Про Лаодику рассказывают такую историю, что, когда Диомед и Акамант пришли, чтобы потребовать обратно Елену, Лаодику охватывает страстное желание любым способом сойтись со вторым из них – Акамантом, находившимся в расцвете юности. До какого-то времени ее сдерживал стыд, но потом, побежденная страстью, она поведала все жене Персея Филобии и просила помочь ей, поскольку она просто погибает от любви. Сочув-

ствуя беде девушки, Филобия просит Персея быть ей пособником; она велела ему завязать дружбу и гостеприимство с Акамантом. Персей, желая, с одной стороны, угодить жене, а с другой, жалея Лаодику, всеми средствами убеждает Акаманта прибыть в Дардан, которым он владел. Явилась туда вместе с другими троянками как будто на праздник и Лаодика, будучи в то время еще девушкой. Персей, устроив великолепный пир, укладывает спать Акаманта и Лаодику вместе, говоря, что это одна из наложниц царя. Таким образом, Лаодика удовлетворила свое желание, а по прошествии времени родился у нее от Акаманта сын Мунит, который был воспитан Эфрой. После взятия Трои отец привез Мунита с собой домой. Впоследствии Мунит, охотясь вблизи Олинфа во Фракии, как говорит Ликофронская Александра, злой ехидною Крестонской был поражен в пятку и скоропостижно скончался.

Плутарх же в «Тесее» упоминает предание о Мунихе, которого якобы тайно родила в Трое Лаодика от Демофонта, а воспитывала вместе с нею Эфра. При этом, некоторые писатели считают, что возлюбленным Филлиды был не Демофонт, а Акамант.

Гигин в «Мифах» упоминает Акаманта как одного из смельчаков, спрятавшихся в Троянском деревянном коне, необыкновенной величины.

Согласно Павсанию, Акамант изображен на картине Полигнота в Дельфах среди участников взятия Трои.

Страбон говорит, что Акамант основал город на Кипре.

195. Демофонт

Плутарх говорит, что Демофонт воевал под Троей с войском Элефенора.

По Еврипиду он привел 60 кораблей к Трое, а по Квинту Смирнскому он сидел в троянском коне.

Аполлодор рассказывает, что Демофонт освободил с братом при взятии Трои мать Тесея Эфру.

Согласно утраченной поэме Лесха «Малая Илиада», при взятии Трои Эфра укрылась в лагере греков, и там была узнана детьми Тесея.

По Павсанию, Агамемнон вернул Эфру Демофонту.

При возвращении из Трои Демофонт причалил к области бисалтов во Фракии, и здесь его полюбила царская дочь Филлида.

Гигин рассказывает, что, когда Демофонт собирался возвращаться на родину, он обещал Филлиде вернуться к ней. Когда же в назначенный день он не пришел, она, говорят, в этот самый день девять раз выбегала на берег моря. Поэтому это место называется по-гречески «Девять Дорог».

Овидий в «Героидах» рассказывает, как обманутой Демофонтом Филлиде хотелось броситься в море, чтобы на глазах у него погребенья лишенное тело выбросил на берег грозно шумящий прибой. Выпить отраву не раз ей хотелось, не

раз представлялась сладкой кровавая смерть от ее же клинка, петлю хотелось надеть ей на шею, которую часто она позволяла его лживым рукам обнимать. Рано утраченный стыд решила она искупить своевременной смертью, – средство недолго избрать. Пусть такие стихи на ее напишут гробнице, чтобы известен был всем смерти виновник ее: «Гость Демофонт погубил Филлиду, любившую гостя. Смерти причиною был он, а убийцей – она».

Филлида от тоски по Демофонту испустила дух. Когда родители насыпали ей могилу, на ней выросло миндальное дерево, которое в определенное время оплакивает смерть Филлиды: в это время листья на нем засыхают и облетают, поэтому листья по-гречески от имени Филлиды называются «филла».

Аполлодор рассказывает, что на прощанье Филлида подарила Демофонту ящик, сказав при этом, что в нем хранится святыня Матери Реи, и запретила ему открывать этот ящик до тех пор, пока он не потеряет надежду на возвращение к ней. Демофонт прибыл на Кипр и там поселился. Когда условленное время прошло, Филлида прокляла Демофонта и покончила жизнь самоубийством. Демофонт же открыл ящик: после этого, охваченный ужасом, он вскочил на коня и в бешеной скачке погиб – конь его споткнулся, и он упал с коня на собственный меч.

Вернувшись в Афины, Демофонт стал 12-м афинским царем, правившим с 1181 по 1147 гг до н. э.

В это время, согласно Еврипиду, к Демофону пришли Гераклиды, которых изгнали из Трахина. Эврисфей их преследовал по всей Элладе, грозя войной тем городам, которые дадут им приют. Престарелый Иолай, сопровождавший детей Геракла, напомнил Демофону, как Геракл из глубины Аида беспросветной вырвал его отца и просил милости за это: молящих врагам не выдавать, не дозволить злодеям, наперекор богам, из края их увести. Какой позор бы был 12-му афинскому царю, когда б скитальцы, – молящие, его родные, – силой от алтарей увлечены бы были... Демофонт ответил:

– Меня волнует только высший довод: честь. Ведь если я позволю, чтобы силой от алтаря молящих отрывал какой-то иноземец, тогда прощай Афинская свобода!

Эврисфей, как обещал, с войсками пришел в страну, в ответ и афиняне быстро снарядились для войны.

Оракул предсказал, что для победы афиняне должны деву благородной крови в услужение Деметриной дочери грозной заклать... Тогда дочь Геракла и Деяниры Макария решила пожертвовать собой ради любимых братьев, сказав, что умереть готова. После самопожертвования Макарии, ставшей богиней блаженной смерти, Гераклиды при поддержке афинян и под предводительством помолодевшего на один день племянника Геракла Иолая, которому и Демофонт, и Гилл уступили право возглавить афинян, разбили войско Эврисфея.

Павсаний говорит, что судилища, которые предназначены для разбирательства уголовных дел, – это другие, и они называются "у Палладия", где производится суд над невольными убийцами. Что первым тут судился Демофонт, в этом все согласны, но за что, об этом говорят различно. Рассказывают, что по взятии Илиона Диомед возвращался назад на кораблях, и когда он подплывал к Фалерской гавани, наступила уже ночь, и аргивяне высадились как бы на неприятельскую землю, приняв ее ночью за какую-то другую, а не за Аттику. Говорят, что Демофонт выступил на помощь населению, тоже не зная, что высадившиеся с кораблей – аргивяне, убил у них несколько воинов и, похитив Палладий, возвращался назад; тут какой-то афинянин, не замеченный им, был сбит конем Демофонта и, раздавленный им, умер. За это Демофонт был привлечен к суду; одни говорят – родственниками убитого, другие – всей общиной аргивян.

196. Оксинт, Афидант и Фимет

Филида прежде, чем испустить дух от тоски по Демофонту, успела ему родить Оксинта, который, будучи приемником отца Демофонта, после Троянской войны, стал 13-м афинским царем. Об Оксинте известно немного: он царствовал после Троянской войны 12 лет с 1147 по 1135 год и стал отцом Афиданта и Фимета.

Афидант, став 14-м царем Афин, правил, согласно хрони-

ке Евсевия, в 1135–1134 годах до н. э. Причину столь краткого правления Афиданта раскрывает в «Пире мудрецов» Афинея. Он цитирует Демона, который пишет в четвертой книге "Истории Аттики": "Тогдашний царь афинян Афидант был убит своим незаконнорожденным младшим братом Фиметом, который и воцарился после него. Во время его правления мессенец Меланф, изгнанный из своего отечества, спросил Пифию, где ему надо поселиться. Ему был дан ответ: там, где, принимая его в качестве почетного гостя, за пиром ему подадут голову и ноги. Это и случилось с ним в Элевсине, когда, справляя какой-то местный праздник, жрицы израсходовали всё мясо, кроме голов и ног, и послали их Меланфу".

Согласно «Истории» Николая Дамасского, Зная, что после кончины отца царство предназначено его законнорожденному брату, Фимет коварно убил его и завладел престолом.

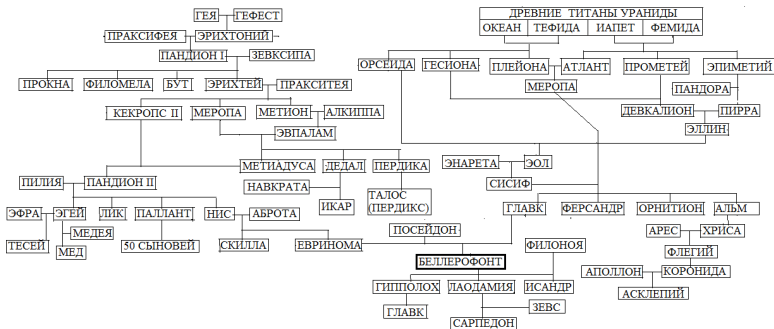
Фимет царствовал в 1134–1126 годах до н. э.

Павсаний говорит, что сын Андропомпа, внук Бора, праправнук Пенфила, праправнук Периклимена Меланф получил царскую власть, отняв ее у Фимета, сына Оксинта.

Фимет царствовал в Афинах последним из рода Тесея.

Часть III. Беллерофонт

197. Генеалогическое древо Беллерофонта

Данное генеалогическое древо показывает родственные связи двух знаменитых героев – истребителей чудовищ – Тесея и Беллерофонта. Тесей и мать Беллерофонта Эвринома являются братом и сестрой, и потому Беллерофонт – племянник Тесея.

На этой схеме изображены знаменитейший мастер Эллады Дедал и хитроумнейший эллинский герой царь Коринфа Сисиф, однако для детей Эллина Дора и Ксуфа и 5 сыновей и 5 дочерей Эола места не нашлось, по этой же причине не

изображены предки прабабки Беллерофонта Энареты (доблестная)...

198. Смертные родители Главк и Эвринома

Женившись на Энарете, дочери Деимаха, Эол произвел на свет семерых сыновей – Кретея, Сисифа, Афаманта, Салмоней, Деиона, Магнета, Периера и пять дочерей – Канаку, Алкиону, Пейсидику, Калику, Перимеду. На схеме показан только Сисиф.

Сисиф и в молодые годы уже был корыстолюбивым и очень лукавым, но умел скрывать свой дурной характер и потому смог жениться на дочери водрузившего на плечи огромное небо древнего титана Атланта Пляде Меропе. У нее, единственной из Пляяд, супругом оказался смертным, и, говорят, она очень страдала из-за этого. Тем не менее, Мeroпа родила самому хитрому из героев Эллады Главка, Орнитиона, Ферсандра и Альма.

Строитель и царь Коринфской Эфиры Главк произвел с Евриномой героя, получившего при рождении имя Гиппоноя (понимающий лошадей), но впоследствии прозванного Беллерофонтом (убийца Беллера).

Гомер же говорит, что в конеславном Аргосе есть град знаменитый Эфира; в котором Сизиф обитал, препрославленный мудростью смертный, тот Сизиф Эолид, от которого Главк народился. Главк даровал бытие непорочному Беллерофону.

О происхождении матери Беллерофонта Евриномы (Эвринома) рассказывают по-разному. Некоторые говорят, что это дочь титанов Океана и Тефиды, и она некоторое время жила вместе с nereидой Фетидой на морском дне в неглубоком заливе недалеко от дворца самого Колебателя земли Посейдона. Пока царь морей добивался любви среброногой Фетиды он не обращал особого внимания на ее менее красивую подругу. Однако, когда и Зевсу, и Посейдону пришлось оставить красавицу Фетиду из-за предсказания о ее могучим сыне, который превзойдет силой отца, Владыка морей заинтересовался Эвриномой. После того, как Евринома, славная дочь Океана с ликом прелестным, родила Зевсу дарящих радость Харит она заскучала без мужчин и с удовольствием ответила на ухаживания Посейдона и вскоре родила ему мальчика, которого называли Гиппоном.

Однако другие, и их большинство (и потому именно это показано на генеалогическом древе), говорят, что Эвриномой звали так же дочь правителя Мегар Ниса, у которого на голове был пурпурный волос, от которого зависела его жизнь и благоденствие страны. Нис был родным братом Эгея – смертного отца второго после Геракла истребителя чудовищ – героя Тесея. Одна из дочерей Ниса Скила влюбилась в Миноса, осаждавшего Мегары, и вырвала заветный волос. Другая же дочь Евринома в это время уже давно была замужем за Главком и воспитывала сына Гиппоноя, рожденного от могучего олимпийского бога Посейдона.

Гесиод поет, что Евринома, сочетавшись в объятьях с Посейдоном, Главку в чертогах дала безупречного Беллерофонта, доблестью высшего прочих людей на земле беспредельной.

Некоторые говорят, что смерть Главка была мучительной и позорной. Якобы, он запретил покрывать своих кобылиц, сделав это то ли в насмешку над Афродитой, то ли, надеясь, что такие его кобылицы станут более резвыми в беге, и он победит на скачках, которые были для него главнее всего в жизни. Оскорбленная Киприда, которая в гневе бывает очень жестокой, выпустила из ограды ночью его кобылиц, дала им напиться из особенного колодца и пустила пощипать травы под названием гиппоман (приводящее в возбуждение). И на погребальных играх в честь Пелия, в которых принял участие Главк, его одурманенные кобылицы бешено понесли и перевернули квадригу, протащили его, запутавшегося в упряжи, через весь стадион, а потом на глазах у всех сожрали живьем так быстро, что, когда люди опомнились было уже поздно. Так фиалковенчанная Афродита, которую чаще всего называли милоулыбчивой, превратила быстрых кобылиц Главка в ужасных коней Диомеда.

Овидий в «Ибисе» поет, что Главк погиб в зубах лошадиных.

И Гигин говорит, что на двенадцатых играх в Аргосе, которые устроил Акаст, сын Пелия, Главка разорвали и сожрали его свирепые кобылицы.

Павсаний же рассказывает о Тараксиппе (Ужас коней) на Истме. Главк принял смерть от своих лошадей, когда Акаст устроил погребальные игры в честь своего отца. В Немее, в Аргосской области не было героя, который вредил коням, но скала, поднимающаяся у самого поворота ристалища, красного цвета, блестящая, как огонь, внушала неизъяснимый страх лошадям: круглый жертвенник Тараксипп на гипподроме в Олимпии много зловреднее и гораздо больше пугает лошадей.

Впрочем, о наводящем ужас на коней Тараксиппе есть и другие мнения. Тараксипп обязан своим появлением либо Гипподамии и Пелопу, либо самому Посейдону. Будто со временем кони перестали почитать Посейдона, как главного своего бога, и Гиппий поместил на двух гипподромах (в Эллиде и на Истме) злобного демона Тараксиппа, чтобы он жутко пугал лошадей, и они не забывали бы кто их божественный покровитель.

199. Красота Гиппоноя и уродство Беллера

Юный Гиппоной, как большинство сыновей могучего Сотрясателя земли Посейдона, был наделен необыкновенной силой. Еще ему, как рассказывает Гомер в «Илиаде», щедрые боги красу и любезную доблесть в дар ниспослали.

Как и многие другие знаменитые герои в юности Гиппоной с Аполлоном золотистыми волосами ниспадающими волнами на плечи, был схож очень. У него были необычайно красивые черты лица, высокий лоб, в меру костлявый и длинный нос, большие серые глаза в ореоле пушистых, как у девы ресниц, на гладких щеках легкий румянец. Божественным светом сияло все тело его и лицо, ибо мать Эвринома сама даровала сыну кудрей красоту и юности блеск благородный, радости дерзкий огонь зажгла в глазах у юного сына.

Павсаний рассказывает, что совсем еще юный Беллерофонт (тогда еще Гиппоной) приходил в Трезен, чтобы просить себе в жены у мудрого Питфея его дочь Эфру, и ему не отказал ни мудрый правитель Трезена, ни его юная благочестивая дочь, влюбившаяся в красавца. Однако дело до свадьбы так и не дошло потому, Гиппоною, согласно непреложным предначертаниям старой обликом Мойры Лахесис, пришлось спешно бежать из Коринфа.

Очарование юношеской красоты Гиппоноя возбуждало

похотливое желание не только в женах и в девушках в первом цвету, но и во многих мужах, которые им восхищаясь, стремились добиться его возвышенной любви. В числе многих воздыхателей Гиппоноя был и известный всему городу полунищий бродяга по имени Беллер.

Знаменитый своими шутками Беллер был хром на ногу, которая была намного короче второй, у него были длинные рыжие волосы, переходящие в такую же бороду, водянистые голубые глаза и мясистый красный нос. Он был большим шутником, который для красного словца мать родную не пожалеет. Беллер был самым известным в Коринфе паразитом, любившим без приглашения заходить на чужие пирушки и за это шутками обязанный развлекать приглашенных гостей. На бесплатных пирах он отъелся и весил как двое высоких и сильных мужей. Поэтому ему даже злобные шутки обычно сходили с рук, никто не хотел с ним связываться из-за его большой телесной силы и злобного нрава.

Некоторые говорят, что однажды в уже пораженное кипарисовой стрелкой с зазубренным изоострым наконечником Эротом сердце Беллера пустил свою дубовую стрелу со свинцовым набалдашником его брат бог ненависти в любви Ант-эрот. Беллер понимал, что у него нет надежды на ответную любовь юного красавца-царя, ведь он нищий и вечный паразит, и это его страшно злило, а иногда доводило до иступленного бешенства.

200. Гиппоной убивает Беллера

Однажды, встретившись с Гиппоном, во время прогулки по Коринфу в утренние часы на площади, когда там особенно много народа, Беллер кинул яблоко к ногам Гиппона. Когда же тот, взглянув на него, как на пустое место, небрежно раздавил спелое яблоко ногой и растер, Беллера, словно прорвало. Он вспыхнул ярко, не только нос – все лицо и шея стали румяными. Подскочив к Гиппону совсем близко, он стал, захлебываясь злобно издеваться над ним. Показывая при всех на царевича дрожащими руками, Беллер, корча раскрасневшееся лицо, с язвительным смехом завопил громкогласно:

– Смотрите, люди, это идет Гиппоной, который мнит себя не только в Коринфе, – во всей Элладе, первым красавцем! Ну до чего же наш царевич прекрасен, даже богов красотой он превосходит! Но не спешите им восхищаться! Он только внешне выглядит как скромная девица, лицом похожая на вечноживущих богинь, а душа у него черная, мерзкая от непомерной гордыни. Такая гордость корень зла и мать всех пороков. Его высокомерию нет предела, ведь он не только восхищается собой, но и презирает всех на свете людей: меня вместе со всеми вами.

Гнев ненавистный и мудрых в неистовство вводит, что же ожидать от юного сына неистового морского владыки, без-

удержного, как его морская стихия.

– Замолкни безумноречивый болтун! Или я тебе навсегда кулаком рот закрою. Смертного боле презренного я не знаю, чем ты...

– Если б, красавчик, ты не был царевичем, то нанес бы обиду мне, последнюю в жизни.

Гиппоной вскипел от негодования и, сморщив презрительно свой длинный нос, зубы оскалил и обрушил могучий, как у бессмертного отца, кулак на рыжую голову Беллера. Он отклонился на шаг от злобно орущего противника, стоявшего совсем близко, и сильно в нос его ударил с размаха, внутри раздробив ему хрящи все и кость. Беллер на колени упал, как подкошенный и кровь фонтаном хлынула из того места, где прежде мясистый был нос. Превозмогая боль, он со стоном обеими руками схватил Гиппоноя за колени, чтобы его кинуть на землю, но юноша резко ударил его ребром ладони по шее. Беллер ничком быстро повалился на землю так, словно тяжелое копье в землю воткнулось, и душу разящая смерть вокруг него разлилась. Бренное тело, навсегда покидая, его бессмертную душу воспарила над телом, тихим голосом горько стеля о несчастной своей доле. Умирая, несчастный паразит, пока не покрылся весь багровым облаком смерти, глухо успел простонать, захлебываясь бьющей из носа кровью:

– Пусть же эта гордая твоя красота, мой возлюбленный и ненавистный мне Гиппоной, станет неиссякаемым источни-

ком всех твоих бед и несчастий!

Наверное, боги слышали слова умирающего, или и они завистливым оком посмотрели на красоту Гиппоноя, но преступление, как клеймо, тяготевшее над юным царевичем, не осталось без божественного их ответа.

Некоторые говорят, что и грозные мстительницы Эринии в своем подземелье, услышав проклятье Беллера, сразу хотели примчаться с ядовитыми бичами в костлявых руках, но чадолюбивый Посейдон сумел умилоствить их щедрыми дарами.

И все же Гиппоноя, который не отвечал ни на чью любовь, за неосторожное убийство с позором изгнали из родного города, что было для всякого жестоким наказанием, тем более для юного царевича.

И само имя Гиппоной, данное ему божественным отцом Посейдоном-Гиппием, вскоре по воле обликом старой Ткачихи было забыто и все стали называть его «убийцей Беллера» – Беллерофонтом.

Впрочем, есть и другое мнение о происхождении имени Беллерофонта. Вторая часть имени по-прежнему обозначает «убийцу», а первая часть «беллер или беллерос» – это не имя, а метательное оружие такое, как дротик, копье или стрела. Первую часть имени Беллерофонта трактуют так же и как «зло». Поэтому многие древние авторы считают, что имя героя означает не «убийца Беллера», а «убийца зла», причем оружием является копье или стрела.

Те, кто считает, что «Беллер» означает не имя, считают, что Гиппоной случайно убил не Беллера, а своего брата Алкимена.

201. Беллерофонт бежит в Тиринф, где в него влюбляется Антея

Юноша, опасаясь мести древних богинь – мстительниц ужасных Эриний бежал в крепостенный Тиринф к сыну царя Аргоса Абанта Прету, который дружески принял его как родственника – его отец Ферсандр был братом Главка, смертного отца Беллерофонта.

Этот Прет начал враждовать с братом-близнецом Акрисием ещё в материнском чреве. Когда братья возмужали, Акрисий, захватив трон в Аргосе, правил и обширными прилегающими землями. Прету пришлось бежать, и он нашел приют у ликийского царя Иобата, отца красавицы Сфенебеи, которую многие называли Антеей. Иобат, собрав войско, пытался помочь зятю силой вернуть трон в Аргосе, но не сумел. После нескольких не выявивших победителя сражений, Акрисий, чтобы прекратить бесплодное кровопролитие, уступил Прету Тиринф.

Антею многие считали очень красивой, хоть она была не высокой. У нее была пышная грудь и крутые, но стройные бедра. Красивое лицо, как и все ее тело, было смуглое, розовые губы пухлые, зубы белые, но улыбка была особенной потому, что зубы были слишком редкими и между передними верхними была большая щербинка. По мнению некоторых эта щель между зубами Антеи была изъяном, однако многие

ее считали придававшей ей особенную красоту изюминкой. Сердце Антеи при одном только виде Беллерофонта сразу сразил брат Эрота Гимэрот. Когда Гимэрот вооружался луком со своими пламенными стрелами, его можно было перепутать с Эротом. Однако между Эротом и Гимэротом большая разница, такая же, как между олимпийскими богами и титанами. Если первый – это болезнь души бессмертной, удар, источник раны внутренней, то второй – это лишь желанье тела бренного, своеобразный телесный голод. Некоторые называют похотливого Гимэра Филотом (сладострастье) или Потосом (плотское желание).

По Корнуту, другое имя Эрота Гимерос – Влечение – происходит от стремления и влечения к наслаждению цветущей юности или же – воспроизводит исступление рассудка, который помрачен плотским желанием. А прозвище Потос – Томленье порождает страстные поцелуи и объятья.

Как сообщает Афиней, Платон пишет в «Филебе»: Наслаждение тщеславно, как ничто на свете; а уж наслаждению любовному, которое слывет сильнейшим из всех, сами боги допускают даже ложные клятвы, потому что наслаждения бездумны, словно дети.

Симонид же и вовсе говорит, что без наслаждения нежеланна смертным ни жизнь, ни власть, и даже божественный удел незавиден.

Гимэрот вырос очень красивым юношей и любил покрасоваться, предпочитая отсутствие всякой одежды. Его вид дей-

ствительно возбуждал во всех, и в мужчинах, и в женщинах плотское желание. Наверное, глядя на изображение Гимэрта, Эпикур объявил целью всей жизни получение удовольствия.

Гомер в «Илиаде» рассказывает, что щедрую красу и любезную доблесть Беллерофонта не могла по достоинству оценить Прета жена, Антея младая. И задумала похотливая Прета супруга, не мешкая долго, с юношей прелестным тайной любви насладиться.

202. Антея пытается соблазнить Беллерофонта, но получает отказ

Говорят, что Антея с ранних лет подружилась с богиней бесстыдства Анайдеей и приносила ей в жертву ослов и свиней. Только Анайдея и другая покровительница бесстыдства Афродита Кастниетида принимают в жертву свиней. Постыдный похотливый свой нрав Антея умело скрывала под личиной благостной, показной стыдливостью бесстыдство и необузданность в любви свое обычно, как могла, прикрывала.

Будучи опытной в делах Афродиты и Гимерота, Антея, не стыдясь, в первый же день улучила момент, когда никого не было рядом и прижавшись к Беллерофонту, страстно шепнула ему в самое ухо, что он очень нравится ей и она его любит. На следующий день она поднесла ему много яблок, отрезанных локонов своих пышных русых волос и ярких цветов, что было обычным греческим способом выражения поклонения и любви, правда со стороны мужчин к девушкам, а не наоборот.

Однажды, когда Иобат много выпил вина во время вечернего пира и шатаясь, еле до ложа дошел и сразу же мертвецки заснул, Антея попыталась чуть ли не силой склонить красавца юношу к любви, явившись ночью к нему в спальню. Чутко спящий герой проснулся, когда она с двойным стуком бро-

сила в один угол сандалии, а в другой – легкую ночную одежду и осталась совершенно нагой. При свете факелов юноша увидел обнаженную женщину с высокой грудью и крутыми бедрами. На левой ее груди рядом с соском ближе к правой груди было большое родимое пятно и Беллерофонту спр-сонья показалось, что у нее три соска с тремя грудями.

Как Афродита Кастния Антея дерзко выставила напоказ лоно и груди с коричневыми бутонами-сосками и, огладив себя обеими руками, быстро юркнула под одеяло. Прижавшись тесно к Беллерофонту, она стала пылко его обнимать и ласкать, и быстро шептать, прерывая слова страстными хищными поцелуями:

– Как непозволительно ты красив, дорогой! Твои прекрасные глаза с первого взгляда проникли в мою душу и в сердце моем жестокий пожар разожгли. Сейчас мы с тобой всеми плодами фиалковенчанной Афродиты насладимся, ведь без любовного наслаждения никакая жизнь не мила. Что в мире лучшего сыскать? Нет выше того наслажденья, что охватывает двух на едином одре! Женщина и мужчина на брачном ложе парят выше Олимпа! Не бойся милый, спит Иобат беспробудно, а слуг я подальше от твой спальни давно отослала. Пламя ярое такое в груди у меня никогда еще не горело...

Сначала юноша ощутил огромное удовольствие, и ему даже захотелось ответить на ласки Антеи еще более страстными ласками, но потом он вдруг вспомнил, что к нему в постель забралась жена хозяина, давшего ему, изгнаннику, са-

мый радушный приют.

– Нет, Антея. Нет! Я не могу за все хорошее заплатить Иобату черной неблагодарностью!

Сказал нерешительно Беллерофонт. Однако возбужденная Антея вся искрилась и его слова посчитала игривостью и, похотливо обнажая белые зубы со щербинкой вверху, заявила:

– Нет, это сейчас ты мне, женщине тебя полюбившей, неблагодарностью платишь, но, как ни борись ты, все равно будешь моим.

Тогда Беллерофонт, оттолкнул от себе Антею и, вскочив с постели, запрокинул назад голову и закричал, глядя на нее сверху вниз:

– Я сказал нет! Тебя, как прелюбодейку следует вывести завтра на агору и поставить на высокий камень на виду у всех без пояса или даже, как сейчас, совсем без одежды. После этого тебя надо заставить объехать город на осле, чтобы к тебе навсегда приклеилось позорное прозвище «Проехавшая на осле»... Уйди сейчас же по – хорошему или я закричу и всех сюда позову.

– Ты такой красивый, и такой дурак... иль ты больной?! Тебе такая женщина любовь предлагает, ничего взамен не прося. А ведь гостеприимство тебе не только мой муж оказал, но и я. Теперь же сам на себя обижайся!

Низким голосом прорычала сквозь редкие зубы Антея, скривив пухлые губы в зловещей улыбке.

203. Антея клеветает на Беллерофонта, и Прет отсылает его к Иобату

Сердце Антеи поразил дубовой стрелой со свинцовым наконечником другой брат сладкоистомного Эрота – Антэрот – бог ненависти в любви. Угрюмый старец Антэрот заставлял ужасно страдать, особенно, от не разделенной любви и внушал необъяснимую всепоглощающую ненависть к бывшему возлюбленному. Порой неистовое чувство, зажженное Антэротом, было сильнее страсти, возбуждаемой Эротом или Гимэротом. Нет вражды более зловредной и ужасной, чем та, которую породила отвергнутая любовь!

Оскорбленная отказом юнца Алтея, люто возненавидела его, ибо сам изможденный старец Антэрот с пылающим взором овладел ее разумом и душой. Она, нисколько не колеблясь, так утром стала клеветать на Беллерофонта супругу своему Тиринфа властителю Прету:

– Я как преданная жена предупреждаю тебя, супруг мой любимый! Смерть позорная настигнет тебя Прет, если ты сам не погубишь Беллерофонта. Ты дал ему, изгнанному из родного города, самый радушный приют, а он? – Дерзкий со мною сегодня ночью пытался в любви сочетаться насильно. Он, когда ночью ты спал после пира, устроенного для

него, ко мне в спальню бесшумно зашел и насладиться любовью постыдной со мной пожелал, с не хотящей разврата, непорочной женою твоей. Почувствовав, что он сильнее меня, я пригрозила, что так завоплю, что весь дом разбуду. Не взяв меня силой, он поклялся, что все равно я буду принадлежать ему после того, как убьет он тебя, как убил уже Беллера, гражданина Коринфа, отвергнувшего развратную его любовь.

Царь поверил всему и вскипел гневом сильнейшим, такое услышав, но убить не решился: в душе он сего ужасался. Злобой, казавшейся ему справедливой, пылая, царь неповинному юноше гибель коварно замыслил.

Как поет Поэт в бессмертной своей «Илиаде», Пройт же в душе на Беллерофонта нехорошее дело задумал; властью был он сильнее его, и заставил покинуть землю аргосцев: под скипетр Пройта он отдан был Зевсом.

Прет в Ликию к своему зятю Иобату решил отослать Беллерофонта, чтобы тот наказал нечестивца жестоко. Некоторые говорят, что в описываемое время (темные века), в Греции не было письменности. Однако близкие родственники часто переписывались с помощью понятных лишь им знаков. Прет начертал на двух дощечках и вручил юноше злосветные, коварные знаки, ему на погибель, ибо на этих дощечках воцеленных была такая тайная просьба:

– Прошу тебя, теща дорогой, любым способом лишиться жизни подателя этой таблички. Он гнусно воспользовался

моим гостеприимством и ночью, пробравшись, словно вор, в спальню Антеи, попытался изнасиловать мою супругу и твою любимую дочь. Предупреждаю тебя, чтоб ты был осторожным: этот Беллерофонт не только женщин насильник, но и жестокий убийца – его за убийство Беллера граждане навсегда из Коринфа изгнали.

Беллерофонт непорочный, даже, если бы посмотрел, не смог бы узнать, что было изображено на небольших дощечках, данных ему тиринфским царем, и он, спрятав их в мешок, быстро отъехал. При этом он не стал ничего говорить Прету, а себе нежелание с царем поговорить откровенно так объяснил:

– Царь скорее поверит любимой жене, чем мне – чужеземцу, изгнанному за убийство из родного Коринфа. И потом он и сам, должно быть, такой же, ведь именно сластолюбивый муж делает жену распутной и похотливой; супруга же добродетельного человека остается скромной и целомудренной, какую была до брака.

204. Иобат приказывает Беллерофонту убить Химеру

Гомер поет, как Беллерофонт под счастливым покровом бессмертных мирно достиг ликийской земли и приехал к прекрасным берегам глубокопучинного Ксанфа. Ликийских мужей повелитель принял его благосклонно.

Ради пришедшего к нему гостя отборного быка пятилетнего царь Иобат приказал в жертву зарезать отцу всех бессмертных и земнорожденных, сверхмощному Зевсу. Толстую кожу содрали с быка, тушу всю сначала на крупные куски разрубили, а потом на вертела нанизали, разрезав уже на мелкие части. Осторожно зажарив отборное мясо на слабом Гефесте, сочные ароматные кусочки с вертелов сняли. В это время столы уже ломились от всяческих кушаний, и Иобат с гостем, а также много других мужей, царем приглашенных, приступили к богатому пиру. Все радостно пировали, и не было в этом равном пиру обделенных. Беллерофонта особо длиннейшей хребетною частью царь Иобат почтил, радушием славный повелитель ликийцев.

Девять дней желанного гостя так Иобат угощал, ежедневно рогатого тельца белоснежного цвета для пышного пира закалывая. Но лишь десятая в утреннем небе взошла розо-перстая Эос, озаряя землю божественными своими перстами, стал он расспрашивать гостя:

– Возрадуйся же, гость дорогой. 9 дней мы уже пируем с тобой. Пищи нашей, прошу тебя и сегодня ты опять не побрезгуй, вкуси! Однако после того, как жажду искрометным вином утолишь и голод пищей разнообразной насытишь, мы тебя, наконец, подробно расспросим – что ты за человек, кто твои мать и отец и к нам с чем прибыл от Прета нашего зятя? Как там Антея, дочь наша старшая в здравии ли поживает?

Беллерофонт только теперь вспомнил о дощечках с непонятными знаками, данными ему Претом для Иобата. Узнав о двух присланных зятем Претом дощечках, царь пожелал их увидеть. Получив от ничего не подозревавшего гостя после очередного, уже десятого пира злодейские зятевы знаки, он думал не долго, что ему делать. Будучи очень осторожным человеком, Иобат не решился сам на убийство Посейдонова сына. Кроме того, так как Беллерофонт уже разделил хлеб и соль с ним, он стал его гостем, а законы гостеприимства, согласно древнему обычаю и божьему закону, были священными. Царь ликийцев, как другой царь микенцев – Эврисфей, пытавшийся погубить Геракла, так и Иобат решил Беллерофонта извести, посылая его в очень опасные для жизни походы.

Сначала ликийцев владыка заповедал Беллерофонту убить изрыгавшую пламя трёхликую Химеру. Божьей породы была та Химера – одно из самых ужасных порождений незаконного силой Тифона и змеедевы исполинской Ехидны. Одна голова мощной быстроногой Химеры была льва,

ужасного видом, другая – козьей и третья – головой могучего змея-дракона. Жуткие пасти всех трех голов, страшно дыша пожирающим пламенем бурным, извергали яркое, жгучее пламя.

Говорят, что один из сбежавших после решающей битвы Титаномахии горных титанов то ли Кей, то ли Крий или, как упоминает Гомер, карийский царь – стрелец Амисодар многим на пагубу смертным вскормил неукротимое чудовище в Ливии или в Египте, и оно, появившись в иобатовом царстве, стало пожирать ликийцев, извергая из пасти пламя, словно на Этне вулкан.

205. Знакомство с крылатым братом Пегасом

Неизвестно что делал бы юный красавец – герой, если бы всевышние ему не пожелали помочь, сделав все так, как выткала непреложная Мойра Лахесис в седой пряже столетий. Правнук знаменитого прорицателя Мелампода тоже прорицатель Полиид посоветовал Беллерофонту поймать и обуздать рожденного из тела убитой Персеем Медусы-Горгоны крылатого коня Пегаса.

Быстрокрыльца Медусы Музы с горы Геликон полюбили за то, что он выбил ударом копыта источник Гиппокрену, не дав ему расти до небес. На Геликоне Пегаса не оказалось, но Беллерофонт обнаружил его в коринфском Акрополе, когда тот пил из Пирены – одного из созданных им же источников. Встретив над бьющими ключами источника Пирены исчадь змеистой Горгоны – крылатого Пегаса, Беллерофонт, несмотря на то что он с рождения лучше многих понимал лошадей, не смог поймать резвого Быстрокрыльца. Шелковистая белая грива Пегаса ускользала из крепких рук Беллерофонта всякий раз, когда он подкрадывался к коню и пытался поймать его. Конь взвивался на крыльях в небо, и юному герою приходилось все начинать сначала и опять тщетно. Вконец утомленный бесплодными попытками поймать Пегаса, юный герой крепко уснул.

Некоторые рассказывают, что ночью Беллерофонт увидел во сне мудрую помощницу многих героев богиню Афину, когда по совету того же прорицателя Полиида лег спать на её жертвеннике, и могучая дочь Олимпийца, чье могучее копьё, как молния отцовская, молвила ему:

– Ты спишь, смертный сын дяди моего Посейдона, не зная, как приручить резвого Быстрокрыльца Медусы? Конская чара – золотая узда поможет тебе. Вот она; яви ее своему божественному отцу Посейдону – могучему коней Укротителю, застав ему лучшего, какого сможешь найти белого быка, никогда под ярмом не ходившего!

Афина была очень сильной богиней, она была защитницей городов и государств во время справедливых войн и мира; она защищала не только города, но и всех умных, сильных и храбрых, и, конечно, почитающих богов, мужей, которыми являлись, прежде всего, герои. Свою богиня помогала многим героям, но больше всех Гераклу, Диомеду и Одиссею.

Павсаний же, рассказывая о святилище Афины Халинитиды (Обуздывающей); говорит, что из всех богов Афина больше других покровительствовала во всем Беллерофонту и даже передала ему Пегаса, укротив этого коня и своими руками наложив на него изобретенную ею узду.

Пиндар в «Олимпийских одах» поет, что многое успел претерпеть Беллерофонт, пытаясь взнуздать над бьющими ключами исчадьё змеистой Горгоны – Пегаса, пока меченую

золотом узду не подала ему утром дева Паллада.

С синей эгидой виделась богиня спящему Беллерофонту во мраке, когда говорила с ним и уздечку ему дала. Он вскочил на крепкие упругие ноги – чудо крылатое лежало с ним рядом. Он схватил его, ликующий и бросился к пророку этих мест, он крикнул Кераниду о свершившемся – как по слову его он спал на жертвеннике богини, и как мощная дочь Олимпийца, чье копьё – как молния, одарила его укротительным золотом. И был ему ответ: немедля покорствовать видению, крепконогую жертву воздать Земледержцу в широкой его силе и воздвигнуть алтарь Афине-Всаднице.

Юный герой позже воздвиг алтарь Афине-Всаднице за то, что она передала ему уздечку из золотой цепочки, которую недавно сама же изобрела. А сейчас он ринулся и схватил крылатого коня, и цепочкой золотой стянув ему челюсть, запрыгнул ему на мощный крылатый хребет.

Другие, как Гесиод в «Каталоге женщин», говорят, что быстрого Пегаса познакомил и дал в обладанье еще юному Беллерофонту божественный отец Посейдон, ведь оба они были его сыновьями, а бог морей всегда был чадолюбив.

Поскольку первым именем Беллерофонта было имя Гиппоной, то он, понимающий лошадей, быстро стал большим другом Пегасу, и вскоре не слезал с крылатого белоснежного брата – так ему понравилось, словно птице в небе вольно парить и носиться. Он чувствовал себя то могучим выше всех парящим орлом, царем всех птиц, то соколом, хищным, меж

всеми пернатыми – птицей быстреей, то богом бессмертным, владельцем бескрайнего неба.

206. Убийство Химеры

Опустившись с высоких небес на Пегасе в долину, где лежала наевшаяся Химера, герой, паря на Пегасе на высоте птичьего полета, с пустого лона холодного Эфира, стал метать в нее одну стрелу за другой. Задрав все три пасти в небо, чудовище в ярости из ноздрей изрыгало сизый удушливый дым и из пастей – жгучий огонь. Ярким пламенем все на почве чудовище уничтожало. Исступленно стонала обуглившаяся вокруг земля, как под гневом метателя молний, Зевса владыки в то время, когда он незаконного силой Тифона бичевал перунами, тогда вся земля в Аримах, где было его и Ехидны исполинское ложе, исходила тяжкими стонами.

Однако ярость Химеры была бессильной, она не могла вред причинить Беллерофонту, легко на крылатом коне взмывавшему к самым облакам, как только пламя к из пастей огнедышащего чудовища нему устремлялось. Высоко взлетал над полем битвы Пегас, по мускулистым плечам его грива белоснежная билась; был он полон сознанием необыкновенной своей красоты и небывалых возможностей, ведь он единственный из коней был крылатый.

Некоторые говорят, будто раненое стрелами чудовище долго не хотело навсегда расставаться с жизнью, и тогда Беллерофонт слетал к Иобату и попросил его приказать кузнецу изготовить 3 куска свинца, каждый величиной с голову чело-

века. Получив свинец, юноша дерзко к земле направил полет Быстрокрыльца Медусы. Задыхаясь от дыма, он уловил момент, когда раненое чудовище выдохнуло огонь и, разинув все пасти, стало со свистящим звуком набирать воздух. Герой быстро опустился совсем рядом с Химерой и забросил в каждую из голов по куску свинца. Потом он протолкнул концом копья каждый свинцовый кусок меж трех ее челюстей – львиной, козьей и драконьей. Сделав все это, Беллерофонт, словно большая белая птица, взмыл в небо, а Химера начала выдыхать пламя. Огненное дыхание чудовища расплавил свинец, и он потек через ее глотки, прожигая все внутренности, и через некоторое время прожог брюхо и вылился на землю, где и застыл. Вскоре Химера безжизненно распростерлась на камнях, заливая их своей ядовитой желчью, текшей из огромной дымящейся дыры в ее животе.

Так по непререкаемой воле никогда не дремлющей Мойры Лахесис еще одно ужасное порождение беззаконного силой Тифона и змееженщины исполинской Ехидны издохло на выжженном дыханьем Химеры, поле Алейском.

Спустившись на землю, Беллерофонт, чтобы удостовериться в смерти чудовища, брезгливо пнул ее тушу ногой. Потом герой наступил ногой на самую страшную львиную голову убитой Химеры и, высоко задрав голову, что есть сил завопил:

– Теперь изгнивай тут, на этой земле сожженного тобой Алейского поля! Вот заслуженный тобою справедливый

конец! Больше не будешь ты свирепой пагубой людям, не удастся тебе людей заживо больше сжигать! От гибели злой не спасли тебя ни отец твой Тифон, ни мать твоя Ехидна, чудовище такое же, как ты. На этом же месте сгниешь ты силою праматери нашей черной Земли, прозрачного Аэра и лучистого Гипериона.

После этого Беллерофонт разнуздал Пегаса и, сияя, как Аполлон лучезарный, с благодарной речью к крылатому коню обратился:

– Брат мой Пегас, могучего Посейдона и прекрасноволодой Медусы отпрыск крылатый! Нынче ты, не побоявшись пламени, помог своему седоку Химеру ужасную победить и невредимым выйти из боя. Вечно за это я буду тебе благодарен. Теперь ты, как ветер свободен, я на свободу отпускаю тебя.

Юноша протянул Пегасу золотую узду, чтобы свободой отблагодарить своего брата, друга и спасителя. Конь же, резвокрылый Пегас, головою поникнув бессмертной, Беллерофонту вдруг человеческой речью стал отвечать, этот голос ему Мойра Лахесис на небольшое время в конское горло вложила:

– Могучий Беллерофонт, брат мой по великому отцу Соотрясателю земли Посейдону. Тебя нынче я спас, но этот подвиг твой не последний. Не ты в этом будешь повинен, а твоя красота с Могучей Судьбой так же, как и моя мать ни в чем не была виновата перед тем, как чудовищем стать, – ее кра-

сота и Рок погубили. Я же еще долго тебя не покину и, хоть больше по-человечьи говорить не смогу, но на крыльях тебя еще не раз покатаю по бескрайнему небу.

Так не захотел крылатый Пегас покидать брата и человека, с которым разделил радость совместной победы. Он подошел к брату и, потершись о него головой, призывно заржал, словно побуждая его набросить золотую уздечку и запрыгнуть на спину.

Довольный Беллерофонт отсек мечом все три головы Химеры – львиную, козлиную и змеиную и, нанизав их на веревку, вскочил на Пегаса и поскакал в царскую столицу. Не доезжая до нее, он спрятал Пегаса в рощице и, обещав ему скоро вернуться (Быстрокрылец Медусы, хоть больше сам не говорил, но все понимал, что ему говорят), поспешил к вратам городским.

207. Разные взгляды на Химеру

Гесиод, как и Гомер, поет об изрыгающей яркое, жгучее пламя, мощной, большой, быстроногой, неборимой Химере с тремя головами: первую – огненноокого льва, ужасного видом, козьей – другою, а третьей – могучего змея-дракона. Беллерофонт благородный с Пегасом ее умертвили.

По мнению Аполлодора, не только один человек, но даже целое воинство не могло бы Химеру одолеть.

Согласно Гигину, верхом на Пегасе Беллерофонт убил чудовищную огнедышащую Химеру, и она, упала на Алейские равнины, где поэтому реки до сих пор, выбрасывают на берег уголь.

Некоторые говорят, что злобная Химера сдохла, выпив цикуту, которую Беллерофонт в полете сбросил с Пегаса в ее раскрытые глотки.

А вот автору сочинения «О невероятном» Палефату представляется, что никогда не мог существовать такой конь Пегас, даже если бы он позаимствовал все крылья у птиц. Если бы когда-нибудь и было такое животное, оно существовало бы и теперь. Еще говорят, что Беллерофонт сразил Амисодарову Химеру. А была та Химера спереди львом, сзади змеей и козой посередине. Некоторые полагают, что это было чудовище о трех головах на одном теле. Однако существование такого чудовища невозможно потому, что змея, лев и

коза не могут употреблять одну и ту же пищу. И совсем глупо думать, чтобы существо, смертное от природы, выдыхало огонь. А какой из трех голов соответствовало тело? Истина же вот в чем. Беллерофонту, коринфянину благородного происхождения, пришлось стать беглецом из-за нечаянного убийства Беллера. Построив большой корабль, он грабил прибрежные земли и разорял их. Название же его корабля было Пегас (как и теперь у каждого корабля есть свое название; и имя Пегас больше подходит кораблю, чем коню). У реки Ксанф на какой-то высокой горе жил царь Амисодар; к горе примыкал Телмисский лес, а на самую гору были два пути: один спереди, из города ксанфиев, другой сзади, из Карики. Среди высоких крутых утесов есть глубокая пропасть, из которой вырывается огонь, что-то вроде небольшого вулкана. Название же этой горной местности – Химера. И вот, как рассказывают местные жители, тогда получилось так, что на передней дороге жил Лев, на задней – Дракон, которые похищали селян и больше всего среди них – пастухов. Тогда пришел Беллерофонт, гору поджег, Телмисский лес спалил и чудовищ погубил. Итак, местные жители стали говорить: "Явившись со своим Пегасом, Беллерофонт сгубил Амисодарову Химеру". Такие произошли события, к которым присочинили миф.

Гераклит Аллегорист, тоже писавший «О невероятном» и вовсе говорит, что Химера – это некая женщина, владевшая этой местностью и огромной козой, она имела в услу-

жении двух братьев, отличавшихся свирепой жестокостью, и потому у них были прозвища Лев и Дракон. А была она безжалостна и братьям приказывала убивать всех появлявшихся на ее земле чужеземцев, а чтобы заметать все следы трупы несчастных путников сжигали. Эту Химеру вместе с ее братьями и козой уничтожил Беллерофонт, расстреляв их с большого расстоянья из лука.

Комментатор Марк Сервий Гонорат отмечает, что, по мнению многих авторитетных учёных, Химера эта была родом из Ликии, где есть вулкан, носящий такое название. У основания вулкана кишат змеи, на склонах много лугов и козых пастбищ, из вершины пышет пламя и там же, наверху, логовища львов. Поэтому люди связали с Химерой и льва, и козу, и змею, и конечно же – удушливый дым и пламя, полыхавшее в жерле вулкана.

Плутарх же о подвигах Беллерофонта в трактате «О доблести женской» рассказал так. Говорят, что Амисодар, которого ликийцы называют Исаром, привел из ликийской колонии Зелей пиратские корабли под началом Химара, мужа храброго, но грубого и свирепого, словно дикий зверь. Его корабль имел на носу изображение льва, а на корме дракона. Много бед Химар причинял ликийцам, невозможно стало не только выйти в море, но и жить в приморских городах и прибрежных селах. Жестокие морские разбойники не только грабили, но и убивали взрослых мужчин во время своих нашествий, а женщин и детей уводили, чтобы продать в раб-

ство. Вся Ликия стонала под нестерпимым гнетом Химара. Наконец, Беллерофонт, преследуя корабль Химара верхом на крылатом коне Пегасе, спалил его вместе с изображениями льва и дракона, подожженными стрелами, а самого Химара убил.

Плутарх так же говорит, что так называемая Химера – это устремленный к солнцу утес, который летом вызывает вредоносное преломление солнечных лучей и тяжелые испарения, губящие посевы. Беллерофонт же понял причину бедствия и устранил его, обрубив гладкую поверхность утеса, которая вызывала неблагоприятное преломление...

Согласно «Естественной истории» Плиния Старшего, в стране Фаселиде [в приморской части Ликийи] пламя горы Химеры не угасает ни днем, ни ночью; вода лишь сильнее разжигает его, тушит же его земля и навоз, как сообщает Ктесий Книдский.

Как говорит географ Страбон, место действия легенд о Химере приурочивают к окрестностям гор Краг и Антикраг; действительно, поблизости находится глубокое ущелье – Химера, простирающееся от морского берега.

208. Война с солимами, амазонками и ликиянами

Однако после истребления ужасной Химеры Иобат не только не вознаградил Беллерофонта за его выдающийся подвиг, но тут же отправил его на войну с воинственными и свирепыми солимами – древнейшими племенами, обитавшими на горных равнинах на севере Ликии.

В битве ужасной с этим знаменитым древним народом герою помогала сама Афина-Паллада. Перед неудержимым напором Беллерофонта солимские воины в панике разбежались: как целые тучи скворцов или галок испуганных мчатся кто куда с криками ужаса, только увидев несущегося к ним сверху ястреба, так пред Беллерофонтом некогда свирепые рати солимские с воплями ужаса разлетались, забыв воинскую доблесть и честь.

Говорят, что юный герой летал над солимами, на высоте, недостижимой для их стрел, и сбрасывал на головы многочисленных своих врагов большие камни, которые в необходимом количестве ему подавала, стоящая на облаке, воинственная дочь Громовержца.

В подвиге третьем Беллерофонт разбил амазонок – женщин воинственных, мужеобразных, пришедших с оружием в Ликию с берегов Фермодонта и напавших на страну царя Иобата. Войнолюбивых амазонок греки считали такими же

чудовищами, как кентавры, и с ними сражались почти все знаменитые герои, в том числе Тесей и, конечно, великий Геракл.

Так же, как пеной покрытые волны на каменистый берег морской набегают и бьются об него одна за другою, гонимые ветром; в море сначала они вырастают, потом, наскочив на прибрежную землю, с грохотом страшным о прибрежные скалы дробятся. Так непрерывно одна за другою конные цепи воинственных дев наскакивали на героя. Бесстрашные воительницы метали в Беллерофонта и копья с медными наконечниками, и пернатые стрелы, но герой лишь дерзко смеялся, в небесах паря на Пегасе и осыпая стрелами чудовищных женщин, издали очень на кентавров похожих.

Амазонок, как и отца их – вечно запятнанного чужой кровью бога неистовой и вероломной войны Арея, не любила богиня справедливой войны Афина, хоть и был он ей брат. Увидев воительниц на конях, окружавших Беллерофонта, бросилась быстро Афина со снежной вершины Олимпа, словно звезда, яркая, вокруг нетленного ее копья в изобилии сыпались искры. Богиня на этот раз подавала герою не камни, а пернатые стрелы с острыми медными наконечниками. Летая рядом с героем, она не забывала и стрелы, которыми амазонки его осыпали, своими могучими ладонями прочь отклонять, так в жаркое время отгоняет заботливая мать надоедливых жужжащих мух со спящего сладко младенца. Беллерофонт на Пегасе над равниной носился подобно ураганно-

му ветру, разрушающему бурно все на пути и ничто его задержать было не в силах. Так пред юным героем рати амазонок рассыпались, не имея сил устоять перед ним, хоть и было их много.

Когда Беллерофонт, одержав блестящие победы над солимами и амазонками, возвращался во дворец злокозненный Иобат устроил засаду, избрав для нее храбрейших мужей, цвет ликийян. Поджидали героя пятьдесят затаившихся юношей храбрых. Увидев в последний миг засаду, Беллерофонт завопил:

– Вот ваша благодарность, ликийцы, за то, что я вас от ужасной Химеры избавил!

Если прежде не пылал он особым желаньем с ликийцами биться, то теперь он, словно в бешенство впал. Второе теперь у него, как у горного льва, увеличилась сила. В этой устроенной на него засаде он был подобен мощному льву, оказавшемуся в деревне. Лев, ограду двора перепрыгнув, оказался среди смятенного стада тихходных овец. Только больше силы прибавилось в нем, и вот уже кровавыми грудками по двору всюду лежат распростерты овцы. Так ворвался в устроенную на него засаду неистовый Беллерофонт, и не увидели 50 ликийских юношей больше никогда своего дома – их всех перебил без остатка воинственный герой Беллерофонт, которому много светлоокая помогала Афина.

209. Доблестные ликийянки, пристыдившие Беллерофонта [175]

Беллерофонт, изгнавший враждебных Ликии воинственных солимов и амазонок, не только не получил достойной награды от царя Иобата, но, напротив, встретил с его стороны открытую неприязнь.

Тогда, возмущенный несправедливостью царя, юный герой вошел в море по пояс и, задрав свой костлявый длинный нос, страстно обратился к божественному отцу:

– Посейдон, мой отец! Говорят, ты чадолюбивый родитель! Часто ты помогаешь героям, тобою на свет порожденным. Молю тебя прямо сейчас, по моим следам, залей всю долину ликийцев соленой водой.

Земледержец послал своих громадных водяных быков, которых иногда называли «Девятым валом». И когда Беллерофонт после этого стал удаляться от моря, за ним последовали поднявшиеся огромные волны, которые затопляли землю. Быки Посейдона медленно двигались вслед за Беллерофонтом, идущем к дворцу Иобата. Это было страшное зрелище – море, огромной водяной горой, наступающее на сушу.

Некоторые, пытаясь устранить сказочность этого предания, перетолковывают его так, что Беллерофонт не заклятием навел море на поля ликийян, а прорвал каменистую гря-

ду, отделявшую море от низменной плодородной равнины и море стало заливать сушу.

Тщетно пытались ликийцы-мужчины уговорить Беллерофонта прекратить это бедствие. Храбрейшие из них пытались остановить его движение, убив его стрелами из лука и копьями, но опять только сами бесславно погибли в пучине.

Тогда, навстречу непорочному герою вышли молодые женщины и, засучив свои хитоны и пеплосы выше пояса, так, что оголились их бедра и ягодицы, ему, умоляя, сказали:

– Если хочешь можешь сблизиться с любой из нас. Ни одна тебе не откажет, только останови эту воду.

Так доблестные женщины, спасая себя, своих мужей и детей, бросились ему навстречу, наперебой предлагая себя, если только он сменит гнев на милость. Однако среди героических ликиянок были и такие, что ему презрительно закричали:

– Если хочешь, можешь войти к любой из нас туда, откуда сам на свет появился.

Скромность Беллерофонта была столь велика, что он, пристыженный, отвернулся от них и побежал прочь, а вместе с ним отступили и волны.

Иные, пытаясь устранить сказочность этого предания, перетолковывают его так, что Беллерофонт не заклятием навел море на поля, а прорвал каменистую гряду, отделявшую море от низменной плодородной равнины. Когда же море стало заливать сушу, а мужчинам не удалось уговорить Беллеро-

фонта, женщины, окружив его толпой, пристыдили его, оголив свои бедра и предложив ему воспользоваться их телами. Этим ликийские женщины вызвали у него сожаление и смирили его праведный гнев.

Говорят также, что Химера – это устремленный к солнцу огромный утес, который под воздействием солнечных лучей, распространяет вокруг ядовитые испарения, губящие посевы и вызывающее у людей тяжелые болезни. Беллерофонт же понял причину бедствия и устранил его, обрубив гладкую поверхность утеса, которая вызывала неблагоприятное преломление солнечных лучей. Не видя надлежащей благодарности со стороны ликийцев, он замыслил их покарать, но был пристыжен и умиротворен женщинами.

Согласно же Нимфису, Беллерофонт убил в области ксантиев дикого кабана, истреблявшего их стада и посевы, но не получил за это никакой награды. По его мольбе, обращенной к Посейдону, бог наказал ликийцев тем, что все их поля покрылись соленым выпотом и оставались бесплодными, пока Беллерофонт, снизойдя к просьбам женщин, не помолился Посейдону снять гнев. Отсюда и пошел у ксантийцев обычай именоваться полным именем не по отцу, а по матери.

210. Иобат и Беллерофонт договариваются о свадьбе

После стольких подвигов Иобат, наконец-то познал в Беллерофонте знаменитую отрасль бессмертных и задумчиво сказал сам себе:

– В нем не исчезла, как я вижу своими глазами, порода родителей славных и божественных предков. Род ведет он наверняка не только от владыки коринфского Главка, скиптроносного питомца Зевеса, но от олимпийского бога, заухдалый бог из божественной черни такого, как он, никогда не произвел бы на свет. Вижу по всему, что сам царь морей Посейдон божественный Беллерофонта родитель.

Просмотрев еще раз сохранные таблички, на которых были изображены злосветные знаки рукой зятя Прета, Иобат продолжил прерванный разговор с собою:

– Или зять мой что-то напутал, забыв наши с ним знаки или же дочь моя оказалась похотливой не в меру. Ведь и до замужества с Претом она любила Афродитины игры, да и лгать она, не краснея, всегда умела. Надо мне самому постараться выяснить все, что там у них случилось...

Иобат послал гонцов в Тиринф и приказал им:

– Узнайте все в точности, поговорите не только с Претом и с Антеей, но и с их домочадцами, а также с жителями Тиринфа. Если был какой-нибудь скандал, связанный с отъез-

дом Беллерофонта, сообщите мне все подробности.

Узнав всю правду от домочадцев и граждан тиринфских, царь попросил у Беллерофонта прощения:

– О Беллерофонт непорочный, среди живущих сейчас эллинов нахрабрейший герой, прости мне мое заблуждение. Только сейчас я узнал от посланных мной гонцов, что дочь моя Антея влюбилась в тебя и отвергнутая тобой, тебя оболгала. Зять Прет на дощечках, привезенных тобой, с помощью знаков, понятных мне, меня попросил тайно тебя погубить. Но нет худа без добра. Благодаря моим приказам, ты ужасную истребил Химеру, погубившую много народа, салимов воинственных победил и амазонок войнолюбивых. Сожалею, что в засаду я послал своих воинов, им же на горе, теперь наши самые доблестные мужи, какие лишь есть меж ликийцев, в земле лежат погребенные, кто стрелой твоей, кто копьем твоим пораженный. Я хочу загладить вину свою невольную пред тобой и предлагаю тебе в жены дочь свою Филоною, она так же красива как сестра ее Антея, но в отличие от нее благочестива и будет верной тебе самой супругой.

Беллерофонт дал предварительное согласие жениться на Филоное, но, опасаясь, что она окажется под стать сестре, предложил прежде испытать ее невинность:

– Я слышал, что в Эфесе существует грот, посвященный похотливым Паном девственной Артемиде. Когда какую-либо девушку хотят испытать на целомудрие, ее закрывают на ночь в этом гроте. Если она невинна, утром из грота доно-

сятся громкие радостные звуки флейты, двери сами собой раскрываются, и девушка гордо выходит наружу, сохранив доброе имя. Если же дело обстоит иначе, утром флейта безмолвствует, и двери сами не открываются.

Тогда Иобат будущего зятя удивленно спросил:

– Разве дочь моя не красива, что ты сомневаешься в том, чтобы жениться на ней? Или тебя не устраивает приданое в виде половины моего царства? После моей смерти получишь и вторую половину моих владений.

– Жениться следует не глазами и не пальцами, чтобы подсчитать приданое. Надо выяснить, какова невеста будет в совместной жизни, или она уже до брака всякую потеряла стыдливость.

Иобат опять удивился на этот раз мудрости юного героя и согласился на его условие. Он был полностью уверен в невинности дочери, но на всякий случай тайно направил к специально приготовленному для испытания гроту, в котором закрыли на ночь Филоною, преданного ему флейтиста. Когда утром у открывающихся дверей грота Беллерофонт услышал переливы веселые флейты, он торжественно назвал Филоною своей невестой.

211. Жени́тьба на Филоно́е

Иобат в окружении всего своего многочисленного семейства и в присутствии Беллерофонта совершил жертвоприношение, заклав белоснежного быка, никогда под ярмом не ходившего. По окончании этого священного обряда он торжественно объявил, что выдает свою дочь Филоною за воспитанного Главком сына Эвриномы от Посейдона Беллерофонта.

Затем невесту, одетую в белоснежное платье, посадили в пышно украшенную квадригу, набросив на лицо ее покрывало, а на голову возложили венок из свежих цветов. Перед свадебной процессией несли брачный факел и на всем пути пели свадебный гимн: О Гимен, о Гименей! Обычно невеста ехала к дому жениха, но в этот раз по известным причинам процессия, проехав по городу, возвратилась к дворцу Иобата.

Эта особенность бракосочетания, когда брачное шествие, выйдя из дома отца невесты, к нему же и возвращалось, была характерна для многих знаменитых героев: Геракла, Персея... Точно так же и дальнейшие свадебные обряды были нарушены. Беллерофонт не стал разыгрывать притворное похищение невесты, чтобы она кричала и звала на помощь, и чтобы сопровождающие ее женщины сделали вид, что защищают ее.

Он властно поднял руку, словно был уже хозяином дома, и, призвав всех к тишине, без всякой притворной борьбы поднял Филоною на руки и внес во дворец через парадные двери, при этом не только ноги, но и платье невесты было очень высоко и не коснулось высокого порога.

При приближении к домашнему очагу жених поставил невесту на ноги. Филоною женщины подвели к домашним божествам и окропили очистительной водой, после чего она прикоснулась к священному огню Гестии. После произнесения молитв Беллерофонт и Филоноя, уже как супруги, разделили между собой свадебный пирог, хлеб и несколько зеленых яблок.

Наутро новобрачные, проснувшись под звуки серенады, принимали всевозможные подарки от родственников невесты. С этого дня молодая жена показывалась на людях уже без покрывала невесты, которое она посвятила Гере, великой богине и покровительнице брака.

Так в доме своем Беллерофонта удержал Иобат и, дочь свою Филоною сочетав с ним браком законным, отдал ему половину всех почестей царских. Ликийцы же в благодарность за убийство Химеры отделили Посейдонову сыну земельный удел превосходный, лучшее поле для сада и пашен, а также подходящее место для хороводов и песен.

212. Месть Антее

В первую брачную ночь Беллерофонт попросил Филоною, прежде чем уединиться с ним в спальне, съесть плод айвы, затем, чтобы первое впечатление от ее тела и голоса было для него сладостным и чарующим. Молодая супруга исполнила пожелание мужа и айву съела, но тела ее он не увидел, только чарующий голос услышал потому, что она его попросила:

– Муж мой любимый, нельзя ли сделать так, чтобы в спальне было темно потому, что моя стыдливость не позволяет мне пока показаться перед тобой совсем обнаженной.

Юный герой еще раз удивился тому, как сильно могут отличаться родные сестры: одна – похотливая, как крольчиха, а другая – добродетельная, как Гестия. В первый год после брака с Филоной Беллерофонт в силу своей непорочности и по просьбе крайне стыдливой супруги встречался с ней на ложе только ночью и без всякого света. Но время, словно пущенная из лука стрела, вперед неудержимо летело, и однажды вечером недавно родившая первенца жена мужу сказала:

– Милый, знаю я, что говорить не женское дело, а дело мужа, но, если ты позволишь мне об этом сказать, то я скажу. По-прежнему я считаю, что после того, как гаснет светильник, тело добродетельной супруги в первый год после свадьбы должно быть невидимо, она должна в полной темноте

сиять стыдливостью, послушанием и нежностью к мужу. Однако со временем жена может показаться мужу обнаженной, чтобы он ее сильнее полюбил, лучше узнав, ведь в темноте все женщины одинаковы. Говорят, темной ночью любую из дев можно красавицей счесть. Так вот, если желаешь, то можешь в постели меня при свете факела везде рассмотреть и узнать красиво ли мое тело и...хоть это стыдно мне говорить, но и я хотела бы тебя на ложе увидеть. Ведь не видела я никогда обнаженного тела мужского, хоть уже матерью стала. Когда я первый раз увидела детское тельце нашего маленького Исандра, то была даже удивлена немного.

На следующую ночь Беллерофонт при свете факела увидел похожее на сосок большое родимое пятно на середине груди Филонои точно такое же, как у старшей сестры Антеи. Он живо вспомнил супругу Прета. Не известно почему именно сейчас, но ему сильно захотелось отомстить похотливой и лживой Антее, которая, как он слышал до сих пор распространяет о нем порочащие сведения.

Утром Беллерофонт объявил супруге, что ненадолго едет в Тиринф и там увидится с ее сестрою. Когда он оказался наедине с супругой Прета, то неумело притворился влюбленным и, нарочно жарко дыша, сказал ей:

– Твоя сестра Филоноя чрезмерно стыдлива и в постели холодна, как ледышка иль обрубок бревна. Только сейчас я понял, какой должна быть настоящая женщина. Если на брачном ложе живет стыд, то на нем нет места для любви.

Стыд неотесанный должен уйти из постели. Если можешь прости меня за юношескую стыдливость, молодости свойственна в любви угловатость и опрометчивость... Но сейчас я готов все исправить!

Похотливую Антею не надо было убеждать в том, что ее любишь. Телом она, как две капли воды на Филоною была похожа, но характером – полной противоположностью сестре младшей была. Вечером во время пира, когда царь осушал одну за другой чаши вина медосладкого, нетерпеливые любовники договорились, что как только пьяный Прет заснет, встретиться и сочетаться бурной любовью и лаской.

Когда Антея пришла к Беллерофонту, он обнял ее и с притворной страстностью жарко прошептал в самое ухо:

– Я не хочу на ложе с тобой от каждого звука вздрагивать и думать все время, что Прет твой может проснуться и станет искать тебя по всему дому. Или служанки твои тебя хватятся... Давай, милая, сядем вместе на моего Пегаса и на крыльях полетим куда-нибудь на природу, где мы с тобой, словно блаженные боги, без всяких помех сможем неистовой предаться любви.

Как поет Еврипид в «Сфенебее», поднявшись в воздух, герой сбросил похотливую женщину в море, хотя другие рассказывают, что Антея, разгадав притворство возлюбленного, была так оскорблена и обижена, что покончила с собой, выпив яд цикуты.

213. Низвержение возгордившегося Беллерофонта

Наверное, после совершения подвигов, непреложная Мойра Лахесис решила, что, согласно ее непререкаемым замыслам, Беллерофонт сделал все, что ему было предназначено ею. С варварами повоевал и с амазонками и, главное, Химеру убил, которая Ехидной рождена была от Тифона, но не без участия богини случая Тюхе. Кроме того, все говорили, что стал напоследок Беллерофонт небожителям всем ненавистен, и с этим вещая Ткачиха всегда считалась.

Однажды какой-то ликиец сказал Беллерофонту, что гордыня и высокомерие развратило ему душу и, что он заносится над низшими, но пресмыкается перед высшими. И тогда знаменитый герой, огнедышащую истребивший Химеру, задрал красивую голову и презрительно сморщив хищный свой нос, надменно ликийцу изрек:

– Я вознесусь к бессмертным богам в горний эфир, на нетленное небо, и тогда никто не посмеет сказать, что я пресмыкаюсь перед насельниками Олимпа.

Этот ликиец потом всем рассказывал, как Беллерофонт, оседлав Быстрокрыльца Медусы Пегаса, взлетел и стал больно пинать крылатого коня ногами, заставляя его лететь все выше и выше. И скоро он, изнемогая от буйного восторга, носился по небу на крылатом Пегасе и истошно от наслажде-

нья что-то вопил.

Зевс, восседавший на самой высокой вершине Олимпа, увидел почти рядом с собой героя Беллерофонта на белом крылатом коне и, сложив губы в язвительную улыбку, зловеще изрек:

– Этот исполненный спеси герой то ли забыл про меня и других всемогущих богов, то ли нарочно вознамерился взлететь выше Олимпа, и он уже близко к своей нечестивой и дерзкой цели.

Олимпиец косматой потряс головой и кустистыми неспешно покрутил бровями, а потом медленно процедил сквозь зубы:

– Я не более был царствованием своим озабочен в те времена, как любой из моих заклятых врагов землеродных готов был несправедливыми своими руками захватить мой нетленный Олимп! Многомогущий и жестокий был у нас враг, – но тогда от единого рода происходила и Титаномахия, и Гигантомахия и один лишь они имели источник. Ныне же дерзостью нечестивой наполненный герой – полубог, как мальчишки Аллоады, ко мне на небо без приглашения хочет явиться. Выскочка этот, племянник мой смертный, всем стал уже вполне ненавистен. Потому нечего долго тут мне думать. Должен я позорно его погубить высшей справедливости ради, но спешить я не буду. Мельницы богов мелют медленно, но старательно и очень тонким помолом, и потому для начала я Беллерофонта с помощью его же коня Пегаса низвергну

на землю, а брат мой Посейдон, должно быть, поможет на-
смерть ему не разбиться, ведь всегда он среди нас, трех бра-
тьев, особым чадолюбием отличался.

Громовержец тут же схватил несколько огромных оводов
и швырнул их в Пегаса, и они принялись очень больно жа-
лить Быстрокрыльца Медусы и пить ему кровь. Крылатый
конь, взбесившись от нестерпимой боли, стал так дергаться
и крутиться в воздухе, что Беллерофонт не удержался и стал
падать свободно с небесных высот.

Овидий в «Ибисе» поет, как тяжело Беллерофонт рухнул
с крылатого коня среди Алейского поля, сам своей красотой
гибель стяжавши себе.

Пиндар в «Истмийских одах» поет, как крылатый Пегас
сбросил всадника, рвавшегося к нетленным урочищам Зев-
са. Неправедной сладости – горький конец.

В не сохранившейся трагедии Еврипида «Беллерофонт»
герой пытается подняться на крылатом коне к небу, чтобы
узнать, действительно ли существуют боги, но, сорвавшись,
падает с высоты и разбивается.

214. Хромой и слепой Беллерофонт, скитаясь, пропадает бесследно

Безучастным к падению Беллерофонта, согласно воле Мойры Лахесис, не остался Земли Колебатель. Он, сидя на самой высокой вершине корабельной сосны вдали от Алейского поля, с большим осуждением смотрел на своего смертного сына, вознамерившегося на сияющие выси Олимпа без приглашенья взлететь. Выйдя из моря, Посейдон там восседал и о милом сыне скорбел, и гневался сильно на брата Зевса, который на первый раз мог бы смертного племянника простить. Спрыгнув с сосны, пошел Земледержец с вершины горы каменистой, быстро-быстро перебирая ногами. Леса и высокие горы затрепетали под тяжелой поступью бессмертного бога. Три лишь шага он сделал и с четвертым уж цели достигнул, и в последний момент помог Беллерофонту не разбиться насмерть. Ударив мощным трезубцем в землю, он так потряс ее, что выбил под падающим сыном источник, и его восставшие фонтаном воды смягчили падение с высоты Беллерофонта.

Увидев это, быстро прынула сверху богиня справедливой войны и своим огромным копьем преградила путь Посейдону и прорекла чернокудрому дяде:

– Ты что делаешь Посейдон?! Опомнись! Вспомни о том, что все мы, богини и боги, давно клятвенно обещали, все

претерпеть, что предначертано Могучей Судьбою! Поэтому, дав обещание, безуспешно не желай возгордившегося сына Беллерофонта от неминуемой смерти избавить. Тем более, что все это напрасно. Ты лишь ненадолго отсрочил смерть ставшего бессмертным богам ненавистного героя Беллерофонта.

Посейдон и сам понимал, что ничем сыну больше помочь он не в силах. Он вызвал свистом свою колесницу, запряженную четверней быстролетающих коней с золотистой длинной гривой и такими же длинными золотистыми хвостами. В блестящую взойдя колесницу, бичом золотым хлестнул с размаха коней и погнал их к своему дворцу вечно нетленному, золотом ярко сверкающему в глубинах морского залива.

Зевс, по-прежнему восседавший на самой высокой вершине Олимпа и услаждавший себя созерцанием, понял, что сегодня больше не увидит ничего интересного и, скучая, неспешно направился в свой чертог олимпийский.

Беллерофонт же, оставшийся живым, но ставший после падения, как колченогий Кузнец, хромым на обе ноги, да еще и слепым, по Алейскому полю, на котором он Химеру убил, опираясь на палки, неприкаянно скитался долго кругом, сердце глодая себе.

Знаменитый истребитель Химеры был больной, он был слепой и с трудом передвигался, опираясь на посохи. Он был совсем одинокий, ведь после того, как он утопил в море Антею, Претт и Иобат возненавидели его, и Филоноя не про-

стила мужу смерти сестры и возвратилась к отцу. Истребитель Химеры был подобен тусклому свету от потухающего костра, превратившемуся в неяркую точку, что одиноко светит где – то высоко в суровых неприступных горах. При этом героя по-прежнему пожирало высокомерие и спесь. Избегая всяких следов человека, Беллерофонт бродил в гордом одиночестве, он не хотел, чтобы его увидел хоть один человек на земле таким – хромым, слепым, всеми забытым... и вскоре истребитель чудовищ бесследно пропал.

Однако, согласно Павсанию, люди подвиг Беллерофонта не забыли. Ему воздавались в пышущем юностью блаженном Коринфе почести как полубогу; он имел там в кипарисовой роще Кранеон священное место и стоял вместе с Пегасом в храме Посейдона, изображая, по-видимому, одну сторону бога Посейдона, а именно Посейдона-Гиппия.

Культ Беллерофонта возник сначала в Ликии и Коринфе, затем распространился по всей Греции. Беллерофонт иногда изображался с отцовским трезубцем и так связывался и с морской стихией, как сын Посейдона и Главка. При изображении на летящем в небе Пегасе Беллерофонт имел черты бога солнца.

215. Дети и внуки Беллерофонта

Трое родилось чад у Филонои от гордого красавца Беллерофонта: сыновья Исандр и Гипполох и прекрасная дочь Лаодамия, как это видно на его генеалогическом древе, изображенном в начале рассказа об этом герое.

Согласно Евстафию Солунскому, Гипполох оспаривал власть у старшего брата Исандра. Некоторые говорят, что братья решили, что царем станет тот, кто сумеет пустить стрелу через золотое кольцо, повешенное на груди своего ребенка. Поскольку ни один не соглашался предоставить для этой процедуры своё дитя, спор возобновился, и тогда их сестра Лаодамия предложила, чтобы кольцо повесили на шею её сына от Зевса, Сарпедона. Восхищенные благородством сестры, братья отказались от трона в пользу Сарпедона, соправителем которого позднее стал сын Гипполоха Главк.

Гигин говорит, что Сарпедон участвовал в играх в Трое над кенотафом Париса, в состязаниях в беге.

Сарпедон был активным участником Троянской войны. В «Илиаде» он убил двух греков, согласно Гигину, это были Тлеполом и Антиф.

Согласно Гомеру и Аполлодору, Сарпедон был убит Патроком, и даже Зевс оказался бессилён помочь своему сыну, ибо эта смерть ему задолго была предначертана Могучей

Судьбой.

Гомер в «Илиаде» поет, как Аполлон по просьбе Зевса вынес из-под копий и стрел сарпедоново тело, дальше от боя унес и, омыв речными струями, смазав амбросией, платьем одел его вечно нетленным. Все это сделав, взять поручил его быстрым вожатым Смерти и Сну, близнецам, чтоб они поскорей Сарпедона в край отнесли плодоносный, в пространную землю ликийцев.

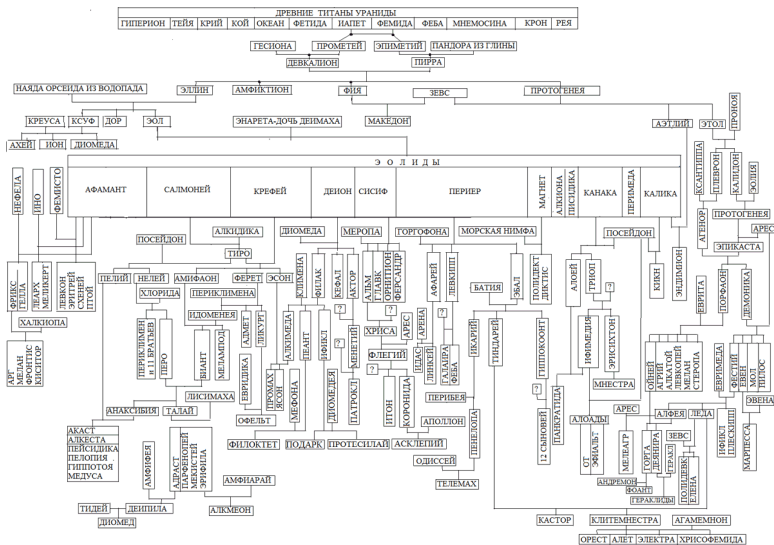
Другой внук Беллерофонта Главк был так же одним из храбрейших союзников троянцев в Троянской войне. Он обменялся оружием с Диомедом. По Гомеру он убил 2 греков, но Гигин говорит, что Главк убил 4 известных воинов.

Согласно Аполлодору и Квинту Смирнскому, Главк убит Эантом Великим во время сражения за тело Ахилла, и его тело Аполлон так же, как и тело Сарпедона, уносит в Ликию.

Геродот говорит, царями некоторых из 12 ионийских городов были выбраны ликийцы, отпрыски Главка, сына Гипполоха.

Часть IV. Мелеагр

216. Генеалогическое древо Мелеагра (этолиды и эолиды)

Очевидно, для генеалогии одного Мелеагра достаточно было бы изобразить правую четверть схемы, поскольку и его мать Алфея, и смертный отец Ойней были Этолидами.

Изображенная здесь генеалогическая схема позволяет наглядно проследить родственные связи Мелеагра с множеством разных героев. Это эпонимы Эллин, Дор, Эол, Ахей, Ион...; богоборцы Салмоней, Сисиф, Идас...; воины Тидей, Филоктет, Патрокл, Одиссей, Агамемнон...; красавцы Адмет, Эндимон... Некоторые из этих героев принимали непосредственное участие в охоте на Калидонского вепря.

Как видно из генеалогической схемы смертным отцом Мелеагра был калидонский царь Ойней, дальним предком которого был Зевс.

Неистовый бог кровавой войны Арес, соединившись на брачной постели со своей внучкой Алфеей, дочерью Фестия, дважды вливал свой божественный ихор в смертные жилы героя Мелеагра. Это предопределило бешеный, неистовый, как у отца и прадеда, характер героя, который, в свою очередь, предопределил его раннюю смерть.

217. Смертные родители Ойней и Алфея

Ойней, царствуя в Калидоне, женился на дочери царя Этолии Фестия красавице Алфее (Алтея), которая родила ему четырех сыновей, из которых прославился Мелеагр и столько же дочерей, из которых самой знаменитой стала Деянира.

Некоторые, подобно Гигину, рассказывают такую историю появления на свет Деяниры – будущей законной супруги Геракла: Когда Ойней увидел, что его молодую жену Алфею полюбил Дионис, он сам благоразумно решил уйти вечером из города, сделав вид, что ему нужно совершить священнодействия. Алфея же после ночи, проведенной с богом виноградарства и виноделия родила от него Деяниру. Вакх, благодарный за столь радушное гостеприимство, Ойнею первому подарил виноградную лозу, показал, как ее сажать, и установил, чтобы ее плод назывался *ойнос* по имени его гостеприимца. Деянира выросла не только красавицей, она умела править квадригой и занималась военными упражнениями; за право жениться на ней с могущественным речным богом Ахелоем боролся Геракл и победил, обломав ему один рог.

Алфея родила Ойнею так же сыновей Токсея, Тирея и Климена, которые не изображены на генеалогической схеме и дочерей, из которых на схеме, кроме Деяниры изображена только дочь Горга. Не изображенные дочери Алфеи и Ойнея

Евримеда и Меланиппа были погублены в юности Артемидой.

Говорят, воспитанный Ойнеем сын Мелеагр, имел истинного божественного отца Ареса, вечно запятнанного чужой кровью неистового бога кровавой войны.

Калидонцы рассказывают будто бы после того, как Арес, превратившись на Италийской горе в страшного вепря, ударил клыком в бедро возлюбленного его милоулыбчивой, но очень любвеобильной жены Афродиты Адониса, он прежде, чем вознестись на мощные выси Олимпа, чтобы успокоиться долго еще бродил по лесам. Когда сын Эниалия и Киприды Деймос (Ужас) прибыл на квадриге за отцом, тот сам занял место возницы. Зная, как он грозен, особенно на своих ужасных конях, во весь опор помчался он на своей колеснице, в которую были запряжены его бессмертные кони – дети бога северного ветра Борея и Эринии Алектос. Глаза дымящихся коней, которых звали Блеск, Пламя, Шум и Ужас бешено блестели, из их зубастых пастей с шумом вырывались черный дым и жгучее пламя. Арес с плеча хлестал бичом по коням, со скоростью дивной летящим, едва касаясь копытами дороги. Брызги песка и камней из-под копыт и шин колесных, тяжких медью, фонтанами взлетали вокруг. Людей, увидевших колесницу бога кровавой войны, охватывала жуткая паника, как будто они слышали ужасный крик самого Пана. Они кидались с широко раскрытыми от страха глазами, в разные стороны и падали ниц на землю. Поднимались

все только тогда, когда стук копыт и грохот колес успевал затихнуть вдали.

Пронесясь мимо Калидона, Арес увидел свою внучку Алфею со служанками и подругами, собиравшими цветы на лугу и водившими хоровод. Все от панического страха кинулись вниз головами, лишь одна калидонская царица, по непререкаемой воле Мойры Лахесис, как завороченная, осталась стоять. С нежного тела юной Алфеи, с одеяний серебрянотканых свет изливался божественный и веяло милой красою. Арес схватил Алфею на руки и, унеся в свою повозку, сочетался с ней бурно любовью, желая так еще больше отомстить своей неверной супруге Пафийке. Ночью же, когда Арес уже давно был на Олимпе, и Алфея домой возвратилась, с ней возлег и Ойней.

Месяц за месяцем пролетали, и так 9 месяцев сгибли, и у дочери Фестия родился сын, названный Мелеагром, и которому Могучей Судьбой суждено было стать прославленным этолийским героем, последним из знаменитого сонма греческих истребителей чудовищ.

218. Вещание Мойры

В одну из темных ночей, когда на небе не было ни звезд, ни серебряного света единственного блуждающего в ночи ока – Селены, Алфея лежала после недавних родов и при тусклом свете горящего очага с любовью глядела на Мелеагра, милого сына, рожденного ею от могучего олимпийского бога. Вдруг в спальне стало светло, как будто солнце свою лучезарную голову просунуло сразу во все небольшие оконца дворца, стоявшего на центральной площади Калидона.

Посреди комнаты, словно из прозрачного воздуха вдруг возникла величественная старуха в ослепительно белоснежных одеждах. На ее седой гладко причесанной голове сияла серебряная ромбическая корона, увешанная мелодично позванивающими, как колокольчики, золотыми колечками. Это была старая лишь выбранным обликом Мойра Лахесис. Никогда не дремлющая вещая Ткачиха непрерывно следит за тем, как ткутся и окрашиваются Полотно Судеб смертных и Ковер Судеб бессмертных. При необходимости она вносит изменения, если закономерная работа ткацких станков нарушается из-за свободы выбора, предоставленного ее матерью богиней необходимости Ананке смертным или из-за непредусмотренного вмешательства ее непредсказуемой тетки богини случая Тюхе.

Чаще всего из-за дочери Хаоса самовольной Тюхе Мой-

рам Клото и Лахесис приходилось отвлекаться от своих главных обязанностей Пряжи и Ткачихи. Великая богиня Необходимости Ананке разрешила покидать мировое веретено одновременно только одной Мойре, чтобы остальные дочери заменяли ее, и Полотно, и Ковер непрерывно ткались. Обычно нетленный Олимп и землю посещает старая лишь обликом Ткачиха Лахесис, поскольку именно ее касаются изменения судеб, которые пытаются вершить смертные люди или боги, пользуясь свободой выбора. Мойра Лахесис чаще всего встречалась с богами или смертными в их снах – так хотела ее жутколикая мать, чтобы у людей всегда оставалось неясное ощущение: был это только сон, или встреча с Мойрой все же на самом деле ночью была.

Мелеагру Мойры предначертали быть благородным и храбрым. Ему предстояло участвовать в знаменитом плаваньи аргонавтов и стать главным героем в Калидонской охоте, а также совершить много других не столь известных подвигов. Однако мудрые Мойры уже давно поняли, что важно не только рождение могучих героев, способных совершать трудные подвиги, которые были не по плечу обычным людям, но и уход их из жизни после совершения предназначенных им деяний.

Герои, несмотря на их необыкновенную силу, а, может быть как раз из-за этой силы, оказывались не приспособленными к будничной жизни обычных людей и начинали несправедливо пользоваться своей особенной силой. Геракл

после совершения своих знаменитых двенадцати канонических подвигов, так тесно сдружился с демоном мести Аластором, что только мстил своим врагам за прошлые обиды и завоевывал новых и новых любовниц в кровавых войнах... Тесей после освобождения от разбойников Истмийской дороги, убийства чудовищного Минотавра и объединения Аттики стал совершать нечестивые поступки: он похитил Елену Прекрасную и пытался с Пирифоем похитить саму царицу подземного мира Персефону, что было неслыханной дерзостью даже для знаменитых героев. Беллерофонт после убийства Химеры дерзко пытался на крылатом брате Пегасе достигнуть блистательных высей Олимпа, где могли жить только бессмертные боги. Персей, после того как обезглавил Меду-Горгону и убил морское чудовище, освободив Андромеду, бился с Дионисом и превратил в камень любимую супругу его Ариадну. Никто из известных героев-истребителей чудовищ не прожил долгую и счастливую жизнь. Еще хуже, в страданиях и мучениях закончили жизнь герои первого поколения – зевсорборцы и богоборцы.

Зная, как много в крови Мелеагра ихора бога кровавой войны Ареса, всегда предусмотрительная Мойра Лахесис решила сразу после его рождения позаботиться и о его смерти. Ведь, если полубоги-герои, зачатые от Зевса, оказавшись не у дел, начинали жить, забывая о справедливости, то чего можно ожидать от сына и правнука вечно запятнанного чужой кровью Ареса?!

Не глядя на Алфею своими черными пустыми зрачками, в которых зияли космос и вечность, Лакесис взяла принесенное с собой тонкое сухое кедровое полено и молча положила его в огонь. Подождав, когда полено разгорится, Ткачиха, как всегда, не шевеля своими тонкими бесцветными от старости губами, бесстрастным голосом, как бы нехотя, провещала:

– Срок одинаковый в жизни этому полену и тебе, новорожденный Алфеей, даю.

Мойре, в отличие от бессмертных богов, было чуждо сочувствие, равно как и все другие человеческие чувства и потому в ее бездонных глазах ничего не отразилось. Она видела своим взглядом, пронзающим время, как в Алфее, знающей теперь ее прорицанье о сыне, через много лет будет иступленно бороться мать и сестра и победит, конечно, сестра, ведь братьев и сестер греки любили больше детей. Поэтому одетая в белое величественная старуха с ромбической короной на седой голове исчезла из спальни Алфеи так же внезапно, как и появилась, так и не удостоив недавнюю роженицу ни словом, ни взглядом. Ведь она явилась не для общения с калидонской царицей, а для объявления ей участи сына, чтобы, зная ее, Алфея способствовала ее исполнению.

Фестиада слышала от слепого прорицателя Терисия, что старая Мойра Лакесис часто посещает смертных, вещая им прорицания и потому, хоть еще и не вполне оправилась после родов, быстро вскочила и выхватила из огня полено, ко-

торое уже успело немного обгореть. Окатив обильно поле-
но водой из большого кувшина, она завернула его в тонкую
ткань и спрятала как высшую драгоценность в сундучок, ко-
торый отнесла в потайное место.

Некоторые, подобно Гигину, о вещании Мойры рассказы-
вает иначе: когда с Алфеей, дочерью Фестия, в одну и ту
же ночь возлегли Ойней и Арес и у них родился Мелеагр,
во дворце внезапно появились все три никогда не дремлю-
щих Мойры Клото, Лахесис и Атропос. Они по очереди про-
вещали ему его судьбу: цветущая красавица Пряха голосом
сладким пропела, что он будет благороден, старая Ткачиха –
что он станет доблестным и храбрым, а юная Неизбежная –
что он будет жить, пока не сгорит самая большая кедровая
головня в горящем очаге, и только тогда она перережет его
нить жизни своими адамантовыми ножницами. Когда Алфея
услышала это, она вскочила с ложа, выхватила голыми рука-
ми из очага головню, потушила водой и зарыла ее, роковую,
среди дворцового двора, чтобы она случайно никогда не по-
пала в огонь.

Калидонцы же говорят, что три Мойры явились на пыш-
ный пир, устроенный Ойнеем для всех горожан в честь рож-
дения долгожданного наследника Мелеагра.

219. Молодые годы Мелеагра. Плавание с аргонавтами

Пролетели годы, как бурные воды особенной невидимой глазу реки, непрерывно, безостановочно текущей из прошлого в будущее, и Мелеагр превратился в прекрасного и могучего юношу, которым могли бы гордиться всякие родители. Он вел самую простую жизнь, воздерживаясь от пьянства и прочих пресыщений, включая пищу, женщин и сон.

Некоторые говорили, что был Мелеагр не очень большой, но многих превосходил в быстроте владения оружием, а копьем превосходил всех в Элладе, гордящейся своими копьеборцами. Выше его головой меж эллинов были и другие, но никто не видал такого красивого мужа, на скипетроносца, питомца Зевеса, гордой осанкой похожего. У него были большие, лучистые и чистые глаза, говорящие о чувствительной душе, умеющей сильно любить. Плотные сжатые губы и почти всегда стиснутые зубы говорили о его настойчивости, целеустремленности и решимости.

Аполлоний Родосский поет, что из Калидона уйдя, не замедлил прибыть в Иолк сын калидонского царя Ойнея, храбрый герой Мелеагр, которому во младенчестве Мойра Лахесис отмерила срок жизни как кедровому полену. Сам же был Мелеагр таков, что никто из откликнувшихся на клич Ясона героев не превзошел бы его в силе и доблести, не считая,

конечно, Геракла, если бы год лишь один тот пробыл среди этолийцев. Как считали сами его товарищи по плаванию на корабле Арго за золотым руном, по силе Мелеагр уступил бы немного Гераклу, но метал он копье и дрался мечом, благодаря не силе, а своей быстроте, еще лучше Амфитрионида.

Ясон узнал о том, что надменный царь колхов Ээт приказывает ему на двух быках медноногих, изо рта выдыхающих жаркое пламя, вспахать твердую ниву Ареса, взрезая стремительным плугом и потом засеять ее крепкими зубами ужасного змея, из которых вырастут мужи в военных доспехах и с ними нужно биться. Когда вождь аргонавтов, охваченный страхом, об этом товарищам рассказал, Мелеагр долго думал, а потом, когда все разошлись сказал ему голосом твердым:

– Друг Эсонид! Неужели Ээт тебя так подавляет, что страх этим приказом своим в тебе вызывает? Страх возникнуть может у каждого, но остается в душе он и пугает только трусливых. Если хочешь я пойду к тем быкам вместо тебя, и Ээт узнает копье мое мощное! Им я в сраженьях славу себе добываю. Мне даже не требуется, чтобы Зевес Громовержец осенял мне копье губительной своей дланью. Если ж Необходимость на подвиг именно тебя идти принуждает, то труд твой не будет напрасным, коль Мелеагр пойдет за тобою, нам не противник Ээт! Таким меня борцом мать и отец воспитали!

Однако, несмотря на свою силу и храбрость Мелеагру не суждено было Роком отличиться в плавании аргонавтов в

Колхиду за золотым руном. Свою силу он сумел доказать на погребальных играх по Пелию, устроенных Пелидом Акастом.

Урна с прахом Пелия была опущена в могилу, прикрыта тяжелым камнем, и над всем этим был насыпан высокий курган, на котором воздвигнута была колонна. Древние греки считали, что душа покойника, не преданного земле, обречена на бесконечные блуждания по берегу Стикса и нигде не сможет успокоиться. Поэтому эллины считали своей священной обязанностью хоронить мертвых, в крайнем случае, можно было бросить на покойника хотя бы горсть земли или песка, как это сделала печально знаменитая Эдипова дочь Антигона, похоронив брата Полиника. Лишь самых закоренелых преступников и предателей родины порой оставляли непогребенными, как сделал фиванский правитель Креонт по отношению к сыну Эдипа Полинику. Погребение Пелия закончилось пышным пиршеством и вошедшими в историю погребальными играми.

220. Мелеагр побеждает в копьеборстве на играх по Пелию

Как рассказывает Гигин, Акаст устроил погребальные игры по Пелию. Это были двенадцатые общеэллинские игры. На этих играх Зет, сын Борея, победил в длинном беге, Калаид, его же сын, в двойном беге. Кастор, сын Тиндарея стал победителем в простом беге, его любимый брат Полидевк, сын Зевса, лучше всех показал себя в кулачном бою. Теламон, сын Эака, победил в метании диска, Пелей, его же сын, в борьбе, Геракл в панкратии, Кикн, сын Ареса, убил в бою с оружием Пила, сына Диодота. Беллерофонт, сын Посейдона победил в скачке на коне, а в беге на колесницах Иолай, сын Ификла, победил Главка, сына Сизифа, которого разорвали свирепые кони. В стрельбе из лука победил Эврит, сын Гермеса, в стрельбе из пращи Кефал, сын Деиона. Олимп, ученик Марсия был признан лучшим в игре на флейтах, Орфей, сын Эагра и Аполлона, в игре на кифаре, Лин, сын Аполлона, в пении, Эвмолп, сын Посейдона, в пении под флейты Олимпа...

Как видно из перечисленного, даже ни на одних из четырех общеэллинских играх (Олимпиады, Истмиады, Немеады и Пифиады) не было такого разнообразия состязаний и столь прославленных героев. Поэтому тем более почетной и доблестной была победа Мелеагра, сын Ойнея, в метании ко-

пья. Акаст вынес копье для состязаний и сделанный мастерами Иолка серебряный с позолотой двуручный кубок ценной в трех взрослых быков, инкрустированный драгоценными камнями, и положил на арену. И вышли на плотно утрамбованную большую площадку знаменитые метатели копий. первым бросил копье племянник Геракла Иолай, вслед за ним появился Кастора божественный брат Полидевк с мощной десницей и много дальше Иолая метнул копье. Прославленный копьеборец герой Теламон, благочестивого сын Эака, уже победивший в метании диска, рассчитывал победить и в метанье копья. Пока выходили и копья метали другие копьеборцы Ясон, Пелей, Иолай и Эврибот, пожелавшие тоже состязаться в метанье копья, Акаст Теламону так молвил:

– Богоподобный герой Эакид, мы знаем, насколько ты всех превосходишь мощью, и точностью в копьеметанье. Драгоценную эту награду, учрежденную мной для победителя – копьеборца выиграешь, конечно, ты.

И действительно, Теламон метнул копье дальше всех, не исключая и божественного Полидевка. Но с Акастом не согласился последний оставшийся копьеборец Мелеагр и Акасту, чуть приоткрыв плотно сжатые губы, сурово молвил:

– Ох, как разжег ты меня этими своими словами, что Теламон нас всех превосходит в метанье копья!

Так Мелеагр сказал и, плаща не снимая, схватил быстро такое же копье, которым до него состязались другие и, широко назад размахнувшись, его запустил мускулистой рукою.

Из руки этой вылетев мощно, копье с протяжным победным свистом далеко за другими упало.

– Даже слепой отличил бы на ощупь место падения моего копья! Все видят, что воткнулось оно гораздо дальше их всех остальных.

Так Мелеагр доказал всем, что в метании копий из всех принявших участие в состязании он самый первый. Акаст вручил победителям всем венки, многим – треножники, котлы и чаши, а Мелеагру – драгоценный кубок двуручный с такими словами:

– Да, Ойнеид, ты победитель! Дальше копьем ты можешь достичь, чем иные стрелюю.

Стесихор в поэме «Охотники на вепря» поет о Мелеагре, который копьем победил бойцов и за бурный их изгнал Анавр из богатого гроздьями Иолка.

Больше всего Мелеагр любил охоту, хотя в последние годы элевсинский царевич Триптолем, воспитанник и любимец благой богини Деметры по ее воле многих научил, и в том числе калидонцев, хлебопашеству, а Дионис – виноградарству и виноделию, и люди только зимой продолжали заниматься делами вечно юной богини охоты Артемиды, никогда не знавшей брачного ложа.

221. Роковая ошибка Ойнея на жертвоприношении [138]

В тот год урожай на калидонских полях был особенно обильным, и царь Ойней, совсем забросивший охоту, от имени страны приносил урожайного года первинки всем вышним. Пока он молился, слуги ячменем и солью осыпали жертвы, шеи высоко им подняли, закололи, тела освежили, бедра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли вдвое кругом и на них положили останки сырые. Жрец жертвы стал жечь на сухих дровах, багряным вином обильно их окропляя. Юноши, бедра сожгли и, вкусив утроб от закланных, всё остальное на мелкие раздробили куски и жарили осторожно. Целый день жертвенный дым вверх возносился, распространя повсюду праздничное благоухание, люди наполняли вином доверху чаши и кубки и ублажали танцами и пением богов.

Бессмертные, принимая пышные жертвы, на блистательных высях Олимпа веселились блаженно, всем радуясь сердцем. Больше всех веселилась благая богиня Деметра, научившая смертных выращивать зерна пшеницы, а также Дионис, подаривший людям лозу и показавший как из винограда делать вино и, конечно, Афина, подарившая серебристую людям оливу, масло из плодов которой называлось жидким золотом.

Казалось, что все олимпийцы были довольны. И вдруг выяснилось, что без ароматных курений остались алтари стрелолюбивой дочери великого Зевса и кроткой, скромной богини Лето. Никто не вырезал ни у одной из жертв долю Артемиде, и воздух не наполнил запахом горевшего жира или мяса. Юноши, медосладким багряным вином наполнив доверху кубки и чаши, всех не обносили для свершения возлияний. Никто в ее честь песен прекрасных не распевал, не ублажал ее хороводами, не славил ее, Стреловержицу.

Калидонцы же говорят, что царь их Ойней обошел Артемиду потому, что охотой в его государстве занимались все меньше и меньше, и он не захотел зря тратить время и тучных животных, не знавших ярма. На подаренной Триптолему благой богиней волшебной колеснице с плугом, запряженной двумя крылатыми быками, «Трижды пашущий», объехал весь обитаемый мир, вспахивая новые земли и засевая борозды пшеничными зернами Деметры. Радовались люди новой сытной пище, которая позволяла им делать запасы на зиму и не зависеть от рискованного занятия охотой.

– С тех пор как Триптолем, питомец Деметры научил нас хлебопашеству, нам нет нужды заниматься требующим удачи Артемиды делом кровавым.

Так высокомерно по отношению к Агротере заявил калидонский царь своим гражданам, собравшимся на агоре.

Некоторые говорят, что в случившемся виновата зеленоглазая богиня случая Тюхе, и царь просто случайно забыл о

вечно юной богине охоты и дикой природы. Но, если это и так, то почему забывчивому владыке народа не напомнили о его священной обязанности жрецы Артемиды?

Свойственен гнев и богам. Особенно страшной в гневе бывала Стреловержица, не знавшая пощады к виновным, смерти причастным.

– Безнаказанность мы не никогда допустим! Пусть нет нам среди некоторых смертных почтения, но никто не посмеет сказать, что нет среди них нам отмщенья!

Так грозно изрекла Медвежья богиня, презрительно опустив уголки нежных девичьих губ, и выпустила на калидонские поля и нивы огромного вепря, верного слугу своего и оскорбления свирепого мстителя. Этот ужасный кабан был рожден Кроммионской свиньей Феей, убитой сыном Посейдона и трезенской царевны Эфры прославленным афинским героем Тесеем.

222. Вепрь – мститель медвежьей богини [138]

Вепрь, прозванный Калидонским, был огромен. Даже быков столь могучих и крупных в Эпире не было луговом, не увидеть таких было и в полях сицилийских. Кровью его всегда налиты были глаза и пламенем ярким свирепо сверкали; клинообразная голова переходит в шею крутую; часто щетина торчит, наконечникам медных копий подобно, – целой оградой стоит, как высокие дроты, щетина. Хрюкает хрипло кабан, а загнутых два клыка – бивням подобны индийским, молния такая пышет из уст, что сухая листва и трава от дыханья чудовища мгновенно сгорает. Вездесущие Мойры сумели заставить из пасти вепря бежать белую пену обильную и горящую траву заливать, чтобы не возникали часто лесные пожары.

Страшный вепрь калидонцам огромный вред наносил, постоянно он делал набеги на нивы, пастбища и сады.

Сначала он целые купы высоких деревьев опрокидывал одни на другие, выворачивая их вместе с корнями, чтоб насладиться плодами. Затем необычный кабан этот принялся резко обширные посева вытаптывать, чем губил хлеба на корню, золотые Деметрины нивы. Дионисовы выворачивал с корнями он виноградные лозы и не давал оливам, посаженным Афиной вырасти и плодоносить.

Так же мститель Артемиды настоящие буйства в стадах учинял. В первую же неделю, появившись в Калидоне, вебрь задрал нескольких собак и убил пастухов, а остальных разогнал по окрестностям. Даже много лютых вожаков бычьего стада, вместе собравшись, не могли от этого кабана свои стада защитить. Завидев ужасного вепря, с налитыми кровью глазами, селяне, с криками убегали со своих нив, чувствуя себя в безопасности только за крепкой стеной городской, куда Калидонский кабан, руководимый Медвежьей богиней, пока не совался.

Отдельные охотники – смельчаки пытались убить ужасного вепря, но только сами лишились доблестных жизней – слишком сильным клыкастое было чудовище. И тогда народ взмолился, чтобы Ойней, как царь, снарядил большую охоту и освободил, наконец, страну от ужасного вепря. И калидонский царь не остался глух к народным мольбам, он стал приглашать героев Эллады на пышные пиры, где обращался к ним с призывом принять участие в охоте на страшного вепря.

Ойней и до появления вепря был широко известен своим гостеприимством: Диомед могучеголосый в «Илиаде» рассказывает, что некогда дед его Ойней безупречного Беллеронфа целых двадцать удерживал дней у себя, угощая в царских чертогах. При расставании они оба друг другу превосходные дали гостинцы. Дед его Ойней подарил Беллеронфу блестящий пурпуром пояс, тот же преподнес золотой

ему кубок двуручный.

Согласно Аполлодору, Ойней принял кормилицу с младенцами Агамемноном и Менелаем, первый станет Микенским царем и предводителем войска ахейского в Троянской войне, а второй – спартанским царем и мужем Елены Прекрасной, из-за которой запылала эта война, охватившая полмира.

Павсаний рассказывает, что, когда Ойней пировал с Гераклом, герой нечаянно убил его виночерпия Киафа, но и это не испортило их дружбы.

Поэтому весь избранный цвет молодежи Эллады вскоре собрался по зову Ойнея, как когда-то в чаянье славы герои отправились в поход за руном золотым по зову русокудрого Ясона с честными голубыми глазами. Царевич Мелеагр встал во главе отборных юношей Греции для похода против Калидонского вепря.

223. Участники похода против Калидонского вепря [138]

После того, как калидонский царь оповестил всех, что тот, кто убьет вепря, получит в качестве трофея его голову и шкуру, прежде всех пришли Диоскуры: сын Зевса и спартанской царицы Леды Полидевк, искусный в кулачных боях и брат его любимый Кастор Тиндарид, известный в Элладе, как превосходный наездник, а также как несравненный бегун.

Прибыл в числе первых Ясон Эсонид, бывший вождь аргонавтов, который в Коринфе с женой молодой колхидянской Медеей пока счастливо жил, еще не задумав на влюбленной в него юной царевне Главке жениться.

Могучий царь фессалийских лапифов Пирифой недавно угнал из Марафона коров героя Тесея, сына афинского царя и чернокудрого Посейдона, сочетавшегося любовью с трезенской царевной Эфрой в ту же ночь, что и Эгей. Когда Тесей стал дерзкого лапифа неотступно преследовать, они встретились и были так поражены красотой и отвагой друг друга, что не только помирились, но стали больше, чем друзьями. Тесей и Пирифой, как братья родные, пришли в Калидон, хотя образцом братской любви для греков были все же Полидевк и Кастор, которые любили друг друга больше, чем родные братья, и называли их Отроками Зевса, хотя давно они были мужами.

Вскоре явились еще двое братьев, сынов Афарея и Посейдона – Идас вызывающе смелый и зоркий Линкей. Дерзкий Идас, похитивший плевронскую царевну Марпессу, которой пожелал обладать Аполлон, не раздумывая, вступил с богом в неравный бой и направил свою стрелу в Феба бессмертное сердце. Зевс, желая быть справедливым, молнией жгучей развел милого сына и племянника смертного, предоставив Марпессе самой сделать выбор свободный, и она предпочла Ида из опасения, что бог вечно прекрасный и юный оставит ее, когда она, состарившись, станет больной и некрасивой. Чудесным плодом любви Идаса к Марпессе стала их милая дочь Клеопатра, на которой совсем недавно женился сын Ойнея и Алфеи могучий Мелеагр, богу подобный.

Явился Кеней, прежде бывший девой Кенидой, по желанию которой Посейдон превратил свою возлюбленную в неуязвимого для оружия воина.

Пришел и Аркад, сын несчастной спутницы Стреловержицы нимфы Каллисто от Зевса, сначала превращенной за нарушение обета целомудрия в медведицу, а потом и убитой суровой Артемидой, никому ничего не прощавшей. Дед Аркада нечестивец Ликаон зарезал маленького внука и угостил блюдом, приготовленным из него, явившихся попировать бессмертных богов, но Зевс воскресил мальчика и сделал царем счастливой Аркадии.

Не замедлил явиться прославленный дротом Акаст, унаследовавший Пелия трон в славном хорородами городе Иол-

ке. В память об отце он устроил роскошные похоронные празднества с играми.

Пришел также Пелей Эакид, женившийся на морской богине Фетиде и ставший недавно отцом маленького Ахилла, которому Мойра Лахесис выпряла стать самым могучим героем-воином во всей Ойкумене. С Пелеем пришел его брат Теламон, большой друг величайшего из героев – истребителей чудовищ Геракла. Пелей с Теламоном убили из зависти своего сводного брата Фока и были вынуждены бежать. Пелей во Фтии был радушно принят её царём Эвритионом, который очистил его от убийства и отдал ему в жены свою дочь Антигону и треть своего царства. Бедный Эвритион, доблести полный! Если бы знал, что случится, он не пришел бы вместе с зятем охотиться на страшного Калидонского вепря.

Пришел из Пилоса еще молодой Нестор, сын Нелея от бледной Хлориды, единственной оставшейся в живых из детей спесивой фиванской царицы Ниобы. Аполлон вернул Нестору все годы, отнятые им и его стрелолюбивой сестрой у 13 Ниобидов, и Нелеид проживет целых три человеческих века. По воле Мойр непреложных Геракл пощадил Нестора и не убил его вместе с братьями и отцом, который не очистил его от скверны убийства Ифита. Герою – воину Нестору непреложной Мойрой Лахесис было предназначено стать одним из самых важных участников всемирной Троянской войны.

Когда героев уже много набралось пришел нравом жесто-

кий Левкипп, и сын владыки долопов Аминктора Феникс, ослепленный отцом за то, что возлег с отцовской наложницей Клитией.

Пришел паррасиец Анкей с Пенелопиным свекром Лаэртом, которому Антиклея родила самого хитроумного героя Троянской войны Одиссея, ставшего после ее окончания по воле Колебателя земли Посейдона на целых 20 лет бездомным скитальцем.

На говорящем коне примчался сын Ификла и Автомедусы Иолай, возничий, сподвижник и возлюбленный племянник Геракла.

Прибежал Эхион, бегун необорный и Авгия сын справедливый Филей, который выступил на суде в защиту Геракла, когда тот потребовал обещанную награду в десятую часть от приплода всех отцовских животных за чистку от навоза авгиевых конюшен.

Одним из последних из Эхалии пришел Мопс, Ампикид, которого сам Аполлон научил предсказанью, а также искусству кулачного боя.

Эвиалан с Пелагоном и Энизим, сын Гиппокоонта лучше бы воздержались от роковой для них этой охоты, которая приведет их прямо в дом гостеприимный Аида, но и они, не ведая своей Доли, веселые, жизнерадостные во дворец Ойнея явились.

Конечно, пришли и два Фестиада, дяди Мелеара Ификл и Плексипп. Ификл участвовал в походе аргонавтов за золо-

тым руном и в состязаниях по случаю смерти Пелия. Дяди Мелеагра были не довольны тем, что Ойней назначил старшим на охоте своего сына Мелеагра, а не их – более старших и опытных, однако, хоть и роптали они, но подчинились царю.

224. Аталанта Аркадская [246]

Последней явилась Аталанта тегеянка-дева, роц ликейских краса.

Многие путают двух Аталант: аркадскую охотницу и беотийскую бегунью, ставшую женой Гиппомена.

Некоторые говорят, что это две разных девы, но другие, подобно Аполлодору, рассказывают, что Аталанта – охотница после Калидонской охоты отыскала своих родителей и, так как отец стал убеждать ее выйти замуж против воли, выбрала участок, пригодный для бега и стала соревноваться с женихами. Проигравший должен был поплатиться жизнью, а победивший, получал право жениться на ней. С помощью золотых яблок Афродиты Меланион (или Гиппомен) победил Аталанту-бегунью и женился на ней, но прожили они не долго поскольку не отблагодарили за помощь злопамятную Киприду. Коварная Пафийка легко возбудила в молодоженах неистовое желание, и они, не в силах терпеть могучий зов плоти, забежали в храм Великой матери богов Реи – Кибелы, владычицы гор, лесов и диких зверей, и там у алтаря бурно насладились любовью. За это осквернение святыни они были превращены Башненосицей во львов и стали таскать золотую ее колесницу в окружении свиты из безумствующих Корибантов, шумно гудящих в рога и громко стучащих в тимпаны.

Матерью аркадской Аталанты была беотийская царевна Климена, а отцом орхоменский царь Схеней (или Иас). Когда девочка родилась, отец, мечтавший о рождении наследника, велел ее отнести в горы и бросить там потому, что ему нужен был только мальчик, а не девочка. Тот, кому это было поручено, положил ребенка у ручья на горе Парфенион. Вскоре туда пришла недавно родившая медведица, детенышей которой поймали охотники. Сосцы ее набухли от молока, и она взяла девочку в свою берлогу и стала кормить ее. Через некоторое время охотники, убив медведицу, нашли в ее логове Аталанту и воспитали ее. Они научили воспитанницу тому, что сами умели – искусной стрельбе из лука и охоте, и та вскоре стала подобной стрелолобивой дочери Лето. Девушкой она избегала мужчин, любила одиночество и поселилась на самой высокой горе, в диком ущелье, где бил ключ, росли высокие дубы в три обхвата и тенистые зеленые ели и сосны. Ложем Аталанте служил сухой мох, покрытый шкурами, убитых ею на охоте пушистых животных, пищей – мясо разных птиц и зверья, питьем – вода из ключа и других чистейших горных источников. Дева выросла очень сильной и быстроногой и без труда могла настигнуть любого зверя, или, наоборот, спастись от стаи свирепых хищников.

Еще отроковицей Аталанта ростом превзошла взрослых женщин, а красотой затмила всех пелопоннесских девушек. Оттого, что в детстве она была вскормлена медвежьим молоком, и от постоянных трудов в лесах и горах Аталанта

выглядела мужественно и сурово. Она была стройной, как Артемида, потому что постоянным занятием ее была охота, тренирующая все тело. Волосы были белокуры, всегда открытое ветру и солнцу лицо загорелое, точно все было залито темным густым румянцем. Однако ее редкостная, какая-то шальная красота не радовала и не умиляла, а пугала. Ее синие, как летнее небо над горами, глаза смотрели всегда независимо и строго, а порой даже дико и жестко, особенно на мужчин, и редко кому хотелось еще раз с ней встретиться взглядом. Впрочем, с ней и встретиться-то возникала возможность очень редко, она появлялась всегда внезапно и неожиданно, когда гналась за зверем или защищалась от чьего-нибудь нападения, и, едва показавшись, тут же, дико сверкнув синими брызгами глаз, молча, скрывалась в непролазных лесных дебрях, или в труднодоступных горных чащах.

Как-то раз ночью жившие неподалеку от Аталанты в такой же пещере кентавры Гилей и Ройк, отчаянные повесы и гуляки, где-то напившись неразведенного вина и обуреваемые лютой похотью, отправились к ее пещере, решив осуществить то, чего давно вождедали. Два кентавра сделали себе венки из молодых сосновых веток и двигались к Аталанте, непрерывно шумя и поджигая факелами на своем пути кусты и деревья, чтобы с такой дерзостью вручить свои брачные дары или, говоря, по-простому – они хотели ее напугать и изнасиловать.

Увидев из своей пещеры подбирающийся огонь и узнав буйствующих от выпитого вина и распирающей похоти поджигателей Гилея и Ройка, дева-охотница не растерялась, не устрашилась их вида и крикнула звонко:

– Мерзкие полукони, жалкие пьяницы! Не напрасно Молва дурную о вас славу всюду распространяет. Прочь убирайтесь во тьму, или я насмерть буду с вами сражаться!

В ответ полулюди – полукони только похотливо заржали и стали еще быстрее к деве стремиться. Тогда Аталанта натянула тетиву приготовленного лука и метко попала первой же стрелой в горло одного из кентавров. Она не стала целиться в его сердце потому, что не знала в какое именно – конское или человеческое сердце надо попасть, чтобы чудовище горное навсегда жизни лишит. Кентавр, словно споткнулся всеми четырьмя ногами, и замертво повалился. Тогда другой кентавр стал ко входу в пещеру Аталанты по тропинке приближаться, уже не как недавний жених, а как ярый враг, желавший отомстить за товарища по табуну и насытить уже не похоть, а гневную месть. Однако и его поразила насмерть стрела с детства искусной в стрельбе из лука Аталанты, войдя прямо в левый висок и, выйдя, с другой стороны, и крошечная тьма навсегда очи кентавра закрыла: с шумом на землю он рухнул кверху копытами.

225. Мелеагр влюбляется в Аталанту

Аталанта Аркадская очень хотела отправиться с аргонавтами в Колхиду за руном, но не по годам мудрый их русокудрый предводитель Ясон не взял ее, опасаясь среди пловцов любовных раздоров. Однако не таков был тоже русоголовый предводитель охотников на Калидонского вепря Мелеагр, он поступил иначе, когда на зов Ойнея откликнулась Аталанта, прискакав на горячем коне в Калидон.

Когда Мелеагр тегейскую деву в первый раз увидал, то сразу был сражен бесподобной ее красотой. Аркадская охотница была на редкость красива. Сверху удобная для бега короткая, как у Артемиды до колен, одежда ее скреплялась косяной пряжкой, пышные темно русые волосы были завязаны в узел и сзади свисали, как хвост у кобылы. За плечами висел тугой лук и позванивал из кости слоновой стрел верный хранитель – колчан. Девушка с нежною кожей была в первом цвету. Она была бы на отроковицу похожа, если бы сама Афродита прелестью невыразимой лицо не осенила ее. Но станом Аталанта не отроковицей была потому, что Артемиды придавала особое изящество и дикую грацию, как у горной козы, стройной ее еще девичьей фигуре, но уже начавшей в женских местах округляться.

Только Аталанту увидел Мелеагр, герой Калидонский, как его большие, лучистые темные глаза заискрились, а всегда

плотно сжатые губы сами собой в белозубой улыбке раскрылись. Юноша, не удержавшись, сейчас же воскликнул:

– О, счастлив будет тот, кого ты удостоишь мужем назвать.

– Счастлива Эллада, у которой есть такие доблестные герои, как ты.

Тут же ответила Аталанта, дерзко сверкнув синими, как небо, строгими своими глазами, в которых лишь на краткий миг мелькнул живой интерес, когда она на Мелеагра мимолетно взглянула. Редко кому захотелось бы еще раз с этой охотницей встретиться взглядом, но Мелеагру захотелось. Однако отсутствие времени и стыд (ведь он совсем недавно на Клеопатре женился) не позволили ничего больше сказать Мелеагру: ему битва с вепрем ужасным предстояла великая, – важнейшее дело не только для одних калидонцев.

226. Ойней устраивает пиры для охотников

Когда много храбрейших героев, пожелавших принять участие в Калидонской охоте, собралось, царь Ойней стал угощать их, пышные устраивая пиры, которые длилось подряд девять дней. Ради явившихся со всех уголков Эллады героев каждый день 12 быков – трехлеток царь Калидона в жертву резал владыке сияющих высей Олимпа, сверхмощному Зевсу-Крониду. Быков круторогих забивали сами герои, они же с них толстую кожу сдирали и туши на крупные куски разрубали. Разрезали мясо на мелкие части, на вертела на низывали и жарили их на слабом Гефесте проворные юноши, слуги Ойнея. Когда вкусное мясо бывало готово, звали героев, чтобы они, совершив возлиянье бессмертным богам смешанным с водой искрометным вином, приступили к богатым пирам. Слуги разные виды хлеба и фрукты раскладывали по столам, много всегда прибавляя кушаний разных, которые Ойней охотно разрешал брать и приготавливать из запасов.

Весело в обширный зал для пиров входили герои, собравшиеся для большой охоты, и рассаживались на скамейках и креслах, лишь Ойней на апоклинтре своем возлежал. Вестники к героям подходили, и они перед едой себе руки мыли. Отроки вливали вино в кратеры до самого края и разливали по кубкам и чашам. Руки к пище готовой герои протягива-

ли и пиры начинались. Кравчие черпали щедро вино и чаши носили, а гером пили и шумно меж собою болтали, в основном о предстоящей охоте. Юность всегда ведет себя так, когда на пирах искрометное выпивает вино. Радостно все веселились, а после того, как желанье питья и еды все утоляли, обычным желаньем зажигались сердца героев, собравшихся для охоты: им желалось песен и плясок – этих самых прекрасных усад всякого пира. И не было ни в один из этих 9 дней на этих чудесных пирах обделенных, если не считать Аталанту, которой, как женщине, обычай не позволял принимать участие в мужских пирах. Когда влюбленный Мелеагр, несмотря на обычай и возражения со стороны других героев, предложил аркадской охотнице по его приглашению пировать вместе с мужчинами, она сама предусмотрительно отказалась, сказав, что шумные не любит пиры.

На десятый день сын Ликурга и Клеофилы аркадец Анкей и некоторые другие героини-охотники, узнав, что вместе с ними в охоте примет участие дева, стали глухо роптать. Ификл же с братом Плексиппом, трясая от возмущения большими черными бородами, перебивая друг друга стали орать громогласно:

– Что такое наш племянник придумал?! Непристойно нам выходить на охоту вместе с женщиной, притом такой юной. Она будет только под ногами мешаться и попадет под стрелу или копьё, предназначенное для вепря. Хуже всего, что из-за нее меж охотниками могут случиться раздоры...

Мелеагр смог на время подавить пламя, загоревшееся в груди с первого момента, когда он впервые увидел Аталанту. Однако он не смог и не захотел, как Ясон, даже не пустивший деву на борт высокий Арго, запретить ей участвовать в охоте на Калидонского вепря. Мелеагр, женатый на красавице Клеопатре, дочери Идаса и Марпессы, уже в тайне от всех хотел иметь детей также от Аталанты, и потому, чтобы ей угодить, он принудил их выйти на охоту вместе с ней такими словами:

– Когда маленькая Артемида, сидя на отчих коленях, попросила у Зевса стрелы, лук и хитон, до колена лишь достигающий, дабы нагнать ей любого зверя лесного, Громовержец дал ей все, что она пожелала! По его приказу Киклопы ей лук снарядили и дали стрелы в придачу к нему, чтоб добывала она стрелою вепря или зверя иного. Как же вы смее-те оспаривать решение самого Олимпийца о том, что и де-вы могут охотиться наравне с мужчинами?! Впрочем, если неко-торым охотникам не пристойно выходить на охоту вместе с женщиной, то они могут остаться дома, и без них в поход на вепря пойдет вместе с Аталантой героев не мало.

Зятя, на удивление всем, поддержал дерзкий Идас, быв-ший Мелеагру тестем:

– Помнится, что в свои совсем юные годы, и я никогда не любил плыть по течению, как все. Когда хитроумный Ясон захотел спрятаться за женской спиной Медеи, я ему говорил, что это для доблести мужа позорно. Дяди Мелеагра, наобо-

рот, не хотят Аталанту брать на охоту, и я говорю им и другим, что позорно для доблестного мужа бояться, что дева его в чем-нибудь победит! Настоящие герои – охотники должны не запрещать деве вместе с ними охотиться, а не позволить ей их ни в чем обойти.

И все охотники, включая дядей Мелеагра Ификла и Плексиппа, вынужденно согласились с постаревшим, но по – прежнему вызывающе смелым Афарейдом, некогда вступившим в бой за Марпессу с самим Аполлоном.

227. Происшествие с Аталантой

По предложению Мелеагра, охотники вышли рано утром, когда светлое солнце еще не взошло, оно только-только покинуло остров Ээю, где окрасившая сумрак румянцем рано родившаяся розоперстая Эос имела крепкий бревенчатый дом и большую площадку для песен и танцев.

Герои пошли в направлении никем никогда не рубленно-го девственного леса, который расстилался на склоне крутой горы, где по рассказам двух местных пастухов, находилось основное логово Калидонского зверя. Достигнув леса одни охотники стали крепкие тенета расставлять, другие, отвязав своры собак, принялись вепря высматривать свежий след.

Аталанте Мелеагр указал место побезопаснее, на правом краю, на некотором расстоянии позади от остальных охотников, и дева, словно умеющий с детства подчиняться спартанец, поморщилась, но безропотно его заняла.

В это время к ораве охотников решили присоединиться два никому незнакомых калидонских пастуха, у которых узнавали, где логово вепря. Одному юность лишь первым пушком покрыла подбородок и щеки, другой же, наоборот, был уже с длинной седой бородой, но обоих объединило одинаковое желание. Они, подобно похотливым кентаврам Гилею и Реку, прельстились красой юной охотницы и решили, сделав вид, что желают тоже поохотиться на страшного веп-

ря, на самом же деле задумали насладиться любовными ласками с Аталантой.

– Эта чужестранная дева явилась на охоту одна, но ведь она рождена не для того, чтоб за ведем гоняться, а для любви, которой нет ничего ни прекрасней, ни лучше. Я буду первый, а ты второй.

Сказал, подмигивая, старый пастух молодому и тот сразу с ним согласился. Старик, неслышно ступая по мягкому мху, сзади подкрался близко к деве и, ни слова не говоря, схватил ее сзади в объятия и попытался в шею иль щеку поцеловать. Молодой пастух невдалеке в это время прилег и в предвкушении своей очереди в любовных утехах стал с Афродитой сражаться рукой.

Дева-охотница не растерялась, согнув локоть, она сильно ударила им назад и попала в дряблый живот пастуху, и тот от неожиданной боли выпустил ее из рук и обиженно заголосил. Аталанта бросилась бежать, на ходу готовя пернатую стрелу с медным наконечником острым. Когда она обернулась со стрелой, уже положенной на тетиву лука, то увидела догоняющего ее молодого пастуха с пылающими от похоти глазами. Юность безумная, особенно в любви, большое зло привлекает на многих. Пастух раскрыл для объятия руки, но вместо девичьего тела ему досталась стрела Аталанты, которая вошла ему в грудь там, где сердце. Юный пастух перед смертью успел только звонко вскрикнуть от боли, которую невозможно терпеть и повалился, все терпящую землю зубами ку-

сая. Молодое тело покинув, его бессмертная душа отлетела к Аиду, горько сетуя о несчастной доле своей, о прерванной в юности жизни. В это время их догнал старый пастух, но и его ожидала та же незавидная участь, и он пал, пронзенный под бровь во впадину глаза, жадной до добычи стрелой. Умирая, старик напоследок взревел, как бык, которого тащат в жертву вокруг алтаря Колебателя земли Посейдона.

Услышавший предсмертные крики калидонских пастухов Мелеагр, примчался как бурный северный ветер, потрясая своим длиннотенным копьем, и увидел охотницу-деву с луком в руках и у ее ног уже мертвых двух пастухов, которых накрыло багровое облако смерти. Мелеагр спрыгнул с коня и поспешил к Аталанте, застывшей, как изваяние. Тут прискакали вместе и дяди царевича и Ификл ехидно ему так сказал:

– А ведь совсем недавно предупреждали мы с братом тебя непослушный племянник, что нельзя эту деву брать на охоту. Что тут случилось – нам ясно. Еще до встречи с вепрем уже два человека смертью позорной погибли. Эта чужестранка огромный выкуп заплатит семьям этих пастухов, как видно, ею убитых.

– Да, не малым будет искупительный дар за каждого из двух умерщвленных мужей, тем более что она чужестранка. Злорадно добавил Плексипп, бородатый теребя подбородок, как будто большой выкуп заплатят ему самому.

Мелеагр, увидев в груди несчастных пастухов оперение стрел Аталанты, тоже понял, что здесь случилось и сквозь

зубы злобно сказал, обращаясь к своим дядям и к нескольким другим подъехавшим героям:

– Знаю я этих двух негодяев! В прошлом году они избили и изнасиловали деву, живущую вдвоем с бабкой и некому было за нее заступиться. Смерть справедливо их поразила, ее не избегли они, хоть вдвоем сражались с девицей!

Лучистые темные глаза Мелеагра сузились, и он с нескрываемой угрозой добавил:

– И никакого выкупа Аталанта платить не будет, а если кто не доволен моим решением, пусть мстит мне! Выступить перед старцами, что в круге священном сидят, разместившись на гладко обтесанных камнях я готов, но только после охоты, а сейчас меня интересует единственно вепрь Калидонский!

Все охотники и даже Ификл и Плексипп тотчас с царевичем согласились и разъехались по своим местам. Мелеагр же решил больше не выпускать из виду прекрасную охотницу.

228. Незримое участие в Калидонской охоте Артемиды [138]

Как поет Овидий, выгнанный сворами злобных собак из непроходимых зарослей вепрь, разъяренный, мчится, подобно огню, что из туч громовых упадет, прямо в середину героев. Валит он в неудержимом беге своем все кусты на пути и даже деревья, лес трещит и ветер стонет от могучего такого врага. Мчится зверь напролом, разгоняя людей, а разбрасываемая собак, – какую ни встретит, сильными ударами клыкастого рыла их вмиг по всем сторонам, как горох, на утрамбованном полу рассыпает.

Аргоубийцы сын и Антианиры Эхион, как отец на ноги быстрый, в кабана дрот свой направил, но удар даром пропал, поранив лишь ствол кленовый.

Та же участь русокудрого постигла Ясона: в цель бы, верно, попал Эсонид, и копьё его в щетинистом хребте у вепря застряло бы, если б удар был точнее.

Тогда быстро промолвил Мопс Ампикид, воззвав к лучезарному Аполлону, научившего его прорицаньям:

– О чтившийся мною всегда и чтимый сейчас Феб светозарный! Пошли мне, что, как милость, прошу, – настичь этого вепря верным ударом!

Бог светоносный услышал и снизошел, сколько мог, до Мопса молений. Был точно оружием тронут, но даже не по-

ранен был вепрь, – наконечник железный Артемида, незримая никому, быстро веткой крепкой сбила у древка, и зверь был напрасно настигнут древком тупым.

Богиня охоты, узнав, что много знаменитых героев собралось в поход против ее мстителя верного, примчалась ему помогать. Стреловержица уже свой серебряный лук напрягла, чтобы начать карать нечестивых смертных, но ее успел остановить Феб, примчавшийся в Калидон на своей колеснице, запряженной белыми лебедями с Пактола.

Мойра Лахесис внушила богу-прорицателю не дать сестре самой убивать людей на Калидонской охоте. Многим из героев, принявшим участие в охоте на Калидонского вепря, вещая Ткачиха предназначила совсем другую Участь, чем смерть от губительной стрелы Артемиды. Аполлон уже много лет, как перестал быть безжалостным карателем виновных, чего нельзя было сказать о его любимой сестре, которая хоть и старалась во всем походить на почитаемого ею брата, но всегда от него отставала.

– Во всем надо знать меру, сестра, ибо чрезмерность превращает в противоположность любое благо! Твой мститель забывчивому Ойнею, справедливый вначале, когда он нивы губил, давно стал просто кровавым убийцей, и, чтобы ты ни делала, ему суждено на этой охоте погибнуть. Это я тебе не как брат, а как бог прорицатель вещаю.

Так сказал брат сестре, но упрямая дева не желала гибели кабана, которого, только, что рожденного, она сама выкор-

мила после того, как Тесе́й убил его мать, Кроммионскую свинью Фею. Аполлон, непреклонное видя упорство в глазах любимой сестры, напомнил о ее роковом выстреле в далекую точку, качавшуюся на волнах, которая оказалась красавцем – охотником Орионом – единственным герое, к которому она была не равнодушна, как к мужчине:

– Вспомни милая, как ты потом сожалела о своем торопливом, но, как всегда, губительном выстреле в далекую точку, оказавшуюся головой Ориона.

Уголки тонко очерченных губ Артемиды горестно искривились и опустились вниз, когда она вспомнила об убийстве Ориона.

– Только потому, что ты просишь, обещаю, что сама сегодня никого не убью.

Не довольна сказала Стреловержица, раздумывая, как бы охотников и стрелой наказать, и брата не обмануть. Проницательный Аполлон, находясь под внушением Мойры Лахесис, протянул руку к ее луку и легонько потянул его к себе. Богиня охоты сняла лук и колчан со стрелами и нехотя протянула брату потому, что поняла, что иначе он не уйдет. Аполлон с двумя луками и колчанами пошел к своей колеснице и через несколько мгновений под лебединую песню взмыл в небесную синеву. Сестра же осталась, чтобы незримо помочь своему мстителю сохранить жизнь во время охоты на него лучших юношей Эллады.

229. Калидонская охота [138]

В это время еще пуще взбесился свирепый кабан; яркий вет сверкает из глаз, из пасти клыкастой со свистом вырывается раскаленный воздух и белесая пена. Как камень огромный, пущенный натянутой жилой, летит к башням или стенам, так мчался вепрь Калидонской к сборищу охотников юных.

Эвиалан с Пелагоном, что были на правом краю, простерты: друзья их успели подхватить уже лежащих в крови. Также не смог спастись Энизим, сын Гиппокоонта, от смертоносных кабаньих клыков; он по-прежнему бежать порывался, но ослабели уже, под коленом подсеченные, жилы.

Может быть, здесь свою гибель нашел бы и Нестор-пиловец много раньше троянских времен, но успел, на копье оперевшись, подпрыгнуть на дерево, тут же стоявшее, в ветви густые. Вниз на врага он глядел с безопасного места, спасенный не столько деревом, сколько своей ловкостью юной.

В это время кабан, клыки наточив еще больше о дубовые корни, стал всем смертью грозить, своим скрежеща обновленным оружием. Гнутым мощным клыком он задел Эвритида огромного ляжку и опять к нему развернулся, но спугнули его Диоскуры. Братья – близнецы, видные оба собой, потрясая в воздухе дротами, выехали на белых конях и наверняка ранили б зверя, да только щетинистый скрылся в гу-

стой темной дубраве, куда коню даже без всадника не проникнуть.

Следом за вепрем, потрясая копьем, бежал Теламон, но наземь упал он ничком, о корень споткнувшись древесный, который незаметно подложила незримая для смертных богиня охоты. Не могла Артемида безучастно смотреть как охотятся на слугу ее верного.

Пока Эакида поднимал брат Пелей, охотолобивая дева-тегейка на тетиву наложила стрелу оперенную и пустила из гнutoго лука, целясь вепрю в грудь под лопатку, где сердце. И опять Агротера помогла своему питомцу и мстителю, отклонив пернатую в последний момент, и стрела лишь оцарапала зверю кожу около уха.

Сама дева, однако, не так незначительному веселилась успеху, как влюбившийся в нее Мелеагр. После того как ее чуть не изнасиловали местные пастухи, калидонский царевич не выпускал надолго из глаз Аталанту, и потому он первый увидел ее выстрел из лука, и первый зверя багрящую кровь показал сотоварищам юным.

– Ты будешь удостоена чести высокой за этот доблестный выстрел из лука!

Радостно крикнул калидонский герой, и покраснели мужи от стыда. Поощряя друг друга криком, они дух себе возбуждали, но только беспорядочно метали оружие, мешая друг другу.

Тут взбешенный Аркад, сын несчастной нимфы Каллисто

от Зевса, на свою же погибель закричал, потрясая острой секирой:

– Эй, молодцы! Теперь предоставьте действовать мне! Знайте, сколь у мужчин оружие сильней, чем у женщин! Пусть сама Артемида его своим защищает оружием, – зверя я правой рукой погублю против Стреловержицы воли!

Велеречивыми так говорит спесивец устами. Молвил дерзкий герой и, руки сцепив, замахнулся двуострой секирой, даже для увеличения силы удара и на цыпочки встал, приподнялся на кончиках пальцев, но вдруг почувствовал боль в правом плече. Когда Зевс воскресил сына, убитого дедом Ликаоном, Деметра успела съесть плечо Аркада, и потому ему было сделано новое плечо из слоновой кости, которое было красиво, но часто болело. Мгновенного замешательства смельчака было достаточно, чтобы зверь поразил его в смертельно опасное место: он оба клыка направил Аркаду в подбрюшье.

На помощь Аркаду, потрясая отважно коротким спарганским мечом, кинулся Анкей, сын Ликурга, но и он ничком повалился, вопреку сраженный, вывалив на землю кишки, набухшие кровью обильно.

Тут прямо пошел на врага лапиф Пирифой, могучий Иксиона потомок, потрясая, как копьем, мощной рогатиной, крепко зажатой в правой руке. Сын же Эфры от Посейдона и от причастного смерти Эгея прославленный афинский герой Тесей сразу заботливо крикнул ему:

– Стань же подальше от вепря, о ты, что дороже мне и меня самого, бессмертной души моей лучшая часть! В отда-
ленье может и самый храбрый стоять. Разве не видишь, что
безумная погубила Анкея отвага.

Молвил Тесей и бросил копье с наконечником меди тя-
желой. Ладно метнул, и могло бы желаемой цели достиг-
нуть, только дубовая ветвь его задержала. Эту ветвь Артеми-
да незримо подставила, оградив от копья Калидонского веп-
ря.

Бросил свой дрот и Иолкский царевич Ясон, прицелив-
шись точно, но отвела его богиня случая Тюхе от зверя. Дрот
Эсонида неповинному псу ко всему равнодушная Тюхе об-
ратила на погибель: попал он в брюхо его и, кишки пронзив,
сам в землю вонзился.

Тут дважды подряд с правой и левой руки Мелеагр ко-
пьями быстро ударил: из двух им брошенных копий первое
медью в землю уткнулось, второе точно в мощном хребте
кабана застревает. Лишь одно из быстро брошенных копий
Мелеагра смогла отвратить от питомца богиня охоты и его
в землю направить, ибо и бог ведь не все может. Свирепый
зверь стал всем раненным телом на месте вертеться, пастью
опять разливал шипящую белую пену и клыками вспахивал
землю как плугом.

Увидав тяжело раненного вепря, товарищи закричали от
радости и бросились к нему, чтобы добить. Артемида опять
растерялась, она не знала уже от кого защищать верного ей

тяжело раненого мстителя и забыла про Мелеагра.

Ойнеид понял, что медлить нельзя, и врагу под лопатку, где мощное сердце гулко стучало, глубоко он вонзает на солнце сверкнувшую пику. Враг, наконец, был повержен, и подбежавшим друзьям осталось лишь пожать победившую руку своими руками. Диву даваясь, все глядели на чудовищный труп, на немалом пространстве простертый. Даже мертвого некоторые боялись тронуть врага, но все же каждый свое копье в кровь зверя макает.

230. Ссора из-за головы вепря [138]

Под радостные крики друзей Ойнид отрезал огромную голову клыкастую вепря и, поправ грозивший некогда погибелью череп, громко сказал, чтобы слышали все:

– По праву ты возьми, нонакрийская дева, эту добычу: с тобою мы славу по чести и, по справедливости, давай вместе разделим.

Тотчас калидонский царевич с просветленным лицом де- ве дарит морду кабанью с торчащими страшно клыками. Видно было, что прирожденной охотнице приятен был этот дар, но, как деве ей, был еще приятней даритель. Аталанту впервые в жизни вдруг стыд охватил непонятный и какой-то страх цепенящий, и скромно она дрожащие опустила ресницы, пушистые и гнутые, как у фиалковенчанной Афродиты.

Зависть почувствовали все, и послышался глухой ропот недовольства в отряде. Лишь честный Идас Афарейд опять пошел против всех и громко сказал:

– Она тоже ранила зверя, и первая ему кровь из уха пустила...

Выбежавшие из толпы Фестиады Афареева сына перебили своими громогласными криками:

– Эй, Ид, перестань! Ты у нас не захватывай чести!

Так Ификл то ли Идасу, то ли Аталанте грозно сказал, а Плексипп, обращаясь к охотникам за поддержкой, добавил:

– Если ему самому не нужен трофей, то он принадлежит нам, как старшим, по праву родства.

Все затихли, почувствовав назревавшую ссору. Но вражде не дала разгореться дева-охотница, встав между братьями Фестиадами и Мелеагром. Ойнеид в первый момент не знал, как быть, и они, усмехаясь нагло, деве язвительно закричали:

– Эй, Аталанта! Смотри, как бы тебя красота твоя не подвела, как бы не стал совсем отдален от тебя победитель, как видно, сильно влюбленный!

Резво эти мужи вдвоем подскочили и дара лишили нонакрийскую деву, выхватив у нее из-под ног череп зверя огромный. Так Фестиады дара Аталанту лишают, Ойнеида же – права даренья. Мелеагр закричал, почувствовав, как неистовый гнев быстро разливается по молодым жилам. Он уже готов был померяться с дядями силой, но его опять остановила красота девы, которая ему тихо, так, чтоб слышал один только он, сказала, чтобы он успокоился, и, что скоро она будет ему женой.

231. Мелеагр убивает двух братьев матери

Между тем слуги стали раскладывать на зеленой траве разные припасы. Яства пред охотниками обильные с чудным вином появились, кравчие черпали щедро вино из мехов и кубки меж всеми носили. Пили охотники много, и шумно вразброд меж собою болтали, вспоминая охоту и павших товарищей. Скоро о погибших от зверя все позабыли и радостно все веселились. В молодости многие ведут себя так, особенно, когда на пирах искрометного вина выпивают излишне.

Мелеагр, лишь слегка утолив жажду и голод, пока другие весело пировали, быстро содрал с кабана шкуру с торчащей жесткой щетиной и деве ее дарит с такими словами:

– Ты по праву заслужила этот трофей, Аталанта...

Тут сильно опьяневший Ификл подскочил и выхватил у племянника шкуру из рук, а Плексипп оттолкнул Мелеагра в одну сторону, а охотницу-деву – в другую. Ойнеид, поняв, что деву опять дара лишают, а его – права даренья, исполнился неукротимого яркого гнева:

– Знайте же вы, о чужой похитители чести, близки ль у настоящих героев дела от угроз!

Никто не успел даже крикнуть, как калидонский царевич, в котором текла неистовая Ареса буйного кровь, с горящи-

ми ненавистью глазами, схватил воткнутое в землю тяжелое копьё и проткнул им грудь своему дяде Ификлу, всегда в рукопашном бою успешному, но только не в этот раз. Сын Фестия, не чаявший гибели скорой, по воле Мойр непреложных тут же расстался с душою и с прядью волос, отсеченной острым мечом вовремя на черных крыльях подлетевшего никому не видимого Танатоса.

Тут все охотники духом упали, утратив надежду, что все обойдется без ссоры кровавой. Не долго был в колебанье Плексипп: одинаково жаждавший в миг тот брата родного отмстить своего и боявшийся участи брата.

– Убийца! Нечестивец! Родного дядю убил!

Заорал Плексипп и быстро схватился за копьё, в метании которого ему здесь мало было равных. Не успел Мелеагр прикрыться щитом, как дядино копьё пролетело мимо, наконецником медным оцарапав ему левое плечо. Никто не помнил, чтобы Плексипп когда-нибудь промахнулся с такого малого расстояния. По воле Мойры Лахесис калидонский царевич был не уязвим ни для какого оружия, даже Зевс всемогущий не сразил бы его своим перуном – жизнь Мелеагра зависела лишь от кедрового полена, спрятанного матерью так, что никто, кроме нее его не найдет.

Диоскуры, Идас и Тесе́й быстро вскочили, чтобы разнять племянника и дядю, но не успели. Резво Мелеагр согретое прежним смертоубийством копьё вновь согрел родственной кровью, ударив дядю почти в упор. Могучий Тесе́й схватил

Мелеагра сзади, а братья Кастор и Полидевк разоружили.

Некоторые говорят, что в этот момент перед охотниками в боевом доспехе явился могучий бог кровавой войны Арес, который был истинным отцом Мелеагра. Он стал громко вопить, что если его сын и виновен, то пусть он предстанет перед справедливым судом. С тех пор, как Ареса убившего сына Посейдона Галлирофия, пытавшегося изнасиловать его дочь Алкипу, оправдал афинский суд в составе 12 олимпийских богов, он стал уважать суды. Увидев, что никто из героев не пытается отомстить Мелеагру, Арес крикнул, что будет лучше всего, если кто-нибудь очистит его сына от скверны убийства родственников по крови. Все с этим согласились, тем более что быстро впадающий в гнев Мелеагр и успокоился быстро, и лицо его выражало раскаянье.

232. Мать в Алфее тщетно борется с сестрой [138]

Алфее сначала сказали лишь, что ее сын победил, и зверь Калидонский повержен сыновьим копьем, и пика Мелеагра проткнула его свирепое сердце. Возрадовавшись, она тут же в храм понесла благодарные жертвы и вдруг увидала двух своих братьев убитых, которых в повозке везли. Горестно ударила в грудь себя калидонская царица и печальными воплями воздух в граде наполнила.

Когда Алфее рассказали кто убийца ее братьев, горестный плач вмиг прекратился и сменился вожделением мести. Любовь к братьям и сестрам у греков самая святая после любви к родителям. Другого супруга можно найти, так же как можно еще нарожать детей, но других братьев и сестер у взрослого человека уже не будет, так же как и родители могут быть только одни.

Придя домой, чтобы сменить золотое на скорбное платье, Алфея вспомнила, как она после родов лежала и ее посетила старая лишь обликом Мойра Лахесис, прорещавшая ее сыну Мелеагру прорицанье:

– Срок одинаковый тебе и полену, новорожденный, даю.

Тогда она головню полыхавшую тотчас вынула вон из огня и струей воды окатила из кувшина обильно. Много лет полено потом в потаенном месте лежало и сберегалось, словно

святыня, ведь оно сохраняло жизнь милого сына!

Вот драгоценное извлекла мать полено и служанкам велела лучинок и щепок в кучу пепла сложить; потом сама же в очаге раздула враждебное пламя. В ярко запыхавшее пламя древесный обрубок пыталась Алфея четырежды бросить, и бросить все не могла: в ней, как предвидела Мойра Лахесис, мать с сестрой ожесточенно боролись, – в разные стороны, врозь, влекут два имени сердце Алфеи. Щеки царицы бледнели не раз, ужасаясь такому злодейству, и очи ее краснели не раз, распаленным окрашенные гневом. И выражало лицо ее то будто угрозу, в которой страшное чудилось, то возбуждало как будто бы жалость. Только лишь слезы ее высыхали от гневного пыла, новые слезы тут же по щекам начинали струиться. Так судно, которое гонит ветер попутный, а тут же влечет супротивное ветру течение, чувствует две силы зарази, колеблясь, обеим покорно. Так вот и Фестия дочь, в нерешительных чувствах блуждая, то отлагает свой гнев на сына, то, едва отложив, опять воскрешает. Преобладать начинает сестра над матерью все же, – и чтобы кровью смягчить по крови родные ей тени, благочестиво творит нечестивое. Лишь разгорелся злосчастный огонь:

– Моя да истлеет утроба!

Так мать сквозь слезы воскликнула и дрожащей рукой опять роковое поднимет полено, но в последний момент опять остановилась в безнадежной тоске пред своей погребальной жертвой.

– О Эвмениды, тройные богини справедливых возмездий! Вы обратитесь лицом к заклинательным жертвам ужасным! Мщу и нечестье творю: искупить смерть только смертью должно! Неужели будет счастливец Ойней наслаждаться победой приемного сына? А Фестий несчастный будет мучиться и страдать? Нет, пусть лучше оба рыдают! Вы же, о тени моих двух родных братьев, помощь почуйте мою! Немалым деяньем сочтите жертву смертную, дар материнской утробы несчастный.

Алфея бросила в пламя полено и тут же выхватила так быстро, что загореться оно не успело.словно, спохватившись, она горестно опять завопила:

– Горе! Куда я безумно влекусь? Простите же матери, братья! Руки не в силах свершить задуманное. Да, ненавистен мне смерти братьев виновник, но любимого сына не могу сама погубить. Тогда что ж... кары так и не будет ему? Он, живой, победитель, надменный самым успехом своим, Калидонскую примет державу? Вам же, братья мои – пеплом лежать, вы – навеки холодные безгласные тени? Нет, этого я не стерплю: пусть погибнет виновник проклятый; с собою пусть упованья отца, и царство, и родину сгубит!

Опять Алфея бросает головню в пламя и опять мгновенно выхватывает. Мать сестре не сдается, и она восклицает:

– Матери ль чувствовать так? Родителей где же обеты? Десятимесячный труд материнский, – иль мною забыт он? О, если б в пламени том тогда же сгорел ты младенцем! Это

стерпела бы я!

Юная только обликом Мойра Атропа, а на самом деле самая из трех сестер Неизбежная, уже несколько раз брала ножницы, чтобы перерезать нить жизни Мелеагра в Полотне Судеб, и всякий раз из-за колебаний Алфеи откладывала их в сторону. Сестра Атропос Ткачиха Лакхесис знала, что Алфея должна сжечь древесный пенек, но опасалась, как всегда, вмешательства Тюхе, которое даже ее мать Необходимость никогда не могла предвидеть. Действительно богиня случая вмешалась, но на этот раз она помогла дочерям Ананке. Мелеагр шел мимо дома в обнимку с Аталантой, и Тюхе, ничего не замышляя, случайно направила их дому.

Когда Алфея увидела в окно как к дому приближался веселый Мелеагр, обнимавший единственную деву, участвовавшую в охоте, ненависть к сыну вспыхнула с удвоенной силой. Глядя на юную охотницу, она вспомнила о своей невестке Клеопатре, которую успела полюбить как дочь. Вспомнила и о многочисленных изменах Ойнея, и теперь сестра с помощью жены окончательно мать победила:

– В живых ты не останешься – моим попеченьем ныне умрешь по заслугам своим: поделом тебе и награда. Данную дважды тебе – рождением и той головней – Душу верни или дай мне с братскими тенями слиться. Жажду отмщения, в самой же нет сил. Что ж делать? То братские раны перед очами стоят, двойного убийства жестокого образ, то сокрушаюсь душой, материнскую мучась любовью. Горе мне! Побе-

да ужасна, но все ж побеждайте, о любимые братья! Лишь бы и мне, даровав утешение вам, потом самой удалиться в гостеприимные дома Аида, не задерживаясь здесь, следом за вами!

Сказав так, дрожащей рукой, отвернувшись, в самое пламя она головню роковую метнула. И застонало – иль ей показалось, что вдруг застонало, – и дерево роковое, и жадное пламя.

233. Смерть Мелеагра

Алфея, чтобы опять не выхватить ярко пылавшую головню из огня, как безумная выскочила из дома и понеслась навстречу сыну, страстно обнимавшему Аталанту. В прошедшую ночь он наконец-то остался вдвоем с прекрасной тегейской на желанном для обоих ложе любви. Муза застыла в ночной тьме и без ее слов в полном безмолвии руки и губы находили для ласки тела. И не было выше того наслаждения, что охватило влюбленных Мелеагра и Аталанту на едином одре! Он словно чувствовал приближающийся конец и только один раз нарушил молчание:

– Дорого время любви, прекрасная моя Аталанта, нельзя даром тратить ни дня. Надо радоваться жизни, пока мы живы и молоды.

Увидев растрепанную мать с горящими ненавистью глазами, Мелеагр нерешительно остановился. Должно быть, он вспомнил, что недавно убил двух ее братьев, которых она очень любила потому, что сморщился, как от боли. В глазах калидонского героя вдруг потемнело, и голова закружилась, земля из – под ног уходила. Не понимая, что с ним происходит, он оперся на плечи возлюбленной девы. Аталанта переводила тревожный взгляд с любимого, который словно споткнулся, на приближавшуюся царицу.

Когда Алфея подбежала к Мелеагру, тот стоял и через си-

ду улыбался, держась одной рукой за Аталанту, а другой рукой за свою грудь. Побледневшая Аталанта спрашивала, что с ним, но юноша лишь виновато улыбался, кривись от боли и, прижимая руку к груди, в которой все жгло, словно там тайное пламя горело. Это был непростой огонь. Мужеством он подавить нестерпимые пытался мученья. Сам же душою скорбел, что без крови, бесславною смертью умирает на руках у Аталанты любимой. Подобно гордым спартанцам, улыбаться пытался юный герой Калидона, выражая лучистыми глазами и кривой усмешкой презрение к смерти, но возрастали и пламя внутри, и нестерпимые телесные муки.

Мало-помалу зола убелила остывавшие угли и сгорела дошла головня из покорного Року Могучему кедра, и тогда пламя погасло у Мелеагра внутри. Мало-помалу его мужественная душа превратилась в прозрачный воздух легчайший, который Танатос чернокрылый быстро увлек в гостеприимный Аид, успев ловко отсечь мечом черным, огромным прядь рыхлых волос с головы непреклонной.

Лишь Алфея понимала, что с Мелеагром произошло. Мать не в силах смотреть на опустившегося наземь скорчившегося сына, без чувств упала рядом с ним. Мелеагр перестал дышать – пророчество непререкаемой Мойры свершилось. Не мог юный герой избежать своей гибели, если сама непреложная Мойра ему смерть предрекла.

Гордый простерт Калидон, и юноши плачут и старцы, стонут и знать, и народ. Пылью и пеплом сквернил седину и ли-

цо престарелый родитель Ойней. Он чувствовал сердцем родительским, что виноват в смерти сына, не принеся жертвы богине охоты на ежегодных жертвах богам.

Мать же своею рукой, лишь только до конца со знала со творенное жестокое дело, – казни себя предала, кинувшись грудью на меч.

Стали печальные сестры, о юной красоте своей позабыв, колотить девичьи груди и что есть сил голосить. И после похорон, скорбно обняв руками могильный камень, сестры продолжали надрывно стенать.

Калидонцы говорят, что сестер Мелеагра горестный крик не понравился очень торжествующей дочери Лето и, чтобы замолкли они, богиня охоты стала взращивать на теле их темно-серые перья в белых пятнышках и делать рот роговым, крючковатым клювом, простерев по рукам их округленные крылья. В птиц цесарок медленно стали превращаться они.

Однако в предусмотренные действия Артемиды вмешалась непреложная Мойра Лахесис, и в птиц превратились лишь две сестры Мелеагра Евримеда и Меланиппа. Говорят, что они до сих пор весной и летом одевают темно-серые перья в знак траура по Мелеагру.

Антонин Либерал в «Превращениях» говорит, что сестры непрерывно плакали над могилой Мелеагра, пока Артемида, прикоснувшись к ним жезлом, не превратила их в птиц и не поселила на острове Леросе, назвав их Мелеагридами.

Говорят, что они до сих пор весной и летом носят траур по Мелеагру. При этом две из дочерей Алфеи – Горга и Деянира не превратились в птиц по милости Диониса, который по непререкаемой воле Мойры Лахесис с настойчивой просьбой явился к Артемиде, и вечно юная девственница оказала ему такое расположение.

Горга вскоре должна была выйти замуж за Андремона и родить ему Фоанта, жениха Елены Прекрасной и одного из героев будущей Троянской войны.

Деянире же Мойрой Лахесис было предначертано покориться Геракловой силе и родить ему Гераклидов: Гилла, Глена и Макарию и, кроме того – она же была дочерью Диониса.

234. Борьба этолян и куретов [46]

Гомер же о Калидонской охоте и смерти Мелеагра рассказывает не так, как Овидий. О вещании Мойры и о роковом полене ничего он не говорит и в «Илиаде» поет, что из-за шкуры калидонского вепря возникла война между калидонцами и жителями соседнего города Плеврона. Мужички этоляне стояли за град Калидон, им любезный, мужички куреты пылали обитель их боем разрушить. Горе такое на них Артемида богиня воздвигла, в гневе своем, что Ойней с плодоносного сада начатков не принес ей; а бессмертных других усладил гекатомбой. Ей только, дочери Зевса великого, не было жертвы: или на ум не пришло, иль забыл он, но грех был великий. Стреловержица Феба мстителя – вепря подвигла на них, белозубого, лютого, огромного зверя. Страшный он вред наносил садам и полям Калидона и многих убил пастухов своими клыками.

Ойней вызвал со всех уголков Эллады много храбрых звероловов с сердитыми псами: его одолеть не смогли бы с малюю силой – таков был тот вепрь! На костер печальный многих послал он своими клыками. Зверя убил, наконец, Ойнеид Мелеагр неустрашимый никем.

Вечно юная богиня охоты вместе с богиней безумия Атой воспалила жестокую, шумную распрю, бой о клыкастой главе и о шкуре щетинистой вепря между сынами куретов и гор-

дых сердцами этолян. Худо было куретам пока Мелеагр за этолян, могучий, сражался, но в этой войне он убил одного из братьев Алфеи, и этим навлек на себя проклятие матери. Мать в безысходной тоске часто богов заклинала – отомстить за убитого брата. Часто кулаками она, исступленная, о землю била и, на коленях сидящая, грудь обливая слезами, с воплем молила Аида и страшную Персефонию смерть на сына послать; и носившаяся в сумраке Эриния, немилосердная, воплю вняла из беспросветного мрака Эреба.

Мелеагр, озлобленный сердцем на мать, предался гневу и праздный лежал у супруги своей, Клеопатры прекрасной, дочери молодой легконогой Марпессы и могучего Идаса, храбрейшего меж многих героев. Некогда он в борьбе за Марпессу на самого стрелоносного Феба, напряг дерзко свой лук.

Скоро у ворот калидонских стук и треск башен, громимых врагом, стал раздаваться. Мелеагра этольские старцы стали молить и послали жрецов, избранных богом, дар обещая великий, если выйдет герой и спасет их. Много его умолял конеборец Ойней престарелый; сам до порога поднявшись его почивальни высокой, в створы крепких дверей он стучал и просил убедительно сына. Много и сестры его, и почтенная мать умоляли. Пуще отказывал; много его и друзья убеждали, чтимые им и любимые более всех в Калидоне, но ничем у него не тронули сердца, доколе дом его от ударов кругом не потрясся: на башни сила куретов взошла и град зажигала великий.

И тогда-то уже Мелеагра жена молодая стала, рыдая, молить и исчислила все пред героем, что в завоеванном граде людей постигает несчастных: граждан в жилищах их режут, пламень весь град пожирает, в плен и детей, и красноопоясанных жен увлекают. Вот тогда духом герой взволновался, о страшных деяниях слыша. Выйти решился и пышноблестящим покрылся доспехом. Против мощного Мелеагра выйти воители-мужи не дерзали, когда на битву он устремился, и герой отразил погибельный день от этолян.

Гомер поет, будто бы самого Мелеагра погубила мстящая за убийства родственников Эриния Тисифона с сердцем немягким, внявшая проклятиям его матери Алфеи. Демоническая женщина с волосами на голове в виде змей и с окровавленной мордой осуществила свое исконное право карать муками смертного, нарушившего кровный закон, и забила Мелеагра до смерти отравленным бичом.

Другие говорят, что Аполлоновой дланью и губительными его стрелами герой калидонский был ниспровергнут в Аид. Мстительно – злопамятный Аполлон не простил Марпессе то, что она предпочла ему смертного Идаса, посмеявшего на прячь против него лук. Не любил лучезарный бог и дочь Марпессы от Идаса Клеопатру и мужа ее Ареева отпрыска Мелеагра. Поэтому, когда любимая сестра Артемиды попросила брата помочь наказать Мелеагра, убившего ее мстителя – вепря, он с удовольствием согласился, решив заодно куретам помочь в их борьбе с этолянами.

Павсаний тоже говорит: что касается смерти Мелеагра, то у Гомера сказано, будто Эриния услышала проклятия Алфеи и по этой причине погиб Мелеагр. Мелеагр пришел на помощь Куретам против этолийцев и был убит Аполлоном. Что же касается сказания о головне, которую будто бы Мойры, богини судьбы, дали Алфее, с предсказанием, что Мелеагру суждена смерть не раньше, чем в огне не сгорит эта головня, и что Алфея, охваченная гневом, сама сожгла эту головню, – это сказание впервые встречается в драме Фриниха, сына Полифрадмона, "Плевронии".

Так по воле Мойр непреложных покинул землю последний знаменитый герой, истреблявший чудовищ.

235. Потомки Мелеагра

Мелеагр был одним из самых малолетних знаменитых героев потому, что смерть его осенила совсем в молодые годы.

Некоторые говорят, что его законная супруга Клеопатра родила дочь Полидору, о которой известно лишь то, что она вышла замуж за царя филаков Протесилая.

Гигин говорит, что Парфенопей был сыном Мелеагра и Аталанты, дочери Иасия, с горы Парфения, аркадец.

Ватиканский мифограф рассказывает, что Аталанта, избегая всякого соития, стала спутницей Дианы в охоте. Мелеагр овладел ею силой, и она родила сына, которого назвала Парфенопеем, так как с помощью тугих поясов долго скрывала его зачатие под стройным видом девичества.

Аталанта подбросила младенца Перафенопея на гору Парфений одновременно с сыном Авги от Геракла Телефом, и там они были воспитаны пастухами. Парфенопей был очень красив. Вырос в Аргосе. Был спутником Телефа в поисках его матери Авги и вместе с ним прибыл в Мисию, где они в первой же битве победили постаревшего сына Афарея Идаса, воевавшего с Тефрантом, удочерившем Авгу.

Стаций в «Фиваиде» рассказывает об участии Парфенопея в состязаниях в беге на Немейских играх. Парфенопея Аркадца все кличут, и вспыхнувший шум по кругам переполненным бродит.

Трагики Эсхил и Еврипид, а также Стаций рассказывают, что Парфенопей был одним из Семерых героев, отправившихся в пагубный поход против Фив. Он стоял ворот Электры либо у Бореевых, либо у Неитских ворот.

Еврипид в «Финикянках» поет, как весь в локонах и так сердито смотрит, по виду юноша, почти дитя, а до чего красив! Аркадия была его отчизной, но в Аргосе конелюбивом он вырос, как метэк. Парфенопей был очень скромн: он аргосцам не докучал – зато и между них враждебных лиц не видел. Не хуже дрался он природного аргосца, тешась удачей аргосских граждан и скорбя за их урон. Его природная краса желанья у мужей рождала и любовные соблазны, но стоял на страже он, чтоб не поддаться лести. И потому за ним, как за начальником, всегда во всеоружии идет толпа густая. Некоторые фиванцы говорили, что в поношение им, к медному щиту Парфенопея, к преграде круглой перед грудью воина, блестящий сфинкс чеканный, людоед лихой, прибит гвоздями, а в когтях чудовища фиванец бьется... У самых стен фиванских, как бог красивый, исчадие Аталанты ворота был ломать готов, но камнем в него метнул Периклимен. Этот камень в повозке было не сvezти, и Переклимену его поднять сам Посейдон, отец его помог, и он же его направил. – И голова юнца под золотом кудрей разmozжена, мозг растекся, а щек его румянец заалел от хлынувшей из раны крови жаркой; и быстроногая царица стрел, увы, живого сына больше не увидит...

Некоторые говорят, что Зевс услышал, как Парфенопей копьём поклялся – а его копьё ему превышает бога и дороже глаз, – что Кадмов город против воли Зевсовой он разорит. Так доблестно погиб единственный сын Мелеагра, рождённый прекрасной охотницей Аталантой.

Список литературы

Античная литература

1. *Авл Геллий* Аттические ночи
2. *Алкей* Мелика
3. *Анонимные греческие авторы.* Гимны богам
4. *Антимах* Фиваида
5. *Антонин Либерал.* Метаморфозы.
6. *Аполлодор.* Мифологическая библиотека. (*Псевдо-Аполлодор*).
7. *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика.
8. *Аппиан* Римская история
9. *Апулей* О божестве Сократа
10. *Апулей.* Метаморфозы или Золотой осел.
11. *Арат* Явления
12. *Аристон Александрийский* Об источниках
13. *Аристотель* Метафизика
14. *Аристотель* О предсказаниях во сне
15. *Аристофан* Женщины на празднике Фесмофорий
16. *Аристофан* Лисистрата
17. *Аристофан* Лягушки
18. *Аристофан* Мир
19. *Аристофан* Облака

20. *Аристофан* Плутос
21. *Аристофан* Птицы
22. *Арриан* Индия
23. *Афинея* Пир мудрецов
24. *Вакхилид* Дифирамбы
25. *Вакхилид* Эпиники
26. *Валерий Барбий* Басни
27. *Валерий Максим* Достопамятные деяния и изречения
28. *Валерий Флакк* Аргонавтика
29. *Вергилий* Буколики
30. *Вергилий* Георгики
31. *Вергилий*. Энеида
32. *Гекатей Милетский* Генеалогии
33. *Гекатей Милетский* Объезд земли
34. *Гелланик Лесбосский* Фрагменты
35. *Гераклит – аллегорист*. Гомеровские вопросы
36. *Гераклит – аллегорист*. О невероятном
37. *Гераклит Эфесский* Фрагменты поэмы «О природе»
38. *Геродот*. История.
39. *Гесиод*. Перечень женщин.
40. *Гесиод*. Работы и дни.
41. *Гесиод*. Теогония.
42. *Гесиод*. Фрагменты (Сошествие Пирифоя, Меламподия и др.)
43. *Гесиод*. Щит Геракла.
44. *Гигин*. Астрономия.

45. *Гигин*. Мифы.
46. *Гомер*. Илиада
47. *Гомер*. Одиссея
48. Гомеровские гимны.
49. *Гораций* Наука поэзии
50. *Гораций* Оды
51. *Гораций* Послания
52. *Гораций* Юбилейный гимн
53. Греческая эпиграмма II–V веков
54. *Дарет Фригийский* Повесть о разрушении Трои.
55. *Диктис Критский* Эпитома (Дневник) Троянской войны

ны

56. *Диоген Лаэртский* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов
57. *Диодор Сицилийский* Историческая библиотека.
58. *Дион Хрисостом* Диоген, или о доблести
59. *Дион Хрисостом* Олимпийская речь, или Об изначальном сознании божества
60. *Дион Хрисостом* Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был
61. *Дион Хрисостом* Эвбейская речь или Охотник
62. *Дионисий Галикарнасский* Римские древности
63. *Драконций* Гил
64. *Драконций* Медея
65. *Драконций* Похищение Елены
66. *Драконций* Трагедия Ореста

67. *Еврипид* Алkestида
68. *Еврипид* Андромаха
69. *Еврипид* Вакханки
70. *Еврипид* Гекуба
71. *Еврипид* Геракл
72. *Еврипид* Гераклиды
73. *Еврипид* Елена
74. *Еврипид* Ион
75. *Еврипид* Ипполит
76. *Еврипид* Ифигения в Авлиде
77. *Еврипид* Ифигения в Тавриде
78. *Еврипид* Киклоп
79. *Еврипид* Медея
80. *Еврипид* Орест
81. *Еврипид* Троянки
82. *Еврипид* Умоляющие
83. *Еврипид* Фаэтон
84. *Еврипид* Финикиянки
85. *Еврипид* Электра
86. *Евсевий Кесарийский* Церковная история (Хроника)
87. *Исократ* Бусирис
88. *Исократ* Похвала Елене
89. *Каллимах* Гимны.
90. *Каллимах* Ямбы
91. *Каллимах* Айтии (Причины)
92. *Каллистрат* Описание статуй

93. *Квинт Смирнский* После Гомера

94. Киклические поэмы

95. *Клавдиан* Похищение Прозерпины

96. *Климент Александрийский* Протрептик (Увещевание

к язычникам)

97. *Климент Александрийский* Строматы

98. Книги Сивилл

99. *Колуф* Похищение Елены

100. *Конон* Повествования

101. *Корнут* Греческое богословие

102. *Ксенофонт Афинский* Воспоминания о Сократе

103. *Ксенофонт Афинский* Домострой

104. *Ксенофонт Афинский* Пир

105. *Лактанций* Божественные установления

106. Ликофрон. Александра

107. *Лукиан* Гермотим. Зевс уличаемый. Зевс трагиче-

ский

108. *Лукиан* О пляске

109. *Лукиан* Прометей

110. *Лукиан* Собрание богов

111. *Лукиан* Две любви

112. *Лукиан* Морские разговоры

113. *Лукиан* О доме

114. *Лукиан* О янтаре и лебедах

115. *Лукиан* Про Диониса

116. *Лукиан* Разговор с Гесиодом

117. *Лукиан* Разговоры в царстве мертвых

118. *Лукиан* Трагоподагра

119. *Лукиан* Харидем или о красоте

120. *Лукиан* Харон и наблюдатели

121. *Лукиан* Эпиграммы

122. *Лукиан*. Разговоры богов

123. *Лукреций* Из истории человеческого общества

124. *Лукреций* О природе вещей.

125. *Малала* Хронография. Книга V. О временах Троян-

ских

126. Материалисты Древней Греции. Собрание текстов

Гераклита и др.

127. *Менандр* Брюзга

128. *Мосх* Плач о Бионе

129. *Мосх* Похищение Европы

130. *Мусей*. Геро и Леандр

131. *Николай Дамасский* Собрание занимательных обы-

чаев

132. *Нонн Панополитанский*. Деяния Диониса

133. *Овидий* Героиды

134. *Овидий* Ибис

135. *Овидий* Лекарство от любви

136. *Овидий* Парные послания

137. *Овидий*. Лирика

138. *Овидий*. Метаморфозы.

139. *Овидий*. Фасты.

140. Орфика
141. Орфическая аргонавтика
142. Орфические гимны
143. *Павсаний*. Описание Эллады.
144. Палатинская антология (Латинская антология)
145. *Палефат* О невероятном
146. Памятники византийской литературы IX–XIV веков
147. Папирусис из Дервени
148. *Парменид* О природе
149. Паросский мрамор
150. *Парфений* О любовных страстях
151. *Пениасид* Гераклия
152. Первый Ватиканский Мифограф.
153. *Пиндар* Олимпийские песни (оды)
154. *Пиндар*. Истмийские песни (оды)
155. *Пиндар*. Немейские песни (оды)
156. *Пиндар*. Пифийские песни (оды)
157. *Платон* Диалоги (общее название диалогов между разными лицами)
158. *Платон* Законы и Послезаконие
159. *Платон* Критий
160. *Платон* Пир
161. *Платон* Протагор
162. *Платон* Тимей
163. *Платон*. Государство
164. *Плиний Старший*. Естественная история

165. *Плотин* Эннеады
166. *Плутарх* (Херонейский) Застольные беседы
167. *Плутарх* Греческие вопросы
168. *Плутарх* Изречения спартанских женщин
169. *Плутарх* Изречения спартанцев
170. *Плутарх* Изречения царей и полководцев
171. *Плутарх* Ликург и Нума
172. *Плутарх* Мнения философов
173. *Плутарх* О «Е» в Дельфах
174. *Плутарх* О демоне Сократа
175. *Плутарх* О доблести женской
176. *Плутарх* О Е в Дельфах
177. *Плутарх* О музыке
178. *Плутарх* О суеверии
179. *Плутарх* О том, что Пифия более не прорицает стихами
180. *Плутарх* О том, чьими именами названы реки и горы и что там родится
181. *Плутарх* Об Исиде
182. *Плутарх* Об удаче римлян
183. *Плутарх* Об Эроте
184. *Плутарх* Пирр
185. *Плутарх* Почему божество медлит с возданием
186. *Плутарх* Собрание параллельных греческих и римских историй
187. *Плутарх* Спартанские обычаи

188. *Плутарх* Сравнительные жизнеописания
189. *Плутарх* Тесей
190. *Плутарх* Хорошо ли изречение «Живи неприметно»?
191. *Полибий* Всеобщая история
192. *Порфирий* О пещере нимф
193. *Прокл* Гимны
194. *Прокл* О способе создания божественных мифов бо-
гословами
195. *Проперций* Элегии
196. *Расин* Федра
197. *Репосиан* Любовь Марса и Венеры
198. *Саллюстий* О богах и мире
199. *Сапфо* Стихи
200. *Секст Эмпирик* Против ученых
201. *Семонид* Доля смертных. О женщинах
202. *Сенека* Агамемнон
203. *Сенека* Геркулес в безумье
204. *Сенека* Геркулес на Эте
205. *Сенека* Медея
206. *Сенека* Троянки
207. *Сенека* Федра
208. *Сенека* Фиест
209. *Сенека* Эдип в Колоне
210. *Сервий* Комментарии к Вергилию
211. *Симонид* О нраве женщин

212. Состязание Гомера и Гесиода
213. *Софокл* Антигона
214. *Софокл* Аякс
215. *Софокл* Трахинянки
216. *Софокл* Филоктет
217. *Софокл* Фрагменты
218. *Софокл* Царь Эдип
219. *Софокл* Эдип в Колоне
220. *Софокл* Электра
221. *Стаций* Ахелиада
222. *Стаций* Фиваиада
223. *Стесихор* Герионеида, Елена...
224. *Страбон* География
225. *Татиан* Речь против эллинов
226. *Тацит* Анналы.
227. *Тацит* История
228. *Тертуллиан* Апологетик
229. *Тертуллиан* К язычникам
230. *Трифидор* Взятие Иллиона
231. *Феогнид* Стихотворения
232. *Феокрит* Идиллии
233. *Филострат Младший* Картины
- 234.** *Филострат Старший* Картины
- 235.** *Флегонт* Олимпиады
236. *Флегонт* Удивительные истории
237. *Фотий* Мириобіблион (Библиотека)

238. *Фотий* Птолемей Хенн. Новая история для многознающих
239. Фрагменты ранних греческих философов в издании А. В. Лебедева
240. *Фукидид* История
241. *Фульгенций*. Три книги мифологий
242. *Цец* События догомероского, гомеровского и послегомеровского времени
243. *Цицерон* О дивинации
244. *Цицерон*. О природе богов
245. *Эзон* Басни
246. *Элиан Клавдий* Пестрые рассказы
247. *Элий Аристид* Священные речи. Похвала Риму
248. Эллинские поэты. VIII–III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика.
249. *Эратосфен*. Превращения в звезды. (Катастеризмы)
250. *Эсхил* Семеро против Фив
251. *Эсхил* Агамемнон
252. *Эсхил* Плакальщицы
253. *Эсхил* Просительницы
254. *Эсхил* Эвмениды
255. *Эсхил*. Прометей прикованный
256. *Юстин* Эпитома

Современная литература

257. *Андреев Ю. В.* Минойский Дедал

258. *Андреев Ю. В.* Поэзия мифа и проза истории

259. *Боннар А.* Греческая цивилизация

260. *Бухарин М. Д.* Индийские походы Диониса и Геракла

в античной литературной традиции

261. *Гиро* Частная и общественная жизнь греков.

262. *Голосковер Я. Э.* Сказания о титанах

263. *Грейвс, Роберт.* Мифы древней Греции

264. *Дмитриев* Геракл в древнейшей Италии

265. *Евзлин М. С.* Смерть Геракла

266. *Ефремов И.* Таис Афинская

267. *Зелинский Ф. Ф.* Сказочная древность Эллады.

268. *Кащеев В. И.* Война и понятие справедливости у гре-

ков в эпоху эллинизма

269. *Клейн* Анатомия Илиады

270. *Кобылина М. М.* Об изображениях мойр в Северном

Причерноморье

271. *Колобов А. В., Гуцин В. Р., Братухин А. Ю.* Античная

мифология в историческом контексте

272. *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.)

273. *Кун Н. А.* «Мифы Древней Греции»

274. *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей

275. *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции.

276. *Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян

277. *Лосев А. Ф.* Античная литература.

278. *Лосев А. Ф.* Гомер

279. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний э-

линизм

280. *Любкер.* Реальный словарь классической древности.

281. *Мень Александр* История религии Т.4. Дионис, Логос, Судьба

282. Мифы народов мира. Энциклопедия. т. 1–2

283. *Мишулин А. В.* Миф об Антее у древних авторов

284. *Немировский А. А.* Троя после Троянской войны

285. *Немировский А. И.* Мифы древней Эллады.

286. *Отто Б.* Приносимый в жертву бог

287. *Павлова О. И.* Зевс и Амон в античной традиции

288. *Приходько Е. В.* Оракулы в греческой литературе

289. *Рено Тезей*

290. *Савостина Е. А.* Миф и культ героя

291. *Селиванова Л. Л.* Лебедь в культе Аполлона

292. *Селиванова Л. Л.* О дельфийской мантике

293. *Сергеева С. Н.* Мужское божество плодородия в элевсинском культе

294. *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье

295. *Соколов Г. И.* Акрополь в Афинах

296. *Тахо-Годи А. А.* Греческая мифология.

297. *Тютчев* Стихотворения

298. *Успенские В. и Л.* «Мифы Древней Греции»

299. *Уткина Л. М.* Изображение и мастер. К иконографии образа Артемиды в творчестве мастера Пана

300. *Федорова Е. В.* Имеет ли миф об Аргонавтах реальную основу?

301. *Финогенова С. И.* Миф о Дионисе (по вазовым рисункам VI–V вв. до н. э.)

302. *Шауб И. Ю.* Черты Дионисийского мифа в новелле Геродота о скифском царе Скиле

303. *Штоль Г. А.* Мифы классической древности

304. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т.1

305. *Эразм Роттердамский.* Похвала Глупости.